ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

Г. СТРУВЕ,
Доктора философіи Іенскаго и Московскаго Университетовъ,
орд. Профессора Императорскаго Варшавскаго Университета.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ И НАПРАВЛЕНІЙ

въ связи

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ ВЪ ФИЛОСОФІЮ

или

ФИЛОСОФІЯ ФИЛОСОФІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

РАЗБОРЪ

ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ

ФИЛОСОФІИ ВООБЩЕ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕНРИХА СТРУВЕ.

ВАРШАВА.
Типографія К. Ковалевскаго, Королевская N. 29.

1890.

1в

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *Н. Лавровскій.*

БИБЛІОТЕКА
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
1866
26

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со временъ появленія *Введенія въ науку философіи* Ѳ. Сидонскаго, изданнаго въ 1833 году, не было въ русской литературѣ новаго оригинальнаго сочиненія, посвященнаго всестороннему изученію основныхъ началъ философіи.

Въ новѣйшее время появилось, правда, довольно обильное количество интересныхъ монографій и разсужденій, подвергающихъ разбору вопросы: что такое философія? какія задачи ея въ сравненіи съ позитивнымъ направленіемъ современной науки? какое мѣсто занимаетъ она въ ряду наукъ, въ ихъ системѣ? вообще: наука ли она, или же только проявленіе субъективнаго творчества? и т. п. Я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ сочиненія: Соловьева [1]), Кавелина [2]), Архіепископа Никанора [3]), Козлова [4]), Лесевича [5]), Дебольскаго [6]), Милославскаго [7]), Грота [8]), Лопатина [9]), де Роберти [10]) и др.

---

[1]) В. Соловьевъ, *Кризисъ западной философіи.* 1874.— *Критика отвлеченныхъ началъ*, 1880.

[2]) К Кавелинъ, *Апріорная философія или положительная наука.* 1875.

[3]) Архіепископъ Никаноръ, *Позитивная философія и сверхчувственное бытіе.* 1875.

[4]) А. Козловъ, *Философскіе этюды* 1876.

[5]) В. Лесевичъ, *Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи.* 1877 *Письма о научной философіи.* 1878.

[6]) Н. Дебольскій, *Философія будущаго. Соображенія о ея началахъ, предметѣ, методѣ и системѣ.* 1882.

[7]) П. Милославскій, *Основанія философіи, какъ спеціальной науки.* 1883.

[8]) Н Гротъ, *Философія, какъ вѣтвь искусства.* 1880. *Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству.* 1883. *Къ вопросу о классификаціи наукъ.* 1884. *Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи.* 1886.

[9]) Л. Лопатинъ, *Положительныя задачи философіи.* 1886.

[10]) Де Роберти, *Прошедшее философіи.* 1886.

Но отдѣльныя изысканія этого рода, взятыя внѣ связи со всѣмъ остальнымъ разборомъ основныхъ началъ философіи, несмотря на свое научное и поучительное значеніе, не доводятъ однако еще до полнаго взгляда на философію, какъ на одно своеобразное цѣлое. Для достиженія такого взгляда не достаточно изучать болѣе или менѣе случайно отдѣльныя стороны философіи, но нужно разсмотрѣть всѣ ея существенныя начала въ особомъ систематическомъ и методическомъ изслѣдованіи, т. е. въ особой наукѣ.

Эта наука есть именно *Введеніе въ философію и энциклопедію философскихъ наукъ и направленій*, или собственно *философія философіи*, изложенію которой посвящается настоящее сочиненіе.

При ближайшемъ обзорѣ содержанія этой науки, оказывается, что она должна обнять собою слѣдующее:

во 1-хъ, разборъ основныхъ началъ философіи вообще, ея предмета и задачъ, ея характеристическихъ чертъ въ сравненіи съ другими явленіями умственной жизни, ея метода и пособій (*Введеніе въ философію*);

во 2-хъ, разсмотрѣніе научной организаціи философіи, истекающей изъ спеціализаціи ея задачъ, проблемъ (*Энциклопедія философскихъ наукъ*); и, наконецъ,

въ 3-хъ, обозрѣніе и сравнительную оцѣнку разнородныхъ типическихъ попытокъ рѣшенія философскихъ задачъ, т. е. такъ называемыхъ направленій или школъ (*Энциклопедія философскихъ направленій*).

Настоящая книга заключаетъ въ себѣ первую часть, т. е. *Введеніе въ философію*.

О значеніи и необходимости такой особой науки объ основныхъ началахъ философіи говорится довольно подробно въ самомъ сочиненіи. Къ сказанному ниже, я добавлю здѣсь только нѣсколько замѣчаній, долженствующихъ оправдать появленіе именно теперь настоящаго труда.

По моему глубокому убѣжденію, хаосъ, господствующій въ настоящее время на поприщѣ философскихъ воззрѣній, отсутствіе твердыхъ основъ для раціональной кооперації ученыхъ на этомъ

поприщѣ, безплодные споры изъ-за преимуществъ или исключительной научности того или другого направленія, произвольное смѣшеніе личныхъ, или господствующихъ въ той или другой средѣ взглядовъ, съ научностью и истиною вообще,— всѣ эти и многіе другіе недостатки современнаго философствованія могутъ быть постепенно устранены только при добросовѣстномъ изученіи началъ философіи вообще, на основаніи историко-критическаго разбора настоящаго характера философіи, ея задачъ и появившихся до сихъ поръ попытокъ ихъ разрѣшенія.

Пока, вопреки этому требованію, труженики философіи не займутся серіозно критическимъ разъясненіемъ основъ своей науки и появившихся въ ней разнообразныхъ направленій; пока молодые умы, посвящающіе себя изученію философіи, не дойдутъ прежде всего до яснаго взгляда на ея задачи, цѣли и пособія, и станутъ впредь подчиняться въ этомъ отношеніи случайнымъ вліяніямъ, безъ сознанія необходимости всесторонняго и методическаго, т. е. строго научнаго и критическаго изученія основныхъ началъ философіи, какъ философіи, — до тѣхъ поръ нѣтъ надежды, чтобы хаосъ въ современныхъ философскихъ стремленіяхъ разъяснился надлежащимъ образомъ; чтобы молодое поколѣніе дошло до большей послѣдовательности и внутренней полноты своего міровоззрѣнія, чѣмъ его предшественники.

Если, по справедливому убѣжденію большинства современныхъ серіозныхъ мыслителей, истинный прогрессъ на поприщѣ теоріи познанія и научной методологіи мыслимъ только при возвращеніи къ Канту, къ анализу познавательныхъ способностей ума,—то вожделѣнное развитіе философіи вообще возможно въ будущемъ только на основаніи предварительнаго историко-критическаго изученія ея общихъ началъ. Отъ ихъ разъясненія зависитъ ясное пониманіе какъ задачъ теоріи познанія, такъ и вообще духъ и направленіе всего философствованія. Само по себѣ признаніе или отрицаніе необходимости сказаннаго возвращенія къ критической работѣ Канта зависитъ уже отъ извѣстнаго взгляда на основныя начала, на предметъ и задачи, методъ и пособія философіи. Вслѣдствіе этого нельзя начинать философствованія непосредственно изслѣдованіями по теоріи познанія, какъ ду-

мають многіе. Согласіе между мыслителями и на этомъ поприщѣ осуществимо только при помощи предварительнаго разсмотрѣнія общихъ началъ философіи, на основаніи совмѣстнаго стремленія къ единству взгляда на задачи философіи вообще.

Такимъ образомъ, наука, о которой мы говоримъ, должна составлять исходную точку для всякаго вообще философствованія, для всякаго разрѣшенія спеціальныхъ задачъ философіи. Направленіе всего дальнѣйшаго философствованія, руководящія начала его,—слѣдовательно и характеръ его окончательныхъ выводовъ — все это тѣснѣйшимъ образомъ связано съ изученіемъ общихъ основъ философіи, какъ философіи.

И въ западно-европейской философской литературѣ разработка *энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій*, вмѣстѣ съ *введеніемъ въ философію*, принадлежитъ въ послѣднее время къ довольно рѣдкимъ явленіямъ. Послѣ *Энциклопедіи философскихъ наукъ* Гегеля съ 1817 года [1]), *Введенія въ философію* Гербарта и его же *Краткой энциклопедіи философіи съ практической точки зрѣнія* съ 1813 и 1831 г. г. [2]), равно какъ *Курса позитивной философіи* Огюста Конта съ 1842 года [3]), посвященнаго изученію въ сущности того же предмета, хотя съ совершенно противоположной точки зрѣнія, мы, при обозрѣніи литературы философіи, можемъ указать лишь на небольшое число позднѣйшихъ сочиненій, заслуживающихъ серіознаго вниманія, какъ исходная точка для новой разработки нашей науки. Умалчивая здѣсь о многочисленныхъ, такъ называемыхъ *пропедевтикахъ* философіи, которыя послѣ краткаго *введенія въ философію* посвящены обыкновенно элементарному изложенію логики и психологіи,—самостоятельное научное значеніе по нашему предмету въ философской литературѣ послѣднихъ тридцати

---

[1]) Hegel, *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*, 1817. Въ VI и VII томахъ сочиненій Гегеля съ 1833.

[2]) Herbart, *Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie.* 1813. Новое изданіе 1883. *Kurze Encyklopädie der Philosophie aus praktischen Gesichtspunkten entworfen.* 1831. Новое изд. 1884. Сочиненія Гербарта, изд. Гартенштейна Т. I и II.

[3]) Auguste Comte, *Cours de philosophie positive*, 6 томовъ 1830 — 1842, 4-ое изданіе 1877.

лѣтъ имѣютъ въ сущности только Герберта Спенсера *Основныя начала* [1]), Риттера *Энциклопедія философскихъ наукъ* [2]), Дюринга *Курсъ философіи* [3]), Флюгеля *Проблемы философіи* [4]), Струмпеля *Введеніе въ философію* [5]), и, наконецъ, Поля Жане *Исторія философіи*, разработанная на основаніи энциклопедическаго обозрѣнія философскихъ проблемъ и школъ [6]).

Несмотря на разныя философскія направленія, лежащія въ основаніи упомянутыхъ сочиненій, всѣ они оживлены однимъ общимъ стремленіемъ разъяснить основныя начала философіи, опредѣлить ея предметъ и задачи, ея методъ и пособія, и вообще дойти до положительнаго взгляда на философію.

Тѣмъ не менѣе, одни заглавія этихъ сочиненій уже показываютъ, что, несмотря на такое стремленіе, названные авторы останавливались по большей части на одной только изъ сторонъ философіи, безъ надлежащаго вниманія къ другимъ, между тѣмъ какъ только онѣ въ совокупности могутъ дать полное понятіе о философіи.

Спенсеръ, несмотря на весь свой эволюціонизмъ, при изслѣдованіи основъ философіи не придалъ настоящей цѣны историческому началу, обнаруживающемуся въ постепенномъ развитіи ума человѣческаго, но примѣнялъ къ разбору философіи готовыя уже методологическія доктрины о „научномъ“ познаніи вещей, въ духѣ догматическаго эмпиризма, и видоизмѣнялъ историческій и фактическій характеръ философіи, съуживая, болѣе или менѣе произвольно, ея понятіе, согласно съ требованіями этой предвзятой методологіи, признающей истинное значеніе, въ сущности, только за изслѣдованіями „спеціальныхъ“ наукъ.

---

[1]) Herbert Spencer, *First principles* 1862. 4-ое изд. 1880.

[2]) Heinrich Ritter, *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften.* 3 тома. 1862—1864.

[3]) E. Dühring, *Cursus der Philosophie als strengwissenschaftlicher Weltanschauung u. Lebensgestaltung.* 1875.

[4]) Flügel, *Die probleme der Philosophie u. ihre Lösungen.* 1876. 2-ое изд. 1888.

[5]) L. Strümpell, *Die Einleitung in die Philosophie vom Standpunkte der Geschichte der Philosophie.* 1886.

[6]) Paul Janet *et* Gabriel Séailles, *Histoire de la philosophie. Les problèmes et les écoles.* 1887.

Флюгель же и Стрюмпель, имѣя въ виду въ духѣ Гербарта, болѣе правильную постановку философскихъ проблемъ, чѣмъ ихъ удовлетворительное рѣшеніе [1]) обратили главное вниманіе на классификацію проблемъ и ихъ историческое разъясненіе. За то съ другой стороны, или вовсе не касались вопросовъ объ основныхъ началахъ философіи вообще, о ея предметѣ и отношеніи къ другимъ явленіямъ умственной жизни, о ея методѣ и пособіяхъ и т. п. (Флюгель), или касались этихъ вопросовъ, такъ сказать, только мимоходомъ, какъ необходимаго введенія къ приведенному главному предмету изслѣдованія (Стрюмпель).

Такое же преобладаніе историческаго матеріала надъ теоретическимъ изученіемъ предмета обнаруживается и въ сочиненіи Жанэ, у котораго исторія сводится уже только къ поучительнымъ рефератамъ по разнымъ философскимъ вопросамъ. Рефераты эти снабжаются иногда очень мѣткими замѣчаніями и выводами, но о систематическомъ изученіи основныхъ началъ самой философіи, какъ своеобразнаго явленія умственной жизни, и у Жанэ, собственно, нѣтъ рѣчи.

Самую обширную и полную разработку нашей науки, въ разсматриваемый нами періодъ времени, представляютъ сочиненія Риттера и Дюринга.

Риттеръ возвращается отчасти къ Гегелю, не по своимъ общимъ философскимъ убѣжденіямъ, но по методу разработки энциклопедіи философскихъ наукъ. Энциклопедія философскихъ наукъ служитъ для него, какъ и для Гегеля, только схемою, программою для систематическаго изложенія своихъ собственныхъ взглядовъ на основные вопросы философіи. Она, вслѣдствіе этого, перестаетъ быть лишь одною изъ философскихъ наукъ, наукою основною, вступительною, разсматривающею только предметъ и организацію философіи, — а становится, въ сущности, законченною „системою“ философіи, обнимающею собою спеціальное и, по возможности, полное изученіе всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ философіи. Главный же недостатокъ такого гегелевскаго смѣше-

[1]) По Гербарту философія есть только „Bearbeitung der Begriffe (разработка понятій)“—слѣдовательно, по преимуществу формальная наука.

нія „энциклопедіи“ философскихъ наукъ съ „системою“ философіи заключается въ томъ, что оно останавливаетъ вниманіе авторовъ преимущественно на изложеніе ихъ личныхъ взглядовъ, ихъ „міровоззрѣнія,“ — и удаляетъ ихъ отъ безпристрастнаго разбора самой философіи, ея предмета, метода, отношенія къ другимъ явленіямъ умственной жизни и тому подобныхъ вопросовъ, составляющихъ настоящій предметъ основной философской науки, независимо отъ терминологіи, употребляемой для ея обозначенія. Поэтому именно „Энциклопедіи“ Гегеля и Риттера, несмотря на свою обширность, не заключаютъ въ себѣ достаточно обстоятельнаго и критическаго изученія основныхъ началъ философіи. Субъективизмъ авторовъ подавилъ здѣсь объективное, предметное разсмотрѣніе какъ историческихъ данныхъ философіи вообще, такъ и жизненныхъ условій ея существованія и развитія.

Этотъ упрекъ въ субъективизмѣ, въ смѣшеніи предметнаго изученія философіи и ея частей съ изложеніемъ личной философской „системы“ слѣдуетъ отчасти отнести и къ сочиненію Дюринга. И онъ, собственно говоря, не изучаетъ самой философіи, но представляетъ только свои философскія „воззрѣнія,“ свои ученія о мірѣ и жизни. Но тѣмъ не менѣе *Курсъ философіи* Дюринга гораздо болѣе, чѣмъ *Энциклопедія* Риттера, направленъ къ разъясненію основныхъ началъ философіи, къ образованію точнаго понятія о самой философіи, о ея предметѣ и задачахъ, о ея цѣли, стремленіяхъ и методѣ. Притомъ жизненное пониманіе философіи, характеризующее Дюринга, придаетъ его взглядамъ особое значеніе и пополняетъ во многихъ отношеніяхъ односторонніе взгляды на философію другихъ поименованныхъ выше теоретиковъ и историковъ философіи.

Сравнивая содержаніе приведенныхъ важнѣйшихъ сочиненій новаго времени, посвященныхъ нашей наукѣ, съ ея дѣйствительнымъ предметомъ изслѣдованія, мы приходимъ къ заключенію, что ни одно изъ нихъ не представляетъ полнаго типа *философіи философіи* въ смыслѣ особой философской науки, изучающей основныя начала философіи. Въ однихъ изъ этихъ сочиненій преобладаетъ спеціально разработанный вопросъ о методѣ философіи

и ея отношеніи къ другимъ наукамъ, но оставляются безъ вниманія всѣ остальные вопросы, касающіеся критическихъ началъ философіи (Контъ, Спенсеръ); въ другихъ, вопросы эти уступили мѣсто энциклопедическому обозрѣнію содержанія отдѣльныхъ философскихъ наукъ (Гегель, Риттеръ, Дюрингъ); наконецъ, послѣдняя группа обнимаетъ собою такія сочиненія, въ которыхъ обозрѣніе философскихъ школъ и направленій ограничило до крайности изученіе сущности самой философіи и ея общей организаціи (Гербартъ, Флюгель, Стрюмпель, Жанэ).

Въ виду вышесказаннаго, не трудно притти къ заключенію, что полное, систематическое понятіе о нашей наукѣ требуетъ равномѣрной разработки всѣхъ приведенныхъ сторонъ ея, ибо только такая разработка способна разъяснить надлежащимъ образомъ истинныя начала философіи и указать на условія ея успѣшнаго развитія въ будущемъ.

Въ настоящемъ трудѣ своемъ, я стремился, по возможности, къ осуществленію такого синтетическаго пониманія основной науки философіи; причемъ, въ соотвѣтственныхъ частяхъ этого сочиненія, я, естественно, пользовался указаніями приведенныхъ мыслителей и вообще научною традиціею прошедшаго. Поэтому я далекъ отъ мысли считать себя основателемъ новой философской науки, или реформаторомъ какой либо изъ существующихъ уже философскихъ наукъ. Я буду считать свою цѣль достигнутой, если предлагаемый мною опытъ систематизаціи раздробленныхъ до сихъ поръ предметовъ ученія о философіи признанъ будетъ достаточно обоснованнымъ съ теоретической точки зрѣнія и удобнымъ съ практической, — и если онъ обратитъ болѣе тщательное вниманіе мыслителей на необходимость всесторонняго изученія основныхъ началъ философіи, какъ научнаго фундамента для успѣшнаго разрѣшенія болѣе спеціальныхъ задачъ ея.

Въ изложеніи указаннаго предмета, я не руководился ни предвзятыми взглядами на „позитивную научность,“ осуждающими обыкновенно все прошедшее философіи съ точки зрѣнія господствующихъ доктринъ настоящаго, безъ надлежащей критики; ни стремленіемъ къ удобному изложенію моихъ личныхъ убѣжденій по самымъ разнообразнымъ философскимъ вопросамъ; ни, нако-

нецъ, историческимъ объективизмомъ, замѣняющимъ самостоятельное изученіе философіи интересными рефератами изъ ея исторіи. И здѣсь синтетическій пріемъ представлялся мнѣ самымъ вѣрнымъ. Синтетизмъ, однако, я и въ этомъ случаѣ не сводилъ къ эклектическому выбору и случайному сопоставленію разнородныхъ взглядовъ, но стремился, напротивъ, по возможности, всесторонне уразумѣть теоретическія задачи и практическія цѣли философскаго ученія о философіи и примѣнить къ нему соотвѣтственный методъ изложенія.

Въ этихъ видахъ, я признавалъ современное фактическое состояніе философіи и вообще ея жизненныя проявленія въ настоящемъ, исходною точкою всякаго самостоятельнаго изученія ея началъ. При изученіи же послѣдняго предмета я пользовался литературнымъ матеріаломъ, какъ необходимымъ пособіемъ, и стремился разъяснить каждый вопросъ при помощи этого матеріала. Такимъ образомъ, смѣю думать, что предлагаемые взгляды представляются результатомъ историческаго развитія всей вообще философіи. Тѣмъ не менѣе, содержаніе этихъ взглядовъ признавалось мною истиннымъ не только вслѣдствіе такого историческаго генезиса, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на основаніи теоретическаго уразумѣнія предмета и изученія современнаго состоянія научныхъ изслѣдованій вообще.

Не мнѣ судить, насколько мнѣ удалось на дѣлѣ органически сочетать приведенныя начала,—фактическое, историческое и теоретическое, и придать вслѣдствіе этого моему изложенію соотвѣтственную методологическую полноту. Но каковъ бы ни былъ результатъ критики, я останусь въ убѣжденіи, что философскіе вопросы могутъ быть надлежащимъ образомъ разъяснены и рѣшены только при содѣйствіи приведенныхъ методологическихъ пріемовъ. Ни гегелевское безусловное довѣріе къ самостоятельности ума, истекающее изъ незнанія фактическихъ данныхъ науки; ни контовская вѣра въ непогрѣшимость спеціальныхъ наукъ, тѣсно связанная съ пренебреженіемъ къ критическимъ задачамъ философіи и ко всему ея прошедшему, не способны удовлетворить настоящихъ требованій научной философіи. Исторія и здѣсь, какъ вездѣ, является наставницей, которой безнаказанно пренебрегать

нельзя. Указанія ея равно необходимы, какъ и фактическія данныя спеціальныхъ наукъ для соотвѣтственнаго разрѣшенія трудныхъ, многосложныхъ задачъ философіи. На это слѣдовало непремѣнно обратить вниманіе и при разъясненіи основныхъ началъ самой же философіи.

При распредѣленіи богатаго матеріала нашей науки, я придерживался преимущественно принциповъ наглядности и удобства для читателя. Съ этою цѣлью каждый параграфъ распадается на три части, изъ которыхъ первая въ главномъ *текстъ* заключаетъ въ себѣ по возможности сжатое изложеніе существеннаго содержанія разсматриваемаго предмета; вторая—въ видѣ *примѣчаній*, развиваетъ это содержаніе подробно съ исторической и критической точки зрѣнія; наконецъ, третья обнимаетъ собою *литературу* предмета, указывающую на необходимыя научныя пособія для его всесторонняго историческаго и теоретическаго изученія. Многочисленныя выписки изъ приведенныхъ сочиненій имѣютъ цѣлью характеризовать ихъ содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ пополнить предложенные въ текстѣ взгляды.

Благодаря этому распредѣленію научнаго матеріала, желающій только вкратцѣ ознакомиться съ предметомъ, можетъ читать параграфы безъ примѣчаній; имѣющій въ виду вникнуть глубже въ предметъ, естественно, остановитъ свое вниманіе преимущественно на примѣчаніяхъ; для спеціальныхъ же студій окажутся необходимыми и указанія, помѣщенныя въ литературѣ примѣчаній.

Однако и при самомъ тщательномъ изученіи этого сочиненія, я прошу читателя не забывать того, что настоящій трудъ стремится разрѣшить окончательно только вопросы, касающіеся философіи, какъ философіи. Если же притомъ, для надлежащаго разъясненія предмета, оказалось необходимымъ затрогивать и много другихъ, болѣе спеціальныхъ вопросовъ, разсмотрѣніе которыхъ не доведено здѣсь до окончательныхъ заключеній, то это истекаетъ изъ самаго существа дѣла, ибо, какъ уже сказано выше, наша задача состояла не въ представленіи какого либо опредѣленнаго міровоззрѣнія, но въ разборѣ основныхъ началъ и условій всякаго вообще міровоззрѣнія, желающаго удовлетворить критическимъ требованіямъ философіи. Открывая притомъ передъ

взоромъ читателя, по мѣрѣ возможности и надобности, болѣе отдаленныя философскія перспективы, мы имѣли въ виду указать конкретно на важность изслѣдованій этого рода и возбудить интересъ читателя къ дальнѣйшимъ, болѣе спеціальнымъ студіямъ по указанному направленію. Съ этой точки зрѣнія настоящее сочиненіе имѣетъ главною цѣлью служить, по возможности, удобнымъ подготовительнымъ пособіемъ для всѣхъ, кто имѣетъ въ виду собственнымъ умственнымъ трудомъ добиться самостоятельнаго воззрѣнія на міръ и жизнь.

Въ заключеніе, я считаю пріятнымъ долгомъ выказать свою искреннюю благодарность Канд. фил. О. Л. Гади за оказанное мнѣ неоднократно любезное содѣйствіе въ настоящемъ трудѣ.

Варшава,
въ Апрѣлѣ, 1890.

Г. Струве.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Большія и малыя цифры съ параграфами, помѣщенныя въ скобкахъ, напр. § 2, 3, 5, 2 и т. п., обозначаютъ всегда ссылку на параграфы и примѣчанія настоящаго сочиненія. Если за этими цифрами слѣдуютъ буквы *Лит.*, то этимъ указывается на *литературу*, помѣщенную при соотвѣтственномъ примѣчаніи. Слово *Логика* съ параграфомъ означаетъ ссылку на *Элементарную логику Г. Струве*, изданіе 7-ое 1888

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

стр.	*строка*		
7	7 сверху	Элементы Hagemann'a, 5-ое изд. 1889.	
10	18 снизу	Лексиконъ Гоголкаго, IV-тый томъ 1873.	
10	22 „	Словарь Kirchner'a, 2-ое умнож. изд. 1890.	
		вмѣсто.	*слѣдуетъ читать:*
38	11 сверху	раціо къ нальнымъ	къ раціональнымъ
61	6 „	Т. III	Т. I.
75	24 „	1875	1879
108	1 „	§ 11	§ 12
108	19 снизу	§ 11, 2	§ 12, 1
115	23 „	метафизикою	метафизикѣ
141	23 „	антъ	Кантъ
143	5 сверху	1873	1883
229	12 „	разные, вопросы	разные вопросы
247	4 снизу	уваженіемъ возвышенности	уваженіемъ къ возвышенности
259	9 сверху	классическій	классическихъ
264	13 снизу	εός	θεός
265	5 сверху	надъ суетами	суетъ
267	6 „	изъ	и по
270	10 „	греческіе мудрецы	греческихъ мудрецовъ
345	8 снизу	распложеніе	расположеніе

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДІЮ ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ И НАПРАВЛЕНІЙ.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ЭНЦИКЛОПЕДІЮ ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ И НАПРАВЛЕНІЙ.

I. Опредѣленіе и значеніе энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

§ 1.

Предметъ энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

§ 1. Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій, или короче энциклопедія философіи, имѣетъ своимъ предметомъ изученіе основныхъ началъ философіи, разборъ ея существенныхъ задачъ и разсмотрѣніе попытокъ къ разрѣшенію этихъ задачъ.

Изученіе основныхъ началъ философіи ведетъ къ разбору философіи вообще; существенныя же задачи философіи обнаруживаются въ обозрѣніи содержанія разныхъ философскихъ наукъ; наконецъ, попытки къ разрѣшенію этихъ задачъ представляются въ разныхъ направленіяхъ философской мысли. Такимъ образомъ, энциклопедія философіи даетъ ясное понятіе какъ о философіи вообще, такъ о содержаніи и задачахъ отдѣльныхъ философскихъ наукъ и о философскихъ стремленіяхъ къ разрѣшенію этихъ задачъ.

§ 1, 1. **Примѣчаніе 1-ое. Названіе энциклопедіи.** Названіе энциклопедіи происходитъ отъ греческихъ словъ ἐν κύκλῳ παιδεία или ἐγκύκλιος παιδεία и обозначаетъ буквально кругообразное обученіе, т. е. обученіе, обнимающее собою весь кругъ данной науки, все ея содержаніе (orbis doctrinae). Древніе греки и римляне понимали подъ этимъ названіемъ всѣ науки, съ которыми, по ихъ взглядамъ, долженъ ознакомиться каждый образованный человѣкъ. Къ этимъ наукамъ они причисляли: грамматику, діалектику (логику), риторику, ариѳметику, геометрію, музыку и астрономію. Всѣ эти науки вмѣстѣ составляли такъ называемыя *artes liberales*, т. е. науки и искусства, которыми занимались свободные люди, въ отличіе отъ *artes illiberales*, къ которымъ причислялись занятія невольниковъ, ремесла и т. п.

Первыя три изъ приведенныхъ наукъ составляли въ средніе вѣка, подъ названіемъ *trivium*, предметы обученія въ элементарныхъ, или такъ называемыхъ *тривіальныхъ* школахъ, между тѣмъ послѣднія четыре, какъ *quadrivium*, преподавались въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Литература. К v. Raumer, *Geschichte der Padagogik.* 1843. Т. I, стр. 4 и слѣд. Т. II, стр. 80.—Fr. Paulsen, *Geschichte des gelehrten Unterrichts.* 1885, стр. 17 и слѣд.

§ 1, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Общая энциклопедія человѣческаго знанія.** Уже древніе ученые принимались за энциклопедическое изложеніе наукъ, такъ напр. Спейзиппъ, ученикъ и племянникъ Платона, Варронъ, римскій риторъ, другъ Цицерона (ум. 27 г. до Р. Х.), Плиній Старшій (ум. 79 г. послѣ Р. Х.) и др. Въ средніе вѣка особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи попытка Викентія изъ Бовэ, ученаго монаха XIII вѣка, наставника сыновей Людовика IX, короля французскаго. Его *Зеркало міра* обнимаетъ собою всѣ современныя знанія, представленныя однако безъ надлежащаго критическаго разбора. Въ болѣе систематическомъ видѣ изложилъ Альстедъ въ началѣ XVII вѣка въ обширномъ сочиненіи энциклопедію наукъ. Знаменитый же педагогъ того вѣка Коменскій стремился представить съ педагогической точки зрѣнія главные моменты постепеннаго развитія ума (intellectus scala) и соотвѣтственные имъ моменты развитія, или собственно сотворенія міра, въ одномъ общемъ обозрѣніи человѣческаго *всевѣдѣнія*, *пансофіи* (отъ πᾶν=все, и σοφία=мудрость, знаніе).

Настоящее основаніе научному и критическому обозрѣнію всего человѣческаго знанія положили: въ Англіи—знаменитый

философъ Францъ Бэконъ, въ своихъ сочиненіяхъ: *Новый органонъ наукъ*, 1620. и *О значеніи и прогрессѣ наукъ*. 1623; во Франціи: авторы общеизвѣстной всеобщей Энциклопедіи, изданной въ Парижѣ Дидро и Даламберомъ (съ 1751 по 1772 г.); въ Германіи, наконецъ, ученые: Зульцеръ, въ сочиненіи *Очеркъ всѣхъ наукъ*. 1756; Эшенбургъ въ своемъ *Учебникѣ наукознанія*. 1792; Яковъ въ *Энциклопедіи всѣхъ наукъ и искусствъ*. 1800. § 1, 2.

Труды эти послужили исходною точкою новѣйшихъ обозрѣній человѣческаго знанія, въ особенности-же классификаціи наукъ, о которой будетъ рѣчь ниже (§ 6, 1). Здѣсь добавимъ только, что и въ новѣйшее время нѣкоторые ученые представляли свои взгляды на науку вообще, ея задачи, назначеніе и организацію. Такъ напр. Фуку въ сочиненіи: *Предварительныя начала философіи* (1879) представилъ устройство (constitution) человѣческаго ума и науки, съ цѣлью разъяснить вопросы о ея методѣ и разнородныхъ проявленіяхъ въ отдѣльныхъ наукахъ и о ея общемъ развитіи. Далѣе, чешскій ученый Масарикъ стремился изложить *классификацію и организацію всѣхъ наукъ* въ особой наукѣ, называемой имъ *конкретною логикою* (1887). Въ русской литературѣ представляетъ подобную попытку общей методологіи и организаціи наукъ В. Розановъ въ сочиненіи: *О пониманіи* (1886).

Литература. Сочиненіе этого рода, приписываемое Спейзиппу (Σπεύσιππος), не дошло до насъ.

Marcus Terentius Varro, *Antiquitates rerum humanarum et divinarum*, въ 41 книгѣ, и его же: *Disciplinarum libri IX.* Сочиненія эти дошли до насъ только въ отрывкахъ. См. его *Opera omnia quae extant.* Amstel. 1623, гдѣ подъ заглавіемъ *Fragmenta* помѣщены на стр. 18 и слѣд. отрывки изъ помянутыхъ сочиненій.

Plinius, major, *Naturalis historiae libri* XXXVII. *Ed. Detlefsen*, Berol. 1866 по 1882 гг. Изданіе это состоитъ изъ шести томовъ, обнимающихъ собою свѣдѣнія изъ космологіи, астрономіи, физики, антропологіи, зоологіи, ботаники, минералогіи, медицины, а также свѣдѣнія касательно живописи, скульптуры и пр.

Приведенныя сочиненія Варрона и Плинія были главными источниками энциклопедическихъ знаній какъ для древнихъ, такъ и для среднев'ковыхъ ученыхъ до новаго времени.

Vincentius Bellovacensis, *Speculum mundi.* Сочиненіе это составлено около 1250 г. Первое изд. въ десяти томахъ издано въ Страсбургѣ 1473 г., послѣднее въ четырехъ томахъ въ Дуэ 1624 г. подъ заглавіемъ, указывающимъ вполнѣ достаточно на его содержаніе: *Speculum quadruplex, naturale doctrinale, morale, historiale, in quo totius naturae historia, omnium scientiarum encyclopaedia, moralis philosophiae thesaurus, temporum et actionum humanarum theatrum amplissimum exhibitur.*

§ 1, 2. Joh. Henr. Alstedius, *Scientiarum omnium encyclopaedia.* 1630 и 1649. Въ четырехъ большихъ томахъ. Въ началѣ I-го тома предложено слѣдующее опредѣленіе: *Encyclopaedia est methodica comprehensio rerum omnium in hac vita homini discendarum.* Потомъ на соотвѣтственныхъ таблицахъ представлена *Sciagraphia encyclopaediae universae.* Науки раздѣляются на *liberales* et *illiberales*, къ первымъ причисляются *philologia, philosophia, theologia, jurisprudentia, medicina.*

J. A. Comenius, *Prodromus pansophiae.* 1639 *Pansophiae diatyposis.* 1645. См. его *Opera didactica omnia* 1657. Т. I-й. Пансофія Коменскаго состоитъ изъ семи частей· 1) метафизика, 2) ученіе объ идеяхъ (idealia), 3) естествознаніе (naturalia), 4) ученіе о человѣческихъ произведеніяхъ (artificialia), 5) ученіе о спасеніи человѣка (spiritualia), 6) ученіе о вѣчномъ блаженствѣ (aeterna), наконецъ 7) ученіе о практическомъ примѣненіи приведенныхъ теоретическихъ началъ пансофіи.

Bacon, *Novum organum scientiarum.* 1620. — *De dignitate et augmentis scientiarum.* 1623. Послѣднее изданіе въ собраніи сочиненій Бэкона 1857 по 1873. *The works of Lord Bacon, collected and edited by G. Spedding, R. L. Ellis and D. D Heath.* См. тоже. Баконъ. *Собраніе сочиненій, со статьей Pio о жизни Бакона и о значеніи Баконовской философіи.* 1874. Изъ обоихъ приведенныхъ сочиненій Бакона по нашему предмету важнѣе послѣднее, въ которомъ авторъ представляетъ классификацію всѣхъ наукъ на основаніи различія умственныхъ способностей (см. ниже § 6, 1, классификацію наукъ).

Diderot et d'Alembert, *Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers.* 1751 по 1772. 28 томовъ. Это сочиненіе послужило прототипомъ всѣхъ новѣйшихъ обработокъ всеобщей энциклопедіи, какъ напр. французской· *La grande encyclopédie,* послѣднее изд. 1887 г. нѣмецкой Брокгауза, послѣднее изд 1885 г., англійской *Encyclopedia Britannica,* послѣднее изд. 1875 г. и др.

J. G. Sulzer, *Kurzer Begriff aller Wissenschaften.* 1750. Новое расширенное изд. 1786. Разсматриваетъ въ краткомъ обозрѣніи содержаніе и пользу: филологіи, исторіи, искусствъ, математики, физики, философіи, правовѣдѣнія и богословія

J J. Eschenburg, *Lehrbuch der Wissenschaftskunde. Ein Grundriss encyklopadischer Vorlesungen.* 1792. Послѣднее изд. 1825. Обозрѣніе филологическихъ, историческихъ, философскихъ, математическихъ, естественныхъ, медицинскихъ, юридическихъ и богословскихъ наукъ

L. H. Jakob, *Encyklopädie aller Wissenschaften u. Kunste* 1800.

L. Foucou, *Les préliminaires de la philosophie.* 1879. Различая четыре соціальныя функціи человѣчества, каковы· практическая жизнь, искусство, философія (наука) и религія, авторъ останавливается на наукѣ, говоритъ о ея разныхъ областяхъ или сферахъ, съ методологической точки зрѣнія, и представляетъ наконецъ свой взглядъ на три главныя группы наукъ, на логическія, феноменальныя или позитивныя и метафизическія науки. Взгляды автора часто своеобразны, но проникнуты самостоятельнымъ философскимъ духомъ.

Th. Masaryk, *Versuch einer concreten Logik (Classification u. Organisation der Wissenschaften).* 1887. Сочиненіе очень поучительное для обозрѣнія современнаго состоянія всѣхъ главнѣйшихъ наукъ и ихъ соотношеній. Точка зрѣнія—умѣренный позитивизмъ.

В. Розановъ, *О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія* 1886. Сочиненіе инте-

росное во многихъ отношеніяхъ, но лишенное надлежащаго историко-критическаго основанія.

Примѣчаніе 3-е. Энциклопедія философскихъ наукъ. Въ новѣйшее время, кромѣ многихъ разработокъ всеобщей энциклопедіи, появились сочиненія, имѣющія предметомъ спеціальную энциклопедію отдѣльнаго круга наукъ, напр. энциклопедію философскихъ наукъ, энциклопедію филологическихъ, историческихъ, юридическихъ, естественныхъ, богословскихъ наукъ и т. п. Къ первымъ разработкамъ спеціальной энциклопедіи *философскихъ* наукъ принадлежали: въ XVII вѣкѣ выдѣленіе энциклопедіи философіи изъ приведенной выше общей энциклопедіи Альстедія; далѣе во второй половинѣ XVIII вѣка сочиненія Баумгартена и Гейзингера; а изъ сочиненій этого рода въ текущемъ столѣтіи особенно замѣчательны энциклопедіи философіи Гегеля, Гербарта, Конта, К. Ф. Фишера, Г. Риттера, далѣе новѣйшія разработки всей философіи въ видѣ системъ философіи, напр. Герберта Спенсера, Лотце, Мишле, Вундта, равно какъ болѣе или менѣе обширныя рукуводства къ изученію всего объема философіи многихъ другихъ авторовъ. § 1, 3.

Литература *Encyklopediae philosophicae Alstedianae compendium cum notis brevibus* Petri Meuderlini. Stuttgardiae. 1663.

Al. Baumgarten, *Encyklopedia philosophica* 1768. и *Philosophia generalis ed Förster.* 1770. Это послѣднее сочиненіе обнимаетъ собою въ сокращенномъ видѣ содержаніе перваго и разсматриваетъ между прочими слѣдующіе предметы: notio, certitudo, objectum philosophiae, nexus, utilitas philosophiae, libertas philosophandi etc.

J. H. Heusinger, *Versuch einer Encyklopädie der Philosophie.* 1796. Два тома.

Hegel, *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften* 1817. Второе, расширенное авторомъ изд. 1827. Въ сочиненіяхъ Гегеля, Т. VI и VII. 1840 г. Сочиненіе это излагаетъ философію съ точки зрѣнія отвлеченной діалектики, не принимая надлежащимъ образомъ во вниманіе фактическихъ данныхъ знанія. Ч. I. Логика Ч. II. Философія природы. Ч III. Философія духа. См. тоже: Гегель, *Энциклопедія философскихъ наукъ въ краткомъ очеркѣ.* Переводъ В. Чижова. 1860.

Herbart, *Kurze Encyklopädie der Philosophie aus praktischen Gesichtspunkten entworfen.* 1831. Второе расширенное авторомъ изд. 1841. Новое изд. Гартенштейна 1884. Сочиненіе это распадается на двѣ главныя части: основную (Elementarlehre) и методологическую (Methodenlehre). Обѣ написаны главнымъ образомъ въ видахъ практическихъ, чтобы подготовить образованную публику къ пониманію своеобразной философіи автора

Auguste Comte, *Cours de philosophie positive.* 6 томовъ. 1830 — 1842. Изд 4-ое, 1877. Такъ какъ позитивная философія по Конту сводится исключительно къ общему содержанію спеціальныхъ наукъ, то онъ въ этомъ сочине-

§ 1, 3. ніи излагаетъ только это содержаніе спеціальныхъ наукъ, къ которымъ онъ причисляетъ: математику, астрономію, физику, химію, біологію и соціологію. Это въ сущности не энциклопедія *философскихъ* наукъ, но классификація и энциклопедическое обозрѣніе *спеціальныхъ* наукъ.

K. F. Fischer, *Grundzuge des Systems der Philosophie oder Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften.* Т. I. Логика и философія природы. 1848. Т. II. Антропологія и этика. 1850. Т. III. Философія религіи. 1855. Видоизмѣненіе Гегелевой энциклопедіи.

H. Ritter, *Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften.* Т. I. Введеніе и методологія. 1862. Т. II. Физика. 1863. Т. III. Нравственныя науки. 1864. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ критическое разсмотрѣніе философскихъ проблемъ и развившихся въ исторіи философскихъ ученій

Къ энциклопедіямъ философіи слѣдуетъ причислить всякаго рода сочиненія, имѣющія предметомъ изложеніе всего объема философіи, хотя бы они и не были озаглавлены энциклопедіями, но лекціями философіи, системами философіи, руководствами по философіи и т. п. Подобныя сочиненія имѣютъ по большей части энциклопедическій характеръ въ томъ смыслѣ, что обнимаютъ собою всю философію, слѣдовательно и изложеніе ея отдѣльныхъ наукъ, и отличаются отъ энциклопедіи философіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, обыкновенно только болѣе индивидуальною точкою зрѣнія автора. Къ болѣе обширнымъ сочиненіямъ этого рода послѣднихъ временъ принадлежатъ:

Herbert Spencer, *A system of synthetic philosophy.* Т. I. *First principles.* 1862. Изд. 4-ое, 1880. Основныя начала Переводъ В. Алексѣева 1886. Т. II и III. *Principles of biology.* 1864 и 1867 Основанія біологіи. Переводъ подъ ред. Ал. Герда. Т. IV и V. *Principles of psychology.* 1855 3-ье изд., 1881. Основанія психологіи. Переводъ Г. А. Лопатина. По плану автора должны обнять: Т. VI, VII и VIII: Основанія соціологіи *(principles of sociology)*. До сихъ поръ изданы два тома соціологіи. I-ый 1876, 3-ье изд. 1885. II-ой т. 1879 — 1885. Русскій переводъ подъ ред. И Н. Гольдсмита. Наконецъ Т. IX и X должны обнять: Начала нравственности (*principles of ethics*). Къ этому предмету относится изданное до сихъ поръ соч. Спенсера: *The data of ethics.* 1879. Основанія науки о нравственности. Переводъ Г. А. Лопатина. 1880.—Характеристическою чертою системы философіи Спенсера служитъ обоснованіе ея на данныхъ опыта, вообще на предположеніяхъ естественныхъ наукъ, въ особенности на теоріи развитія.

H. Lotze, *System der Philosophie.* Т. I. Логика. 1874. 2-ое изд., 1881. Т. II. Метафизика. 1879. 2-ое изд., 1884. Переводы на французскій и англійскій языки. Идеалистическіе выводы изъ опытныхъ данныхъ

K. L. Michelet, *System der Philosophie als exacter Wissenschaft.* 5 томовъ. 1876—1881. Логика. Философія природы. Философія духа. Философія исторіи. Точка зрѣнія автора, абсолютный идеализмъ Гегеля.

Wilhelm Wundt, *System der Philosophie.* 1889. Содержаніе этого соч., во всякомъ отношеніи весьма поучительнаго, слѣдующее Введеніе (задача и раздѣленіе философіи). I. О мышленіи. II. О познаніи. III. О понятіяхъ ума. IV. О трансцедентныхъ идеяхъ. V. Основанія натурфилософіи. VI. Философія духа.

J. G. Macvicar, *A sketch of a philosophy.* Ч. I. Умъ. Ч. II. Матерія. 1868. Ч. III. Химическій составъ началъ природы. 1870. Ч. IV. Біологія и теодицея. 1874.

§ 1, 3.

A. Stöckl, *Lehrbuch der Philosophie.* Ч. I. Введеніе въ философію. Психологія. Логика. Теорія познанія. Ч. II. Метафизика. Этика. Соціологія. Философія права. 1869. 5-ое изд. 1882. Здѣсь можно найти много поучительнаго, въ особенности историческаго матеріала. Но точка зрѣнія автора догматическая, не философская. Авторъ имѣетъ въ виду возстановленіе средневѣковой зависимости философіи отъ ученій католической церкви. То же самое слѣдуетъ сказать о соч. G. Hagemann, *Elemente der Philosophie,* въ 3 томахъ. 4-ое изд. 1881. (Общее введеніе. I. Логика и поэтика. II. Метафизика. III. Психологія. IV. Этика и юридика. V. Философія религіи. VI. Эстетика. VII. Исторія философіи) и C. Gutberlet, *Lehrbuch der Philosophie.* Въ 6-ти частяхъ. 1878—1885. Съ этой-же религіозной точки зрѣнія составлено обширное соч. Ch. W. Shields, *Philosophia ultima or science of the sciences.* 3-ье изд. 1888

C. Göring, *System der kritischen Philosophie.* 2 тома. 1874 и 1875. Стремленіе пополнить критицизмъ Канта, съ точки зрѣнія новой, „научной" философіи.

Rob. Grassmann, *Wissenschaftslehre oder Philosophie.* 1876. Ч. I. Наука мышленія (Denklehre) Ч. II. Наука знанія (Wissenslehre). Ч. III. Наука познанія (Erkenntnisslehre). Ч. IV. Наука мудрости (Weisheitslehre). Сочиненіе практическое, написанное съ педагогической точки зрѣнія.

E Rabier, *Leçons de Philosophie. Ouvrage couronné par l'Académie française.* 2-ое изд. 1886 T. I Введеніе и психологія. T. II. Логика. T. III. Этика и метафизика. Сочиненіе очень полезное и поучительное. Точка зрѣнія автора психологическая.

G. Glogau, *Abriss der philosophischen Grundwissenschaften* T. I Форма и законы движенія духа. 1880. T. II. Сущность и основныя формы сознательнаго духа (теорія познанія и ученіе объ идеяхъ). 1888. Авторъ основывается на изслѣдованіяхъ Штейнталя по языковѣдѣнію и психологіи народовъ, и старается, при ихъ помощи, разъяснить задачи философіи.

Болѣе сжатое энциклопедическое изложеніе главныхъ философскихъ наукъ заключаютъ въ себѣ между прочими слѣдующія сочиненія:

Jos. Beck, *Encyklopadie der theoretischen Philosophie.* 1844 Изд. 6-ое in vollstandig neuer Bearbeitung von C Braig. 1886. Русскій переводъ по 5-му изданію. 1887. Краткое, но удобопонятное и поучительное обозрѣніе главныхъ частей философіи, составляющее вторую часть *философской пропедевтики* того-же автора.

G. Thaulow, *Einleitung in die Philosophie u. Encyklopädie der Philosophie.* 1862. Краткій учебникъ.

E. Saisset, A. Jacques et J. Simon, *Manuel de philosophie.* 4 изд. 1864. Введеніе и психологія. Исторія философіи. Логика. Этика и теодисея.

F. A. Hartsen, *Grundriss der Philosophie.* 1875.

E. Dühring, *Cursus der Philosophie als strengwissenschaftlicher Weltanschauung u. Lebensgestaltung.* 1875. Содержаніе о бытіи, о природѣ, о сознаніи, о нравственности, обществѣ и исторіи. Характеристическія черты сочиненія: непосредственное довѣріе къ опытному знанію и тѣсная связь философіи съ нравственнымъ развитіемъ общества. См. тоже: А. А. Козловъ, *Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга съ приложеніемъ критическаго обзора.* 1878.

Th. Bernard, *Eléments de philosophie.* 1880. Психологія, логика, этика·

§ 1, 3. P. Janet, *Traité élémentaire de philosophie a l'usage des classes.* 2-oe изд. 1881. Введеніе. Психологія, логика, этика, философія права и политика, эстетика, метафизика и теодисея Очень хорошее руководство по приведеннымъ философскимъ наукамъ.

H. Lotze, *Grundzüge der Logik u. Encyklopädie der Philosophie.* 1883. Сокращеніе выше приведенной системы философіи Лотце.

E. Charles, *Elements de philosophie.* 1884 Психологія, логика, этика, начала метафизики.

J. L. A. Косн, *Grundriss der Philosophie.* 1884. Краткій учебникъ.

J. A. Clamadieu, *Précis de philosophie* (Memento du Baccalauréat ès lettres). 1885. Психологія съ эстетикою. Логика. Этика съ политическою экономіею. Метафизика. Исторія философіи. Разборъ авторовъ французскихъ: Картезій, Мальбраншъ, Паскаль, Лейбницъ, Кондиллякъ, Кузенъ; греческихъ: Ксенофонтъ, Платонъ, Аристотель, Эпиктетъ; латинскихъ: Лукрецій, Цицеронъ, Сенека. Въ числѣ краткихъ руководствъ, одно изъ самыхъ практическихъ.

E. Boirac, *Cours élémentaire de philosophie.* 1888 Психологія, логика, этика, метафизика, исторія философіи. Хорошее руководство, съ указаніемъ многочисленныхъ темъ для философскихъ разсужденій.

A. Richter, *Grundriss der philosophischen Wissenschaften.* 1888.

Поучительное обозрѣніе всего объема университетскихъ студій, слѣдовательно и философіи, заключаетъ въ себѣ сочиненіе. Fr. Harms, *Methode des akademischen Studiums. Herausgegeben von H. Wiese.* 1885.

Въ русской литературѣ, кромѣ приведеннаго перевода энциклопедіи философіи Бэкка, возбуждаютъ главнымъ образомъ историческій интересъ:

Л. Г. Яковъ, б. проф. Харьковскаго Университета († 1827) *Курсъ философіи для гимназій россійской Имперіи, изданный отъ Главнаго Правленія училищъ.* Пять частей. 1811—1814. I. Начертаніе всеобщей логики. II. Всеобщая грамматика. III. Психологія. IV. Нравоучительная философія. V. Умозрѣніе словесныхъ искусствъ (эстетика).

Е. Жеребзе, *Курсъ философіи.* Переводъ съ французскаго. 2 изд. 1837. Введеніе. Психологія. Логика. Нравственное ученіе и теодицея. Исторія философіи.

Къ сочиненіямъ новѣйшаго времени принадлежатъ:

Н. Страховъ, *Опытъ систематическаго изложенія начальныхъ основаній философіи.* 1888. I. О познаніи. II. О Богѣ. Краткое пособіе для IV кл. духовныхъ семинарій.

А. Струнниковъ, *Начатки философіи.* 1888. I. О познаніи. II. О бытіи (Богъ, міръ, человѣкъ). III. О цѣли бытія. Общедоступное изложеніе началъ философіи.

§ 1, 4. **Примѣчаніе 4-ое. Способы составленія энциклопедическихъ сочиненій.** Существуютъ два способа составленія энциклопедическихъ сочиненій: систематическій и алфавитный. По первому способу излагается данный предметъ въ логической послѣдовательности своего содержанія, какъ одно стройное цѣлое, какъ система (σύστημα отъ σύν и ἱστάναι=сопоставлять, сопоставленіе). По второму же раздѣляется предметъ механически на разныя понятія и слова, которыя объясняются отдѣльно въ алфавитномъ

порядкѣ. Такого рода энциклопедическіе словари, несмотря на всю научность въ разработкѣ отдѣльныхъ статей, не имѣютъ однако въ общемъ итогѣ того научнаго значенія, какъ энциклопедіи систематическія, указывающія на внутреннюю связь между составными частями даннаго круга наукъ. § 1, 4.

Большинство всеобщихъ энциклопедій составлено алфавитнымъ способомъ, какъ напр. энциклопедія Дидро. Приведенныя же сочиненія (§ 1, 2. *Lum*.) по энциклопедіи философскихъ наукъ, равно какъ и настоящее сочиненіе, изложены систематическимъ способомъ.

Существуютъ однако и спеціальныя алфавитныя энциклопедіи философскихъ наукъ, или такъ называемые *философскіе словари*, или *лексиконы*. Первый философскій лексиконъ составилъ еще въ XVI-омъ вѣкѣ Бернардъ. Изъ позднѣйшихъ и новѣйшихъ замѣчательны главнымъ образомъ словари французскіе, нѣмецкіе, англійскіе: Бэля. Круга, Фуртмайера, Франка, Флеминга, Краута, Ноака, Кирхнера и др.; въ русской литературѣ: Галича и Гогоцкаго.

Литература. Joh. Bapt. Bernard, *Seminarium totius philosophiae aristotelicae et platonicae, nec non stoicae* 1582.

Pierre Bayle, *Dictionnaire historique et critique.* 2 тома. 1697. Изданіе 11-ое Beuchot. 1820. Философскія статьи этого общаго лексикона перевелъ на нѣмецкій языкъ и соединилъ въ одно цѣлое помянутый выше (§ 1, 2 и 3 *Lum.*) L. H. Jakob, подъ заглавіемъ: *Philosophisches Handworterbuch.* 1797. Бэль обращаетъ тщательное вниманіе на критическій разборъ разныхъ философскихъ ученій. Но критика его по большей части субъективна и принимаетъ въ основаніе скептическую точку зрѣнія.

Wilhelm Krug, *Allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Literatur u. Geschichte.* 5 томовъ. 1827. Изд. 2-ое. 1832. Въ этомъ словарѣ встрѣчаются и объясненія главныхъ философскихъ терминовъ, но безъ надлежащей полноты и ясности.

Max Furtmair, *Philosophisches Real-Lexicon.* I и II т. 1852 и 1853. III и IV *fortgesetzt u. vollendet von Joh. Nep. Uschold.* 1855. Обнимаетъ собою главнымъ образомъ тщательное собраніе біографическихъ и библіографическихъ данныхъ.

Ad. Franck, *Dictionaire des sciences philosophiques, par une société de professeurs et de savants.* 1852, въ 6-ти томахъ. 2-ое изд. 1875, въ одномъ большомъ томѣ (1806 стр.). Самый полный и при томъ основательный изъ философскихъ лексиконовъ, обнимающій собою какъ теоретическое объясненіе философскихъ терминовъ, такъ и всѣ главнѣйшія данныя изъ исторіи философіи; очень полезное пособіе для всесторонняго изученія философіи.

Wil. Fleming, *Vocabulary of philosophy, psychological, ethical, metaphysical.* 1856 Изданіе 4-ое, *revised and largely reconstructed by Henry Calderwood* 1887. Не смотря на небольшой объемъ (440 стр.), соч. это заключаетъ въ себѣ очень поучительное и точное объясненіе философскихъ терминовъ съ указаніемъ на ихъ употребленіе въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ мыслителей.

§ 1, 4. Eug. Bourdet, *Vocabulaire des principaux termes de la philosophie positive.* 1875. Ограничивается исключительно объясненіемъ философскихъ терминовъ съ точки зрѣнія позитивизма Конта Притомъ воспринимаетъ біографическія данныя только касательно личностей, помѣщенныхъ въ календарѣ позитивной религіи (le culte systématique de l'humanité).

F. A. Hartsen, *Ein philosophisches Wörterbuch.* 1877. Самое краткое объясненіе (на 45 стр) главнѣйшихъ философскихъ терминовъ.

F. Garden, *A dictionary of Philosophical terms.* 1878. Небольшое сочиненіе (161 стр.), заключающее въ себѣ популярное объясненіе исключительно англійскихъ философскихъ терминовъ.

Ch. P. Krauth, *A vocabulary of the philosophical sciences.* 1878. Словарь этотъ состоитъ изъ двухъ частей I-ая, *The vocabulary of philosophy* (стр. 1 по 560), обнимаетъ собою пополненный словарь Флеминга (см. выше); II-ая, *Vocabulary of the philosophical sciences* (по стр. 1034), заключаетъ въ себѣ данныя по исторіи философіи, почерпаемыя преимущественно изъ словаря Франка.

L Noack, *Philosophie-geschichtliches Lexikon. Historisch biographisches Handworterbuch zur Geschichte der Philosophie.* 1879. По примѣру Бэля, авторъ останавливается главнымъ образомъ на обозрѣніи историческаго матеріала философіи; но ограничивается чисто объективнымъ, предметнымъ изложеніемъ этого матеріала.

Fr. Kirchner, *Wörterbuch der philosophischen Grundbegriffe.* 1886. Точное объясненіе философскихъ терминовъ въ сжатомъ видѣ (460 стр.).

А. И. Галичъ, *Лексиконъ философскихъ предметовъ.* 1845. На сколько мнѣ извѣстно, напечатанъ только одинъ небольшой выпускъ этого сочиненія.

С. Гогоцкій, *Философскій лексиконъ.* Т. I. 1857. Т. II. 1861. Т. III 1871. Очень полезное пособіе для изученія какъ теоретическихъ вопросовъ философіи, такъ и ея исторіи.

Его-же: *Философскій словарь или краткое объясненіе философскихъ и другихъ научныхъ выраженій, встрѣчающихся въ исторіи философіи.* 1876 (144 страницы).

Важными пособіями для изученія основныхъ понятій философіи и для историческаго объясненія философскихъ терминовъ могутъ служить сочиненія Rud. Eucken'a, *Geschichte u. Kritik der Grundbegriffe der Gegenwart.* 1878. *Geschichte der philosophischen Terminologie.* 1879. *Beitrage zur Geschichte der neueren Philosophie.* 1886. Въ особенности статья: *Partheien u. Partheinamen in der Philosophie.*

§ 2.

Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій, какъ философія философіи.

§ 2. Изъ опредѣленія предмета энциклопедіи философіи (§ 1) истекаетъ непосредственно ея значеніе. Разсматривая основныя начала философіи вообще, задачи и содержаніе отдѣльныхъ философскихъ наукъ, равно какъ и попыт-

ки къ разрѣшенію этихъ задачъ, она ознакомляетъ насъ съ настоящимъ состояніемъ философіи и представляетъ собою вслѣдствіе этого необходимую подготовку къ самостоятельному философствованію. § 2.

Энциклопедія философіи есть въ сущности первая основная наука философіи, ведущая къ ея всестороннему уразумѣнію. Науку эту по справедливости можно назвать *философіею философіи* или *философикою*. Принимая въ основаніе обыденныя понятія о философіи, она разсматриваетъ эти понятія всесторонне, исключаетъ изъ нихъ всякія противорѣчія, объясняетъ ихъ содержаніе съ исторической и критической точки зрѣнія и доходитъ такимъ образомъ до заключеній касательно существенныхъ началъ философіи, ея разнородныхъ задачъ, равно какъ и значенія попытокъ къ ихъ разрѣшенію. Безъ помощи этой науки нельзя дать себѣ яснаго отчета ни въ основныхъ началахъ философіи вообще, ни въ содержаніи ея отдѣльныхъ наукъ, ни, наконецъ, въ самыхъ главныхъ стремленіяхъ философской мысли.

Примѣчаніе I-ое. Философія философіи. Философія, равно какъ и всякая вообще наука, не можетъ начинать своихъ изслѣдованій ab ovo, но должна прежде всего ознакомиться съ установившимися въ ней понятіями и взглядами, со своимъ прошедшимъ и настоящимъ и, подвергая критическому разбору эти данныя, принять оныя въ основаніе своихъ дальнѣйшихъ изысканій. Это самопознаніе философіи составляетъ главную задачу энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій. § 2, 1

Въ этой основной наукѣ философіи философская мысль даетъ себѣ ясный отчетъ какъ въ своихъ существенныхъ началахъ, въ своихъ стремленіяхъ и задачахъ, такъ и въ результатахъ своихъ попытокъ къ разрѣшенію этихъ задачъ. Она вслѣдствіе этого является результатомъ рефлексіи философствующаго ума надъ самимъ собою и своимъ историческимъ развитіемъ; результатомъ философствованія надъ философіею, критическаго разбора философіи самою философіею, а поэтому именно эту основную науку философіи мы называемъ *философіею философіи*.

§ 2, 1. **Литература.** Подъ названіемъ: *философія философіи* изложенъ нашъ предметъ въ общихъ чертахъ въ сочиненіи Fr. Koppen, *Philosophie der Philosophie.* 1840. Авторъ разсматриваетъ въ этомъ сочиненіи разнообразныя философскія системы и изъ ихъ сравненія выводитъ заключеніе о сущности и задачахъ философіи.

§ 2, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Введеніе въ философію, какъ основная наука философіи.** Многіе авторы называютъ эту основную философскую науку, разсматривающую общія начала философіи, подготовляющую къ самостоятельному философствованію, просто *введеніемъ въ философію.* Однако при такомъ пониманіи *введенія* въ философію нужно непремѣнно принимать во вниманіе не только философію вообще, но и отдѣльныя философскія науки, ихъ содержаніе и задачи, равно какъ и разныя направленія философской мысли при разрѣшеніи разнообразныхъ задачъ философіи (§ 1). Вслѣдствіе этого введеніе въ философію, понимаемое какъ основная наука философіи, должно соединяться съ обозрѣніемъ философскихъ наукъ и направленій. Оно составляетъ, поэтому, въ сущности только одну часть *энциклопедіи* философіи. При томъ названіе *введенія* не указываетъ съ надлежащею точностью на приведенныя задачи основной подготовительной науки философіи. Этому требованію гораздо болѣе соотвѣтствуетъ названіе *Энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій*, ибо оно обнимаетъ собою всестороннее разсмотрѣніе какъ философіи вообще, такъ и ея разнородныхъ задачъ и попытокъ къ ихъ разрѣшенію.

Полное названіе этой основной вступительной и подготовительной философской науки, опредѣляющее непосредственно все ея содержаніе: *Введеніе въ философію и Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій.* Но такъ какъ вторая часть этого названія, по существу дѣла, заключаетъ въ себѣ разборъ философіи вообще (§ 1), т. е. обнимаетъ собою предметъ такъ называемаго введенія въ философію, то мы въ видахъ краткости и характеристичности предпочитаемъ прямо названіе: *Энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.*

Литература. Herbart, *Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie.* 1813. Въ соч. Гербарта изд Гартенштейна. Т. I. 1850. Новое отдѣльное изд. 1883.

H. Ulrici, *Das Grundprincip der Philosophie kritisch und speculativ entwickelt.* 2 тома. 1845. 1846. Историко-критическій разборъ философскихъ направленій съ цѣлью разъясненія основъ философіи.

J. Frohschammer, *Einleitung in die Philosophie.* 1858. Его же: *Die Philosophie als Idealwissenschaft u System. Zur Einleitung in die Philosophie.* 1884. Въ послѣднемъ сочиненіи авторъ, какъ дѣйствительность міра, такъ и философію сводитъ къ дѣятельности воображенія, фантазіи.

G. A. Lindner, *Einleitung in das Studium der Philosophie.* 1866. Краткій учебникъ. § 2, 2.

Tiberghien, *Introduction à la philosophie et préparation à la metaphysique.* 1868. Много историческаго и критическаго матеріала.

J. J. Baumann, *Philosophie als Orientirung über die Welt.* 1872. Исходя изъ точки зрѣнія субъективнаго идеализма, авторъ стремится доказать возможность дѣйствительнаго познанія вещей, реализма.

I. H. v. Kirchmann, *Katechismus der Philosophie.* 1877. Изд. 2-ое. 1881. Сочиненіе популярное съ точки зрѣнія реалистической.

W. Windelband, *Präludien.* 1884. Собраніе отдѣльныхъ статьей и рѣчей касательно введенія въ философію.

Thom Maguire, *Lectres on philosophy.* 1885. Первая серія этихъ лекцій посвящена разбору философіи вообще съ точки зрѣнія психологической и принимаетъ при томъ во вниманіе спорные вопросы настоящаго времени.

Strümpell, *Einleitung in die Philosophie.* 1886. Послѣ краткаго введенія, авторъ останавливается главнымъ образомъ на критическомъ разсмотрѣніи разныхъ направленій по теоретической и практической философіи и по философіи религіи съ исторической точки зрѣнія.

A. Spir, *Esquisses de philosophie critique.* 1887. Разсматриваетъ главнымъ образомъ цѣль и предметъ (le but et l'objet) философіи, сравнивая задачи эмпирическихъ наукъ съ стремленіями философской спекуляціи. Кромѣ того относятся сюда введенія къ большинству энциклопедій, какъ наукъ вообще, такъ и въ особенности философіи. См. выше литературу къ § 1, 2 и 3.

Изъ русскихъ сочиненій занимающихся вопросами, составляющими предметъ введенія въ философію, замѣчательны:

Ѳ. Сидонскій, *Введеніе въ науку философіи.* 1833. Содержаніе сочиненія слѣдующее. I. Опредѣленіе понятія и задачъ философіи. Философія, говоритъ авторъ, „есть учебное рѣшеніе вопроса о жизни вселенной, выведенное изъ строгаго разсмотрѣнія природы нашего ума и проведенное до опредѣленія законовъ, по какимъ должна направляться наша человѣческая дѣятельность.“ II. Соглашеніе философской изыскательности съ убѣжденіемъ въ вѣрѣ. III. Характеристическія черты философскихъ изысканій и ихъ отношеніе къ религіи. IV. Развитіе философіи и образованіе философскихъ изысканій въ науку. Точка зрѣнія автора богословская, но при всемъ томъ сочиненіе проникнуто истинно философскимъ духомъ.

Сюда относятся введенія къ помянутымъ выше курсамъ философіи Якова, Жерюзе и Бэкка, равно какъ сочиненія Розанова, Страхова, Струнникова; см. обозрѣніе сочиненій по энциклопедіи наукъ и философіи (§ 1, 2 и 3 *Лит.*).

О. Надеждинъ, *Опытъ науки философіи.* 1845.

М. Дебольскій, *Введеніе въ ученіе о познаніи.* 1870. *О діалектическомъ методѣ.* 1872. *Философія будущаго; соображенія о ея началѣ, предметѣ, методѣ и системѣ.* 1882. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій, авторъ называетъ философію „опытною наукою.“ Въ послѣднемъ онъ самъ взглядъ этотъ опредѣляетъ какъ „предразсудокъ“ и видитъ задачу философіи въ „согласованіи законовъ природы съ требованіями разума.“ Это послѣднее сочиненіе побуждаетъ читателя къ самостоятельному философствованію.

В Соловьевъ, *Кризисъ западной философіи.* 1874. *Критика отвлеченныхъ началъ.* 1880. Всесторонняя критика новѣйшихъ философскихъ направленій, въ особенности позитивизма Конта и его послѣдователей. Взгляды же самаго автора сводятся къ „свободной теософіи,“ „основанной на мисти-

§ 2, 2. ческомъ знаніи вещей божественныхъ.“ Это знаніе теософія, посредствомъ раціональнаго мышленія, связываетъ съ эмпирическимъ познаніемъ вещей природныхъ и представляетъ такимъ образомъ „синтезъ теологіи, раціональной философіи и положительной науки.“

К. Кавелинъ, *Априорная философія или положительная наука.* 1875. Критика взглядовъ В. С. Соловьева.

Епископъ Никаноръ, *Позитивная философія и сверхчувственное бытіе.* 1875. Критическая защита идеальныхъ началъ міровоззрѣнія противъ односторонняхъ реалистическихъ направленій нашего времени, въ особенности противъ позитивизма.

А. Козловъ, *Философскіе этюды.* 1876. Философія, по автору, наука „о мірѣ какъ цѣломъ изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое.“ Во имя этого опредѣленія авторъ выдѣляетъ изъ философіи не только психологію, но и логику, какъ спеціальныя науки, равнымъ образомъ въ согласіи съ позитивизмомъ исключаетъ изъ философіи всякое познаніе „сущностей“ Философія есть только „постройка изъ данныхъ наукъ единаго міросозерцанія.“ Особенно замѣчательно въ этомъ сочиненіи указаніе на соціальное значеніе философіи.

В. Лесевичъ, *Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи* 1877. *Письма о научной философіи* 1878. Первое сочиненіе заключаетъ въ себѣ основательное изложеніе и добросовѣстную оцѣнку взглядовъ Конта съ точки зрѣнія философскаго критицизма; послѣднее-же можетъ служить очень полезнымъ введеніемъ къ уразумѣнію ново-критической школы въ Германіи (Риль, Герингъ, Авенаріусъ и др.). Продолженіемъ этого соч. служатъ статьи В. В. Лесевича въ журналѣ „Русская Мысль“ за 1888 и 1889 гг: „*Что такое научная философія?*“

И. Полетика, *Современное направленіе философіи и нѣкоторые ея принципы.* 1878. Авторъ представляетъ въ весьма сжатой формѣ краткій обзоръ главнѣйшихъ философскихъ системъ, принимая въ основаніе главнымъ образомъ позитивизмъ Конта. „Направленіе современной философіи, говоритъ авторъ, состоитъ въ томъ, чтобы представлять въ тѣсной связи наиболѣе общія понятія, выработанныя всѣми существующими науками.“ Авторъ находитъ что „три главныхъ предмета философіи: Богъ, міръ и душа, могутъ быть удобнѣе всего представлены въ общей философіи природы, которая и составляетъ философію въ обширномъ смыслѣ.“ При томъ научная іерархія Конта признается „наиболѣе удобною системою для изложенія курса философіи.“

П. Милославскій, *Основанія философіи какъ спеціальной науки.* Т. I. 1883. Это въ сущности трактатъ о человѣческомъ знаніи вообще какъ явленіи природы. „Философія, по автору, есть наука, изслѣдующая явленія человѣческаго знанія въ ихъ общеміровыхъ отношеніяхъ и причинной связи и опредѣляющая законы этой связи“ Въ этомъ смыслѣ она *спеціальная* наука, задача которой заключается „не въ критикѣ, а въ фактическомъ, предметномъ изученіи явленій знанія“ На основаніи такого опредѣленія задачъ философіи, авторъ надѣется, что философія, которая „до сихъ поръ остается назади и внѣ общей семьи наукъ“ перейдетъ „въ рядъ спеціальныхъ общепризнанныхъ и общеобязательныхъ наукъ.“

Ѳ. Голубинскій, *Лекціи философіи*, 1884, изданныя въ тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти автора. Стр. 21—40: *Общее введеніе въ философію.* „Философія, говоритъ авторъ, есть система познаній, пріобрѣтенныхъ разумомъ (intellectus), подъ управленіемъ ума (rationis) и при способствованіи опыта,

какъ внѣшняго, такъ внутренняго, о всеобщихъ главнѣйшихъ, существеннѣйшихъ силахъ, законахъ и цѣляхъ природы, внѣшней и внутренней, равно и о свойствахъ Виновника всѣхъ оныхъ—Бога—система, направленная къ тому, чтобы возбудить въ духѣ человѣческомъ, воспитать и направить любовь къ премудрости Божественной и человѣку предназначенной.“ Опредѣленіе это показываетъ, что точка зрѣнія автора богословская.

Л. Лопатинъ, *Положительныя задачи философіи. Часть I-ая. Область умозрительныхъ вопросовъ.* 1886. Подвергая всестороннему остроумному критическому разбору какъ опытъ, такъ и разумъ, авторъ доходитъ до заключенія, что „опытъ тогда только получаетъ значеніе источника дѣйствительныхъ познаній, когда его субъективныя показанія сопоставляются съ понятіями умозрительными.“ Изъ этого авторъ выводитъ необходимость раціональной метафизики какъ философской науки.

Н Гротъ, *Философія какъ вѣтвь искусства.* 1880. *Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству.* 1883. *Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи.* 1886. О взглядахъ Н. Я. Грота на философію, мы говоримъ болѣе подробно ниже при разборѣ отношенія философіи къ творчеству.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о замѣчательной лекціи Н. И. Карѣева, *О духѣ русской науки.* 1885, имѣющей философское значеніе. Принимая во вниманіе условія развитія русской науки, авторъ стремится показать, что она „способна отличаться наибольшею трезвостью мысли и наибольшею широтою взгляда.“ Трезвая точка зрѣнія, это по автору „точка зрѣнія *реализма* въ области *правды*, не отвергающаго *идеализма* въ области *мечты*, но не смѣшивающаго *вымысла съ истиной* “ Она позволяетъ ученому стоять и *не внѣ* жизни, и *не въ серединѣ* ея сутолоки, а *надъ* нею, т. е. тамъ, гдѣ самое отношеніе къ жизни можетъ быть объективнѣе и спокойнѣе. Что-же касается до *широты взгляда*, то она, по автору, есть слѣдствіе избѣжанія всякой односторонности въ научномъ мышленіи. Она требуетъ, чтобы ученый пользовался „результатами мысли народовъ, развившихся по иному типу и имѣющихъ иной историческій опытъ “ Она влечетъ за собою „синтезъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія,“ а вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ „къ исканію болѣе широкаго пониманія общественной роли науки, которое устраняло-бы занятіе наукой только изъ-за мимолетной *злобы дня* или *ученаго любопытства*, ставя ему цѣлями *жизнь* и *знаніе*.“ Не трудно понять необходимость примѣненія этихъ обще-научныхъ требованій и къ философіи.

Сюда относятся:

Е. де Роберти, *Прошедшее философіи. Опытъ соціологическаго изслѣдованія общихъ законовъ развитія философской мысли.* Т. I. Ч. 1-ая. *Историческія данныя.* 1886. Т. II. Ч. 2-ая. *Выводы.* Ч. 3-ья. *Генезисъ философіи наукъ.* 1887. По плану автора это *Прошедшее философіи* составляетъ только первое изъ шести отдѣльныхъ изслѣдованій обширной работы подъ общимъ названіемъ *Философія науки и научно философскія системы.* Предметы остальныхъ пяти изслѣдованій слѣдующіе: 2) *Ученіе о непознаваемомъ*, 3) *Гипотеза въ философіи и научно - философскія системы*, 5) *Философія спеціальныхъ наукъ*, 6) *Философія наукъ.* Авторъ разсматриваетъ въ приведенномъ соч. историческое развитіе философіи какъ явленіе соціальное въ духѣ позитивизма. Взглядъ его на *философію наукъ* высказывается въ слѣдующихъ положеніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ первой части (стр. 243): „Философія наукъ, говоритъ авторъ, не можетъ быть ни *общею* наукою — терминъ, приложимый къ ней

§ 2, 2. только метафизически,—ни, тѣмъ менѣе, наукою *частною*. Она основана на полномъ, завершившемся циклѣ отвлеченнаго знанія и потому не можетъ ни слиться съ этимъ цикломъ, ни войти въ него какъ составное звѣно. Она не должна употреблять въ своихъ объясненіяхъ другихъ пріемовъ, кромѣ строго-научныхъ, но это менѣе всего значитъ, чтобы, она была обязана пользоваться всѣми, безъ различія, методами и способами изслѣдованія спеціальныхъ наукъ. Однимъ словомъ, *философія наукъ* ни въ какомъ смыслѣ не можетъ сдѣлаться *наукою*. Она должна оставаться міропониманіемъ."

М. Троицкій, *Учебникъ логики*. Кн. III. 1888. Гл. 2. *Опредѣленіе философіи и его исторія*. Слѣдующія слова характеризируютъ взглядъ автора на философію (стр. 43 и слѣд.): „Изъ критики разнообразныхъ опредѣленій философіи вытекаютъ несомнѣнно, прежде всего, два вывода. Во 1-хъ, философія не можетъ быть отдѣлена отъ науки; нельзя исключить изъ философіи, ни въ школьномъ, ни въ болѣе широкомъ смыслѣ, такихъ наукъ, какъ психологія, логика, эстетика. Во 2-хъ, понятіе философіи не совпадаетъ, по объему, съ понятіемъ науки, потому что первое шире послѣдняго. Отождествляя философію съ наукою, мы должны были бы все не-научное признать не-философскимъ; слѣдовательно исключить изъ философіи ученіе о *нравственныхъ вѣроятностяхъ* (теодицея, философія религіи), и ученіе о *мыслимости* нефеноменальныхъ вещей (метафизика). А на это не согласится вполнѣ ни одна философская школа: безъ философіи религіи и метафизики для большинства философовъ, нѣтъ философіи... Отсюда вытекаетъ слѣдующее полное заключеніе. Философія не можетъ быть отдѣлена отъ науки; но также не можетъ вполнѣ и совпадать съ нею. Она должна, такимъ образомъ, совпадать съ спеціальною наукою только въ нѣкоторой мѣрѣ, или быть не наукою, а *научною* или *положительною*, не отказываясь, въ своемъ *послѣднемъ словѣ*, быть также *проблематическою* и *гипотетическою*." Настоящимъ *введеніемъ* въ философію М. М. Троицкій признаетъ *логику*. См. ниже § 2, 3 *Лит.*

Въ своемъ основательномъ изслѣдованіи: *Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи*, 1888, А. Введенскій посвятилъ три первыя главы (стр. 1—98) слѣдующимъ вопросамъ, разсматриваемымъ введеніемъ въ философію общія понятія о философіи какъ критикѣ познанія, о главныхъ направленіяхъ ея и о средствахъ философскаго познанія.

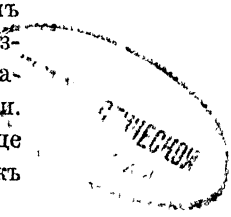
См. тоже Г. Струве, *Отличительныя черты философіи и ихъ значеніе въ сравненіи съ другими науками*. 1872.

§ 2, 3. **Примѣчаніе 3-ье. Философская пропедевтика.** Науку вступительную въ философію называютъ также часто *философскою пропедевтикою*. Названіе это происходитъ отъ греческаго слова προπαιδευτική (подразумѣвается ἐπιστήμη) и обозначаетъ вообще науку подготовительную. Въ этомъ смыслѣ философская пропедевтика, излагаемая какъ самостоятельная наука, соотвѣтствуетъ въ сущности упомянутому выше (примѣчаніе 2-ое) *введенію* въ философію.

Кантъ называетъ *пропедевтикою*, или наукою подготовительною къ философіи, *критику чистаго разума* и отличаетъ оную отъ *системы* чистаго разума или отъ метафизики. Но взглядъ

§ 2, 3.

этотъ основывается уже на опредѣленіи предмета и задачъ философіи, какъ критическаго изслѣдованія разума; между тѣмъ настоящая наука подготовительная къ философіи должна разсматривать всесторонне ея предметъ и задачи и только на такомъ разсмотрѣніи можетъ основать опредѣленіе философіи. Поэтому, наука подготовительная къ философіи не есть еще критика разума, но подготовленіе къ этой критикѣ, вообще къ критикѣ человѣческаго познанія.



Кромѣ того подъ названіемъ философской *пропедевтики*, какъ извѣстно, излагаются часто элементарныя начала *логики* и *психологіи* отдѣльно, или *логики* и *психологіи* вмѣстѣ. или, наконецъ, *логики*, *психологіи*, *этики* и даже иногда *эстетики*. Въ такомъ случаѣ однако названіе подготовительной науки (пропедевтики) употребляется только въ общемъ педагогическомъ, а не въ философскомъ смыслѣ, т. е. въ сочиненіяхъ этого рода имѣется въ виду подготовка не къ философскому мышленію, не къ самостоятельному разрѣшенію философскихъ задачъ, но только къ научному образованію вообще: названіе же *философской* пропедевтики сохранилось только потому, что логика, психологія, этика, эстетика—*философскія* науки.

Не оспаривая вовсе педагогическаго значенія этихъ наукъ, напротивъ, признавая даже вполнѣ, что общее образованіе въ особенности не мыслимо безъ знакомства съ основными началами, по крайней мѣрѣ, логики, психологіи и этики, мы не можемъ однако признавать ни за логикою, ни психологіею, ни за этикою, значенія *подготовительной* науки *философіи*, *философской* пропедевтики въ строгомъ смыслѣ этого слова (см. § 2, 1). Логика и психологія на равнѣ съ этикою, какъ философскія науки, основываются уже на извѣстныхъ понятіяхъ о философіи вообще, о ея существенныхъ началахъ и стремленіяхъ, о философскихъ наукахъ и ихъ задачахъ, наконецъ, о разныхъ направленіяхъ философской мысли при разрѣшеніи задачъ философіи. Все же это, какъ мы видѣли (§ 1), составляетъ предметъ *энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій*. Поэтому, истинное философское изученіе логики, психологіи и этики, въ отличіе отъ элементарнаго ознакомленія съ ихъ основными началами, не возможно безъ предварительнаго изученія энциклопедіи философіи, составляющей настоящую подготовительную науку по всякому дальнѣйшему изученію философіи. Только экциклопедія философскихъ наукъ и направленій заслуживаетъ названія настоящей научной *философской пропедевтики*.

§ 2, 3. **Литература.** Kant, *Kritik der reinen Vernunft.* 1781. Второе пополненное авторомъ изд. 1785. Трансцендентальное ученіе о методѣ. Отдѣлъ третій. См. переводъ *Критики чистаго разума М. И. Владиславлева.* 1867, стр. 618 и слѣд. Кантъ говоритъ здѣсь слѣдующее: „Всякая философія есть или познаніе изъ чистаго разума, или познаніе изъ опытныхъ принциповъ. Первая называется чистою, вторая опытною философіей. Философія чистаго разума есть или *наука подготовительная* (*Propädeutik*), изслѣдующая способность разума по всѣмъ чистымъ познаніямъ a priori и называющаяся *критикой*, или *система* чистаго разума (науки), т. е. философское познаніе изъ чистаго разума въ систематической связи и называющаяся *метафизикой*." Въ этомъ духѣ и новѣйшій философскій критицизмъ признаетъ *критику познанія* основною вступительною наукою философіи. См C. Göring, *System der kritischen Philosophie.* Т. I. 1874, стр. 15.

В. В. Лесевичъ тоже говоритъ: „Теорія познанія и философская критика должна составлять содержаніе *пропедевтики* въ правильно построенной научно-философской системѣ." См. его *Критическое изслѣдованіе позитивной философіи* (§ 2, 2 *Лит*.), стр. 191.

Jos. Beck, *Philosophische Propadeutik.* I часть. Опытная психологія и логика. 1841. Изд. 16-ое. 1885. См. выше § 1, 3 *Лит.*

Lichtenfels, *Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie. Allgemeine Einleitung. Psychologie und Logik.* 1863.

Ernst Klotz, *Philosophische Propadeutik. Lehrstoffe fur den Unterricht in Psychologie, Aesthetik, Logik u. Ethik* 1875.

Th. Rumpel, *Philosophische Propädeutik oder die Hauptlehren der Logik u. Psychologie.* 1866. Русскій переводъ П. М. Цейдлера. 1876.

Rob. Zimmermann, *Philosophische Propädeutik.* 3-ье изд. 1867. Введеніе. Логика. Опытная психологія.

М. Троицкій, *Учебникъ логики.* Книга III-ья. 1888. (Логика наукъ). На стр. 6 говоритъ авторъ: „Логика, какъ наука о наукѣ, должна, очевидно, составлять не звѣно въ ряду наукъ, а естественное *введеніе* въ этотъ рядъ." На стр. 47, логика отождествляется прямо съ *введеніемъ въ философію.* Какъ введеніе-же въ „школьную философію," признается на стр. 49 *психологія.*

Г. Струве, *Элементарная логика. Учебникъ для преподаванія и самообученія.* Изд. 7-е. 1888. См. Предисловіе.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, приведенныхъ какъ въ этомъ примѣчаніи, такъ и при обозрѣніи сочиненій по энциклопедіи философіи и введенію (§ 1, 3 и 2, 2 *Лит.*) съ пропедевтическимъ изложеніемъ философіи, въ особенности логики и психологіи, соединяется въ видахъ практическихъ изложеніе этики, эстетики и даже метафизики и теодисеи. См. напр. сочиненія Клоца, Жане, Шарла, Кламадіё и другихъ.

§ 2, 4. **Примѣчаніе 4-ое. Исторія философіи, какъ введеніе въ философію.** Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые признаютъ *исторію философіи* самымъ лучшимъ *введеніемъ* въ философію, наукою подготовительною къ философіи. Такое мнѣніе высказано было извѣстнымъ историкомъ философіи Генрихомъ Риттеромъ и нѣкоторыми мыслителями новѣйшаго времени и развито главнымъ образомъ въ исторіи философіи Бауера, Рейхлина. Жа

не, въ историческомъ введеніи въ философію Стрюмпеля и другихъ § 2, 4.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи нашего предмета будетъ неоднократно указываемо на неоспоримое значеніе исторіи философіи для самостоятельнаго философствованія. Не зная основательно исторіи философіи, нельзя воспользоваться указаніями предшествующихъ мыслителей и вообще принимать участіе въ дальнѣйшемъ развитіи философіи. Но тѣмъ не менѣе исторіею философіи нельзя замѣнить основной науки о началахъ философіи.

Въ научномъ отношеніи исторія философіи основывается уже на понятіи о философіи, о ея общихъ началахъ, задачахъ, методахъ, стремленіяхъ и т. д. Только на основаніи такого понятія о философіи, ея точнаго опредѣленія, исторія философіи выдѣляетъ явленія философскія изъ общаго развитія умственной жизни человѣчества и становится особымъ, самостоятельнымъ предметомъ изученія. Съ другой стороны нельзя обременять исторіи философіи элементарными объясненіями, касающимися какъ ея общихъ началъ, такъ и ея отдѣльныхъ наукъ и направленій; это отвлекло бы вниманіе отъ прямыхъ задачъ исторіи философіи, состоящихъ въ изслѣдованіи и представленіи постепеннаго развитія философіи. Поэтому ясно, что для философіи нужна другая основная и подготовительная наука, которая, пользуясь историческими данными, имѣла бы однако главнымъ образомъ въ виду разъясненіе общихъ началъ философствованія. Эта наука и есть именно энциклопедія философскихъ наукъ и направленій.

Литература. Heinrich Ritter, *Ueber die Bildung des Philosophen durch die Geschichte der Philosophie.* 1817.

Conrad Hermann, *Das Verhaltniss der Philosophie zur Geschichte der Philosophie.* 1861. Авторъ защищаетъ приведенные взгляды Риттера. См тоже рѣчь A. Peip, *Die Geschichte der Philosophie als Einleitungswissenschaft.* 1863.

W. Bauer, *Geschichte der Philosophie fur gebildete Leser, zugleich als Einleitung in das Studium der Philosophie.* 1863. Изд. 2-ое, 1876. Русскій переводъ подъ ред. Антоновича. 1866.

K. A. v. Reichlin-Meldegg, *Einleitung zur Philosophie.* 1870. Послѣ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній о философіи вообще, это *введеніе* въ философію со стр. 19 заключаетъ въ себѣ очеркъ *исторіи философіи.*

R Eucken, *Ueber den Werth der Geschichte der Philosophie.* 1874.

J Witte, *Die Aufgabe der Philosophie u. der Werth der Geschichte der Philosophie.* Въ его *Vorstudien*, 1876 Авторъ указываетъ на исторію философіи, какъ на необходимое пособіе для разрѣшенія задачъ философіи. Безъ этого пособія философія становится проявленіемъ отдѣльнаго индивидуальнаго

§ 2, 4. ума, между тѣмъ какъ она можетъ разрѣшить свои задачи только на основаніи совокупной работы выдающихся умовъ всего человѣчества.

K. Chr. F. Krause († 1832). *Grundriss der Geschichte der Philosophie. Aus dem Nachlasse herausgegeben von P. Hohlfeld u A Wunsche.* 1887. Въ общемъ взглядѣ на историческое развитіе философіи Краузе признаетъ въ каждой частной системѣ частицу общей системы человѣческаго познанія, одно изъ явленій постепеннаго развитія сознанія человѣчества при уразумѣніи истины. (Theilsysteme des Einen Systems der in das Bewusstsein der Menschheit stufenweis hereinleuchtenden Wahrheit).

W. Windelband въ приведенномъ выше (§ 2, 2 *Лит.*) соч. *Praludien* послѣ изученія вопроса что такое философія? указываетъ главнымъ образомъ на значеніе Сократа, Спинозы и Канта для философскаго образованія

L. Strümpell излагаетъ свое *введеніе въ философію* (§ 2, 2 *Лит.*) тоже главнымъ образомъ съ исторической точки зрѣнія.

Paul Janet et Gabriel Séailles, *Histoire de la philosophie. Les problêmes et les écoles.* 1887. Сочиненіе это имѣетъ въ виду пополнить теоретическое *введеніе* въ философію соотвѣтственными историческими данными и въ этомъ отношеніи занимаетъ первенствующее мѣсто среди литературныхъ произведеній новѣйшаго времени

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о сочиненіи. R Biese, *Wissenschaftliche Propadeutik*, 1882, въ которомъ авторъ стремится замѣнить философскую пропедевтику общенаучною, обнимающею собою главнымъ образомъ данныя изъ исторіи человѣческой культуры. Содержаніе: Ступени развитія человѣчества. Начало языка. Отношеніе языка къ мысли. Развитіе письменности. Религіозно-нравственныя идеи грековъ. Искусство. Наука.

С. Гогоцкій. *Введеніе въ исторію философіи* 1871. Послѣ общихъ замѣчаній о значеніи исторіи философіи авторъ опредѣляетъ философію какъ „непрерывный процессъ усилій мысли—возвести къ единству отчетливаго сознанія то же самое, что содержится только какъ данное и разобщенное, въ разныхъ низшихъ видахъ и формахъ нашего сознанія и жизни.“ Это значитъ, что „философія есть только высшая форма свойственнаго человѣку сознанія, осмысляющаго тѣже самыя стихіи, изъ которыхъ слагается первопобужденіе въ каждомъ живомъ существѣ“ Въ дальнѣйшемъ развитіи своего труда, авторъ касается уже спеціальныхъ вопросовъ о методѣ, раздѣленіи, литературы исторіи философіи.

§ 3.

Необходимость основной вступительной науки къ философіи.

§ 3. Каждая вообще наука нуждается въ введеніи, въ пропедевтикѣ, заключающей въ себѣ основныя подготовительныя свѣдѣнія касательно предмета, задачъ, метода изслѣдованія и другихъ общихъ вопросовъ, предварительное разсмотрѣніе которыхъ является необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго, болѣе спеціальнаго изученія данной науки. Но между тѣмъ какъ въ другихъ наукахъ эти подготови-

тельныя свѣдѣнія, излагаемыя въ введеніи, не составляютъ самостоятельнаго предмета изслѣдованія, но сводятся по большей части къ изложенію извѣстнаго количества общепринятыхъ опредѣленій и взглядовъ, признанныхъ несомнѣннымъ фундаментомъ науки; философія, напротивъ, по существу своему, не основывается на готовыхъ, общепризнанныхъ началахъ, но можетъ заняться разрѣшеніемъ своихъ частныхъ задачъ только послѣ предварительнаго разбора своихъ основъ, своего предмета и способа изслѣдованія, равно какъ цѣлаго ряда другихъ подготовительныхъ вопросовъ. Безъ всесторонняго изученія этихъ вопросовъ, философія не могла бы быть на высотѣ своего научнаго призванія и отдала бы себя во власть случайнаго теченія мысли, подобно кораблю среди волнъ бурнаго океана безъ компаса и руля. Философія отказалась бы отъ своихъ непосредственныхъ началъ, если бы хотѣла почерпать свои основы, безъ предварительнаго разбора, изъ мутнаго источника господствующихъ въ данное время или въ данной средѣ взглядовъ. Поэтому именно всѣ частныя философскія изслѣдованія должны непремѣнно основываться на особой вступительной наукѣ, разсматривающей всесторонне основы философіи вообще. Въ разборѣ именно этихъ основъ заключается значеніе энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій для всякаго вообще философствованія. § 3.

Примѣчаніе I-ое. Основная наука философіи въ сравненіи съ введеніями въ другія науки. Общія опредѣленія и замѣчанія, излагаемыя въ введеніи къ каждой наукѣ и часто даже къ научнымъ монографіямъ, не могутъ считаться лишнимъ украшеніемъ или остаткомъ схоластическихъ пріемовъ. Напротивъ, они составляютъ необходимую исходную точку для самой науки, руководящее начало для ея дальнѣйшихъ изслѣдованій. Опредѣленіе предмета и методовъ данной науки, обозрѣніе какъ ея задачъ, такъ и безспорныхъ результатовъ ея изслѣдованій и тому подобные общіе взгляды вліяютъ непосредственно на характеръ и ходъ научныхъ изслѣдованій § 3, 1.

Въ большей части наукъ эти общія руководящія начала вырабатываются путемъ практическаго опыта, безъ пред-

§ 3, 1. варительнаго разбора ихъ содержанія, и поэтому представляются обыкновенно изслѣдователями въ законченной, готовой формѣ и не возбуждаютъ по большей части дальнѣйшихъ вопросовъ. Относительно предмета, задачъ, методовъ и существенныхъ результатовъ изслѣдованія такихъ, напр., наукъ, какъ астрономія, физика, химія, минералогія, ботаника, зоологія, исторія, языкознаніе, правовѣдѣніе, богословіе и др., существуетъ обыкновенно полное согласіе между учеными. Они расходятся между собою не столько относительно общаго взгляда на свою науку, сколько вслѣдствіе разныхъ результатовъ своихъ частныхъ изслѣдованій и разныхъ заключеній, выводимыхъ изъ этихъ изслѣдованій.

Въ совершенно иномъ видѣ представляется намъ въ этомъ отношеніи фактическое состояніе философіи. Философы расходятся въ своихъ взглядахъ не только относительно выводовъ изъ своихъ изслѣдованій, но главнымъ образомъ и относительно основныхъ вопросовъ, касающихся философіи вообще. Здѣсь уже изслѣдователь не можетъ сослаться на готовыя господствующія и общепринятыя начала своей науки, но долженъ *самостоятельно* опредѣлить эти начала, на основаніи собственныхъ изслѣдованій. Поэтому именно философія, до разрѣшенія своихъ спеціальныхъ задачъ, занимается въ особой основной наукѣ изученіемъ своихъ общихъ началъ; другія-же науки въ этомъ отношеніи ограничиваются, по большей части, нѣсколькими вступительными замѣчаніями и отъ нихъ прямо переходятъ къ своимъ частнымъ изслѣдованіямъ.

Литература. Сказанное подтверждается всѣми приведенными сочиненіями, имѣющими предметомъ энциклопедію философіи, введеніе въ философію и философскую пропедевтику (см. *Лит.* къ § 1, з. 2, 2, з, 4). Въ этихъ сочиненіяхъ обнаруживается все разнообразіе мыслителей въ опредѣленіи самыхъ существенныхъ началъ философіи. Разсмотрѣніе и оправданіе этой неопредѣленности касательно основныхъ началъ философіи, см. Г. Струве, *Отличительныя черты философіи*, 1872, стр 5 и слѣд.: „Въ самомъ дѣлѣ, мы должны сознаться въ томъ, что предметъ философіи не опредѣленъ точно; сами философы не согласуются между собою относительно вопросовъ: что такое философія? къ чему стремится она? что составляетъ ея главную, настоящую задачу, отличающую ее отъ другихъ наукъ? какія спеціальныя философскія задачи истекаютъ изъ ея сущности? и т. д. Равнымъ образомъ не рѣшенъ еще окончательно и вопросъ о методѣ философіи: должна ли она развивать свои воззрѣнія изъ однихъ отвлеченныхъ пріемовъ разума и, какъ паукъ, изъ самой себя выпрясть свою паутину, или-же, по пресловутому индуктивному методу, какъ пчела, искать внѣ себя матеріала для своихъ произведеній? Та-же самая неопредѣленность и то-же самое несогласіе повторяются во всѣхъ спеціальныхъ философскихъ наукахъ. Философы до сихъ поръ не со-

§ 3, 1.

согласились еще относительно главнаго предмета логики, метафизики, психологіи, эстетики, этики; сколько разныхъ философскихъ системъ, столько разныхъ опредѣленій этихъ наукъ. О разногласіи воззрѣній на философію и философскія науки, существующемъ между диллетантами по философіи и спеціалистами по другимъ наукамъ, мы уже и не говоримъ.—Все это такъ; и никто изъ знающихъ философію не можетъ оспаривать вышесказаннаго. Но вопросъ въ томъ: даетъ-ли все это кому-либо право ставить философію ниже спеціальныхъ наукъ, въ которыхъ не встрѣчается подобной неопредѣленности, подобнаго разногласія относительно существенныхъ для нихъ вопросовъ? Если мы докажемъ, что неопредѣленность предмета философіи, невозможность ограниченія его какою-либо спеціальностью истекаетъ изъ сущности философіи, а разногласіе философовъ относительно ея коренныхъ задачъ не исключаетъ единства въ общемъ характерѣ всѣхъ философскихъ стремленій, то, кажется, не представится удивительнымъ, что мы дойдемъ и до совершенно иныхъ заключеній... Какъ стремленіе *самостоятельнаго* мышленія, философія, естественнымъ образомъ, не можетъ основываться ни на какихъ предварительныхъ положеніяхъ и взглядахъ, которыя почерпнуты были-бы безъ критики изъ готоваго матеріала исторіи. Самостоятельность ея представляетъ каждому философствующему уму право, при образованіи міровоззрѣнія, обращать свое вниманіе преимущественно на *тѣ* предметы и вопросы, которые особенно возбуждаютъ его мышленіе, и изслѣдовать именно *тѣ* стороны общаго бытія, которыя по его убѣжденію служатъ необходимымъ основаніемъ для разрѣшенія главныхъ задачъ философіи. А такъ какъ интересъ, возбуждающій философское мышленіе, различенъ, смотря по разности индивидуумовъ и временъ, и останавливаетъ вниманіе мыслителей на разныхъ предметахъ, то естественно, что изъ этой разности философскихъ интересовъ возникаютъ какъ разныя опредѣленія предмета философіи, такъ и разныя направленія въ изслѣдованіи и познаніи этого предмета... Философія не была-бы плодомъ *самостоятельнаго* мышленія, если-бы она не заключала въ себѣ возможности такого разнообразія въ опредѣленіи ея предмета, если-бы она ограничивала изслѣдованія философствующаго ума какимъ-либо законченнымъ, традиціональнымъ или эмпирическимъ понятіемъ о своемъ предметѣ. Поэтому, опредѣленіе философіи не принимается философами какъ готовый, извнѣ получаемый матеріалъ, которому они подчиняются, безъ всякой предварительной критики,—какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ другихъ наукахъ — напротивъ, философія, по существу своему, требуетъ, что-бы и самое обозначеніе ея предмета было результатомъ предварительнаго разсмотрѣнія, результатомъ *самостоятельнаго* изслѣдованія и философствованія.“

II. Отношеніе энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій къ общей энциклопедіи человѣческаго знанія.

§ 4.

Философія, какъ частица человѣческаго знанія вообще.

§ 4. Философія составляетъ частицу человѣческаго знанія вообще, вслѣдствіе чего энциклопедія философіи входитъ въ составъ общей энциклопедіи наукъ. Изъ этого слѣдуетъ, что точное опредѣленіе энциклопедіи философіи должно основываться на изученіи ея отношенія къ остальнымъ отраслямъ человѣческаго знанія.

§ 4, 1. **Примѣчаніе I-ое. Основныя начала знанія.** Словомъ *знаніе* обозначается умственная дѣятельность, при помощи которой мы мыслью воспринимаемъ содержаніе, признаваемое дѣйствительнымъ, реальнымъ, т. е. существующимъ независимо отъ самаго знанія о немъ. Оттого въ составъ знанія входятъ два основныя начала: *умъ*, имѣющій знаніе, и *предметъ* знанія, признаваемый дѣйствительнымъ, или короче: *мысль*, *идея* и *реальное бытіе*. Начала эти называются въ научной терминологіи: *субъектомъ* и *объектомъ* знанія (отъ subjicio=подложить, и objicio=противоставить), или *сознаніемъ* и *вещью въ себѣ*, существующею независимо отъ сознанія.

Все, что касается ума, мысли, сознанія, какъ дѣятельнаго начала знанія, *субъективно*; все же, относящееся къ дѣйствительному предмету знанія, къ вещи въ себѣ, къ бытію, какъ началу, существующему независимо отъ самаго знанія, — *объективно*.

Такъ какъ знаніе, по существу своему, стремится къ возможно точному и вѣрному воспроизведенію въ умѣ своего предмета, то *объективность* признается преимуществомъ и даже послѣднею цѣлью знанія; между тѣмъ съ понятіемъ о *субъективности* знанія сочетается обыкновенно мысль объ извѣстномъ недостаткѣ его, о смѣшеніи въ умѣ реально существующаго, чистаго предмета знанія съ болѣе или менѣе произвольными выводами ума, субъекта, лишенными характера дѣйствительности.

Съ другой стороны слѣдуетъ однако замѣтить, что всякое знаніе, какъ процессъ ума, *субъективно*. Съ этою субъективностью его соединяется, тѣснѣйшимъ образомъ, какъ идея объ объективности, о вещи въ себѣ, о существующемъ вообще, такъ и всякое воспроизведеніе его частнаго содержанія въ формѣ представленій, понятій, сужденій о предметахъ. Все это, вмѣстѣ съ идеею объ объективности вообще, произведенія умственной дѣятельности, субъекта. § 4, 1.

Изъ этого ясно, что въ знаніи не мыслимо безусловное противопоставленіе субъекта и объекта, субъективныхъ и объективныхъ началъ. Отношеніе этихъ началъ другъ къ другу условно, оно имѣетъ въ концѣ концовъ умственное значеніе и можетъ быть только ближе опредѣлено на основаніи подробнаго анализа умственной дѣятельности знанія; въ особенности на основаніи анализа идеи о реально существующемъ, о дѣйствительности. Анализъ этотъ составляетъ, какъ увидимъ, предметъ особой философской науки, извѣстной подъ названіемъ *метафизики* (отъ τὰ μετὰ τὰ φυσικά=то, что слѣдуетъ послѣ физики).

Для нашей настоящей цѣли довольно будетъ замѣтить, что признаніе за предметомъ знанія характера *объективности, реальности, дѣйствительности* зависитъ отъ двухъ моментовъ.

во 1-хъ, отъ извѣстныхъ данныхъ, навязывающихся уму какъ нѣчто независящее отъ его самодѣятельности,

во 2-хъ, отъ умственнаго разбора этихъ данныхъ и вывода изъ нихъ заключеній, относительно ихъ существованія за предѣлами самаго знанія о нихъ.

Первый изъ этихъ моментовъ представляется въ видѣ такъ называемаго *опыта*, внѣшняго, чувственнаго и внутренняго, умственнаго. Второй-же моментъ заключается въ *логической дѣятельности* ума, разсматривающей данныя опыта на основаніи своихъ своеобразныхъ законовъ и выводящей изъ этихъ данныхъ соотвѣтственныя заключенія. Опытъ и логическая дѣятельность ума составляютъ, такимъ образомъ, необходимое основаніе всякаго знанія, въ особенности же всякаго признанія объективности, дѣйствительности за даннымъ предметомъ знанія.

Когда умъ воспринимаетъ данные предметы не только въ готовой законченной формѣ, непосредственно, но дастъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и отчетъ въ ихъ значеніи и въ ихъ соотношеніи между собою, тогда простое знаніе становится *познаніемъ*. Это познаніе въ свою очередь становится *объясненіемъ* и *уразумѣ-*

§ 4, 1. *ніемъ* предметовъ, когда умъ вникаетъ въ субъективные процессы даннаго знанія и опредѣляетъ объективныя начала, производящія предметы знанія.

Литература. Разборъ знанія съ разныхъ точекъ зрѣнія составляетъ предметъ трехъ особыхъ философскихъ наукъ: *логики, психологіи* и *метафизики.* О нихъ будетъ рѣчь въ энциклопедіи философскихъ наукъ.

Историческое объясненіе приведенныхъ въ этомъ примѣчаніи философскихъ терминовъ, въ особенности терминовъ: субъектъ и объектъ, субъективный и объективный, опытъ и логическая дѣятельность ума, см. въ соотвѣтственныхъ статьяхъ философскихъ лексиконовъ, равно какъ R. Eucken, *Geschichte u. Kritik der Grundbegriffe der Gegenwart.* 1878, стр. 1-ая и слѣд. и его-же *Geschichte der philosophischen Terminologie*, 1879, стр. 203 и слѣд.

Для нагляднаго уразумѣнія различія между субъективностью и объективностью, стоитъ прочитать Картезія (Descartes) *Meditationes de prima philosophia.* 1641. Особенно 1-ую и 2-ую медитацію. О значеніи-же опыта и логической дѣятельности ума въ познаніи даетъ ясное понятіе главнымъ образомъ *введеніе* въ *Критику чистаго разума Канта* (см. выше § 2, 3 *Лит.*). *Чистое* познаніе, или познаніе a priori, по Канту, познаніе, которое „наша познавательная способность (по поводу чувственныхъ впечатлѣній) *производитъ изъ себя.*“ Оно различается отъ *опытнаго*, „котораго источники—a posteriori, въ опытѣ “ Апріорное познаніе Канта истекаетъ слѣдовательно изъ *субъективной* организаціи ума человѣческаго; опытное-же изъ *объективныхъ* началъ, дѣйствующихъ на эту организацію. Первое, какъ непосредственно связанное съ натурою нашего ума, имѣетъ для насъ характеръ *необходимости* и *всеобщности.* Напротивъ „опытъ указываетъ намъ на тѣ или другія свойства предметовъ, но не ручается, чтобы иначе не могло и быть.“

§ 4, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Единство знанія, науки, и раздѣленіе умственнаго труда.** Человѣческое знаніе имѣетъ своимъ предметомъ *все существующее,* со всѣми явленіями его, на сколько они дѣйствуютъ на умъ человѣка и вызываютъ въ немъ соотвѣтственныя представленія, понятія, сужденія и взгляды. Но такъ какъ всеобщее бытіе одно, то и совокупность человѣческихъ знаній, т. е. наука, по существу своему, одна. Только вслѣдствіе ограниченности единичнаго ума, не способнаго съ надлежащею ясностью, точностью и обстоятельностью воспринимать все существующее, одна всеобщая наука раздробилась на большое число отдѣльныхъ наукъ, имѣющихъ предметомъ изученіе разнородныхъ сторонъ всеобщаго бытія и отдѣльныхъ группъ его явленій.

Это раздѣленіе умственнаго труда при изученіи всеобщаго бытія и его явленій не нарушаетъ однако существеннаго единства всѣхъ человѣческихъ знаній и внутренней связи между ними. Общая энциклопедія человѣческаго знанія, обнимающая собою всѣ науки, указываетъ на это единство и составляетъ

необходимую основу для опредѣленія мѣста каждой отдѣльной науки въ этой общей системѣ знанія. § 4, 2

Литература. См выше (§ 1, 1 *Лит*.) сочиненія, имѣющія предметомъ общую энциклопедію человѣческаго знанія, равно какъ ниже (§ 6, 1 *Лит*.) сочиненія по классификаціи наукъ.

§ 5.

Раздѣленіе наукъ на философскія и спеціальныя.

Всеобщее бытіе, какъ предметъ человѣческаго знанія, обнаруживаетъ сразу два самые поразительные и выдающіеся момента, заключающіе въ себѣ руководящія начала при обозрѣніи системы человѣческаго знанія, т. е. системы всѣхъ вообще наукъ. Это: § 5.

во 1-хъ, *единство* и *однообразіе* существенныхъ началъ всеобщаго бытія, и

во 2-хъ, *множество* и *разнообразіе* безконечнаго числа отдѣльныхъ частныхъ явленій бытія.

Однѣ науки занимаются преимущественно изученіемъ существенныхъ началъ бытія, общаго единства и однообразія его частныхъ явленій; другія же науки стремятся прежде всего къ изученію этихъ частныхъ явленій, ихъ множественности и разнообразія.

Первую группу наукъ мы можемъ соединить въ понятіи *общихъ* или *универсальныхъ* наукъ; вторую же группу образуютъ *частныя* или такъ называемыя *спеціальныя* науки.

Первая группа общихъ или универсальныхъ наукъ совпадаетъ съ *философскими* науками. Философскія науки—это именно самыя общія науки, цѣль которыхъ заключается въ изученіи тѣхъ существенныхъ началъ бытія, которыя обусловливаютъ собою единство всѣхъ его частныхъ явленій. Этимъ философскимъ наукамъ противопоставляются всѣ остальныя науки, какъ науки *спеціальныя*, изслѣдующія опредѣленныя стороны всеобщаго бытія и частныя явленія его. Философія изучаетъ общее въ частномъ; спеціальныя науки—частное въ общемъ.

§ 5, 1. **Примѣчаніе I-ое. Субъективное основаніе раздѣленія наукъ на философскія и спеціальныя.** Приведенное основаніе раздѣленія наукъ на философскія и спеціальныя имѣетъ характеръ *объективный, предметный*; оно выведено изъ началъ самаго бытія—изъ единства и однообразія, множественности и разнообразія его явленій. Это объективное основаніе пополняется и *субъективнымъ*, истекающимъ изъ натуры познавательной дѣятельности ума. Эта дѣятельность имѣетъ въ виду двѣ главныя задачи: познаніе явленій бытія и ихъ объясненіе (§ 4, 1). *Познаніе* явленій составляетъ предметъ спеціальныхъ наукъ, которыя по существу своему изучаютъ фактическій матеріалъ, касающійся явленій бытія. *Объясненіе* же явленій возможно только при помощи уразумѣнія единства и однообразія бытія, его всеобщихъ и существенныхъ началъ, изученіемъ которыхъ занимается философія.

Съ этой точки зрѣнія спеціальныя науки мы можемъ называть *познавательными*, философскія же—*объяснительными*.

Несомнѣнно, что и спеціальныя науки, кромѣ изслѣдованія и познанія частныхъ явленій, имѣютъ въ виду ихъ *объясненіе*. Вообще познаніе и объясненіе соединяются постоянно и пополняютъ другъ друга. Но объясненія спеціальныхъ наукъ основываются на ближайшихъ началахъ этихъ явленій, и поэтому эти объясненія не полны и не окончательны. Между тѣмъ философскія объясненія, основываясь на всеобщихъ началахъ знанія и бытія, доводятъ до возможно полнаго и окончательнаго уразумѣнія явленій, на сколько это уразумѣніе вообще достижимо для человѣческаго ума.

Литература. Въ сочиненіяхъ по логикѣ различаются давно *описательныя* и *объяснительныя* научныя системы (*Логика* § 37, 2) Различіе это относится однако къ спеціальнымъ наукамъ, изъ которыхъ однѣ ограничиваются преимущественно *описаніемъ* изучаемыхъ предметовъ (напр. минералогія, ботаника, зоологія, анатомія, географія, археологія и др.); другія же стремятся главнымъ образомъ *объяснить* явленія и факты, указывая на внутреннюю (*причинную* и *логическую*) связь между ними (химія, физика, физіологія, математика). Это въ сущности различіе между *конкретными* и *абстрактными* науками. Различіе, о которомъ мы выше говоримъ, имѣетъ иной характеръ. Объясненія въ объемѣ спеціальныхъ наукъ ограничиваются познаніемъ ближайшихъ причинъ явленій. Философскія-же объясненія имѣютъ въ виду всеобщія начала, предметныя и умственныя, человѣческаго знанія, и поэтому только они заслуживаютъ этого названія въ смыслѣ возможно точнаго и окончательнаго уразумѣнія изучаемаго предмета. Къ приведенному различію подходитъ болѣе всего дѣленіе научныхъ системъ на *описательныя*, *объяснительныя* и *истолковательныя*, предлагаемое М. И. Владиславлевымъ. По его взгляду пріемы первыхъ наукъ суть классификація и описаніе,

Объяснительныя-же науки занимаются опредѣленіемъ роли, какую извѣстный фактъ играетъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій. Это—реальныя науки. Истолковательныя науки, наконецъ, къ которымъ М. И Владиславлевъ причисляетъ философскія, истолковываютъ смыслъ и значеніе явленій, т. е. опредѣляютъ ихъ цѣль и идею, поэтому называются тоже *идеальными*. См. М. И Владиславлевъ, *Логика. Обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія*. 1872. Стр 356 и слѣд. Его-же *Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни* 2 тома, 1881. Т. I, стр. 45 и слѣд. Въ этомъ дѣленіи, однако, опредѣленіе истолковательныхъ (философскихъ) наукъ, ограниченіе ихъ задачи изученіемъ только цѣли, назначенія явленій, съ исключеніемъ уразумѣнія ихъ причинъ, оказывается слишкомъ узкимъ. Поэтому, мы не можемъ присоединиться вполнѣ къ этому дѣленію и въ понятіи объ объяснительныхъ философскихъ наукахъ объединяемъ тоже стремленія къ уразумѣнію *всеобщихъ* началъ или причинъ явленій. § 5, 1.

Примѣчаніе 2-ое. Объясненіе терминовъ: начало, явленіе, причинность, общее, частное, законъ. Точное пониманіе приведеннаго основанія раздѣленія наукъ на спеціальныя и философскія требуетъ ближайшаго объясненія вводимыхъ здѣсь понятій: *начала* и *явленій*, *общаго* и *частнаго*. § 5, 2.

Согласно составнымъ моментамъ знанія (§ 4, 1), каждое изъ этихъ понятій имѣетъ двоякій смыслъ, смотря по тому, относится-ли оно къ мысли или къ бытію, къ субъективной или къ объективной сторонѣ знанія.

Такимъ образомъ, *начало* или *принципъ* (отъ латинскаго principium = начало, основаніе) обозначаетъ то, что служитъ исходною точкою, источникомъ, основаніемъ, фундаментомъ, для другаго содержанія; слѣдовательно, обозначаетъ или *мысль*, основное положеніе (основоположеніе). изъ котораго выводятся и которымъ доказываются и объясняются другія, производныя мысли, положенія (начало знанія = principium cognoscendi); или же *бытіе*, служащее причиною другого бытія, производящее новыя видоизмѣненія его, какъ новые объективные предметы знанія, признаваемые дѣйствительно существующими (начало бытія, существованія = principium essendi).

При томъ слѣдуетъ замѣтить, что въ русской философской терминологіи терминъ *принципъ* употребляется по большей части въ значеніи мыслительнаго начала; терминъ же *начало* въ смыслѣ начала объективнаго, бытового. Въ этомъ послѣднемъ значеніи терминъ *начало* совпадаетъ обыкновенно съ терминомъ *сущность*, которая обозначается тоже часто латинскимъ словомъ *субстанція* (отъ substo = поддержать, выдержать; substantia = поддерживающее, основа, основаніе, существенное содержаніе).

§ 5, 2. Началу, понимаемому въ такомъ смыслѣ, противопоставляются *явленія* или *феномены* (отъ φαίνω = освѣщать, выявить, проявлять), какъ содержаніе производное, какъ слѣдствіе. Въ этомъ смыслѣ явленія имѣютъ преимущественно характеръ объективный, т. е. касаются дѣйствительности, реальнаго бытія. Впрочемъ, бываютъ и субъективныя явленія, — явленія умственныя, сознанія, психическія, но, какъ явленія, они существуютъ реально, признаются дѣйствительными, объективными, независимо отъ ихъ частнаго содержанія и его отношенія къ внѣшней объективности. Напр. представленіе о сфинксѣ, существующее въ моемъ умѣ, хотя не признается дѣйствительнымъ по своему частному содержанію, въ смыслѣ согласія этого содержанія съ предметомъ, существующимъ независимо отъ представленія (сфинксъ не есть реальное существо, но произведеніе фантазіи); тѣмъ не менѣе, какъ представленіе, какъ явленіе умственное, оно реально, дѣйствительно, слѣдовательно и объективно. Я не могу сомнѣваться въ томъ, что у меня есть представленіе о сфинксѣ, что оно существуетъ реально въ моемъ умѣ. какъ фактъ, результатъ, явленіе умственной дѣятельности. Сфинкса нѣтъ во внѣшней дѣйствительности, какъ самостоятельнаго существа, но представленіе о сфинксѣ существуетъ дѣйствительно въ умѣ и проявляется въ свою очередь реально, не только въ формѣ мысли, но и въ произведеніяхъ искусства, напр. у египтянъ.

Въ этомъ смыслѣ всѣ умственныя явленія, явленія душевныя, психическія равно реальны, дѣйствительны, какъ и явленія внѣшняго бытія. Мало того, такъ какъ реальность вообще, слѣдовательно и реальность внѣшняго бытія, доходитъ до нашего сознанія только при посредствѣ умственныхъ явленій, т. е. при посредствѣ состояній нашего ума, какъ субъекта своей дѣятельности, въ формѣ ощущеній, представленій, понятій и тому подобныхъ фактовъ нашего сознанія (§ 4, 1), то умственныя явленія, въ сущности, составляютъ для нашего сознанія единственную *непосредственную* дѣйствительность; между тѣмъ дѣйствительность внѣшнихъ предметовъ имѣетъ для насъ всегда характеръ *посредственный*; есть результатъ *заключенія*, выведеннаго изъ непосредственныхъ данныхъ умственной жизни, изъ нашихъ субъективныхъ состояній. Признаніе объективной дѣйствительности, напр. даже солнца, есть *заключеніе*, выведенное изъ субъективныхъ свѣтовыхъ ощущеній, дошедшихъ до нашего сознанія. Если бы у насъ не было глазъ, способныхъ ощущать свѣтъ, и ума, выводящаго заключенія изъ своихъ ощу-

щеній, то мы о солнцѣ не имѣли бы никакого представленія и не признавали бы за нимъ реальнаго, объективнаго бытія. § 5, 2.

Наши представленія о внѣшнихъ явленіяхъ бываютъ часто неточными, неполными, ошибочными—именно вслѣдствіе недостатка субъективныхъ данныхъ для образованія этихъ представленій; вслѣдствіе вообще различія въ данномъ случаѣ между объективною дѣйствительностью и ея субъективнымъ воспріятіемъ, изображеніемъ. Напротивъ, явленія внутреннія, душевныя воспринимаются нами непосредственно въ ихъ дѣйствительности, и поэтому мы не можемъ ошибаться въ ихъ воспріятіи, какъ душевныхъ явленій. Я не могу ошибаться въ томъ, что я испытываю въ данную минуту то или другое ощущеніе свѣта, звука, что у меня появляется въ умѣ та или другая мысль. Ошибочнымъ можетъ быть мое *истолкованіе, объясненіе* этихъ явленій; но, какъ факты сознательные, они воспринимаются сознаніемъ цѣликомъ, безъ остатка, на основаніи непосредственнаго тождества субъекта и объекта знанія, и поэтому не допускаютъ никакого сомнѣнія.

Ясное понятіе объ этихъ отношеніяхъ важно не только для нашего настоящаго предмета, но, какъ увидимъ, вообще для точнаго уразумѣнія основныхъ началъ философіи.

Отношеніе между началомъ умственнымъ, принципомъ мыслительнымъ и его выводами съ одной стороны, а съ другой, между началомъ бытовымъ, сущностью, субстанціею и явленіями,—опредѣляется ближе понятіемъ о *причинности*. Мы не станемъ теперь разбирать этого понятія и не будемъ разсматривать взглядовъ мыслителей на его содержаніе; скажемъ только, что оно входитъ непосредственно въ составъ всякаго знанія, всякаго логическаго сочетанія мыслей между собою и всякаго взгляда на объективную дѣйствительность. Къ закону причинности сводится какъ логическій законъ *достаточного основанія* (Логика § 9, 2), такъ и научное объясненіе *соотношенія* между явленіями бытія (Логика § 32, 2). Кто отрицаетъ реальное значеніе причинности, тотъ не можетъ признавать возможности знанія вообще и не можетъ послѣдовательно воспользоваться въ своихъ разсужденіяхъ ни понятіями о принципѣ и началѣ, ни понятіями о логическихъ выводахъ, заключеніяхъ, ни понятіемъ о явленіяхъ. Всѣ эти понятія, какъ и вообще понятіе знанія и его предмета,—реальнаго бытія,—тѣсно связаны съ признаніемъ *причинности*.

Съ понятіями принципа, начала, съ одной, и вывода, явленія съ другой стороны, тѣсно связаны понятія объ *общемъ*

§ 5, 2. и *частномъ*. *Общее*, въ смыслѣ единства, обнимающаго собою множество отдѣльныхъ моментовъ. составляетъ свойство принципа, начала. Принципъ, начало объединяютъ собою всегда извѣстное количество или отдѣльныхъ мыслей, выводимыхъ изъ нихъ, или отдѣльныхъ явленій, производимыхъ ими. *Частное*, напротивъ, касается только выводовъ, явленій, представляющихъ собою всегда извѣстную множественность и разнообразіе.

Вслѣдствіе этого, взглядомъ на начала и явленія опредѣляется взглядъ на значеніе общаго и частнаго въ знаніи. Взглядъ напр. такъ называемаго *феноменализма* (напр. Огюста Конта), признающаго феномены, явленія, исключительнымъ содержаніемъ объективной дѣйствительности, видящаго, слѣдовательно, въ принципѣ, началѣ, въ сущности только произведеніе мыслительной дѣятельности, доходитъ послѣдовательно и до заключенія, что общее есть тоже только произведеніе ума, что оно не имѣетъ объективнаго значенія. Общее признается въ такомъ случаѣ только результатомъ отвлеченія, абстракціи, т. е. мыслительнаго выдѣленія извѣстныхъ свойствъ реальныхъ предметовъ изъ связи съ остальными, и сочетанія этихъ свойствъ въ одно новое мыслительное цѣлое, въ такъ называемомъ *общемъ понятіи*, существующемъ только въ умѣ, но не соотвѣтствующемъ отдѣльному дѣйствительному содержанію бытія. Напротивъ, взглядъ *субстанціонализма*, признающій реальное. объективное существованіе не только частныхъ, единичныхъ явленій, но и начала, сущности, субстанціи, какъ причины, производящей явленія, утверждаетъ, что общее не есть только произведеніе ума, но что оно существуетъ и въ самомъ бытіи, какъ начало всѣхъ частныхъ явленій его. На этомъ предположеніи основывается идеологія Платона (отъ ἰδέα и λόγος = наука), т. е. ученіе объ идеяхъ, какъ основныхъ началахъ бытія. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и воззрѣнія идеализма вообще, на сколько онъ принимаетъ характеръ объективный.

Мы здѣсь не будемъ ближе разсматривать и рѣшать спора о томъ, что служитъ настоящимъ началомъ бытія, дѣйствительности: *общее* или *частное*; все обнимающее бытіе, сущность, субстанція, производящая явленія. или же одни только явленія. Рѣшеніе этого спора составляетъ задачу особыхъ изысканій, входящихъ, какъ увидимъ, въ составъ особой философской науки. Для уразумѣнія однако основъ человѣческаго знанія укажемъ на тотъ безспорный фактъ, что частное или явленія, какъ предметъ знанія, обнаруживаютъ извѣстное однообразіе и объе-

диняются, т. е. образуютъ единицы, цѣлыя, обнимающія собою все большіе и большіе круги бытія (отдѣльные чувственные предметы, существа, семьи, народы, небесныя тѣла, солнечныя системы, міръ, вселенная, бытіе вообще). § 5, 2.

Кромѣ того, фактъ однообразія явленій, который можетъ быть объясненъ только дѣйствіемъ въ нихъ одного общаго начала, служитъ исходною точкою для понятія о *законахъ* явленій, опредѣленіе которыхъ составляетъ конечную цѣль всякаго знанія, всякой науки. Законъ въ сущности есть не что иное, какъ общее начало, обнаруживающееся въ однообразномъ соотношеніи частныхъ явленій. Чѣмъ большій кругъ частныхъ явленій обнимается даннымъ общимъ началомъ, тѣмъ законы имѣютъ болѣе общій характеръ, обнимая собою въ концѣ концовъ все существующее. Законъ, какъ реальное, объективное начало, указываетъ такимъ образомъ на реальность, объективность общаго въ частныхъ явленіяхъ.

Изъ сказаннаго ясно, что умъ человѣческій изучаетъ какъ общее, такъ и частное, какъ начала и законы, такъ и явленія, и факты бытія. Результаты этого изученія могутъ быть самые разнообразные; но приведенные предметы, какъ предметы изученія, разбора — неоспоримы. Изъ различія же между этими предметами истекаетъ различіе между философскими и спеціальными науками; первыя имѣютъ предметомъ изученія преимущественно общія начала, послѣднія—частныя явленія.

Литература. Всестороннее объясненіе приведенныхъ терминовъ: *начало, принципъ, сущность, явленіе, общее, частное, причинность, законъ*, составляетъ предметъ особыхъ философскихъ изысканій *логики* и *метафизики*. См. тоже соотвѣтственныя статьи философскихъ лексиконовъ, въ особенности Франка и Гогоцкаго (§ 1, 4 *Лит.*) и приведенныя выше (§ 4, 1 *Лит*). сочиненія Эйкена. Со временъ Конта, который въ своемъ *Курсѣ позитивной философіи* (§ 1, 3 *Лит.*) ратуетъ противъ всякихъ „сущностей“ и ограничиваетъ задачи науки изученіемъ однихъ только „явленій“ и ихъ соотношеній, очень часто можно встрѣтиться съ презрительными взглядами на философію вообще а въ особенности на метафизику, какъ на лишенное всякаго „научнаго“ значенія стремленіе уразумѣть непостижимую „сущность“ міра На сколько справедливы эти упреки, это увидимъ позже при разсмотрѣніи предмета и задачъ философіи вообще и метафизики въ особенности. Здѣсь укажемъ только еще на слѣдующія литературныя пособія для болѣе точнаго уразумѣнія приведенныхъ основныхъ философскихъ понятій.

Различіе между *сущностью* и *явленіемъ* Кантъ сводитъ къ различію между такимъ предметомъ знанія, который не можетъ быть чувственно представляемъ и относится къ вещи самой въ себѣ, и предметомъ чувственнаго представленія, принимающимъ видъ явленія. Первый онъ называетъ

§ 5, 2. *noumenon* (отъ νοῦς—разумъ; понимаемое разумомъ); послѣдній *phaenomenon*. На этомъ основаніи онъ различаетъ міръ *чувственный* и *мысленный* (mundus sensibilis et intelligibilis). Первый составляетъ предметъ нашего опытнаго знанія, послѣдній „превышаетъ мѣру нашихъ способностей," къ нему непримѣнимы наши разсудочныя понятія, какъ умственныя формы, предназначенныя для нашего чувственнаго, нагляднаго представленія. Понятіе вещи въ себѣ (das Ding an sich) имѣетъ въ сущности только *отрицательное* значеніе, указывая на предѣлы нашего знанія.—Желающій глубже вникнуть въ этотъ взглядъ Канта долженъ прочитать третій отдѣлъ II-ой книги Кантовой *Критики чистаго разума*: „Основаніе различія всѣхъ предметовъ вообще на phenomena и noumena." Переводъ М. И. Владиславлева (§ 2, з *Лит.*), стр. 219—237.

Типическимъ защитникомъ метафизики, какъ „науки о наиболѣе общихъ началахъ"—противъ Конта съ точки зрѣнія новѣйшей науки, является Дж. Г. Льюисъ, въ своихъ *Вопросахъ о жизни и духѣ* (*Problems of life and mind*). Часть I-ая. *научный методъ и его приложеніе къ метафизикѣ*. См русскій переводъ, изданіе Журнала „Знаніе," 1875 Это тотъ-же самый позитивистъ Льюисъ, который въ первомъ изданіи своей *Исторіи философіи* (1846, русскій переводъ 1865) подъ вліяніемъ Конта отвергалъ всякую метафизику и въ философіи до Конта видѣлъ только однѣ безуспѣшныя попытки уразумѣть міръ Вотъ что онъ по этому предмету между прочимъ говоритъ въ вышеприведенномъ сочиненіи: „Контъ прямо исключалъ всякое изслѣдованіе въ этомъ (метафизическомъ) направленіи, заявивъ, что метафизическіе вопросы не разрѣшимы по существу своему, а стало быть праздны и вредны.." „Мнѣ хотѣлось-бы доказать, что метафизическія задачи, при раціональной постановкѣ, не представляютъ другихъ трудностей, кромѣ тѣхъ, которыя присущи всѣмъ научнымъ задачамъ вообще, и что при научной обработкѣ, онѣ подлежатъ рѣшеніямъ не менѣе удовлетворительнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ задачи физическихъ наукъ.." „Недоступность есть дѣло относительное, и наука отвѣтила уже на многіе вопросы, которые для умовъ, незнакомыхъ съ ея данными и пріемами, могли показаться выше человѣческаго пониманія и дѣйствительно были-бы недоступны для насъ безъ помощи этихъ данныхъ и пріемовъ науки.." „То же повторяется и въ метафизикѣ. Задачи ея не доступны теперь и останутся недоступными для тѣхъ, которые не захотятъ приблизиться къ нимъ по единственно вѣрной дорогѣ; между тѣмъ существуетъ путь, по которому можно подойти къ нимъ, и все зависитъ только отъ умѣнья найти его. Немного лѣтъ тому назадъ было-бы нелѣпостью строить теорію относительно настоящаго химическаго состава солнечной атмосферы. Это представляло одну изъ тѣхъ тайнъ, которую ни одинъ астрономъ не считалъ доступной изслѣдованію.. И вдругъ открытіе спектральнаго анализа дало намъ въ руки орудіе, съ помощью котораго присутствіе газовъ и паровъ въ солнечной атмосферѣ могло быть опредѣлено столь-же точно, какъ и въ нашихъ лабораторіяхъ..." „Если даже въ математикѣ допускаются трансцендентальныя величины безъ ущерба для точности выводовъ, то естественно спросить, не можетъ ли тотъ-же самый пріемъ быть допущенъ въ другихъ наукахъ, и даже въ метафизикѣ, съ тѣми же результатами?..." „Для подкрѣпленія нашей защиты спекулятивныхъ пріемовъ достаточно взглянуть на труды двухъ величайшихъ положительныхъ изслѣдователей: Галилея и Ньютона." Льюисъ показываетъ подробно, что ихъ изслѣдованія имѣютъ преимущественно характеръ *теоретическій*;

„опытъ рѣдко призывается здѣсь на помощь, хотя и подразумѣвается повсюду..." „Въ самомъ дѣлѣ, можно доказать, какъ нельзя болѣе ясно, что такъ называемая точная наука представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чисто идеальное построеніе, имѣющее дѣло прежде всего съ абстракціями, а не съ конкретными реальностями; такимъ образомъ, существенное возраженіе противъ метафизическихъ системъ состоитъ не въ томъ, что онѣ вращаются въ мірѣ идеальныхъ представленій, но въ томъ, что эти представленія неправильно построены, или нелогично примѣнены..." „Съ тѣхъ поръ, какъ нельзя отрицать факта, что такія понятія, какъ *матерія*, *сила*, *причина* и т. д. существуютъ, и что эти слова суть символы чувственныхъ наблюденій, происхожденіе этихъ понятій и истолкованіе этихъ символовъ должно быть въ нашихъ глазахъ не менѣе законнымъ предметомъ изслѣдованія, чѣмъ происхожденіе и истолкованіе такихъ понятій, какъ *животное*, *растеніе*, *планета* или *вселенная*..." „И хотя и нужно признать долю правды въ презрительныхъ выраженіяхъ, которыми обвиняютъ метафизику въ преслѣдованіи онтологическихъ химеръ (сознаніе именно той вины заставило многихъ отказаться отъ метафизическихъ изысканій), нельзя не согласиться и съ возраженіемъ, что метафизика можетъ быть еще плодотворной, не смотря на то, что усилія метафизиковъ терпѣли до сихъ поръ постоянныя неудачи. Это-то убѣжденіе поддерживаетъ любовь къ метафизическому изслѣдованію въ средѣ немногихъ доблестныхъ адептовъ .." „Дѣло, оказывающееся достаточно сильнымъ послѣ цѣлыхъ вѣковъ неудачъ, можно считать пострадавшимъ, но не погибшимъ въ борьбѣ .." Эти выписки, кажется, достаточны для того, чтобы убѣдить читателя въ необходимости разсмотрѣнія основныхъ понятій нашего знанія. Желающій ближе ознакомиться съ доказательствами этихъ воззрѣній Льюиса, почерпаемыми изъ исторіи наукъ, долженъ прочитать всю часть его приведеннаго сочиненія. § 5, 2.

§ 6.

Необходимость взаимнаго пополненія философскихъ и спеціальныхъ наукъ.

§ 6. Различіе между философскими и спеціальными науками, между изученіемъ существенныхъ началъ бытія, общаго единства, однообразія его явленій, и изученіемъ однихъ явленій, ихъ множественности и разнообразія — не имѣетъ, однако, безусловнаго характера. Чтобы изучить основныя начала бытія, общее единство и однообразіе его явленій — нужно непремѣнно обратить вниманіе на ихъ множественность и разнообразіе. Только на основаніи сравнительнаго изученія множественности и разнообразія явленій можно дойти до опредѣленія существенныхъ началъ бытія, служащихъ причиною его единства и однообразія.

§ 6. Съ другой же стороны бытіе обнаруживается въ такомъ безконечномъ количествѣ разнообразныхъ частныхъ явленій, что изученіе этихъ частныхъ явленій, ихъ множественности и разнообразія, невозможно безъ ихъ объединенія и обобщенія.

Каждая спеціальная наука имѣетъ своимъ предметомъ явленія, уже до извѣстной степени объединенныя и обобщенныя; каждая изъ этихъ наукъ, стремясь къ изученію своей частной группы явленій, разсматриваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общія начала, обнаруживающіяся въ этой группѣ и называемыя обыкновенно *законами* данной спеціальной науки (§ 5, 2).

Различіе, слѣдовательно, между философскими и спеціальными науками основывается прежде всего на различной степени объединенія и обобщенія явленій бытія и его началъ. Философія стремится къ самымъ высшимъ обобщеніямъ, къ опредѣленію *всеобщихъ* началъ бытія и разсматриваетъ отдѣльныя явленія его съ точки зрѣнія этихъ всеобщихъ, существенныхъ началъ. Между тѣмъ спеціальныя науки довольствуются обобщеніями, истекающими изъ изученія *частныхъ* группъ явленій, и при этомъ не принимаютъ во вниманіе тѣхъ всеобщихъ началъ бытія, которыя дѣйствуютъ не только въ спеціальной группѣ явленій, но и во всѣхъ остальныхъ явленіяхъ. Такимъ образомъ, несмотря на все различіе междуфилософскими и спеціальными науками, онѣ пополняютъ другъ друга и образуютъ совмѣстно одну общую систему человѣческихъ знаній (§ 4, 2).

Изъ сказаннаго истекаетъ, что общая энциклопедія человѣческаго знанія составляетъ основаніе какъ энциклопедіи философіи, такъ и энциклопедіи спеціальныхъ наукъ. Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій образуетъ, слѣдовательно, часть общей энциклопедіи человѣческаго знанія.

§ 6, 1. **Примѣчаніе I-ое. Классификація наукъ.** Раздѣленіе наукъ на философскія, имѣющія предметомъ изученія общія начала бы-

тія. и спеціальныя, посвященныя изученію частныхъ явленій его (§ 5)—тѣсно связано съ основнымъ вопросомъ энциклопедіи человѣческихъ знаній, т. е. съ вопросомъ о *классификаціи наукъ* вообще. Классификація эта можетъ принимать во вниманіе разныя основанія для дѣленія. § 6, 1.

Самыя замѣчательныя классификаціи наукъ истекаютъ изъ слѣдующихъ основаній раздѣленія:

1. *Умственныя способности человѣка, какъ основаніе классификаціи наукъ.* Съ этой точки зрѣнія Платонъ и его школа раздѣляли всѣ человѣческія знанія на діалектику, т. е. *логику*, *физику* и *этику*, изъ которыхъ первая основывается на разумѣ, вторая на чувственномъ ощущеніи, а третья на волѣ. Сюда относится и дѣленіе знаній по Бэкону на *исторію* (естественную и политическую), *поэзію* и *философію*, согласно тремъ способностямъ ума: память, фантазія и разумъ. Этого раздѣленія придерживается, съ небольшими видоизмѣненіями и Даламберъ въ своемъ *Введеніи* къ упомянутой выше (§ 1, 2 *Лит.*) всеобщей *Энциклопедіи*. Главные моменты этой классификаціи слѣдующіе: I. *Память*—исторія. 1. Священная. 2. Гражданская (civil). 3. Естественная II. *Разумъ*—философія. 1. Общая метафизика или онтологія. 2 Теологія. 3. Наука о человѣкѣ (пнейматологія, логика и мораль) 4. Наука о природѣ (метафизика тѣлъ или общая физика, математика, частная физика). III. *Фантазія* (imagination)—поэзія и художества (музыка, скульптура, гравюра, живопись, архитектура).

Литература. По свидѣтельству Секста Эмпирика, греческаго писателя II-ого вѣка по рожд. Хр., раздѣленіе наукъ на логику, физику и этику въ первый разъ ясно высказано было ученикомъ Платона Ксенократомъ, но на основаніи взглядовъ, высказанныхъ въ сочиненіяхъ Платона. Sextus Empiricus, *Adversus mathematicos.* Lib. VII, 16. *Opera ed. Fabricius.* 1842.

Bacon, *De dignitate et augmentis scientiarum* 1623. Lib. II, cap. 1, Lib IV, cap. 2.

D'Alembert, *Discours préliminaire* къ Энциклопедіи, къ которому онъ прибавилъ *Système figuré des connaissances humaines.* Относительно двухъ послѣднихъ сочиненій см. тоже § 1, 2 *Лит.*

2 *Цѣль науки, какъ основаніе классификаціи наукъ.* На этомъ основаніи Аристотель раздѣлилъ науки на *теоретическія*, имѣющія въ виду знаніе ради самаго знанія (аналитика, т. е. логика, какъ подготовительная наука къ знанію вообще; первая философія, т. е. позднѣйшая метафизика съ теологіею. далѣе математика и физика); *практическія*, имѣющія въ виду благосостояніе человѣка (этика, политика, экономика, риторика

§ 6, 1. и теорія военнаго искусства), и наконецъ *поэтическія* или собственно *техническія* науки, имѣющія въ виду не столько знаніе, сколько умѣніе.—Подобное дѣленіе наукъ по цѣлямъ предлагаетъ Джонъ Локкъ, который физику или естествознаніе признаетъ *теоретическою* наукою; этику—*практическою*, а въ логикѣ, называемой имъ тоже семіотикою (отъ σημεῖον=знакъ= ученіе о знакахъ), видитъ только искусство изобрѣтенія *техническихъ знаковъ* или терминовъ для обозначенія идей и умѣніе воспользоваться этими терминами.—Дѣленіе наукъ на *теоретическія* и *практическія*, примѣнялось тоже, какъ увидимъ ниже, Христіаномъ Вольфомъ раціо къ нальнымъ, въ особенности къ философскимъ наукамъ. Сюда относится и основное дѣленіе наукъ по Конту и Бэну на *теоретическія* и *практическія* или искусства. Въ этомъ-же духѣ въ новѣйшее время американскій проф. Шидсъ предлагаетъ слѣдующее дѣленіе наукъ и искусствъ: I. *Наука наукъ* (science of the sciences), раздѣляющаяся на разныя абстрактныя и конкретныя вѣтви; II. *Искусство наукъ* (art of the sciences), собственно логика, эмпирическая, метафизическая и синтетическая; III. *Наука искусствъ* (science of the arts), обнимающая собою матеріальныя, нравственныя и религіозныя искусства.

М. М. Троицкій представляетъ въ *Наукѣ о духѣ* дѣленіе наукъ на феноменологію или *теоретическую* философію (физика, химія, біологія, психологія и соціологія), и методику, иначе *практическую* или критическую философію (дисциплины искусствъ, теоріи нравственности, права, педагогика и практическая политика, далѣе научныя теоріи методовъ умственной дѣятельности, какъ математика, чистая механика, логика; сюда же относится и метафизика, въ смыслѣ методики). Въ своемъ *Учебникѣ логики* М. М. Троицкій, признавая логику *введеніемъ*, дѣлитъ науки тоже на *теоретическія* и *практическія*. Въ дальнѣйшемъ-же подраздѣленіи наукъ придерживается онъ, какъ увидимъ, другихъ основаній дѣленія.

Н. Я. Гротъ различаетъ равнымъ образомъ два вида классификаціи наукъ: *практическій* и *теоретическій*, вызываемые разными побудительными причинами дѣленія наукъ; первый связанъ съ условіями дѣятельности человѣка, второй—съ условіями его мышленія и познанія.

Литература. Aristoteles, *Metaphysica, ed. Bonitz.* 1848 Lib. IV, cap. 1. Аристотель указываетъ здѣсь на то, что всякое знаніе (διάνοια) или практическое (ἡ πρακτικὴ), или поэтическое (ἡ ποιητικὴ), или теоретическое

(ἡ θεωρητική). и признавая за теоретическимъ знаніемъ особое значеніе, представляетъ приведенный составъ его. Дѣленіе-же практическихъ наукъ истекаетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ *Этики* Аристотеля *Ethica Nicom. ed. Bekker.* 1831. Lib I, cap 1. VI, 9. X, 10. *Ethica Eudem. ed Susemihl.* Lib. I, 8. § 6, 1.

John Locke, *An essay concerning human understanding* 1690. Изд. St. John. 1854. Кн. IV. Гл. 21 О раздѣленіи наукъ. Лейбницъ подвергаетъ подробной критикѣ классификацію Локка въ своихъ *Nouveaux essais sur l'entendement humain*, написанныхъ въ 1704 г., но изданныхъ лишь долго послѣ смерти его въ 1765 г. Классификаціи Локка Лейбницъ предпочитаетъ дѣленіе наукъ по методу на *синтетическія* и *аналитическія*. См. *Oeuvres philosophiques de Leibniz.* Ed. T. Janet. 1866. T. I, стр. 568 и слѣд.

A. Comte, *Cours de philosophie positive* (см. выше § 1, 3 *Лит.*). 2-ая лекція.

Al. Bain, *Logic deductiv and inductiv.* 2 тома. 1871. Русскій переводъ, см. Т. I. Введеніе § 39 и слѣд. и приложеніе къ I тому: *Классификація наукъ.*

Сн. W. Shields, въ приведенномъ (§ 1, 3 *Лит.*), соч. *Science of the sciences*, 1888, стр 392 и слѣд.

М. М. Троицкій, *Наука о духѣ. Общія свойства и законы человѣческаго духа.* 2 тома. 1882 См. § 136. Его-же *Учебникъ логики* Книга III-ья. *Логика геометріи и наукъ о духѣ.* 1888. Глава I-ая этой книги представляетъ подробно и наглядно всѣ главныя классификаціи наукъ, начиная съ Бэкона. На стр. 7-ой находится классификація автора.

Н. Я. Гротъ, *Къ вопросу о классификаціи наукъ. Научно-популярный этюдъ.* 1884. Поучительное пособіе для надлежащаго ознакомленія съ этимъ интереснымъ вопросомъ

3. *Методъ изслѣдованія, какъ основаніе классификаціи наукъ.* Философъ XVIII вѣка Христіанъ Вольфъ раздѣлялъ человѣческія знанія по методу на *историческія*, *философскія* и *математическія*, или на *эмпирическія*, *раціональныя* и *количественныя*. Первыя имѣютъ своимъ предметомъ познаніе фактическаго матеріала науки, опытнаго и историческаго (cognitio eorum quae sunt, atque fiunt); раціональныя же объясняютъ эмпирическій матеріалъ съ точки зрѣнія разума (cognitio rationis eorum quae sunt vel fiunt); математическія, наконецъ, изучаютъ предметы съ количественной точки зрѣнія (cognitio quantitatis rerum). Раціональныя или философскія науки Вольфъ раздѣляетъ въ свою очередь на теоретическія, съ метафизикою во главѣ, и на практическія, къ которымъ онъ причисляетъ этику и политику.—Подобнаго дѣленія, съ небольшими видоизмѣненіями, придерживается и Якобъ въ своей Энциклопедіи наукъ. Шлейермахеръ дѣлитъ науки на *эмпирическія*, имѣющія предметомъ изученія то, что вообще существуетъ, называя эти науки физикой въ обширномъ смыслѣ, и *спекулятивныя*, имѣющія предметомъ изученія то, что должно быть—это этика, вообще нравственныя науки. Общимъ *основаніемъ* ихъ служатъ:

§ 6, 1. діалектика (логика) и математика. Общіе-же *выводы* изъ нихъ представляетъ философія.

Къ дѣленію наукъ по ихъ *методу* принадлежитъ равнымъ образомъ и классификація научныхъ системъ, предлагаемая М. И. Владиславлевымъ въ его *Логикѣ*, на: *описательныя*, вводящія строй и порядокъ въ наши знанія, при помощи классификаціи; *объяснительныя*, обнимающія собою индуктивныя или реальныя науки, указывающія на связь и зависимость фактовъ, на ихъ законы, и наконецъ, идеальныя или *истолковательныя* системы, къ которымъ принадлежатъ философскія науки, изучающія смыслъ, значеніе и цѣль явленій міра.—Подобнаго рода и часто встрѣчающееся дѣленіе наукъ на *индуктивныя*, къ которымъ причисляются прежде всего естественныя науки, — и *дедуктивныя*, образцомъ которыхъ признаются математическія науки. Такъ напр., Н. Я. Гротъ доходитъ, какъ увидимъ ниже, до дѣленія наукъ и по методу на: *индуктивныя*, *индуктивно-дедуктивныя* и *дедуктивныя*.

Классификацію наукъ по методу доводитъ до крайности Бурдо. Онъ различаетъ семь главныхъ наукъ: логику или теорію познанія, математику, динамику, физику, химію, морфологію и праксеологію, и приписываетъ каждый особый методъ изученія своего предмета. Кромѣ того, каждая изъ этихъ наукъ распадается на двѣ части, смотря по примѣненію въ частности *аналитическихъ* или *синтетическихъ* пріемовъ.

Литература Ch. Wolff, *Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata.* 1728. Изданіе 3-ье. 1740. Discursus praeliminaris de philosophia in genere. Cap. I. De triplici cognitione humana.

L. H. Jacob, см. § 1, 2 *Лит*

Fr. Schleiermacher, *Dialektik. Herausgeg. von Jonas.* 1839.

М. И. Владиславлевъ, см. выше § 5, 1 *Лит.*

L. Bourdeau, *Théorie des sciences.* 2 тома. 1882. Семь методовъ, слѣдующіе: индукція, дедукція, обсервація, опытъ, интеграція химическая, сравненіе и коннексія.

4. *Классификація наукъ по ихъ предмету или объекту.* Это основаніе принято надлежащимъ образомъ во вниманіе только съ конца прошедшаго вѣка. На этомъ основаніи Кантъ дѣлитъ науки на: *математику*, *естествознаніе* и *метафизику* или собственно философію. Первая изучаетъ основы нашего чувственнаго воззрѣнія (Anschauung der Sinnlichkeit), т. е. представленія пространства и времени; естествознаніе обнимаетъ собою всѣ познанія, основанныя на опытѣ (Erfahrung); метафизика-же

разсматриваетъ сверхъ-опытные или трансцендентные предметы знанія.—Болѣе простое предметное основаніе классификаціи наукъ принимаютъ знаменитый англійскій юристъ Бэнтамъ и французскій физикъ Ампэръ. Они дѣлятъ науки по различію между *матеріею* и *духомъ*, тѣломъ и умомъ, и на этомъ основаніи доходятъ до двухъ главныхъ группъ наукъ, которыя Бэнтамъ подвелъ подъ общія названія *соматологіи* (отъ σῶμα= тѣло и λόγος = наука) и *пневматологіи* (отъ πνεῦμα = духъ); Ампэръ же подъ названія *космологіи* (отъ κόσμος=міръ) и *ноологіи* (отъ νοῦς = умъ).—Это дѣленіе возстановляетъ въ новѣйшее время Рабье, въ своихъ *Лекціяхъ философіи*. Онъ дѣлитъ прежде всего науки на *космологическія* (математика, механика, астрономія, науки физическія и біологическія) и *ноологическія* (философія, политика, исторія). Къ нимъ затѣмъ присоединяетъ *философскія* науки, имѣющія предметомъ необходимое соединеніе (union nécessaire) *психологіи* и *метафизики*.—Англійскій физикъ Нейль Арнотъ дѣлитъ науки сперва на двѣ главныя группы: *конкретныя*, т. е. науки о вещахъ, и *абстрактныя*, т. е. науки о феноменахъ, явленіяхъ. Съ ними сочетаются въ третихъ искусства (arts or devices) или практическія примѣненія (practical aplications). Къ первой группѣ, называемой тоже *естественною исторіею*, принадлежатъ: 1. Астрономія. 2. Географія. 3. Минералогія съ геологіею. 4. Наука о живыхъ существахъ (ботаника, зоологія и наука о человѣкѣ съ физической точки зрѣнія). 5. Наука о человѣкѣ и его умѣ. съ исторіею и фактами цивилизаціи. Ко второй группѣ, называемой тоже наукою въ строгомъ смыслѣ или *философіею*, причисляются: 1. Физика или философія природы (natural philosophy). 2. Химія. 3. Біологія или физіологія. 4. Наука объ умѣ (психологія, философія морали, политическая экономія и теологія).—Гегель дѣлитъ философію, обнимающую собою по его ученію всю науку, на три части: *логику*, *философію природы* и *философію духа*.—Современный философъ Дюрингъ принимаетъ три группы наукъ: *логику* и *математику*, имѣющія предметомъ изученія самые общіе законы бытія, далѣе *естественныя науки* и, наконецъ, *науки о человѣкѣ* и его произведеніяхъ, обнимающія собою философію, какъ общую науку о жизни человѣка и средствахъ познанія.—Такого-же рода дѣленіе Ліяра на: *математическія* науки (число и фигуры), *физическія* (явленія природы инертной и живой) и *нравственныя* науки (человѣкъ и человѣческія дѣянія).—Это дѣленіе примѣняетъ и М. М. Троицкій къ отвлеченнымъ теоретическимъ наукамъ: 1. *Математика*

§ 6, 1.

§ 6, 1. (ариѳметика, алгебра, геометрія). 2. *Науки физическія* (механика, молекулярная физика, химія, біологія). 3. *Науки нравственныя* (психологія).

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о дальнѣйшей классификаціи наукъ проф. Н. Я. Грота, который съ теоретической точки зрѣнія дѣлитъ науки на три главныя группы: науки о явленіяхъ *неорганическихъ* (космологія и геологія), науки о явленіяхъ *органическихъ* (фитологія и зоологія) и науки о явленіяхъ *надорганическихъ* (психологія и соціологія). При этомъ нужно замѣтить, что эти три группы Н. Я. Гротъ раздѣляетъ далѣе по методу на четыре слѣдующія подраздѣленія: *конкретныя* и *конкретно-абстрактныя* (индуктивныя), *абстрактныя* (индуктивно-дедуктивныя) и *абстрактно-конкретныя* (дедуктивныя).

Литература. Kant, *Kritik der reinen Vernunft.* 1781. Введеніе, гл. V. Переводъ Владиславлева, стр. 12 и слѣд.

Jeremy Bentham, *An essay on nomenclature and classification, including a critical examination of the encyklopedical table of Lord Bacon as improved by d'Alembert.* Этотъ этюдъ помѣщается въ Бэнтама *Chrestomatia*, 1816, стр. 99 и слѣд. См. въ особенности стр. 172 и слѣд.: *a new encyklopedical sketsh*, въ которомъ Бэнтамъ, развивая приведенное начало классификаціи, вводитъ совершенно новыя, искусственно составленныя названія для всѣхъ почти наукъ.

A. M. Ampère, *Essai sur la philosophie des sciences ou exposition analitique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines.* T. I 1834. T. II. 1838. Авторъ развиваетъ классификацію наукъ во всѣхъ подробностяхъ при помощи часто очень искусственныхъ и даже произвольныхъ пріемовъ.

Elie Rabier въ приведенныхъ (§ 1, з *Лит.*) *Leçons de philosophie*, T. I, стр. 6 и слѣд.

Neil Arnoth, *Elements of physics or natural philosophy.* 1825. Изданіе 7-ое, *edited by Al. Bain and Alf. Sw. Taylor.* 1876. Введеніе. Главнымъ образомъ см. Арнота: *A survey of human progress, towards higher civilization.* 1861. Изданіе 2-ое 1862, стр. 48 *table or map of human knowledge.*

Hegel, въ приведенной выше (§ 1, з *Лит.*) *Энциклопедіи философскихъ наукъ.*

E. Dühring, *Logik u. Wissenschaftslehre.* 1878. Его же помянутыи выше (§ 1, з *Лит.*) *Курсъ философіи.* Введеніе.

Louis Liard, *La Logique.* 1884. Кн. II. Гл. 1. Раздѣленіе наукъ.

М. М. Троицкій въ упомянутомъ *Учебникѣ логики.* Кн. III. 1888, стр 7.

Н. Я. Гротъ въ приведенномъ этюдѣ о классификаціи наукъ.

5. *Зависимость наукъ другъ отъ друга въ виду ихъ большей или меньшей сложности, какъ основаніе ихъ дѣленія.* Это основаніе примѣнилъ Огюстъ Контъ, основатель позитивизма, который имѣлъ въ виду представить іерархію теоретическихъ наукъ, указывающую на зависимость частнаго, конкретнаго,

притомъ сложнаго содержанія однихъ наукъ отъ содержанія болѣе общаго, абстрактнаго и простаго другихъ. На этомъ основаніи Контъ раздѣляетъ науки на *абстрактныя* и *конкретныя* и ставитъ во главѣ первыхъ *математику*, которая имѣетъ предметомъ изученіе самыхъ общихъ и простыхъ, вездѣ встрѣчающихся законовъ явленій; за нею слѣдуютъ все болѣе и болѣе сложныя и частныя по содержанію своему науки, а именно: *астрономія*, *физика*, *химія*, *біологія* и *соціальная физика* (*соціологія*) § 6, 1.

Видоизмѣненіе классификаціи Конта представляетъ дѣленіе наукъ англійскаго мыслителя нашего времени Герберта Спенсера. Онъ различаетъ прежде всего двѣ группы наукъ: во 1-хъ, науки, изучающія соотношенія или абстрактныя, безсодержительныя *формы* явленій (empty forms),—это *абстрактныя* науки, къ которымъ приналежатъ: логика и математика, и во 2-хъ, науки, изучающія только *явленія*. Эти послѣднія въ свою очередь распадаются по Спенсеру на науки, изучающія *начала* или элементы явленій, т. е. науки *абстрактно-конкретныя*, какъ: механика, физика, химія и др., и на науки, изучающія *совокупность* явленій, т. е. науки *конкретныя*, къ которымъ принадлежатъ: астрономія, геологія, біологія, психологія, соціологія и др.

Это основаніе дѣленія принимается во вниманіе и Н. Я. Гротомъ въ приведенномъ выше подраздѣленіи главныхъ группъ наукъ.

Основываясь на томъ же самомъ принципѣ перехода отъ общаго къ частному, Бэнъ дѣлитъ теоретическія науки прежде всего на двѣ группы: *абстрактныя* или основныя (фундаментальныя) и *конкретныя* (описательныя и классифицирующія). Первая группа обнимаетъ собою слѣдующія науки: логику, математику, механику, физику, химію, біологію и психологію. Къ конкретнымъ наукамъ относятся между прочимъ: астрономія, метеорологія, минералогія, геологія, географія, ботаника, зоологія, далѣе соціологія, филологія и др.

Съ этой точки зрѣнія Ѳома Масарикъ дѣлитъ науки тоже на *теоретическія* и *практическія*; первыя тоже на *абстрактныя* и соотвѣтствующія имъ *конкретныя*. Къ *абстрактнымъ* принадлежатъ: 1) ариѳметика, 2) механика (съ физикою и химіею), 3) біологія, 4) психологія (съ соціологіею), 5) языковѣдѣніе, 6) эстетика и 7) абстрактная логика. *Конкретныя*: 1) геометрія, 2) астрономія (съ космографіею и космологіею), 3) ботаника и зоологія, 4) конкретная психологія (съ этноло-

§ 6, 1. гіею, политикою, экономіею и исторіею), 5) исторія языка (грамматика), 6) теорія искусствъ. 7) конкретная логика (т. е. классификація и организація наукъ). Ко всѣмъ этимъ наукамъ присоединяется еще *философія*, какъ scientia generalis.

М. М. Троицкій пополняетъ равнымъ образомъ *отвлеченныя* теоретическія науки (см. выше) *конкретными* теоретическими, къ которымъ онъ причисляетъ: астрономію, статику, динамику, минералогію, ботанику, зоологію, далѣе конкретныя части психологіи: ученіе о характерахъ, психологія животныхъ, соціологія и проч.—Замѣтимъ наконецъ еще, что Н. И. Карѣевъ въ своихъ *Основныхъ вопросахъ философіи исторіи* называетъ конкретныя науки Конта *феноменологическими*, абстрактныя-же *номологическими*, указывая на то, что первыя имѣютъ предметомъ изученіе самыхъ *явленій*, послѣднія-же изученіе общихъ *законовъ* (νόμος) сосуществованія явленій въ пространствѣ и ихъ преемства во времени.

Литература. August Comte въ помянутомъ выше (1, 3 *Лит.*) курсѣ позитивной философіи. Т. I. 2-ая лекція.

Herbert Spencer, *The genesis of science.* 1854. *The classification of the science.* 1864. Перепечатаны въ I и III т. его *Essay scientific, political and speculative.* Новое изд. 1883. См. тоже его: *Reasons for dissenting from the philosophy of M. Comte.* Новое изд. 1884. Русскій переводъ: Г. Спенсеръ, *Классификація наукъ, со статьею о причинахъ разногласія съ философіею Конта.* Пер. Н. Тиблена.

Al. Bain въ приведенныхъ выше (стр. 39) мѣстахъ его *Логики.*

Th. Masaryk въ приведенной выше (§ 1, 2 *Лит.*) *Конкретной логикѣ*, стр. 14. Замѣчательна при томъ его критика Контовой классификаціи, см. въ особенности стр. 57 и слѣд.

М. М. Троицкій въ приведенномъ выше (стр. 39) мѣстѣ *Учебника логики.*

Н. И. Карѣевъ, *Основные вопросы философіи исторіи.* 1883. Т. I. Гл. 2. Стр. 105 и слѣд. Изд. 2-ое. 1887.

Остроумную критику классификаціи наукъ Конта и его послѣдователей представилъ В. С. Соловьевъ въ соч. *Критика отвлеченныхъ началъ.* 1880. Гл. 38: невозможность познать всеобщую систему явленій на почвѣ положительныхъ наукъ.

6. Каждая изъ вышеприведенныхъ классификацій наукъ страдаетъ извѣстными недостатками, является односторонней и неполною. Классификація Платона и Бэкона не обращаетъ надлежащаго вниманія на объективное различіе между науками. Аристотель, Локкъ и ихъ послѣдователи забываютъ, что наука по существу своему есть теорія, что слѣдовательно нельзя говорить о *практическихъ* наукахъ, а возможенъ только

вопросъ о примѣненіи наукъ къ практическимъ цѣлямъ жизни. § 6, 1.
Дѣленія наукъ по *методу* несостоятельны потому, что каждая наука пользуется всевозможными методологическими пріемами, въ особенности же опытомъ и логическимъ разсужденіемъ индукціею и дедукціею (§ 4, 1). Далѣе приведенныя попытки классификаціи наукъ по ихъ *предмету* упускаютъ изъ виду, что одинъ и тотъ-же предметъ изучается часто разными науками, принимающими во вниманіе только различныя стороны этого предмета. Такъ напр. философія и всѣ остальныя науки изучаютъ одинъ и тотъ-же предметъ—всеобщее бытіе; но философія разсматриваетъ основныя начала его явленій, между тѣмъ какъ остальныя науки изучаютъ только отдѣльныя явленія этого бытія. Наконецъ классификаціи Конта, Спенсера и ихъ послѣдователей несостоятельны потому, что различная степень абстрактности не составляетъ единственнаго различія между науками, и кромѣ того принципъ іерархіи наукъ съ точки зрѣнія ихъ большей или меньшей сложности не принимаетъ надлежащимъ образомъ во вниманіе органической связи наукъ между собою. Вслѣдствіе этихъ недостатковъ философскія науки не находятъ соотвѣтственнаго мѣста въ классификаціяхъ позитивистовъ.

Болѣе полную и при томъ естественную классификацію наукъ представилъ современный нѣмецкій физіологъ и философъ Вильгельмъ Вундтъ. Онъ принимаетъ въ основаніе дѣленія наукъ *точку зрѣнія* при изученіи предметовъ. На этомъ основаніи онъ различаетъ прежде всего систему *спеціальныхъ* наукъ отъ системы *философіи;* въ первой разсматриваются явленія съ точки зрѣнія *фактическихъ* данныхъ, во второй съ точки зрѣнія основныхъ *началъ* познавательной дѣятельности ума. Далѣе Вундтъ доходитъ до слѣдующихъ подраздѣленій:

I. Система спеціальныхъ наукъ.

A. Науки, разсматривающія явленія только съ точки зрѣнія ихъ формы, т. е. *формальныя* или математическія науки;

Б. Науки, разсматривающія явленія съ точки зрѣнія ихъ формы и содержанія, т. е. *реальныя* или опытныя науки. Сюда принадлежатъ:

1) *Естественныя науки,* обнимающія собою:

a) Науки о процессахъ природы (Naturvorgänge): динамика, физика и химія.

b) Науки о предметахъ природы (Naturgegenstände): астрономія, географія и науки о земныхъ предметахъ (irdisch-Objecte): минералогія, ботаника, зоологія и др.

§ 6, 1. c) Науки о природныхъ процессахъ въ предметахъ природы (von den Naturvorgangen an den Naturgegenständen): α. Физика и химія конкретныхъ тѣлъ природы: астрофизика, геофизика; физика и химія минераловъ; физика и химія организмовъ или физіологія. β. Исторія развитія конкретныхъ тѣлъ природы: космологія, геологія, исторія развитія организмовъ.

2. *Науки о духѣ* (Geisteswissenschaften):

a) Науки объ умственныхъ процессахъ: психологія (индивидуальная, животныхъ и народовъ), психофизика, антропологія, этнологія.

b) Науки о произведеніяхъ духа: филологія, экономія, политика, правовѣдѣніе, богословіе, теорія отдѣльныхъ искусствъ, методологія спеціальныхъ наукъ.

c) Науки о развитіи произведеній духа: α. Всеобщая исторія (біографія, исторія народовъ, всемірная исторія); β. исторія народнаго хозяйства, права, религіи, искусствъ, исторія спеціальныхъ наукъ.

II. Система философіи.

Первая основная наука—*наука о познаніи*:

1. *Формальная* наука о познаніи или формальная логика.

2. *Реальная* наука о познаніи: a) Исторія развитія познанія: общая исторія наукъ. b) Логическое развитіе познанія: теорія познанія.

Вторая основная наука — *наука о принципахъ или началахъ*:

1. *Общая* наука о началахъ: метафизика.

2. *Частная* наука о началахъ: a) Философія природы (общая философія природы, общая космологія и общая біологія). b) философія духа или философская психологія, философія отдѣльныхъ произведеній духа (этика и философія права, эстетика, философія религіи), теорія умственнаго развитія человѣчества или философія исторіи.

Въ приведенномъ раздѣленіи наукъ по Вундту, какъ и въ большинствѣ другихъ классификацій, поражаетъ главнымъ образомъ исключеніе изъ системы человѣческаго знанія *богословскихъ наукъ*, наукъ, относящихся къ Богу, какъ самостоятельному предмету знанія. Положимъ, что ближайшее разсмотрѣніе этихъ наукъ можетъ насъ привести къ убѣжденію, что онѣ собственно не науки въ строгомъ смыслѣ этого слова, что онѣ основываются болѣе на вѣрѣ, чѣмъ на знаніи; но соображенія эти не даютъ намъ права не принимать богословскихъ наукъ во вниманіе при общей классификаціи человѣческихъ знаній.

Классификація эта должна основываться на *фактическихъ* данныхъ, представляемыхъ исторіею знанія, независимо отъ оцѣнки его содержанія. Вундтъ на этомъ основаніи не исключаетъ изъ системы наукъ ни философіи вообще, ни въ особенности метафизики, хотя разборъ соотвѣтственныхъ данныхъ можетъ привести къ убѣжденію, что ни философія вообще, ни въ особенности метафизика — не науки въ томъ или другомъ смыслѣ этого слова. Фактическое существованіе какъ философскихъ, такъ и богословскихъ наукъ и ихъ историческое значеніе представляетъ совершенно достаточное основаніе для опредѣленія имъ соотвѣтственнаго мѣста въ системѣ человѣческаго знанія. § 6, 1.

Такимъ образомъ къ приведеннымъ подраздѣленіямъ какъ спеціальныхъ, такъ и философскихъ наукъ, обращающимъ вниманіе только на природу и духъ (человѣческій) слѣдуетъ прибавить какъ спеціальныя богословскія науки, такъ и философскую науку о Богѣ. Только тогда система человѣческаго знанія представится намъ съ предметной, объективной точки зрѣнія, въ полномъ всестороннемъ видѣ, обнимая собою не только естественныя и гуманитарныя, но и богословскія науки, не только взгляды на природу и человѣка, но и на Бога. Такимъ образомъ мы можемъ представить слѣдующую естественную классификацію наукъ:

I. Система философскихъ наукъ.

Первая основная наука: *Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій*, разсматривающая общія начала философіи, слѣдовательно, и отдѣльныя науки, входящія въ ея составъ. (См. вторую часть настоящаго сочиненія).

II. Система спеціальныхъ наукъ.

Основная наука всѣхъ спеціальныхъ наукъ—*математика*.

1. *Естественныя науки.* Ихъ подраздѣленіе см. выше въ классификаціи Вундта.

2. *Гуманитарныя* или *антропологическія науки.* Ихъ общее основаніе—опытная психологія съ психофизикою, антропологія и этнологія, далѣе историческія и общественныя науки.

3) *Богословскія науки.*

Литература. W. Wundt, *Ueber die Eintheilung der Wissenschaften.* Въ V-омъ томѣ издаваемыхъ имъ *Philosophische Studien*, выпускъ I-ый, 1888. См. тоже Вундта *Логику*, въ особенности II-ой т. *Methodenlehre.* 1883. Въ но-

§ 6, 1. вѣйшемъ своемъ соч. *System der Philosophie*, 1889 (см. § 1, з *Лит.*), Вундтъ указываетъ уже ясно на самостоятельное значеніе *научнаго богословія* въ средѣ спеціальныхъ наукъ. См. стр. 3 и слѣд., статью *Религія и философія*. Г. Струве, *Логика*, § 35, з.

§ 6, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Споръ о первенствѣ наукъ.** При разсмотрѣніи общей системы человѣческихъ знаній возникъ вопросъ о томъ, за какими науками слѣдуетъ признать первенствующее мѣсто: за философскими или спеціальными? Ссылаясь на тотъ историческій фактъ, что другія науки развились на основаніи философіи, какъ спеціализація ея многосложныхъ задачъ, одни мыслители подвели спеціальныя науки непосредственно подъ философскія; таковы напр. классификаціи наукъ Платона, Аристотеля и Гегеля (Прим. 1-ое). Другіе мыслители, напротивъ, указывали на успѣхи и богатые результаты спеціальныхъ наукъ новѣйшаго времени въ сравненіи съ безуспѣшностью философской спекуляціи, и на этомъ основаніи или совершенно пренебрегали философскими науками, или подвели ихъ безусловно подъ изслѣдованія спеціальныхъ наукъ. Такъ напр. философскія науки исключены совершенно изъ классификаціи Конта. Въ ней мы не встрѣчаемъ ни логики, ни метафизики, ни психологіи, ни этики, ни эстетики, ни философіи религіи. Осталась у Конта одна соціологія, занимающаяся отчасти философскими вопросами. Спенсеръ придаетъ уже философіи больше значенія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ возстановленіе въ его системѣ наукъ, по крайней мѣрѣ, логики психологіи и этики, но тѣмъ не менѣе и онъ не признаетъ за философіею самостоятельнаго значенія въ сравненіи со спеціальными науками. На такую самостоятельность философскихъ наукъ указываетъ Вундтъ; но и онъ утверждаетъ, что во главѣ системы человѣческихъ знаній слѣдуетъ поставить спеціальныя науки и послѣ нихъ только философію.

Споръ этотъ о первенствѣ и преимуществахъ той или другой науки, или той или другой группы наукъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, лишенъ надлежащаго основанія. Система человѣческихъ знаній, подобно тому какъ и система всеобщаго бытія, составляетъ въ сущности одно органическое цѣлое, въ которомъ всѣ отдѣльныя части или органы обусловливаютъ другъ друга и равно необходимы для жизни, развитія и благосостоянія цѣлаго. Какъ разрѣшить, что важнѣе для даннаго организма: нервная система, объединяющая и уравновѣшивающая всѣ его отправленія, или напр. органы дыханія, кровообра-

щенія, пищеваренія, поддерживающіе жизненные процессы самой нервной системы? Связь, соотношеніе и взаимодѣйствіе между этими началами составляетъ необходимое условіе всѣхъ проявленій органической жизни животнаго. Равнымъ образомъ и на поприщѣ органической, жизненной системы человѣческихъ знаній нельзя спорить о первенствѣ философскихъ и спеціальныхъ наукъ. Отъ ихъ постояннаго взаимнаго пополненія зависитъ истинный прогрессъ въ развитіи человѣческаго знанія вообще. Спеціальныя науки руководятся въ своихъ изслѣдованіяхъ, по необходимости, извѣстными общими воззрѣніями, почерпаемыми изъ философіи; а философія, въ свою очередь, по необходимости, принимаетъ во вниманіе результаты изслѣдованія спеціальныхъ наукъ. Познаніе явленій невозможно безъ ихъ объясненія; а объясненіе ихъ не мыслимо безъ ихъ познанія. Дѣло не въ томъ, важнѣе ли философія или спеціальныя науки, но въ томъ, чтобы оба эти начала знанія пополняли другъ друга и соединялись органически въ одномъ стройномъ цѣломъ. § 6, 2.

Болѣе подробное разсмотрѣніе отношенія философіи къ другимъ наукамъ будетъ предметомъ особой главы настоящаго сочиненія (§ 12). Тамъ приводится и литература по этому вопросу объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ.

III. Раздѣленіе энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

§ 7.

Основныя задачи энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

Опредѣленіе нашей науки (§ 1) указываетъ на три главныя задачи ея, а именно: § 7.

1) изученіе основныхъ началъ философіи вообще,

2) обозрѣніе существенныхъ задачъ и содержанія философскихъ наукъ, и наконецъ

3) разсмотрѣніе попытокъ къ разрѣшенію задачъ философіи и результатовъ этихъ попытокъ.

§ 7. Изъ этого предмета энциклопедіи философіи истекаетъ раздѣленіе ея на три главныя части:

I-ая часть, разборъ философіи вообще, ея основныхъ началъ, или собственно *введеніе въ философію*;

II-ая часть, обозрѣніе существенныхъ задачъ и содержанія философскихъ наукъ, т. е. *энциклопедія философскихъ наукъ*, и

III-ья часть, разсмотрѣніе попытокъ философской мысли разрѣшить основныя задачи философіи, т. е. *энциклопедія философскихъ направленій.*

Эти три части, вмѣстѣ взятыя, даютъ полное понятіе о философіи вообще, какъ о своеобразномъ проявленіи умственнаго развитія человѣка, и служатъ соотвѣтственной подготовкой съ одной стороны къ уразумѣнію современнаго состоянія философскихъ наукъ, а съ другой къ самостоятельному философствованію, т. е. къ новымъ попыткамъ разрѣшить задачи философіи, до сихъ поръ или вовсе нерѣшенныя, или рѣшенныя неудовлетворительно.

§ 7, 1 **Примѣчаніе I-ое. Предметъ введенія въ философію, какъ первой части энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.** Согласно вышесказанному разборъ общихъ началъ философіи, какъ *введеніе въ философію*, составляетъ первую часть энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій. Часть эта имѣетъ своимъ предметомъ изученія уразумѣніе сущности философіи. Уразумѣніе же это основывается какъ на *опредѣленіи* предмета и характеристическихъ чертъ философіи и ея *отношенія къ другимъ проявленіямъ* умственной жизни человѣка, такъ и на изученіи *метода* и *пособій* философскихъ изслѣдованій. Такое всестороннее изученіе существенныхъ основъ философіи знакомитъ насъ съ общими руководящими началами, которыя должны быть принимаемы въ основаніе при изученіи каждаго частнаго философскаго вопроса. Оно составляетъ, вслѣдствіе этого, необходимую исходную точку для всякаго изученія самой философіи.

Литература. Соч. введенія въ философію см. выше § 2, 2, 3 и 4 *Лит.*

§ 7, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Предметъ и задачи энциклопедіи философскихъ наукъ.** Значеніе второй части энциклопедіи философо-

фіи, т. е. обозрѣнія отдѣльныхъ *философскихъ наукъ*, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она, разбирая задачи и содержаніе этихъ наукъ, содѣйствуетъ правильной постановкѣ философскихъ *вопросовъ, проблемъ*.

Понятно, какъ важна въ наукѣ и въ жизни такая правильная постановка вопроса. Приступая къ разрѣшенію какой-либо задачи, мы чувствуемъ себя часто какъ бы въ безвыходномъ положеніи, не зная съ чего начать дѣло, къ чему собственно стремиться, какими воспользоваться пособіями и т. п. Въ такомъ случаѣ на каждомъ шагу могутъ встрѣтиться противорѣчія и несообразности; самыя простыя вещи представляются запутанными, неясными; самыя подробныя изысканія не приводятъ къ удовлетворительнымъ результатамъ. Не имѣя яснаго понятія о самой задачѣ, не различая въ ней важнаго отъ второстепеннаго, мы вращаемся въ хаотическомъ кругу и, несмотря на самыя энергическія попытки, не двигаемся впередъ, но блуждаемъ, какъ бы ощупью, въ темнотѣ.

Въ подобномъ положеніи представляется одно только спасеніе: вернуться къ началу путаницы, дать себѣ снова болѣе ясный и точный отчетъ въ самой задачѣ, т. е. стремиться прежде всего къ правильной *постановкѣ вопроса*. Уже Бэконъ сказалъ: „Prudens quaestio quasi dimidium scientiae.“ Кантъ-же добавилъ: „Разумная постановка вопроса есть необходимое доказательство мудрости.“ Только такая постановка вопроса можетъ указать прямой путь къ разрѣшенію задачи и разъяснить всѣ наши недоразумѣнія относительно направленія и пособій изслѣдованія.

Энциклопедическое обозрѣніе философскихъ наукъ имѣетъ главнымъ образомъ своею цѣлью опредѣлить точно ихъ задачи и, при помощи критическаго разсмотрѣнія историческаго ихъ развитія, дойти до правильной постановки философскихъ вопросовъ. Это настоящая философская *проблематика* (отъ πρόβλημα=предложенное, задача), ученіе о философскихъ проблемахъ. Только на этомъ основаніи можно приступить къ разрѣшенію философскихъ вопросовъ, принимая во вниманіе, конечно, прежде всего попытки къ ихъ разрѣшенію, дѣлавшіяся до настоящаго времени. Но это составляетъ уже предметъ третьей части энциклопедіи философіи.

Литература. Сочиненія по энциклопедіи философскихъ наукъ см. выше § 1, з *Лит.*

Кромѣ того по философской проблематикѣ замѣчательны слѣдующія сочиненія:

§ 7, 2. Aug. Laugel, *Les problèmes* (de la nature, de la vie, de l'âme). 1873.

O. Flügel, *Die Probleme der Philosophie u. ihre Lösungen. Historisch-kritisch dargestellt.* 1876. Изд 2-ое, 1888. Ч. I. Проблемы теоретической, Ч. II. Проблемы практической философіи и ихъ рѣшеніе

G. H. Lewes, *Problems of life and mind.* Три серіи въ пяти томахъ. Русскій переводъ I-аго и II-аго тома: *Вопросы о жизни и духѣ.* 1875, 1876. I-ая серія въ двухъ томахъ. 1874, 1875. *Основанія вѣры.* Введеніе. Проблема 1-ая границы познанія, 2-ая: начала достовѣрности, 3-ья: переходъ отъ понятнаго къ непонятному, 4-ая. матерія и сила, 5-ая: сила и причина. II-ая серія, одинъ томъ. 1877. *Физическія основанія ума.* Проблема 1-ая: природа жизни, 2-ая: нервный механизмъ, 3-ья: автоматизмъ животныхъ, 4-ая теорія рефлексовъ. III-ья серія въ двухъ томахъ. 1879 Проблема 1-ая: предметъ, задачи и методы психологіи, 2-ая умъ какъ функція организма, 3-ья: предѣлы чувственныхъ ощущеній и логика чувствованіи, 4-ая. предѣлы умственной дѣятельности и логика знаковъ. Въ I-мъ томѣ этого соч., стр. 88 и слѣд. Люисъ представляетъ *правила философствованія* (the rules of philosophishing), въ которыхъ онъ между прочимъ говоритъ слѣдующее о надлежащей постановкѣ вопроса: „Уже одна надлежащая постановка вопроса, говоритъ онъ, часто приноситъ отвѣтъ. Если отвѣтъ не представляется уму само собой, правильная постановка ограничиваетъ, по крайней мѣрѣ, поле изслѣдованія отдѣленіемъ неизвѣстныхъ элементовъ "

Извѣстный физіологъ Прейеръ говоритъ: „Естественная исходная точка всякаго теоретическаго изслѣдованія есть вопросительная дѣятельность (Fragethätigkeit) " „Всѣ теоретическія науки представляютъ собою въ сущности попытки удовлетворить этой вопросительной функціи ума." W. Preyer, *Ueber die Aufgabe der Naturwissenschaft* 1876, стр. 6.

Hugo Delff, *Die Hauptprobleme der Philosophie u. Religion.* 1886. Разсматриваетъ теоретическія, религіозныя и метафизическія проблемы съ религіозно-философской точки зрѣнія.

Л. Лопатинъ, *Положительныя задачи философіи.* 1886 (см. § 2, 2 *Лит*).

§ 7, 3. **Примѣчаніе 3-ье** Если энциклопедія философскихъ наукъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду правильную постановку философскихъ вопросовъ, проблемъ, то энциклопедія *философскихъ направленій*, какъ третья часть общей энциклопедіи философіи, указываетъ на *попытки*, которыя до сихъ поръ сдѣланы были къ разрѣшенію философскихъ вопросовъ, равно какъ и на результаты этихъ попытокъ.

Каждое философское направленіе, каждая философская школа изучаетъ философскіе вопросы съ особой точки зрѣнія и доходитъ до особыхъ выводовъ. характеризующихъ данное направленіе или школу. Ознакомляясь съ этими направленіями и разсматривая критически ихъ выводы, мы имѣемъ въ виду усвоить себѣ тѣ данныя исторіи философіи, которыя способствуютъ къ дальнѣйшему разрѣшенію философскихъ вопросовъ, до сихъ поръ или вовсе не разрѣшенныхъ; или разрѣшенныхъ неудовлетворительно. Изъ этого слѣдуетъ, что энциклопедія

философскихъ направленій есть въ сущности исторія попытокъ къ разрѣшенію философскихъ вопросовъ, въ связи съ критическимъ разборомъ результатовъ этихъ попытокъ. § 7, 3.

Ясно, что безъ такого знакомства съ историческимъ матеріаломъ философіи, служащимъ основаніемъ для всякой новой попытки на поприщѣ философіи, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо успѣхахъ самостоятельнаго философствованія. Прогрессъ въ философіи возможенъ только тогда, когда каждый труженикъ на этомъ поприщѣ принимаетъ во вниманіе результаты изслѣдованія своихъ предшественниковъ, какъ это дѣлаютъ ученые на поприщѣ другихъ наукъ. Это возможно только на основаніи историческаго обозрѣнія и сравнительной оцѣнки философскихъ направленій (см. тоже § 2, 4).

Литература. Изложеніе исторіи философіи, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія философскихъ направленій и школъ, представляютъ слѣдующія сочиненія:

Hermann Ulrici, *Geschichte u. Kritik der Principien der neueren Philosophie.* 1845. Это I-ый томъ приведеннаго выше (§ 2, 2 *Лит.*) сочиненія: *Das Grundprincip der Philosophie*

Paul Janet et Gabriel Séailles въ упомянутой уже (§ 2, 4 *Лит.*) *Исторіи философіи*

L. Strümpell въ приведенномъ (§ 2, 2 *Лит.*) *Введеніи въ философію*, послѣ общаго введенія, разсматриваетъ подробно разныя школы и направленія по *теоретической* и *практической* философіи, равно какъ и по *философіи религіи.*

Систематическое разсмотрѣніе разныхъ философскихъ ученій заключаютъ въ себѣ.

M. J. Monrad, проф. въ Христіаніи, *Denkrichtungen der neueren Zeit. Eine kritische Rundschau.* 1879. Нѣмецкое изданіе при участіи автора. Авторъ разсматриваетъ критически съ идеалистической точки зрѣнія главнымъ образомъ реалистическія направленія нашего времени.

Ch. Renouvier, *Esquisse d'une classification systematique des doctrines philosophiques.* I т. 1885 II т. 1886 Очень поучительное сочиненіе, написанное подъ вліяніемъ Кантовскаго критицизма.

Своеобразный взглядъ на самыя главныя направленія философской мысли представляетъ Вундтъ въ упомянутой (§ 1, 3 *Лит.*) *Системѣ философіи*, стр. 206 и слѣд. См. тоже приведенный уже (§ 1, 4 *Лит.*) трудъ R. Eucken'a *Partheien u. Partheinamen in der Philosophie.*

Въ русской литературѣ замѣчательны въ этомъ отношеніи сочиненія, приведенныя въ § 2, 2 *Лит* Они даютъ понятіе о главнѣйшихъ современныхъ направленіяхъ въ философіи. Кромѣ того относятся сюда. П. Милославскій, *Типы современной философской мысли въ Германіи*, 1878, и Н Гротъ, *Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи*, 1884.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ,

КАКЪ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ЭНЦИКЛОПЕДІИ ФИЛОСОФСКИХЪ НАУКЪ

И НАПРАВЛЕНІЙ.

Разборъ основныхъ началъ философіи вообще.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ,

какъ первая часть энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

РАЗБОРЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ ФИЛОСОФІИ ВООБЩЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ ФИЛОСОФІИ.

1. Опредѣленіе философіи.

§ 8.

Названіе и предметъ философіи.

Приступая къ изученію философіи, нужно прежде всего ознакомиться съ ея предметомъ, представить ея опредѣленіе и обозначить ея характеристическія черты. § 8.

Слово *философія* въ буквальномъ смыслѣ означаетъ *мудролюбіе* и, согласно съ этимъ буквальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальнымъ опредѣленіемъ, она обнимала собою все знаніе человѣка, всякое стремленіе ума къ познанію и объясненію явленій бытія. Съ расширеніемъ однако человѣческаго знанія обнаружилась необходимость примѣнить къ нему начало раздѣленія труда, и тогда выдѣлились изъ философіи, изъ общаго знанія, отдѣльныя, такъ называемыя спеціальныя науки; философія же осталась соединительнымъ звеномъ между всѣми этими спеціальны-

§ 8. ми науками и, принявъ сама характеръ особой науки, сохранила за собою изслѣдованіе тѣхъ всеобщихъ началъ человѣческаго знанія, которыя не могутъ быть изучаемы спеціальными науками, ограниченными изслѣдованіемъ частныхъ предметовъ знанія (§ 5).

Къ этимъ всеобщимъ началамъ человѣческаго знанія принадлежатъ главнымъ образомъ:

1) *умственныя*, или *субъективныя*, начала знанія, т. е. начала знанія, истекающія изъ природы ума, или субъекта познавательнаго процесса, и

2) *предметныя*, или *объективныя*, начала знанія, т. е. начала знанія, свойственныя самому бытію и его явленіямъ, какъ предмету или объекту знанія (§ 4, 1).

Но такъ какъ изученіе всеобщихъ началъ знанія тѣсно связано съ частными предметами его и направлено къ уразумѣнію и объясненію сихъ послѣднихъ, то естественно, что къ изученію всеобщихъ началъ знанія присоединилось:

3) объясненіе частныхъ предметовъ знанія съ точки зрѣнія этихъ всеобщихъ началъ знанія.

Такимъ образомъ, предметомъ философіи, какъ особой науки, въ отличіе отъ другихъ наукъ, служитъ:

1) изслѣдованіе умственнаго процесса знанія, его началъ и законовъ,

2) изслѣдованіе всеобщихъ началъ бытія, и наконецъ

3) объясненіе частныхъ предметовъ знанія, т. е. частныхъ явленій бытія, съ точки зрѣнія всеобщихъ началъ знанія.

Изъ вышесказаннаго истекаетъ слѣдующее опредѣленіе философіи: *философія есть наука, занимающаяся изслѣдованіемъ всеобщихъ началъ знанія, умственныхъ и предметныхъ, съ цѣлью объяснить частныя явленія бытія съ точки зрѣнія этихъ всеобщихъ началъ.*

§ 8, 1. **Примѣчаніе 1-ое. Словесное опредѣленіе философіи.** *Словесное опредѣленіе* философіи основывается на объясненіи ея названія. Названіе это происходитъ отъ греческихъ словъ: φίλος=

любитель, и σοφία = мудрость, φιλόσοφος = любитель мудрости, φιλοσοφία=мудролюбіе. Словомъ σοφία Гомеръ и Гезіодъ обозначаютъ всякое вообще знаніе и умѣніе, даже въ области ремеслъ. Названіе же *философъ* встрѣчается въ первый разъ у древнѣйшаго греческаго историка Геродота (ум. 408 г. до Р. Х.), который разсказываетъ, что царь Лидійскій Крезъ называлъ Солона философомъ потому, что онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ съ цѣлью ихъ изученія. Однако самъ Геродотъ называетъ еще семь древнѣйшихъ греческихъ мудрецовъ софистами (σοφισταί). § 8, 1.

По преданію, сохранившемуся какъ у Цицерона, такъ и у Діогена Лаэрція, греческаго писателя III-го вѣка нашей эры, Пиѳагоръ изъ Самоса (жившій въ VI-омъ вѣкѣ до Р. Х.) первый называлъ себя *философомъ*. Притомъ, по свидѣтельству послѣдняго изъ приведенныхъ писателей, Пиѳагоръ указывалъ на то, что мудрымъ можно назвать только Бога: человѣкъ-же не можетъ считать себя мудрымъ; онъ не мудрецъ (σοφός), но только любитель мудрости (φιλόσοφος). Платонъ-же приписываетъ тотъ-же самый мотивъ для употребленія названія *философъ* не Пиѳагору, а Сократу, и кажется, что Платонъ болѣе правъ, чѣмъ Цицеронъ и Діогенъ Лаэрцій, такъ какъ въ школѣ Пиѳагорейцевъ еще долгое время былъ въ ходу терминъ σοφία для обозначенія научныхъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ послѣдователи Сократа: Ксенофонтъ, Платонъ, Аристотель и пр. пользуются въ этомъ отношеніи преимущественно терминомъ φιλοσοφία.

У Платона и Аристотеля этотъ терминъ принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ, но при всемъ томъ и они обозначаютъ этимъ терминомъ какъ научныя изслѣдованія вообще, такъ въ особенности изслѣдованіе основныхъ началъ знанія и бытія, т. е. они не отличаютъ еще ясно философіи, какъ самостоятельной науки, отъ остальныхъ наукъ.

То же самое отождествленіе термина *философія* съ научностью и наукою вообще повторяется и въ новомъ времени. Ньютонъ излагаетъ основанія математической физики въ сочиненіи, озаглавленномъ: *Philosophiae naturalis principia mathematica*. 1687. Гегель еще въ 1831 году указываетъ на то, что англичане естественныя науки называютъ философіею; что они издаютъ „Философскій Журналъ,“ помѣщающій статьи по химіи, техникѣ, земледѣліи и т. п.; что физическіе инструменты, напр. барометръ, называютъ философскими инструментами и т. п.

§ 8, 1. Такое отождествленіе философіи съ наукою вообще стало устраняться однако все болѣе и болѣе съ тѣхъ поръ, когда другія науки выдѣлились изъ философіи и пріобрѣли характеръ самостоятельныхъ наукъ Уже древніе со временъ Архимеда и Евклида отличали математическія науки отъ философіи. Со временъ же Коперника и Кеплера, Галилея, Гюйгенса и Ньютона выдѣлились изъ философіи астрономія и физика; Лавуазье и Пристли придали химіи самостоятельный научный характеръ. Въ первой половинѣ текущаго столѣтія Биша и Іоаннъ Мюллеръ положили начала вполнѣ самостоятельному научному развитію біологіи и физіологіи. Наконецъ, въ новѣйшее время изслѣдованіе разныхъ явленій умственной жизни объединилось въ особыхъ наукахъ. Не говоря уже объ исторіи и ея разнородныхъ отрасляхъ, представляются уже теперь какъ самостоятельныя науки. филологія и языковѣдѣніе, этнографія и физіологическая психологія, благодаря такимъ ученымъ, какъ Бекъ и Бопп, Лазарусъ и Штейнталь, Веберъ и Фехнеръ и многіе другіе.

Ясно, что, вслѣдствіе такого развитія другихъ наукъ, терминъ философія не отождествляется уже въ настоящее время съ наукою вообще, но обозначаетъ особую науку, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ.

Литература. Herodot, *Historiarum libri novem.* Ed. F. Palm. 1839. Lib. I, 29 и слѣд.

Cicero, *Tusculanae disputationes.* Lib V, 3. Цицеронъ разсказываетъ здѣсь, что Пиѳагоръ въ разговорѣ съ Леонтіемъ, королемъ Фліуса, называлъ себя философомъ и объяснилъ, что этимъ названіемъ обозначаетъ тѣхъ людей, которые, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, имѣютъ исключительно въ виду мудрость изъ за одной любви къ ней.

Diogenes Laërtius, *De vitis, dogmatis et apophthegmatibus clarorum philosophorum libri decem* Ed. Cobet. 1856. Объясняя въ введеніи къ этому сочиненію значеніе слова *философія* и представляя въ VIII-ой кн. жизнеописаніе Пиѳагора, Діогенъ Лаэрцій указываетъ на него, какъ на перваго, который употребилъ названіе философіи въ приведенномъ выше смыслѣ и ссылается въ этомъ отношеніи на свидѣтельство Гераклида Понтійскаго, ученика Платона, который однако, по всей вѣроятности, перенесъ только на Пиѳагора то, что въ *Апологіи* Платона Сократъ говоритъ о себѣ, именно, что онъ ничего не знаетъ и что мудрымъ назвать можно только самаго Бога. (*Apologia* p. 23). См. тоже *Федръ* Платона, p. 278. О Платонѣ и Аристотелѣ см. въ слѣдующемъ примѣчаніи.

Объ отождествленіи англичанами философіи съ наукою вообще смотри. Hegel, *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie* Werke. T. XIII. 1833, стр. 72 и слѣд. Отвѣтъ на это отъ имени англичанъ даетъ Herbert Spencer, *First principles.* 1862, § 36. Знаменитый англійскій философъ показываетъ здѣсь, что изъ противоположныхъ взглядовъ нѣмцевъ и англичанъ

на философію слѣдуетъ вывести синтетическое опредѣленіе ея настоящихъ задачъ. См. ниже примѣчаніе 2-ое. § 8, 1.

О постепенномъ выдѣленіи спеціальныхъ наукъ изъ философіи см. въ особенности: Ritter, *Geschichte der Philosophie*, I т 1836, стр. 150 и слѣд. Whewell, *History of the inductive sciences*. 1837. Изд. 3-ье. 1857. Переводъ Антоновича и Пыпина. 1867. Т. III. Кн. 1: Исторія греческой философіи и физики. F. Papillon, *Histoire de la philosophie moderne dans ses rapports avec le développement des sciences de la nature*. 2 тома. 1876. W. Windelband, *Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhang mit der allgemeinen Cultur u. den besonderen Wissenschaften*. I т. 1878. II т. 1880. Замѣчательна тоже Draper'a *History of the intellectual development of Europe*. 1862. Далѣе, кромѣ исторіи спеціальныхъ наукъ (напр. Marie, *Histoire des sciences mathematique et physique*. 1883. Heller, *Geschichte der Physik* 1884 и др.), относятся къ этому предмету сочиненія по общей исторіи культуры.

Примѣчаніе 2-ое. Обзоръ предметныхъ опредѣленій философіи. Словесное опредѣленіе философіи пополняется, конечно, *предметнымъ* или *реальнымъ* (*Логика* § 22, 1). Представленное въ параграфѣ опредѣленіе истекаетъ непосредственно изъ всего развитія философіи и составляетъ существенное начало всякаго рода философскихъ изслѣдованій, не смотря на разногласіе мыслителей относительно предмета и задачъ философіи. § 8, 2.

Это разногласіе подало поводъ къ частымъ нареканіямъ на неопредѣленность содержанія и задачъ философіи, равно какъ вообще на отсутствіе всякихъ твердыхъ основъ для философскихъ изслѣдованій (§ 3, 1). Однако, не трудно показать, что философская мысль имѣла всегда въ виду самостоятельное уразумѣніе какъ своей собственной дѣятельности, т. е. умственныхъ началъ знанія, такъ и предмета, объекта этой дѣятельности, т. е. окружающаго насъ бытія и его явленій. Въ этомъ убѣждаетъ насъ историческій взглядъ на опредѣленія философіи, предлагаемыя самыми знаменитыми мыслителями міра. Эти опредѣленія, обнимая собою первоначально все человѣческое знаніе, указываютъ впослѣдствіи, послѣ выдѣленія изъ философіи спеціальныхъ наукъ (примѣч. 1-ое), на приведенныя задачи ея. Разнообразные и даже противорѣчащіе другъ другу взгляды мыслителей въ этомъ отношеніи пополняютъ въ сущности другъ друга и въ своемъ синтетическомъ сочетаніи приводятъ къ полному понятію о дѣйствительномъ предметѣ философіи. Укажемъ съ этой точки зрѣнія на выдающіяся опредѣленія философіи.

Пиѳагоръ (VI-ой в. до Р. Х.) и другіе древнѣйшіе греческіе мыслители до Сократа считали философію изученіемъ природы, съ цѣлью открыть истину ради самой истины. Сократъ

§ 8, 2 пополнилъ это опредѣленіе указаніемъ на необходимость изученія самого себя и на этомъ основаніи, разсматривая умственные процессы знанія, различалъ въ предметахъ начала непостоянныя и частныя отъ постоянныхъ и общихъ и признавалъ задачею науки, философіи, изученіе послѣднихъ. Въ этомъ духѣ и Платонъ опредѣлялъ философію, какъ науку о постоянномъ и неизмѣнномъ. Называя однако постоянныя и неизмѣнныя начала бытія *идеями*, онъ придавалъ философіи характеръ науки о сверхчувственныхъ началахъ міра, объ идеяхъ, идеологіи (отъ ἰδέα=общее понятіе и λόγος=наука)

Аристотель отличалъ уже философію въ строгомъ смыслѣ этого слова, которую онъ называлъ *первою философіею* (πρώτη φιλοσοφία = настоящая метафизика), отъ философіи вообще, которую онъ отождествлялъ съ наукою Первую философію онъ называлъ наукою объ основныхъ началахъ бытія (ἐπιστήμη τῶν πρώτων ἀρχῶν) и пополнялъ ее. какъ мы видѣли выше при разсмотрѣніи его классификаціи наукъ (§ 6, 1), цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій.

Изъ другихъ опредѣленій философіи у Грековъ замѣчательны еще опредѣленія, предлагаемыя представителями такъ называемой *стоической* школы, основанной Зенономъ въ Ш-ьемъ вѣкѣ до Р. Х. и школы Эпикура (ум. 270 г. до Р. Х). Обѣ эти школы обращали главное вниманіе на нравственные или *практическіе* вопросы. Стоики опредѣляютъ философію какъ стремленіе къ добродѣтели, а Эпикуръ видитъ въ ней стремленіе къ благосостоянію. Но приверженцы той и другой школы занимались вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіемъ умственныхъ и предметныхъ началъ знанія и основывали свои нравственные взгляды на этихъ началахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ принятое ими раздѣленіе философіи на: *логику*, *физику* и *этику*.

Такимъ образомъ оказывается, что хотя греки и не различали еще ясно философіи отъ другихъ наукъ. тѣмъ не менѣе подъ названіемъ философіи они объединяли въ сущности общія начала знанія, т. е. основы своихъ воззрѣній на міръ, человѣка и его умственную и практическую дѣятельность.

Въ этомъ смыслѣ и римляне, по примѣру Цицерона, опредѣляли философію, какъ науку о началахъ божественныхъ и человѣческихъ вещей.

Въ первые вѣка христіанской эры, равно какъ въ средніе вѣка до конца XVI-го столѣтія, философія сочетается главнымъ образомъ съ религіозными воззрѣніями и находится подъ

непосредственнымъ вліяніемъ богословія. Тѣмъ не менѣе въ это именно время опредѣлялось все болѣе и болѣе существенное различіе между знаніемъ и вѣрою, философіею и богословіемъ. Знаменитѣйшіе мыслители этого періода, напр. Ѳома Аквинатъ († 1274 г.), опредѣляли философію, какъ науку о самыхъ высшихъ и послѣднихъ причинахъ вещей, разсматриваемыхъ при помощи естественныхъ началъ человѣческаго ума (cognitio rerum per causas ultimas et altissimas naturali lumine comparata). Въ этомъ опредѣленіи, философія, какъ знаніе, основанное на человѣческомъ разумѣ, противопоставляется богословію, почерпающему свое содержаніе изъ вѣры и откровенія. § 8, 2.

На первыхъ порахъ новой философіи, въ началѣ XVII вѣка, возстановлялись прежде всего опредѣленія философіи, предлагавшіяся древними мыслителями.

Бэконъ отождествляетъ еще на равнѣ съ Аристотелемъ философію съ наукою вообще, имѣющею предметомъ изученія Бога, природу и человѣка; но, по примѣру греческаго мыслителя, и Бэконъ выдѣляетъ тоже изъ общей философіи *первую философію*, задача которой сводится по его взгляду: во 1-ыхъ, къ изученію аксіомъ, общихъ всѣмъ наукамъ (т. е. собственно къ изученію *умственныхъ* началъ знанія вообще), и во 2-ыхъ, къ изученію всеобщихъ началъ вещей: количества и качества явленій природы, ихъ возможности и невозможности, бытія и небытія (т. е. собственно къ изученію *предметныхъ* началъ знанія).

Декартъ, отождествляя подобнымъ-же образомъ философію съ наукою вообще, опредѣляетъ ее однако ближе, какъ науку обо всемъ, что можетъ быть познаваемо при помощи первичныхъ причинъ и началъ, т. е. принциповъ.

Въ XVIII-омъ столѣтіи обнаруживается уже совершенно опредѣленно различіе между философіею и другими науками. Исходною точкою для этого различія послужилъ разборъ умственныхъ процессовъ познанія, начатый съ надлежащей основательностью главнымъ образомъ такими мыслителями, какъ Локкъ, Мальбраншъ, Лейбницъ, Беркли, Юмъ, Ридъ, Кондильякъ и другіе.

На этомъ основаніи Кантъ, стремясь точно различить умственныя и предметныя начала познанія, вникнулъ въ духъ философствованія, какъ познанія, основаннаго на самостоятельныхъ *критическихъ принципахъ*, и опредѣлилъ философію, въ отличіе отъ другихъ наукъ, какъ науку объ отношеніи всякаго вообще знанія къ основнымъ цѣлямъ человѣческаго разума

§ 8, 2. (teleologia rationis humanae), причемъ имѣлъ въ виду разборъ опытнаго или предметнаго матеріала знанія съ точки зрѣнія основныхъ началъ или принциповъ умственной дѣятельности. И въ этомъ опредѣленіи представляются ясно приведенныя въ параграфѣ основныя задачи философіи.

Въ нашемъ вѣкѣ философія, принимая окончательно характеръ самой общей изъ наукъ, науки всеобнимающей. универсальной, опредѣляла задачи свои ближе съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, пополняющихъ другъ друга, такъ какъ одни мыслители основывались преимущественно на *умственныхъ*,—*субъективныхъ* и *идеальныхъ* началахъ знанія, другіе же на началахъ *предметныхъ*,—*объективныхъ* и *реальныхъ*.

Къ первымъ принадлежали прежде всего представители метафизическаго идеализма: Фихте, Шеллингъ, Гегель и ихъ многочисленные послѣдователи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Фихте называетъ философію наукою науки (Wissenschaftslehre); Шеллингъ сводитъ всю задачу философіи къ мыслительному выводу или природы изъ духа, или духа изъ природы; Гегель же, наконецъ, отождествляя безусловно мысль и бытіе, умственное и предметное начала знанія, опредѣляетъ философію, какъ постепенное самоуразумѣніе всеобщей идеи, всеобнимающаго духа, т. е. какъ науку о безусловномъ, абсолютномъ бытіи.

Въ новѣйшее время представители идеалистическаго пониманія задачъ философіи возвращаются снова къ Канту и отождествляютъ философію съ критикою ума, въ особенности съ критикою его познавательныхъ процессовъ. Сюда принадлежатъ, главнымъ образомъ, такъ называемые новокантіанцы въ Германіи и нѣкоторые послѣдователи Канта во Франціи и Англіи.

Приведеннымъ мыслителямъ, принимавшимъ во вниманіе прежде всего внутреннюю, умственную, идеальную сторону философіи, противопоставляются въ новѣйшее время мыслители, основывающіеся на внѣшнихъ, предметныхъ, реальныхъ началахъ познанія. Они опредѣляютъ философію тоже, какъ самую общую, универсальную науку, но въ томъ смыслѣ, что она объединяетъ собою всѣ предметныя данныя, почерпаемыя умомъ извнѣ, не истекающія, слѣдовательно. изъ самодѣятельности разума, но изъ научнаго изслѣдованія частныхъ явленій міра, изъ опыта. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ: во Франціи основатель позитивизма Огюстъ Контъ, въ Англіи же и Германіи знаменитые философы нашего времени Герберть Спенсеръ

и Вильгельмъ Вундтъ Къ нимъ присоединяются всѣ представители и приверженцы реалистическаго направленія философской мысли, принимающаго въ основаніе главнымъ образомъ блестящіе результаты современнаго естествознанія. § 8, 2.

Контъ признавалъ задачею философіи въ сущности только объединеніе результатовъ изслѣдованій спеціальныхъ наукъ, въ особенности математики и естествознанія. Философія принимаетъ у него вслѣдствіе этого характеръ энциклопедическаго обозрѣнія общаго содержанія спеціальныхъ наукъ: математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и соціологіи (см. стр. 42 и слѣд.). Спенсеръ называетъ философію въ томъ-же духѣ, но указывая на большую ея самостоятельность, наукою о самыхъ высшихъ обобщеніяхъ, т. е. *совершеннымъ объединеніемъ* знанія, въ отличіе отъ спеціальныхъ наукъ, не доводящихъ къ такому совершенному объединенію. Вундтъ признаетъ уже за философіею вполнѣ самостоятельную задачу, но тѣмъ не менѣе опредѣляетъ ее только какъ *общую науку, соединяющую въ одну, свободную отъ противорѣчій систему общія познанія, добытыя спеціальными науками.*

Это бѣглое обозрѣніе главнѣйшихъ опредѣленій философіи показываетъ ясно, что она объединяетъ собою совершенно опредѣленныя задачи знанія, лежащія за предѣлами спеціальныхъ наукъ. Задачи эти сводятся именно съ одной стороны къ изслѣдованію основныхъ началъ истиннаго познанія вещей вообще, т. е. науки, а съ другой—къ уразумѣнію всеобщихъ началъ бытія, какъ предмета знанія (міра, природы, вселенной), а равнымъ образомъ и къ объясненію его явленій съ точки зрѣнія этихъ началъ. Эти задачи свойственны исключительно философіи и составляютъ самостоятельный предметъ ея изученія, независимо отъ самаго полнаго развитія спеціальныхъ наукъ.

Литература. Подробное изложеніе взглядовъ мыслителей на существенныя начала философіи и ея опредѣленіе составляетъ предметъ *исторіи философіи.* См. въ этомъ отношеніи въ особенности: Fr. Ueberweg, *Grundriss der Geschichte der Philosophie.* Т. I. Изд. 7-ое, 1886. § 1. Переводъ первыхъ главъ Н. Ф. Фокова. 1876. W. Windelband, *Geschichte der Philosophie.* 1890. § 1. М. М. Троицкій, *Учебникъ логики.* Кн III. 1888. Гл. 2-ая: *Опредѣленіе философіи и его исторія* (§ 2, 2 *Лит.*).

Platon, *Respublica,* V, 22. VI, 1. 21 „Философами, любителями мудрости, говоритъ Платонъ, слѣдуетъ называть тѣхъ, которые предаются съ любовью истинно сущему.“ „Философы—это тѣ, которые постигаютъ постоянное и неизмѣнное.“ Истинное уразумѣніе бытія (νόησις) „освобождается отъ всякихъ предположеній, возвращается къ началу всего существующаго и при помощи всего, что съ нимъ сочетается, нисходитъ до конца, основы-

§ 8, 2. ваясь при томъ не на чувственныхъ данныхъ, а на идеяхъ, и этимъ доходитъ, наконецъ, до уразумѣнія идей." Болѣе подробно развиваетъ Платонъ свой взглядъ на знаніе вообще и на философію въ діалогѣ Θеэтетъ. См. Н. Скворцовъ, *Платонъ о знаніи. Анализъ діалога Θеэтетъ.* 1871 Особенно стр. 72 и слѣд. и 232 и слѣд.

Aristoteles, *Metaphysica.* Lib. IV, cap 1, 2 et 3. Въ этихъ трехъ главахъ метафизики Аристотель излагаетъ подробно свои взгляды какъ на науку вообще, такъ и на задачи первой или основной философіи. Существуетъ наука, говоритъ здѣсь Аристотель, между прочимъ, которая изучаетъ бытіе какъ таковое (τὸ ὂν ᾗ ὂν), и присущія ему свойства (ὑπαρχοντα). Эта наука не тождественна ни съ одной изъ частныхъ (спеціальныхъ) наукъ Сіи послѣднія не разсматриваютъ бытія, какъ такового вообще, но каждая изъ нихъ выдѣляетъ изъ него одну частицу и изучаетъ свойства этой частицы, какъ это дѣлаютъ напр. математическія науки. Поэтому и философъ, изучая бытіе вообще, изучаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его начала, равно какъ и основанія всѣхъ другихъ наукъ.

Cicero, *De officiis.* Lib. II, 2: Sapientia autem est, ut a veteribus philosophis definitum est, rerum divinarum et humanarum, causarumque quibus hae res continentur, scientia.

Относительно средневѣковой философіи и въ особенности Θомы Аквината, см. A. Stöckl, *Geschichte der Philosophie des Mittelalters.* T. II. 1865, стр 444 и слѣд. Приведенныя выше (§ 1, 2 *Лит.*) Викентій изъ Бовэ представляетъ въ своемъ *Speculum mundi*, Vol II Lib. I, 13, слѣдующее опредѣленіе философіи: „Philosophia est rerum humanarum divinarumque cognitio, cum studio bene vivendi conjuncta."

Bacon, *De dignitate et augmentis scientiarum.* 1623. Lib. III, 1: *Constituto philosophiae primae, ut matris communis omnium.* Первую философію Бэконъ называетъ здѣсь стволомъ (truncus), изъ котораго вырастаютъ другія науки, какъ вѣтви; это общая наука (scientia generalis), обнимающая всѣ остальныя. Она разсматриваетъ общія всѣмъ наукамъ аксіомы и образуетъ въ этомъ смыслѣ *receptaculum axiomatum.* Кромѣ того она изучаетъ всеобщія свойства самихъ предметовъ по количеству, по сходству и различію, по возможности и невозможности, по дѣйствительности и недѣйствительности „Est autem inquisitio de *conditionibus adventitiis entium* (quas *transcendentes* dicere possumus), *pauco, multo, simili, diverso, possibili, impossibili*; etiam *ente* et *non ente*, atque ejusmodi." Притомъ это изслѣдованіе не имѣетъ предметомъ отвлеченныхъ понятій, въ смыслѣ діалектическомъ, но изучаетъ эти отношенія какъ *реальныя* свойства предметовъ.

Descartes, *Principia philosophiae.* 1644. Часть I-ая *de principiis cognitionis humanae.* Въ этой части своихъ *началъ философіи*, равно какъ и въ своемъ разсужденіи о *методѣ* и въ своихъ медитаціяхъ (§ 4, 1 *Лит.*) Декартъ представляетъ общія основанія своей теоріи познанія, отождествляя постоянно настоящую философію съ достовѣрнымъ познаніемъ вообще. Достовѣрное-же познаніе возможно только на основаніи неоспоримыхъ началъ, или принциповъ, выведенныхъ изъ непосредственно ясныхъ и раздѣльныхъ идей. Такое познаніе и есть истинная философія. Смотри тоже основательное изслѣдованіе Н. А. Любимова о Декартѣ, 1886.

Locke, *An essay concerning human understanding.* 1690. *Works*, edit. *St John.* 1854. По словамъ Локка (Кн. I, гл. 1, § 2) цѣль этого изслѣдованія заключается въ опредѣленіи „происхожденія, достовѣрности и предѣловъ

человѣческаго знанія, равно какъ основъ и степеней вѣры, мнѣнія и согласія.“ Въ этихъ видахъ все сочиненіе распадается на четыре книги. I-ая, о прирожденныхъ идеяхъ, II-ая объ идеяхъ вообще, III-ья о словахъ и языкѣ, IV-ая о знаніи и мнѣніи. Отрицая прирожденность какого либо содержанія въ умѣ, Локкъ сравниваетъ душу съ *бѣлою бумагою* (Кн. II, гл. 1, § 2: *white paper*, выраженіе, которое въ латинскомъ переводѣ этого сочиненія обозначено словами *tabula rasa*). Все содержаніе своихъ идей умъ почерпаетъ исключительно изъ *опыта*, внѣшняго и внутренняго, при помощи *чувственныхъ ощущеній* и *рефлексіи*. Изъ этого истекаетъ, что всякое достовѣрное знаніе, слѣдовательно и всякая истинная философія, основываются на опытѣ, должны выводить свое содержаніе изъ непосредственнаго содержанія ощущеній. § 8, 2.

Malebranche, *De la recherche de la verité où l'on traite de la nature, de l'esprit de l'homme et de l'usage qu'il doit faire pour éviter l'erreur dans les sciences.* 1674. Послѣднее изд. при участіи автора 1712. *Oeuvres*, ed. J. Simon. II-ой томъ. 1842. Въ этомъ соч. Мальбраншъ подвергаетъ подробному разбору: внѣшнія чувства, воображеніе (imagination), чистый умъ (l'esprit pur), наклонности и страсти (inclination, passions) съ точки зрѣнія ихъ участія въ процессахъ познанія истины. Результаты этого разбора высказываются въ слѣдующихъ положеніяхъ: „Всѣ мысли, возникающія въ душѣ при участіи тѣла или въ зависимости отъ него, ложны или темны“ Умъ ограниченъ и не можетъ понять ни безконечнаго, ни сущности, ни даже дѣйствительности предметовъ. Единственное средство познанія истины состоитъ въ непосредственной связи души съ Богомъ, который и есть истина. Видѣть все въ Богѣ (voir toutes choses en Dieu)—это настоящая задача философіи. „Богъ самъ доводитъ философовъ до познаній, которыя неблагодарные люди называютъ естественными.“ Настоящая философія выводится здѣсь изъ религіознаго чувства. См. въ особенности кн. II-ая, часть 3-ья, гл. 6 и кн. III, ч. 2-ая гл. 5 и 6. Въ приведенныхъ воззрѣніяхъ высказывается *мистицизмъ* Мальбранша.

Leibniz, *Nouveaux essais sur l'entendement humain.* Сочиненіе написанное уже въ 1704, но изданное въ первый разъ лишь спустя полъ вѣка послѣ смерти Лейбница 1765. *Oeuvres philosophiques, ed. P. Janet.* T. I-й. 1866. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ критику приведеннаго выше труда Локка, который однако Лейбницъ въ предисловіи называетъ „un des plus beaux et des plus estimés ouvrages de ce temps.“ Изложеніе имѣетъ видъ діалога между Филалетомъ и Ѳеофиломъ, изъ которыхъ первый представляетъ взгляды Локка, второй ученіе Лейбница. Раздѣленіе предмета соотвѣтствуетъ вполнѣ раздѣленію сочиненія Локка. Различіе между своею теоріею познанія и теоріею Локка Лейбницъ въ предисловіи сводитъ по существу къ различію между Платономъ и Аристотелемъ. „Чувства, говоритъ Лейбницъ, хотя являются необходимыми для нашихъ познаній, недостаточны однако для ихъ полнаго развитія, ибо они даютъ намъ только примѣры, т. е. истины частныя или индивидуальныя (des exemples, c'est-à-dire des verités particulières ou individuelles). Но всѣ примѣры (случаи), подтверждающіе общую истину, въ какомъ-бы количествѣ они ни представлялись, недостаточны для того, чтобы придать этой истинѣ характеръ всеобщей необходимости (nécessité universelle); изъ случившагося въ прошедшемъ не слѣдуетъ, что тоже самое случится всегда.“ „Изъ этого истекаетъ, что необходимыя истины должны основываться на принципахъ, которые доказываются не частными примѣра-

§ 8, 2. ми, слѣдовательно и не свидѣтельствомъ чувствъ, хотя безъ чувствъ мы не имѣли-бы повода мыслить о нихъ“ Это, по Лейбницу, служитъ доказательствомъ самостоятельнаго содержанія ума. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ опредѣляетъ свое отношеніе къ Локку, указывая на то, что умъ „врожденъ самому себѣ.“ Nihil est in intellectu, говоритъ онъ съ Локкомъ, quod non fuerit in sensu, но пополняетъ это положеніе добавленіемъ. *nisi ipse intellectus.* Философія есть, слѣдовательно, для Лейбница, равно какъ для Декарта, познаніе, основанное не на чувственномъ опытѣ, но на принципахъ.

Въ духѣ Лейбница Христіанъ Вольфъ отличаетъ *философское* познаніе отъ историческаго и математическаго, какъ познаніе *разумнаго* основанія того, что̀ есть или происходитъ (cognitio *rationis* eorum, quae sunt vel fiunt) и доходитъ вслѣдствіе того до опредѣленія философіи, какъ науки о *возможномъ* (или мыслимомъ), насколько оно возможно (philosophia est scientia possibilium, quaetenus esse possunt). См. приведенную выше (§ 6, 1 *Лит* стр. 40) *Рациональную философію* его § 6 и 29.

Теорія познанія Локка послужила исходною точкою для цѣлаго ряда изслѣдованій ума, подготовившихъ критическій взглядъ на предметъ и задачи философіи. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ Berkeley, *Treatise on the principles of human knowledge* 1710. Hume, *Enquiry concerning human understanding.* 1748. Reid, *Inquiry into the human mind on the principles of common sense.* 1764. Во Франціи: Condillac, *Traité des sensations* 1754. Утверждая въ духѣ Локка, что общимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительность, Беркли доходитъ до заключенія, что вещественный міръ, какъ общее понятіе, не существуетъ реально Реальное бытіе имѣетъ только духъ и изъ него мы можемъ единственно почерпать данныя для истиннаго познанія. Юмъ выводилъ дальнѣйшія заключенія изъ локковой философіи. Предметомъ познанія служатъ только *отношенія между идеями и факты.* Отношенія идей между собою независимы отъ дѣйствительности, и имѣютъ только субъективное значеніе. Познаніе же фактовъ основывается на такъ называемомъ законѣ *причинности*, который однако есть только результатъ *навыка* при воспріятіи преемства явленій, слѣдовательно тоже не можетъ дать понятія о дѣйствительности, независящей отъ ума Эти скептическіе результаты юмовой философіи Ридъ стремился преодолѣть указаніемъ на *здравый смыслъ* (common sense), заключающій въ себѣ цѣлый рядъ непосредственно очевидныхъ истинъ, ясныхъ сами по себѣ (self-evident truths), признанныхъ всѣми разумными людьми. Опредѣленіе этихъ истинъ при помощи внутренняго опыта—вотъ вся задача философіи здраваго смысла по Риду. Кондильякъ, наконецъ, развилъ во Франціи теорію Локка по одностороннему направленію, отрицая даже *рефлексію*, какъ особую способность ума, рядомъ съ *сенсаціей*, т. е. съ чувственными ощущеніями. Вслѣдствіе этого Кондильякъ сдѣлался представителемъ полнаго сенсуализма, выводящаго всѣ проявленія умственной жизни, слѣдовательно и философскія познанія, исключительно изъ чувственныхъ ощущеній.

Kant, *Kritik der reinen Vernunft* (§ 5, 2 *Лит*). Ч. II. *Ученіе о методѣ.* Отд. 3-ье. *Ученіе о построеніяхъ чистаго разума.* Вотъ что Кантъ здѣсь говоритъ о философіи (см. переводъ М. И. Владиславлева, стр. 615 и слѣд.) „Историческое познаніе есть *cognitio ex datis*, разумное—*cognitio ex principiis.* Откуда бы первоначально ни происходило познаніе для того, кто страдательно усвояетъ его, оно будетъ всегда только историческимъ, будетъ ли оно дано

§ 8, 2.

ему опытомъ, или передано повѣствованіемъ или обученіемъ... Опровергая готовыя опредѣленія его, мы поставляемъ его въ затрудненіе; онъ не знаетъ, откуда взять новыя. Онъ слѣдовалъ за чужимъ умомъ: повторяющій-же умъ далеко не то, что производящій, т. е. познаніе произошло у него не изъ разума, и хотя въ объективномъ отношеніи оно было разумнымъ познаніемъ, въ субъективномъ—оно будетъ только историческимъ. Онъ хорошо понялъ и удержалъ въ себѣ мысли, т. е. научился имъ и представляетъ собою какъ-бы гипсовый слѣпокъ съ живаго человѣка. Объективныя познанія разума (т. е. возникающія прямо изъ разума) тогда только могутъ быть названы разумными въ субъективномъ смыслѣ, когда они почерпаются изъ общихъ источниковъ разума, такъ что при этомъ критика и даже отрицаніе усвоеннаго остаются возможными.“ „Всякое познаніе разума выводится или изъ понятій, или изъ построеній понятій; первое называется *философскимъ*; второе — математическимъ.“ „Между всѣми науками разума (a priori) можно научиться только математикѣ, но никакъ не *философіи*: по отношенію къ послѣдней можно научиться только *философствовать*.“ „Система всякаго философскаго познанія есть *философія*. Въ объективномъ смыслѣ она есть образецъ, по которому должно обсуждать всякія субъективныя философіи, столь разнообразныя и измѣнчивыя по своему содержанію. Такимъ образомъ философія есть идея возможной науки, неосуществимой in concreto, но къ которой необходимо, по возможности, приближаться, пока мы откроемъ надлежащій путь, и досель неудачный образъ сдѣлаемъ подобнымъ своему образцу, насколько это суждено человѣку. А до того времени нельзя учиться философіи: гдѣ она, кто владѣетъ ею и по какимъ чертамъ можно узнать ее? Можно учиться только философствовать, т. е. развивать даръ разума при обсужденіи извѣстныхъ существующихъ попытокъ по всеобщимъ принципамъ, причемъ нужно помнить права разума изслѣдовать попытки по самымъ ихъ источникамъ и доказывать или отвергать ихъ.—До того времени понятіе философіи всегда будетъ имѣть одинъ *школьный* характеръ, будетъ понятіемъ системы познанія, какъ науки, имѣющей цѣлью одно только систематическое единство познанія, слѣдовательно *логическое* совершенство его. Но нужно помнить, что существуетъ еще особое *міровое* понятіе (conceptus cosmicus), подразумѣваемое подъ словомъ философія, напр. когда оно олицетворялось и представлялось въ идеалѣ философа, какъ образецъ. Въ этомъ отношеніи, *философія есть наука объ отношеніи познанія къ существеннымъ цѣлямъ человѣческаго разума* (teleologia rationis humanae), и философъ тогда получаетъ значеніе не учителя, но законодателя человѣческаго разума. Конечно, было-бы весьма хвастливо называть себя такимъ философомъ и воображать, что уже достигнутъ образецъ, указываемый идеею...“

Fichte, *Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre oder der sogenannten Philosophie*. 1794. См. Гл. I § 1 и слѣд. *Werke*. 1845 и слѣд. Философія, какъ наука науки, опредѣляетъ по Фихте: во 1-хъ, содержаніе (Gehalt) и во 2-хъ, форму всѣхъ наукъ Она отличается отъ логики тѣмъ, что эта послѣдняя занимается исключительно разборомъ *формы* знанія (Wissen); между тѣмъ философія изучаетъ форму знанія въ связи съ его содержаніемъ. Приведенную задачу она можетъ исполнить только представляя цѣльную *систему* знаній, выведенную изъ одного, самаго высшаго *принципа* (Grundsatz), заключающаго въ себѣ непосредственно очевидную и неоспоримую истину Этимъ принципомъ можетъ служить, по Фихте, единственно философствующій *субъектъ*, наше *самопозна-*

§ 8, 2. *иге*, наше *я*. Съ точки зрѣнія этого принципа философія является системою необходимыхъ дѣйствій человѣческаго духа, его самосознанія, его *я*, такъ какъ все, что составляетъ предметъ человѣческаго знанія, есть во всякомъ случаѣ результатъ, проявленіе самодѣятельности человѣческаго духа. Въ приведенныхъ положеніяхъ высказывается субъективный идеализмъ Фихтевой философіи.

Schelling, *System des transscendentalen Idealismus.* 1800. *Werke.* 1856 и слѣд. Субъективный идеализмъ Фихте Шеллингъ пополняетъ указаніемъ на природу, какъ на предметъ философіи. Его философія—натуръ-философія. Но задачи ея онъ опредѣляетъ съ идеалистической точки зрѣнія, предлагая себѣ вопросъ: какимъ образомъ природа становится духомъ, интеллигенціею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, характеризирующій міровоззрѣніе Шеллинга, сводится къ тому, что природа есть „незрѣлая интеллигенція (unreife Intelligenz)," которая въ своихъ проявленіяхъ „безсознательно (bewusstlos)" обнаруживаетъ разумныя начала. Изслѣдованіе этихъ разумныхъ началъ природы, ихъ мыслительный выводъ, вотъ вся сущность философіи по Шеллингу

Hegel, *Phänomenologie des Geistes.* 1806, и его-же *Encyklopadie* (§ 1, 3 *Лит.*). Введеніе Для Гегеля философія есть проявленіе всеобщаго разума. Въ своемъ историческомъ развитіи она указываетъ на безусловное единство бытія и мысли, природы и духа, и есть въ сущности процессъ, на основаніи котораго начало всего существующаго сознательно воспринимаетъ свое истинное содержаніе. Философія становится „феноменологіею духа," т. е. уразумѣніемъ его постепеннаго развитія.

Между новокантіанцами въ Германіи, опредѣляющими философію, какъ критику познанія, особенно замѣчательны

Fr. A. Lange, *Geschichte des Materialismus u. Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart* 1866. Изд. 4-ое, 1882. См. Т. II. Гл. 1-ая о Кантѣ. Русскій переводъ Н. Н. Страхова. 1881.

O. Liebmann, *Zur Analysis der Wirklichkeit.* 1876. Prolegomena. Либманъ по примѣру Канта опредѣляетъ философію, какъ науку о предѣлахъ разума (von den Grenzen der Vernunft).

W. Windelband, въ приведенныхъ уже (§ 2, 2 *Лит.*) *Praludien*, въ статьѣ: что такое философія? называетъ философію критическою наукою объ общепризнанныхъ цѣнностяхъ (kritische Wissenschaft von den allgemein giltigen Werthen) и этимъ опредѣленіемъ имѣетъ въ виду разборъ основныхъ стремленій ума къ истинѣ, къ добру и къ изящному.

A. Riehl, *Der philosophische Kriticismus.* Три части, 1876—1887. Русскій переводъ послѣдней части Корша, подъ заглавіемъ *Теорія наукъ и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма.* 1888. Гл. 1-ая. Философія какъ проблема. Философія не есть ученіе о міровоззрѣніи, но наука и критика познанія.

C. Göring, *System der kritischen Philosophie.* 1874. Т. I. Введеніе.

Относительно двухъ послѣднихъ мыслителей см. упомянутыя выше (§ 2, 2 *Лит.*) *Письма о научной философіи* В. В. Лесевича.

Въ духѣ Канта составлено тоже опредѣленіе извѣстнаго нѣмецкаго философа J. Fr. Herbart'a († 1841), который въ приведенномъ (§ 2, 2 *Лит.*) *Введеніи въ философію* называетъ философію *разработкою понятій* (Bearbeitung der Begriffe) Этого-же опредѣленія придерживаются многочисленные послѣдователи Гербарта по настоящее время.

§ 8, 2.

Во французской философіи представляютъ взглядъ Канта на предметъ и задачи философіи главнымъ образомъ J. Tissot, переводчикъ Канта, и Ch. Renouvier. Послѣдній въ сочиненіяхъ *Essai de critique générale*, 1854, и въ приведенной уже выше (§ 7, 3 *Лит.*) *Классификаціи философскихъ ученій.* 1885. Въ духѣ Канта дѣйствуютъ тоже Ліяръ, Каро и др., см. ниже § 12, 1 *Лит.*

Въ Англіи и Шотландіи большинство мыслителей со временъ Локка, Юма и Рида сводило настоящую философію къ философіи ума, къ психологическимъ изслѣдованіямъ. На необходимость пополнить эти изслѣдованія примѣненіемъ къ нимъ началъ критицизма Канта указываетъ знаменитый мыслитель William Hamilton († 1856), особенно въ своихъ *Discussions on philosophy.* 1852. Изд. 3-ье, 1866, и *Lectures on methaphysics and logic*, изданныхъ послѣ смерти автора въ 4 томахъ 1860. См. J. St. Mill, *An examination of Hamiltons philosophy* 1865. Русскій переводъ Хмѣлевскаго. 1869. Въ новѣйшее время замѣчательно въ Англіи главнымъ образомъ соч. H. L. Mansel, *Metaphysics on the philosophy of the conssciousness phenomenal and real.* 1870.

A. Comte, *Cours* (§ 1, 3 *Лит.*), 1-ая лекція. Подробную характеристику и критику взглядовъ Конта на философію см. ниже § 12, 1.

H. Spencer, *First principles* (§ 1, 3 *Лит.* 8, 1 *Лит.*), § 34. Разсмотрѣвъ разнообразные взгляды на предметъ и задачи философіи Спенсеръ доходитъ до заключенія, что общее начало всѣхъ этихъ взглядовъ, остающееся неприкосновеннымъ, не смотря на всѣ противорѣчія въ частныхъ опредѣленіяхъ философіи, заключается въ томъ, что она есть *познаніе, истекающее изъ самыхъ высшихъ обобщеній.* Это познаніе ограничено однако зависимостью науки отъ фактическихъ данныхъ Спеціальныя науки выводятъ изъ этихъ данныхъ *частные* законы явленій; философія-же на основаніи этихъ частныхъ законовъ доходитъ до уразумѣнія всеобщихъ, универсальныхъ законовъ явленій. Однимъ словомъ: „Знаніе низшей степени есть необъединенное знаніе, наука есть въ частности объединенное знаніе; философія есть совершенно объединенное знаніе.“

W. Wundt, *System der Philosophie* (§ 1, 3 *Лит.*), стр. 21 и слѣд.. *Задачи научной философіи.* Научная философія, по Вундту, не служитъ основаніемъ (Grundlage) спеціальныхъ наукъ, но напротивъ она основывается на спеціальныхъ наукахъ и имѣетъ цѣлью изъ результатовъ ихъ изслѣдованія образовать одно, свободное отъ противорѣчій міровоззрѣніе (eine widerspruchslose Weltanschauung). Только такъ понимаема философія способна въ свою очередь вліять на ходъ и направленіе спеціальныхъ изслѣдованій, разъяснять и устранять могущія возникнуть между ними противорѣчія.

Опредѣленія философіи и взгляды на ея предметъ современныхъ русскихъ мыслителей см. § 2, 2 *Лит.*

2. Характеристическія черты философіи.

§ 9.

Критическая самостоятельность мышленія и стремленіе къ общему міровоззрѣнію.

§ 9. Изъ опредѣленія философіи, какъ науки о всеобщихъ, умственныхъ и предметныхъ, началахъ знанія (§ 8), истекаютъ непосредственно ея характеристическія черты. Эти черты философіи сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ двумъ:

во 1-хъ, критическая самостоятельность мышленія,

во 2-хъ, стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія.

Первая черта истекаетъ послѣдовательно изъ развитія философіи, какъ науки объ умственныхъ началахъ знанія; вторая—изъ ея развитія, какъ науки о предметныхъ началахъ знанія.

Разсматривая *умственныя* начала знанія, философія становится критикою ума и его познавательныхъ процессовъ, или вообще *теоріею познанія, наукою науки.* На основаніи такого критическаго разбора умственныхъ процессовъ познанія, философія, руководясь ясно сознаваемыми началами познавательной дѣятельности, достигаетъ возможной самостоятельности мышленія, т. е. она исключаетъ изъ своего объема всякія готовыя предположенія, всякіе предвзятые взгляды и признаетъ истинными и несомнѣнными только такія положенія, согласіе которыхъ съ основными началами познавательной дѣятельности можетъ быть доказано на основаніи предварительнаго разбора ихъ содержанія.

Съ изученіемъ же *предметныхъ* началъ знанія тѣсно связано стремленіе философіи къ образованію общаго *міровоззрѣнія.* Безчисленное множество предметныхъ элементовъ знанія, отдѣльныхъ, частныхъ предметовъ его,

вещей, существъ, явленій, можетъ быть усваиваемо умомъ и становится для него понятнымъ только на основаніи познанія соотношеній, существующихъ между этими элементами и ихъ сочетанія въ одно стройное цѣлое. § 9.

Такое сочетаніе совершается при помощи идеи о вселенной, о мірѣ, т. е. объ извѣстныхъ основныхъ началахъ бытія, объединяющихъ всѣ явленія его. Поэтому именно философія не довольствуется изученіемъ той или другой отдѣльной группы явленій, но разсматриваетъ каждую отдѣльную группу явленій съ точки зрѣнія основныхъ началъ бытія вообще и стремится такимъ образомъ составить общее міровоззрѣніе, которое дало-бы намъ возможность объяснить каждый частный предметъ знанія въ связи со всѣми остальными и съ цѣлымъ, къ которому онъ принадлежитъ.

Примѣчаніе I-ое. Критицизмъ философіи. *Критика* (отъ κρίνω=разбираю. различаю, сужу) обозначаетъ вообще мыслительный разборъ даннаго предмета, въ особенности же различеніе истины отъ лжи въ нашихъ знаніяхъ. Въ этомъ смыслѣ *критичность* и *критицизмъ* противопоставляются *догматичности* и *догматизму* (отъ δόγμα=постановленіе, предписаніе, decretum), признающимъ то или другое положеніе истиннымъ безъ предварительнаго разбора его содержанія, на основаніи непосредственнаго довѣрія ума или къ самому себѣ, къ собственнымъ способностямъ, къ вдохновенію, къ внутреннему откровенію и т. п. (*умственный* или *субъективный догматизмъ*), или къ чужому свидѣтельству, къ внѣшнему авторитету (*предметный* или *объективный догматизмъ*). § 9.1.

Всякое знаніе становится *научнымъ* только на основаніи предварительной критики. Безъ критики нѣтъ. слѣдовательно, науки. Критичность есть существенное условіе, conditio sine qua non развитія и прогресса науки вообще.

Въ философіи начало критики развивается послѣдовательно до доступныхъ для ума человѣческаго предѣловъ, по двумъ направленіямъ, истекающимъ изъ предмета философіи (§ 8), т. е. по направленію *умственному* и *предметному*, *субъективному* и *объективному*. Философская критика распространяется какъ на мыслящій умъ и его познавательные процессы, съ

§ 9, 1. цѣлью опредѣленія ихъ значенія при познаніи истины, такъ и на предметные матеріалы знанія, на его объекты, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько наши представленія и понятія о предметахъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такимъ образомъ философская критика обнимаетъ собою.

1) критику ума, какъ субъекта познавательной дѣятельности, и

2) критику взглядовъ на дѣйствительное бытіе, на такъ называемую объективную реальность, какъ общаго предмета знанія.

Философія, вслѣдствіе этого, не признаетъ истинными никакихъ положеній ни по отношенію къ уму и его познавательнымъ процессамъ, ни по отношенію къ дѣйствительности, безъ предварительнаго критическаго разбора ихъ содержанія Въ послѣдовательномъ примѣненіи критики ко всѣмъ началамъ человѣческаго знанія заключается критическая самостоятельность философскаго мышленія, его независимость отъ всякаго рода готовыхъ, законченныхъ, догматическихъ предположеній и взглядовъ.

Исходною точкою и необходимымъ средствомъ для такого примѣненія начала критики служитъ *сомнѣніе*, *скептическое* отношеніе ума ко всѣмъ догматическимъ даннымъ человѣческаго знанія (σκέψις=изслѣдованіе, сомнѣніе). Только сомнѣніе вызываетъ въ умѣ потребность критическаго изслѣдованія. Въ чемъ мы не сомнѣваемся, того мы и не изслѣдуемъ

Но сомнѣніе есть *только* исходная точка и средство познанія, но не цѣль его. Напротивъ, всякое критическое познаніе есть въ сущности преодоленіе и устраненіе сомнѣнія. Истина исключаетъ всякую сомнительность. Критика представляется вслѣдствіе этого, какъ необходимый переходный процессъ ума отъ сомнѣнія къ достовѣрности, отъ незнанія къ знанію. Въ самомъ сомнѣніи и въ критическомъ мышленіи обнаруживаются извѣстныя несомнѣнныя данныя, которыя могутъ служить твердымъ основаніемъ для истиннаго познанія вещей въ доступныхъ для ума человѣческаго предѣлахъ. Раскрытіе этихъ данныхъ и опредѣленіе ихъ содержанія составляетъ задачу какъ общей *теоріи познанія* или *логики*, такъ и спеціальнаго изученія вопроса о методѣ философіи. Здѣсь мы ограничиваемся однимъ указаніемъ на основное значеніе критики для всякой вообще философіи.

§ 9, 1.

Литература. Послѣдовательное развитіе начала критики и его примѣненіе къ познавательнымъ отправленіямъ ума, равно какъ и къ дѣйствительности, философія обязана главнымъ образомъ великому философу XVIII-го вѣка Иммануилу Канту (род. 1724, † 1804), который въ цѣломъ рядѣ сочиненій занялся въ первый разъ всестороннимъ критическимъ разборомъ основныхъ, умственныхъ и предметныхъ, идеальныхъ и опытныхъ, субъективныхъ и объективныхъ началъ знанія. Къ этимъ сочиненіямъ Канта принадлежатъ:

Kritik der reinen Vernunft. 1781. Второе переработанное авторомъ изд. 1787. Русскій переводъ М. И. Владиславлева, 1867, съ приложеніемъ статьи о жизни, трудахъ и философіи Канта. См. выше § 2, 2 *Лит.*

Prolegomena zu einer jeden kunftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten konnen. 1783. Содержаніе этого сочиненія Кантъ соединилъ отчасти съ изложеніемъ критики чистаго разума во второмъ ея изданіи. Русскій переводъ В. С. Соловьева: *Пролегомена ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки*, съ предисловіемъ Н. Я Гротa и приложеніемъ критики кантовской философіи Куно Фишера въ переводѣ Н. К. Иванцова. 1889.

Grundlegung zur Metaphysik der Sitten 1785 Русскій переводъ Рубанова *Основанія для метафизики нравовъ* 1803.

Metaphysische Anfangsgrunde der Naturwissenschaft. 1786.

Kritik der praktischen Vernunft. 1788. Русскій переводъ Н Смирнова: *Критика практическаго разума и основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ*, съ примѣчаніями и приложеніемъ „Краткаго очерка практической философіи.“ 1875.

Kritik der Urtheilskraft. 1790.

Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft 1793.

Лучшее изданіе сочиненій Канта· Г. Гартенштейна, 1867 и слѣд.

О значеніи Канта высказывается очень ясно Н. Я. Гротъ въ предисловіи къ приведенному выше переводу *Пролегоменъ ко всякой будущей метафизикѣ*: „Кантъ, говоритъ онъ, создатель новѣйшей философіи, новой точки зрѣнія, новаго метода и задачъ философіи, и безъ глубокаго пониманія Канта нельзя въ наше время считать себя въ правѣ произносить слова „философія, философскій“ и др. под. Легкомысленно думать, что основоположенія кантовской философіи кѣмъ-либо окончательно опровергнуты или даже серьезно поколеблены. Лица, думающія такъ, обыкновенно не понимаютъ и не въ состояніи понять даже самыхъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудился Кантъ Для тѣхъ-же, кто понимаетъ эти вопросы,—ясно, что отъ Канта должно отправляться и понынѣ всякое философское ученіе, имѣющее притязаніе быть существеннымъ и основательнымъ, хотя-бы точкою отправленія и являлась строгая критика кантовскихъ положеній.“

Развитіе взгляда на *философскую* критику см. у Г. Струве, *Отличительныя черты философіи* и т. д. (§ 2, 2 *Лит*), стр. 24 и слѣд.· „*Критика*, по существу своему, требуетъ отъ каждаго истиннаго мыслителя во 1-хъ, при познаніи вещей не дѣлать, если возможно, никакихъ догматическихъ предположеній, или покрайней мѣрѣ ограничить число оныхъ до возможнаго для ума человѣческаго минимума, и во 2-хъ, давать себѣ ясный отчетъ въ содержаніи своихъ предположеній и подвергать оныя строгому анализу.. Оба эти требованія признаютъ, я думаю, какъ раціоналисты, такъ и эмпирики, какъ идеалисты, такъ и позитивисты. Правда, что взглядъ ихъ на эти требованія, равно какъ и на способъ ихъ осуществленія, можетъ быть различенъ, но эти

§ 9, 1. требованія сами по себѣ не могутъ быть ими отвергнуты, если критика и истина для нихъ важнѣе, чѣмъ частные интересы той или другой философской школы... Но въ чемъ-же обнаруживается это основное критическое стремленіе всякой истинной философіи?—Главнымъ образомъ въ надлежащемъ примѣненіи и употребленіи начала сомнѣнія. . Извѣстно, что со временъ Декарта сомнѣніе играетъ очень важную роль въ развитіи философіи; и дѣйствительно, оно именно и есть тотъ умственный процессъ, на основаніи котораго философія, при познаніи вещей, ограничиваетъ по возможности догматическія предположенія. Каждое догматическое предположеніе перестаетъ быть догматическимъ и принимаетъ совсѣмъ иной характеръ, когда оно подвергается сомнѣнію. Догматическое предположеніе само по себѣ есть *теза*, сомнѣніе же превращаетъ каждую тезу въ *гипотезу*. Догматическое предположеніе само по себѣ высказывается всегда въ формѣ положенія *категорическаго;* вслѣдствіе же сомнѣнія каждое категорическое положеніе становится *проблематическимъ*. Итакъ, сомнѣніе устраняетъ и ограничиваетъ по возможности догматическій характеръ всѣхъ человѣческихъ предположеній, превращая оныя въ положенія гипотетическія и проблематическія, требующія для своего разъясненія соотвѣтственнаго критическаго анализа. Убѣждаясь въ этомъ, каждый истинный философъ признаетъ необходимымъ критическимъ началомъ философіи *сомнѣніе*. Безъ сомнѣнія философія становится догматическою, вмѣсто того, чтобы быть *критическою*. — Правда, что *сомнѣніе* не есть ни цѣль, ни конецъ философіи, какъ это ошибочно утверждаетъ некритическій скептицизмъ; но оно есть необходимое *средство* для достиженія цѣли философіи, т. е. истиннаго и достовѣрнаго познанія вещей. Только на основаніи предварительнаго сомнѣнія умъ человѣческій ищетъ *доказательствъ* для подкрѣпленія своихъ взглядовъ и достигаетъ *достовѣрнаго* познанія. Пока мы не сомнѣвались въ истинѣ того или другаго положенія, до тѣхъ поръ мы не дали себѣ яснаго отчета въ причинахъ, на основаніи которыхъ мы признаемъ наше положеніе истиннымъ. Догматикъ не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, по вслѣдствіе того онъ и не имѣетъ никакого яснаго сознанія объ основаніяхъ своего убѣжденія и не способенъ далъ себѣ и другимъ яснаго отчета въ достовѣрности и неоспоримости онаго. При немъ *знаніе*, а недостаетъ ему *познанія*, основаннаго на усвоеніи и уразумѣніи даннаго предмета..."

О сомнѣніи, какъ началѣ достовѣрнаго познанія, говоритъ Декартъ подробно въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Discours de la methode*, 1637, Гл. 4-ая, *Meditationes de prima philosophia* (§ 4, 1 *Лит.*), 1-ая медитація, и *Principia philosophiae* (§ 8, 2 *Лит*), Ч. I. §§ 1 по 10. Въ этихъ мѣстахъ онъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на основную истину о нашемъ собственномъ существованіи, которая не можетъ быть подвергнута сомнѣнію, потому, что ея несомнѣнность обнаруживается въ самомъ актѣ сомнѣнія. Это довело Декарта до знаменитаго положенія: *cogito ergo sum*, которое послужило для него исходною точкою для опредѣленія *критерія* истины, т. е. тѣхъ свойствъ и признаковъ, при помощи которыхъ мы можемъ отличить истину отъ лжи.—По поводу сомнѣнія, какъ начала философіи, очень мѣтко сказалъ Гербартъ, что каждый, кто основательно начинаетъ философствовать, есть скептикъ; но каждый скептикъ *начинаетъ* только философствовать, есть только ученикъ. (Jeder tüchtige Anfänger in der Philosophie ist Skeptiker; aber es ist auch jeder Skeptiker als solcher Anfänger).

Всестороннее изученіе началъ критическаго познанія вещей, какъ умственной дѣятельности, составляетъ задачу *теоріи познанія*, или *логики*. Критическій же разборъ основныхъ взглядовъ на предметную, объективную дѣйствительность составляетъ предметъ особой философской науки, *метафизики*. Поэтому мы не можемъ въ настоящее время заняться болѣе подробнымъ изложеніемъ самыхъ пріемовъ философской критики. Окончимъ только этотъ предварительный взглядъ на критическія начала философіи словами самого Канта, высказанными въ его, приведенныхъ выше, *Пролегоменахъ* (переводъ В. С. Соловьева, стр. 171) „Одно несомнѣно, говоритъ онъ, кто разъ отвѣдалъ критики, тому навсегда будетъ тошенъ тотъ догматическій вздоръ, съ которымъ онъ прежде поневолѣ возился, не находя лучшаго удовлетворенія для потребностей своего разума. Критика относится къ обыкновенной школьной метафизикѣ точно такъ, какъ химія къ алхиміи, или астрономія къ астрологіи. Я ручаюсь за то, что всякій, понявшій принципы критики, хотя-бы только въ этомъ введеніи, (значитъ въ Пролегоменахъ), уже никогда больше не вернется къ старой софистической призрачной наукѣ; напротивъ, онъ съ радостью будетъ смотрѣть на ту метафизику, которая теперь дѣлается ему доступной, которая не нуждается ни въ какихъ приготовительныхъ открытіяхъ и которая, наконецъ, можетъ доставить разуму прочное удовлетвореніе.“ § 9, 1.

Примѣчаніе 2-ое. Философское міровоззрѣніе. Обыкновенное значеніе слова *міръ* сочетается съ понятіемъ о внѣшнемъ, видимомъ, сотворенномъ, чувственномъ бытіи. Въ этомъ смыслѣ міръ противопоставляется обыкновенно Богу, какъ Творцу, какъ Началу вѣчному, невидимому, духовному. Философскій смыслъ слова *міръ* въ понятіи о *міровоззрѣніи* иной, болѣе обширный. Въ этомъ смыслѣ міръ обозначаетъ безусловно все существующее и обнимаетъ собою не только видимое, чувственное бытіе, но и бытіе невидимое, духовное, не только настоящее, но и прошедшее и будущее, равно какъ и основное начало всего существующаго и его явленій, насколько все это признается дѣйствительно существующимъ. Философское міровоззрѣніе заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, все вообще *мыслимое*. § 9, 2

Согласно вышесказанному, міровоззрѣніе есть воззрѣніе на все *существующее*, на *бытіе*. *Бытіе* есть самое общее понятіе ума человѣческаго, объединяющее собою всевозможные *предметы* знанія, всю реальность, объективность (§ 4, 1). Всякое знаніе относится такъ или иначе къ бытію, имѣетъ своимъ предметомъ ту или другую сторону, то или другое качество, свойство, то или другое явленіе его. Однимъ словомъ, всякій объектъ знанія есть бытіе въ томъ или другомъ отношеніи.

Уже изъ этого ясно, что бытіе, міръ представляется уму въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ необозримомъ богатствѣ явленій, предметовъ, вещей, существъ, ихъ основныхъ на-

§ 9, 2. чалъ и причинъ, ихъ произведеній, видоизмѣненій и слѣдствій, ихъ назначенія и цѣли, ихъ связи, соотношеній и взаимодѣйствія, какъ съ точки зрѣнія ихъ существованія въ пространствѣ, такъ и съ точки зрѣнія ихъ преемства и послѣдовательности во времени.

Это необозримое множество отдѣльныхъ моментовъ бытія вызываетъ въ умѣ человѣческомъ первоначально впечатлѣніе хаотическое, представляется ему въ видѣ болѣе или менѣе произвольнаго смѣшенія этихъ составныхъ моментовъ. Но со временемъ вводится порядокъ въ воззрѣніяхъ ума на бытіе. Отдѣльные моменты его группируются и объединяются въ общихъ понятіяхъ. Произволъ въ проявленіяхъ уступаетъ мѣсто постоянству и законности, а всѣ частные моменты бытія вмѣстѣ взятые принимаютъ все болѣе и болѣе характеръ одного стройнаго цѣлаго, въ которомъ все взаимно пополняется, подчиняясь извѣстнымъ однообразнымъ началамъ, т. е. постоянному законному порядку. Благодаря такому воззрѣнію, бытіе представляется уму какъ цѣльный благоустроенный *міръ* и составляетъ предметъ настоящаго правильнаго познанія. Говоря о познаніи міра, о міровоззрѣніи, мы основываемся непосредственно на такомъ общемъ понятіи о немъ. Хаоса, лишеннаго порядка, постоянства, законности въ своихъ началахъ и проявленіяхъ, изслѣдовать, познать, уразумѣть нельзя.

Такимъ образомъ, приведенное понятіе о мірѣ, какъ болѣе или менѣе стройномъ цѣломъ, составляетъ необходимую исходную точку всякаго истинаго познанія вещей. Начиная философствовать, мы встрѣчаемъ уже въ нашемъ умѣ это понятіе и принимаемъ его въ основаніе нашего философствованія. Оно является результатомъ съ одной стороны нашего умственнаго развитія и образованія, съ другой—ежедневнаго житейскаго опыта, подтверждающаго въ своемъ кругу это традиціонное предположеніе.

Главными началами обыденнаго понятія о мірѣ, какъ стройномъ цѣломъ, служатъ:

во 1-хъ, астрономическія наблюденія, въ особенности постоянство и правильность въ смѣнѣ дня и ночи, временъ года, и т. п.

во 2-хъ, благоустройство организма и правильность въ его отправленіяхъ, вызывающія непосредственно извѣстную правильность въ удовлетвореніи потребностямъ тѣла,

въ 3-хъ, общественныя отношенія, благодаря которымъ дитя уже привыкаетъ къ извѣстному порядку,

въ 4-хъ, законность въ умственныхъ отправленіяхъ, прививающая къ человѣку сознаніе, что удовлетвореніе его потребностямъ, осуществленіе его замысловъ, намѣреній, цѣлей, зависитъ не только отъ внѣшнихъ, но и отъ внутреннихъ условій, обнаруживающихся въ извѣстныхъ умственныхъ (логическихъ, эстетическихъ, нравственныхъ) требованіяхъ, совокупность которыхъ представляется въ видѣ высшаго, разумнаго порядка вещей, и, наконецъ, § 9, 2.

въ 5-хъ, образованіе ума, обращающее надлежащее вниманіе на приведенныя выше данныя.

Несмотря на основное значеніе этой идеи о мірѣ, какъ стройномъ цѣломъ, для всей физической и умственной жизни человѣка; несмотря на несомнѣнность, съ которою она, вслѣдствіе приведенныхъ данныхъ, навязывается уму и признается имъ непреложнымъ основаніемъ его теоретической и практической дѣятельности,—понятно однако, что философія, имѣя въ виду приведенное выше (прим. 1-ое) требованіе критичности, не можетъ довольствоваться тѣмъ или другимъ готовымъ, законченнымъ понятіемъ о мірѣ, вообще о бытіи, какъ предметѣ своихъ изслѣдованій. Философія по существу своему подвергаетъ критическому разбору и это основное понятіе ума; она примѣняетъ и къ нему принципъ сомнѣнія, допускаетъ возможность ложности этого понятія, допускаетъ, что бытіе не есть одно стройное цѣлое, что въ мірѣ не обнаруживается благоустройство. Мало того, философія допускаетъ даже возможность, что міра въ той формѣ, въ какой онъ намъ представляется, вовсе нѣтъ, что онъ не дѣйствителенъ, что онъ только произведеніе нашего воображенія, родъ субъективной галлюцинаціи, лишенной объективнаго бытія. А если философія и доходитъ до убѣжденія о реальномъ существованіи чего либо похожаго на наше понятіе о мірѣ, то она все еще можетъ сомнѣваться въ возможности познанія и уразумѣнія этого міра и не признавать за нашими обыденными воззрѣніями на него настоящаго значенія. Во всякомъ случаѣ истинный философскій взглядъ на міръ, взглядъ критическій, возможенъ только на основаніи предварительнаго разбора традиціоннаго понятія о мірѣ и всѣхъ приведенныхъ неудомѣній относительно несомнѣнности этого понятія.

Всесторонній разборъ приведеннаго понятія о бытіи и мірѣ, опредѣленіе его основныхъ, субъективныхъ и объективныхъ началъ, характеристика его типическихъ явленій и ихъ объясненіе съ точки зрѣнія этихъ основныхъ началъ — вотъ существенная задача философіи касательно предмета ея изученія.

§ 9, 2. Задача эта имѣетъ характеръ *метафизическій*, въ объясненномъ выше смыслѣ этого слова (§ 4, 1), т е. она направлена къ разъясненію основныхъ началъ существованія вообще, бытія.

Каковы бы ни были окончательные результаты всѣхъ изслѣдованій по этому предмету, объединяя эти результаты, философія доходитъ до *воззрѣнія на міръ* и удовлетворяетъ этимъ естественному стремленію человѣческаго ума къ образованію общаго *міровоззрѣнія* Это стремленіе составляетъ руководящій стимулъ для всѣхъ философскихъ изысканій и вмѣстѣ съ критичностью мышленія обнаруживаетъ самыя существенныя начала философствованія вообще. Единственнымъ ограниченіемъ въ осуществленіи этого стремленія философія признаетъ недостатки умственныхъ способностей человѣка. доказанные критикою его познавательной дѣятельности. Имѣя въ виду это ограниченіе, слѣдуетъ сказать, что философія стремится къ образованію общаго міровоззрѣнія, насколько это оказывается возможнымъ путемъ критическаго познанія вещей. Это ограниченіе истекаетъ непосредственно изъ критичности мышленія, какъ перваго начала всякаго философствованія.

Литература. Многіе изъ приведенныхъ выше мыслителей (§ 8, 2 *Лит.*) критическаго направленія (Ланге, Либманъ, Рпль и др), доходя до отрицательныхъ взглядовъ на познавательныя способности человѣческаго ума, утверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что образованіе общаго міровоззрѣнія не можетъ быть задачею *научной* философіи Сущность предметовъ, говорятъ они, лежитъ за предѣлами нашего знанія; слѣдовательно, и рѣчи быть не можетъ объ общемъ міровоззрѣніи. Въ этомъ отношеніи новѣйшій философскій критицизмъ сходится съ позитивизмомъ Конта и съ его отрицаніемъ всякой вообще метафизики, всякаго ученія объ основныхъ началахъ бытія Въ этомъ духѣ и Гербертъ Спенсеръ начинаетъ изложеніе своей философской системы обширнымъ взглядомъ на *непознаваемое* (*First principles* §§ 1 — 34). Прототипомъ всѣхъ этихъ нареканій на метафизику, какъ на общее міровоззрѣніе, могутъ служить слова Канта, высказанныя въ *Пролегоменахъ* (переводъ В. С. Соловьева, стр. 172): „Всякое ложное искусство, всякая праздная мудрость, говоритъ онъ здѣсь, проживаетъ свое время и наконецъ разрушаетъ сама себя, и высшая степень ея процвѣтанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ время ея паденія. Для догматической метафизики это время настало теперь Это доказывается тѣмъ состояніемъ, въ которое она впала у всѣхъ образованныхъ народовъ, при томъ рвеніи, съ какимъ обрабатываются всевозможныя другія науки. Тѣнь метафизики еще сохраняется старымъ уставомъ университетскихъ занятій; какая нибудь академія наукъ возбуждаетъ время отъ времени выставленными преміями тотъ или другой опытъ; но къ солиднымъ наукамъ она уже не причисляется, и если-бы кто вздумалъ назвать какого нибудь даровитаго человѣка великимъ метафизикомъ, то легко судить, какъ принялъ-бы онъ такую благонамѣренную, но едва ли кому либо завидную похвалу...“ Съ этимъ слѣдуетъ однако согло-

ставить слова Канта, приведенныя въ § 9, 1 *Лит.* (стр. 77), и вглядъ Льюиса на научную метафизику, § 5, 2 *Лит.* Всѣ эти аргументы противъ образованія міровоззрѣнія могутъ быть совершенно вѣрными, какъ результатъ критики познанія; этого въ настоящее время мы не разбираемъ; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что и помянутые мыслители, съ Кантомъ во главѣ, первоначально въ своемъ философствованіи имѣли въ виду общее міровоззрѣніе, какъ послѣднюю цѣль своихъ стремленій, и отказались отъ нея только послѣ критическаго сознанія невозможности осуществить ее. Но все-же и они въ концѣ концовъ доходятъ до извѣстнаго *міровоззрѣнія*, если не положительнаго, позитивнаго, всесторонне законченнаго, то по крайней мѣрѣ отрицательнаго, негативнаго, условнаго и ограниченнаго. Такимъ образомъ стремленіе къ общему міровоззрѣнію, насколько оно оказывается возможнымъ съ точки зрѣнія критическаго познанія вещей, составляетъ характеристическую черту философствованія и этихъ мыслителей. § 9, 2.

---

3. Сравненіе характеристическихъ чертъ философіи со спеціальными науками.

§ 10.

Догматизмъ нефилософскихъ наукъ и спеціализація знанія.

Приведенными характеристическими чертами, т. е. критическою самостоятельностью мышленія и стремленіемъ къ общему міровоззрѣнію (§ 9), философія отличается отъ другихъ проявленій умственной жизни, въ особенности же отъ другихъ наукъ. § 10.

Съ точки зрѣнія основныхъ началъ знанія спеціяльныя науки имѣютъ характеръ *догматическій*: онѣ основываются всегда на извѣстныхъ, умственныхъ и предметныхъ предположеніяхъ, которыхъ онѣ не разсматриваютъ критически. Поэтому спеціальныя науки въ этомъ отношеніи не достигаютъ той самостоятельности мышленія, которая свойственна философіи.

Съ другой стороны, каждая изъ спеціальныхъ наукъ изучаетъ только опредѣленную частицу бытія, частную группу его явленій; вслѣдствіе чего ни одна изъ нихъ не доводитъ насъ до воззрѣнія на *всѣ* предметы человѣческаго знанія вмѣстѣ взятые, какъ на одно цѣлое, т. е. ни одна изъ нихъ не доводитъ насъ до *общаго міровоззрѣнія*. Стре-

§ 10. мленіе къ нему составляетъ такимъ образомъ характеристическую черту философіи въ отличіе ея отъ другихъ наукъ (§ 5).

§ 10, 1. **Примѣчаніе I-ое. Догматизмъ спеціальныхъ наукъ.** Положеніе о *догматизмѣ* спеціальныхъ наукъ можетъ казаться страннымъ съ перваго взгляда; тѣмъ не менѣе оно оправдывается вполнѣ ближайшимъ разборомъ ихъ познавательныхъ началъ. Никто, въ самомъ дѣлѣ, не станетъ оспаривать того, что всѣ науки въ своихъ изслѣдованіяхъ пользуются критикою. Критика составляетъ, какъ мы видѣли выше (§ 9, 1), существенное условіе всякой вообще науки. Но критика примѣняется спеціальными науками только въ узкой области ихъ частныхъ изслѣдованій и не распространяется ни на начала познавательныхъ процессовъ вообще, ни на основныя начала предмета спеціальныхъ изслѣдованій.

Исходною точкою для изслѣдованій каждой спеціальной науки служатъ извѣстныя предположенія, какъ относительно познанія вообще и его средствъ, такъ и относительно самаго предмета изслѣдованія. Эти предположенія признаются спеціалистами истинными на основаніи непосредственнаго догматическаго довѣрія къ господствующимъ воззрѣніямъ, безъ предварительнаго разбора ихъ содержанія.

Такъ напр., самая точная изъ спеціальныхъ наукъ—*математика* относительно своихъ началъ довольствуется непосредственнымъ признаніемъ извѣстнаго количества аксіомъ и готовыхъ опредѣленій, и основываетъ на нихъ все свое частное содержаніе. Математика пользуется постоянно понятіями о *пространствѣ* и *движеніи*, о *силѣ* и *величинѣ*, о *числахъ* и т. п. Всѣхъ же этихъ понятій она не разсматриваетъ критически, но представляетъ догматически ихъ опредѣленія, безъ ихъ предварительнаго разбора. Понятія эти и ихъ опредѣленія являются необходимыми для развитія частнаго содержанія математики, и это одно уже побуждаетъ ее принять эти понятія въ основаніе всѣхъ спеціальныхъ разсужденій.

Естественныя науки основываютъ свои частныя изслѣдованія на готовомъ понятіи о природѣ, по которому природа признается стройнымъ цѣлымъ физическихъ явленій, подчиняющихся однимъ и тѣмъ же общимъ и неизмѣннымъ законамъ. Но никто изъ естествоиспытателей-спеціалистовъ не спрашиваетъ, вѣрно ли это предположеніе или нѣтъ? на чемъ оно осно-

вывается? что такое физическое явленіе? составляетъ ли оно единственную форму явленій бытія, или существуютъ и другія явленія, различныя отъ физическихъ? въ чемъ заключается однообразіе явленій природы? что такое такъ называемые законы природы? и т. д. и т. д. Всѣ эти вопросы рѣшаются естествознаніемъ непосредственно въ опредѣленномъ смыслѣ, смотря по надобности, согласно потребностямъ спеціальнаго изслѣдованія, безъ предварительнаго разбора основательности и истины всѣхъ этихъ предположеній. Такой разборъ признается задачею не естествоиспытателя-спеціалиста, физика, химика, физіолога, но относится уже къ *философіи природы*, изучающей общія основныя начала тѣхъ явленій бытія, которыя мы соединяемъ въ понятіи о природѣ. § 10, 1.

То же самое повторяется на поприщѣ *историческихъ* наукъ. Историкъ-спеціалистъ принимаетъ въ основаніе своихъ изслѣдованій готовыя понятія объ исторіи вообще, о ея физическихъ и нравственныхъ началахъ, о законахъ историческаго развитія и прогресса, о человѣчествѣ и его стремленіяхъ, о началахъ исторической оцѣнки событій, человѣческихъ дѣяній и ихъ значеніи; объ отношеніи человѣка къ средѣ, въ которой онъ развивается, о его самодѣятельности, о свободѣ и о многихъ другихъ предметахъ человѣческаго знанія, входящихъ непосредственно въ составъ всякаго спеціальнаго изслѣдованія историческихъ явленій и ихъ научной критики. Все это общія предположенія исторіи, которыя существуютъ въ умѣ историка-спеціалиста, какъ результатъ или научной традиціи, или непосредственнаго убѣжденія, образовавшагося въ немъ болѣе или менѣе сознательно подъ вліяніемъ его субъективнаго настроенія и разнообразныхъ условій умственнаго развитія, или, наконецъ, какъ результатъ изученія другихъ наукъ, занимающихся критическимъ разборомъ указанныхъ проблемъ. А въ числѣ этихъ наукъ первое мѣсто занимаетъ именно *философія*, разсматривающая всѣ эти предположенія исторіи съ точки зрѣнія всеобщихъ, умственныхъ и предметныхъ, началъ знанія. Ученый, доходящій во всѣхъ этихъ отношеніяхъ до самостоятельныхъ критическихъ воззрѣній не есть уже только историкъ-спеціалистъ, но *философъ* исторіи, изучающій не частныя историческія явленія, но всеобщія начала, лежащія въ основѣ этихъ явленій.

Равнымъ образомъ и *общественныя* науки признаютъ исходною точкою своихъ спеціальныхъ изслѣдованій не только фактическія данныя, но и извѣстныя идеи объ общественной жизни вообще и ея задачахъ, объ условіяхъ благосостоянія

§ 10, 1. и развитія общества, о правѣ и государствѣ, о нравственности, справедливости и свободѣ, о необходимости законнаго опредѣленія человѣческихъ отношеній, объ отвѣтственности человѣка за свои дѣйствія и т. д. и т. д. Критическое изученіе всѣхъ этихъ предметовъ не составляетъ непосредственной задачи спеціалиста по общественнымъ наукамъ, но принадлежитъ къ *философіи* общественной жизни, къ этикѣ и философіи права, разсматривающимъ всѣ эти общіе вопросы. Только *философъ* сравниваетъ приведенныя предположенія общественныхъ наукъ съ предположеніями естествознанія и историческихъ наукъ и стремится объяснить частныя проявленія общественной жизни съ точки зрѣнія всеобщихъ началъ знанія, дѣйствующихъ на этомъ поприщѣ и обнаруживающихъ частныя видоизмѣненія своего содержанія.

О догматическихъ предположеніяхъ *богословскихъ* наукъ нѣтъ надобности распространяться. Каждый знаетъ, что богословіе не мыслимо безъ идеи о Богѣ, объ откровеніи и о нравственной связи человѣка съ Богомъ. Богословъ перестаетъ быть богословомъ и становится *философомъ*, когда подвергаетъ критическому разбору эти основныя предположенія своей спеціальности и дѣлаетъ признаніе ихъ зависимымъ отъ критическихъ доказательствъ ихъ неоспоримости.

Такой же догматизмъ свойственъ спеціальнымъ наукамъ и по отношенію къ началамъ ихъ *познавательной* дѣятельности, къ методу ихъ изслѣдованія. Въ каждой наукѣ вырабатываются только методическіе пріемы спеціальныхъ изслѣдованій. Всѣ же общіе вопросы. касающіеся процесса познанія, его средствъ, пособій, методовъ, направленій, не разсматриваются спеціальными науками. Каждая спеціальная наука пользуется какъ индукціею, такъ и дедукціею, но ни одна изъ нихъ не разсматриваетъ началъ индуктивныхъ обобщеній, а ихъ дедуктивные выводы основываются на цѣломъ рядѣ приведенныхъ общихъ предположеній, къ которымъ присоединяются и предположенія касательно основъ познавательной дѣятельности вообще и значенія въ ней какъ чувственныхъ ощущеній, такъ и представленій и понятій, сужденій и умозаключеній, аргументаціи, гипотезы, теоріи и т. п. Разборъ всѣхъ этихъ процессовъ познавательной дѣятельности лежитъ уже за предѣлами изслѣдованія спеціальныхъ наукъ и составляетъ предметъ *философской* науки. теоріи и критики познанія, т. е. такъ называемой логики.

Такимъ образомъ ясно, что только философія, примѣняя критическій разборъ ко всѣмъ началамъ знанія, какъ началамъ

умственнымъ, такъ и къ началамъ предметнымъ, бытовымъ, лежащимъ въ основѣ спеціальныхъ наукъ. развиваетъ послѣдовательно и по возможности всесторонне принципъ критичности. Между тѣмъ спеціальныя науки ограничиваютъ свою критическую дѣятельность узкими рамками своихъ частныхъ изысканій, которыя однако въ свою очередь основываются на разныхъ догматическихъ предположеніяхъ. Изъ этого ясно, что спеціалистъ только при помощи философіи можетъ послѣдовательно примѣнить начала критики къ основамъ своихъ частныхъ изслѣдованій и оцѣнить истинное значеніе догматическихъ предположеній своей спеціальности (см. тоже § 2, 1. 3, 1). § 10, 1.

Литература. Уже Аристотель указываетъ ясно въ *Метафизикѣ*, кн. IV, гл. 3, на догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ, обнимаемыхъ имъ въ понятіи *второй философіи*, въ отличіе отъ критичности первой философіи (§ 6, 1). „Изучающіе частныя науки, говоритъ онъ, не спрашиваютъ: истинны ли аксіомы (предположенія), или нѣтъ? Этого не дѣлаютъ ни геометръ, ни ариѳметикъ.“ Постановка этого вопроса и его разрѣшеніе принадлежитъ тому, кто изучаетъ всеобщее, основное бытіе, т. е. философу. См. тоже кн. VI, гл. 1.

Интересно замѣтить здѣсь, что догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ признается откровенно въ новѣйшее время однимъ изъ знаменитѣйшихъ представителей позитивнаго направленія во Франціи. Вотъ что въ этомъ отношеніи говоритъ Тн. Ribot во введеніи къ своему соч *La psychologie anglaise contemporaine* 1-ое изд. 1870. Изд. 3-ье, 1886. Русскій переводъ, 1881. Математическія науки, говоритъ онъ, принимаютъ аксіомы безъ ихъ разбора (ils acceptent les axiomes sans les discuter); физикъ основывается на вѣрѣ здраваго смысла въ матеріальный міръ (il accepte la foi du sens commun en monde matériel); политическая экономія, хотя предполагаетъ философскіе принципы, не разсматриваетъ ихъ однако (quoi qu'elle suppose des principes philosophiques, elle ne les discute pas). То-же самое слѣдуетъ сказать о всѣхъ другихъ спеціальныхъ наукахъ

Развитіе взгляда на догматизмъ спеціальныхъ наукъ см. Г. Струве, *Отличительныя черты философіи* и т. д. (§ 2, 2 *Лит.*), стр. 12, 20 и слѣд. „Понятіе *догматической вѣры* есть понятіе, которое мы привыкли употреблять лишь въ одномъ *богословскомъ* значеніи; но въ сущности такое ограниченіе этого понятія не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ мы встрѣчаемъ и внѣ религіозной и богословской сферы разнородные способы мышленія, которые вполнѣ заслуживаютъ этого же самаго названія. Догматическая вѣра въ сущности не что иное, какъ признаніе истиннымъ какого нибудь положенія безъ его предварительнаго критическаго анализа, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія. Мы говоримъ о догматической вѣрѣ въ богословіи и религіи лишь потому, что большинство богослововъ и религіозныхъ людей признаютъ истинными извѣстныя религіозныя положенія и вѣрованія безъ предварительнаго разбора оныхъ, на основаніи одного непосредственнаго убѣжденія, вслѣдствіе котораго эти положенія и вѣрованія являются имъ несомнѣнными и неоспоримыми. А потому, нѣтъ сомнѣнія,

§ 10, 1. что мы имѣемъ полное право говорить о догматической вѣрѣ и внѣ богословія и религіи вездѣ, гдѣ только встрѣчаемъ подобное непосредственное убѣжденіе въ истинѣ извѣстныхъ положеній, не подвергающее ихъ содержанія ни малѣйшему сомнѣнію, хотя эта несомнѣнность вовсе и не основывается на предварительныхъ критическихъ доказательствахъ.. Очевидно, что чѣмъ болѣе догматическихъ предположеній допускаетъ какая-либо наука, тѣмъ она менѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ критики и вообще научности Поэтому каждая наука должна стремиться къ тому, чтобы все болѣе и болѣе ограничивать число своихъ догматическихъ предположеній. Въ этомъ ограниченіи состоитъ самый главный прогрессъ спеціальныхъ наукъ, прогрессъ истинно-научный и критическій, прогрессъ болѣе важный въ критическомъ и строго-научномъ отношеніяхъ, чѣмъ тотъ, который совершается въ наукахъ вслѣдствіе новыхъ открытій и изслѣдованій, расширяющихъ ихъ предѣлы и обогащающихъ умъ новыми матеріалами и эмпирическими знаніями —Если же мы спросимъ, какимъ именно образомъ спеціальныя науки должны стремиться къ ограниченію своихъ догматическихъ предположеній? то на это можно дать очень простой и опредѣленный отвѣтъ. Ограниченіе догматическаго характера спеціальныхъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы каждая изъ нихъ не допускала догматическихъ предположеній болѣе, чѣмъ необходимо для ея спеціальныхъ изслѣдованій, т. е. чтобы она признавала лишь такіе догматы, безъ содѣйствія которыхъ она не могла бы заняться своими спеціальными изслѣдованіями. Всѣ же догматическія предположенія, которыя не имѣютъ непосредственной связи со спеціальностью данной науки и не составляютъ необходимаго основанія ея, должны быть совершенно исключены изъ спеціальныхъ наукъ, потому что они составляютъ излишній догматическій элементъ, который ограничиваетъ критическое развитіе данной науки Такъ напр., для *богословія* необходимы догматическія предположенія о существованіи Бога и Его откровенія, равно о нравственной связи человѣка съ Богомъ; всѣ же другія предположенія, не имѣющія непосредственной связи со спеціальнымъ предметомъ богословія, оказывались всегда вредными для развитія его самого. Таковы напр. были въ средніе вѣка богословскія предположенія относительно устройства и законовъ природы, на основаніи которыхъ многіе богословы, переносясь въ предѣлы естествознанія, такъ часто предписывали сему послѣднему, какъ оно должно смотрѣть то на природу вообще, то на солнечную систему и на другіе спеціальные предметы естествознанія, не имѣющіе непосредственной связи съ предметомъ богословія. Подобное расширеніе догматическихъ предположеній богословія на поприщѣ естествознанія имѣло слѣдствіемъ упадокъ самаго богословія, которое не было въ состояніи уничтожить несомнѣнныхъ доказательствъ естественныхъ наукъ. Иныхъ послѣдствій нельзя и ожидать отъ совершенно неумѣстнаго и напраснаго расширенія догматическихъ предположеній богословія и на другія науки.—Но не одно богословіе, вмѣсто постепеннаго ограниченія, увеличиваетъ очень часто число своихъ догматическихъ предположеній; подобное же явленіе мы встрѣчаемъ нерѣдко и въ другихъ спеціальныхъ наукахъ. Такъ напр. естественныя науки очень часто не довольствуются необходимыми для своего развитія догматами, а принимаютъ нерѣдко и такіе догматы, которые вовсе излишни для самаго естествознанія и безъ всякаго права ограничиваютъ самостоятельность другихъ наукъ; и естествознаніе входитъ довольно часто въ предѣлы сихъ послѣднихъ и навязываетъ имъ какіе-то совершенно недоказанные и излишніе догматы. Такимъ догматомъ напр явля-

ется идея о *необходимости*, господствующей будто бы въ природѣ и исключающей будто бы какъ идею о разумномъ и самостоятельно дѣйствующемъ началѣ вселенной, такъ и идею о свободной волѣ человѣка. Многіе естествоиспытатели считаютъ догматъ о необходимости тѣсно связаннымъ съ самымъ естествознаніемъ и полагаютъ, что сіе послѣднее не можетъ существовать безъ этого догмата. Между тѣмъ это лишь одно недоразумѣніе. Естествознаніе само по себѣ требуетъ лишь догмата о существованіи *законовъ* природы и о ихъ *постоянствѣ*; но ни идея о законахъ вообще, ни идея о ихъ постоянствѣ не могутъ быть отождествляемы съ идеею о *необходимости*, потому что онѣ сами по себѣ совмѣстны и съ идеею о *свободѣ*. Разумное существо, одаренное свободною волею, можетъ служить само себѣ закономъ, т. е. быть автономическимъ, и на основаніи самостоятельнаго постановленія дѣйствовать неизмѣнно по разъ на всегда установленнымъ и принятымъ законамъ. Слѣдовательно, *постоянство* законовъ и явленій природы, само по себѣ, вовсе не исключаетъ разумнаго и свободнаго начала ея; а ежели многіе естествоиспытатели полагаютъ, что идея о такомъ началѣ, или о Богѣ, противится основаніямъ естествознанія, то это происходитъ лишь вслѣдствіе совершенно неумѣстнаго смѣшенія понятія о постоянствѣ явленій природы съ понятіемъ о необходимости, т. е вслѣдствіе некритическаго расширенія догматическихъ предположеній естествознанія и принятія догмата о необходимости, самого по себѣ не имѣющаго ничего общаго со спеціальными задачами и изслѣдованіями естественныхъ наукъ. — Догматическія предположенія всѣхъ спеціальныхъ наукъ составляютъ одну гармоническую систему, въ которой мы не встрѣтимъ никакихъ противорѣчій, если только каждая изъ нихъ останется въ своихъ предѣлахъ и ограничитъ свои догматическія предположенія до необходимаго минимума. Всѣ противорѣчія спеціальныхъ наукъ между собою истекаютъ главнымъ образомъ изъ неумѣстнаго и некритическаго расширенія ихъ догматическихъ предположеній. А такъ какъ притомъ спеціальныя науки не разбираютъ и не критикуютъ своихъ догматовъ, то подобное расширеніе догматическихъ предположеній ведетъ къ сожалѣнію очень легко къ прискорбной борьбѣ наукъ между собою, которыя, напротивъ, должны взаимно пополнять другъ друга.—Догматическія предположенія спеціальныхъ наукъ, не подвергаемыя ими самими сомнѣнію и критическому анализу, принимаютъ въ философіи, на основаніи сомнѣнія, гипотетическій и проблематическій характеръ, становятся гипотезами и проблемами, изучаемыми философіею, съ цѣлью повѣрки ихъ достовѣрности, уразумѣнія и усвоенія ихъ содержанія. Въ то время, когда спеціальныя науки примѣняютъ начало сомнѣнія лишь къ частнымъ вопросамъ, неограничивая имъ своихъ первоначальныхъ догматическихъ основаній, философія, напротивъ, распространяетъ принципъ критическаго сомнѣнія и на эти основанія, а вслѣдствіе того удовлетворяетъ болѣе, чѣмъ всѣ спеціальныя науки, первоначальнымъ требованіямъ критики.“ § 10, 1.

Примѣчаніе 2-ое. Взглядъ Канта на догматизмъ спеціальныхъ наукъ. Догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ Кантъ преувеличиваетъ до крайности въ своемъ соч. *О спорѣ факультетовъ*. Въ соч. этомъ Кантъ утверждаетъ, что съ точки зрѣнія истины предположенія спеціальныхъ наукъ имѣютъ характеръ совершенно случайный и даже произвольный. Такъ § 10, 2.

§ 10, 2. напр., по его мнѣнію, юристъ основываетъ всю свою науку на изученіи обязательныхъ законоположеній; медикъ—на предписаніяхъ государственной власти по медицинскимъ дѣламъ; богословъ—на предписаніяхъ церковной власти и т. п.

Этотъ взглядъ расходится съ дѣйствительнымъ характеромъ спеціальныхъ наукъ и съ ихъ историческимъ развитіемъ. Это развитіе спеціальныхъ наукъ обнаруживаетъ совершенно ясно *два* момента, ограничивающіе произвольность ихъ догматическихъ предположеній. Эти моменты слѣдующіе:

1) Спеціальныя науки, по существу своему, основываются только на такихъ предположеніяхъ, которыя истекаютъ изъ самой натуры ихъ предмета и являются *необходимыми* для изученія его частныхъ явленій. По существу, слѣдовательно, спеціальныя науки не дѣлаютъ произвольныхъ предположеній и не подчиняются предположеніямъ, навязывающимся имъ извнѣ, но доходятъ до своихъ предположеній путемъ естественнаго внутренняго развитія, на основаніи тѣхъ непосредственныхъ представленій, понятій и воззрѣній, которыя предшествуютъ изслѣдованію даннаго предмета. Это, конечно, догматизмъ; но не догматизмъ произвольный, а естественный, законный, необходимый съ точки зрѣнія спеціальнаго разбора частныхъ предметовъ человѣческаго знанія.

2) Кромѣ того, исторія спеціальныхъ наукъ показываетъ, что каждая изъ нихъ стремится *ограничить* и *уменьшить* все болѣе и болѣе число своихъ догматическихъ предположеній. Сознавая ясно, что произвольное увеличеніе и усложненіе догматическихъ предположеній ограничиваетъ спеціальныя изслѣдованія и удаляетъ ихъ отъ ближайшей ихъ цѣли, заключающейся во всестороннемъ изученіи частныхъ явленій, спеціальныя науки сами выдѣляютъ изъ своего объема все то, что лишено истиннаго значенія для ихъ частныхъ изысканій. Это выдѣленіе излишнихъ догматическихъ началъ и ограниченіе ихъ только самыми необходимыми для спеціальнаго изслѣдованія предположеніями обнаруживаетъ одинъ изъ очень важныхъ моментовъ истиннаго прогресса спеціальныхъ наукъ. Въ этомъ моментѣ заключается и главная причина сближенія спеціальныхъ наукъ съ философіею. Ограничиваясь все болѣе и болѣе только вполнѣ необходимыми предположеніями, спеціальныя науки сами доходятъ до основныхъ умственныхъ и предметныхъ, субъективныхъ и объективныхъ началъ человѣческаго знанія, составляющихъ предметъ изученія философіи, и этимъ сами указываютъ на значеніе и необходимость философіи, какъ

критическаго пополненія и обоснованія ихъ частныхъ изслѣдованій. § 10, 2.

Кантъ не обратилъ должнаго вниманія на приведенные моменты, обнаруживающіеся въ историческомъ развитіи спеціальныхъ наукъ, и вслѣдствіе того взгляды его послужили исходною точкою къ нарушенію органической, внутренней связи между спеціальными науками и философіею. Только въ новѣйшее время эта связь возстановляется снова при помощи послѣдовательнаго примѣненія принциповъ критицизма Канта къ спеціальнымъ наукамъ. Объ этомъ будетъ рѣчь еще при разсмотрѣніи отношенія философіи къ наукѣ вообще (§ 12 и слѣд.).

Литература. Kant, *Der Streit der Facultaten.* 1798. Новое, 16-ое изд. 1872.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТНОШЕНІЕ ФИЛОСОФІИ КЪ ДРУГИМЪ ЯВЛЕНІЯМЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

1. Общій взглядъ на явленія умственной жизни.

§ 11.

Характеристика типическихъ явленій умственной жизни.

Умственная жизнь человѣка проявляется самымъ разнообразнымъ образомъ Всѣ же явленія ея тѣсно связаны между собою и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, вслѣдствіе чего нельзя изслѣдовать одного изъ явленій умственной жизни, не обращая вниманія на его отношеніе ко всѣмъ остальнымъ. Сообразно разнымъ умственнымъ потребностямъ человѣка и истекающимъ изъ нихъ разнымъ направленіямъ и цѣлямъ его дѣятельности, мы можемъ различить *три* слѣдующія основныя явленія этой дѣятельности, а именно: § 11.

1) *Познаніе*, т. е. дѣятельность, при помощи которой умъ стремится усвоить себѣ содержаніе дѣйствительности,

§ 11. объективнаго міра и уразумѣть его (§ 4). Основнымъ умственнымъ началомъ и средствомъ этой познавательной дѣятельности служитъ *мышленіе*, обнимающее собою какъ чувственныя представленія о предметахъ, такъ и развитыя, законченныя теоріи, гипотезы, міровоззрѣнія. Конечная цѣль этой познавательной дѣятельности ума заключается въ согласованіи мыслей съ объективною дѣйствительностью. Согласованіе это мы называемъ *истиною*. Самое высшее проявленіе этой дѣятельности—*наука*, которая доводитъ человѣка до возможно точнаго и яснаго уразумѣнія объективнаго міра и его явленій. Наука удовлетворяетъ, такимъ образомъ, объективнымъ, предметнымъ потребностямъ человѣческаго ума, заключающимся въ познаніи истины.

2) Удовлетвореніе *субъективнымъ* потребностямъ ума, т. е. потребностямъ, истекающимъ изъ его внутренней жизни, независимо отъ согласованія ея содержанія съ объективною дѣйствительностью. Эти субъективныя потребности, равно какъ и удовлетвореніе ихъ, выражаются непосредственно въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ *чувствованія*, начиная съ простого ощущенія чувственной пріятности и непріятности и кончая проявленіями душевнаго удовольствія и страданія. Конечная цѣль субъективныхъ стремленій ума есть достиженіе самаго высшаго *удовольствія*, истекающаго изъ гармоническаго соотношенія и всесторонняго оживленія проявленій индивидуальной жизни. Но такъ какъ цѣль эта не вполнѣ достижима въ средѣ реальныхъ отношеній человѣческой жизни, на основаніи непосредственно данныхъ началъ объективнаго міра, то умъ подъ вліяніемъ чувствованій и при посредствѣ творческаго воображенія, видоизмѣняетъ этотъ объективный міръ, согласно съ своими внутренними потребностями, и создаетъ особый *идеальный міръ*, соотвѣтствующій болѣе, по своему гармоническому строю, этимъ внутреннимъ потребностямъ, чѣмъ реальная дѣйствительность.

Самымъ наглядным и законченнымъ выраженіемъ этого идеальнаго міра, удовлетворяющаго субъективнымъ

потребностямъ человѣка, служитъ *художество*, обнимающее собою естественно и поэзію. Основное умственное содержаніе его есть *идеалъ*, т. е. воображеніе о предметѣ, соотвѣтствующее не реальной дѣйствительности, а субъективнымъ влеченіямъ человѣка, и болѣе удовлетворяющее его потребностямъ, чѣмъ реальная дѣйствительность. Изображеніе въ наглядной формѣ осуществимости идеала, т. е. возможности его осуществленія, называется *изящнымъ*, или *красотою*. Такимъ образомъ при данныхъ реальныхъ условіяхъ жизни человѣкъ находитъ самое высшее удовольствіе въ изящныхъ произведеніяхъ художества и поэзіи, которыя создаются подъ вліяніемъ чувствованій и служатъ средствомъ всесторонняго удовлетворенія ихъ субъективнымъ потребностямъ. § 11.

3) *Практическая дѣятельность* человѣка, истекающая изъ его отношеній къ окружающей его средѣ. Основною умственною пружиною этой практической дѣятельности служитъ потребность уравновѣсить индивидуальную жизнь, частную личность съ цѣлымъ, къ которому она принадлежитъ, т е. со средою, въ которой она живетъ и дѣйствуетъ. Съ развитіемъ личности, какъ совокупности всѣхъ проявленій умственной жизни индивида, развивается и личная *энергія*, т. е. стремленіе къ индивидуальной самостоятельности и самодѣятельности, называемое обыкновенно *волею* и обнаруживающееся какъ въ первыхъ проявленіяхъ сознательнаго движенія индивида, такъ и въ самыхъ высшихъ стремленіяхъ его къ личной свободѣ. Въ этой самостоятельности и свободной самодѣятельности представляется развитому индивиду идеалъ его личнаго *благосостоянія*. Но такъ какъ индивидъ составляетъ частицу цѣлаго, связанную тѣснѣйшими узами какъ съ цѣлымъ, такъ и съ безконечнымъ количествомъ другихъ частицъ, то безусловная самостоятельность и свобода индивида, его полная независимость отъ среды фактически неосуществима и логически не мыслима. Индивидуальная самодѣятельность ограничена всегда зависимостью инди-

§ 11. вида отъ окружающей его среды. Отсюда происходитъ необходимость опредѣлить отношеніе личности къ цѣлому и уравновѣсить оба эти начала. Равновѣсіе это составляетъ необходимое условіе всякаго благосостоянія, всякаго добра для человѣка. Безъ этого равновѣсія, при разладѣ и противорѣчіи между личностью, какъ частицею, и цѣлымъ, къ которому она принадлежитъ, не достижимы ни добро, ни благо для человѣка.

Равновѣсіе это обнаруживается главнымъ образомъ разнообразными формами общественнаго устройства, въ особенности организаціею кооперації и общежитія какъ нѣсколькихъ единичныхъ людей, такъ и цѣлыхъ массъ, народовъ и, наконецъ, всего человѣчества. Но всѣ эти формы общественнаго устройства осуществляются на поприщѣ практической дѣятельности только при постоянномъ участи личной энергіи, т. е. воли, и только на основаніи подчиненія индивидуальной самодѣятельности цѣлямъ и стремленіямъ цѣлаго, къ которому индивидъ принадлежитъ. Такое подчиненіе индивидомъ своей самодѣятельности цѣлямъ и стремленіямъ цѣлаго мы называемъ *нравственностью,* которая, вслѣдствіе этого, удовлетворяетъ по существу своему разнороднымъ потребностямъ, истекающимъ изъ отношенія человѣка къ окружающей его средѣ, и осуществляетъ *добро*, истинное человѣческое благосостояніе. Такимъ образомъ практическая дѣятельность, развиваясь послѣдовательно, проявляется въ общественномъ устройствѣ и нравственныхъ стремленіяхъ человѣка.

Изъ приведеннаго обзора типическихъ явленій умственной жизни человѣка оказывается, что, желая всесторонне раскрыть основныя начала философіи, необходимо разсмотрѣть ближе ея отношеніе:

1) къ познавательной, или теоретической дѣятельности человѣка, къ *наукѣ*,

2) къ творческой, или художественной дѣятельности человѣка, или прямо къ *творчеству*, и наконецъ—

3) къ практической дѣятельности человѣка, къ его общественнымъ и нравственнымъ стремленіямъ въ жизни, или прямо къ *жизни*. § 11.

Примѣчаніе 1-ое. Психологическое основаніе классификаціи явленій умственной жизни. Основаніемъ приведенной классификаціи явленій умственной жизни служатъ три такъ называемыя *способности* ума: *мышленіе*, *чувствованіе* и *воля*. *Мышленіе* имѣетъ характеръ объективный, предметный, относится всегда къ извѣстному объекту, предмету, воображаемому существующимъ, независимо отъ самаго мышленія. Мышленіе, слѣдовательно, составляетъ объективную дѣятельность ума. *Чувствованіе*, напротивъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ не объективное бытіе, но субъективныя состоянія личности, ея пріятныя или непріятныя впечатлѣнія, ея удовольствіе или неудовольствіе. Въ чувствованіи обнаруживается, слѣдовательно, субъективная дѣятельность ума. *Воля*, наконецъ, основывается на сочетаніи объективной и субъективной дѣятельности, мышленія и чувствованія, и проявляется главнымъ образомъ въ стремленіи личной энергіи къ осуществленію въ объективности, въ реальномъ бытіи субъективныхъ цѣлей посредствомъ *дѣйствія*. Волю мы, слѣдовательно, можемъ назвать объективно-субъективною дѣятельностью ума. § 11, 1.

Въ *мышленіи* обнаруживается зависимость умственной дѣятельности отъ объективнаго матеріала, отъ содержанія, почерпаемаго умомъ изъ дѣйствительнаго бытія, т. е. отъ истины *Чувствованіе*, напротивъ, есть проявленіе невависимости личности, субъекта, отъ реальныхъ отношеній, или, иначе говоря, оно есть проявленіе субъективной реакціи противъ объективности. проявленіе самостоятельнаго субъективнаго взгляда на объективность. Оно, въ сущности, является оцѣнкою объективности съ субъективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія личныхъ потребностей и желаній, идеала гармоніи, красоты. *Воля*, наконецъ, устраняетъ противорѣчіе между объективностью и субъективностью въ человѣкѣ, стремясь къ объективному удовлетворенію субъективныхъ потребностей, т. е. къ добру и благосостоянію, въ которыхъ уравновѣшиваются реальная дѣйствительность, истина и идеалъ.

Литература Приведенное дѣленіе умственныхъ способностей введено въ первый разъ психологомъ XVIII-го вѣка Тетенсомъ. См. Jon Nic. Tetens, *Philos. Versuche uber die menschliche Natur u. ihre Entwickelung*, I т.

§ 11, 1. 1776, II т. 1777. Затѣмъ эту классификацію развилъ болѣе подробно на основаніи анализа душевныхъ явленій Кантъ въ введеніи къ *Критикѣ способности сужденія* (см. выше § 9, 1 *Лит.*) и въ *Антропологіи*, 1798. Кантъ различаетъ *познавательную* способность (Erkenntnissvermogen), способность *чувствовать* удовольствіе и страданіе (Gefuhl der Lust und Unlust) и *желательную* способность (Begehrungsvermogen).—См. въ этомъ отношеніи очень поучительную I-ую часть *Психологіи чувствованій* Н. Грота, 1879· *„Исторія классификаціи психическихъ феноменовъ."* На стр. 94 Н. Я Гротъ говоритъ: „Если сравнить то, что было сказано о классификаціи Канта, съ выдержками о томъ же предметѣ изъ новѣйшихъ сочиненій по психологіи болѣе замѣчательныхъ современныхъ представителей этой науки, напр. Бэна или Горвица, то не останется сомнѣнія на счетъ того факта, что классификація, установленная Кантомъ, и теперь есть *господствующая* " См. тоже. W. Volkmann, *Lehrbuch der Psychologie*. Т. II. 1876. § 127, стр. 293 и слѣд., гдѣ представлена исторія введенія чувствованія, какъ особой способности, возлѣ мышленія и воли. Harald Hoffding, *Psychologie auf Grundlage der Erfahrung* Переводъ съ датскаго. 1887. Стр. 107 и слѣд.. *Раздѣленіе психическихъ элементовъ*. См. тоже раздѣленіе *Психологіи* М. И. Владиславлева. 1881.

§ 11, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Единство умственной жизни.** При всемъ этомъ раздробленіи умственной дѣятельности не слѣдуетъ однако забывать, что каждый отдѣльный моментъ этой дѣятельности представляетъ собою непосредственное жизненное сочетаніе всѣхъ приведенныхъ началъ, т. е. что они обнаруживаютъ постоянное *сосуществованіе*. Нѣтъ ни одного явленія умственной дѣятельности, въ которомъ не обнаружилось бы совокуннаго дѣйствія мышленія, чувствованія и воли, объективнаго, субъективнаго и объективно-субъективнаго началъ этой дѣятельности. Указанное различіе умственныхъ процессовъ основывается только на преобладаніи одного изъ этихъ трехъ началъ надъ остальными, но не на ихъ безусловномъ разобщеніи. Напротивъ, въ каждомъ отдѣльномъ умственномъ процессѣ принимаютъ участіе какъ мышленіе, такъ и чувствованіе, и воля. Опредѣленіе же ихъ роли въ этой совокупности умственнаго дѣйствія, въ ихъ сосуществованіи, составляетъ условіе яснаго взгляда на взаимодѣйствіе этихъ явленій и единство умственной жизни.

Мышленіе составляетъ общую *форму* умственной дѣятельности. Въ эту форму воплощается не только содержаніе самаго мышленія, заключающееся въ воспріятіи объективности, въ познаніи истины, но и самостоятельное умственное содержаніе чувствованія и воли. Субъектъ, индивидъ не можетъ отрѣшиться безусловно отъ объективности; эта послѣдняя дѣйствуетъ на него постоянно и вызываетъ въ немъ соотвѣтственныя умственныя проявленія, представленія, понятія,

сужденія и т. д. Поэтому даже и субъективныя состоянія и стремленія доходятъ до нашего сознанія въ формѣ мысли, на основаніи аналогіи съ ея объективными произведеніями. Чувствуя удовольствіе или боль, радость или грусть, мы даемъ себѣ отчетъ въ этихъ субъективныхъ состояніяхъ при помощи мыслительныхъ процессовъ и ихъ произведеній. Равнымъ образомъ и всѣ произведенія творчества ума, создаваемыя стремленіемъ къ субъективному удовольствію, пользуются мышленіемъ, какъ средствомъ для достиженія своей цѣли. Идеалы, несмотря на всю свою субъективность, на все участіе чувствованія при ихъ созданіи, принимаютъ однако форму мысли, истины, видъ объективный. То же самое слѣдуетъ сказать и о явленіяхъ личной энергіи или *воли*, которыя уже, по существу своему, сочетаются съ объективною дѣятельностью ума, съ мышленіемъ. Воля имѣетъ всегда въ виду осуществить то, чего еще нѣтъ, т. е. осуществить извѣстную цѣль. Но цѣль воли обнаруживается умственно только въ формѣ мысли, идеи. § 11, 2.

Если мышленіе составляетъ общую форму, то *чувствованіе* есть *общій стимулъ* умственной дѣятельности. Всякая вообще умственная дѣятельность истекаетъ изъ субъективнаго источника. Объективность дѣйствуетъ на субъектъ только соотвѣтственно началамъ, присущимъ субъекту. Воспріятіе объективныхъ началъ, равно какъ и противодѣйствіе этимъ началамъ зависятъ отъ субъективнаго настроенія индивида, отъ его личныхъ состояній. Эти субъективныя состоянія, выражающіяся въ чувствованіи, вызываютъ, такимъ образомъ, то или другое направленіе умственной дѣятельности, т. е. они дѣйствуютъ какъ стимулъ, побуждающій субъектъ къ той или другой дѣятельности. Такимъ образомъ чувствованія оживляютъ и согрѣваютъ собою всѣ остальныя явленія умственной дѣятельности. Такъ, познавательная дѣятельность мышленія вызывается чувствомъ умственной потребности, удовлетворяемой познаніемъ, т. е. вызывается любознательностію и любовью къ истинѣ. Это чувствованіе сочетается постоянно съ познавательными процессами ума, поддерживаетъ ихъ развитіе и придаетъ имъ разнообразный характеръ, по мѣрѣ своего участія въ ихъ ходѣ. Равнымъ образомъ и дѣятельность воли тѣсно связана съ побужденіями чувствованія. Цѣли практической дѣятельности имѣютъ всегда свое начало въ опредѣленныхъ субъективныхъ потребностяхъ дѣйствующаго лица, т. е. въ опредѣленныхъ чувствованіяхъ, ищущихъ удовлетворенія при помощи практической дѣятельности.

§ 11, 2. Наконецъ и личная энергія, т. е. *воля*, не лишена жизненной связи съ остальными явленіями умственной дѣятельности, не представляется въ видѣ изолированномъ. Мышленіе и чувствованіе развиваются при постоянномъ участіи личной энергіи, воли; только при ея посредствѣ умъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на одной опредѣленной дѣятельности, теоретической, творческой или практической, и стремится къ осуществленію ея цѣлей. Смотря по различному участію личной энергіи, воли, мышленіе и чувствованіе принимаютъ разнообразный характеръ и проявляютъ различно свое типическое содержаніе. Въ кругу житейскихъ отношеній все развитіе познавательной дѣятельности, т. е. науки, какъ изслѣдованія и изложенія истины, все образованіе и обученіе молодого поколѣнія, устройство учебныхъ и научныхъ учрежденій мыслимо только при постоянномъ участіи личной энергіи, воли. То же самое слѣдуетъ сказать объ осуществленіи самыхъ возвышенныхъ художественныхъ идеаловъ, которое возможно только на основаніи практической дѣятельности.

Однимъ словомъ, какъ отправленія организма, напр. дыханіе, пищевареніе, кровообращеніе, постоянно пополняютъ другъ друга въ своей совокупности и только въ своемъ сосуществованіи образуютъ тѣлесную жизнь; такъ равнымъ образомъ и умственная жизнь существуетъ только при условіи органическаго сочетанія и взаимнаго пополненія указанныхъ отправленій ума. Мы различаемъ эти отправленія ума только при помощи отвлеченія, абстракціи, ради характеристики разныхъ сторонъ дѣятельности ума. Въ самой же жизни они соединяются непосредственно и составляютъ одно органическое цѣлое.

Литература. На это единство умственной жизни, независимо отъ всякой классификаціи умственныхъ явленій, указываютъ почти всѣ психологи новѣйшаго времени. Сознаніе этого единства было главною причиною устраненія въ наукѣ теоріи объ особыхъ *началахъ* души или *частяхъ* ея, далѣе о *самостоятельныхъ способностяхъ* въ смыслѣ другъ отъ друга независящихъ началъ душевнаго бытія. Основаніемъ дѣленія на этомъ поприщѣ признается въ настоящее время только различіе между *явленіями* ума, между его *отправленіями*, *функціями*. Терминъ-же *способности* ума употребляется только въ значеніи общаго понятія, обнимающаго собою типическія группы умственныхъ явленій. См. Herbart, *Psychologie als Wissenschaft neu begründet auf Erfahrung, Metaphysik u. Mathematik.* 2 тома. 1824. *Psychologische Untersuchungen.* 1839. Werke, изд. Гартенштейна, 1850 г. и слѣд. Т. V, стр. 214 и Т. VII, стр. 610 и слѣд.—Wundt, *Grundzüge der physiologischen Psychologie.* 2-ое изд. 1880. Т. I, стр. 9 и слѣд.—Кавелинъ, *Задачи психологіи* 1872 г., стр. 14 и слѣд.—Н. Гротъ, *Психологія чувствованій* (§ 11, 1 *Лит.*), стр. 137.—Объ этомъ взаимодѣйствіи и внутренней связи умственныхъ явленій говоритъ

§ 11, 2.

очень ясно П. Е. Астафьевъ въ своемъ психологическомъ очеркѣ *Чувство какъ нравственное начало*, 1886, стр. 30: „Современная научная психологія, говоритъ онъ, исходитъ изъ того несомнѣннаго и недопускающаго исключенія факта опыта, что *никогда и нигдѣ* душевная жизнь не представляетъ намъ ни чистаго представленія безъ примѣси волевыхъ и эмоціональныхъ элементовъ, ни чистой воли безъ всякаго сопровождающаго движенія чувства и представленія, ни чувства безъ порождаемыхъ вмѣстѣ съ нимъ стремленій и хотя бы неясныхъ ощущеній и представленій, но что всякое душевное событіе и состояніе представляетъ непремѣнно случай *совмѣстности*, взаимодѣйствія всѣхъ этихъ трехъ душевныхъ формъ жизни, съ *преобладаніемъ* только одной изъ нихъ надъ другими.“—Въ пополненіе этого взаимодѣйствія душевныхъ явленій Геффдингъ въ приведенной выше *Психологіи* (§ 11, 1 *Лит*.), стр. 123, справедливо выставляетъ на видъ стремленіе ума къ гармоническому уравновѣшиванію своихъ функцій, говоря: „Развитіе умственной жизни обнаруживаетъ часто односторонности и противорѣчія; тѣмъ не менѣе несмотря на всю односторонность и борьбу дѣйствуетъ всегда, если не въ индивидѣ, то въ родѣ человѣческомъ стремленіе довести основныя направленія душевной жизни къ внутренней гармоніи. Этика и эстетика имѣютъ полное право признавать въ такой гармоніи самый высшій типъ человѣческой жизни.“

Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторые мыслители, въ видахъ единства умственной жизни, стремились свести приведенныя способности *мышленія*, *чувствованія* и *воли* къ одной изъ нихъ. Одни, какъ Гербартъ и др., видятъ въ *мышленіи* (Vorstellung) основное явленіе и признаютъ чувствованіе и волю только его видоизмѣненіями. Другіе, напр. Якови, считаютъ *чувствованіе* первичною способностью ума. Наконецъ, Шопенгауеръ и его послѣдователи указываютъ на *волю*, какъ на существенное начало душевной жизни. Мыслители эти не обращаютъ однако надлежащаго вниманія на фактическія основы приведенной классификаціи. Представленныя въ текстѣ основныя функціи каждой изъ этихъ способностей показываютъ, что онѣ естественный результатъ отношенія ума къ самому себѣ и къ окружающей его средѣ, и потому функціи эти даны вмѣстѣ съ существованіемъ и жизнью умственнаго индивида, личности Единство умственной жизни не заключается въ производствѣ разныхъ ея функцій изъ одной, первичной, но въ фактическомъ сочетаніи этихъ функцій въ одномъ живомъ существѣ, способномъ воспринять свои состоянія и свое отношеніе къ окружающей его средѣ.

§ 11, 3.

Примѣчаніе 3-ье. Подробная классификація явленій умственной жизни. Съ перваго взгляда могло бы показаться, что приведенное раздѣленіе явленій умственной дѣятельности не полно; что всего богатства и разнообразія этихъ явленій нельзя сводить къ дѣятельности мышленія, чувствованія и воли, къ теоретической, творческой и практической дѣятельности, къ познанію вещей, созданію идеаловъ и къ общежитію, или короче къ стремленіямъ, имѣющимъ въ виду осуществленіе трехъ общеизвѣстныхъ идей: *истины*, *красоты* и *добра*. Развѣ реальная жизнь человѣка не представляетъ много другихъ явленій, не

§ 11, 3. поддающихся подведенію подъ приведенную характеристику главныхъ типовъ умственной дѣятельности?

Вопросъ этотъ разрѣшается при помощи разсмотрѣнія главнѣйшихъ видоизмѣненій приведенныхъ типовъ умственной дѣятельности. Видоизмѣненія эти истекаютъ совершенно естественно изъ двухъ основныхъ началъ человѣческаго бытія, каковы: начало *субъективное* и *объективное*, *умственная организація* и *среда*, въ которой она развивается и дѣйствуетъ.

Съ точки зрѣнія *субъективной организаціи* ума, всѣ явленія его дѣятельности представляются въ *двухъ* характеристическихъ видоизмѣненіяхъ, смотря по степени умственнаго развитія каждаго отдѣльнаго индивида.

На низшей ступени развитія умственная дѣятельность имѣетъ характеръ природный, непосредственной естественности, т. е. она проявляется только какъ произведеніе физической и умственной природы человѣка, безъ участія самостоятельной рефлексіи, руководящей умственною дѣятельностью. Сознаніе воспринимаетъ на этой ступени развитія только результаты, произведенія умственной дѣятельности, но не распространяется ни на предшествующіе этимъ результатамъ умственные процессы, ни на ихъ значеніе въ общемъ ходѣ умственнаго развитія. Въ сущности, на этой ступени развитія умственныя явленія представляютъ собою не результатъ частной индивидуальной самодѣятельности, самостоятельнаго руководства индивида своими явленіями, но результатъ общихъ началъ, дѣйствующихъ въ индивидѣ и осуществляющихъ только при его посредствѣ свое содержаніе.

Этимъ природнымъ, непосредственнымъ явленіямъ умственной дѣятельности противопоставляются явленія, обнаруживающіяся на высшей ступени умственнаго развитія на основаніи сознательной самодѣятельности человѣка, его самосовершенствованія. Умъ на этой ступени развитія не довольствуется уже только результатами или произведеніями своей дѣятельности, но кромѣ того обращаетъ рефлексивное вниманіе и на самую дѣятельность, производящую эти результаты, на процессы, предшествующіе имъ, даетъ себѣ уже отчетъ въ значеніи этихъ процессовъ при осуществленіи разнородныхъ цѣлей умственной дѣятельности и стремится руководить своею дѣятельностью при осуществленіи этихъ цѣлей. Вслѣдствіе этого умственная дѣятельность принимаетъ на этой ступени характеръ *методическій;* она перестаетъ быть непосредственнымъ, простымъ произведеніемъ одной только *природы*, а становится сложнымъ, болѣе

или менѣе искуственнымъ произведеніемъ *культуры* ума, его *самосознанія*. § 11, 3.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія субъекта въ приведенныхъ типическихъ явленіяхъ мышленія, чувствованія и воли, мы должны отличать ихъ природную дѣятельность—отъ дѣятельности методической, простую—отъ искуственной, непосредственную—отъ рефлексивной. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что послѣдній видъ умственной дѣятельности основывается на предшествующемъ, и что природная дѣятельность ума проявляется постоянно и на высшей ступени умственнаго развитія, какъ непосредственная, естественная подкладка всякой умственной культуры. Въ самомъ развитомъ индивидѣ непосредственная природная дѣятельность мышленія, чувствованія и воли сочетается безпрерывно съ методическою, искуственною. Правда, что первая совершенствуется, облагораживается подъ вліяніемъ послѣдней и такимъ образомъ сама подвергается культурѣ; но, тѣмъ не менѣе, она не теряетъ своего природнаго, непосредственнаго характера. Между тѣмъ методическая, искуственная дѣятельность обнаруживается только временно въ опредѣленныхъ моментахъ умственной жизни, подъ вліяніемъ особыхъ стимуловъ, вызывающихъ рефлексивную самодѣятельностъ ума.

На этомъ основаніи въ объемѣ *мышленія* слѣдуетъ отличать *природныя* воззрѣнія на объективность, т. е. воззрѣнія, вызванныя непосредственнымъ ходомъ умственной дѣятельности мышленія, отъ воззрѣній методическихъ, являющихся результатомъ рефлексивной самодѣятельности мышленія, руководимой сознаніемъ началъ, законовъ и цѣлей этой дѣятельности. Первый видъ мышленія мы можемъ назвать мышленіемъ *здраваго смысла*, мышленіемъ *обыденнымъ*, доходящимъ до своихъ произведеній (представленій, понятій, сужденій, взглядовъ) подъ вліяніемъ житейскаго опыта и разнородныхъ умственныхъ началъ его. Второй видъ мышленія, напротивъ, есть мышленіе *методическое* и *научное*, подвергающее разбору свои собственные процессы и произведенія и доходящее до своихъ воззрѣній на основаніи болѣе или менѣе самостоятельнаго критическаго разсмотрѣнія соотвѣтственныхъ природныхъ данныхъ. Первый видъ мышленія доводитъ до *жизненныхъ* воззрѣній и истинъ, т. е. такихъ воззрѣній и истинъ, которыя вырабатываются просто подъ вліяніемъ жизни; второй—до воззрѣній и истинъ *научныхъ*. Между ними обнаруживаются часто поразительныя противорѣчія, но ясно, что при настоящемъ и всестороннемъ познаніи

§ 11, 3. истины противорѣчія эти устраняются все болѣе и болѣе, вслѣдствіе критическаго уразумѣнія умственныхъ началъ, производящихъ тотъ и другой видъ мышленія.

Приведенное различіе между природною и методическою, простою и искуственною, непосредственною и рефлексивною дѣятельностью ума распространяется, естественно, и на явленія чувствованія и воли. Природная дѣятельность *чувствованія* вызывается непосредственно данными условіями жизни человѣка. Удовольствіе, къ которому стремится субъектъ на этой ступени развитія, достигается при помощи непосредственныхъ естественныхъ началъ. Идеалы въ это время относятся только къ самымъ простымъ потребностямъ и отношеніямъ жизни; искуство, художество и поэзія, вообще творчество выражаютъ свое содержаніе еще въ формахъ совершенно простыхъ, естественныхъ. Между тѣмъ *рефлексивная* и *методическая* дѣятельность чувствованія истекаетъ изъ преднамѣреннаго удовлетворенія субъективнымъ потребностямъ его, изъ ясно сознаваемаго стремленія къ возможно высшему удовольствію. Идеалы обнимаютъ собою уже не только ближайшія житейскія отношенія индивида, но распространяются и на все его существованіе, на его прошедшее и будущее, равно какъ и на самыя разнообразныя отношенія его къ объективности. Вслѣдствіе этого художество и поэзія являются теперь уже результатомъ сознательной самодѣятельности, воплощающей свои идеалы въ художественныя формы, вызывающія въ связи съ своимъ содержаніемъ всестороннее удовольствіе. Такимъ образомъ, и на поприщѣ явленій чувствованія слѣдуетъ различать непосредственныя чувствованія отъ рефлексивныхъ, природные идеалы отъ культурныхъ, житейскую поэзію отъ искуственной. И здѣсь первый изъ этихъ видовъ умственной дѣятельности составляетъ основаніе второго, который проявляется всегда совмѣстно съ первымъ и при томъ не постоянно и не безпрерывно, какъ результатъ общаго хода умственной жизни, но какъ результатъ особыхъ исключительныхъ условій.

На поприщѣ *воли* природный характеръ ея практической дѣятельности обнаруживается реальнымъ осуществленіемъ ближайшихъ цѣлей человѣческаго бытія, согласно съ непосредственными потребностями и побужденіями жизни. Индивидъ опредѣляетъ на этой ступени развитія свое практическое отношеніе къ окружающей его средѣ, къ цѣлому, къ которому онъ принадлежитъ, только подъ вліяніемъ непосредственныхъ житейскихъ условій своей дѣятельности. Вслѣдствіе этого и мо-

тивы этой дѣятельности представляются простыми, независящими отъ рефлексивныхъ началъ умственной самодѣятельности. Нравственность остается еще въ границахъ привычекъ. выработанныхъ жизнью, въ границахъ обычая, господствующихъ нравовъ. Съ развитіемъ же ума, рефлексіи, самосознанія, начало методическаго руководства примѣняется и къ явленіямъ личной энергіи, воли. Субъектъ приспособляетъ тогда уже самостоятельно свою практическую дѣятельность къ ясно сознаннымъ имъ потребностямъ и цѣлямъ жизни и опредѣляетъ свое практическое отношеніе къ средѣ, къ цѣлому, не только подъ вліяніемъ привычки и непосредственно данныхъ условій своей дѣятельности, но и на основаніи рефлексивнаго сознанія своей зависимости, какъ частицы, отъ цѣлаго, своихъ обязанностей и своего назначенія въ цѣломъ. Нравственность принимаетъ уже характеръ сознательнаго исполненія общественныхъ задачъ жизни, обязанностей. Результатомъ такого рефлексивнаго развитія является цѣлесообразная организація практической дѣятельности, автономическое опредѣленіе отношеній индивида къ окружающей его средѣ. Семейство, общество, государство, со всѣмъ разнообразіемъ своихъ нравственныхъ, общественныхъ, юридическихъ отношеній, обнаруживаютъ наглядно эту культуру практической жизни человѣка. Слѣдовательно, и на этомъ поприщѣ слѣдуетъ различать непосредственную практическую дѣятельность отъ организованной, природную нравственность отъ рефлексивной, автономической. § 11, 3.

Цѣлый рядъ новыхъ видоизмѣненій умственной дѣятельности, мышленія, чувствованія и воли, представляется намъ съ точки зрѣнія *объективныхъ* началъ, вліяющихъ на развитіе этой дѣятельности; съ точки зрѣнія среды, въ которой она проявляется, цѣлаго, къ которому дѣйствующее лицо принадлежитъ.

Объективное бытіе представляется мыслящему человѣку въ трехъ главныхъ моментахъ:

во 1-ыхъ, чувственное бытіе, или *природа.*

во 2-ыхъ, другіе *люди*, и наконецъ,

въ 3-хъ, основное начало всего существующаго. или *Богъ.*

Природа, человѣкъ и Богъ—это три предмета, на которые распадается для ума объективное бытіе; три начала той среды, съ которою индивидъ находится въ постоянномъ соотношеніи; три составныхъ момента того всеобъемлющаго цѣлаго, частицею котораго является каждый отдѣльный индивидъ.

§ 11, 3. Здѣсь мы не будемъ заниматься ни оправданіемъ этого раздѣленія, ни опредѣленіемъ его главныхъ, исчисленныхъ выше, моментовъ Это будетъ предметомъ особыхъ изысканій въ энциклопедіи философскихъ наукъ. Для насъ въ настоящее время достаточно замѣтить, что непосредственные жизненные процессы мышленія приводятъ умъ къ этому раздѣленію, и что оно имѣетъ слѣдствіемъ разнообразныя видоизмѣненія умственной дѣятельности мышленія, чувствованія и воли.

Смотря по тому, которое изъ приведенныхъ началъ объективнаго бытія составляетъ ближайшій предметъ умственной дѣятельности, мышленіе, чувствованіе и воля каждаго отдѣльнаго индивида видоизмѣняютъ свое содержаніе и принимаютъ, вслѣдствіе этого, разнообразный характеръ.

Природа составляетъ общую арену человѣческой дѣятельности и обнимаетъ собою матеріальныя условія этой дѣятельности. Такъ какъ природа, по содержанію своему, по своимъ качествамъ, представляется человѣку, въ особенности культурному, чѣмъ-то низшимъ. подчиненнымъ, то умственная дѣятельность по отношенію къ природѣ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ господство надъ нею, всестороннюю эксплоатацію ея началъ въ пользу благосостоянія, въ особенности-же матеріальнаго, зависящаго отъ отношенія человѣка къ природѣ. На этомъ основаніи мы можемъ сказать, что умственная дѣятельность человѣка по отношенію къ природѣ имѣетъ по преимуществу характеръ *утилитарный* (отъ utilitas = польза), въ смыслѣ эксплоатаціи природы въ пользу матеріальнаго благосостоянія человѣка.

Въ иномъ видѣ представляется умственная дѣятельность человѣка по отношенію къ другимъ *людямъ*. Существенное равенство людей, равно какъ необходимость ихъ совмѣстнаго дѣйствія, ихъ кооперації, для сохраненія жизни каждаго отдѣльнаго индивида и для удовлетворенія его разнообразнымъ потребностямъ, направляетъ умственную дѣятельность къ опредѣленію и развитію соотношеній между людьми. Соотношенія эти обнаруживаются въ разнообразныхъ формахъ общественной жизни, начиная съ семейства и кончая сложными формами государственныхъ и международныхъ отношеній. Такимъ образомъ, умственная дѣятельность, имѣя предметомъ человѣка, касаясь людскихъ отношеній, принимаетъ характеръ *общественный* и имѣетъ въ виду кооперацію людей для осуществленія общихъ цѣлей человѣческой жизни, т. е. общественнаго благосостоянія. Совокупность этихъ цѣлей человѣческой жизни и ихъ посте-

пенное осуществленіе мы называемъ *гуманизмомъ* (отъ homo = человѣкъ, humanus=человѣческій). § 11, 3

Наконецъ, каждый мыслящій умъ признаетъ въ бытіи *Начало*, высшее и болѣе могущественное, чѣмъ человѣкъ, начало которому человѣкъ подчиненъ, отъ котораго онъ безусловно зависитъ. Научное, методическое опредѣленіе этого Начала можетъ привести къ разнообразнымъ результатамъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что одни отождествляютъ это Начало съ природою, съ видимымъ, чувственнымъ міромъ, другіе, напротивъ, признаютъ за нимъ сверхчувственное значеніе и т. д. Но въ жизненномъ развитіи человѣка, служащемъ исходною точкою для нашихъ изысканій, Начало это называется *Богомъ*, *Божествомъ*. Отношеніе же человѣка къ этому Началу обозначается словомъ *религія* (отъ religo=связать, соединить). Вслѣдствіе этого, умственная дѣятельность, относящаяся какимъ бы то ни было образомъ къ Началу всего существующаго, къ Богу—принимаетъ характеръ *религіозный*.

Изъ сказаннаго ясно, что приведенныя три начала объективнаго бытія видоизмѣняютъ умственную дѣятельность мышленія, чувствованія и воли и вызываютъ разнообразныя явленія, видоизмѣняющіяся, въ свою очередь, согласно различію между природною и искуственною, обыденною и методическою дѣятельностью ума.

Такъ, обыденная жизнь людей съ точки зрѣнія *мышленія* представляетъ собою то разнородныя естественныя воззрѣнія на природу. то непосредственную оцѣнку людскихъ отношеній, то, наконецъ, разнородныя вѣрованія естественной религіи. Между тѣмъ научное мышленіе изучаетъ тѣ же самые предметы методически и создаетъ на этомъ основаніи особыя группы естественныхъ, гуманитарныхъ и богословскихъ наукъ (§ 6, 1).

Чувствованіе въ свою очередь стремится найти удовольствіе въ природѣ, въ людскихъ отношеніяхъ и въ Богѣ, и поэтому видоизмѣняетъ эти предметы знанія, преобразовываетъ, совершенствуетъ и идеализируетъ ихъ согласно съ своими субъективными влеченіями, создавая разнообразные утилитарные, гуманитарные и религіозные идеалы. Это субъективное, или творческое видоизмѣненіе объективныхъ началъ проявляется въ произведеніяхъ какъ природнаго творчества, такъ и методическаго художества. Первое обнаруживается въ преобразованіи природы въ видахъ эстетическихъ, удовольствія, далѣе—въ природномъ созданіи средствъ для выраженія субъективнаго содержанія, въ особенности въ образованіи языка, наконецъ—въ

§ 11, 3 образованіи естественнаго религіознаго культа. Методическое же художество проявляется въ самыхъ возвышенныхъ произведеніяхъ искуства, въ которыхъ выражается субъективное отношеніе человѣка къ природѣ, къ другимъ людямъ и къ Богу.

Воля, наконецъ, въ природныхъ явленіяхъ практической дѣятельности представляетъ собою какъ естественную эксплоатацію природы и природное общежитіе людей, такъ и житейскую практику на поприщѣ естественной религіи. Между тѣмъ, сознательное и методическое руководство практическими стремленіями человѣка, по отношенію его къ природѣ и къ матеріальнымъ условіямъ благосостоянія, обнаруживается въ умѣлой эксплоатаціи природы при помощи хозяйства, техники и промышленности, вообще экономическаго строя, имѣющаго въ виду матеріальное благосостояніе. По отношенію къ человѣку эта методическая практика выражается въ благоустройствѣ или организаціи человѣческой кооперації и труда и въ общественной нравственности. По отношенію къ Богу она доводитъ до нравственности, руководимой религіозными мотивами. Здѣсь нравственность имѣетъ уже въ виду уравновѣсить личную практическую дѣятельность не только съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ явленіемъ бытія, съ природою, съ обществомъ,— но и съ основнымъ Началомъ всего сущаго, и потому стремится къ осуществленію самыхъ высшихъ цѣлей человѣческой дѣятельности ради внутренней, духовной связи съ этимъ Началомъ, объединяющимъ собою все сущее, слѣдовательно и всѣ отношенія человѣка къ окружающей его средѣ.

Слѣдующая таблица представляетъ наглядным образомъ изложенную классификацію явленій умственной дѣятельности человѣка и ея разнообразныя видоизмѣненія (См. табл. стр. 105).

Опредѣленіе отношенія философіи къ приведеннымъ типическимъ проявленіямъ умственной жизни заставитъ насъ возвратиться къ этой классификаціи и разъяснить болѣе подробно главнѣйшіе изъ ея моментовъ.

Литература. Уже средневѣковые ученые различали двѣ стороны умственной жизни, которыя они называли *чувственною* и *разумною* (anima sensitiva et rationalis). Раздѣленіе это, хотя въ измѣненномъ видѣ, повторяется еще у Локка и его послѣдователей въ сведеніи всей умственной жизни къ двумъ основнымъ явленіямъ: *ощущенія* и *рефлексіи* (*sensation, reflection*). См. Locke, *Essay* (§ 8, 2 *Лит.*) Кн. II, гл. 1, §§ 2 и 3. Въ новѣйшее время многіе снова различаютъ *безсознательныя* и *сознательныя* душевныя явленія (Лейбницъ, Шопенгауеръ, Гербартъ, Гельмгольцъ, Гартманъ и др.) См. А. И. Смирновъ, *О сознаніи и безсознательныхъ духовныхъ явленіяхъ*. 1875 г. R. Schuster, *Gibt es unbewusste und vererbte Vorstellungen?* 1879. Всѣ эти дѣле-

КЛАССИФИКАЦІЯ ЯВЛЕНІЙ

УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА.

		Мышленіе		Чувствованіе		Воля			
		природное.	методическое.	природное.	методическое.	природная.	методическая		
ОБЪЕКТИВНЫЯ НАЧАЛА.	Природа.	Непосредственное, естественное воззрѣніе на природу.	Естественныя науки.	Преобразованіе природы въ видахъ эстетическихъ подъ вліяніемъ жизни.	Художественное преобразованіе природы.	Естественная эксплоатація природы.	Хозяйство, техника и промышленность.	Утилитаризмъ.	СУБЪЕКТИВНЫЯ НАЧАЛА.
	Человѣкъ.	Пониманіе и знаніе людей, выработанное жизнью.	Гуманитарныя науки.	Созданіе средствъ выраженія субъективнаго содержанія и гуманитарные идеалы подъ вліяніемъ жизни.	Художественное выраженіе и воплощеніе гуманитарныхъ идеаловъ.	Природное общежитіе людей.	Общественная нравственность и организованная кооперація.	Гуманизмъ.	
	Богъ.	Вѣрованія естественной религіи.	Богословскія науки.	Культъ естественной религіи.	Религіозное художество.	Практика естественной религіи.	Религіозная нравственность.	Религія.	
		Теоретическая дѣятельность. Знаніе. Просвѣщеніе. Истина. Исторія наукъ.		Творческая дѣятельность. Удовольствіе. Художество. Красота. Исторія идеаловъ		Практическая дѣятельность. Дѣйствіе. Нравственность. Добро. Философія исторіи.			

§ 11, з. нія не совпадаютъ однако съ приведеннымъ различіемъ между *природною* и *методическою*, *непосредственною* и *рефлексивною*, *простою* и *искуственною* дѣятельностью ума, такъ какъ обѣ области этой дѣятельности обнимаютъ собою какъ чувственные и безсознательные, такъ и раціональные и сознательные процессы. Основаніемъ приведеннаго различія служитъ въ сущности различіе между *сознаніемъ* и *самосознаніемъ*, вліяющее на внутренній характеръ каждаго явленія умственной дѣятельности, а вслѣдъ за симъ и на развитіе всей умственной жизни какъ отдѣльной личности, такъ и народовъ и всего человѣчества Къ этому различію подходитъ (въ нѣкоторомъ отношеніи) различіе, предлагаемое Христіаномъ Вольфомъ между *низшею* и *высшею* областями умственной дѣятельности (pars inferior et superior). Сн. Wolff, *Psychologia empirica* 1732 *Psychologia rationalis.* 1734. Но и это дѣленіе имѣетъ, такъ сказать, организаціонный характеръ, и поэтому не указываетъ на генетическіе моменты въ постепенномъ развитіи и усовершенствованіи умственныхъ отправленій. Такъ напр., Вольфъ причисляетъ чувство, воображеніе (imaginatio), память къ низшей, вниманіе же, рефлексію и разумъ (intellectus)—къ высшей области познавательной способности. Чувственные аппетиты признаются имъ низшими явленіями желательной способности, воля—высшимъ. Между тѣмъ въ нашемъ дѣленіи имѣется въ виду различная степень развитія всѣхъ этихъ отправленій.—Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о поучительномъ различіи, дѣлаемомъ Вундтомъ между *наивнымъ* и *разсудительнымъ* познаніемъ вещей въ его *Системѣ философіи* (§ 1, з *Лит.*), стр. 92 и слѣд.: *Naive u. reflectirende Erkentniss.*—Съ исторической точки зрѣнія замѣчательны: различіе, дѣлаемое Сенъ-Симономъ, между *органическими* и *критическими* эпохами, различіе Кузена между эпохами *spontanées* и *reflecties*, равно какъ общепринятое дѣленіе существованія человѣчества на *доисторическое* и *историческое* время, а народовъ на *неисторическіе* и *историческіе*, далѣе,—на *варварскіе* и *цивилизованные*. Руссо противопоставлялъ *естественное* состояніе человѣчества *искусственному*, но требовалъ возвращенія къ первому. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ см. *Основные вопросы философіи исторіи*, Н Карѣева. 1-ое изд. 1883. Т. II, кн. IV, гл. 1, стр. 241 и слѣд. и гл. 3-ья, стр. 365 и слѣд.

---

2. Философія и наука.

§ 12.

Философія, какъ наука въ связи съ другими науками.

§ 12. Изъ сказаннаго до сихъ поръ о философіи и ея отношеніи къ знанію вообще (§ 4, 5, 6), равно какъ изъ ея опредѣленія (§ 8) и характеристическихъ чертъ (§ 9) вытекаетъ, что философія первоначально представляла собою все человѣческое знаніе, отождествлялась съ наукою вооб-

ще и только постепенно, вслѣдствіе раздѣленія умствен- § 12.
наго труда, приняла характеръ отдѣльной науки въ средѣ другихъ наукъ. Въ этомъ значеніи философія имѣетъ свой особый предметъ: критическое изученіе всеобщихъ началъ познанія и бытія и объясненіе частныхъ явленій съ точки зрѣнія этихъ началъ. Въ сравненіи съ философіею, другія науки, какъ мы видѣли, имѣютъ характеръ во 1-ыхъ догматическій и во 2-хъ спеціальный (§ 10).

Этими данными опредѣляется ближе взаимное отношеніе между философіею и другими науками. Отношеніе это можетъ быть сведено къ слѣдующимъ моментамъ:

1) Философія есть самостоятельная наука въ средѣ другихъ наукъ.

2) Непосредственный матеріалъ для своихъ изысканій философія почерпаетъ изъ явленій умственной жизни человѣка, изъ фактовъ сознанія; весь же остальной матеріалъ, необходимый для разрѣшенія задачъ философіи, она почерпаетъ изъ спеціальныхъ наукъ. При этомъ однако матеріалъ, почерпаемый философіею изъ спеціальныхъ наукъ, не имѣетъ для нея безусловно обязательной силы. Она пользуется имъ только на основаніи предварительнаго критическаго разбора его содержанія съ точки зрѣнія основныхъ началъ знанія вообще.

3) Спеціальныя науки освобождаются отъ своего догматическаго характера только при помощи философіи. Равнымъ образомъ и противорѣчія между результатами разнородныхъ спеціальныхъ наукъ могутъ быть устранены только философіею, на основаніи ихъ сравнительнаго критическаго разбора съ точки зрѣнія основныхъ началъ знанія, умственныхъ и предметныхъ.

Приведенные моменты, опредѣляющіе общее соотношеніе между философіею и другими науками, указываютъ на существенное единство науки вообще. Первоначальное понятіе *философіи* замѣнено въ новѣйшее время, вслѣдствіе спеціализаціи знанія, понятіемъ *науки*, которая, имѣя въ виду познать все существующее, какъ общія начала,

§ 11. такъ и частныя явленія его, обнимаетъ собою какъ философію, такъ и спеціальныя науки (§ 5). Въ этомъ смыслѣ наука составляетъ одно стройное цѣлое, происходящее изъ органической связи и взаимнаго пополненія философіи и спеціальныхъ наукъ. Уразумѣніе и изложеніе этого стройнаго цѣлаго науки, этой всеобъемлющей человѣческой *пансофіи* превышаетъ однако физическія и умственныя способности отдѣльнаго, единичнаго человѣка. Энциклопедія всего человѣческаго знанія (§ 1, 2) представляетъ собою въ сущности только общую организацію науки, но не даетъ удовлетворительнаго понятія объ огромномъ богатствѣ ея дѣйствительнаго содержанія. Поэтому мы по необходимости ограничиваемся обыкновенно изложеніемъ только содержанія отдѣльныхъ наукъ. Но сознаніе ихъ внутренней связи, ихъ существеннаго единства необходимо для правильнаго развитія каждой изъ нихъ, какъ частицы цѣлаго. Сознаніе это поддерживаетъ въ средѣ наукъ именно философія, какъ общая часть науки, какъ основное содержаніе человѣческой пансофіи.

§ 11, 2. **Примѣчаніе I-ое. Критика взгляда Конта на философію.** Ссылаясь на фактъ постепеннаго выдѣленія изъ философіи спеціальныхъ наукъ,—на что мы указали при опредѣленіи философіи (§ 8, 1),—многіе ученые новѣйшаго времени, а во главѣ ихъ Огюстъ Контъ († 1857), выражали сомнѣніе относительно научнаго значенія философіи. Такимъ образомъ возникъ вопросъ: есть ли философія вообще наука въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, наука самостоятельная въ средѣ другихъ наукъ, или нѣтъ?

Наукою называется методическое изслѣдованіе даннаго предмета и систематическое сопоставленіе результатовъ такого изслѣдованія (Логика § 35). Говоря, что философія есть наука о всеобщихъ, умственныхъ и предметныхъ, началахъ знанія, объясняющая частныя явленія съ точки зрѣнія этихъ всеобщихъ началъ (§ 8), мы утверждаемъ, что она есть методическое изслѣдованіе этихъ началъ и систематическое сопоставленіе результатовъ такого изслѣдованія. Взглядъ же Конта въ этомъ отношеніи, изложенный въ его *Курсѣ позитивной философіи*, сводится къ слѣдующему.

Развитіе человѣческаго ума, говоритъ Контъ, подчинено „великому, основному закону," вслѣдствіе котораго умъ проходитъ постепенно черезъ три различныхъ теоретическихъ состоянія: 1-ое состояніе—*богословское*, или *поэтическое* (собственно миѳологическое), въ которомъ умъ направляетъ свои розыски на первыя начала и конечныя причины міра, представляя себѣ явленія, какъ продукты дѣйствія сверхъестественныхъ дѣятелей; 2-ое состояніе—*метафизическое*, или *отвлеченное*, когда сверхъестественные дѣятели замѣнены отвлеченными силами и сущностями, припятыми въ основаніе для объясненія міра; наконецъ 3-ье состояніе ума—*научное*, или *позитивное*, когда умъ, сознавая непостижимость основныхъ началъ міра, отказывается отъ ихъ изслѣдованія и занимается опытнымъ изученіемъ однихъ только явленій и ихъ соотношеній. Только такое изученіе явленій имѣетъ характеръ *научный*. Но такъ какъ изслѣдованіе явленій составляетъ уже задачу другихъ наукъ (математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи, соціологіи), то спеціализація знанія отняла, по Конту, у философіи въ концѣ концовъ самостоятельный предметъ изученія. Наука же безъ предмета—не наука. Философія, слѣдовательно, не самостоятельная наука; она въ сущности, съ точки зрѣнія Конта, есть не что иное, какъ энциклопедическое обозрѣніе результатовъ изслѣдованій спеціальныхъ наукъ (см. § 8, 2). На этомъ то основаніи Контъ въ своей классификаціи наукъ, какъ мы видѣли (§ 6, 1, стр. 42), и не призналъ за философскими науками особаго мѣста. § 12, 1.

Противъ этой аргументаціи нужно замѣтить слѣдующее:

1) Вопросъ о томъ, что̀ такое философія, и что составляетъ настоящій предметъ ея изслѣдованія, можетъ быть научно разрѣшенъ только на основаніи предварительнаго изученія и разбора выдающихся проявленій философской мысли. Для этого нужна особая наука, именно та наука, которою мы въ настоящее время и занимаемся, т. е. введеніе въ философію и энциклопедія философскихъ наукъ и направленій (§ 3). Этой науки нѣтъ въ системѣ позитивныхъ наукъ Конта. Напротивъ, Контъ прямо сознается въ томъ, что онъ не читалъ сочиненій знаменитыхъ мыслителей прошедшаго. Онъ доходитъ слѣдовательно до своихъ воззрѣній на философію вообще и ея задачи только путемъ случайныхъ соображеній, безъ надлежащей подготовки и безъ изслѣдованія соотвѣтственныхъ вопросовъ. Между тѣмъ доказательство несостоятельности философіи возможно только при помощи самой философіи, и поэтому отрицаніе философіи или лишено всякаго научнаго основанія, или же

§ 12, 1. само доказываетъ существованіе и значеніе философіи, какъ науки.

2) Одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ знанія заключается въ вопросѣ о томъ, что доступно для нашего знанія, и что лежитъ за его предѣлами, т. е. можемъ ли мы познавать одни только явленія, или же съ этимъ познаніемъ сочетаются непосредственно и извѣстныя понятія касательно началъ, сущности явленій? Рѣшеніе этого вопроса можетъ быть только результатомъ всесторонняго критическаго разбора познавательныхъ процессовъ ума. Далѣе, и отрицаніе возможности познанія сущности вещей, въ отличіе отъ познанія явленій, принимаетъ научный характеръ только на основаніи такого же предварительнаго разбора познавательныхъ процессовъ ума. Разборъ этотъ, начатый уже Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ, усовершенствованный такими мыслителями, какъ Бэконъ, Декартъ, Локкъ, Мальбраншъ, Лейбницъ. Беркли, Юмъ, Ридъ, Кондильякъ, Кантъ и др., принялъ издавна характеръ особой науки, извѣстной подъ названіемъ *логики* или *критической теоріи познанія* (см. § 8, 2 *Лит.*). И этою наукою пренебрегалъ Контъ, а вслѣдствіе этого взглядъ его на познавательные процессы ума и на науку вообще не имѣетъ строго-научнаго, критическаго фундамента.

3) Взгляды Конта, равно какъ и всѣ признанныя имъ спеціальныя науки, основываются на извѣстныхъ понятіяхъ, касающихся бытія вообще, какъ предмета всякаго знанія. Таковы, напр., понятія о сущности и явленіяхъ, о соотношеніяхъ между явленіями, о причинности, о законахъ, о движеніи, о силѣ, о пространствѣ и времени, о духѣ и матеріи, о природѣ, о вселенной, о ея единствѣ, устройствѣ и т. д. Понятія эти вырабатываются въ каждомъ мыслящемъ умѣ съ большею или меньшею ясностью, путемъ непосредственной умственной дѣятельности и составляютъ необходимое начало всякаго вообще воззрѣнія на міръ. Но наука можетъ воспользоваться всѣми этими и имъ подобными общими понятіями, только давая себѣ предварительно ясный отчетъ въ ихъ истинномъ содержаніи. Между тѣмъ, ни одна изъ спеціальныхъ наукъ не занимается изслѣдованіемъ этихъ понятій, изученіемъ ихъ начала и развитія въ человѣческомъ умѣ, разборомъ вопроса, какое ихъ предметное, объективное значеніе? Все это составляетъ предметъ особой философской науки, разсматривающей общія бытовыя, объективныя начала знанія, и извѣстной подъ названіемъ *метафизики* (см. § 4, 1). Можно не согласиться съ тѣмъ или

другимъ методомъ, примѣняемымъ до сихъ поръ при изученіи приведенныхъ метафизическихъ понятій; можно отвергать воззрѣнія тѣхъ или другихъ мыслителей на эти понятія; но ихъ критическій разборъ и ихъ возможно точное опредѣленіе составляютъ, во всякомъ случаѣ, особую научную задачу, разрѣшеніе которой обусловливаетъ собою основательность, точность и ясность человѣческаго знанія вообще. § 12,1

4) Занимаясь исключительно изученіемъ частныхъ группъ явленій, спеціальныя науки не разсматриваютъ этихъ явленій съ точки зрѣнія всеобщихъ началъ знанія, ни умственныхъ, ни предметныхъ или бытовыхъ. Вслѣдствіе этого спеціальныя науки не доводятъ ни до общаго воззрѣнія на совокупность всѣхъ частныхъ явленій, какъ на одно бытовое цѣлое, ни до окончательнаго объясненія даже своего собственнаго предмета изслѣдованія, т. е. изучаемыхъ ими частныхъ группъ явленій. Между тѣмъ такое общее воззрѣніе на совокупность частныхъ явленій, какъ на одно цѣлое, и объясненіе, по возможности окончательное, этихъ явленій съ точки зрѣнія общихъ имъ всѣмъ началъ составляетъ издавна одну изъ самыхъ важныхъ задачъ философіи. Этой задачи нельзя однако отождествлять съ энциклопедическимъ обозрѣніемъ результатовъ изслѣдованій спеціальныхъ наукъ, во 1-хъ, потому, что спеціальныя науки, какъ мы выше видѣли (§ 10, 1), вовсе не занимаются изученіемъ этихъ началъ, и во 2-хъ, потому, что объясненіе частныхъ явленій, составляющихъ предметъ спеціальныхъ наукъ, съ точки зрѣнія всеобщихъ, умственныхъ и бытовыхъ началъ знанія, и обобщенный взглядъ на совокупность явленій, какъ на одно цѣлое, требуютъ особаго сравнительнаго изученія частныхъ явленій, на основаніи критическаго разбора послѣднихъ выводовъ спеціальныхъ наукъ. Все это можетъ быть задачею только особой, самостоятельной науки.

Такимъ образомъ оказывается, что ни ограниченіе предмета научнаго познанія исключительно одними *явленіями*, ни спеціализація въ изслѣдованіи этихъ явленій, вслѣдствіе развитія другихъ наукъ, не лишаютъ философіи самостоятельнаго предмета изслѣдованія, обнимающаго собою цѣлый рядъ особыхъ, ей только свойственныхъ задачъ, изъ которыхъ нами приведены были слѣдующія:

1) разсмотрѣніе самой философіи (философія философіи), т. е. введеніе въ философію и энциклопедія философскихъ наукъ и направленій,

§ 12, 1. 2) разборъ умственныхъ процесовъ и началъ познавательной дѣятельности вообще и науки въ особенности (логика какъ теорія познанія),

3) разборъ общихъ предметныхъ, бытовыхъ началъ знанія, началъ, входящихъ въ составъ всякаго воззрѣнія на объективное бытіе и его явленія (метафизика), и наконецъ,

4) объясненіе частныхъ явленій, съ точки зрѣнія этихъ общихъ началъ, и объединенный взглядъ на совокупность этихъ явленій, какъ на одно цѣлое (частная философія).

Все истинное значеніе позитивизма Конта сводится только къ тому, что онъ указываетъ на тѣсную связь философіи со спеціальными науками и требуетъ основанія философскихъ воззрѣній на данныхъ, почерпаемыхъ изъ частныхъ изслѣдованій спеціальныхъ наукъ;—объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ примѣчаніи.

Литература. А. Comte, *Cours de philosophie positive* (§ 1, з *Лит*.), 1-ая и 2-ая лекціи. Контъ указываетъ здѣсь на цѣль своего сочиненія, заключающуюся въ представленіи духа, въ которомъ онъ предполагаетъ разсматривать фундаментальныя вѣтви „натуръ-философіи.“ Для этого нужно прежде всего уразумѣть основной законъ, которому духъ человѣческій въ своемъ развитіи подчиненъ съ неизбѣжною необходимостью. По этому закону, каждая выдающаяся мысль, каждая вѣтвь нашего знанія проходитъ упомянутыя выше три стадіи. Это въ сущности три разныхъ философскихъ метода, изъ которыхъ истекаютъ три разныя общія системы взглядовъ на совокупность явленій. Первое состояніе составляетъ исходную точку, третье—окончательно опредѣленный результатъ умственнаго развитія; второе, представляетъ только переходъ между первымъ и послѣднимъ. На первой ступени умъ имѣетъ въ виду безусловное познаніе, объясняя все при помощи сверхъестественныхъ дѣятелей (agents surnaturels). Вторая ступень есть только видоизмѣненіе первой, такъ какъ существамъ приписываются общія силы и настоящія сущности (forces abstraites, véritables entités), производящія явленія. На послѣдней, „научной“ ступени умъ, убѣждаясь въ невозможности достиженія безусловныхъ понятій (notions absolues), отрекается отъ изученія происхожденія и назначенія вселенной (renonce à chercher l'origine et la destination de l'univers) и ограничивается изслѣдованіемъ дѣйствительныхъ законовъ явленій, т. е. ихъ неизмѣнныхъ отношеній преемства и сходства (leurs lois effectives, c'est-à-dire leurs relations invariables de succession et de similitude). Этимъ изслѣдованіемъ законовъ явленій занимаются спеціальныя науки. Для избѣжанія однако неудобствъ односторонней спеціализаціи знанія, Контъ признаетъ необходимымъ сопоставленіе самаго общаго содержанія спеціальныхъ наукъ. Въ этомъ заключается, по его взгляду, вся задача позитивной философіи.—На свое незнаніе исторіи философіи указываетъ самъ Контъ простосердечно въ *preface personelle* къ VI тому своего курса. „Je n'ai jamais, говоритъ онъ, lu en aucune langue, ni Vico, ni Kant, ni Herder, ni Hegel etc., je ne connais leurs divers ouvrages que d'après quelques relations indirectes et certains extraits fort insuffisants.“ Одно незнаніе Канта

лишило Конта возможности судить объ истинныхъ критическихъ задачахъ философіи (см. выше § 9, 1 *Лит.*) § 12, 1.

Между тѣмъ какъ Контъ пренебрегалъ совершенно всѣми самостоятельными философскими изслѣдованіями, лежащими за предѣлами шести принятыхъ имъ спеціальныхъ наукъ, многіе изъ знаменитѣйшихъ представителей подобнаго же эмпирическаго направленія, признающаго предметомъ науки опытное изученіе явленій, обратили тщательное вниманіе на разборъ какъ задачъ философіи вообще, такъ въ особенности умственныхъ и предметныхъ началъ познанія вещей, науки. Гербертъ Спенсеръ занялся въ особомъ сочиненіи изученіемъ *началъ философіи* (см. § 1, 3 *Лит.* и 8, 2 *Лит.*). Джонъ Стюартъ Милль, Александръ Бэнъ и многіе другіе разрабатывали логику, какъ теорію познанія и науки. Льюисъ разсматривалъ основные вопросы *метафизики* и защищалъ ея изслѣдованія отъ контовскихъ предъубѣжденій (см. § 5, 2 *Лит.*). О трудахъ многихъ другихъ представителей эмпирическаго направленія по приведеннымъ и другимъ частямъ философіи, исключеннымъ Контомъ изъ системы позитивныхъ наукъ, будетъ рѣчь въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ *энциклопедіи философіи*. Въ пополненіе критики взгляда Конта на философію укажемъ только еще на слѣдующія литературныя явленія.

Herbert Spencer, *Reasons for dissenting from the philosophy of M. Comte.* 1864. Новое изданіе 1884 См. выше стр. 44. August Laugel въ рецензіи *Началъ философіи* Спенсера, въ *Revue des deux mondes*, 1863, называлъ этого мыслителя ученикомъ Конта и позитивистомъ. Въ приведенномъ трудѣ Спенсеръ протестуетъ противъ такого названія. Неоспаривая высокаго значенія Конта, Спенсеръ показываетъ однако, что основная идея его позитивной философіи не новость, въ особенности въ Англіи со временъ Бэкона. Кромѣ того, принципа *опытнаго* знанія Контъ, по Спенсеру, не развиваетъ надлежащимъ образомъ, пренебрегая внутреннимъ, психическимъ опытомъ, вообще психологіею. Вслѣдствіе ложнаго положенія, что умъ можетъ познать все, кромѣ самаго себя (l'esprit peut connaître tout, *excepté lui même*), Контъ не основываетъ своей философіи на анализѣ умственной дѣятельности и лишаетъ ее критическихъ фундаментовъ. Спенсеръ отвергаетъ равнымъ образомъ теорію Конта о трехъ фазисахъ умственнаго развитія и вообще доказываетъ, что онъ расходится существенно съ Контомъ во всѣхъ пунктахъ, которые характеризуютъ его позитивную философію въ отличіе отъ опытной философіи, развившейся до временъ Конта.

John Stuart Mill, *Auguste Comte and positivism.* 1865. Переводъ Н. Неклюдова. 1867. Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей: первая заключаетъ въ себѣ критическій разборъ контова *Курса позитивной философіи*, вторая занимается оцѣнкою второго періода философскаго развитія Конта, когда онъ сдѣлался основателемъ новой религіи человѣчества, называемаго имъ „*Nouveau Grand-Etre Suprême.*“ Насъ занимаетъ въ настоящее время только первая часть. Милль является въ ней проповѣдникомъ общихъ основъ позитивизма Конта; но онъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ критически и на очень важные недостатки его. Милль прежде всего не раздѣляетъ контова отрицанія всякой теологіи, всякихъ сверхчувственныхъ началъ. „Позитивный способъ мышленія, говоритъ Милль, не есть необходимо отрицаніе сверхчувственнаго; этотъ способъ мышленія относитъ только приведенный вопросъ къ началу всѣхъ вещей. Ибо, если вселенная имѣла начало, то оно по необходимости было сверхчувственнымъ; законы природы не способны

§ 12, 1. служить объясненіемъ своего собственнаго происхожденія.“ Поэтому, по взгляду Милля, вѣра въ сотвореніе міра интеллигенціею не расходится съ позитивными началами знанія, если только допустимъ, что разумный руководитель міра поддерживаетъ неизмѣнно существующій порядокъ вещей, по которому все въ мірѣ совершается по естественнымъ причинамъ и законамъ. Равнымъ образомъ указываетъ Милль на недоразумѣнія, которымъ Контъ подвергается при отрицаніи метафизики. Контъ справедливо отвергалъ всякое олицетвореніе, всякую объективизацію отвлеченныхъ, метафизическихъ понятій. Но онъ, какъ показываетъ Милль, не принялъ во вниманіе во 1-хъ, того, что уже Декартъ и другіе метафизики обличили всю несостоятельность такой объективизаціи, хотя при этомъ оставались метафизиками, и во 2-хъ, того, что анализъ и критика такого рода общихъ понятій — необходимое условіе научныхъ изслѣдованій. Затѣмъ Милль защищаетъ исключенныя Контомъ изъ системы наукъ *логику* и *психологію*. Контъ является, по Миллю, прямо неспособнымъ къ уразумѣнію даже понятія логики, какъ особой науки. Онъ привѣтствовалъ доброжелательно логику Милля, изданную въ первый разъ въ 1843 году, четырнадцать лѣтъ до смерти Конта, но Милль жалуется на то, что Контъ не воспользовался ею, и что она вообще не повліяла на его воззрѣнія. Что-же касается до психологіи, то Милль подвергаетъ строгой критикѣ положеніе Конта о невозможности внутренняго, субъективнаго наблюденія и показываетъ, что вслѣдствіе этого отрицанія Контъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ для разъясненія позитивнаго метода науки о духѣ.—Защиту Конта отъ упрековъ Милля предпринялъ знаменитый ученикъ Конта, E. Littré, въ трудѣ: *Auguste Comte et Stuart Mill.* 1867. См. тоже взглядъ Льюиса на критику Милля въ концѣ II-ого тома его *Исторіи философіи*, 4-ое изд. 1871 (ср. § 5, 2 *Лит.*)

E. Naville, *Les adversaires de la philosophie.* 1869. Это небольшое соч. заключаетъ въ себѣ защиту философіи между прочимъ и отъ Конта и его послѣдователей Навиль показываетъ очень мѣтко, что позитивисты, не смотря на принципіальное отрицаніе метафизики, пользуются однако постоянно разными метафизическими понятіями, безъ ихъ надлежащаго разъясненія.

L. Liard, *La science positive et la métaphysique* (Ouvrage couronné par l'Académie des sciences morales et politiques). 1879. Изд 2-ое 1888 Ліяръ есть защитникъ „нравственной метафизики (métaphysique morale)“ въ духѣ *Критики практическаго разума* Канта (§ 9, 1 *Лит.*). Эта метафизика не есть позитивная наука. Тѣмъ не менѣе Ліяръ подвергаетъ критикѣ основы позитивизма и доказываетъ его неточность въ воззрѣніяхъ на *метафизику*. Контъ, говоритъ Ліяръ, имѣлъ въ виду въ сущности только схоластическую метафизику, но забылъ о реформѣ метафизики со временъ Декарта, который свои метафизическія понятія стремился образовать на основаніи разбора *фактовъ* сознанія. При этомъ Ліяръ опровергаетъ исторіею положеніе Литтр. „Les sciences positives n'empruntent rien à la métaphysique.“ Въ лицѣ Пиѳагора метафизика свела чувственный міръ къ числамъ; метафизикъ Демокритъ своимъ ученіемъ объ атомахъ впервые примѣнилъ начала геометрическаго механизма къ объясненію явленій міра, метафизикъ Декартъ изгналъ изъ природы разныя сущности (entités) и стремился объяснить всѣ явленія ея при помощи законовъ движенія. Идея всеобщаго мірового развитія создана метафизикою; равнымъ образомъ, метафизика указывала на происхожденіе въ природѣ новыхъ существъ безъ участія сверхъестественныхъ началъ

Такимъ образомъ, по Ляру, не парадоксально сказать, что позитивныя науки въ сущности оправдываютъ только и пополняютъ, при содѣйствіи опытныхъ изслѣдованій, положенія и идеи, созданныя метафизикою. Наконецъ, по Ляру, несостоятельно контово исключеніе *логики* изъ системы наукъ. Контъ и позитивисты ставятъ во главѣ наукъ *математику*, но не разсматриваютъ вопроса о научномъ характерѣ и происхожденіи математическихъ положеній, не показываютъ, въ чемъ заключается ихъ необходимость и всеобщность, вообще не изучаютъ метода научныхъ изслѣдованій. „Позитивизмъ, говоритъ Ляръ, есть догматизмъ безъ критики.“ § 12,1.

De Broglie, *Le positivisme et la science expérimentale.* 2 тома. 1882. Всесторонняя критика ученій позитивизма съ религіозной точки зрѣнія, авторъ убѣжденъ, что истинная наука и истинная философія не могутъ расходиться съ истинною религіею. Понимая однако сію послѣднюю въ духѣ римской церкви, авторъ подводитъ, естественно, науку и философію подъ свои субъективныя воззрѣнія. Тѣмъ не менѣе сочиненіе заключаетъ въ себѣ очень много поучительнаго матеріала.

E. Caro, *M. Littré et le positivisme.* 1883. Переводъ, изд. „Русской Мысли“ 1884 Разсматривая всесторонне ученіе позитивизма, въ особенности взгляды Литрэ, главнаго представителя этого направленія послѣ Конта, Каро доходитъ до заключенія, что новыя начала позитивизма сводятся въ сущности къ отрицанію (la conception positive est une négation). Это отрицаніе (логики, метафизики, психологіи, самостоятельныхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ началъ человѣческаго бытія) позитивизмъ маскируетъ лицемѣрною нейтральностью, не доходящею будто-бы до окончательныхъ метафизическихъ заключеній ни въ пользу матеріализма, ни въ пользу спиритуализма. Но Каро доказываетъ ссылкою на подлинныя слова позитивистовъ, что они не только пользуются вообще метафизическими понятіями, но кромѣ того симпатизируютъ непосредственно матеріалистической метафизикою. О Богѣ они ничего не знаютъ, душа для нихъ непостижимое X, но тѣмъ не менѣе они говорятъ часто о „вѣчной матеріи,“ служащей началомъ природы, о томъ, что психическія явленія составляютъ *функцію* нервной системы и т. п. Литрэ вводитъ въ свѣтъ сочувственными предисловіями матеріалистическія сочиненія. Что же касается теоріи познанія, то позитивизмъ отрицаетъ всякія апріорныя начала ума и относится скептически къ разсужденіямъ, основаннымъ на этихъ началахъ; но съ другой стороны, довѣряетъ непосредственно, безъ критики, свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ. См. въ соч. Каро въ особенности главу: *de la prétendue neutralité du positivisme.* Прекраснымъ пополненіемъ этого соч. служитъ статья Каро. *Comment les dogmes finissent et comment ils renaissent*, помѣщенная во главѣ его соч. *Philosophie et philosophes.* 1888.

Основательную критику догматизма Конта и его узкаго взгляда на задачи философіи представляетъ тоже большинство приведенныхъ выше (§ 8, 2 *Лит.*) сочиненій новокантіанцевъ въ Германіи См. тоже разсужденіе Rob. Zimmermann'a, *Kant u. Comte in ihrem Verhaltniss zur Metaphysik*, 1885; далѣе труды В. Соловьева, Епископа Никанора, В. Лесевича и др. (§ 2, 2 *Лит.*), равно какъ С. Смоликовскаго, *Изложеніе началъ позитивной философіи Огюста Конта.* 1886.

Кстати приведемъ здѣсь мнѣніе о позитивизмѣ Конта такого знаменитаго естествоиспытателя какъ Th. H. Huxley. Въ его *Lay sermons, adresses and reviews*, 2 изд. 1871, помѣщается статья (VIII-ая): *The scientific aspects of positivism*, въ которой Гёксли между прочимъ пишетъ слѣдующее: „Она-

§ 12, 1. комившись съ характеристическими чертами „позитивной философіи," я нашелъ въ ней только очень мало, или собственно ничего не нашелъ, имѣющаго научное значеніе, напротивъ, я нашелъ очень многое, расходящееся съ наукою"... „Та часть сочиненій Конта, которая касается философіи природы, имѣетъ, по моему мнѣнію, особенно мало значенія и кажется показываетъ, что авторъ владѣетъ только самыми поверхностными знаніями изъ области естественныхъ наукъ, почерпаемыми изъ второй руки." Высказывая этотъ упрекъ, Гёкели имѣлъ въ виду исключительно современное Конту состояніе наукъ и оправдываетъ свое мнѣніе фактическими доказательствами. Правда, что спеціальностью Конта были не естественныя науки; онъ былъ математикомъ. Но вотъ что говоритъ о немъ, какъ о математикѣ, O. Schmitz-Dumont въ своей *Философіи математическихъ наукъ* (§ 13, 1 *Лит.*), стр. 450: „Въ своей спеціальной наукѣ (математикѣ) Контъ не предетавилъ ни одного новаго воззрѣнія, ни одного даже болѣе цѣлесообразнаго выраженія математическихъ данныхъ. Списки употребляемыхъ руководствъ заключаютъ въ себѣ все, что говорится въ его томахъ о положительныхъ наукахъ и притомъ обыкновенно въ лучшемъ изложеніи."

§ 12, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Научность философіи.** Какъ критическая наука, примѣняющая послѣдовательно начала критики къ самымъ элементарнымъ процессамъ знанія (§ 9, 1), философія должна основываться только на неоспоримыхъ данныхъ, т. е. на данныхъ, не возбуждающихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, ни малѣйшихъ недоумѣній. Такія данныя представляются намъ исключительно въ умственныхъ явленіяхъ, въ фактахъ нашего сознанія, такъ какъ факты эти, какъ мы видѣли (§ 5, 2), составляютъ единственную дѣйствительность, навязывающуюся нашему уму неоспоримымъ образомъ, недопускающимъ никакого сомнѣнія, вслѣдствіе непосредственнаго тождества въ нихъ субъекта и объекта знанія. Что не можетъ быть сведено къ извѣстнымъ фактамъ сознанія и не объясняется ими, то не можетъ быть вообще предметомъ знанія. Въ этихъ фактахъ обнаруживаются первыя, основныя истины, служащія фундаментомъ для всякаго дальнѣйшаго критическаго познанія вещеи. Опредѣленіе этихъ истинъ и выводъ изъ нихъ соотвѣтственныхъ заключеній составляетъ, какъ увидимъ, предметъ особыхъ изысканій философіи, въ особенности вопроса о методѣ ея. Въ настоящее время, при объясненіи общаго научнаго характера философіи и опредѣленіи ея отношенія къ другимъ наукамъ, важно только замѣтить, что критическая философія разсматриваетъ всякій объективный матеріалъ, всякія данныя знанія, прежде всего, какъ умственныя явленія, какъ факты сознанія и опредѣляетъ ближе ихъ значеніе съ точки зрѣнія тѣхъ безспорныхъ истинъ, которыя истекаютъ изъ рефлексивнаго разсмотрѣнія умственной дѣятельности вообще.

Этимъ опредѣляется и отношеніе философіи, какъ самостоятельной критической науки, къ содержанію другихъ наукъ, къ результатамъ ихъ спеціальныхъ изслѣдованій. § 12, 2.

Стремясь къ образованію общаго міровоззрѣнія (§ 9), философія, естественно, должна принимать во вниманіе явленія міра, представляющія собою необходимый матеріалъ для всякаго міровоззрѣнія. Но такъ какъ философія, имѣя свои особыя задачи, не занимается сама изслѣдованіемъ частныхъ явленій міра, то она въ этомъ отношеніи должна пользоваться результатами спеціальныхъ наукъ. Философское міровоззрѣніе не имѣло бы научнаго характера, если бы оно не согласовалось съ истинами, раскрытыми спеціальными науками на основаніи всесторонняго изученія частныхъ явленій міра. Умозрѣніе, оторванное отъ фактическихъ данныхъ, не можетъ довести насъ до уразумѣнія міра. Такимъ согласованіемъ общихъ взглядовъ, а слѣдовательно и всего міровоззрѣнія, съ фактическими данными, отличается философія, въ научномъ смыслѣ этого слова, отъ всякихъ воззрѣній на міръ, истекающихъ изъ чисто субъективнаго источника, неспособнаго оправдать своего содержанія. Только въ постоянной связи со спеціальными науками философія можетъ приближаться къ разрѣшенію своихъ задачъ

Но съ другой стороны философія, пользуясь результатами изслѣдованій спеціальныхъ наукъ, не подчиняется безусловно ихъ авторитету, не отрекается отъ примѣненія и къ нимъ принципа критики. Напротивъ, во имя этого принципа она подвергаетъ данныя, почерпаемыя изъ спеціальныхъ наукъ, двойному контролю:

во 1-ыхъ, она разсматриваетъ критически способы и пріемы, примѣняемые при данныхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, съ точки зрѣнія основныхъ началъ познанія, и признаетъ несомнѣнными только результаты, добытые путемъ, соотвѣтствующимъ критической теоріи познанія;

и во 2-ыхъ, она, смотря по надобности, задается провѣркою какъ предметныхъ предположеній, такъ и результатовъ изслѣдованія спеціальныхъ наукъ, въ особенности тогда, когда имѣетъ серіозные поводы не довѣрять точности и неоспоримости выводовъ, дѣлаемыхъ спеціальными науками изъ своихъ изслѣдованій.

Въ томъ и другомъ случаѣ философія отчасти вступаетъ уже въ область спеціальныхъ наукъ. Философъ становится тогда спеціалистомъ, подобно тому, какъ спеціалистъ, объясняя частныя явленія съ точки зрѣнія всеобщихъ началъ знанія, ста-

§ 12, 2. новится философомъ (§ 5, 1). Вслѣдствіе того образуется на рубежѣ, разграничивающемъ философію и спеціальныя науки, общее научное поприще, разрабатываемое какъ философами, такъ и спеціалистами. Ратовать противъ такой совмѣстной разработки однихъ и тѣхъ же предметовъ философами и спеціалистами во имя безусловнаго разграниченія философіи и спеціальныхъ наукъ—нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Напротивъ, такая совмѣстная разработка пограничныхъ вопросовъ является необходимою для осуществленія внутренней, органической связи между науками. Единственное, но въ самомъ дѣлѣ и безусловно обязательное требованіе въ этомъ отношеніи сводится къ тому, чтобы философъ, занимающійся для своихъ цѣлей контролемъ изслѣдованій спеціальныхъ наукъ, знакомъ былъ вполнѣ со всѣмъ научнымъ матеріаломъ, касающимся разбираемаго вопроса, и съ пріемами его спеціальнаго изслѣдованія; равно какъ съ другой стороны, и спеціалистъ, переходящій въ область философіи, долженъ усвоить себѣ основныя начала критическаго философствованія и принимать во вниманіе попытки разрѣшить спорные вопросы съ философской точки зрѣнія. Исполненіе этого требованія составляетъ conditio sine qua non всякой полезной кооперації философовъ и спеціалистовъ.

Что это требованіе вовсе не преувеличено, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что исторія наукъ представляетъ намъ много мужей равно знаменитыхъ на поприщѣ философіи и разныхъ спеціальныхъ наукъ. А этотъ фактъ не относится только къ прежнимъ временамъ, когда философія обнимала собою еще всю науку (напр. въ лицѣ Аристотеля), но и къ новѣйшей спеціализаціи наукъ. Философъ Декартъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитымъ математикомъ и физикомъ: онъ основатель аналитической геометріи и оказалъ важныя услуги при объясненіи явленій свѣта, напр. радуги, при опредѣленіи тяжести воздуха и т. п. Онъ работалъ тоже съ успѣхомъ и на поприщѣ анатоміи. Лейбницъ былъ юристомъ и математикомъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ одновременно съ Ньютономъ изобрѣлъ дифференціальное счисленіе. Философъ Кантъ читалъ лекціи по математикѣ, физикѣ и физической географіи и въ своей *Естественной исторіи и теоріи неба* (1755) онъ положилъ начало развитому въ послѣдствіи Лапласомъ ученію о происхожденіи небесныхъ тѣлъ, господствующему по настоящее время подъ названіемъ Канто-Лапласовской теоріи неба. Равнымъ образомъ въ наше время такіе ученые, какъ Дробишъ, Фехнеръ, Лотце, Милль, Льюисъ, Штейнталь, Вундтъ, Дюрингъ и многіе другіе

занимались самостоятельными изслѣдованіями не только на поприщѣ философіи, но и на поприщѣ спеціальныхъ наукъ: математики, физики, физіологіи, политической экономіи, языковѣдѣнія и др. § 12, 2.

Все вышесказанное показываетъ, что философія для разрѣшенія своихъ задачъ имѣетъ твердое научное основаніе съ одной стороны въ *фактахъ* и *явленіяхъ* внутренней, умственной жизни человѣка, съ другой же—въ *фактахъ* и *явленіяхъ* внѣшняго міра. На основаніи этихъ *фактическихъ* данныхъ философія доходитъ до своихъ общихъ воззрѣній какъ на средства и предѣлы познанія, такъ и на міръ вообще, при помощи тѣхъ же самыхъ общихъ методологическихъ пріемовъ, которыми пользуются и спеціальныя науки. Поэтому ей присущи свойства „научности“ наравнѣ со всѣми другими науками. Ежели тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ критики Канта и позитивизма Конта, многіе мыслители новѣйшаго времени различаютъ „научную“ философію отъ „ненаучной“ и къ послѣдней относятъ въ особенности одну изъ самыхъ важныхъ наукъ философіи, т. е. метафизику, науку объ объективныхъ, предметныхъ или бытовыхъ началахъ знанія (§ 4, 1), то это въ сущности есть только результатъ недоразумѣнія и смѣшенія очень простыхъ понятій. Вотъ доказательства этого положенія

1) Признавая за философіею вообще характеръ „научный“ нельзя ей противопоставлять „ненаучной“ философіи, но можно ей противопоставить только то, что́ не заслуживаетъ имени философіи, что́ не есть настоящая философія. Никто не говоритъ о научной и ненаучной математикѣ, физикѣ, химіи и т. п., потому что ненаучная математика. физика, химія, не есть вообще математика. физика, химія. И на поприщѣ этихъ наукъ встрѣчались въ прошедшемъ и встрѣчаются въ настоящее время явленія, не имѣющія научнаго характера, ученія и воззрѣнія, расходящіяся по своему содержанію и методу съ настоящими требованіями научности. Но никто этихъ явленій не сопоставилъ въ одно особое понятіе „ненаучной“ математики, или физики, или химіи. Равнымъ образомъ, нѣтъ основанія лишать философію характера научности, потому что въ ней встрѣчается много *проблематическихъ* и *гипотетическихъ* началъ, ибо начала эти входятъ въ составъ всякаго человѣческаго знанія, каждой науки. Одно изъ двухъ: философія или наука, или ненаука. Въ первомъ случаѣ все ненаучное исключается по существу изъ философіи; во второмъ,—къ философіи не примѣнимо понятіе о наукѣ. Говорить о научной и ненаучной философіи,

§ 12, 2. значитъ утверждать, что философія—наука и не наука. Это во всякомъ случаѣ—выраженіе сбивчивое, неясное, неточное. Въ полное же противорѣчіе попадаютъ тѣ, кто „научно“ стремится доказать „ненаучность“ философіи. Это самый наглядный примѣръ софизма, называемаго въ логикѣ *лгуномъ*. Эпименидъ критянинъ говоритъ, что всѣ критяне лгуны; но тогда и онъ самъ, какъ критянинъ, тоже лгунъ, и его положеніе, что всѣ критяне лгуны, не заслуживаетъ довѣрія (Логика § 30, 3). Таково „научное“ доказательство „ненаучности“ философіи. Если оно научно, то оно само собою, своимъ существованіемъ доказываетъ научность философіи; если же ненаучно, то не можетъ служить доказательствомъ ненаучности философіи.

2) Результаты изслѣдованія не опредѣляютъ его научнаго характера. Самое строгое научное изслѣдованіе можетъ довести до отрицательныхъ, негативныхъ результатовъ. Можно, слѣдовательно, отрицать возможность познанія сущности міра, его первой причины и послѣднихъ цѣлей; можно показать, что идеалъ философіи и въ особенности метафизики—окончательное уразумѣніе объективныхъ началъ дѣйствительности—несосуществимъ, что человѣческое познаніе всегда *относительное*, *релятивное*, что *безусловное*, *абсолютное* непостижимо для человѣка, что исторія философіи есть лишь цѣпь безуспѣшныхъ попытокъ уразумѣнія недоступныхъ для ума человѣческаго началъ міра. Изъ этого не истекаетъ однако отрицаніе научнаго характера философіи; не слѣдуетъ отрицаніе особой науки метафизики, доходящей, путемъ методическаго изслѣдованія до всѣхъ этихъ отрицательныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что приведенныя попытки являются слѣдствіемъ серіознаго стремленія ума къ познанію истины, и что онѣ создали цѣлый рядъ представленій и понятій, которыя вошли въ составъ не только нашихъ обыденныхъ воззрѣній на міръ, но и самыхъ безспорныхъ научныхъ теорій новѣйшаго времени, слѣдовательно представляютъ собою очень важное начало науки вообще и ея историческаго развитія. Вслѣдствіе этого скептическое отношеніе къ философіи, ограниченіе ея „научности“ слѣдуетъ примѣнить и къ „наукѣ“ вообще. Человѣкъ доходитъ фактически до извѣстныхъ воззрѣній на то, что онъ называетъ *реальнымъ*, *дѣйствительнымъ*, объективно *существующимъ*. Для объясненія явленій дѣйствительности онъ образуетъ извѣстныя понятія объ ихъ основныхъ началахъ, о Богѣ, мірѣ, природѣ, о самомъ себѣ и о другихъ существахъ, о духѣ и матеріи, о пространствѣ, времени, причинности и т. п. Онъ

стремится далѣе опредѣлить какъ причину, такъ и назначеніе этого міра, признаннаго дѣйствительнымъ, уразумѣть свое отношеніе къ нему, разъяснить притомъ цѣль и назначеніе своего собственнаго существованія и т. п. Положимъ, что можно признать всѣ эти вопросы неразрѣшимыми; можно показать, что мы ограничены познаніемъ тѣснаго круга явленій, ихъ связи, преемства, что феномены и ихъ соотношенія составляютъ единственный предметъ точнаго знанія. Тѣмъ не менѣе необходима наука, именно метафизика, доказывающая на основаніи неоспоримыхъ данныхъ, что все это такъ и не иначе, что *феноменализмъ* есть истинное воззрѣніе на дѣйствительность, на реальный міръ. И феноменализмъ—метафизическая теорія, которая можетъ быть доказана научно только на основаніи методическаго изученія соотвѣтственныхъ фактическихъ данныхъ и критическаго разбора противоположныхъ воззрѣній, слѣдовательно только на основаніи особой науки метафизики, которой, вслѣдствіе этого, изъ объема философіи исключить нельзя (см. § 5, 2). Еще менѣе умѣстно употреблять съ презрѣніемъ историческое названіе метафизики для обозначенія вполнѣ произвольнаго умозрѣнія, для обозначенія производства отвлеченныхъ понятій, лишенныхъ всякаго фактическаго основанія. § 12, 2.

3) Изслѣдованіе субъективныхъ процессовъ познанія и его объективнаго предмета—двѣ разныя вещи, которыхъ смѣшивать не слѣдуетъ. Первое изслѣдованіе разсматриваетъ умственные пріемы и произведенія, при помощи которыхъ субъектъ усваиваетъ себѣ истину; второе, напротивъ, имѣетъ въ виду при помощи этихъ умственныхъ пріемовъ познать основныя начала бытія, признаннаго объективно дѣйствительнымъ. Какъ въ каждой спеціальной наукѣ *методъ* изслѣдованія отличается ясно отъ *предмета* изслѣдованія, равнымъ образомъ и въ объемѣ философіи, какъ самой общей науки, слѣдуетъ отличать общій методъ познанія вещей отъ общаго предмета этого познанія, заключающагося въ объективной дѣйствительности. Изученіе общаго метода познанія вещей составляетъ задачу логики, или теоріи познанія. Изученіе общихъ началъ объективной дѣйствительности, какъ предмета познанія, есть задача метафизики. Отрицатели „научнаго“ характера метафизики или вовсе не понимаютъ задачъ приведенныхъ философскихъ наукъ, — это мы встрѣчаемъ у большинства популяризаторовъ „положительныхъ“ наукъ, произносящихъ имя метафизики только съ обязательнымъ для каждаго „научнаго“ человѣка презрѣніемъ,—или же имѣютъ въ виду не настоящую метафизику, какъ особую фило-

§ 12, 2. софскую науку, развившуюся исторически съ того момента, когда умъ человѣческій сталъ стремиться уразумѣть общія начала объективной дѣйствительности, но ту или другую односторонную метафизическую теорію, которую они смѣшиваютъ съ метафизикою вообще. Послѣднее слѣдуетъ въ особенности сказать о представителяхъ такъ называемой „научной“ философіи и вообще о ново-кантіанцахъ разныхъ оттѣнковъ. Они признаютъ, по принципу, необходимость „критики“ познанія; въ этой критикѣ они разсматриваютъ не только субъективныя но и объективныя, не только умственныя, но и предметныя начала знанія и доходятъ до воззрѣнія на объективную дѣйствительность, насколько она вообще является, по ихъ взгляду, доступною для ума человѣческаго. Слѣдовательно, въ своей „критикѣ“ они сочетаютъ безразлично предметы изученія логики и метафизики, вопросъ о методологическихъ пріемахъ познанія съ вопросомъ о свойствахъ доступной для насъ объективной дѣйствительности, какъ предмета познанія. Ихъ „критика“ воспринимаетъ, слѣдовательно, цѣликомъ историческій матеріалъ метафизики, какъ особой философской науки, разрабатываетъ этотъ матеріалъ и выводитъ изъ его разработки свои заключенія. Отрицательный характеръ этихъ заключеній показываетъ только, что они расходятся съ тѣмъ или другимъ догматическимъ ученіемъ, господствующимъ въ исторіи метафизики, но не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ ни для отрицанія метафизики вообще, какъ науки, ни для смѣшенія логическихъ изслѣдованій съ метафизическими.

Литература. На взгляды мыслителей, оспаривающихъ научность метафизической философіи, указано было уже нѣсколько разъ. См. §§ 5, 2. 8, 2. 9, 2. 12, 1 *Лит.* Окончательное разсмотрѣніе этого вопроса возможно только въ *энциклопедіи философскихъ наукъ* при частномъ разборѣ предмета, задачъ и метода метафизики. Скажемъ здѣсь только еще, что въ новѣйшее время одни изъ приведенныхъ выше мыслителей отвергаютъ метафизическую философію цѣликомъ, безусловно (Риль и др.), между тѣмъ другіе признаютъ за нею если не *научное* значеніе, то значеніе *нравственной вѣры* (моральная метафизика Ліяра, § 12, 1 *Лит*.), или же *поэтическаго міровоззрѣнія*, пополняющаго недостатки нашего положительнаго знанія (Ланге и его послѣдователи). Относительно сихъ послѣднихъ—см. ниже статью о философіи и творчествѣ.

Вопросъ о „научной“ философіи въ отличіе отъ „ненаучной“ или „спекулятивной,“ поставленъ былъ въ новѣйшее время главнымъ образомъ сотрудниками философскаго журнала: *Vierteljahrschrift fur wissenschaftliche Philosophie*, издаваемаго R. Avenarius'омъ съ 1876 года. Цѣль этого журнала, по словамъ издателя, высказаннымъ въ введеніи къ первому выпуску, содѣйствовать возникновенію и развитію философіи, стремящейся къ однообразно-

му міропониманію (einheitliche Weltauffassung) на основаніи критическаго объединенія общихъ результатовъ изслѣдованій спеціальныхъ опытныхъ наукъ См тоже въ этомъ выпускѣ статью· Fr Paulsen'a· *Ueber das Verhältniss der Philosophie zur Wissenschaft Eine geschichtliche Betrachtung.* Съ этой точки зрѣнія написана и рѣчь упомянутаго ново-кантіанца A. Riehl'a. *Ueber wissenschaftliche u. nichtwissenschaftliche Philosophie.* 1883 Сюда же относятся *Письма о научной философіи* В Лесевича (§ 2, 2 *Лит*)

М. М Троицкій разсматриваетъ въ своей *Наукѣ о духѣ*, § 134, вопросъ: „могутъ-ли метафизическія изслѣдованія имѣть научный характеръ?' и отвѣчаетъ на это, что наука имѣетъ свои предѣлы строго очерченные и совпадающіе съ границами прямой и косвенной очевидности. За этими предѣлами начинается область существованія нефеноменальнаго, область субстанціальности и сущности вещей, область безконечной сверхъопытной реальности. Относительно всѣхъ этихъ вещей наука не можетъ дать не только ничего *достовѣрнаго* или *очевиднаго*, но и ничего *вѣроятнаго* или *правдоподобнаго*. „Чтобы быть научными, метафизическія изслѣдованія должны быть чужды притязаній сообщить своимъ заключеніямъ *достовѣрность* не заимствованную изъ науки, или *вѣроятность* не почерпнутую въ источникахъ религіозной вѣры человѣка. А это достижимо лишь тогда, когда метафизическія изслѣдованія, принимая своими положительными условіями въ одно и тоже время и науку и вѣру, ограничатся разъясненіемъ ихъ *компетенціи* для ихъ взаимнаго примиренія,—и наилучшихъ *способовъ мышленія* въ цѣляхъ ихъ взаимнаго сближенія;—иначе сказать, когда метафизика, вмѣсто того, чтобы быть догматикой, какою она остается въ смыслѣ системы абсолютнаго знанія, явится, по первыхъ, *критикою*, и во вторыхъ, *методикою*." См тоже выше § 2, 2 *Лит.*, гдѣ приводится мнѣніе М. М. Троицкаго о томъ, что философія въ своемъ *послѣднемъ словѣ* имѣетъ характеръ проблематическій и гипотетическій, и поэтому не есть вполнѣ наука.

Интересное видоизмѣненіе „научной" философіи представляетъ соч. математика H. Girard'a, *La philosophie scientifique.* 1880. Авторъ различаетъ три вида философіи: *діалектическую, трансцендентную и научную.* Первая ограничивается однимъ объясненіемъ словъ, употребляемыхъ въ философіи; вторая имѣетъ предметомъ чистыя отвлеченныя идеи, входящія въ составъ философіи (метафизика, этика, эстетика); научная философія, наконецъ, основывается на фактахъ и составляетъ синтезъ самыхъ общихъ законовъ природы и общественнаго устройства. Жираръ порицаетъ Конта за то, что онъ отвергаетъ трансцендентную философію, которая, занимаясь разъясненіемъ идеаловъ человѣческаго ума, пополняетъ научную философію. „Il y a place, говоритъ авторъ, pour toutes les deux au banquet de l'intelligence."

Поучительный разборъ отношенія философіи къ спеціальнымъ наукамъ, иллюстрированный многочисленными примѣрами, заключаетъ въ себѣ соч. Wilh. Tobias, *Grenzen der Philosophie, constatirt gegen Riemann u. Helmholtz, vertheidigt gegen Hartmann u. Lasker.* 1875.

Критику односторонняго эмпиризма и защиту научности метафизики, мы находимъ въ соч. Th. Desdonits, *La métaphysique et ses rapports avec les autres sciences (Mémoire couronné par l'Academie des sciences morales et politiques).* 1880. Авторъ убѣдительно доказываетъ, что метафизика не противорѣчитъ физикѣ, напротивъ она продолжаетъ ея изслѣдованія и выводитъ изъ нихъ заключенія: „La métaphysique, говоритъ авторъ, n'est pas seulement la science des choses étrangères à la physique; elle est plutôt la continuation et la conséquence

§ 12, 2. de la physique.“ Она доводитъ до одинаковой достовѣрности, какъ и всѣ другія науки.—Сюда относятся еще слѣдующія сочиненія:

E. Vacherot, *La métaphysique et la science.* 1858. 2-oe изд. 1882. Его-же: *Le nouveau spiritualisme.* 1884. Защищая въ этихъ сочиненіяхъ научное значеніе метафизики, Вашеро указываетъ энергично на необходимость основывать метафизическія изслѣдованія на результатахъ спеціальныхъ наукъ. „La philosophie, говоритъ онъ, en est maintenant à l'alternative ou de renoncer à la métaphysique,—ce qui serait un suicide,—ou de chercher dans l'expérience et dans la science positive la solution des questions, que la légitime curiosité de l'esprit humain ne cessera de poser.“

Joh. Volkelt, *Ueber die Möglichkeit der Metaphysik.* 1884. Задача метафизики, какъ науки, по автору этой рѣчи, состоитъ въ объясненіи міра опыта (Erfahrungswelt) при помощи возможно общихъ и окончательныхъ принциповъ. Но эти объясненія метафизики, равно какъ и большинство объясненій другихъ наукъ, вслѣдствіе ограниченности человѣческаго знанія, имѣютъ только характеръ гипотетическій. Подробное развитіе этого взгляда представляетъ авторъ въ соч. *Erfahrung u. Denken. Kritische Grundlegung der Erkenntnisstheorie.* 1886.

J. Barthélemy-St. Hilaire, *La philosophie dans ses rapports avec les sciences et la religion.* 1889. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ искреннюю защиту философіи, какъ науки и философской вѣры (la foi philosophique). Основаніемъ этой защиты служитъ историческій взглядъ на развитіе философіи и довѣріе къ способностямъ разума, главнаго средства познанія не только въ объемѣ философіи, но и на поприщѣ всѣхъ другихъ наукъ.

Въ русской философской литературѣ самую остроумную защиту метафизики, какъ науки, заключаетъ въ себѣ соч Л. Лопатина, *Положительныя задачи философіи.* 1886 (см. выше § 2, 2 *Лит.*).

§ 12, 3. **Примѣчаніе 3-ье. Значеніе философіи для спеціальныхъ наукъ.** Если философія для разрѣшенія своихъ задачъ нуждается въ содѣйствіи спеціальныхъ наукъ (Прим. 2), то съ другой стороны и спеціальныя науки достигаютъ доступной для ума точности, ясности и единства познанія только при помощи философіи. Поэтому, знакомство съ философіею не составляетъ для научнаго спеціалиста излишняго предмета роскоши, но должно быть признано необходимымъ условіемъ истинной научности. Ученый, не довольствующійся догматизмомъ, свойственнымъ, какъ мы видѣли, спеціальнымъ наукамъ (§ 10, 1), не подчиняющійся безъ критики господствующимъ взглядамъ на основныя, умственныя и предметныя начала своей науки, по необходимости или самостоятельно занимается провѣркою этихъ началъ, или же, по крайней мѣрѣ, усваиваетъ себѣ критически соотвѣтственныя изслѣдованія другихъ мыслителей. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вступаетъ въ область философіи, какъ науки, разбирающей основныя начала знанія вообще. Каждая спеціальная наука, какъ наука, соотвѣтствующая требова-

ніямъ критичности (§ 9, 1), нуждается въ философскомъ обоснованіи и пополненіи, въ критическомъ разборѣ общихъ началъ, служащихъ исходною точкою для каждаго спеціальнаго изслѣдованія. § 12, 3.

Такая критическая провѣрка общихъ началъ разныхъ спеціальныхъ наукъ и называется *философіею этихъ наукъ*, напр. философія наукъ вообще, философія естествознанія, философія исторіи, языковѣдѣнія, права, религіи и т. д. Спеціалистъ, не знакомый съ философіею своей науки, не есть ученый въ строгомъ смыслѣ этого слова, не самостоятельный труженикъ на поприщѣ науки, знанія, но становится рутинеромъ, совершающимъ свой трудъ въ самыхъ узкихъ предѣлахъ, безъ надлежащаго уразумѣнія его связи съ общими цѣлями науки.

Философія расширяетъ, слѣдовательно, умственный кругозоръ спеціалиста, даетъ ему понятіе какъ объ общихъ задачахъ и средствахъ познанія, такъ и о значеніи спеціальныхъ изслѣдованій для разъясненія основныхъ взглядовъ на міръ и его явленія. Она доводитъ его до критическаго самопознанія, до ясной оцѣнки основныхъ началъ его собственной спеціальности.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ философія относительно согласованія и объединенія результатовъ изслѣдованій спеціальныхъ наукъ. *Спеціализація* наукъ, доведенная до крайности, имѣетъ слѣдствіемъ съ одной стороны хаотическое раздробленіе знанія. а съ другой часто очень поразительныя противорѣчія между общими выводами, истекающими изъ своеобразныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Обыкновенно спеціалистъ по одной наукѣ не обращаетъ вниманія на изслѣдованія другихъ наукъ. Вслѣдствіе этого случается часто, что науки, принадлежащія даже къ одной общей группѣ, приходятъ къ противоположнымъ заключеніямъ, или руководятся въ своихъ изслѣдованіяхъ совершенно разными пріемами.

Всѣ эти недостатки односторонней спеціализаціи сознаются все болѣе и болѣе знаменитѣйшими представителями новѣйшей науки. Они чувствуютъ ясно потребность приводить результаты спеціальныхъ изслѣдованій не только отдѣльныхъ наукъ, но и цѣлыхъ группъ наукъ къ общему знаменателю, согласовать между собою эти результаты и объединять ихъ. Но все это осуществляется главнымъ образомъ при помощи *философіи*, на основаніи ея стремленія къ образованію общихъ воззрѣній на предметы знанія (§ 9, 2).

Такимъ образомъ, въ общемъ развитіи науки философія пополняетъ спеціализацію и раздробленіе знанія объединеніемъ

§ 12, 3. его, анализъ явленій—общими синтетическими выводами. Спеціальныя науки довели бы умъ человѣческій въ концѣ концовъ до хаотическаго богатства противорѣчащихъ другъ другу частныхъ знаній и лишились бы общихъ руководящихъ началъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, если бы не воспользовались объединительными стремленіями философіи, ея общими принципами, идеями, воззрѣніями.

Литература. Приведенныя сочиненія по общеи *энциклопедіи наукъ* и по *энциклопедіи философскихъ наукъ* (§ 1, 2 з. § 6, 1 *Лит.*), равно какъ по *введенію въ философію* и по вопросу о ея опредѣленіи и ея научности (§ 2, 2. з. 8, 2. 12, 2 *Лит.*) занимаются по большей части и разсмотрѣніемъ значенія философіи для другихъ наукъ Въ пополненіе этихъ литературныхъ данныхъ укажемъ здѣсь только еще на мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, высказывающихся особенно ясно по этому предмету.

Helmholtz, одинъ изъ первенствующихъ естествоиспытателей нашего времени, еще въ своей рѣчи *О зрѣніи* (*Ueber das Sehen des Menschen.* 1856) указалъ на необходимость для научнаго естествоиспытателя ознакомиться съ философіею, въ особенности съ критицизмомъ Канта Незнаніе философскихъ изслѣдованіи, говоритъ онъ, касательно источниковъ и началъ нашихъ воззрѣніи на міръ не можетъ оставаться безнаказаннымъ для научнаго изслѣдователя.

Claude Bernard, знаменитый физіологъ, высказалъ свой взглядъ на значеніе философскихъ изслѣдованій для другихъ наукъ, въ особенности для естественныхъ, въ концѣ своей *Introduction à l'étude de la médicine expérimentale.* 1865. См. въ особенности стр. 386. Хотя естествоиспытатель, говоритъ Бернаръ, не долженъ основываться на готовой, законченной философской системѣ, тѣмъ не менѣе онъ долженъ быть оживленъ философскимъ духомъ (esprit philosophique), который долженъ господствовать не только надъ всѣми науками, но и надъ всѣми человѣческими знаніями (qui doit regner non seulement sur toutes les sciences, mais sur toutes les connaissances humaines). Философія поддерживаетъ въ ученомъ священный огонь изслѣдованія (le feu sacré de la recherche). Она обогащаетъ ученаго новыми идеями. Прогрессъ же наукъ совершается только при помощи новыхъ идей, на основаніи творческой силы мышленія (les sciences n'avancent que par les idées nouvelles et par la puissance créatrice ou originale de la pensée).

W. Wundt говоритъ: „Безъ свѣтильника философіи изслѣдованіе будетъ ремесломъ, а ученость пустымъ многознаніемъ.. Только философія придаетъ значеніе отдѣльнымъ отраслямъ знанія.“ См. его *Душа человѣка и животныхъ*, переводъ С. К. Кемница. Т I. 1865. Предисловіе. — Въ своей рѣчи *Ueber die Aufgabe der Philosophie in der Gegenwart*, 1874, Вундтъ, называя философію наукою наукъ (Wissenschaft der Wissenschaften), признаетъ, что она является необходимою для уразумѣнія начала (Grund) явленій и для общаго міровоззрѣнія. Поэтому онъ отводитъ и *метафизикѣ* самостоятельное мѣсто въ системѣ философскихъ наукъ (см. § 6, 1, стр. 45). Сюда относится и этюдъ Вундта: *Philosophie u. Wissenschaft*, въ его *Essays.* 1885.

Lewes сравниваетъ очень мѣтко, въ *Прологоменахъ* къ своей *Исторіи философіи* (§ 5, 2 *Лит.*) отношеніе философіи къ спеціальнымъ наукамъ съ отношеніемъ *географіи* къ *топографіи*.

§ 12, 3.

K. F. Zollner, астрофизикъ, въ знаменитомъ своемъ сочиненіи *Ueber d Natur der Cometen*, 1872, подвергаетъ строгой критикѣ начала современнаго естествознанія, вообще спеціальныхъ наукъ, и стремится доказать, что научная задача будущаго состоитъ въ философской разработкѣ необозримаго индуктивнаго матеріала знанія, съ цѣлью его объединенія и представленія въ дедуктивной формѣ. Кромѣ того въ IV-ой части этого сочиненія (*Aphorismen zur Geschichte u. Theorie der Erkenntniss*) Цёлльнеръ многочисленными цитатами убѣждаетъ читателя, что въ сочиненіяхъ знаменитыхъ философовъ встрѣчаются часто положенія и взгляды, антиципирующіе результаты новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій —Замѣчательны слова, высказанныя по поводу этого сочиненія В. В. Лесевичемъ въ его *Критическомъ изслѣдованіи позитивной философіи* (§ 2, 2 *Лит*.). На стр. 142 Лесевичъ говоритъ· „Эта то книга Цёлльнера содержитъ разоблаченіе тѣхъ золъ, которыя вносятся отсутствіемъ связи философіи и науки въ эту послѣднюю... Слѣдуя за Цёлльнеромъ, мы убѣдимся въ недостаткѣ знакомства многихъ современныхъ ученыхъ съ первыми основаніями теоріи познаванія и ясно увидимъ всѣ печальныя послѣдствія такого незнакомства. Мы увидимъ, что для образованія понятій какой бы то ни было частной области необходимы свѣдѣнія, далеко заходящія за предѣлы этой области, и что никакая мѣра богатства накопленныхъ представленій и частныхъ понятій не можетъ возмѣстить недостатка этихъ общихъ руководящихъ понятій, основоначалъ всякой правильной умственной работы.“

A. Hegar, *Spezialismus u allgemeine Bildung*. 1882. Авторъ, естествоиспытатель, указываетъ на вредныя послѣдствія односторонней спеціализаціи знанія. По его словамъ, общія идеи необходимы, какъ руководящія начала спеціальныхъ изслѣдованій, поэтому и неспеціалисты, обладающіе только широкимъ умственнымъ кругозоромъ, доходятъ часто до болѣе успѣшныхъ результатовъ въ данной наукѣ, чѣмъ самые трудолюбивые спеціалисты. Поэтъ Гете, напр., играетъ важную роль въ теоріи развитія органической жизни и въ физическомъ и въ физіологическомъ ученіи о цвѣтахъ. Юристъ Сальвіати открылъ составъ венеціанской стекляной мозаики, между тѣмъ какъ спеціалисты-химики безъ успѣха долгое время трудились надъ изученіемъ этого состава. Робертъ Майеръ опредѣлилъ законъ сохраненія силы и создалъ механическую теорію теплоты, хотя по своему званію занимался медицинскою практикою. Шлиманъ, первоначально купецъ, совершилъ археологическія изслѣдованія, превышающія своимъ научнымъ значеніемъ много изслѣдованій спеціалистовъ-филологовъ. Авторъ убѣжденъ, что приближается время, когда и на поприщѣ спеціальныхъ наукъ обнаружится снова съ большею опредѣленностью стремленіе къ различенію существеннаго содержанія опытнаго знанія отъ несущественнаго и къ научнымъ обобщеніямъ. Но для этого, естественно, необходимо общее, въ особенности *философское*, образованіе.

Hugo Spitzer, *Ueber das Verhaltniss der Philosophie zu den organischen Naturwissenschaften*. 1883. Въ этой вступительной лекціи къ курсу, имѣющему предметомъ „философскія начала біологіи,“ авторъ, между прочимъ, очень справедливо указываетъ на то, что высказываемые обыкновенно эмпириками упреки противъ философіи имѣютъ сами *философскій* характеръ. Вопросъ о значеніи опыта и чувствъ въ познаніи, объ эмпиризмѣ и сенсуализмѣ, объ ограниченіи познанія одними явленіями, о позитивизмѣ,—все это философскіе вопросы. Равнымъ образомъ, спеціалистъ находится постоянно

§ 12, 3. подъ вліяніемъ общихъ понятій, касающихся *міра*, *бытія*, разсматриваемыхъ философіею. Она, слѣдовательно, обнимаетъ собою особые предметы изслѣдованія, съ которыми научный спеціалистъ долженъ ближе ознакомиться.

J. Kreyenbuhl, *Die Bedeutung der Philosophie fur die Erfahrungswissenschaft.* 1886. Авторъ доказываетъ, что эмпирическія науки, по необходимости, основываются на метафизическихъ предположеніяхъ, которыя только при помощи философіи могутъ быть надлежащимъ образомъ разъясняемы.

Сюда относятся и часто встрѣчающіяся *философскія* введенія къ спеціальнымъ наукамъ, какъ и многочисленныя разработки *философіи* разныхъ спеціальныхъ наукъ, о которыхъ будетъ рѣчь, смотря по надобности, при дальнѣйшемъ изложеніи нашего предмета.

§ 13.

Философія и естественныя науки.

§ 13. Изъ трехъ главныхъ группъ спеціальныхъ наукъ, каковы: *естественныя*, *гуманитарныя* и *богословскія* (§ 6, 1), въ новѣйшее время естественныя науки имѣютъ самое важное значеніе для философіи. Между тѣмъ какъ отношеніе философіи къ двумъ остальнымъ группамъ наукъ опредѣляется достаточно выше приведенными общими положеніями (§ 12), отношеніе ея къ естественнымъ наукамъ требуетъ въ наше время болѣе подробнаго разъясненія.

Поразительные успѣхи новѣйшихъ временъ на поприщѣ изслѣдованія явленій природы возбудили къ естественнымъ наукамъ всеобщее довѣріе въ ущербъ философіи, за которою многіе, какъ мы видѣли (§ 12, 1), не хотятъ признать даже названія самостоятельной науки. Вслѣдствіе этого распространилось мнѣніе, что знаніе вообще есть естествознаніе, что науками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, положительными науками могутъ быть названы только естественныя науки, занимающіяся изученіемъ природы. Такимъ образомъ, многіе естествоиспытатели, въ особенности же популяризаторы естествознанія, высказывали убѣжденіе, что естественныя науки замѣняютъ въ наше время совершенно философію, или по крайней мѣрѣ, что послѣдняя можетъ имѣть извѣстное научное значеніе,

только подчиняясь безусловно естествознанію. „Всякое истинное естествознаніе есть философія, и всякая истинная философія есть естествознаніе,“ сказалъ современный естествоиспытатель Геккель въ своей *Всеобщей морфологіи организмовъ* (*Häckel, Generelle Morphologie der Organismen.* 1866, см. Т. I, стр. 67 и Т. II, стр. 447). § 13.

Подобно тому какъ въ средніе вѣка господствовало мнѣніе, что философія есть служанка богословія (philosophia theologiae ancilla), такъ въ наше время философія признается многими только прислужницею естествознанія (philosophia physicae ancilla). Какъ средневѣковые богословы требовали, чтобы философія видѣла единственную свою цѣль въ разъясненіи и оправданіи церковныхъ догматовъ; такъ точно въ наше время многіе естествоиспытатели вмѣняютъ философіи въ обязанность разъяснять и оправдывать исключительно ученія естествознанія. За предѣлами этой задачи они отвергаютъ безусловно всякую философію, какъ произвольное произведеніе умозрѣнія, лишенное „научности.“

Требованіе это однако точно также узко и догматично, какъ требованіе средневѣковаго богословія, и поэтому не удивительно, что философія, въ общемъ своемъ развитіи, не подчиняется приведенному требованію. Этимъ вовсе не оспаривается значеніе естествознанія какъ для науки вообще, такъ и въ особенности для философіи. Напротивъ, все сказанное о томъ, что философія должна воспользоваться результатами изслѣдованія спеціальныхъ наукъ, что безъ вниманія къ этимъ результатамъ она не можетъ разрѣшить своихъ задачъ (§ 12), относится главнымъ образомъ къ естественнымъ наукамъ. Но тѣмъ не менѣе и естественныя науки основываются, какъ мы видѣли (§ 10, 1), на цѣломъ рядѣ догматическихъ предположеній, которыхъ философія, во имя своего принципа критики (§ 9, 1), не можетъ признать истинными безъ предварительнаго разбора.

Мало того, вслѣдствіе непосредственнаго распространенія догматическихъ предположеній естествознанія на зна-

§ 13. ніе вообще и отождествленія вещественной природы съ бытіемъ вообще образовалось въ наше время популярное міровоззрѣніе, ссылающееся на изслѣдованія естественныхъ наукъ, но расходящееся существенно съ критическимъ уразумѣніемъ результатовъ этихъ изслѣдованій. Эти популярныя воззрѣнія, истекающія часто изъ злоупотребленія авторитетомъ естественныхъ наукъ, касаются самыхъ важныхъ вопросовъ человѣческаго знанія, его общихъ, умственныхъ и предметныхъ началъ, разрѣшаютъ ихъ съ своей предвзятой точки зрѣнія и такимъ путемъ переходятъ на поприще философіи, не принимая однако во вниманіе ея критическихъ требованій.

Изъ приведеннаго положенія истекаютъ въ наше время, во имя прогресса науки и общаго просвѣщенія, очень важныя задачи какъ для естествоиспытателей, такъ и для философовъ. Задачи эти касаются главнымъ образомъ сближенія и взаимнаго пополненія естествознанія и философіи, какъ самостоятельныхъ наукъ. Въ сознаніи этихъ задачъ многіе изъ авторитетныхъ математиковъ и естествоиспытателей новѣйшаго времени указывали энергично на необходимость подвергнуть предположенія и общіе выводы естествознанія философскому разбору, съ точки зрѣнія критики человѣческаго знанія вообще. Къ ихъ числу принадлежатъ такіе знаменитые изслѣдователи, какъ Лобачевскій, Риманъ, Гельмгольцъ, Людвигъ, Вирховъ, Дю-Буа-Реймондъ, Курно, Буспнэ, Сэнъ-Венанъ, Дельбефъ, Клодъ Бернаръ, Тиндаль, Гексли, Прейеръ, Пфлюгеръ, Бунге и другіе.

Съ другой стороны среди философовъ нашего времени утверждалось все болѣе и болѣе убѣжденіе, что общее міровоззрѣніе, какъ послѣдняя цѣль всякаго философствованія, мыслимо только на основаніи строго научнаго матеріала естествознанія. Убѣжденіе это развилось въ области философіи главнымъ образомъ во второй половинѣ нашего вѣка, какъ возстановленіе принципа опытнаго знанія, высказаннаго въ критической философіи Канта, и сдѣлалос

достояніемъ всѣхъ выдающихся мыслителей новѣйшаго времени, начиная съ Ульрици и Тренделенбурга, Кузена и Поля Жанэ, Гамильтона и Милля и кончая Лотце и Вундтомъ, Тибержіеномъ и Тэномъ, Гербертомъ Спенсеромъ, Бэномъ и др. § 13.

Примѣчаніе I-ое. Положительность математическихъ и естественныхъ наукъ. Терминъ *положительная* наука (scientia exacta) употребляется въ настоящее время въ очень неопредѣленномъ смыслѣ. По своему прежнему значенію этотъ терминъ обозначалъ науки, основывающіяся на строгихъ математическихъ исчисленіяхъ и не допускающія вслѣдствіе этого никакого сомнѣнія въ своихъ выводахъ. Къ нимъ принадлежали, конечно, прежде всего математическія науки, а вслѣдъ за ними и всѣ тѣ науки, которыя, пользуясь математикою, достигаютъ той же самой очевидности, а именно: математическая физика, астрономія и механика. Въ этомъ смыслѣ Кантъ сказалъ, что только примѣненіе математики придаетъ физическимъ наукамъ характеръ истинныхъ наукъ. § 13, 1.

Это отождествленіе математическаго метода съ положительностью науки оказалось однако во многихъ отношеніяхъ не состоятельнымъ.

Во-первыхъ, очевидность и неоспоримость вовсе не свойственны исключительно математикѣ. И логика заключаетъ въ себѣ содержаніе, навязывающееся человѣческому уму такъ непосредственно, что оно не допускаетъ никакого сомнѣнія и должно быть признано положительнымъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Напр., логическіе законы тождества, исключеннаго противорѣчія, достаточнаго основанія и др. (Логика §§ 6 и слѣд.).

Во-вторыхъ, оказалось, что примѣненіе математическаго метода какъ къ приведеннымъ, такъ и ко многимъ другимъ наукамъ, напр. къ химіи, физіологіи, психологіи, не придаетъ ихъ положеніямъ безусловной очевидности, не освобождаетъ ихъ отъ разнородныхъ гипотетическихъ предположеній, но содѣйствуетъ только болѣе точной формулировкѣ соотношенія между нѣкоторыми явленіями, составляющими предметъ изученія этихъ наукъ. Это показываетъ, что математика, съ точки зрѣнія теоріи познанія, имѣетъ въ сущности болѣе формальное, чѣмъ содержательное и предметное значеніе; что она сама по

§ 13, 1. себѣ безъ опытнаго матеріала не приводитъ къ положительному уразумѣнію міра.

Наконецъ, примѣненіе принципа критики къ основнымъ началамъ математики вызвало на поприщѣ самой математики сомнѣнія относительно безусловнаго, слѣдовательно, и положительнаго значенія принятыхъ до сихъ поръ математическихъ ученій.

Извѣстно, что обыкновенная планиметрія и стереометрія основываются главнымъ образомъ на одиннадцатой аксіомѣ евклидовыхъ *Элементовъ*, которая гласитъ, что сумма обоихъ внутреннихъ угловъ, образуемыхъ двумя параллельными линіями, пересѣченными третью прямою, равна двумъ прямымъ угламъ, т. е. 180°. Съ этою аксіомою тѣсно связано положеніе, что сумма трехъ угловъ треугольника равна тоже двумъ прямымъ угламъ. Между тѣмъ знаменитый математикъ Н. И. Лобачевскій подвергъ сомнѣнію безусловность приведенной аксіомы обыкновенной геометріи и сдѣлалъ попытку построить синтетическимъ путемъ новую „воображаемую“ не-евклидову геометрію на основаніи предположенія, что сумма угловъ треугольника $< 180^0$. Объясненіе этого, на первый взглядъ парадоксальнаго предположенія, основывается на цѣломъ рядѣ отвлеченныхъ математическихъ пріемовъ, изложеніе которыхъ лежитъ за предѣлами нашей настоящей задачи (см. впрочемъ ниже *Литературу*). Скажемъ только, что предположеніе Лобачевскаго открыло совершенно новую область математическихъ изысканій. Въ особенности замѣчательно, что такіе выдающіеся ученые, какъ Риманъ и Гельмгольцъ, ссылаясь но не-евклидову геометрію Лобачевскаго, при помощи новыхъ аналитическихъ изслѣдованій, расширили значительно наши воззрѣнія на пространственныя отношенія.

Признавая наше обыкновенное представленіе о пространствѣ въ трехъ измѣреніяхъ лишь однимъ частнымъ случаемъ пространственныхъ отношеній вообще, т. е. евклидову геометрію только спеціальнымъ случаемъ среди другихъ, образующихъ *общую* или *пан-геометрію*, отступающую во многихъ отношеніяхъ отъ евклидовой геометріи, Риманъ и Гельмгольцъ доходили до предположенія о существованіи пространства или вообще величинъ, имѣющихъ не только три измѣренія, принятыя Евклидомъ и всею геометріею послѣ него, въ согласіи съ естественнымъ, обыкновеннымъ воззрѣніемъ на пространство (длину, ширину и высоту), но и *четыре*, *пять*, *шесть* и больше, вообще *n* измѣреній. Правда, что это предположеніе не можетъ

принять въ нашемъ умѣ формы опредѣленнаго пространственнаго представленія, такъ какъ мы можемъ себѣ представить пространство только въ формѣ трехъ измѣреній; но тѣмъ не менѣе предположеніе это *мыслимо* и вызвало совершенно новыя, доселѣ неизвѣстныя математическія, въ особенности геометрическія изысканія, называемыя въ отличіе отъ обыкновенной математики *мета-математикою* и *мета-геометріею* (отъ μετά= послѣ, надъ, слѣдовательно=послѣ или сверхъ-математическія изслѣдованія, по примѣру слова: *метафизика*=то, что слѣдуетъ послѣ физики, или что превышаетъ физику). § 13, 1.

Ясно, что эти мета-математическія изслѣдованія выше упомянутыхъ и многихъ другихъ ученыхъ ослабили безусловную положительность признанныхъ до сихъ поръ въ математикѣ аксіомъ и ученій, указывая на то, что обыкновенная математика не заключаетъ въ себѣ еще самыхъ высшихъ обобщеній и законовъ касательно пространственныхъ и количественныхъ отношеній; что она, напротивъ, составляетъ только одно конкретное видоизмѣненіе среди многочисленныхъ другихъ мыслимыхъ и возможныхъ математическихъ системъ.

На основаніи вышесказаннаго не трудно понять, что взгляды на положительность наукъ подвергались въ новѣйшее время очень замѣтному видоизмѣненію, въ особенности если добавимъ еще и то. что нѣкоторые изслѣдователи познавательныхъ процессовъ, какъ напр., Джонъ Стюартъ Милль и др. утверждали, что основныя аксіомы математики имѣютъ свое начало въ опытѣ, являются результатомъ индуктивнаго обобщенія частныхъ явленій. Изъ этого истекало бы, что начала математики не имѣютъ безусловной обязательной силы, такъ какъ могли бы быть измѣнены на основаніи какого либо неожиданнаго, новаго опыта.

Такимъ образомъ, вмѣсто математическаго исчисленія и вообще чистой математики, многіе признавали началомъ положительности наукъ *опытъ*, изученіе частныхъ явленій, служащее основаніемъ всякихъ научныхъ обобщеній, слѣдовательно, и математическихъ. Притомъ эти ученые требовали только, чтобы опытныя данныя объяснялись съ точки зрѣнія *механическаго* соотношенія явленій, т. е. на основаніи принципа *движенія* составныхъ элементовъ природы, опредѣляющаго *необходимую* зависимость явленій другъ отъ друга.

Къ этому требованію *механическаго* объясненія добытаго *опытомъ* матеріяла знанія, сводилась въ новѣйшемъ естествознаніи вся прежняя математическая положительность на-

§ 13, 1. уки. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ успѣховъ опытныхъ наукъ, эти послѣднія въ глазахъ многихъ изслѣдователей приняли характеръ единственно положительныхъ, въ отличіе отъ наукъ, не основывающихъ своихъ положеній на опытѣ.

Въ этомъ отождествленіи положительности науки съ опытнымъ естествознаніемъ, науки вообще, въ строгомъ смыслѣ этого слова, съ естественною наукою, заключается главная причина распространеннаго довѣрія къ воззрѣніямъ современнаго натурализма. Воззрѣнія эти провозглашаются ихъ представителями какъ безспорные результаты опытнаго разбора частныхъ явленій, какъ послѣднее слово „современной науки," требующее, естественно, безусловнаго признанія со стороны каждаго образованнаго человѣка.

Но и это признаніе *опыта*, въ смыслѣ механическаго естествознанія, единственнымъ источникомъ положительности, безусловной неоспоримости не устояло передъ философскою критикою, примѣняемою къ нему не только философами, но и знаменитѣйшими изслѣдователями на поприщѣ естественныхъ наукъ. Это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ выдающихся естествоиспытателей нашего времени указываютъ, съ одной стороны, на зависимость опыта отъ руководящихъ началъ разума, а съ другой—на ограниченное примѣненіе обыкновенныхъ принциповъ механизма, не способное довести до полнаго и удовлетворительнаго уразумѣнія міра.

И такъ, основываясь на критицизмѣ Канта, Гельмгольцъ дошелъ до убѣжденія, что дѣйствительно исходною точкою всего нашего знанія служитъ опытъ, что при его посредствѣ мы почерпаемъ необходимый матеріалъ знанія: но съ другой стороны, вмѣстѣ съ Кантомъ Гельмгольцъ утверждаетъ, что разработка и уразумѣніе этого матеріала зависятъ отъ законовъ мышленія, присущихъ самому уму, а priori. Только правильное примѣненіе этихъ законовъ къ матеріалу опыта доводитъ насъ до *необходимыхъ* положеній.

На этомъ основаніи Гельмгольцъ называетъ наши чувственныя ощущенія только *символами*, обозначающими реальныя отношенія внѣшняго міра; представленія же о предметахъ, истекающія изъ этихъ ощущеній, становятся для насъ истиною, по его взгляду, только тогда, когда они образованы правильно по законамъ мышленія, и когда мы, при посредствѣ нашихъ дѣйствій, снова можемъ правильно переводить ихъ на языкъ дѣйствительности.

Здѣсь положительность знанія не основывается уже исключительно на математическихъ исчисленіяхъ, и не на одномъ только матеріалѣ опыта, но и на правильной, строго логической разработкѣ этого матеріала, при помощи присущихъ уму законовъ познавательной дѣятельности. § 13. 1.

Придерживаясь подобныхъ же взглядовъ, другіе естествоиспытатели убѣдились, что есть явленія, не подчиняющіяся механизму, что, слѣдовательно, предположенія новѣйшаго естествознанія не составляютъ единственнаго начала уразумѣнія міра.

Такъ, знаменитый физіологъ Людвигъ говоритъ, что изслѣдователь нервныхъ процессовъ впадаетъ сначала легко въ заблужденіе, что область механизма ничѣмъ не ограничена. Но сравнивая вслѣдъ за симъ *умственное* представленіе пространства и характеристическія черты ощущенія съ явленіями движенія въ нервахъ, изслѣдователь доходитъ до сознанія, что за предѣлами нервовъ начинается новая область. И поэтому, по Людвигу, совсѣмъ не удивительно, что приверженцы механической физіологіи согласны въ томъ, что душевная жизнь лежитъ за предѣлами механизма, что ея проявленія не могутъ быть понимаемы на основаніи движенія конечныхъ массъ

Ту же самую мысль о невозможности объяснять душевныя явленія на основаніи господствующихъ предположеній новѣйшаго естествознанія высказываетъ и Вирховъ. Никто, говоритъ онъ въ своей *Патологіи*, не успѣлъ до сихъ поръ доказать, что сознаніе представляетъ аналогію (ein Analogon) съ механическимъ процессомъ. Вслѣдствіе этого, Вирховъ отвергаетъ теорію, объясняющую душевную жизнь съ точки зрѣнія матеріализма и говоритъ прямо: „Никогда не существовала философія, которая была бы болѣе идеалистическою, нежели современное естествознаніе.“

Еще далѣе идетъ Дю-Буа-Реймонъ въ своихъ общеизвѣстныхъ рѣчахъ: *О предѣлахъ познанія природы* и *О семи загадкахъ міра*. Возвращаясь къ положенію Канта, что естественныя науки становятся науками, въ строгомъ смыслѣ этого слова, только вслѣдствіе примѣненія къ ихъ изслѣдованіямъ математики, Дю-Буа ограничиваетъ безусловно научность и положительность естествознанія механикою атомовъ. Научное познаніе природы, т. е. вещественнаго міра (Körperwelt), говоритъ онъ, есть сведеніе процессовъ природы (Naturvorgänge) къ механикѣ атомовъ. Но такое познаніе доступно для человѣка, по Дю-Буа, въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Прежде всего потому, что оно основывается на предположеніи объ исключи-

§ 13, 1. тельномъ господствѣ въ природѣ однихъ только количественныхъ отношеній и о дѣлимости атомовъ до безконечности, тогда какъ это предположеніе доводитъ до противорѣчій и не можетъ быть развито съ полною послѣдовательностью. Это первый предѣлъ научнаго естествознанія.

Второй заключается въ томъ, что фактическія явленія сознанія не могутъ быть объяснены на основаніи своихъ матеріальныхъ условій, и не по недостатку только нашихъ настоящихъ знаній, но и потому, что они, по существу своему, вообще необъяснимы съ точки зрѣнія матеріальныхъ данныхъ. Если бы мы, говоритъ Дю-Буа, и достигли самаго точнаго познанія мозга и его процессовъ, если бы и удалось представить самую совершенную механику мозга, настолько точную какъ механика неба, то мы во всякомъ случаѣ имѣли бы передъ собою только движущуюся матерію, отъ которой нѣтъ никакого перехода въ область сознанія. Душевныя явленія остались бы и тогда совершенно не понятными, оттого что мы никакъ не можемъ понять, почему извѣстная комбинація атомовъ углерода, водорода, азота, кислорода и т. д. не остается равнодушною къ своему положенію и къ своимъ движеніямъ, но воспринимаетъ свои механическія видоизмѣненія въ формѣ пріятныхъ или непріятныхъ, вообще въ формѣ сознательныхъ состояній. Механизмъ находится, слѣдовательно, въ существенномъ противорѣчіи съ явленіями душевной жизни, и поэтому эти явленія должны быть признаны какъ лежащія разъ на всегда за предѣлами научныхъ изслѣдованій механическаго естествознанія.

Подобные взгляды высказали одновременно съ Дю-Буа-Реймономъ и другіе знаменитые естествоиспытатели.

Клодъ Бернаръ, изучая задачи физіологіи и основныя явленія жизни, доходитъ до заключенія, что, хотя мы не способны вникнуть въ сущность жизни, въ ея первичныя начала, тѣмъ не менѣе должны сознаться въ томъ, что въ каждомъ явленіи жизни дѣйствуютъ двѣ причины: одна творческая, законодательная и руководящая (cause créatrice, législative et directrice de la vie), вторая причина ближайшая или исполнительная (cause prochaine ou exécutive du phénomène vital). Только эта послѣдняя имѣетъ характеръ физико-химическій и подчинена механическому детерминизму. Согласно съ этимъ Бернаръ и опредѣляетъ жизнь какъ руководящую идею или силу, развивающую существо (la vie est l'idée directrice ou la force évolutive de l'être) и требуетъ, чтобы въ каждой функціи живого тѣла различена была сторона идеальная отъ матеріаль-

ной. Первая относится къ единству плана и устройства организма, вторая же касается механическихъ свойствъ живой матеріи. Первую сторону изслѣдуютъ *метафизическія* науки; послѣднюю—*физіологическія*. Противорѣчія между этими науками быть не можетъ потому, что онѣ изучаютъ только противоположныя стороны одного и того же предмета. § 13, 1.

Тиндаль оспариваетъ энергично всякую возможность перехода отъ механическихъ процессовъ молекулярнаго движенія въ мозгу къ явленіямъ сознанія. Если бы мы даже могли видѣть молекулы мозга, ихъ движенія, группировки, проникающіе ихъ электрическіе токи и т. п., говоритъ Тиндаль, то и тогда мы ничего не знали бы о связи этихъ процессовъ съ фактами сознанія, не понимали бы какимъ образомъ изъ движенія атомовъ, подчиненнаго механическимъ законамъ, возникаютъ ощущенія, мысли и страсти. Матеріалистъ правъ, когда утверждаетъ, что развитіе тѣла есть процессъ механическій, что мышленіе сочетается съ извѣстными физическими процессами въ мозгу. Но онъ не имѣетъ основанія утверждать, что его группировки молекуловъ и его молекулярныя движенія способны все объяснить. Напротивъ, они въ сущности ничего не объясняютъ.

Гёксли, соглашаясь съ Декартомъ, признаетъ откровенно, что мы имѣемъ болѣе точное знаніе о духѣ, чѣмъ о тѣлѣ, и допускаетъ несомнѣнное существованіе сверхчувственной субстанціи (immaterial substance). Согласно съ этимъ, онъ въ своемъ *Введеніи въ науку* различаетъ двѣ разныя группы предметовъ знанія. матеріальные, или физическіе, и нематеріальные, или умственные.

Съ другой стороны, нѣкоторые французскіе математики, какъ Курно, Бусинэ, Сенъ-Венанъ и др., совершенно независимо отъ взглядовъ приведенныхъ изслѣдователей, стремились доказать, что основныя начала математики, въ особенности дифференціальнаго исчисленія, примѣняемаго къ механикѣ, вовсе не влекутъ за собою идеи о безусловной необходимости міровыхъ процессовъ; напротивъ, они вполнѣ совмѣстимы съ признаніемъ руководящаго начала (principe directeur), обозначающаго направленіе движеній какъ міровыхъ процессовъ вообще, такъ и въ особенности процессовъ, производящихъ дѣйствія человѣка. Равнымъ образомъ, извѣстный математикъ и психологъ Дельбефъ указываетъ на совмѣстимость свободы съ законами механики, приписывая существамъ, одареннымъ свободною волею, способность замедлять или ускорять во времени замѣну свойственныхъ имъ напряженныхъ силъ въ силы живыя, актив-

§ 13, 1. ныя (Les êtres libres auraient la faculté de retarder ou d'avancer la transformation en force vive des forces de tention dont ils sont le support). Такимъ образомъ, воля наша имѣетъ возможность задержать или ускорить время (suspendre ou précipiter le temps), управлять имъ безъ малѣйшаго измѣненія количества всеобщей энергіи. Въ этомъ и заключается ея свобода.

На этихъ основаніяхъ Поль Жанэ противопоставляетъ такъ называемой теоріи детерминизма, отрицающей свободу воли, теорію *механическаго индетерминизма*, доказывающую съ точки зрѣнія механики возможность свободной воли. А этимъ подтверждается снова положеніе о слишкомъ узкомъ примѣненіи обыкновенныхъ принциповъ механизма къ уразумѣнію дѣйствительныхъ міровыхъ фактовъ.

Въ виду всего этого физіологъ Прейеръ, подвергая вновь разбору задачи естествознанія и начала его положительности, развиваетъ далѣе взгляды Гельмгольца и высказываетъ убѣжденіе, что механизмъ вовсе не объясняетъ явленій природы, что при его помощи мы можемъ въ самомъ лучшемъ случаѣ подвергнуть исчисленію матеріальныя начала явленій, но это не доводитъ насъ до ихъ пониманія и уразумѣнія. Истинная задача естествознанія заключается напротивъ, по Прейеру, въ трехъ слѣдующихъ моментахъ:

Во 1-ыхъ, констатированіе естествоиспытательныхъ *фактовъ* (naturwissenschaftliche Thatsachen). Къ нимъ Прейеръ причисляетъ тѣ факты, которые имѣютъ свойство повторяемости (Wiederholbarkeit); между тѣмъ какъ факты историческіе не повторяемы (напр., факты: Колумбъ открылъ Америку, Брутъ убилъ Цезаря и т. п.).

Во 2-хъ, выводъ *общихъ законовъ* изъ естествоиспытательныхъ фактовъ. Законы (Gesetze) отличаются, по Прейеру, отъ простыхъ правилъ (Regeln) тѣмъ, что они не ограничиваются опредѣленіемъ фактическихъ соотношеній явленій, но указываютъ уже на причины этихъ соотношеній. Такое же опредѣленіе причинъ соотношенія явленій посредствомъ законовъ лежитъ уже за предѣлами опыта, имѣетъ характеръ ан-эмпирическій. Законъ не есть частное явленіе, но произведеніе ума, первоначально фантазіи и вѣры, а въ послѣдствіи, въ наукѣ, *критическаго* разума, опредѣляющее причину явленій. Какъ умственное произведеніе, законъ подвергается, естественно, требованіямъ умственной дѣятельности и онъ становится для насъ понятнымъ только тогда, когда содержаніе его сводится къ основнымъ формамъ человѣческаго познанія вообще (Grundfor-

men menschlicher Erkenntniss), т. е. къ представленіямъ пространства и времени и къ логическимъ началамъ ума, обусловливающимъ собою, какъ показалъ Кантъ, чувственныя ощущенія и всякую вообще возможность опыта. § 13, 1.

Изъ этого, по мнѣнію Прейера,—истекаетъ послѣдняя задача естествознанія, т. е.

въ 3-хъ, *доказательство* необходимости признанныхъ наукою законовъ природы. Доказательство это основывается на природныхъ свойствахъ нашей умственной дѣятельности. Все то признается нами необходимымъ, слѣдовательно и положительнымъ, что является ясно сознаннымъ результатомъ этихъ свойствъ умственной дѣятельности. Пока законы природы оказываются невыводимыми изъ началъ умственной дѣятельности, до тѣхъ поръ ихъ содержаніе представляется намъ какъ нѣчто внѣшнее, непонятное; до тѣхъ поръ ничто не мѣшаетъ намъ допустить возможность измѣненія этихъ законовъ. Они становятся для нашего ума неизмѣняемыми и необходимыми только вслѣдствіе вывода ихъ содержанія изъ основныхъ свойствъ нашего ума (см. выше § 12, 2, стр. 116). Въ концѣ концовъ однако и такое уразумѣніе необходимости законовъ природы, даетъ намъ, по Прейеру, только отвѣтъ на вопросъ: почему? но не на вопросъ: для чего? т. е. объясняя *причины* явленій природы, не объясняетъ однако ихъ *цѣли*. Этотъ послѣдній вопросъ лежитъ уже, по мнѣнію этого ученаго, за предѣлами естествознанія.

Здѣсь замѣтимъ, что такой самостоятельный изслѣдователь на поприщѣ физіологіи, какъ Пфлюгеръ недовольствовался такимъ безусловнымъ отрицаніемъ возможности уразумѣнія *цѣлей* природы, но признавая несостоятельность господствующаго воззрѣнія на механизмъ, указалъ на необходимость принять во вниманіе неоспоримые факты, доказывающіе *цѣлесообразность* въ явленіяхъ природы. Въ этихъ видахъ онъ написалъ особое сочиненіе *О цѣлесообразной механикѣ живой природы*, въ которомъ онъ доказываетъ, что основною *цѣлью* всѣхъ процессовъ въ живомъ организмѣ служитъ *благосостояніе* животнаго (Wohlfahrt des Thieres), т. е. что безконечное число жизненныхъ явленій находится подъ господствомъ однаго руководящаго начала, заключающагося въ *цѣлесообразнѣйшемъ обезпеченіи существованія организма* (Princip der zweckmässigsten Sicherung der Existenz). Согласно съ этимъ принципомъ Пфлюгеръ доходитъ до опредѣленія основного закона цѣлесообразной механики жизни, по которому *при-*

§ 13, 1. *чина всякой потребности живаго существа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и причина удовлетворенія этой потребности* (Die Ursache jeden Bedürfnisses eines lebendigen Wesens ist zugleich die Ursache der Befriedigung des Bedurfnisses). Благодаря этому воззрѣнію, механизмъ пересталъ быть единственнымъ и самымъ высшимъ принципомъ природы, а сдѣлался только *средствомъ* для осуществленія ея *цѣлей*. Вслѣдствіе чего и уразумѣніе природы не можетъ уже ограничиваться однимъ опредѣленіемъ механическаго соотношенія явленій, но должно по возможности вникать въ доступныя для насъ цѣли природы и ея развитія.

Такимъ образомъ не удивительно, что въ новѣйшее время даже въ учебникахъ по наукамъ, касающимся жизненныхъ процессовъ организма, указывается прямо на несостоятельность принциповъ механизма при объясненіи явленій жизни. Такъ напр. авторъ новѣйшаго учебника физіологической и патологической химіи, проф. этого предмета Г. Бунге доказываетъ, что наши внутреннія состоянія, вызванныя процессами жизни, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ механизмомъ, что къ объясненію даже самыхъ простыхъ процессовъ жизни не примѣнимы предположенія механики, такъ какъ здѣсь обнаруживаются явленія своеобразныя, которыя не могутъ быть сведены къ однимъ только началамъ механическаго движенія. „Какъ въ наукѣ объ обмѣнѣ веществъ, говоритъ Бунге, точно такъ и въ остальныхъ частяхъ физіологіи не удалось до сихъ поръ свести какое либо жизненное явленіе къ законамъ физическимъ и механическимъ.“ Загадка жизни, продолжаетъ онъ, заключается въ *дѣятельности* (Activität); понятіе же о дѣятельности не выводимо изъ механическаго движенія, доступнаго для нашихъ внѣшнихъ чувствъ; оно образуется только при помощи самонаблюденія и указываетъ на необходимость объяснять явленія жизни не механически, а *психологически*. Знаменитый физіологъ Іоаннъ Мюллеръ защищалъ въ своей докторской диссертаціи положеніе: „Psychologus nemo nisi physiologus“. Прійдетъ время, замѣчаетъ Бунге, когда противоположное положеніе: „Physiologus nemo nisi psychologus“, не будетъ уже нуждаться въ защитѣ. Теорія механизма въ сущности является матеріализмомъ и истекаетъ вмѣстѣ съ нимъ изъ ложнаго стремленія объяснять извѣстныя намъ непосредственно внутреннія состоянія нашего сознанія при помощи неизвѣстныхъ намъ явленій внѣшняго міра. Между тѣмъ истинное познаніе возможно только на основаніи объясненія неизвѣстныхъ намъ явленій внѣшняго міра при помощи извѣстныхъ намъ явленій нашего сознанія (см. выше § 4, 1 и 12, 2).

Все сказанное до сихъ поръ о положительности науки вообще и въ особенности о математическихъ и естественныхъ наукахъ, приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: § 13, 1.

1) Предположенія какъ математики, такъ и естествознанія могутъ быть признаны безспорными началами положительнаго познанія вещей только на основаніи предварительнаго критическаго разбора ихъ содержанія.

2) По мнѣнію знаменитыхъ естествоиспытателей нашего времени, господствующее въ опытномъ естествознаніи предположеніе о механическомъ соотношеніи явленій природы не объясняетъ надлежащимъ образомъ этихъ явленій и въ особенности не въ состояніи объяснить явленій жизни, и поэтому возникаетъ необходимость видоизмѣнить это предположеніе, или пополнить оное новыми началами.

3) Разъясненіе всѣхъ приведенныхъ недоразумѣній и вопросовъ касательно основныхъ началъ естествознанія не составляетъ предмета опредѣленной частной естественной науки, но входитъ въ сферу *философіи*, какъ науки о всеобщихъ, умственныхъ и предметныхъ началахъ знанія, объясняющей частныя явленія міра съ точки зрѣнія этихъ началъ (§ 8).

Литература. 1). На значеніе математики для естественныхъ наукъ указываетъ Кантъ въ предисловіи къ соч. *Metaphysische Anfangsgrunde der Naturwissenschaft*, 1786 (§ 9, 1 *Лит.*).

Относительно литературной разработки *пангеометріи* и *мета-математики*, вообще *философіи математики*, нужно замѣтить слѣдующее

Исходною точкою всѣхъ новѣйшихъ изысканій по этому предмету служатъ: 1) примѣненіе Декартомъ математическаго анализа къ геометрическимъ изслѣдованіямъ, вмѣсто нагляднаго построенія геометріи по методу Евклида (см. *Геометрію* Декарта въ его *Essays philosophiques*, 1637), 2) сочин. Newton'a, *Naturalis philosophiae principia mathematica*, 1687 (послѣднее изд 1872); 3) Канта, *Критика чистаго разума* (§ 9, 1 *Лит.*), гдѣ въ первой части разсматривается вопросъ какимъ образомъ возможна чистая математика (wie ist reine Mathematik moglich)?, и наконецъ, 4) Gauss'a, *Disquisitiones generales circa superficies curvas*, 1828 (*Werke*, 1863 и слѣд.), имѣющія предметомъ опредѣленіе такъ называемой *мѣры кривизны* поверхности (mensura curvaturae) и доводящія до заключенія о возможности существованія не только плоскаго пространства съ мѣрою кривизны=0, въ которомъ перемѣщеніе тождественныхъ тѣлъ возможно, но и не плоскаго пространства съ мѣрою кривизны отъ 0 до + 1 и отъ 0 до — 1, въ которомъ перемѣщеніе тождественныхъ тѣлъ не возможно безъ измѣненія ихъ формъ (евклидово и не-евклидово, эмпирическое и воображаемое пространство).—По поводу этихъ данныхъ см. L. Liard, *La méthode de Descartes et la mathématique universelle*, въ *Revue philosophique* Рибо, 1880, кн. X, стр. 569 а слѣд. Далѣе: K. Dietrich, *Kant u. Newton*. 1877. Что же касается до приведенныхъ изслѣдова-

§ 13, 1 ній Гаусса, то слѣдуетъ замѣтить, что уже Кантъ указалъ на противорѣчіе въ нашемъ обыкновенномъ воззрѣніи на пространство, обнаруживающееся въ невозможности безусловнаго перемѣщенія двухъ симметрическихъ предметовъ, вполнѣ одинаковыхъ во всѣхъ частяхъ и по размѣрамъ и по качеству. Такъ напр перчатка одной руки не можетъ быть надѣта на другую, или разница между рукою въ зеркалѣ и дѣйствительною. Кантъ выводитъ изъ этого различіе между *эмпирическимъ* пространствомъ и пространствомъ *абсолютнымъ* или *чистаго разума*.

Н. И. Лобачевскій, *О началахъ геометріи*, въ *Казанскомъ Вѣстникѣ*, 1829 г. *Новыя начала геометріи*, въ *Ученыхъ запискахъ*, издаваемыхъ въ Казани 1835, 1836 и 1837 г. Полное собраніе сочиненій Лобачевскаго, Казань, 1885 и слѣд. См. его же: *Imaginäre oder antieuklidische Geometrie* въ A. L. Crelle's, *Journal fur die reine u. angewandte Mathematik*, 1837; далѣе *Geometrische Untersuchungen zur Theorie der Parallellinien*. 1840. Новое изд. 1887. Основаніе приведеннаго предположенія „воображаемой“ не евклидовой геометріи Лобачевскаго, по представленію А. Бутлерова (см. его интересную статью *Четвертое измѣреніе пространства*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1878 г. стр. 945 и слѣд.), заключается въ слѣдующихъ соображеніяхъ. „Такъ какъ двѣ параллельныя прямыя вмѣстѣ съ заключеннымъ между ними отрѣзкомъ пересѣкающей ихъ прямой могутъ быть разсматриваемы какъ стороны треугольника, изъ которыхъ двѣ безконечно длинны, и въ такой треугольникъ постепенно черезъ непрерывный рядъ измѣненій можетъ перейти всякій треугольникъ, если удалять вершинную точку одного изъ его угловъ отъ противолежащей стороны, то подлежать сомнѣнію будетъ и то основное положеніе обыкновенной геометріи, что сумма всѣхъ угловъ въ плоскостномъ треугольникѣ равна двумъ прямымъ.“ Въ этой же статьѣ Бутлерова приводятся слова упомянутаго знаменитаго математика Гаусса о новой геометріи Лобачевскаго. Въ письмѣ къ своему другу Шумахеру Гауссъ пишетъ слѣдующее: „Недавно мнѣ случилось просмотрѣть снова книжку Лобачевскаго“ (приведенныя выше *Geometrische Untersuchungen*). „Она заключаетъ въ себѣ, основанія той геометріи, которая должна существовать, если евклидова геометрія не есть истинная. Швейгардъ назвалъ такую геометрію *астральною*“ (вслѣдствіе примѣровъ, почерпаемыхъ изъ астрономіи) „а Лобачевскій *воображаемою*. Вы знаете, что уже 54 года я держусь подобныхъ же убѣжденій. Дѣйствительно новаго въ книжкѣ Лобачевскаго для меня поэтому нѣтъ; но онъ проложилъ къ своимъ выводамъ путь отличный отъ указаннаго мною и сдѣлалъ это мастерски въ духѣ истиннаго геометра Я считаю долгомъ обратить ваше вниманіе на эту книжку, которая доставитъ вамъ истинное наслажденіе.“

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что одновременно съ Лобачевскимъ J. Bolyai, австрійскій инженеръ-капитанъ, развилъ свою „абсолютную науку о пространствѣ, независимую отъ истины или лжи XI-ой аксіомы Евклида.“ См. его *Werke*, 1832. Appendix.

B. Riemann, *Ueber die Hypothesen, welche der Geometrie zu Grunde liegen*. Изслѣдованіе это написано еще въ 1854 г. но напечатано только послѣ смерти автора въ *Abhandlungen der k. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen*, Т. 13. 1868, стр. 133 и слѣд. Риманъ поставилъ себѣ здѣсь задачу разъяснить понятіе о величинѣ съ n измѣреніями и стремится при помощи математическаго анализа показать, что *пространство* только одинъ частный случай величины съ тремя измѣреніями.

§ 13, 1.

H. Helmholtz, *Ueber die thatsächlichen Grundlagen der Geometrie*, въ *Heidelberger Jahrbucher der Literatur*, 1866, N. 46 и 47. Его же *Ueber die Thatsachen, die der Geometrie zu Grunde liegen*, въ *Nachrichten von der k. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen*. 1868, N. 9. Оба разсужденія перепечатаны въ Гельмгольца *Wissenschaftliche Abhandlungen*, T. II, 1873, стр. 610 и слѣд. Его же *Ueber den Ursprung u. die Bedeutung geometrischer Axiome* въ *Populär-wissenschaftliche Vortrage*, 1876, выпускъ III, стр. 1 и слѣд. Поучительную полемику Гельмгольца съ англійскимъ проф Land'омъ по поводу послѣдняго разсужденія см. въ журналѣ *Mind* за 1878 г. Въ своемъ отвѣтѣ, помѣщенномъ тоже въ *Wiss. Abhandlungen*, T. II, стр. 640 и слѣд., Гельмгольцъ доказываетъ, что хотя пространство есть трансцендентальная форма нашего представленія, т. е. форма *a priori* въ смыслѣ Канта, тѣмъ не менѣе геометрическія аксіомы Евклида имѣютъ характеръ эмпирическій. Онѣ происходятъ отъ примѣненія апріорныхъ формъ къ данному матеріалу опыта. (Also sind die Euklidischen Axiome... nur ein durch unsere Sinneserfahrung erzeugter Inhalt der apriorischen Raumform). Сюда относится и университетская рѣчь Гельмгольца: *Die Thatsachen in der Wahrnehmung*. 1879. Русскій переводъ: *Факты въ воспріятіи*. 1880. Равнымъ образомъ замѣчательно новѣйшее разсужденіе Гельмгольца по математическимъ вопросамъ: *Zahlen u. Messen*, въ *Philosophische Aufsatze*, изданныя нѣкоторыми учеными въ память докторскаго юбилея Эдуарда Целлера, 1887, стр. 15 и слѣд. Важны тоже соотвѣтственныя замѣчанія Гельмгольца о пространственныхъ представленіяхъ въ его знаменитомъ соч. *Physiologische Optik*. 1867. 2-ое изд 1886. См. въ особенности предисловіе.— Въ приведенной выше университетской рѣчи *О воспріятіи*, Гельмгольцъ характеризируетъ вкратцѣ мета-математическія изслѣдованія слѣдующими словами (см. русскій переводъ, стр. 29 и слѣд.): „Понятіе о тѣхъ пространственныхъ формахъ, которыя не соотвѣтствуютъ обыкновенному нашему созерцанію, можетъ быть вѣрно развито только посредствомъ аналитической геометріи. Въ 1828 г. Гауссъ въ своемъ сочиненіи о кривизнѣ поверхностей впервые предложилъ для этой цѣли аналитическія вспомогательныя средства, которыми воспользовался Риманъ для построенія послѣдовательной и логически возможной системы геометріи. Эти изслѣдованія были довольно удачно названы мета-математическими. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что уже Лобачевскій (1829—1840) помимо законовъ параллельныхъ линій, построилъ обыкновеннымъ наглядно-синтетическимъ путемъ геометрію, которая вполнѣ согласуется въ своихъ результатахъ съ соотвѣтствующей частью новѣйшихъ аналитическихъ изслѣдованій. Наконецъ, Бельтрами предложилъ методъ изображенія мета-математическихъ фигуръ въ частяхъ евклидова пространства, благодаря которому мы довольно легко можемъ опредѣлить въ перспективѣ ихъ видъ и форму. Липшицъ показалъ возможность примѣненія общихъ принциповъ механики къ такимъ пространствамъ."—Объ отношеніи Гельмгольца къ Канту, см. Schwerdtlage, *Kant u. Helmholtz*. 1883.

Добавимъ здѣсь, что знаменитый физикъ G. Th. Fechner († 1887), основатель психофизики, еще въ 1846 г., слѣдовательно раньше Римана и Гельмгольца, подъ псевдонимомъ Д-ра Мизесъ написалъ юмористическую статью: *Der Raum hat vier Dimensionen*, гдѣ онъ объясняетъ популярно это положеніе на основаніи фикціи о *двумѣрномъ* существѣ, т. е. о существѣ, имѣющемъ представленіе только о плоскомъ пространствѣ. Такое существо не могло бы понять нашей геометріи, основанной на трехмѣрномъ пространствѣ, равно какъ мы неспособны понять четырехмѣрнаго пространства. См. Д-ръ

§ 13, 1. Mises, *Vier Paradoxa.* 1846. Перепечатано въ его *Kleine Schriften*, 1875, стр. 260 и слѣд.

Милль разсматриваетъ индуктивныя, эмпирическія начала математики особенно въ кн. II, гл 5 и въ кн III, гл 24, своей *Логики*. См. тоже приведенныя уже (§ 7, 2 *Лит.*) *Problems* Льюиса, Т. I, гл. 14: *Математика—эмпирическая наука.* Сюда относится. L Liard, *Des définitions géometriques et des définitions empiriques.* Новое изд. 1888. Авторъ разсматриваетъ всесторонне и основательно вопросъ о происхожденіи математическихъ положеній, принимая во вниманіе и не-евклидову геометрію Лобачевскаго.

Кромѣ приведенныхъ изслѣдованій, изъ богатой мета-математической литературы замѣчательны главнымъ образомъ еще слѣдующія сочиненія:

J. Hoüel перевелъ въ 1866 г. разсужденіе Лобачевскаго о теоріи параллельныхъ линіи на французскій языкъ и самъ издалъ соч.: *Essai critique sur les principes fondamentaux de la géométrie élementaire ou commentaire sur les XXXII premièrs propositions des Eléments d'Euclide.* 1867

E. Beltrami, *Saggio di interpretazione della geometria non Euclidea.* 1868. О немъ упоминаетъ Гельмгольцъ въ приведенномъ выше мѣстѣ.

J. J. Baumann, *Ueber die Lehren von Raum, Zeit u. Mathematik in der neueren Philosophie.* T. I. 1868. T II. 1869.

J. K. Becker, *Abhandlungen aus dem Grenzgebiete der Mathematik u. Philosophie* 1870. Его же *Die Elemente der Geometrie auf neuer Grundlage.* 1877.

J. Frischhauf, *Absolute Geometrie nach Bolyai.* 1872.

Zollner, *Ueber die Natur der Cometen* (§ 12, 3 *Лит.*), 1872, стр. 298 и слѣд. Его же *Wissenschaftl. Abhandlungen.* 2 тома. 1878.

O. Liebmann, *Zur Analysis der Wirklichkeit.* 1876. 2-ое изд. 1880. См. въ особенности главу: *Die Phänomenalität des Raumes.*

Rudel, *Von den Elementen u. Grundgebilden der synthetischen Geometrie.* 1877. Авторъ указываетъ наглядно на пространственныя воззрѣнія предполагаемыхъ *двумѣрныхъ, трехмѣрныхъ, четырехмѣрныхъ* существъ.

B. Erdmann, *Die Axiome der Geometrie. Eine Untersuchung der Riemann-Helmholtzschen Raumtheorie.* 1877. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ очень поучительное историческое обозрѣніе всего вопроса.

J. M. de Tilly, *Essai sur les principes fondamentaux de la géométrie et de la mécanique.* 1879. Объ этомъ соч. упомянутый выше переводчикъ Лобачевскаго Гуэль, говоритъ: „Lobatschefsky, le premier révélateur de cette doctrine, a été dépassé. Nous croyons, que les conceptions de M. de Tilly ne seront pas dépassées de sitôt.“ Геометрію Римана Тилли называетъ *doublement abstraite* и противопоставляетъ ее геометріи Гаусса какъ *simplement abstraite.* Евклидова же геометрія имѣетъ характеръ конкретный.

A. Donadt, *Das mathematische Raumproblem u. die geometrischen Axiome.* 1881.

J. B. Stallo, *The concepts and theories of modern physics.* 1882. См. въ особенности гл. XIV: *Metageometrical space in the light of modern analysis.* Критика Римана.

W. Wundt, *System der Philosophie* (§ 1, 3 *Лит.*), 1889. Стр. 190 и слѣд. *Mathematische Transcendenz.*

Всестороннее и систематическое изложеніе философіи математическихъ наукъ, съ критическимъ разборомъ взглядовъ Лобачевскаго, Римана, Гельмгольца и ихъ послѣдователей, заключаетъ въ себѣ соч. O. Schmitz-Dumont, *Die mathematischen Elemente der Erkenntnisstheorie. Grundriss einer*

Philosophie der mathematischen Wissenschaften 1878. См. въ особенности стр. 119 и слѣд. и 434 и слѣд. § 13, 1.

Въ русской философской литературѣ, кромѣ приведенной выше статьи А. Бутлерова о четвертомъ измѣреніи, В. Лесевичъ излагаетъ этотъ предметъ очень ясно и довольно обстоятельно въ своемъ критическомъ изслѣдованіи позитивной философіи (§ 2, 2 *Лит.*), стр. 272—286. — Очень поучительно въ этомъ отношеніи тоже соч. А. Козлова, *Генезисъ теоріи пространства и времени Канта.* 1884.

Съ философіею математики находится въ тѣсной связи и *математическая логика* (Boole, De Morgan, Jevons, Порѣцкій и др.), о которой будетъ рѣчь при особомъ разсмотрѣніи логики въ энциклопедіи философскихъ наукъ.

2). Здѣсь приведемъ и сочиненія французскихъ математиковъ, служащія основаніемъ *механическаго индетерминизма.* Изслѣдованія этого рода въ сравненіи съ вышеприведенными мета-геометрическими, можно назвать *мета-механическими.*

Исходною точкою для этихъ изслѣдованій послужило соч. Cournot *Traité de l'enchaînement des idées fondamentales dans les sciences et dans l'histoire* 2 тома. 1861. Курно имѣлъ въ виду изложить въ этомъ соч. *высшую логику* (logique supérieure), истекающую изъ идеи порядка (l'idée de l'ordre). Основываясь на математическихъ пріемахъ, онъ разсматриваетъ порядокъ, обнаруживающійся какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ явленіяхъ органической и общественной жизни, съ точки зрѣнія *механики.* Но во всѣхъ формахъ механическихъ соотношеній, принимающихъ характеръ постоянства и порядка, Курно находитъ дѣятельность особаго *руководящаго начала* (influence directrice, cause coordinatrice et directrice, action dirigeante, maîtresse idée), которое, недобавляя ничего къ элементамъ механическимъ, вліяетъ однако на ихъ направленіе и соотношеніе и придаетъ имъ характеръ стройности и порядка. См. въ особенности Т. I, кн. I, гл. 5 и 6. Кн. II, гл. 2. Кн. III, гл. 4 и др.

J. Boussinesq, *Sur la conciliation de la liberté morale avec le déterminisme scientifique*, въ *Comptes rendus des séances de l'Académie des sciences.* Т. 84, 1877, стр. 362 и слѣд. Авторъ стремится показать, что руководящее начало (principe directeur), наше сознательное Я (le moi) необходимо для перехода отъ одной системы интеграловъ къ другой, и что съ этой точки зрѣнія свобода пополняетъ детерминизмъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ физическіе законы не могутъ служить основаніемъ для вывода будущаго изъ настоящаго, для начертанія опредѣленной послѣдовательности явленій (La liberté ne limite pas le déterminisme: elle ne fait que le compléter dans des cas où les lois physiques, tout en s'observant pleinement sont impuissantes à déduire l'avenir du présent, à tracer aux phénomènes une voie complétement fixée). Въ оправданіе своихъ взглядовъ Буссинэ между прочимъ ссылается и на соч. Claude Bernard'a, *Rapport sur les progrés et la marche de la physiologie géneral en France.* 1867, стр. 223 и 233.

Saint-Venant, *Accord des lois de la mécanique avec la liberté de l'homme dans son action sur la matière*, въ приведенныхъ выше *Comptes rendus*, стр. 419 и слѣд. Авторъ пополняетъ выводы Буссинэ и показываетъ, что ни одинъ изъ законовъ механики не нарушаетъ предположенія свободы человѣка. Работа механическая, вызывающая первоначально переходъ отъ напряженнаго состоянія энергіи къ активному, приближается къ нулю; можно, слѣдовательно,

§ 13, 1. предполагать, что при непосредственной связи субъекта со своимъ органомъ (души съ тѣломъ) приведенный переходъ совершается безъ всякой механической работы.

J. Delboeuf, *La liberté démontrée par la mécanique.* См *Revue philosophique.* 1882

Paul Janet выводитъ изъ изслѣдованій приведенныхъ математиковъ свой взглядъ на *механическій индетерминизмъ*, въ *Comptes rendus de l'Académie des sciences morales et politiques*, T IX, 1878, стр. 696 и слѣд. См. тоже его *Les causes finales.* Изд. 2-ое 1882. Кн I, гл. 6. *Механизмъ и цѣлесообразность.* Русскій переводъ 1-аго изд. Д. В. Поспѣхова. 1878.

Всестороннее и вмѣстѣ съ тѣмъ критическое разсмотрѣніе приведенныхъ взглядовъ на механизмъ заключаетъ въ себѣ соч. Alf. Fouillée, *La liberté et le déterminisme.* 1884. См. въ особенности часть II, кн. I, гл 5. *Механическій индетерминизмъ.*

3). Критика другихъ предположеній естествознанія со стороны современныхъ естествоиспытателей представляется главнымъ образомъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

H. Helmholtz еще въ лекціи *Ueber die Natur der menschl. Sinnesempfindung*, 1852, доказываетъ, что чувственныя ощущенія только *символы* для отношеній дѣйствительности (nur Symbole fur Verhaltnisse der Wirklichkeit). Они не больше похожи на дѣйствительность, чѣмъ имя человѣка на самаго человѣка Съ дѣйствительною природою обозначаемыхъ ими внѣшнихъ отношеній они знакомятъ насъ стольже мало, какъ имя съ незнакомыми людьми и городами (Ueber die wirkliche Natur der durch sie bezeichneten ausseren Verhaltnisse erfahren wir durch sie ebenso wenig, wie aus dem Namen uber die unbekannten Menschen und Städte).—Выводы изъ этихъ воззрѣній высказываются въ сжатомъ видѣ, но очень наглядно и поучительно въ приведенной выше рѣчи Гельмгольца *О фактахъ въ восприятіи.* „Мы можемъ, говоритъ онъ, признать реалистическое воззрѣніе необыкновенно пригодною и точною гипотезою; но мы не должны приписывать ему необходимой истинности, такъ какъ рядомъ съ нимъ возможны еще другія, стольже трудно опровержимыя *идеалистическія* гипотезы."

Ludwig, *Rede beim Beginn der neuen physiologischen Anstalt in Leipzig* 1869.

Virchow, *Cellularpathologie.* 4-ое изд. 1871. Стр. 348 „Кто, спрашиваетъ здѣсь Вирховъ, въ состояніи представить электрическую конструкцію инстинкта, или даже разума, или даже доказать аналогію сознанія съ механическимъ процессомъ (das Bewusstsein als ein Analogon eines mechanischen Vorganges nachweisen)? Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ многіе не обращаютъ надлежащаго вниманія на трудности, обнаруживающіяся въ частности, и довольствуются обобщеніемъ частныхъ опытовъ." Въ своихъ *Vier Reden über Leben u Kranksein*, 1862, стр. 22, Вирховъ говоритъ: „Man will den Naturforscher, der immer nur nach dem Gesetze forscht, der uberall nur der Willkuhr, dem Zufall, dem Eigensinn entgegentritt, als den Feind des Idealismus hinstellen! Wo hatte es jemals eine Philosophie gegeben, die mehr idealistisch gewesen wäre, als die heutige Naturwissenschaft?" Другія изреченія Вирхова противъ матеріалистическихъ выводовъ изъ изслѣдованій естественныхъ наукъ см. Г. Струве, *Самостоятельное начало душевныхъ явленій*, 1870, стр. 29 и слѣд , 42, 74

Du-Bois-Reymond, *Ueber die Grenzen des Naturerkennens.* 1872. *Die sieben Weltrathsel.* 1880. Послѣднее изданіе обѣихъ рѣчей въ I-мъ томѣ его *Re-*

den. 1886. Къ семи загадкамъ міра причисляетъ Дю-Буа-Реймонъ: во-первыхъ, четыре *трансцендентныя*, т. е. превышающія безусловно умственныя способности человѣка: 1) сущность матеріи и силы, 2) происхожденіе движенія, 3) происхожденіе простыхъ чувственныхъ ощущеній, 4) свобода воли для каждаго, кто не рѣшается признать субъективной свободы призракомъ. Далѣе, во-вторыхъ, загадки, которыя при соотвѣтственномъ прогрессѣ науки могутъ быть разрѣшены: 5) происхожденіе жизни, 6) цѣлесообразное устройство природы, 7) разумное мышленіе и тѣсно съ нимъ связанное происхожденіе рѣчи.—Поучительную критику приведенныхъ взглядовъ Дю-Буа-Реймона представляютъ между прочими слѣдующія сочиненія: Jon K. Becker, *Die Grenzen zwischen Philosophie und exacter Wissenschaft.* 1876 — T. Weber, *Du-Boi-Reymond. Eine Kritik seiner Weltansicht.* 1885.—Ehrenfels, *Metaphysische Ausfuhrungen im Anssluss an Du-Bois-Reymond.* 1886.

Claude Bernard, *La science expérimentale.* Новое изд. (безъ года). Въ особенности статьи: *Du progrés dans les sciences physiologiques* (1865); *Définition de la vie* (1875); *Discours de réceptions à l'Académie française* (1869). См. тоже *Жизненныя явленія* Кл. Бернара, переводъ М. Антоновича. 1879

John Tyndall развиваетъ приведенные взгляды въ своихъ *Fragments of science*, 1871, въ особенности въ лекціи: *Scope and limit of scientific materialism* (цѣль и предѣлы научнаго матеріализма).

Th. H. Huxley, *Science and culture and other essays.* 1881. Въ особенности стр. 246 и слѣд. статья *On sensation.* См. тоже его упомянутыя выше (§ 12, 1 *Лит.*) *Lay sermons*, въ особенности статьи VIII-ую и XIV-ую, посвященныя разсмотрѣнію взглядовъ Конта и Декарта. Сюда относятся: сочиненіе Гексли о *Давидѣ Юмѣ*, 1879, равно какъ его *Введеніе въ науку.* Русскій переводъ. 1880.

W. Preyer, *Ueber die Aufgabe der Naturwissenschaft.* 1876. Издано тоже въ его *Naturwissenschaftliche Thatsachen u. Probleme.* 1881.

E. F. W. Pflüger, *Die teleologische Mechanik der lebendigen Natur.* 1877. Приведенныя выше воззрѣнія авторъ оправдываетъ ссылкою на многочисленные, очень поучительные факты.

G. Bunge, *Lehrbuch der physiologischen u. pathologischen Chemie.* 1887. См. въ особенности I и XVI лекціи. Интересное разсмотрѣніе философскихъ началъ этого сочиненія, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ доказательства несостоятельности механизма при объясненіи явленій природы, заключаетъ въ себѣ статья А. А. Козлова: *Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія*, помѣщенная въ журналѣ проф. Н. Я. Грота, *Вопросы философіи и психологіи*, кн. I. 1889, стр. 51—82.

4). Всестороннюю критику основныхъ началъ естествознанія представляетъ *философія естественныхъ наукъ.* Къ ней принадлежатъ въ новѣйшее время нѣсколько очень поучительныхъ сочиненій:

Ad. Mühry, *Kritik u. kurze Darlegung der exacten Naturphilosophie.* 5-ое изд. 1882.

Fr. Schultze, *Philosophie der Naturwissenschaft.* 2 тома. 1881 и 1882 г.

K. Kromann, *Unsere Naturerkenntniss. Beitrage zu einer Theorie der Mathematik und Physik.* Переводъ съ датскаго при участіи автора. 1883.

E. Naville, *La physique moderne. Etudes historiques et philosophiques.* 1883. См. въ особенности 3-тій этюдъ: *La philosophie des fondateurs de la physique moderne.*

Сюда относится тоже въ значительной части и лекція Вундта: *Ueber den Einfluss der Philosophie auf die Erfahrungswissenschaften*, въ его *Essays.*

§. 13, 1. 1885, и взгляды, высказанные какъ Вундтомъ, такъ и Миллемъ, Бэномъ и другими въ ихъ сочиненіяхъ *по логикѣ*, въ особенности при разсмотрѣніи метода естественныхъ наукъ.

Это обозрѣніе философскихъ началъ естествознанія мы оканчиваемъ словами А. А. Козлова, высказанными въ его *Очеркахъ изъ исторіи философіи*, 1887, стр. 21: „Мы можемъ смѣло сказать, что въ самое послѣднее время въ европейскомъ обществѣ увлеченіе естествовѣдѣніемъ начинаетъ остывать и что оно, наскучивъ пробавляться матеріализмомъ, замаскированнымъ въ естествовѣдѣніе, обнаруживаетъ постоянно возрастающій интересъ вообще къ философіи Въ подтвержденіе этого мнѣнія укажемъ на фактъ съ каждымъ годомъ чудовищно разрастающейся философской литературы въ Германіи, Франціи, Англіи и даже Италіи и постоянное увеличеніе въ этихъ странахъ числа спеціальныхъ философскихъ журналовъ.“

§ 13, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Значеніе законовъ естествознанія и историческій взглядъ на отношеніе философіи къ опытнымъ наукамъ.** Несмотря на всю философскую критику основныхъ предположеній естествознанія, послѣднее всетаки пользуется своими, оправданными опытомъ, пріемами и выводитъ изъ своихъ частныхъ изслѣдованій соотвѣтственныя общія положенія, высказывающія результаты частныхъ изслѣдованій. Эти обобщенія, научно обоснованныя, становятся *естествоиспытательными* законами, называемыми обыкновенно прямо *законами природы*. Въ сущности законы природы выражаютъ только фактическую дѣйствительность данныхъ явленій при существованіи соотвѣтственныхъ условій. Таковы, напр., законъ тяготѣнія, опредѣленный Ньютономъ, законъ сохраненія силы, формулированный Робертомъ Майеромъ, и др.

Не трудно понять, что приведенныя обобщенія результатовъ частныхъ изслѣдованій естествознанія, высказывающіяся въ такъ называемыхъ законахъ природы, приближаются все болѣе и болѣе къ философскимъ обобщеніямъ и вслѣдствіе этого облегчаютъ философіи разрѣшеніе задачи образованія общаго міровоззрѣнія (§ 9). Чего не можетъ изслѣдовать научно философія, занимаясь своимъ ближайшимъ предметомъ, то изслѣдуютъ другія спеціальныя науки,—въ данномъ случаѣ естественныя, — и обогащаютъ такимъ образомъ философію своимъ матеріаломъ знанія. Пользуясь однако для своихъ научныхъ цѣлей этими спеціальными изслѣдованіями естествознанія и его обобщеніями, философія должна руководиться слѣдующими принципами:

1) Такъ называемые законы природы тѣсно связаны съ основными предположеніями естествознанія и имѣютъ безспор-

ное значеніе только въ предѣлахъ этихъ предположеній (см. § 10, 1). § 13, 2.

2) Распространеніе обобщеній, или законовъ естествознанія, на всѣ явленія бытія вообще, т. е. ихъ примѣненіе не только къ явленіямъ чувственнаго, физическаго міра, составляющимъ непосредственный предметъ естествознанія, но и ко всѣмъ другимъ явленіямъ, можетъ быть научно оправдано только на основаніи предварительнаго доказательства, что всѣ явленія бытія вообще имѣютъ характеръ чувственный, физическій.

3) Пока нѣтъ возможности представить это доказательство; пока цѣлые ряды фактовъ, явленій міра обнаруживаютъ своеобразный характеръ, отличный отъ явленій физическихъ, до тѣхъ поръ законовъ естествознанія нельзя признавать ни единственными, ни самыми высшими законами бытія вообще, всего существующаго. Напротивъ, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ признать существованіе не только законовъ естествознанія, но и другихъ, опредѣляющихъ соотношенія другихъ своеобразныхъ явленій міра.

4) Предположеніе единства бытія, истекающее изъ основныхъ началъ нашей умственной дѣятельности, изъ законовъ тождества и исключенія противорѣчій (Логика §§ 6, 7, 8), влечетъ за собою положеніе о единствѣ и внутреннемъ согласіи всѣхъ законовъ бытія. Если, слѣдовательно, оказывается необходимость признать кромѣ законовъ естествознанія и другіе законы бытія, то всѣ эти законы должны согласоваться между собою и пополнять другъ друга. Безъ такого согласія между всѣми законами бытія немыслимо единое, полное и логически послѣдовательное міровоззрѣніе.

5) Хотя, такимъ образомъ, изслѣдованія естественныхъ наукъ не обнимаютъ собою всѣхъ явленій міра и поэтому не могутъ служить исключительнымъ основаніемъ общаго міровоззрѣнія, однако безъ ихъ содѣйствія философія не можетъ разрѣшить своихъ задачъ, а въ особенности не можетъ дойти до полнаго пониманія законовъ природы, т. е. той стороны всеобщаго бытія, которая дѣйствуетъ непосредственно на наши чувства и доступна для внѣшняго опыта.

Сознаніе такого отношенія естественныхъ наукъ къ философіи и ихъ значенія для разрѣшенія ея задачъ развилось главнымъ образомъ въ новѣйшее время. Современные мыслители, несмотря на все разнообразіе міровоззрѣній, къ которымъ они доходятъ, признаютъ однако въ принципѣ необходимымъ основывать философскія обобщенія касательно природы на резуль-

§ 13, 2. татахъ естественныхъ наукъ. Миновало, кажется, разъ на всегда то время, когда односторонній идеализмъ въ лицѣ Шеллинга могъ высказывать положеніе, что уразумѣніе природы заключается въ ея умственной *конструкціи*, въ ея *умозрительномъ созданіи*. Въ наше время даже такой фантастическій и субъективный мыслитель, какъ Эдуардъ Гартманнъ, ставитъ во главѣ своего основнаго сочиненія девизъ: „Умозрительные выводы по индуктивно-естествоиспытательному методу.“

На приведенное значеніе опытнаго познанія природы указывали уже въ XVII вѣкѣ Бэконъ и Ньютонъ. Но на поприщѣ философіи это требованіе не было до сихъ поръ осуществлено съ надлежащею полнотою и строгостью.

Англійскіе мыслители XVII и XVIII вѣковъ Локкъ, Юмъ, Ридъ и ихъ послѣдователи примѣняли пріемы индуктивнаго метода, наведенія, почти исключительно къ психологическимъ вопросамъ, не обращая вниманія на общее міровоззрѣніе. Во Франціи же въ XVIII вѣкѣ развился натурализмъ и матеріализмъ въ лицѣ такихъ философскихъ писателей, какъ Де-Ламетри, Гольбахъ, Кабани и др.. и сдѣлался прототипомъ натуралистическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія. Но и это направленіе философской мысли не принимало во вниманіе строго-научныхъ результатовъ естествознанія, а довольствовалось только одностороннимъ развитіемъ нѣкоторыхъ догматическихъ предположеній естественныхъ наукъ.

Затѣмъ въ концѣ XVIII-го вѣка Кантъ стремился опредѣлить критически значеніе и предѣлы опытнаго знанія въ сравненіи со знаніями, основанными на разумѣ. Критика эта привела его къ заключенію, что опытъ вообще и въ особенности опытныя науки естествознанія—исходная точка и необходимое условіе всякаго познанія вещей. Однако уже непосредственные преемники Канта въ Германіи, Фихте, Шеллингъ и Гегель возвратились къ одностороннему умозрѣнію и по примѣру Спинозы, развивали свои міровоззрѣнія на основаніи отвлеченныхъ началъ дедуктивнаго и діалектическаго метода, не обращая вниманія на естественныя науки.

Только реакція противъ такого односторонняго умозрѣнія, поддерживаемая въ Германіи философами Шопенгауеромъ и Гербартомъ, во Франціи Контомъ, въ Англіи Джонъ Стюартомъ Миллемъ и другими эмпирическими мыслителями, въ связи съ успѣхами новѣйшаго естествознанія, привела современныхъ мыслителей къ вышеприведенному убѣжденію о необходимости

обосновывать всякаго рода натурфилософскія воззрѣнія на критическомъ разсмотрѣніи результатовъ естественныхъ наукъ. § 13, 2.

Эта связь философіи съ естествознаніемъ и характеризируетъ міровоззрѣнія такихъ мыслителей новѣйшаго времени, какъ: Ульрици, Тренделенбургъ, Фехнеръ, Лотце, Вундтъ и др. въ Германіи; Кузенъ, Поль Жанэ, Жюль Симонъ, Ренувіэ, Тэнъ, Тибержіенъ, Дельбефъ—во Франціи и Бельгіи; Гамильтонъ, Милль, Льюисъ, Гербертъ Спенсеръ, Бэнъ и др.—въ Англіи. За ними идутъ почти всѣ современные мыслители образованнаго міра.

Литература. Почти всѣ приведенныя до сихъ поръ сочиненія, касающіяся отношенія философіи къ спеціальнымъ наукамъ вообще и значенія философіи для естественныхъ наукъ (§ 12 съ прим. § 13, 1), разсматриваютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе естественныхъ наукъ для философіи. Здѣсь приведемъ только еще:

F. A. Lange, *Geschichte des Materialismus* (§ 8, 2 *Лит.*). Второй томъ этого сочиненія посвященъ почти цѣликомъ разсмотрѣнію значенія естественныхъ наукъ для философіи.

G. Spicker, *Ueber das Verhaltniss der Naturwissenschaft zur Philosophie.* 1874. Критика воззрѣній Ланге на значеніе естественныхъ наукъ для философіи, высказанныхъ въ приведенной *Исторіи матеріализма.*

A. Spir, *Empirie und Philosophie.* 1876 Авторъ сводитъ естествознаніе къ *познанію*, философію—къ *объясненію* явленій міра. См. тоже соч. этого автора, приведенное въ § 2, 2 *Лит.*

K. Dieterich, *Philosophie und Naturwissenschaft.* 1885. Заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ остроумную критику натурфилософскихъ воззрѣній извѣстнаго естествоиспытателя Геккеля (Haeckel).

S. H Hodgson, *Philosophy and experience.* 1885. Авторъ развиваетъ мысль о полной несостоятельности философіи, не основанной на опытныхъ наукахъ.—Сочиненія философовъ, пользующихся естественными науками при развитіи своихъ міровоззрѣній, отчасти были уже приведены, въ особенности при обозрѣніи опредѣленій философіи (§ 8, 2), отчасти на нихъ будетъ указано въ соотвѣтственныхъ главахъ настоящаго труда.

---

3. Философія и творчество.

§ 14.

Общая характеристика творчества.

Не подлежитъ сомнѣнію обнаруживающійся во всемъ развитіи человѣчества фактъ, что человѣкъ не довольствуется тѣмъ, что́ *есть*, т. е. дѣйствительностью, реальностью, но стремится къ созданію въ своемъ воображеніи представ- § 14.

§ 14. леній и о томъ, что, по его мнѣнію, *можетъ* и *должно* быть, что при своемъ осуществленіи способно болѣе удовлетворить его разнообразнымъ потребностямъ, чѣмъ то, что существуетъ реально. Такое представленіе о томъ, что должно быть, осуществленіе чего удовлетворяетъ болѣе субъективнымъ потребностямъ человѣка, чѣмъ данная объективная реальность, называется *идеаломъ* (§ 11).

Всякая сознательная умственная дѣятельность человѣка, имѣя въ виду осуществить то, что еще не существуетъ, то, что способно болѣе удовлетворить человѣка, чѣмъ данная реальность, основывается, такимъ образомъ, на предварительныхъ идеалахъ Насколько сознательная самодѣятельность принимаетъ участіе въ исторіи какъ единичнаго человѣка, такъ и всего человѣчества, настолько послѣдняя есть въ сущности не что иное, какъ развитіе человѣческихъ идеаловъ и стремленіе къ ихъ осуществленію.

Образованіе идеаловъ, какъ производство новаго содержанія, при помощи умственной способности—воображенія, фантазіи, называется *творчествомъ*, въ отличіе отъ знанія и познанія, стремящихся исключительно къ воспріятію даннаго содержанія реальности.

Такъ какъ идеалъ имѣетъ въ виду удовлетворить *реальнымъ* потребностямъ человѣка и можетъ быть осуществляемъ только на основаніи данныхъ *реальныхъ* отношеній, то онъ не можетъ вполнѣ оторваться, и фактически никогда не отрывается вполнѣ отъ реальности, отъ того, что признается безспорною дѣйствительностью человѣческой жизни. Идеалъ, съ этой точки зрѣнія, имѣетъ всегда реальную подкладку и есть только мыслительное видоизмѣненіе дѣйствительности, представляющееся уму въ своемъ ожидаемомъ осуществленіи болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ реальность. Поэтому, идеалъ не удовлетворяетъ человѣка, какъ идеалъ, т. е. какъ мыслительное произведеніе, существующее въ умѣ въ видѣ представленія о совершенствѣ вообще, но достигаетъ этой цѣли толь-

ко въ тѣсной связи съ реальностью, только какъ представленіе о *будущей реальности*, какъ мыслительное начало дѣйствительнаго видоизмѣненія реальности, т. е. осуществленія въ ней своего содержанія, соотвѣтствующаго болѣе субъективнымъ потребностямъ. § 14.

Удовлетвореніе, вызванное идеаломъ, основывается непосредственно на этой *ожидаемой реальности* его. Безъ этого реальнаго начала идеалъ становится *утопіею*, т. е. явленіемъ произвольной фантазіи, лишеннымъ всякаго значенія для серіознаго ума. И самыя фантастическія произведенія человѣческаго творчества признаются разумными, имѣющими извѣстный смыслъ только тогда, когда при ихъ посредствѣ выражается идеальное содержаніе, признаваемое реально *осуществимымъ*.

Разъяснивъ такимъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ сущность идеаловъ, какъ произведеній человѣческаго творчества, мы должны далѣе предложить себѣ вопросъ объ отношеніи философіи къ творчеству.

Примѣчаніе I-ое. Ученіе объ идеяхъ, какъ основаніе ученія объ идеалахъ. Терминъ *идеалъ* происходитъ отъ греческаго ἰδέα, εἶδος, и обозначаетъ представленіе предмета согласно съ *идеею*, которая въ свою очередь, въ отличіе отъ простого представленія и понятія, сочетается издавна съ оттѣнкомъ извѣстнаго мыслительнаго превосходства, какъ самое высшее и полное понятіе о предметѣ. Такимъ образомъ, уразумѣніе идеаловъ и творчества тѣсно связано съ ученіемъ объ идеяхъ вообще. Поэтому нужно здѣсь дать себѣ отчетъ въ послѣднемъ хоть въ самыхъ общихъ чертахъ. § 14, 1.

По ученію Платона, отца идеологіи, внѣ нашего чувственнаго бытія существуетъ особое трансцендентальное бытіе (отъ transcendo = переходить, перешагивать; бытіе, превышающее непосредственныя данныя опыта, сверхъопытное), заключающее въ себѣ первообразы (παραδείγματα) всѣхъ нашихъ чувственныхъ предметовъ. Вслѣдствіе этого, каждый отдѣльный предметъ представляется Платону въ двухъ различныхъ видахъ: разъ въ видѣ несовершенномъ, какъ реальный, чувственный предметъ; другой разъ, въ видѣ идеальнаго совершенства, какъ божественный образецъ соотвѣтственнаго чувственнаго предме-

§ 14, 1. та. Такіе божественные образцы или прототипы чувственныхъ предметовъ суть именно *идеи* Платона. Въ этомъ смыслѣ говоритъ онъ объ идеяхъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ и явленій природы и человѣческой дѣятельности. Напр, объ идеяхъ стола, огня, воды, человѣка, четыреугольника, величины, единства, множества; объ идеяхъ здоровья, знанія, красоты, благоразумія, справедливости и о самой высшей идеѣ блага, которую онъ отождествляетъ съ Божествомъ.

Въ новѣйшей философіи взгляды на идеи видоизмѣнялись существенно, благодаря главнымъ образомъ ихъ критическому разбору со стороны Канта.

Кантъ разсматриваетъ вопросъ объ идеяхъ въ *трансцендентальной діалектикѣ* своей *Критики чистаго разума.* „Платонъ, говоритъ онъ, очень хорошо замѣтилъ, что наша познавательная способность не удовлетворяется только соединеніемъ явленій на основаніи синтетическаго единства, дабы изъ нихъ составлять цѣлый опытъ, но что нашъ разумъ естественно восходитъ къ познаніямъ, которыя имѣютъ въ виду нѣчто гораздо большее простаго опыта.“ Эти высшія, сверхъопытныя познанія основываются, по Канту, именно на *идеяхъ* чистаго разума. *Идея*, или чистое (независящее отъ опыта) понятіе разума есть, по опредѣленію Канта, „понятіе всецѣлости условій, опредѣляющихъ что нибудь условное,“ или „понятіе безусловнаго, заключающаго въ себѣ основаніе синтеза чего-либо условнаго.“ Въ этомъ смыслѣ идея есть „необходимое понятіе разума, которому нѣтъ соотвѣтствующаго предмета въ нашей чувственности.“ но которое однако разсматриваетъ всякое опытное познаніе „опредѣленнымъ со стороны полноты условій.“ Эту полноту условій опытнаго познанія, это синтетическое объединеніе явленій мы никакъ не въ состояніи изобразить въ образѣ и поэтому она остается „задачею безъ разрѣшенія,“ она есть „не болѣе какъ идея.“ „Если поэтому говорятъ объ идеѣ, то по отношенію къ предмету утверждаютъ слишкомъ *много*, но со стороны субъекта слишкомъ *мало*, ибо идея, какъ понятіе *maximum'a* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть осуществлена *in concreto.*“ Она выражаетъ только „стремленіе и приближеніе“ разума къ понятію предмета. „Ея приложеніе всегда ограничено и недостаточно, но его предѣлы не могутъ быть опредѣлены и, слѣдовательно, они всегда находятся подъ вліяніемъ понятія безусловной полноты.“

Эти трансцендентальныя опредѣленія Канта разъясняются самымъ наглядымъ образомъ указаніемъ на *три* основныхъ

идеи чистаго разума, приняты имъ, каковы: *душа, міръ* и *Богъ*. Первая изъ этихъ идей заключаетъ въ себѣ „безусловное единство мыслящаго субъекта;“ вторая „безусловное единство ряда условій явленія;“ третья „безусловное единство условія всѣхъ предметовъ мышленія вообще.“ „Мыслящій субъектъ есть предметъ *психологіи*, сумма всѣхъ явленій (міръ) есть предметъ *міроученія* (cosmologia), и предметъ, составляющій первое условіе возможности всего мыслимаго (существо всѣхъ существъ), есть предметъ *богословія*. Значитъ, чистый разумъ даетъ *идею* къ трансцендентальному ученію о душѣ (psychologia rationalis), къ трансцендентальному міроученію (cosmologia rationalis), наконецъ—къ трансцендентальному богопознанію (theologia transcendentalis).“ § 14, 1.

Разборъ этого ученія Канта объ идеяхъ разума не составляетъ нашей настоящей задачи. Въ видахъ, однако, разъясненія занимающаго насъ вопроса скажемъ, что въ критицизмѣ Канта приведенныя идеи висятъ, такъ сказать, между небомъ и землею и поэтому лишены твердой опоры и опредѣленнаго значенія. За ними не признается сверхчувственная дѣйствительность въ смыслѣ Платона; но съ другой стороны они и не выводятся изъ данныхъ опыта, ни внутренняго, умственнаго, ни внѣшняго, чувственнаго. Между тѣмъ, онѣ, какъ всеобщіе факты умственной жизни человѣка, должны имѣть непремѣнно, съ одной стороны, реальное, объективное основаніе въ природѣ и организаціи ума, а съ другой должны быть признаны слѣдствіемъ дѣятельности ума, образовавшимся подъ вліяніемъ опытныхъ данныхъ (§ 4, 1). Всякое, безусловно, произведеніе ума, по существу своему, есть результатъ обоихъ этихъ началъ. Въ своемъ же ученіи о трансцендентальныхъ идеяхъ Кантъ, несмотря на свое ясное пониманіе значенія опыта для познанія вещей, разорвалъ искусственно приведенныя начала и принялъ во вниманіе только первое изъ нихъ. Поэтому не удивительно, что помимо его критики оставался нерѣшеннымъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ человѣческаго знанія, а именно вопросъ: слѣдуетъ ли признать за общими началами, слѣдовательно и за содержаніемъ *идей*, объединяющихъ извѣстныя группы частныхъ явленій, реальное, объективное значеніе, или же слѣдуетъ въ нихъ видѣть только произведенія субъективныя, не соотвѣтствующія дѣйствительному содержанію бытія, раздробленному на безконечное число частныхъ явленій.

Идеалистическія ученія послѣ Канта въ лицѣ Фихте, Шеллинга, Гегеля и ихъ послѣдователей, принимая въ основаніе не опытъ, а логическую дѣятельность ума, признавали

§ 14, 1. истинное, безусловное (абсолютное) существованіе только за всеобщими началами бытія, въ частномъ же видѣли измѣняющіяся проявленія его, лишенныя настоящаго значенія. Напротивъ, представители реалистическихъ направленій философской мысли, признавая больше значенія за частными данными опыта, чѣмъ за объединительною логическою дѣятельностью ума, видѣли истинное, реальное бытіе только въ частныхъ явленіяхъ; общее же признавали субъективнымъ произведеніемъ ума, не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Идеи, слѣдовательно, отождествлялись непосредственно съ общими понятіями или даже просто со словами (номинализмъ, отъ—nomen, слово, названіе) и вмѣстѣ съ ними лишены были всякаго значенія по отношенію къ реальному, объективному бытью. Сюда относится вся англійская индуктивная философія начиная съ Локка и Юма до Милля и Бэна, равно какъ представители эмпирическихъ и реалистическихъ направленій во Франціи и Германіи.

Уже при объясненіи терминовъ *общій* и *частный* (§ 5, 2) указано было на неоспоримый фактъ, по которому частныя явленія обнаруживаютъ извѣстное однообразіе и, сочетаясь между собою, образуютъ единицы, цѣлыя, обнимающія собою все большіе и большіе круги бытія, и что въ *этомъ* однообразіи и синтетическомъ объединеніи явленій представляются намъ опытныя данныя для опредѣленія *законовъ* явленій. Изъ этого истекаетъ, что общія понятія, основываясь на фактическомъ однообразіи явленій и ихъ реальномъ синтезѣ, не имѣютъ исключительно субъективнаго характера, но своею синтетическою формою соотвѣтствуютъ синтетическимъ объединеніямъ дѣйствительности и кромѣ того, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ заключать въ себѣ и содержаніе, согласующееся съ содержаніемъ фактическихъ проявленій объединительной дѣятельности объективнаго бытія.

Ежели, въ самомъ дѣлѣ, чувственное представленіе о данномъ предметѣ (напр. о моемъ знакомомъ Петрѣ, о его домѣ, его лошади и т. п.) есть синтезъ ощущеній, соотвѣтствующій реальному синтезу тѣхъ объективныхъ началъ, которыя образуютъ этотъ предметъ и вызываютъ въ моемъ умѣ соотвѣтственныя ощущенія; ежели, далѣе, благодаря этому соотвѣтствію, мы за содержаніемъ нашихъ правильныхъ представленій о предметахъ признаемъ объективное значеніе, называя ихъ *истинными*,—то, равнымъ образомъ, нельзя оспаривать и того, что содержаніе нашихъ понятій, образованныхъ на основаніи однообразнаго содержанія частныхъ явленій и ихъ объединенія,

воспроизводитъ въ умственной формѣ это реальное однообразіе явленій и вслѣдствіе этого содѣйствуетъ ихъ истинному познанію и уразумѣнію. Этотъ взглядъ подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что теоретическая и практическая верификація, оправдывающая признаніе объективнаго значенія за нашими чувственными представленіями, доказывая дѣйствительность, т. е. истину ихъ содержанія, примѣнима вполнѣ и къ общимъ понятіямъ, которыя, такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ принимаютъ тоже характеръ несоспоримости, истины. Нужно въ этомъ отношеніи вспомнить только о многочисленныхъ фактическихъ подтвержденіяхъ отвлеченныхъ математическихъ исчисленій на поприщѣ механики, астрономіи и т. п. § 14, 1.

Такимъ образомъ, общія понятія, являющіяся правильнымъ результатомъ предварительнаго изученія соотвѣтственныхъ частныхъ явленій, должны быть признаны мыслительнымъ воспроизведеніемъ общихъ началъ объективнаго бытія. Въ этомъ смыслѣ общія понятія, какъ настоящія познавательныя произведенія ума, суть результатъ не столько отвлеченнаго *обобщенія* частныхъ явленій, сколько ихъ умственнаго *объединенія*, соотвѣтственно опытнымъ даннымъ. На такое значеніе общаго понятія, какъ *объединенія* частныхъ данныхъ, въ отличіе отъ абстрактнаго обобщенія только нѣсколькихъ сходныхъ признаковъ частныхъ предметовъ, указывалъ уже въ началѣ XVIII вѣка извѣстный англійскій философъ Беркли († 1753).

Приведенный взглядъ на общія понятія можетъ быть вполнѣ разъясненъ и доказанъ только на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій критической теоріи познанія. Притомъ, только при содѣйствіи такихъ изслѣдованій можетъ быть раскрытъ тотъ глубокій параллелизмъ между законами логической дѣятельности ума и законами однообразія и объединенія частныхъ явленій, благодаря которому съ развитіемъ познанія устраняются все болѣе и болѣе противорѣчія между его субъектомъ и объектомъ, и упрочивается наше довѣріе къ логической дѣятельности ума. Всего этого въ настоящее время ближе разсматривать мы не можемъ. Но уже здѣсь, въ этихъ вступительныхъ замѣчаніяхъ къ спеціальнымъ философскимъ изслѣдованіямъ, слѣдуетъ сказать, что критическіе выводы изъ отношенія субъективныхъ началъ познанія къ началамъ объективнымъ (§ 4, 1) должны быть примѣняемы послѣдовательно ко всѣмъ типическимъ произведеніямъ познавательной дѣятельности, т. е. не только къ общимъ понятіямъ, какъ это дѣлаютъ въ особенности реалистическіе мыслители, но равнымъ образомъ и къ

§ 14, 1. чувственнымъ представленіямъ. Это значитъ, что, принимая во вниманіе выше сказанное, мы во всякомъ случаѣ не имѣемъ права признавать большую долю истины и объективности за чувственными представленіями, чѣмъ за общими понятіями, если только тѣ и другія образованы подъ вліяніемъ нормальныхъ требованій умственной дѣятельности и при участіи данныхъ опыта.

Признакъ наглядности, присущій чувственнымъ представленіямъ, съ критической точки зрѣнія не доказываетъ вовсе ихъ преимущества передъ общими понятіями въ истинномъ познаніи вещей. Напротивъ, критика познанія свидѣтельствуетъ о томъ, что эта непосредственно наглядная сторона чувственныхъ представленій имѣетъ преимущественно характеръ субъективный, тѣсно связанный съ природою чувственныхъ органовъ, и не даетъ точнаго воображенія о реальной объективности. Въ этомъ можно убѣдиться на основаніи многочисленныхъ чувственныхъ призраковъ, или сравнивая ощущенія свѣта и звука съ ученіями физики о свѣтѣ и звукѣ, показывающими, что объективныя причины этихъ ощущеній, — колебанія эѳира, воздуха — вовсе не похожи на ихъ субъективное содержаніе; наконецъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ и узкій кругъ примѣненія чувственныхъ представленій къ познанію вещей въ сравненіи съ логическими операціями сужденій и умозаключеній; напр., ограниченная сфера наглядныхъ пріемовъ евклидовой геометріи въ сравненіи съ аналитическою геометріею и вообще съ математическимъ анализомъ (см. § 13, 1).

Къ этому слѣдуетъ добавить, что самыя существенныя, такъ сказать, первичныя общія понятія нашего ума образуются не на основаніи наглядныхъ чувственныхъ представленій, но на основаніи данныхъ внутренняго опыта, въ которыхъ, какъ мы видѣли (§ 5, 2), тождественность субъективныхъ и объективныхъ началъ не допускаетъ никакого сомнѣнія относительно ихъ фактичности въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ воспринимаемъ. Сюда относятся понятія съ одной стороны о внутреннемъ, субъективномъ, индивидуальномъ, ограниченномъ, а съ другой о внѣшнемъ, объективномъ, общемъ, неограниченномъ бытіи, о силѣ и причинности, о постоянныхъ, тождественныхъ началахъ и о измѣняющихся явленіяхъ, о преемствѣ, соотношеніяхъ, связи, однообразіи явленій и т. п. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ общія понятія, истекающія изъ данныхъ внутренняго опыта, заключаютъ въ себѣ такую объективную несомнѣнность, какой мы не можемъ приписывать самымъ наглядным чувственнымъ

представленіямъ. Такъ напр. общее понятіе о нашемъ существованіи, о субъектѣ нашихъ внутреннихъ состояній неоспоримо; между тѣмъ представленіе о какомъ либо внѣшнемъ предметѣ, помимо своей наглядности, *можетъ быть* призракомъ, слѣдствіемъ чувственнаго обмана, расходящимся съ реальною дѣйствительностью. Или, возмемъ общее понятіе причинной связи явленій въ сравненіи съ даннымъ конкретнымъ преемствомъ двухъ явленій, напр., искры, брошенной въ порохъ, и *взрыва* пороха. Преемство этихъ двухъ явленій можетъ намъ представляться очень наглядно, но, тѣмъ не менѣе, при помощи этихъ наглядныхъ данныхъ мы не можемъ точно опредѣлить дѣйствительнаго отношенія между указанными явленіями. Между тѣмъ общій законъ причинности, какъ производство опредѣленныхъ явленій изъ данныхъ началъ при данныхъ условіяхъ, не можетъ подлежать серіозному сомнѣнію, потому что его типическое содержаніе обнаруживается въ каждомъ фактѣ сознательной умственной дѣятельности, слѣдовательно даже въ аргументаціи скептиковъ, оспаривающихъ искусственно объективность этого закона. § 14, 1.

Между понятіями въ опредѣленномъ выше смыслѣ и настоящими *идеями* нѣтъ существеннаго различія. Тѣ и другія суть синтетическія формы ума, объединяющія ряды частныхъ явленій и принимающія характеръ объективной истины на основаніи своего согласія съ опытными данными, указывающими на синтетическое объединеніе соотвѣтственныхъ явленій въ дѣйствительности.

Несмотря на приведенныя отношенія, Вундтъ видитъ въ *идеяхъ* произведенія разума (Vernunft), пополняющія данныя опыта съ особой сверхъопытной точки зрѣнія, и отличаетъ ихъ даже отъ *понятій* гипотетическихъ, производимыхъ разсудкомъ (Verstand) и остающихся въ сферѣ самыхъ только фактовъ. Въ этомъ различіи обнаруживается однако еще слишкомъ сильное вліяніе трансцендентализма Канта, воображающаго, что могутъ существовать умственныя произведенія, не почерпающія своего содержанія ни изъ внутренняго, ни изъ внѣшняго опыта Между тѣмъ, за предѣлами этихъ опытныхъ данныхъ и вообще функцій ума существуетъ только мертвая, такъ сказать, анатомическая организація ума, которая можетъ быть приблизительно воспроизведена только указаніемъ на чистыя, безсодержательныя формы умственной дѣятельности и ихъ формальныя соотношенія (ощущенія, представленія, понятія, сужденія, умозаключенія и т. п., какъ общія формы психической жизни); но содер-

§ 14, 1. жаніе этихъ формъ, слѣдовательно и идей, является всегда уже результатомъ живой дѣятельности ума, тѣсно связанной съ разработкой опытнаго матеріала, дознаннаго умомъ непосредственно вмѣстѣ съ этой дѣятельностью. Поэтому, въ опроверженіе приведеннаго различія между идеями и понятіями слѣдуетъ замѣтить, что предполагаемыя особыя *идеи* разума (души, міра, Бога) или должны имѣть по крайней мѣрѣ характеръ гипотетическихъ понятій, могущихъ оправдать свое содержаніе какъ выводомъ изъ данныхъ опыта (внутренняго или внѣшняго), такъ и соотвѣтственнымъ объясненіемъ этихъ данныхъ, или же онѣ должны быть признаны лишенными всякаго познавательнаго значенія и присоединяться къ числу неясныхъ, неточныхъ, смутныхъ *понятій*. Въ томъ и другомъ случаѣ онѣ не отличаются существенно отъ понятій.

Единственное различіе между идеями и понятіями, неимѣющее однако существеннаго значенія съ точки зрѣнія теоріи познанія и являющееся реминисценціею платонова ученія объ идеяхъ, можетъ быть сведено только къ ихъ объему и къ значенію ихъ содержанія для жизненныхъ стремленій человѣка. Имѣя въ виду это различіе, *идеями* можно назвать самыя общія, т. е. самыя высшія и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя важныя для человѣка понятія. Въ этомъ смыслѣ, въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ обыкновенно не о понятіяхъ, но объ *идеяхъ*, руководящихъ стремленіями того или другого знаменитаго мужа, обнаруживающихся въ томъ или другомъ литературномъ произведеніи, въ историческомъ развитіи того или другаго времени, народа и т. п. Съ этой точки зрѣнія объясняется и тотъ фактъ, что говорятъ по большей части не о понятіяхъ, но объ идеяхъ Бога, міра, души, свободы, человѣчества и т. п.

На эту связь *идеи* съ важностью ея содержанія, съ ея *цѣнностью* (Werth) указалъ впервые философъ Гербартъ († 1841). По его ученію идеи не имѣютъ вовсе теоретическаго, познавательнаго и метафизическаго значенія; такое значеніе онъ признаетъ только за *понятіями*; напротивъ, содержаніе идей сочетается, по Гербарту, непосредственно съ *эстетическимъ* воззрѣніемъ на предметы, обнимающимъ собою въ свою очередь оцѣнку вещей не только съ точки зрѣнія красоты, изящества, но равнымъ образомъ и ихъ оцѣнку съ точки зрѣнія добра и нравственности. Характеристическою чертою этой *эстетической* оцѣнки вещей служитъ, по Гербарту, сочетаніе нашихъ понятій и сужденій съ чувствомъ одобренія или осужденія (*Beifall u. Missfallen, Lob u. Tadel*). Каждая идея заключаетъ

въ себѣ непосредственно одобреніе или осужденіе своего содержанія. Въ смѣшеніи этого эстетическаго характера идей съ теоретическимъ характеромъ понятій, Гербартъ видитъ главную причину недостатковъ философіи. Мыслитель, придающій идеямъ теоретическое значеніе похожъ, по его словамъ, на подкупленнаго судью, ибо онъ искажаетъ истину ради субъективнаго чувства одобренія или осужденія, вызваннаго даннымъ содержаніемъ идей. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что уже Кантъ признавалъ за идеями болѣе практическое, нравственное, чѣмъ теоретическое, познавательное значеніе. Съ теоретической точки зрѣнія, онъ видитъ въ нихъ родъ „софизмовъ," отличающійся отъ обыкновенныхъ софизмовъ только тѣмъ, что онъ принадлежитъ „не лицамъ, а самому чистому разуму." Отъ этихъ идей, какъ софизмовъ разума, по словамъ Канта, и „мудрѣйшій изъ людей никакъ не можетъ отдѣлаться." „Послѣ долгихъ усилій онъ можетъ только предостеречь себя отъ заблужденія, но не въ силахъ совершенно избавиться отъ непрестанно представляющейся ему призрачности." Напротивъ, съ практической точки зрѣнія, эти же идеи являются у Канта необходимыми *постулатами* (отъ postulo=требовать, требованіе) нравственности, за которыми слѣдуетъ признать, объективную реальность въ объемѣ практической дѣятельности во имя безусловности нравственнаго закона. § 14, 1.

Такое сочетаніе идей съ эстетическими и нравственными началами лишаетъ ихъ однако первоначальнаго естественнаго значенія, какъ произведеній познавательной дѣятельности ума, какъ общихъ понятій, объединяющихъ собою частные ряды или группы явленій, и придаетъ имъ совершенно новый, существенно различный характеръ, обозначаемый и особымъ терминомъ. Идеи этого рода въ сущности уже не идеи, но *идеалы*, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

Литература. Платонъ излагаетъ свое ученіе объ идеяхъ главнымъ образомъ въ діалогахъ *Федръ*, *Парменидъ* и *Θεαίτητ*. См. тоже Н. Скворцова приведенный уже (§ 1, 2 *Лит.*) анализъ послѣдняго діалога. Кромѣ того слѣдуетъ принять во вниманіе *Тимея* и *Республику*.

Тщательное сравненіе ученій объ идеяхъ Платона и Канта мы находимъ въ рѣчи П. Юркевича: *Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта*. 1866. Ученіе Платона авторъ характеризуетъ очень ясно слѣдующими словами, взятыми почти цѣликомъ изъ самого Платона (стр. 14): „Идея есть неизмѣняемый и вѣчный образецъ по отношенію къ тому, что дано въ опытахъ и представленіяхъ. Она не существуетъ ни на какомъ живомъ существѣ, ни на небѣ, ни на землѣ, но пребываетъ сама въ себѣ, или въ мысленномъ мѣстѣ потому, что весь способъ ея бытія состоитъ въ томъ,

§ 14, 1. что она есть содержаніе, созерцаемое правителемъ души, разумомъ — Такъ какъ каждое понятіе существуетъ только однажды, такъ какъ отъ многократнаго положенія его въ мышленіи оно не дѣлается другимъ, то идея для каждаго рода одна.—Только частное и индивидуальное происходитъ и исчезаетъ. Общее не можетъ ни происходить, ни разрушаться. Этотъ человѣкъ произошелъ и послѣ нѣкотораго времени онъ разрушится. Но человѣка вообще, самого человѣка, единую и общую сущность человѣка не можетъ сотворить никакое всемогущество; идея ни происходитъ, ни исчезаетъ, она есть вѣчная истина. Не идеи опредѣляются дѣйствіями и творчествомъ живого субъекта, наоборотъ, дѣйствія и творчество живаго субъекта опредѣляются идеями. Такъ художественная дѣятельность человѣка опредѣляется идеей вещи, которую онъ предполагаетъ сдѣлать. Такъ Богъ творитъ міръ, взирая на идеи, какъ на первообразы вещей. Истины нельзя ни сотворить, ни изобрѣсти: ей свойственно вѣчное *есть* и мышленіе лица есть только стремленіе познать идею."

Кантъ, *Критика чистаго разума.* Переводъ М Владиславлева (§ 9, 1 *Лит*), стр. 275 и слѣд. Противоположность кантова ученія съ ученіемъ Платона П. Д Юркевичъ очень мѣтко сводитъ въ приведенной рѣчи къ слѣдующимъ тезисамъ (стр. 36): „Платонъ Только невидимая сверхчувственная сущность вещи познаваема. Кантъ: Только видимое чувственное явленіе познаваемо.—Платонъ Поле опыта есть область тѣней и грезъ; только стремленіе разума въ міръ сверхчувственный есть стремленіе къ свѣту знанія. Кантъ: Стремиться разумомъ въ міръ сверхчувственный, значитъ стремиться въ область тѣней и грезъ; а дѣятельность въ области опыта есть стремленіе къ свѣту знанія.—Платонъ. Настоящее познаніе мы имѣемъ, когда движемся мышленіемъ отъ идей черезъ идеи къ идеямъ. Кантъ: Настоящее познаніе мы имѣемъ, когда движемся мышленіемъ отъ воззрѣній черезъ воззрѣнія къ воззрѣніямъ.—Платонъ: Познаніе существа человѣческаго духа, его безсмертія и высшаго назначенія заслуживаетъ по преимуществу названія науки, это *царь-наука.* Кантъ Это не наука, а формальная *дисциплина*, предостерегающая отъ безплодныхъ попытокъ утверждать что либо о существѣ человѣческой души. — Платонъ: Познаніе возможно для чистаго разума. Кантъ: Познаніе истины не возможно ни для чистаго разума, ни для разума, обогащеннаго опытами. Правда, что въ послѣднемъ случаѣ познаніе возможно, но это будетъ не познаніе истины, а только познаніе общегодное. Наука возможна не въ томъ смыслѣ, чтобы намъ была доступна самая истина, но въ томъ, что изъ началъ разума и формъ воззрѣнія происходятъ всеобщія и необходимыя сужденія, то есть, годныя для всякаго опыта и, слѣдовательно, для всякаго человѣка. Наука имѣетъ всѣ условія для того, чтобы сообщать намъ общегодныя свѣдѣнія, и ни одного условія для познанія истины."

G. Berkeley, *A treatise concerning the principles of human knowledge.* 1710. Новое изд. Сн. Р. Krauth, 1886. Введеніе § 6 и слѣд. См. тоже А. Смирновъ, *Философія Беркли*, 1873, стр. 18 и слѣд. Беркли въ сущности крайній субъективистъ, признающій дѣйствительность только за умственными явленіями (см. выше § 4, 1). Тѣмъ не менѣе, тонкій анализъ умственныхъ процессовъ довелъ уже его до положенія, что обыкновенное воззрѣніе на общія понятія не точно, что абстракція, или отвлеченіе, не заключается въ простомъ сочетаніи общихъ свойствъ предметовъ, но въ опредѣленіи типическихъ свойствъ множества частныхъ предметовъ, которые *объединяются* только въ общемъ понятіи, съ точки зрѣнія этихъ типическихъ свойствъ.

§ 14, 1.

W. Wundt, *System der Philosophie*, 1889 (§ 1, 3 *Лит.*), стр. 179 и слѣд.; въ особенности глава: *Vernunfterkenntniss*. См. тоже стр. 350 и слѣд. Дѣятельность *разума*, въ отличіе отъ дѣятельности *разсудка*, Вундтъ выводитъ изъ *объединительной* потребности (Einheitsbedurfniss) ума. Изъ этой потребности происходятъ *идеи* разума, а именно: идея, объединяющая всѣ данныя внѣшняго опыта,—это космологическая идея о природѣ; далѣе, идея, объединяющая всѣ данныя внутренняго опыта,—это психологическая идея о духѣ, и наконецъ, идея, объединяющая объективныя и субъективныя данныя опыта, природу и духъ, какъ двѣ разныя, но пополняющія другъ друга стороны одного основного начала,—это онтологическая идея, идея о Богѣ. Идеи эти Вундтъ называетъ трансцендентными потому, что онѣ превышаютъ не только непосредственныя данныя опыта, но и всѣ понятія разсудка, разрабатывающаго эти данныя. Съ другой стороны, однако, Вундтъ самъ признаетъ, что эти объединительныя стремленія разума находятъ поддержку въ эмпирическихъ соотношеніяхъ явленій (empirische Wechselbeziehungen) и развиваются правильно подъ вліяніемъ логическаго закона достаточнаго основанія. Мало того, Вундтъ признаетъ еще, что разработка вопросовъ, истекающихъ изъ этихъ идей, сама по себѣ остается въ предѣлахъ познанія и подчиняется всеобщимъ условіямъ и принципамъ мышленія и познанія (die Behandlung dieser Fragen iberschreitet an sich nicht die Grenzen des Erkennens... die ganze Untersuchung mit ihren Hulfsmitteln wie Resultaten bleibt den Bedingungen aller Erkenntniss, den allgemeinen Denk-u. Erkenntnissprincipien, unterworfen). Въ чемъ же тогда заключается *трансцендентальность* этихъ изслѣдованій въ сравненіи съ объединительными стремленіями ума на поприщѣ настоящихъ опытныхъ наукъ? Разница только въ степени объединенія. Но трудно понять, почему высшія объединенія признаются болѣе трансцендентальными, чѣмъ низшія, когда тѣ и другія основываются на тѣхъ же самыхъ общихъ началахъ познанія. Въ сущности, предлагаемое Вундтомъ различіе между опытнымъ познаніемъ разсудка, имѣющимъ въ виду *понять* соотношенія явленій (begreifen), и трансцендентальнымъ познаніемъ разума, стремящимся *уразумѣть* эти соотношенія (ergründen), сводится къ приведенному нами выше различію между *познаніемъ* и *объясненіемъ* явленій, между *спеціальными* науками, имѣющими въ виду первое, и *философскими*, стремящимися къ послѣднему (см. § 4, 1 и 5, 1, 2).

Herbart, *Allgemeine praktische Philosophie*. 1808. Книга I-ая. См. *Werke*, изданіе Гартенштейна, 1850 и слѣд., Т. VIII-ой, равно какъ *Введеніе въ философію* Гербарта (§ 2, 2 *Лит.*), стр. 124 и слѣд. и его *Энциклопедію философіи* (§ 1, 3 *Лит.*), стр. 44 и слѣд. Подъ названіемъ *эстетики* Гербартъ соединяетъ настоящую эстетику и этику, которую онъ опредѣляетъ какъ теорію *нравственнаго искусства* (Tugendkunst). Одобреніе или осужденіе, сочетающіяся съ эстетическими идеями, высказываются непосредственными сужденіями вкуса (Geschmacksurtheile). Среди этихъ идей Гербартъ приписываетъ самое важное значеніе *этическимъ* идеямъ, имѣющимъ свое начало въ сужденіяхъ вкуса по отношенію къ явленіямъ воли. Основныхъ этическихъ идей по Гербарту пять, а именно идеи: внутренней свободы, совершенства, благоволенія, права и воздаянія (или справедливости).

Поучительное обозрѣніе историческаго развитія ученій объ идеяхъ заключаетъ въ себѣ соч. C. Heyder'a, *Die Lehre von den Ideen*. Ч. I-ая. *Zur Geschichte der Ideenlehre*. 1874. Кромѣ того, вопросъ о понятіяхъ и идеяхъ раз-

§ 14, 1. сматривается въ сочиненіяхъ по теоріи познанія, или логикѣ, и по психологіи. О нихъ будетъ рѣчь въ энциклопедическомъ обозрѣніи этихъ наукъ.

§ 14, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Идеалъ и утопія. Творчество и художество.** Доходя до сознанія своихъ разнообразныхъ физическихъ и умственныхъ, прирожденныхъ и пріобрѣтенныхъ потребностей, человѣкъ стремится сознательно и къ всевозможному ихъ удовлетворенію. Въ осуществленіи этого стремленія принимаютъ самое важное участіе два момента, а именно:

во 1-хъ, представленіе о данномъ реальномъ состояніи, признанномъ неудовлетворительнымъ,

и во 2-хъ, представленіе о желаемомъ состояніи, признанномъ удовлетворительнымъ.

Оба эти представленія тѣсно связаны съ общимъ понятіемъ, или идеею, которую каждый умственно развитой человѣкъ имѣетъ о самомъ себѣ, объ основныхъ началахъ своего индивидуальнаго бытія, о своей личности, о своихъ отношеніяхъ къ окружающей его средѣ, равно какъ вообще о жизни и мірѣ. Потребности наши перестаютъ быть непосредственными, инстинктивными влеченіями, ихъ содержаніе воспринимается нами сознательно и уразумѣвается надлежащимъ образомъ только на основаніи сравненія даннаго реальнаго состоянія съ этими общими понятіями. Каждый человѣкъ желаетъ быть вполнѣ и на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть по своей идеѣ о самомъ себѣ. Ученый желаетъ быть *настоящимъ* ученымъ, воинъ—*настоящимъ* воиномъ, купецъ—*настоящимъ* купцомъ, ремесленникъ—*настоящимъ* ремесленникомъ. При томъ, съ этими болѣе или менѣе ясными и точными идеями объ общихъ началахъ и задачахъ своего жизненнаго положенія, каждый сочетаетъ понятіе о себѣ, какъ физическомъ и умственномъ индивидѣ, вообще какъ человѣкѣ, и въ смыслѣ этой идеи желаетъ быть настоящимъ человѣкомъ, способнымъ вполнѣ удовлетворить насущнымъ началамъ своего бытія.

Такимъ образомъ, можно сказать, что идеи о нашей личности и вообще о предметахъ, прилагаемыя къ реальнымъ даннымъ, вызываютъ въ насъ разнородныя потребности или, по крайней мѣрѣ, доводятъ насъ до яснаго сознанія нашихъ потребностей. Реальная дѣйствительность имѣетъ всегда характеръ частный, строго ограниченный въ пространствѣ и времени данными условіями, болѣе или менѣе случайными. Напротивъ, общее понятіе, идея обнимаетъ собою множество частныхъ моментовъ, не только непосредственно осуществленныхъ

въ данномъ мѣстѣ и времени, но и моменты, почерпаемые изъ прошедшей дѣйствительности, равно какъ моменты воображаемые возможными при общихъ условіяхъ реальнаго бытія. Изъ этого истекаетъ, что общія понятія, идеи,—даже самыя истинныя, основанныя на неоспоримыхъ данныхъ,—заключаютъ въ себѣ всегда содержаніе болѣе обширное и богатое, чѣмъ ограниченный, частный моментъ реальнаго бытія. Неудивительно, поэтому, что данный частный моментъ дѣйствительности никогда не способенъ вполнѣ удовлетворить человѣка, сравнивающаго этотъ моментъ со своею идеею о его общемъ содержаніи. Идея всегда заключаетъ въ себѣ содержаніе, неосуществленное въ данномъ случаѣ вполнѣ, но добивающееся своего осуществленія. Это значитъ, что въ сравненіи съ идеею данная дѣйствительность представляется намъ всегда неудовлетворительною. § 14, 2.

Устраненіе этой неудовлетворительности не можетъ быть непосредственнымъ. Оно требуетъ постепеннаго осуществленія не существующихъ въ дѣйствительности моментовъ идеи, т. е. требуетъ практической дѣятельности по ясно сознанному направленію. Направленіе это опредѣляется вторымъ изъ вышеприведенныхъ моментовъ, а именно, представленіемъ о состояніи болѣе удовлетворительномъ, чѣмъ данная дѣйствительность. Представленіе это, въ свою очередь, находится тоже въ тѣсной связи съ общими понятіями, т е. съ идеями какъ о нашей личности, такъ и вообще о предметахъ нашего знанія. Представленіе это въ сущности имѣетъ своимъ предметомъ желаемое осуществленіе содержанія идеи, т. е. по отношенію къ намъ самимъ оно есть представленіе объ ожидаемомъ удовлетвореніи потребностей, истекающихъ изъ *общихъ* началъ нашего бытія, но не удовлетворенныхъ надлежащимъ образомъ въ данномъ *частномъ* случаѣ дѣйствительности. Такое представленіе о желаемомъ и ожидаемомъ состояніи, способномъ при своемъ осуществленіи болѣе удовлетворить нашимъ потребностямъ, чѣмъ данная дѣйствительность, есть *идеалъ*.

Такъ какъ настоящее удовлетвореніе нашихъ потребностей возможно только среди реальныхъ частныхъ условій нашего бытія, то идеалъ, какъ представленіе ожидаемаго осуществленія нашихъ желаній въ болѣе совершенномъ состояніи, принимаетъ, по существу своему, конкретный характеръ, т. е. представляетъ это болѣе совершенное состояніе съ возможною наглядностью во всѣхъ выдающихся частныхъ чертахъ буду-

§ 14, 2. щей дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что идеалъ есть мыслительное воплощеніе общаго, отвлеченнаго содержанія идеи въ конкретныхъ, жизненныхъ формахъ реальнаго бытія. Идея, какъ общее понятіе, касается познанія, объясненія и уразумѣнія существенныхъ началъ даннаго предмета, и вслѣдствіе этого обнимаетъ собою всѣ разнообразныя видоизмѣненія его, всѣ частныя его формы, и потому содержаніе ея не исчерпывается *однимъ* только видоизмѣненіемъ предмета, *одною* только изъ его многочисленныхъ формъ. Идеалъ, напротивъ, сочетаясь непосредственно съ потребностями единичнаго существа, данной конкретной личности, человѣка, имѣетъ своимъ содержаніемъ начала и отношенія этой личности и поэтому принимаетъ видъ конкретнаго представленія, похожаго вполнѣ на представленіе, почерпаемое изъ реальной дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи разница между идеаломъ и представленіемъ, почерпаемымъ изъ реальной дѣйствительности, заключается только въ томъ, что послѣднее имѣетъ предметомъ настоящую дѣйствительность, идеалъ же дѣйствительность будущую, грядущую, ожидаемую. Идея объединяетъ собою оба эти представленія: настоящей и будущей дѣйствительности, и кромѣ того обнимаетъ собою еще цѣлый рядъ представленій о прошедшихъ состояніяхъ, предшествовавшихъ настоящему, и о будущихъ, составляющихъ переходъ къ окончательному осуществленію идеала.

Опредѣленіе идеала, какъ мыслительнаго воплощенія общаго содержанія идеи въ частныхъ формахъ дѣйствительности, указываетъ непосредственно на дѣятельность ума человѣческаго, называемую *творчествомъ* и являющуюся произведеніемъ *воображенія, фантазіи*. Естественно, что здѣсь не имѣется въ виду созданіе чего либо безусловно новаго изъ ничего, но только новое, самостоятельное сопоставленіе данныхъ элементовъ чувственной и умственной, внѣшней и внутренней дѣйствительности. Начало *творчества* обнаруживается вообще въ мірѣ не въ созданіи новаго матеріала, содержанія, новыхъ общихъ элементовъ и силъ бытія, но только въ новыхъ сочетаніяхъ этихъ элементовъ и силъ, въ созданіи новыхъ частныхъ формъ и видоизмѣненій, происходящихъ изъ такихъ сочетаній. *Общее*, какъ существенное начало бытія, не сотворимо, оно вѣчно, безъ начала и конца, оно составляетъ необходимое условіе всякой вообще дѣятельности, слѣдовательно—и самаго творчества. Творчество относится только къ *частному*. — Такое воззрѣніе на

творчество тѣсно связано какъ съ физическимъ закономъ *сохраненія силы* въ природѣ, такъ и съ закономъ логическимъ *тождества* (Логика, § 6). § 14, 2.

Характеристическая черта творчества, въ отличіе отъ непосредственной комбинаціи частныхъ элементовъ, происходящей какъ результатъ однихъ только силъ, дѣйствующихъ въ этихъ частныхъ элементахъ, заключается въ такомъ стройномъ сопоставленіи ихъ, что въ немъ, какъ въ цѣломъ, проявляется извѣстное новое начало, превышающее своимъ содержаніемъ эти составные частные элементы. Если намъ представляется цѣлое, значеніе, смыслъ, цѣнность котораго высказываются не въ простой суммѣ его составныхъ элементовъ и силъ, но въ способѣ и формѣ сочетанія этихъ элементовъ и силъ, то мы имѣемъ полное право заключать, что такое цѣлое не прямой результатъ своихъ частныхъ, непосредственно осязаемыхъ началъ, но произведеніе новаго начала, обнимающаго со своей особой точки зрѣнія частные элементы и проявляющаго свое новое, въ сравненіи съ этими элементами, содержаніе посредствомъ ихъ характеристическаго сопоставленія, т. е. посредствомъ цѣлаго, какъ цѣлаго.

Это новое содержаніе, присоединяющееся въ такомъ случаѣ къ даннымъ частнымъ элементамъ, есть именно проявленіе *творческаго* воображенія, или фантазіи, и заключается въ извѣстной общей идеѣ, руководящей особымъ сопоставленіемъ данныхъ элементовъ и образованіемъ изъ нихъ, какъ изъ частей, новаго стройнаго цѣлаго. Только разумное воображеніе, руководимое въ своей дѣятельности мыслью, идеею, цѣлью, способно обнять множество отдѣльныхъ моментовъ, назначить каждому свое соотвѣтственное мѣсто, согласно общей идеѣ, и создать такимъ образомъ цѣлое, превышающее, какъ цѣлое, своимъ смысломъ, своею цѣнностью, всѣ свои составныя части, вмѣстѣ взятыя.

Полагая элементами a, b, c, d, слѣдуетъ сказать, что простое сочетаніе этихъ элементовъ на основаніи началъ, дѣйствующихъ въ нихъ самихъ, образуетъ цѣлое, равняющееся $a+b+c+d$; напр., любой конгломератъ химическихъ элементовъ, или соединеніе множества живыхъ существъ, напр., людей въ одну кучу и т. п. Между тѣмъ, творчество, выражающее свое новое содержаніе посредствомъ особаго способа сочетанія этихъ элементовъ, производитъ цѣлое, равняющееся $a+b+c+d+x$. Это x составляетъ именно *идею, мысль, цѣль*, обнимающія собою частные элементы и назначающія каждому изъ

§ 14, 2. нихъ опредѣленное мѣсто и функцію въ цѣломъ, вслѣдствіе чего цѣлое становится воплощеніемъ новаго содержанія, которымъ оно, по своему значенію, смыслу и цѣнности, превышаетъ простую сумму своихъ составныхъ элементовъ. Такъ напр., часы, вслѣдствіе особаго сочетанія своихъ составныхъ частицъ, становятся механизмомъ, служащимъ средствомъ для измѣренія и опредѣленія времени. Это назначеніе часовъ, ихъ идея, смыслъ уничтожаются при ихъ разложеніи на части, хотя сумма этихъ частей и качество каждой изъ нихъ въ отдѣльности остаются одними и тѣми же. Значеніе, смыслъ, цѣнность произведенія архитектуры, статуи, картины, музыкальной или драматической пьесы, стихотворенія не заключаются въ суммѣ ихъ непосредственно осязательныхъ элементовъ, но въ ихъ идеѣ, цѣли, назначеніи, высказывающихся характеристическимъ сопоставленіемъ этихъ элементовъ. Равнымъ образомъ, значеніе всякихъ соціальныхъ формацій не опредѣляется значеніемъ единицъ, входящихъ въ ихъ составъ, какъ единицъ, не въ массѣ, въ кучѣ единицъ, но зависитъ отъ назначенія каждой единицѣ извѣстной функціи и отъ особаго сочетанія этихъ функцій для осуществленія извѣстной общей цѣли.

Съ приведенной точки зрѣнія мы можемъ пополнить наше опредѣленіе *идеала* и сказать, что онъ есть не только представленіе вообще, но *творческое* представленіе, созданное воображеніемъ, фантазіею, изображающее извѣстную мысль, идею, вообще извѣстное идеальное содержаніе, посредствомъ своеобразнаго сопоставленія въ одно стройное цѣлое частныхъ мыслительныхъ данныхъ физическаго и умственнаго бытія. Напр. идеалъ мудреца, учителя, священника, воина, купца, или вообще идеалъ человѣка; идеалъ здоровья, красоты, истины, нравственности, любви, справедливости; идеалъ семейной жизни, благосостоянія, просвѣщенія, общественной кооперації, государственнаго устройства и т. п.

Настоящее поприще для проявленія идеаловъ, это *художество*, къ которому, естественно, принадлежитъ и поэзія.

Съ идеалистической точки зрѣнія на художество смотрятъ обыкновенно, какъ на *осуществленіе* идеаловъ, въ особенности идеала красоты. Въ этомъ смыслѣ Кантъ называетъ идеалъ прототипомъ эстетическаго вкуса (Urbild des Geschmackes). Гегель видитъ въ художествѣ осуществленіе красоты, какъ воплощенія безконечнаго, безусловнаго въ видѣ ограниченнаго частнаго явленія. „Идеалъ, говоритъ знаменитый эстетикъ ге-

гелевой школы Фишеръ, есть осуществленіе идеи красоты посредствомъ фантазіи.“ Изображеніе же идеала составляетъ задачу художества. § 14, 2.

Всѣ эти опредѣленія имѣютъ характеръ слишкомъ отвлеченный и притомъ не опредѣляютъ точно дѣйствительнаго содержанія художества въ его историческомъ развитіи. Изъ этого развитія оказывается, что художество имѣетъ своимъ предметомъ не *осуществленіе* идеаловъ, но только представленіе *возможности* ихъ осуществленія, т. е. представленіе ихъ *осуществимости*.

Настоящая, вполнѣ удовлетворительная реализація идеала не осуществима на поприщѣ художества, но могла бы быть достигнута только въ настоящей дѣйствительности физическаго и умственнаго бытія. И въ самомъ дѣлѣ, вся практическая, житейская дѣятельность человѣка имѣетъ въ виду такую настоящую реализацію идеаловъ. Изученіе такого практическаго осуществленія человѣческихъ идеаловъ составляетъ предметъ не *эстетики*, но *этики* и *философіи исторіи*, о которыхъ будетъ рѣчь въ обозрѣніи философскихъ наукъ. Но эта практическая реализація идеаловъ является процессомъ очень медленнымъ, и притомъ безконечнымъ. Идеалы всегда опережаютъ дѣйствительность. До осуществленія въ жизни однихъ, возникаютъ уже въ умѣ новые, добивающіеся тоже осуществленія, и такъ далѣе безъ конца, вслѣдствіе чего идеалъ не совпадаетъ никогда съ дѣйствительностью, а служитъ, напротивъ, постоянною причиною какъ недовольства дѣйствительностью, такъ и стремленія къ ея видоизмѣненію согласно требованіямъ идеала. Если бы, слѣдовательно, человѣкъ искалъ удовольствія исключительно въ одной настоящей реализаціи своихъ идеаловъ, то онъ не дожидался бы его никогда.

Это сознаніе медленнаго осуществленія идеаловъ, постепенности въ ихъ житейской реализаціи составляетъ умственный источникъ художества, какъ творческаго произведенія ума, въ отличіе отъ ремесла и простаго механическаго искусства, имѣющихъ въ виду удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей жизни. Несмотря на все фактическое противорѣчіе между дѣйствительностью и идеаломъ; несмотря на всѣ трудности и противодѣйствія со стороны реальныхъ условій бытія, встрѣчаемыя при житейской реализаціи идеала, человѣкъ одаренъ отъ природы такою неутомимою энергіей, такимъ непосредственнымъ довѣріемъ къ требованіямъ своего духа, что онъ въ своемъ общемъ историческомъ развитіи не отказывается отъ

§ 14, 2. своихъ идеаловъ, но, напротивъ, вѣритъ глубоко въ ихъ *осуществимость*. Художество есть самое наглядное проявленіе этой вѣры. Оно есть по существу своему не осуществленіе идеаловъ, но анти̇ципація ихъ осуществленія, изображеніе будущаго видоизмѣненія реальности, указывающее на грядущее осуществленіе субъективныхъ требованій человѣческаго сердца. Поэтому художество изображаетъ не настоящую жизнь, а желаемую и ожидаемую; оно не дѣйствительная реальность, но только кажущаяся, или призракъ реальности, поддерживающій вѣру въ будущую реализацію идеаловъ. Даже тѣ произведенія художества, поэзіи, которыя имѣютъ своимъ предметомъ не будущее, но прошедшее или настоящее, которыя слѣдовательно не относятся прямо къ тоскѣ, къ желаніямъ и ожиданіямъ человѣка, удовлетворяютъ его субъективному чувству не воспроизведеніемъ того, что̀ было или что̀ есть, не копіею или повтореніемъ дѣйствительности,—для этого существуютъ за предѣлами художества другія, болѣе удобныя средства,—но достигаютъ этой цѣли косвеннымъ указаніемъ на то, что̀ можетъ и должно быть, что̀ при своемъ будущемъ осуществленіи удовлетворяло бы болѣе сердечнымъ влеченіямъ человѣка, чѣмъ обыденная реальность.

Евгеній Вэронъ, одинъ изъ реалистическихъ эстетиковъ нашего времени, указалъ очень мѣтко на *инстинктъ лучшаго* (l'instinct du mieux), какъ на одно изъ началъ художества. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ по природѣ своей стремится къ лучшему, а это лучшее представляется ему сознательно именно въ формѣ не *идеала* вообще, но *осуществимаго* идеала.

Настоящій художникъ, поэтъ, занимаясь какимъ бы то ни было предметомъ, высказываетъ посредствомъ его всегда свою вѣру въ истину идеаловъ и въ возможность ихъ осуществленія. Въ этой вѣрѣ заключается основной стимулъ художественнаго творчества. Безъ этой вѣры самъ поэтъ являлся бы человѣкомъ болѣзненно разстроеннымъ, а произведенія его не достигли бы своей естественной цѣли, т. е. вмѣсто удовлетворенія субъективнымъ потребностямъ духа, причиняли бы только новую скорбь, новое негодованіе на самого себя, на окружающую жизнь и дѣйствительность.

Этотъ взглядъ не устраняется художественными произведеніями пессимизма, ибо не слѣдуетъ забывать, что истинный художникъ, поэтъ и въ пессимистическомъ настроеніи выражаетъ, хотя косвенно, свои идеалы, которые и служатъ для него главнымъ основаніемъ осужденія дѣйствительности,

его жалобъ на жизнь и недовольства существующимъ порядкомъ вещей. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ, что во всякомъ случаѣ идеалъ неугасимо живетъ въ поэтѣ, что ему присуща дѣйствительная, реальная сила, вступающая въ борьбу со всѣмъ тѣмъ, что не соотвѣтствуетъ ея требованіямъ, и такимъ образомъ подготовляется измѣненіе реальныхъ отношеній, согласно указаніямъ идеала, насколько это зависитъ отъ участія человѣка въ развитіи дѣйствительности. § 14, 2.

Изъ двухъ существенныхъ моментовъ творчества, каковы: негативный, т. е. недовольство данною дѣйствительностью съ точки зрѣнія идеала, и позитивный, т. е. надежда на лучшее будущее, на возможность осуществить въ будущемъ свои идеалы, пессимистическое настроеніе выставляетъ на видъ главнымъ образомъ первый, негативный моментъ. Но тѣмъ не менѣе, съ нимъ непосредственно сочетается и моментъ положительный, какъ психическій мотивъ пессимизма, какъ невидимый критерій всякой оцѣнки дѣйствительности.

Здѣсь, на поприщѣ творчества, повторяется тоже самое на что выше указано было при разсмотрѣніи отрицательнаго взгляда на научное значеніе философіи (§ 12, 2). Безусловная негація не возможна и поэтому и не мыслима для ума; она довела бы послѣдовательно до уничтоженія самаго ума, до пріостановленія его дѣятельности. Поэтому, пока умъ дѣйствуетъ, до тѣхъ поръ и самая отрицательная дѣятельность его обнаруживаетъ всегда извѣстные положительные моменты, служащіе началомъ умственной дѣятельности вообще. Въ самомъ отрицаніи знанія заключается извѣстное знаніе; въ философскомъ доказательствѣ ненаучности философіи обнаруживается ея научность; равнымъ образомъ и пессимистическое настроеніе художника, поэта свидѣтельствуетъ о положительныхъ идеалахъ, въ сравненіи съ которыми данная дѣйствительность оказывается неудовлетворительною и ожидается болѣе удовлетворительное будущее. Впрочемъ замѣтимъ, что даже теоретическій пессимизмъ Шопенгауера, Гартмана и др. предполагаетъ въ будущемъ осуществленіе состоянія болѣе удовлетворительнаго, чѣмъ данное. Тѣмъ болѣе не могутъ отречься отъ естественной вѣры въ осуществимость идеаловъ пессимистическіе художники, несмотря на все свое негодованіе на дѣйствительность.

Приведенное воззрѣніе объясняетъ надлежащимъ образомъ двойственную натуру художества, съ одной стороны его существенно идеальный характеръ, его идеализацію дѣйствитель-

§ 14, 2 ности, а съ другой—его тѣсную связь съ реальными потребностями и стремленіями жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что только при такомъ пониманіи художества возможно провести ясно опредѣленную грань между настоящими идеалами и всякаго рода утопіями. *Утопія* (отъ οὐ = нѣтъ, и τόπος = мѣсто, отрицаніе мѣста: то, что̀ нигдѣ не находится) представляетъ прямую противоположность идеалу, съ точки зрѣнія ихъ осуществимости Идеалъ осуществимъ; утопія—неосуществима. Поэтому и самый крайній утопистъ не признаетъ за своими произведеніями характера утопій, но видитъ въ нихъ осуществимые идеалы. Но какъ на поприщѣ познанія каждое положеніе признается истиннымъ только на основаніи предварительнаго доказательства, такъ точно и идеалы оправдываютъ истинность своего содержанія при помощи соотвѣтственнаго доказательства Это доказательство заключается именно въ художественномъ изображеніи идеаловъ, въ наглядномъ представленіи возможности ихъ осуществленія среди данныхъ условій физическаго и умственнаго бытія человѣка. Благодаря этому доказательству осуществимости, слѣдовательно и истины идеала; благодаря осязательному оправданію того положенія, что идеалъ—не утопія, но воплащаемъ въ дѣйствительность, что онъ долженъ быть и на самомъ дѣлѣ со временемъ будетъ дѣйствительностью,—художество, поэзія поддерживаютъ довѣріе человѣка къ непреложности своихъ идеальныхъ стремленій, превышающихъ непосредственныя данныя чувственнаго бытія, и этимъ содѣйствуютъ истинному прогрессу человѣчества на пути къ достижимому для него совершенству.

Съ приведенною характеристикою идеаловъ и творчества расходятся реалистическія и натуралистическія направленія новѣйшаго времени на поприщѣ художества и поэзіи. Приверженцы этихъ направленій утверждаютъ, что настоящая задача поэзіи и художества заключается не въ представленіи какихъ либо идеаловъ, но въ представленіи дѣйствительности, т. е. въ наглядномъ изображеніи того, что̀ есть, а не того, что̀ должно быть. Все творчество, согласно этому взгляду, защищаемому въ новѣйшее время главнымъ образомъ знаменитымъ французскимъ эстетикомъ Тэномъ, сводится къ представленію выдающихся чертъ предметовъ, слѣдовательно — къ ихъ наглядной характеристикѣ.

Не задаваясь подробнымъ разборомъ этого воззрѣнія на творчество, такъ какъ подобнаго рода разборъ составляетъ одну изъ критическихъ задачъ теоріи изящнаго или эстетики,—

§ 14, 2.

укажемъ здѣсь только на слѣдующіе моменты, пополняющіе вышесказанное о творчествѣ и идеалахъ.

1) Относительно точнаго, яснаго и всесторонняго уразумѣнія дѣйствительности, ея выдающихся и характеристическихъ чертъ, художество не можетъ соперничать съ наукою. Оно, по существу своему, имѣетъ дѣло съ частными, индивидуальными, единичными явленіями и поэтому только косвенно способно представить общія начала дѣйствительности, ея законы. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, оно съ точки зрѣнія реалистической, могло бы быть только *иллюстраціею* научныхъ истинъ. Но тогда не существовало бы никакой истинной разницы между хорошо исполненной геометрической фигурой, техническимъ рисункомъ, изящнымъ анатомическимъ атласомъ, простою лѣтописью, школьнымъ дневникомъ, судебнымъ протоколомъ, купеческимъ счетомъ, хорошею фотографіею и т. п. и настоящими произведеніями художества и поэзіи. Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ изображеніями выдающихся, характеристическихъ чертъ дѣйствительности.

2) Художникъ, поэтъ, самый даже реалистическій, не пользуется тѣми методическими средствами и пособіями, которыя отрываютъ ученаго изслѣдователя отъ его личныхъ, субъективныхъ воззрѣній и даютъ ему возможность познать объективную дѣйствительность. Напротивъ, художникъ, поэтъ создаетъ свои творенія путемъ непосредственной дѣятельности, находящейся подъ вліяніемъ всей его индивидуальности, слѣдовательно, и подъ вліяніемъ вполнѣ субъективныхъ началъ.

На это значеніе личности, индивидуальности въ художественномъ творчествѣ указалъ съ большою энергіею упомянутый выше эстетикъ Вэронъ, опровергая на этомъ основаніи приведенную теорію Тэна.

Ради даннаго предмета художникъ не отрывается отъ своихъ личныхъ чувствованій, желаній, надеждъ, стремленій. Уже выборъ изображаемаго предмета изъ среды безчисленныхъ другихъ, представленіе его съ извѣстной опредѣленной стороны, безъ вниманія къ другимъ, равно реальнымъ сторонамъ его; далѣе самостоятельное, во всякомъ случаѣ не навязываемое дѣйствительностью, сопоставленіе именно тѣхъ, а не другихъ явленій, предметовъ, личностей, событій; наконецъ, болѣе или менѣе произвольное представленіе ихъ преемства, все это сочетается непосредственно со всею индивидуальностью художника, поэта и становится выраженіемъ его субъективныхъ влеченій, принимающимъ только видъ объективности.

§ 14, 2. Основное содержаніе художественнаго и поэтическаго произведенія всегда связано съ чувствованіями удовольствія и неудовольствія автора, съ его симпатіями и антипатіями. Только форма для этого субъективнаго, идеальнаго содержанія въ художествѣ и поэзіи объективна, реальна, ибо художникъ, поэтъ, какъ мы видѣли, стремится показать *осуществимость*, возможность реализаціи своего взгляда на жизнь и міръ, своего желанія видоизмѣнить неудовлетворительную дѣйствительность на болѣе удовлетворительную.

Это стремленіе высказывается непосредственно и въ самыхъ натуралистическихъ произведеніяхъ художества и поэзіи. И они вызываютъ удовольствіе не точнымъ изображеніемъ реальной дѣйствительности, заключающей въ себѣ всегда противорѣчія и дисгармонію; но представленіемъ, прямымъ или косвеннымъ, такого содержанія, которое по мысли художника, поэта имѣетъ больше права на реальность, чѣмъ данная дѣйствительность, которое, слѣдовательно, по его взгляду, должно быть осуществлено въ жизни, несмотря на всѣ реальныя трудности. Изъ этого оказывается, что и художникъ, поэтъ-натуралистъ или реалистъ имѣютъ по необходимости свои идеалы и воплощаютъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ.

3) Наконецъ, нельзя оспаривать указаннаго факта, что человѣкъ вообще недоволенъ существующими реальными отношеніями и стремится къ ихъ видоизмѣненію, т. е., что въ умѣ его возникаютъ разнообразные идеалы, какъ образцы, типы этихъ желаемыхъ и ожидаемыхъ видоизмѣненій дѣйствительности. Гдѣ же высказываются эти идеалы, какъ не въ художествѣ и поэзіи?

Наука изучаетъ идеалы, изслѣдуетъ ихъ, но только какъ реальные факты умственнаго развитія человѣка; она не создаетъ ихъ; напротивъ, подвергаетъ ихъ критикѣ съ точки зрѣнія объективной дѣйствительности. Что же касается до практической жизни, то она въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ своихъ, въ дѣятельности какъ индивидовъ, такъ и цѣлыхъ массъ, народовъ, человѣчества осуществляетъ тоже идеалы, движется, такъ сказать, впередъ по указанному ими пути и направленію; она и содѣйствуетъ ихъ возникновенію, вызываетъ ихъ. Но идеалы по отношенію къ практической жизни—только невидимыя пружины ея движеній; жизнь сама не представляетъ ихъ, не обнаруживаетъ съ надлежащею наглядностью ихъ содержанія. Въ разнообразныхъ формахъ жизни представляются не идеалы, а только ихъ видоизмѣненное осуществленіе, согласно реаль-

нымъ условіямъ жизни. Такимъ образомъ, остается только художество и поэзія, какъ настоящая область идеала, какъ поприще, свойственное ему по существу, на которомъ идеалъ проявляется вполнѣ свободно, можетъ быть собою и облечься въ форму, соотвѣтственную его обманчивому содержанію. § 14, 2.

Литература. Вопросъ объ идеалахъ и творчествѣ разсматривается ближе въ сочиненіяхъ по *психологіи* и *эстетикѣ*. Эта послѣдняя изучаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и условія воплощенія идеаловъ въ художествѣ. Сочиненія эти будутъ приведены въ энциклопедическомъ обозрѣніи отдѣльныхъ философскихъ наукъ. Здѣсь вспомнимъ только о слѣдующихъ сочиненіяхъ, пополняющихъ непосредственно вышесказанное

Поучительное представленіе постепеннаго развитія идеаловъ заключаютъ въ себѣ:

Karl Rosenkranz († 1879), *Die Poesie u. ihre Geschichte. Entwickelung der poetischen Ideale der Volker.* 1855. Розенкранцъ различаетъ *пластическіе* идеалы красоты, *дидактическіе*—мудрости и *романтическіе*—свободы, и показываетъ, какъ эти идеалы развивались постепенно какъ въ человѣчествѣ вообще, такъ въ особенности среди выдающихся народовъ.

M. Carriere, *Die Kunst im Zusammenhange der Kulturentwickelung u. die Ideale der Menschheit.* 5 томовъ. 1863. Изд. 3-ье 1877—1885. Русскій переводъ Е. Корша. Истинно классическое сочиненіе по этому предмету. См. тоже его *Aesthetik.* 1859. Изд. 3-ье 1885.

Th. Gauckler, *Le beau et son histoire.* 1873 Первая часть этого соч. имѣетъ предметомъ теоретическое изложеніе основъ идеала красоты, вторая—заключаетъ въ себѣ краткое обозрѣніе историческаго развитія художества и поэзіи.

W. F. Begg, *The development of taste.* 1887. Авторъ разсматриваетъ главнымъ образомъ развитіе эстетическаго чувства въ три послѣднія столѣтія и доходитъ до заключенія, что первоначально эстетическое чувство довольствуется красотою отдѣльныхъ частныхъ предметовъ, потомъ оно ищетъ красоту въ природѣ, какъ цѣломъ, въ живописной связи ея предметовъ и явленій, наконецъ, оно находитъ самое высшее удовлетвореніе въ пониманіи природы, какъ откровенія божественнаго духа.

Упомянутыя идеалистическія ученія о художествѣ Канта, Гегеля и Фишера изложены въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

Kant, *Kritik der Urtheilskraft* (§ 9, 1 *Лит*); см. въ особенности *аналитику эстетической способности сужденія*, § 17: *объ идеалѣ красоты.*

Hegel, *Vorlesungen uber die Aesthetik. Werke.* Т. X. 1838. Русскій переводъ В. Модестова, *Курсъ эстетики или наука изящнаго.* Три части 1859—1860. См. I-ую часть, Введеніе.

Th. Vischer († 1887), *Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen*, три тома, 1846—1857. Классическое сочиненіе по эстетикѣ, которое, несмотря на односторонній идеалистическій характеръ, не потеряло своего значенія по настоящее время. См. въ особенности Т. II, § 398 и слѣд.

Выраженіе *утопія* ввелъ извѣстный англійскій писатель XVI-аго вѣка Томасъ Моръ (Th. Morus), который въ своемъ соч. *De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia*, 1516, представилъ идеалъ новаго общественнаго устройства въ духѣ Платона.

§ 14, 2. Eugène Véron, *L'esthétique*. Изд. 2-ое 1883. На стр. 7, 106 и слѣд., авторъ говоритъ: „Le caractère saillant et essentiel de l'homme, c'est une incessante activité cérébrale, qui se répand en une foule d'actes et d'oeuvres de toute nature. Le but et le régulateur de cette activité, c'est la recherche du *mieux*, c'est-à-dire la satisfaction de plus en plus complète de ses besoins physiques et moraux. Cet instinct, commun à tous les animaux, est secondé chez l'homme par une faculté beaucoup plus développée d'appropriation des moyens au but.“ Развивая вслѣдъ за симъ подробно взглядъ, что искусство есть просто только оживленное выраженіе человѣческой личности (l'art n'est autre chose que l'expression émue de la personalité humaine), Вэронъ критикуетъ ученіе Тэна объ искусствѣ, какъ изображеніи характеристическихъ чертъ предмета, и называетъ это ученіе смѣшеніемъ искусства съ наукою.

H. Taine, *Philosophie de l'art*. 1865. *De l'idéal dans l'art*. 1867. Переводъ А Н. Чудинова, *Чтенія объ искусствѣ* 1874. I-ый курсъ лекцій: *Философія искусства*, стр. 1—63; III-ій курсъ: *Объ идеалѣ въ искусствѣ*, стр. 133 — 207. См. въ особенности стр. 8 и слѣд. 20, 24, 134. Новое изд 1889. „Наука, говоритъ Тэнъ, не осуждаетъ и не прощаетъ; она только указываетъ и объясняетъ.“ „Эстетика поступаетъ подобно ботаникѣ, которая съ одинаковымъ интересомъ изучаетъ то апельсинное дерево и лавръ, то ель и березу; сама она нѣчто въ родѣ ботаники, изслѣдующей только не растенія, а человѣческія произведенія“... „Искусство имѣетъ цѣлью обнаружить главный характеръ, какое нибудь важное и выдающееся качество, преобладающую точку зрѣнія, существенный образъ проявленія предмета.“ Это то качество, „изъ котораго, путемъ неизмѣнной зависимости, проистекаютъ всѣ или, по крайней мѣрѣ, многія другія качества“... „Итакъ, все дѣло художественнаго произведенія—передать какъ можно рельефнѣе и осязательнѣе существенный характеръ, или по крайней мѣрѣ, характеръ преобладающій въ предметѣ“... Для того, чтобы представить такой существенный характеръ предмета, художникъ составляетъ себѣ идею того характера и по идеѣ преобразуетъ дѣйствительный предметъ. „Преобразованный на этомъ основаніи предметъ становится соотвѣтственнымъ идеѣ, другими словами — *идеаленъ*.“ „Итакъ, вещи переходятъ изъ реальныхъ въ идеальныя, когда артистъ воспроизводитъ ихъ, преобразуя по своей идеѣ; преобразуетъ же онъ ихъ по своей идеѣ тогда, когда, постигнувъ въ нихъ какой нибудь особенно замѣтный характеръ и выдѣливъ его изъ среды другихъ, онъ систематически видоизмѣняетъ естественныя соотношенія частей ихъ, именно съ тѣмъ, чтобы выдвинуть этотъ характеръ болѣе на видъ и придать ему болѣе господствующее значеніе.“ Во всякомъ случаѣ, художникъ въ сущности анатомъ, физіологъ или психологъ; задача его заключается въ представленіи не того, что̀ должно быть, а того что̀ *есть*.

По поводу взглядовъ Тэна и вообще позитивистической эстетики см. Г. Струве, *Искусство и позитивизмъ*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за Іюль, 1875.

Замѣчательны еще по разсматриваемому выше предмету слѣдующія сочиненія:

S. A. Byk, *Die Physiologie des Schönen*. 1878 На стр. 88 и слѣд. разсматривается въ этомъ соч. *идеалъ*. Авторъ отличаетъ общіе идеалы отъ частныхъ, индивидуальныхъ. Послѣдніе истекаютъ изъ индивидуальныхъ чувствованій и потребностей единичнаго человѣка, между тѣмъ какъ первые, по взгляду автора, суть воплощеніе *идей*, т. е. общихъ началъ умственной дѣятельности.

§ 14, 2.

Ed. v. Hartmann, *Philosophie des Schönen.* 1887. На стр. 434 и слѣд. мы находимъ особую статью, разсматривающую отношеніе *красоты* къ *истинѣ* (Schonheit und Wahrheit). Какъ обыкновенно, такъ и въ данномъ случаѣ Гартманнъ доходитъ до крайности и вращается въ парадоксальныхъ противорѣчіяхъ. Такъ напр онъ утверждаетъ, что между красотою и истиною нѣтъ ничего общаго, что красота не можетъ быть истинною, а истина прекрасною (die Schonheit kann nicht wahr, u. die Wahrheit kann nicht schon sein). Съ другой же стороны, при опредѣленіи отношенія философіи, какъ „метафизической и идеалистической истины," къ красотѣ онъ модифицируетъ снова это положеніе и признаетъ, что между приведенными началами существуетъ извѣстное сродство по содержанію. Значеніе помянутой статьи заключается главнымъ образомъ въ остроумной критикѣ реалистической эстетики.

Изъ взглядовъ русскихъ мыслителей на идеалы и творчество замѣчательны

М. Владиславлевъ, *Психологія.* 1881. Т. I. Отдѣлъ II-ой, глава 2-ая, *Воображеніе.* „Воображеніе, говорится здѣсь, есть своего рода архитекторъ, строящій новыя зданія, но изъ матеріаловъ, которыхъ самъ не создаетъ, а беретъ готовые, мало того, въ самомъ стилѣ и характерѣ своихъ построеній зависитъ отъ наблюдаемыхъ имъ зданій." „Удовлетворяя глубокой потребности души въ сближеніи съ цѣннымъ и многозначительнымъ бытіемъ, воображеніе создаетъ разнообразный міръ идеаловъ въ искусствѣ, жизни и религіи. Изъ всѣхъ работъ воображенія, эта есть самая трудная. она требуетъ величайшаго напряженія всѣхъ умственныхъ силъ человѣка, не только воображенія, но также и ума. Она можетъ быть названа творчествомъ въ тѣсномъ значеніи этого слова: ибо, пользуясь матеріалами, представляемыми дѣйствительностью, она даетъ существенно новое, далекое отъ нея." — „Анализируя идеалы, построяемые воображеніемъ, мы находимъ слѣдующіе отличительные признаки ихъ. Всякій идеалъ говоритъ намъ не о томъ, что есть, а что должно быть. Имъ мы поправляемъ дѣйствительность. Мы улучшаемъ ее, представляя ее въ своей фантазіи освобожденною отъ недостатковъ, отъ всѣхъ сторонъ, которыми она часто угнетаетъ насъ."

М. Троицкій касается вопроса о творчествѣ въ разныхъ частяхъ своей *Науки о душѣ* 1882 См. въ особенности. Т. I, §§ 14 и слѣд 49. Т. II-ой, §§ 398 и слѣд , 421 и слѣд. *Творчество* онъ называетъ психическую производительность человѣка и различаетъ *мысленное, идеальное* и *дѣйствительное, реальное* творчество. Первое есть „созиданіе въ *умѣ* или въ *мысляхъ* чего нибудь оригинальнаго, т. е. отличнаго отъ наблюдаемаго въ дѣйствительности." Напр., греческіе боги Олимпа, небесная музыка пиѳагорейцевъ, атомы Демокрита, идеи Платона, Дантовъ адъ и т. д. Это мыслительное творчество заключается въ *преобразованіи* первичныхъ идей дѣйствительности и обнаруживается въ преобразованіи въ умѣ во 1-хъ, *физическихъ силъ* и пространственной, матеріальной среды ихъ дѣйствій, во 2-хъ, *психическихъ силъ* и явленій психическаго порядка, и въ 3-хъ, всего физическаго и психическаго, наблюдаемаго въ идеяхъ *бытія возвышающагося* какъ надъ матеріею, такъ и надъ духомъ человѣка. Что же касается до *реальнаго* творчества, то оно наблюдается въ фактахъ *ощущеній и реальныхъ дѣйствій* человѣка и проявляется: во 1-хъ, въ произведеніи міра *внѣшнихъ явленій*, во 2-хъ, въ преобразованіи *отношеній между вещами*, въ 3-хъ, въ психическомъ образованіи людей, достигаемомъ искусственными методами *воспитанія, обученія* и *самообразованія*.—При такомъ широкомъ пониманіи человѣческаго творче-

§ 14, 2. ства выходитъ, что даже *міръ внѣшнихъ явленій* долженъ быть признанъ произведеніемъ творчества человѣка, притомъ не только мыслительнаго, но реальнаго, дѣйствительнаго творчества его.

Н. Карѣевъ разсматриваетъ всесторонне значеніе идей и идеаловъ въ исторіи въ своихъ *Основныхъ вопросахъ философіи исторіи.* 1883. Т. II. Кн. IV, глава 1-ая: *исторія, эволюція и прогрессъ.* „Идея, говоритъ Н. И. Карѣевъ, есть и факторъ, и продуктъ исторіи, и исторія немыслима безъ идеаловъ.“— „Для народовъ, не принимающихъ *statum quo* за нѣчто неизмѣнное, стремящихся реформировать дѣйствительность, идеалъ есть путеводная звѣзда при движеніи впередъ, тогда какъ для народовъ, не имѣющихъ представленія о возможности иной жизни, такъ сказать, увѣковѣчивающихъ свое настоящее, идеалъ есть сама дѣйствительность, или вѣрнѣе цѣпь, приковывающая ихъ къ вѣчному *одно и тоже.* Вотъ почему философія исторіи справедливо дѣлитъ время существованія человѣчества на доисторическое и историческое и народы на историческіе и неисторическіе Исторія есть смѣна идеаловъ; когда народъ впервые заявляетъ новыя требованія отъ жизни, онъ вступаетъ въ историческую эпоху своего бытія и дѣлается народомъ историческимъ“.... Историческіе народы „живутъ идеалами, представляя себѣ лучшаго человѣка и лучшее общество, чѣмъ тѣ, которые даны въ дѣйствительности“.... Поэтому „исторія, прогрессъ, идеалъ, это такія три понятія, которыя немыслимы одно безъ другого.“

Н. Гротъ въ рѣчи: *Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка*, 1889, указываетъ на участіе *объективныхъ* чувствованій, въ особенности чувства *умственной гармоніи* при опредѣленіи истинной внутренней цѣны и значенія вещей и всего міра. Чувство это, при соотвѣтственной разработкѣ, высказывается сознательными *идеалами.* „Если мы будемъ изучать чувства, говоритъ Н. Я Гротъ, въ понятіяхъ не какъ простые психологическіе факты, а въ ихъ соотношеніи съ объективными условіями, которыя ихъ порождаютъ, съ объективнымъ содержаніемъ, которое они выражаютъ, т. е. какъ показатели объективныхъ отношеній гармоніи и дисгармоніи, то получимъ возможность построить такія понятія чувствъ, которыя станутъ *регулятивными принципами* нашего отношенія къ дѣйствительности, сознательными *идеалами* нашей дѣятельности въ ея отношеніи къ объектамъ. На этой почвѣ и вырастаетъ тотъ видъ раціональнаго познанія, которое изучаетъ не данныя отношенія явленій (какъ это дѣлаетъ наука), а то, что *должно быть*, тѣ *цѣли*, къ которымъ все стремится, и *идеалы*, которые осуществляются и должны быть осуществляемы.“

См. тоже въ этомъ отношеніи Г. Струве, *О значеніи и образованіи юношескаго идеализма*, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, Іюль, 1878.

§ 14, 3. **Примѣчаніе 3-ье. Основные идеалы человѣческаго ума. Ихъ объективныя и субъективныя начала.** Изъ природы идеаловъ и ихъ связи съ остальными проявленіями человѣческой дѣятельности истекаетъ все разнообразіе ихъ видоизмѣненій. Чтобы ясно опредѣлить отношеніе философіи къ нимъ, нужно дать себѣ отчетъ въ ихъ главныхъ типическихъ формахъ.

Согласно тремъ основнымъ способностямъ человѣческаго ума (*мышленіе*, *чувствованіе* и *воля*), обнаруживающимся,

§ 14, 3.

какъ мы видѣли выше (§ 11), въ умственномъ развитіи человѣка познавательною, творческою и практическою или нравственною дѣятельностью, *наукою, художествомъ* и *общественнымъ* устройствомъ, всѣ идеалы человѣчества могутъ быть раздѣлены на три главныя группы: *познавательные*, или *логическіе*, *художественные*, или *эстетическіе*, и наконецъ *практическіе* и *нравственные*, или *этическіе*. Имѣя въ виду содержаніе этихъ идеаловъ и конечную цѣль, которую они стремятся осуществить, мы можемъ ихъ назвать просто идеалами *истины*, *красоты* и *добра*.

Въ составъ каждой изъ этихъ группъ идеаловъ входятъ *объективныя* и *субъективныя* начала. *Объективныя* начала заключаются въ тѣхъ реальныхъ отношеніяхъ и условіяхъ, которыя дѣйствіемъ своимъ на субъективность вызываютъ въ ней извѣстныя общія понятія или идеи, признанныя постоянными и неизмѣнными мѣрилами или нормами, вообще *законами*, при оцѣнкѣ данныхъ частныхъ отношеній реальнаго бытія. *Субъективныя* же начала идеаловъ проявляются въ чувствованіяхъ, благодаря которымъ реальныя данныя признаются неудовлетворительными и вызываютъ въ умѣ потребность болѣе удовлетворительныхъ отношеній, которыя, въ свою очередь, представляются осуществимыми на основаніи извѣстныхъ реальныхъ условій. Разъяснимъ эти абстрактныя положенія конкретнымъ представленіемъ какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ началъ приведенныхъ трехъ типическихъ группъ идеаловъ.

1) Объективное начало всякой познавательной дѣятельности, всякой науки есть общее понятіе или идея *дѣйствительности*, признаніе чего-то реально-существующаго, какъ предмета знанія, науки (см. § 4). Понятіе о дѣйствительности есть мѣрило для оцѣнки всякихъ знаній. Знаніемъ или истиною признается только то, что соотвѣтствуетъ нашей идеѣ дѣйствительности.

Прилагая однако къ нашимъ представленіямъ, понятіямъ, воззрѣніямъ и вѣрованіямъ мѣрило дѣйствительности, мы убѣждаемся въ томъ, что наши мысли слишкомъ часто расходятся съ дѣйствительностью, что мы, слѣдовательно, далеки отъ истины, что мы часто подвергаемся обманамъ, заблужденіямъ, лжи, суевѣріямъ и т. п. Сознаніе этой дисгармоніи между идеею о дѣйствительности и реальнымъ состояніемъ нашего познанія дѣйствительности сочетается непосредственно съ чувствомъ неудовольствія, внутренняго разлада; а чувство это вызываетъ въ умѣ соотвѣтственную реакцію въ видѣ желанія познать и уразумѣть дѣйствительность по возможности вѣрно

§ 14, 3. и всесторонне, т. е. согласовать вполнѣ наши мысли съ тѣмъ, что признается дѣйствительностью. Это желаніе составляетъ существенное начало такъ называемой *любознательности*, любви къ познанію вещей, которая вмѣстѣ съ идеею о дѣйствительности создаетъ познавательные идеалы человѣческаго ума, а въ особенности идеалъ *истины*, какъ самаго высшаго уразумѣнія дѣйствительности, и идеалъ *науки*, какъ ея уразумѣнія въ предѣлахъ, доступныхъ для умственной организаціи человѣка. Общая идея *дѣйствительности*, реальнаго бытія есть слѣдовательно, объективное начало всякихъ логическихъ или научныхъ идеаловъ; чувство же потребности истины, потребности согласованія мысли съ дѣйствительностью, т. е любовь къ познанію вещей, или вообще *любознательность*, служитъ субъективнымъ началомъ этихъ идеаловъ.

2) Объективнымъ началомъ художества, поэзіи слѣдуетъ признать идею *стройности*, какъ гармоническаго сочетанія множества отдѣльныхъ моментовъ въ одно цѣлое. Дѣйствительность представляется человѣческому уму не только въ видѣ неразумнаго бытія, общей дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ видѣ *стройнаго цѣлаго*, въ видѣ *міра*, *вселенной*, *космоса* (см. § 9, 2).

Наука можетъ подвергнуть эту идею критическому разбору, можетъ разъяснить ея происхожденіе и значеніе; но не слѣдуетъ забывать, что сама наука и вообще правильное развитіе умственной жизни, возможны только при дѣйствіи этой идеи въ умѣ человѣческомъ, на что ниже указано будетъ болѣе подробно (§ 15, 3). Кромѣ того, объективность обнаруживается фактически въ огромномъ числѣ частныхъ проявленій стройности. Системы небесныхъ тѣлъ, земля какъ одно цѣлое физическихъ и жизненныхъ явленій, кристаллы, физическая и умственная организація живыхъ существъ, единство сознанія, личность, семейство, общество, государство, человѣчество,—все это частные примѣры стройнаго объединенія, гармоническаго сочетанія множества отдѣльныхъ моментовъ, примѣры *синтетическихъ* и *положительныхъ* явленій бытія, *интеграціи*. На основаніи этихъ данныхъ въ умѣ человѣческомъ образовалась идея стройности, которая и приняла для него характеръ общаго начала объективнаго бытія.

Но *стройность* не представляется намъ вездѣ и всегда осуществленною вполнѣ въ частныхъ отношеніяхъ реальнаго бытія. Напротивъ, кромѣ объединенія, синтеза, мы замѣчаемъ часто и явленія разложенія, анализа; кромѣ положительныхъ—

и отрицательныя стремленія, кромѣ интеграціи—и дифференціацію, кромѣ жизни—и смерть. Всѣ эти факты наука изучаетъ объективно, съ точки зрѣнія дѣйствительности; тѣмъ не менѣе, факты эти не согласуются съ естественнымъ, субъективнымъ настроеніемъ чувствованія человѣка, а напротивъ осуждаются имъ и признаются недолженствующими существовать. Какъ явленіе объединяющихъ, синтетическихъ силъ бытія, умъ, воспринимая сознательно эти начала своего субъективнаго бытія и стремясь къ ихъ сохраненію, находитъ удовольствіе только въ *стройности*, въ гармоніи, въ явленіяхъ синтетическихъ и положительныхъ. Всякое же разстройство, всякая дисгармонія, всякое раздробленіе, всякое *отрицаніе*, выступающія съ послѣдовательною исключительностью, не какъ подчиненные моменты стройности, а какъ самостоятельныя начала, вызываютъ всегда субъективное *неудовольствіе*, которое принимаетъ разныя видоизмѣненія, смотря по характеру приведенныхъ отрицательныхъ началъ и по жизненной сферѣ, въ которой они проявляются. § 14, 3.

Въ этомъ фактѣ заключается причина естественнаго пристрастія людей къ догматизму и консерватизму на всѣхъ поприщахъ жизни. Даже крайніе скептики и отрицатели господствующихъ порядковъ находятъ субъективное удовлетвореніе въ своихъ стремленіяхъ только потому, что въ концѣ концовъ имѣютъ въ виду извѣстные положительные результаты, замѣну существующаго порядка вещей другимъ, по ихъ мнѣнію, болѣе удовлетворительнымъ, болѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ благоустройства, объединенія разрозненныхъ элементовъ. Удовлетвореніе въ негаціи ради негаціи, въ дисгармоніи ради дисгармоніи можетъ находить только умъ вполнѣ разстроенный, подобно тому, какъ умалишенный только можетъ довольствоваться логическими противорѣчіями ради противорѣчій.

Изображеніе благоустройства, сочетанія разныхъ, часто противоположныхъ и противоборствующихъ элементовъ въ соотвѣтственной гармонической формѣ, составляетъ сущность *красоты*. Чувство же потребности *стройности, гармоніи* въ связи съ чувствомъ удовольствія, находимаго въ ихъ произведеніяхъ, называется чувствомъ *красоты*, или *эстетическимъ чувствомъ*. Такимъ образомъ, объективное начало эстетическихъ, художественныхъ и поэтическихъ идеаловъ есть идея стройности, гармоніи; субъективное же ихъ начало—чувство красоты, какъ мотивъ стремленія къ стройности и какъ удовольствіе отъ ея осуществленія. Изъ обоихъ этихъ началъ истекаютъ всякаго рода эстетическіе идеалы человѣчества, насколько они пред-

§ 14, 3. ставляются въ чистомъ, типическомъ видѣ, т. е. безъ смѣшенія съ другими идеалами.

3) Наконецъ, что касается идеаловъ практической дѣятельности человѣка, т. е. идеаловъ *нравственныхъ*, то объективнымъ началомъ ихъ служатъ всѣ факты такого реальнаго соотношенія между частью и цѣлымъ, въ которыхъ часть, вслѣдствіе своей зависимости отъ цѣлаго, исполняетъ извѣстное отправленіе или функцію въ пользу этого цѣлаго, и обратно, цѣлое, вслѣдствіе своей зависимости отъ части, исполняетъ извѣстную функцію въ пользу части (см. § 11, стр. 91). Эта взаимная зависимость и взаимное пополненіе части и цѣлаго съ точки зрѣнія ихъ отправленій, не можетъ быть опредѣлена другимъ терминомъ, какъ только терминомъ *цѣлесообразнаго отношенія*, или *цѣлесообразности*, *телеологіи* (отъ τέλος=цѣль и λόγος=наука). Въ указанномъ соотношеніи функція части, направленная къ цѣлому, не имѣетъ сама по себѣ соотвѣтственнаго значенія, но цѣнится только по своему отношенію къ цѣлому, въ которомъ она исполняетъ опредѣленную *задачу*, которое, слѣдовательно, и есть послѣдняя *цѣль* всѣхъ частныхъ моментовъ ея. Съ другой стороны, соотношеніе, о которомъ мы говоримъ, не оканчивается цѣлесообразною функціею части въ пользу цѣлаго. Ибо обратно, и цѣлое, какъ совокупность частей, представляетъ извѣстную функцію, направленную въ пользу каждой отдѣльной части; т. е. всѣ остальныя части цѣлаго поддерживаютъ данную отдѣльную часть и содѣйствуютъ соотвѣтственному развитію ея отправленій. Цѣлое, слѣдовательно, отплачиваетъ, такъ сказать, части взаимностію и имѣетъ попеченіе о ея благостояніи, т е. благосостояніе части есть, въ свою очередь, *цѣль* разнообразныхъ отправленій цѣлаго. *Добро*, *благо* заключается для каждаго отдѣльнаго существа только въ указанномъ цѣлесообразномъ соотношеніи его съ цѣлымъ и въ ихъ взаимномъ пополненіи.

Эта цѣлесообразная стройность обнаруживается въ объективномъ мірѣ прежде всего въ каждомъ живомъ организмѣ, но нагляднѣйшимъ образомъ—въ устройствѣ человѣческаго ума и въ разнообразныхъ произведеніяхъ его разумной дѣятельности, начиная съ производства простѣйшихъ орудій для исполненія какой бы то ни было работы и кончая созданіемъ самыхъ тонкихъ механизмовъ; или же, начиная съ введенія порядка въ ежедневныя, обыденныя занятія и оканчивая установленіемъ законовъ, опредѣляющихъ соотношенія многочисленныхъ членовъ одного государственнаго цѣлаго.

§ 14, 3.

Разумная дѣятельность человѣка сочетается такъ непосредственно съ понятіемъ о цѣли и вызываетъ столь высокое удовлетвореніе осуществленіемъ ея содержанія, что мы не можемъ представить себѣ сознательнаго, разумнаго существа, *дѣйствующаго* безъ всякой цѣли. Умъ на основаніи данныхъ прошедшаго предвидитъ *будущее* и поэтому не можетъ сознательно дѣйствовать, не принимая во вниманіе будущаго, не руководя своимъ дѣйствіемъ по направленію къ нему, т. е. не осуществляя извѣстной *цѣли*.

Какъ идея *стройности*, такъ и идея *цѣлесообразности* подвергается критическому разбору со стороны науки. Наука стремится разъяснить настоящее объективное значеніе этой идеи и объемъ ея примѣненія къ уразумѣнію явленій міра. Однако, и по отношенію къ этой идеѣ слѣдуетъ сказать, что правильная умственная дѣятельность вообще, и въ особенности наука, находятся уже подъ вліяніемъ этой идеи и развиваются только при ея участіи. Прогрессъ умственной жизни человѣка мыслимъ и фактически осуществимъ только при условіи *цѣлесообразной* дѣятельности ума. Притомъ, эта дѣятельность, въ свою очередь, является слѣдствіемъ постепеннаго осуществленія извѣстныхъ природныхъ *цѣлей* человѣческаго бытія, истекающихъ изъ объективной, физической и умственной, организаціи его, и опредѣляется по своему содержанію естественнымъ развитіемъ этой организаціи.

Съ другой стороны, нельзя однако оспаривать факта, что многочисленныя явленія внѣшняго міра и человѣческой дѣятельности представляются уму часто *безцѣльными*, лишенными цѣлесообразности, нарушающими стройное соотношеніе функцій части и цѣлаго. Сюда принадлежатъ, главнымъ образомъ, всѣ явленія отрицательныя, разстройства, разлада, насколько они принимаютъ характеръ самостоятельныхъ фактовъ, а не признаются только средствами для осуществленія положительныхъ цѣлей.

Факты эти, какъ дѣйствительные, составляютъ предметъ научнаго разбора и могутъ приводить насъ къ самымъ разнообразнымъ заключеніямъ. Но съ точки зрѣнія своихъ практическихъ, нравственныхъ и общественныхъ стремленій разумный человѣкъ не довольствуется простымъ признаніемъ фактичности подобныхъ отрицательныхъ, безцѣльныхъ явленій, подобнаго нарушенія цѣлесообразной стройности. Напротивъ, онъ осуждаетъ ихъ, видитъ въ нихъ *зло*, противное разумной, цѣлесообразно дѣйствующей организаціи его и старается

§ 14, 3. устранить ихъ съ внутреннимъ негодованіемъ, какъ начала, противодѣйствующія его стремленіямъ къ осуществленію своихъ жизненныхъ задачъ и цѣлей, къ гармоническому сочетанію своей дѣятельности съ дѣятельностью всѣхъ другихъ существъ. Негодованіе это, выражающееся, какъ увидимъ впослѣдствіи, и научнымъ образомъ въ теоріяхъ такъ называемаго пессимизма, истекаетъ изъ недостаточнаго удовлетворенія одной изъ насущныхъ потребностей каждаго разумнаго индивида, т. е. потребности принадлежать къ соотвѣтственному разумному цѣлому и осуществлять въ немъ извѣстное разумное назначеніе.

Всѣ упомянутые моменты: 1) сознаніе принадлежности къ опредѣленному цѣлому, 2) удовольствіе, истекающее изъ цѣлесообразнаго дѣйствія по отношенію къ цѣлому и, наконецъ, 3) неудовольствіе, истекающее изъ нарушенія цѣлесообразной связи индивида, какъ члена, съ цѣлымъ, къ которому онъ принадлежитъ,—составляютъ умственные элементы такъ называемаго *нравственнаго чувства*, или *совѣсти*.

Нравственное чувство есть субъективное начало всякихъ практическихъ, жизненныхъ идеаловъ человѣка. Объективное же начало этихъ идеаловъ заключается въ тѣхъ реальныхъ формахъ цѣлесообразнаго строя, въ которыхъ единичный человѣкъ играетъ роль члена, исполняющаго извѣстную разумную функцію, извѣстную задачу,—каковы главнымъ образомъ: семейство, общество, государство, человѣчество, природа, міръ, всеобщее бытіе.

Приведенное разъясненіе основныхъ идеаловъ ума человѣческаго и ихъ началъ представило эти идеалы въ видѣ по возможности чистомъ, дающемъ понятіе о ихъ характеристическихъ чертахъ, безъ ихъ смѣшенія между собою. Но, имѣя въ виду постоянное соотношеніе умственныхъ способностей, ихъ органическую, жизненную связь (§ 11, 2), слѣдуетъ замѣтить, что въ фактическихъ проявленіяхъ умственной дѣятельности идеалы эти сочетаются между собою и образуютъ многочисленныя видоизмѣненія, которыя только при помощи строго научнаго анализа могутъ быть разложены на свои составные элементы. Такъ напр., логическіе идеалы сочетаются часто очень близко съ эстетическими, эти послѣдніе—съ нравственными и т. д. Въ самой жизни невозможно никакими средствами разорвать этой естественной ассоціаціи идеаловъ. Впрочемъ, ихъ взаимное пополненіе составляетъ условіе правильнаго и всесторонняго развитія человѣка. Но въ наукѣ, въ критиче-

скихъ изслѣдованіяхъ философіи, слѣдуетъ ясно различать эти идеалы другъ отъ друга и опредѣлить, по возможности точно, значеніе ихъ при разрѣшеніи научныхъ задачъ, въ особенности, когда имѣется въ виду точное осуществленіе одного только изъ приведенныхъ идеаловъ, а именно, въ данномъ случаѣ, логическаго идеала *истины*, т. е. мыслительнаго уразумѣнія реальной дѣйствительности. § 14, 3.

Литература. V. Cousin, *Le vrai, le beau et le bien*, 1853. 17-ое изд. 1872. Сочиненіе это можно назвать классическимъ по изящному изложенію общедоступныхъ началъ психологіи, логики, эстетики, этики и теодицеи, съ точки зрѣнія приведенныхъ идей истины, красоты и добра. Хотя основаніемъ этихъ идеи служатъ три способности ума, каковы: *разумъ* (la raison), *чувствованіе* (le sentiment) и *дѣйствіе* (l'activité), тѣмъ не менѣе Кузенъ стремится показать, что существенное содержаніе ихъ имѣетъ характеръ *раціональный* и поэтому обязательно для каждаго вообще человѣка. Изъ рациональнаго характера этихъ идей истекаетъ равнымъ образомъ безусловное значеніе ихъ содержанія. *Истина* истекаетъ изъ согласія мыслей съ требованіями разума; *красота* заключается въ осуществленіи единства во множествѣ, *добро* есть согласіе стремленій и дѣйствій съ требованіями непосредственнаго нравственнаго чувства, т. е. чувства обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кузенъ доходитъ до заключенія, что идеи эти указываютъ на существованіе Бога, какъ необходимаго начала *истины*, *красоты* и *добра*.

Ближайшее разсмотрѣніе умственныхъ основъ этихъ идеаловъ составляетъ одинъ изъ предметовъ *психологіи*, *логики*, *эстетики* и *этики*. Разборомъ же объективныхъ началъ основныхъ идеаловъ *истины*, *красоты* и *добра*, т. е. идеи *дѣйствительности*, *стройности* и *цѣлесообразности*, занимается главнымъ образомъ *метафизика*. Но такъ какъ эти идеи тѣсно связаны съ взглядами на природу и въ особенности съ опредѣленіемъ началъ и задачъ естествознанія, то онѣ разсматриваются отчасти и въ сочиненіяхъ, касающихся философіи естествознанія. Объ этихъ сочиненіяхъ была рѣчь выше, въ обозрѣніи литературы къ примѣчаніямъ § 13 аго.

§ 15.

Отношеніе науки вообще и философіи въ особенности къ творчеству.

При опредѣленіи отношенія *философіи* къ *творчеству* нужно обратить вниманіе, главнымъ образомъ, на два слѣдующихъ момента. § 15.

во 1-хъ, на участіе творчества, идеаловъ въ осуществленіи задачъ науки вообще и въ особенности задачъ философіи, и

§ 15. во 2-хъ, на существенное различіе между философіею и творчествомъ.

Вслѣдствіе жизненной связи, объединяющей всѣ отправленія ума (§ 11, 2), наука, а слѣдовательно и философія, сочетается непосредственно съ творчествомъ и пользуется имъ для своихъ цѣлей. Имѣя въ виду то обстоятельство, что наука осуществляетъ *идеалъ* познанія дѣйствительности, уразумѣнія міра, т. е. идеалъ *истины*, и что она на этомъ основаніи создаетъ въ сферѣ умственной жизни *новыя* представленія, понятія, воззрѣнія, теоріи, гипотезы, вообще новыя системы какъ отдѣльныхъ наукъ, такъ и философіи, можно утверждать, что наука вообще, вмѣстѣ съ философіею, есть явленіе человѣческаго творчества. Во всякомъ случаѣ, и при самомъ строгомъ различеніи науки и творчества нельзя оспаривать того, что наука воспринимаетъ очень много характеристическихъ началъ творчества.

Такъ, вся внѣшняя *форма* науки, т. е. выраженіе мыслей посредствомъ словъ, образованіе представленій, объединяющихъ ощущенія, получаемыя отъ предметовъ, производство понятій, объединяющихъ въ свою очередь представленія; далѣе—вся научная архитектоника, изложеніе огромнаго матеріала науки въ видѣ системы положеній, знаній, законовъ,—все это въ сущности проявленія творческаго сопоставленія частныхъ научныхъ данныхъ въ одно стройное цѣлое; все это проявленія фантазіи, воображенія, синтетическихъ стремленій ума, идеала стройности, удовлетворяющія своею формою болѣе нашему *эстетическому* чувству, чѣмъ насущной потребности познанія *истины*.

Кромѣ того, и самое *содержаніе* какъ науки вообще, такъ и философіи очень часто бываетъ результатомъ творческой дѣятельности ума. Всякое предположеніе, не доказанное на основаніи безспорныхъ данныхъ, т. е. всякая гипотеза, всякая общая идея или синтетическое воззрѣніе, невыводимыя цѣликомъ изъ осязательныхъ частныхъ элементовъ; всякій анализъ, разборъ, неразлагающій непо-

средственно даннаго предмета или явленія на его составные элементы, но руководимый предположеніями, подчиняющійся общимъ идеямъ, имѣютъ въ сущности характеръ мыслительнаго творчества, художественнаго произведенія на поприщѣ знанія, науки. § 15.

Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ науки столь положительной, чтобы она не пользовалась подобными произведеніями мыслительнаго творчества, научной фантазіи. Напротивъ, произведенія эти входятъ въ составъ естественнаго строя каждой науки и составляютъ необходимое средство ея развитія, прогресса, разрѣшенія ея своеобразныхъ задачъ. Этими произведеніями опредѣляется направленіе научнаго труда, какъ при изученіи самыхъ элементарныхъ началъ науки, фактовъ, явленій, такъ и при разсмотрѣніи всѣхъ общихъ вопросовъ ея. Всякое частное изслѣдованіе, всякая попытка новаго разрѣшенія научнаго вопроса, всякое упрощеніе научныхъ задачъ, болѣе точное, ясное или наглядное ихъ опредѣленіе истекаютъ изъ предварительнаго дѣйствія мыслительнаго творчества, т. е. изъ дѣйствія идеаловъ на поприщѣ науки.

Во всякомъ случаѣ, каждый ученый или мыслитель предлагаемыми новыми воззрѣніями имѣетъ въ виду удовлетворить умственнымъ потребностямъ человѣка болѣе, чѣмъ это, по его мнѣнію, достигалось существовавшими до него воззрѣніями. Данную историческую дѣйствительность, представляющуюся въ господствующихъ взглядахъ, онъ стремится замѣнить новымъ содержаніемъ, имѣющимъ однако характеръ болѣе или менѣе индивидуальнаго идеала до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается достояніемъ науки вообще, т. е. пока предлагаемыя изслѣдованія и выводы не будутъ признаны истинно-научными и другими изслѣдователями, на основаніи соотвѣтственныхъ доказательствъ.

Несмотря однако на всѣ эти элементы мыслительнаго творчества, входящіе въ составъ науки, эта послѣдняя

§ 15. и творчество существенно различаются между собою. Различіе это обнаруживается главнымъ образомъ какъ въ *цѣли* науки и творчества, такъ и умственными *процессами*, дѣйствующими въ нихъ.

Цѣль науки — познаніе истины, дѣйствительности, объективнаго бытія, того, что̀ есть, что̀ существуетъ фактически. Истина ради самой истины, въ ея возможно чистомъ, объективномъ видѣ, безъ всякаго смѣшенія съ посторонними элементами, безъ вниманія къ субъективнымъ чувствованіямъ, желаніямъ, влеченіямъ, соображеніямъ — вотъ идеалъ настоящей, строгой науки. Она не интересуется вопросами о томъ, пріятна или непріятна, полезна или безполезна *истина*, но ищетъ удовлетворенія исключительно въ самой только *истинѣ*, въ познаніи міра таковымъ, каковъ онъ въ дѣйствительности. Если истина пріятна и полезна, если она сочетается съ субъективнымъ удовольствіемъ и удобопримѣнима къ жизненнымъ потребностямъ, тѣмъ лучше. Но наука, какъ наука, не имѣетъ въ виду ни удовольствія, ни удобства; она не отвергаетъ непріятныхъ, неудобныхъ *истинъ*, если онѣ только въ самомъ дѣлѣ—истины. Теорія *утилитаризма* на поприщѣ науки истекаетъ, какъ увидимъ, изъ произвольнаго подчиненія *логическихъ* идеаловъ *практическимъ*.

Правда, умъ человѣческій довѣряетъ непосредственно истинѣ и убѣжденъ, что ея познаніе въ концѣ концовъ приноситъ человѣку больше удовольствія, чѣмъ неудовольствія, больше пользы, чѣмъ вреда. Несомнѣнно, что это непосредственное довѣріе къ истинѣ составляетъ главную пружину, вызывающую изслѣдованія настоящихъ ученыхъ и мыслителей. Но этотъ субъективный стимулъ не опредѣляетъ самъ по себѣ содержанія науки, не предрѣшаетъ результатовъ ея изслѣдованій. Настоящій ученый, мыслитель, во всякомъ случаѣ отрѣшается, насколько это возможно, отъ самыхъ даже возвышенныхъ субъективныхъ чувствованій, желаній, соображеній, признавая для себя,

въ своей научной дѣятельности, единственнымъ закономъ § 15.
познаніе и изложеніе объективной истины въ ея возможно чистомъ, ничѣмъ неискаженномъ видѣ.

И ученый, мыслитель, конечно, знакомъ съ разнообразными умственными явленіями творчества и практической жизни, и онъ подвергается разнообразнымъ чувствованіямъ и жизненнымъ потребностямъ; но въ качествѣ ученаго, мыслителя онъ оцѣниваетъ всѣ эти явленія съ точки зрѣнія ихъ значенія для познанія міра и пользуется ими только какъ *средствами* для достиженія единственной цѣли всѣхъ своихъ стремленій—*истины*.

Художникъ, поэтъ имѣетъ въ виду совершенно другую цѣль. Принимая въ основаніе главнымъ образомъ субъективное настроеніе ума, сердце, онъ не удовлетворяется данною дѣйствительностью, истиною, фактами и явленіями реальнаго міра, реальной жизни, потому только, что они реальны. Напротивъ, онъ хорошо сознаетъ, что большинство людей также, какъ и онъ, не находитъ настоящаго, полнаго удовлетворенія въ томъ, что̀ есть; онъ знаетъ, что дѣйствительность только изрѣдка, въ видѣ исключенія, и только наивному уму можетъ представляться удовлетворительною; что каждый человѣкъ, одаренный живымъ чувствомъ, наравнѣ съ нимъ, томится тоскою объ улучшеніи своего состоянія, исканіемъ чего то болѣе удовлетворительнаго, болѣе совершеннаго; что каждый имѣетъ свои мысли о томъ, что̀ можетъ и должно быть, т. е. свои *идеалы*, и ищетъ въ нихъ какъ облегченія скорби, такъ и утѣшенія, какъ забвенія отъ трудовъ, непріятностей, неудобствъ или скуки обыденной жизни, такъ и подкрѣпленія своихъ силъ для исполненія ея задачъ.

Удовлетвореніе, по возможности полное и всестороннее, всѣмъ этимъ разнообразнымъ и многосложнымъ, часто очень причудливымъ потребностямъ и прихотямъ человѣческаго сердца, при помощи средствъ, по возможности, удобныхъ, подходящихъ къ данному субъективному настроенію,—вотъ существенная цѣль всѣхъ стремленій худож-

§ 15. ника, поэта, цѣль историческаго развитія творчества. Пріятный обманъ, призракъ имѣютъ для художника, поэта больше значенія, чѣмъ непріятная, несносная истина. Онъ представляетъ безъ всякаго колебанія ложь, зло, если только съ помощью этого расчитываетъ достичь главной своей цѣли: удовлетворенія данному субъективному настроенію.

Правда, произведенія творчества должны доставлять человѣку по возможности полное, прочное и всестороннее удовольствіе. Удовольствіе же этого рода истекаетъ только изъ удовлетворенія основнымъ началамъ *человѣческой, гуманной* субъективности и достижимо только при равномѣрномъ вниманіи ко *всѣмъ* насущнымъ требованіямъ человѣческаго духа, къ которымъ, кромѣ удовлетворенія субъективному настроенію, принадлежатъ еще *истина* и *нравственность*. Настоящее художественное произведеніе ради эстетическаго удовольствія не расходится съ этими требованіями; не обижаетъ ни логическаго, ни нравственнаго чувства, такъ какъ оно вызывало бы въ такомъ случаѣ ихъ реакцію въ видѣ неудовольствія и вслѣдствіе этого оказалось бы въ разладѣ съ своею собственною цѣлью *Логическое правдоподобіе* и *нравственная чистота* идеаловъ входятъ, такимъ образомъ, въ составъ условій полнаго эстетическаго удовольствія. Но тѣмъ не менѣе ни истина, ни добро не составляютъ *цѣлей* художества. Они цѣнятся художникомъ, поэтомъ, единственно какъ *средства* для достиженія своеобразныхъ *эстетическихъ* цѣлей, лежащихъ за предѣлами вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности и непосредственныхъ задачъ практической жизни.

Второй моментъ различія между творчествомъ и наукою, слѣдовательно и философіею, представляется при сравненіи *процессовъ*, производящихъ эти явленія умственной жизни. Наука и художество, философія и поэзія могутъ касаться одного и того же предмета, могутъ имѣть одно и то же содержаніе, напр., взглядъ на природу, на жизнь, на человѣка, на Бога. Но происхожденіе этихъ взглядовъ

совершенно различно въ обѣихъ этихъ областяхъ умствен- § 15.
ной дѣятельности.

Творчество проявляетъ свое содержаніе путемъ непосредственнаго воззрѣнія, интуиціи, вдохновенія, при помощи фантазіи, т. е. творческаго воображенія. Художнику, поэту представляются его образы какъ нѣчто готовое, законченное, какъ явленія, тѣсно связанныя съ его индивидуальнымъ расположеніемъ, съ его личными чувствованіями, желаніями, стремленіями. Значеніе и достоинство этихъ явленій зависятъ у него не отъ какихъ либо логическихъ доказательствъ, или вообще отъ оцѣнки умственныхъ процессовъ, создавшихъ эти явленія, но исключительно отъ ихъ дѣйствія на субъективное настроеніе поэта, отъ степени и характера вызываемаго ими внутренняго удовольствія. Равнымъ образомъ, и все дальнѣйшее осуществленіе художественнаго произведенія находится главнымъ образомъ подъ вліяніемъ этихъ субъективныхъ началъ.

Въ совершенно иномъ видѣ представляются процессы, плодомъ которыхъ являются какъ частныя научныя положенія, истины, такъ и сопоставленіе ихъ въ одно цѣлое, называемое наукою. Воззрѣнія, предлагаемыя ученымъ, мыслителемъ, не имѣютъ характера непосредственности, но составляютъ результатъ цѣлаго ряда сознательныхъ процессовъ, оправдывающихъ ихъ содержаніе. Это послѣднее основывается въ наукѣ всегда на предшествующихъ методическихъ изслѣдованіяхъ и цѣнится не какъ проявленіе непосредственнаго вдохновенія, интуиціи, но только какъ результатъ разбора дѣйствительности и какъ точное мыслительное воспроизведеніе ея, какъ *истина*.

Согласно съ этимъ, ученый, мыслитель не навязываетъ другимъ своихъ взглядовъ какъ нѣчто готовое, законченное, совершенное, способное непосредственно однимъ только появленіемъ своимъ, или однимъ существованіемъ вызывать удовлетворительное впечатлѣніе, снискать себѣ признательность другихъ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ художественнымъ произведеніямъ. Напро-

§ 15. тивъ, онъ знаетъ, что все научное значеніе его взглядовъ зависитъ вполнѣ отъ данныхъ, оправдывающихъ ихъ содержаніе, и поэтому излагаетъ эти взгляды всегда въ связи съ опредѣленною аргументаціею, т. е. онъ *доказываетъ*, демонстрируетъ истину своихъ воззрѣній. Такимъ образомъ, если творчество, по существу своему, *догматично*, то наука, напротивъ, по существу своему, *критична* (см. § 10).

Все вышесказанное о наукѣ и творчествѣ, о философіи и художествѣ, сводится къ тому положенію, что хотя философія пользуется по возможности творчествомъ, какъ средствомъ, пособіемъ для познанія и уразумѣнія міра, тѣмъ не менѣе она отличается отъ него существенно какъ по цѣли своихъ стремленій, такъ и по характеру своихъ умственныхъ процессовъ, т. е. философія не есть произведеніе творчества, но *наука*.

§ 15, 1. **Примѣчаніе I-ое. Критика взглядовъ Ф. А. Ланге на метафизическое творчество.** Несмотря на представленное нами существенное различіе между наукою и творчествомъ, между философіею и поэзіею, въ новѣйшее время неоднократно высказываемо было воззрѣніе, что философія въ сущности не наука, а произведеніе творчества, т. е. поэзія на поприщѣ мыслительной дѣятельности. Исходною точкою этого воззрѣнія были взгляды извѣстнаго философа нашего времени, автора знаменитой „*Исторіи и критики матеріализма*“ Фр. Альб. Ланге († 1875).

Въ приведенномъ сочиненіи Ланге развиваетъ, между прочимъ, подробно ту мысль, что *метафизика*, имѣя въ виду познаніе основныхъ началъ бытія, не *наука*, такъ какъ начала эти недоступны для человѣческаго ума, а проявленіе *фантазіи*, *воображенія*, *эстетическихъ* и *архитектоническихъ*, вообще *синтетическихъ* влеченій ума, пополняющихъ недостатки точнаго, строго-научнаго познанія вещей.

Такое идеальное пополненіе эмпирической реальности при помощи *метафизическаго творчества* (metaphysische Dichtung) Ланге признаетъ насущною потребностью человѣческаго духа, наравнѣ съ *поэтическимъ* и *религіознымъ* творчествомъ; ибо иначе мы не можемъ дойти до удовлетворительнаго представленія о мірѣ, какъ объ одномъ цѣломъ, и не способны осуществлять въ немъ свои нравственные идеалы. Но Ланге возстаетъ

противъ смѣшенія гипотетическихъ произведеній метафизическаго творчества, философской спекуляціи, съ настоящей наукой, основанной на опытномъ изслѣдованіи явленій и на ихъ механическомъ объясненіи съ точки зрѣнія новѣйшаго естествознанія. § 15, 1.

Историческимъ основаніемъ приведеннаго ученія Ланге о *метафизическомъ творчествѣ* служитъ, съ одной стороны, негативный результатъ *критики чистаго разума* Канта, по которому вещь сама въ себѣ не доступна для человѣческаго ума, а съ другой стороны, положительный результатъ его же *критики практическаго разума*, указывающей на самостоятельное значеніе нравственныхъ потребностей и влеченій человѣческаго ума, независимо отъ ограниченности теоретическаго познанія вещей. Въ этомъ духѣ Ланге приписываетъ философіи двѣ главныя задачи: одну *негативную, отрицательную*, другую *позитивную, положительную*. Первая задача—научная, составляетъ предметъ *логики* и *теоріи познанія*, или собственно *критики ума*; вторая—нравственная, составляетъ предметъ *спекулятивной метафизики*.

Критика ума, по мнѣнію Ланге, подвергаетъ познавательные процессы всестороннему разбору и приводитъ, согласно Канту, къ убѣжденію въ невозможности вникнуть въ сущность предметовъ. Умъ человѣческій зависитъ въ своей познавательной дѣятельности отъ своей субъективной организаціи. Эта послѣдняя видоизмѣняетъ по своему прирожденному, апріорному содержанію матеріалъ опыта, вызванный реальною объективностью. Матеріалъ этотъ мы можемъ ближе уразумѣть и усвоить себѣ только на основаніи умственнаго закона *причинности*, который влечетъ за собою механическое объясненіе явленій въ духѣ новѣйшаго естествознанія. Насколько причинность касается и самаго, отъ насъ независящаго, объективнаго міра, этого мы, по Ланге, сказать не можемъ; но мы знаемъ, что въ объемѣ нашей познавательной способности раскрытіе причинной, механической связи между явленіями составляетъ единственное средство ихъ уразумѣнія, становится единственно *наукою*. За предѣлами такого механическаго объясненія частныхъ явленій нѣтъ, по мнѣнію Ланге, познанія, науки для человѣка. За этими предѣлами начинается мыслительное творчество (Begriffsdichtung), объединительная, синтетическая дѣятельность ума, обнаруживающаяся какъ въ метафизикѣ, такъ и въ искусствѣ и въ религіи.

§ 15, 1. Задача спекулятивной метафизики, какъ второй, *положительной* части философіи, состоитъ, по взгляду Ланге, въ созданіи идеальнаго міра (Idealwelt), способнаго болѣе удовлетворить человѣческій *умъ*, чѣмъ неудовлетворительные и недоконченные взгляды научнаго познанія (das unbefriedigende Stuckwerk der Erkenntniss). Но философъ долженъ сознаться въ томъ, что его идеальныя созданія не имѣютъ ничего общаго съ наукою, что ихъ значеніе заключается не въ ихъ *истинѣ*, но исключительно въ ихъ возвышенномъ нравственномъ содержаніи, въ ихъ эстетической гармоніи и въ ихъ архитектонической стройности.

Съ этими взглядами Ланге сходится, во многихъ отношеніяхъ, приведенное ученіе Вундта о трансцендентальныхъ идеяхъ разума (§ 14, 1, стр 159 и 163).

Какъ ни интересно и увлекательно съ перваго взгляда приведенное воззрѣніе, тѣмъ не менѣе оно въ сущности только остроумный вымыселъ, котораго нельзя оправдать серіозными аргументами. Несостоятельность его, а тѣмъ болѣе несостоятельность распространенія этого взгляда на всю философію, обнаруживается на основаніи слѣдующихъ замѣчаній:

1) Образованіе при помощи фантазіи и воображенія синтетическихъ построеній мысли и гипотезъ не составляетъ характеристической черты ни философіи вообще, ни въ особенности метафизики въ отличіе отъ другихъ наукъ. Каждая наука, какъ мы видѣли (§ 15), пользуется этими умственными пріемами при уразумѣніи своего предмета. Поэтому непонятно, почему Ланге познавательныхъ недостатковъ метафизическаго творчества не распространяетъ и на такъ называемую имъ *науку*, которая является въ сущности тоже результатомъ *мыслительнаго* творчества. Самъ Ланге сознается очень ясно въ томъ, что и „естествоиспытатель, несмотря на всю строгость своихъ спеціальныхъ изслѣдованій, не можетъ вполнѣ подавить въ своемъ мышленіи метафизической спекуляціи.“ „Идея, говоритъ онъ, равно необходима для прогресса наукъ, какъ и факты.“ Въ своихъ *Новыхъ добавленіяхъ къ исторіи матеріализма* онъ показываетъ ясно, что, напр. „химія развилась почти цѣликомъ на основаніи метафизическихъ понятій.“ Впрочемъ, по примѣру Канта онъ признаетъ вполнѣ участіе субъективнаго воображенія уже при образованіи самыхъ простыхъ представленій о предметахъ, безъ которыхъ, естественно, не мыслима наука. Ланге въ этомъ отношеніи становится край-

нимъ идеалистомъ, признавая всѣ наши воззрѣнія на внѣшній міръ произведеніемъ нашей субъективной мыслительной дѣятельности, безъ всякаго истинно объективнаго содержанія. Такимъ образомъ, въ послѣдовательномъ развитіи основной идеи о мыслительномъ творчествѣ слѣдовало бы не только метафизику, но и всѣ другія науки признать произведеніями этого творчества Разницы въ этомъ отношеніи между метафизикой и другими науками нѣтъ никакой. § 15, 1.

Правда, философія, а слѣдовательно и метафизика, не довольствуются ни одними конкретными представленіями о предметахъ, ни обобщеніемъ отдѣльныхъ группъ и рядовъ явленій, а имѣютъ въ виду самыя общія объединенія и образуютъ воззрѣнія, гипотезы и теоріи, обнимающія собою болѣе обширные круги бытія, или даже, если это возможно, бытіе вообще. Однако, все это не уничтожаетъ научнаго характера ни философіи, ни метафизики, если только не станемъ оспаривать познавательнаго значенія умственныхъ объединеній въ наукѣ вообще, и если эти метафизическія объединенія согласуются съ требованіями научной теоріи познанія. Сводить высшія объединенія и дальнѣйшіе выводы философіи къ особому метафизическому *творчеству* и признавать *научный* характеръ исключительно за объединеніями другихъ наукъ, менѣе обширными, и за ихъ выводами, болѣе близкими, — для этого нѣтъ рѣшительно ни логическаго, ни психологическаго основанія. Впрочемъ и объединенія естественныхъ наукъ, напр., самые общіе законы природы, признаваемые Ланге произведеніями не *творчества*, а *науки*, приближаются по своему объему очень близко къ философскимъ объединеніямъ.

Такимъ образомъ, во всемъ этомъ спорѣ представляется намъ только слѣдующая дилемма: или изъ понятія о *научности* слѣдуетъ исключить всякаго рода объединенія частныхъ фактовъ, явленій, всякую синтетическую дѣятельность и ограничить научность изученіемъ только фактичности, отвергающимъ всякое стремленіе къ уразумѣнію соотношенія явленій и ихъ общихъ началъ,—а въ такомъ случаѣ и естественныя науки не заслуживали бы имени науки; — или же слѣдуетъ признать, что философскія объединенія и выводы, имѣя въ виду объяснить совокупность и соотношеніе явленій бытія, сами по себѣ, по существу своему, вовсе не менѣе научны, чѣмъ объединенія и выводы другихъ наукъ.

2) Математика принадлежитъ безспорно къ самымъ точнымъ и достовѣрнымъ наукамъ. Но точность и достовѣрность

§ 15, 1. математики, по взглядамъ самого Ланге, не истекаетъ изъ опытнаго матеріала, входящаго въ ея составъ, но изъ согласія ея положеній съ организаціею нашего ума. Оказывается, что точность и достовѣрность въ сферѣ нашего человѣческаго познанія, слѣдовательно—и *наука*, основываются не только на свидѣтельствѣ чувствъ и опыта, но и на умственной дѣятельности, разрабатывающей матеріаль, добытый посредствомъ опыта, при помощи законовъ ума (см. § 4, 1). Вслѣдствіе этого и философія, вмѣстѣ съ метафизикою, хотя онѣ въ своихъ окончательныхъ выводахъ не основываются непосредственно на опытѣ, но на разработкѣ его матеріала, согласно организаціоннымъ требованіямъ ума, вовсе не лишены характера *науки*.

Дѣйствительно, можно спорить только о томъ, на сколько понятіе достовѣрности, истекающее изъ *нашей* умственной организаціи, даетъ намъ ручательство безусловной, абсолютной истины, въ смыслѣ ея независимости отъ человѣческой субъективности Это, какъ увидимъ позже, одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ критики познанія. Но каковъ бы ни былъ результатъ этой критики, во всякомъ случаѣ истина, доступная для человѣка, мыслима только на основаніи его умственной организаціи. Во всякомъ случаѣ, результаты этой критики обнимаютъ собою всю познавательную дѣятельность ума, не только философію, но и всѣ другія науки. Изъ этого ясно, что эти послѣднія не въ состояніи дать бо́льшаго ручательства достовѣрности, чѣмъ философія, пользующаяся тѣми же самыми, общими всѣмъ наукамъ, правильными средствами познавательной дѣятельности ума.

3) Наконецъ, непонятно, почему Ланге довѣряетъ только принципу *механическаго* объясненія явленій по закону причинности, въ духѣ естественныхъ наукъ; почему только этотъ принципъ онъ признаетъ источникомъ *истиннаго*, научнаго познанія вещей, и отвергаетъ истинность другихъ началъ умственной дѣятельности, напр., идеи стройности и единства, требованія цѣлесообразности и т. п., когда эти начала имѣютъ одно общее основаніе съ его принципомъ въ субъективной организаціи ума и, по взгляду Ланге, съ полнымъ правомъ ищутъ соотвѣтственнаго удовлетворенія? Одно изъ двухъ: или вмѣстѣ съ другими основными началами и требованіями ума и принципъ механизма, какъ проявленіе субъективной организаціи человѣка, приводитъ къ однимъ только субъективнымъ построеніямъ, лишеннымъ истинно научнаго значенія, или же примѣненіе къ матеріалу опыта и другихъ организаціонныхъ началъ умственной

дѣятельности должно быть признано равно законнымъ и научнымъ, какъ примѣненіе принципа механической причинности. Признаніе *истины* (Wahrheit) за этимъ однимъ принципомъ ума и утвержденіе, что всѣ другія начала умственной дѣятельности приводятъ только къ мечтамъ (Dichtung), является въ сущности у Ланге только результатомъ субъективныхъ влеченій. § 15, 1.

Единственный аргументъ, который Ланге приводитъ въ оправданіе своего довѣрія къ этому принципу, заключается въ томъ, что, по его мнѣнію, начала опыта, слѣдовательно и естественныхъ наукъ, истекаютъ изъ всеобщей человѣческой организаціи, изъ организаціи человѣческаго рода, между тѣмъ какъ философская спекуляція имѣетъ всегда характеръ *индивидуальный* и обнаруживаетъ только частныя свойства единичныхъ мыслителей. Но этотъ аргументъ не имѣетъ ни психологическаго, ни историческаго основанія. Во 1-хъ, философскія, слѣдовательно, и метафизическія объединенія основываются равнымъ образомъ, какъ и объединенія естествознанія съ одной стороны на опытѣ, а съ другой—на общечеловѣческой умственной организаціи. Во 2-хъ, на образованіе естествоиспытательныхъ гипотезъ и теорій вліяютъ индивидуальныя начала ученаго не менѣе, чѣмъ на созданіе теорій философскихъ.

Впрочемъ, и метафизическое творчество, по мнѣнію Ланге, имѣетъ характеръ явленія общечеловѣческаго, потому что обнаруживается вездѣ вмѣстѣ съ развитіемъ умственной жизни человѣка, наравнѣ съ началами знанія, почерпнутаго изъ опыта. И еслибы это обстоятельство само по себѣ было достаточнымъ критеріемъ истины, то и за проявленіями эстетическаго и нравственнаго чувства слѣдовало бы признать непосредственно значеніе истины. Это въ сущности и дѣлаетъ самъ Ланге, въ духѣ Канта, указывая на всеобщій характеръ идеальныхъ влеченій человѣческаго ума.

Во всякомъ случаѣ, независимо отъ всѣхъ приведенныхъ соображеній Ланге, философія, вмѣстѣ съ метафизикою, въ своемъ историческомъ развитіи обнаруживаетъ всѣ характеристическія черты *науки*, отличающіяся, какъ мы видѣли (§ 15), существенно отъ чертъ творчества, художества и поэзіи. Никто не можетъ оспаривать того факта, что философія, согласно данной степени умственнаго развитія, стремилась всегда удовлетворить, по возможности, требованіямъ науки, методическаго изслѣдованія и познанія міра. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія науки. Правда, философія не всегда достигала идеала. она часто выдавала за истину то, что не было истиною;

§ 15, 1. она часто сходила съ пути разумнаго и научнаго изслѣдованія. Но все это слѣдуетъ сказать равнымъ образомъ и о другихъ наукахъ, признанныхъ Ланге безъ спора науками. И онѣ въ своемъ историческомъ развитіи подвергались разнороднымъ заблужденіямъ, замѣняли одни воззрѣнія и теоріи другими, искали часто ощупью настоящаго метода изслѣдованія своего предмета; и онѣ, наравнѣ съ философіею, не доводятъ до безусловнаго, законченнаго познанія предметовъ своего изслѣдованія. Отступленія, слѣдовательно, отъ требованій точности и основательности, т. е. отъ идеала истины, достовѣрнаго познанія, свойственны философіи наравнѣ со всѣми другими науками и не могутъ служить основаніемъ для исключенія философіи вообще, и въ особенности метафизики, изъ числа наукъ. Напротивъ, критическая оцѣнка подобныхъ отступленій и ихъ осужденіе со стороны самихъ философовъ, какъ напр. въ данномъ случаѣ со стороны Ланге, служитъ только подтвержденіемъ *научнаго* характера философіи, ибо, въ случаѣ непризнанія за философіею характера науки, нѣтъ основанія примѣнять къ ней мѣрила научности.

Уже Кантъ общимъ итогомъ своей критики ума впадаетъ въ поразительный дуализмъ, предъявляя требованіе, чтобы человѣкъ, въ виду ограниченности теоретическаго разума, руководствовался въ своихъ нравственныхъ стремленіяхъ цѣлымъ рядомъ идей, которыхъ теоретически, научно доказать нельзя, и довѣрялъ имъ ради своихъ нравственныхъ потребностей, признавая за ними значеніе необходимыхъ постулатовъ практическаго разума. Но замѣна этой *разумной вѣры* Канта, основанной на требованіяхъ нравственности, метафизическою мечтою, поэтическими и религіозными иллюзіями доводитъ дуализмъ Ланге до крайности. Онъ полагаетъ, что самыя насущныя потребности человѣческаго духа могутъ быть удовлетворяемы при помощи метафизической поэзіи, лишенной всякаго научнаго значенія, даже вопреки безспорнымъ, по его взгляду, результатамъ новѣйшей науки, въ особенности механическаго естествознанія. Такой дуализмъ разходится уже съ самыми основными требованіями умственной дѣятельности, съ требованіями внутренняго единства мысли и логической послѣдовательности.

Литература. Fr. Alb. Lange развиваетъ свои взгляды на метафизическое творчество главнымъ образомъ во второй и четвертой главахъ II-аго тома своей *Исторіи матеріализма*, о которой была уже рѣчь въ § 8, 2 *Лит.* См. тоже его *Neue Beiträge zur Geschichte des Materialismus*. 1867.

§ 15, 1.

H. Vaihinger, *Hartmann, Duhring und Lange.* 1876. Авторъ, горячій приверженецъ Ланге, разсматриваетъ здѣсь, какъ говоритъ, главныхъ современныхъ представителей догматическаго идеализма (Гартманъ), эмпирическаго реализма (Дюрингъ) и наконецъ критицизма (Ланге) Исторію матеріализма Ланге Файгингеръ называетъ „знаменитѣйшимъ философскимъ произведеніемъ нашего времени (*die bedeutendste philosophische That der Gegenwart*).“

Ed. von Hartmann, *Neukantianismus, Schopenhauerianismus und Hegelianismus.* 1877. Во второй главѣ этого сочиненія Гартманъ подвергаетъ критическому разбору такъ называемый имъ „субъективистическій скептицизмъ“ Ланге и Файгингера.

Интересно и поучительно въ этомъ отношеніи тоже соч. Barzellotti, *La nuova scuola del Kant e la filosofia scientifica contemporanea in Germania* 1880.

Всестороннюю критику взгляда Ланге на философію и его противорѣчія представляетъ G. Spicker въ приведенномъ выше (§ 13, 2 *Лит.*) соч. *Verhältniss der Naturwissenschaft zur Philosophie*, см въ особенности стр. 58 и слѣд. Критику же Ланге съ позитивистической точки зрѣнія заключаетъ въ себѣ III-ій томъ соч. E. Laas, *Idealismus und Positivismus.* 1884.

§ 15, 2.

Примѣчаніе 2-ое. Современные представители ученія о метафизическомъ творчествѣ. Альбертъ Ланге стоитъ во главѣ такъ называемыхъ *ново-* или *юно-кантіанцевъ* въ Германіи (Neu- или Jung-Kantianer), которые по большей части раздѣляютъ его ученіе о метафизическомъ творчествѣ. Даровитѣйшимъ представителемъ этого ученія въ Германіи послѣ Ланге считается Файгингеръ, который слѣдующими словами совершенно ясно опредѣлилъ взглядъ ново-кантіанцевъ: „Настоящій критицизмъ, говоритъ онъ, не представляетъ никакихъ положительныхъ, окончательныхъ рѣшеній, которыхъ человѣкъ могъ бы придерживаться; онъ разрушаетъ только (er zerstört nur). Возстановленіе же разрушеннаго онъ предоставляетъ этикѣ съ точки зрѣнія идеала.“

Во Франціи высказывается въ пользу этого ученія о метафизическомъ творчествѣ и распространяетъ этотъ взглядъ на всю вообще философію Т. Рибо, въ *введеніи* къ своему сочиненію *О современной англійской психологіи.* Рибо признаетъ прежде всего догматическій характеръ спеціальныхъ наукъ (см. выше § 10, 1 *Лит*). Тѣмъ не менѣе, спеціальныя науки, по его мнѣнію, исчерпываютъ собою всѣ предметы положительнаго знанія; философія же становится ничѣмъ больше (rien de plus), какъ *метафизикою*, заключающею въ себѣ единственно общую спекуляцію человѣческаго ума о первыхъ началахъ и конечныхъ цѣляхъ всѣхъ вещей. Но подобнаго рода спекуляція не есть уже *наука.* Метафизическія положенія лежатъ, по взгляду Рибо, за предѣлами всякой демонстраціи и всякаго научнаго доказа-

§ 15, 2. тельства; кромѣ того, они имѣютъ характеръ субъективный, между тѣмъ какъ наука объективна. Они въ сущности являются произведеніями художества, поэзіи, „скучной и плохой, по мнѣнію однихъ, возвышенной, могучей, истинно *божественной* по взгляду другихъ.“ Метафизика отличается отъ обыкновенной поэзіи только тѣмъ, что она пользуется отвлеченными идеями и при ихъ помощи стремится къ синтетическому возстановленію міра.

Такое метафизическое творчество и по взгляду Рибо имѣетъ однако извѣстное значеніе. „Истинное благородство человѣческаго ума, говоритъ онъ, заключается не столько въ *результатахъ* его стремленій, сколько въ *цѣли* этихъ стремленій и въ напряженіи силъ для достиженія этой цѣли.“ „Опытъ много значитъ, но онъ не все.“ „Кто же, впрочемъ, докажетъ, что факты имѣютъ больше значенія, чѣмъ *идеи*, открытія—больше, чѣмъ изслѣдованія? Философія своимъ стремленіемъ вникать въ глубину непостижимаго, оживляетъ умственныя способности человѣка, ставитъ его выше узкаго догматизма, указывая на то мистическое высшее начало, которое со всѣхъ сторонъ окружаетъ науку. И этимъ она оказываетъ наукѣ большую услугу.“

Слѣдуя въ приведенныхъ воззрѣніяхъ болѣе Конту, чѣмъ Канту, Рибо довольствуется уже совершенно догматизмомъ спеціальныхъ наукъ. А такъ какъ спеціальныя науки, по его взгляду, и составляютъ всю *науку*, то наука сама для Рибо остается, въ сущности, цѣликомъ въ области *догматизма*. О *критическомъ* разборѣ основъ знанія Рибо не упоминаетъ уже ни однимъ словомъ. Даже та негативная сторона философіи, какъ науки, о которой упоминаетъ Ланге, для него не существуетъ. Такимъ образомъ, кромѣ приведенныхъ выше аргументовъ противъ ученія Ланге о метафизическомъ творчествѣ, къ Рибо относится и все то, что сказано было въ § 12, 1 о Контѣ и его отрицаніи научности философіи.

Видоизмѣненіе взглядовъ Рибо представляетъ Е. Бутру, въ своемъ *введеніи* къ французскому переводу *Исторіи греческой философіи* Целлера. По Бутру философія не есть наука, но явленіе своеобразное, возникающее изъ сочетанія элементовъ *научныхъ*, *религіозныхъ* и *артистическихъ*. Задача (mission) философіи заключается въ установленіи соотвѣтственнаго отношенія между этими элементами (d'établir de justes rapports entre ces éléments). Какимъ образомъ философія должна разрѣшить эту задачу, не будучи знаніемъ, наукою,—трудно понять.

§ 15, 2.

Интересное примѣненіе ученія о философскомъ творчествѣ къ познавательнымъ задачамъ философіи представляетъ Ю. Рюльфъ, авторъ обширнаго соч. *О мысли міра и о мірѣ мысли.* „Философія, говоритъ онъ, не только наука, но и искусство.“ Она искусство вторичнаго помышленія возвышенной мысли вселенной (die Kunst, den grossen Weltgedanken noch einmal zu denken). Въ этомъ смыслѣ задача философіи заключается въ представленіи *идеала вселенной* (das Ideal des Weltalls).

Въ русской литературѣ ученіе о философскомъ творчествѣ, о философіи какъ *вѣтви искусства*, развивалъ главнымъ образомъ Н. Я. Гротъ Въ своей статьѣ: *Философія какъ вѣтвь искусства* и въ рѣчи объ *Отношеніи философіи къ наукѣ и искусству*, произнесенной въ 1883 г., проф. Гротъ видитъ въ ученіи о философскомъ творчествѣ „единственно правильное и высшее“ воззрѣніе на философію и ея отношеніе къ наукѣ. „Философія и наука, говоритъ онъ, двѣ совершенно различныя и даже противоположныя другъ другу области.“ Но въ тоже время онъ признаетъ ихъ „одинаково законными явленіями дѣйствительности,“ не считаетъ ихъ „ни хуже, ни лучше одна другой“ и объединяетъ ихъ „въ высшемъ понятіи человѣческаго сознанія, задачи котораго философія и наука раздѣлили между собою и выполняютъ независимо другъ отъ друга, но въ полной гармоніи, въ полномъ, хотя бы и безсознательномъ, союзѣ другъ съ другомъ“ Въ этой однако связи философіи съ наукою, первая должна отказаться отъ стремленія къ достовѣрнымъ и точнымъ знаніямъ. Знанія этого рода составляютъ исключительный предметъ спеціальныхъ наукъ, которыя обнимаютъ собою всю область науки вообще. Философія зато должна имѣть въ виду „полноту и единство идей о мірѣ“ и этимъ удовлетворять субъективной, нравственной природѣ человѣка.

Въ этомъ смыслѣ философія, по мнѣнію проф. Грота, искусство, „само искусство и часть искусства.“ „Часть искусства, какъ послѣдній моментъ или высшая ступень въ его развитіи, т. е. какъ искусство будущаго; само же искусство, какъ единственная истинная его основа и единственно законная его подкладка, другими словами, какъ безсознательная основа искусства не только въ будущемъ, но и въ прошедшемъ.“

Хотя уже съ древнѣйшихъ временъ искусство стремилось „обновить себя посредствомъ философіи,“ и философія точно также стремилась „облечься въ симпатичныя и дорогія для человѣка формы искусства;“ однако философія, по взгляду проф. Грота, въ прежніе вѣка не чувствовала родства своихъ задачъ

§ 15, 2. съ задачами искусства только вслѣдствіе того, что „философы долго питали въ себѣ печальный предразсудокъ, что философія есть наука или часть науки, и что она должна выражать свои идеи именно въ формѣ научныхъ трактатовъ.“ „Если многія прекрасныя идеи философіи скоро затерывались и пропадали для человѣчества даромъ, то это происходило именно отъ ложной оболочки, въ которую онѣ облекались.“ Это стремленіе влить философію въ форму научныхъ трактатовъ Спиноза, по мнѣнію проф. Грота, довелъ до „наибольшаго абсурда.“ Между тѣмъ, Платонъ и нѣкоторые другіе философы того же типа, избравъ для выраженія своихъ философскихъ убѣжденій діалогическую, разговорную форму изложенія, „всего вѣрнѣе предугадали истинныя формы, въ которыя философія должна облечься въ будущемъ.“ Недостатокъ однако даже Платона въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что „передавая философскія бесѣды и споры людей, возникшіе на почвѣ субъективныхъ, нравственныхъ ихъ стремленій,“ онъ не изображалъ самихъ людей въ ихъ жизни, обстановкѣ и личной судьбѣ, но представлялъ ихъ „мертвыми куклами, манекинами, тѣнями живыхъ людей.“ Философія не понимала здѣсь еще своей художественной задачи, своего истиннаго идеала. Этотъ идеалъ осуществится, только тогда, когда философія „сольется воедино“ съ искусствомъ, когда она станетъ „содержаніемъ искусства,“ а искусство въ свою очередь „формою выраженія философіи.“

Въ приведенныхъ воззрѣніяхъ Н. Я. Грота представляется послѣдовательное и, кажется, окончательное развитіе ученія о философіи, какъ проявленіи творчества. Философія отрекается здѣсь отъ всякаго изслѣдованія и познанія истины и отождествляется окончательно даже по формѣ съ искусствомъ. *Божественная комедія* Данте, *Гамлетъ* Шекспира, *Фаустъ* Гете, *Разбойники* Шиллера становятся, такимъ образомъ, типами настоящихъ „философскихъ“ произведеній, выражающихъ цѣлыя міровоззрѣнія „болѣе или менѣе законченно и ясно.“

Критическія замѣчанія, высказанныя по поводу взглядовъ Ланге и Рибо, касаются, естественно, и приведенныхъ воззрѣній проф. Грота. Повторять ихъ мы не имѣмъ повода уже потому, что проф. Гротъ самъ, въ новѣйшее время, видоизмѣнилъ во многихъ отношеніяхъ свои прежнія воззрѣнія на задачи философіи. Видоизмѣненія эти онъ излагаетъ съ добросовѣстностью и откровенностью истиннаго мыслителя съ 1886 г. въ своей полемической статьѣ по поводу критическихъ замѣчаній

о его философіи Архіепископа Никанора и въ нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ трудахъ. § 15, 2.

Своеобразный взглядъ на участіе творчества въ познавательныхъ процессахъ ума высказываетъ М. М. Троицкій въ своей *Наукѣ о духѣ*. На основаніи тонкаго анализа умственныхъ явленій проф. Троицкій въ разныхъ частяхъ своего сочиненія указываетъ подробно на участіе мыслительнаго творчества какъ въ элементахъ науки, такъ и въ систематической разработкѣ многосложныхъ явленій знанія (см. § 14, 2 *Лит*). Но мышленіе не ограничивается знаніемъ. „Въ нашемъ мышленіи о вещахъ, говоритъ проф. Троицкій, мы идемъ дальше тѣхъ естественныхъ границъ, которыя лежатъ для знанія въ его внутреннихъ условіяхъ; мы переступаемъ эти границы не только въ *вопросахъ*, но и въ *отвѣтахъ*, переступаемъ въ нашихъ глубокихъ думахъ, въ поэзіи и религіи. Но, оцѣнивая такого рода отвѣты съ точки зрѣнія качества знанія, мы находимъ, что имъ недостаетъ нѣкоторыхъ положительныхъ условій, чтобъ быть *знаніями*. Мы не можемъ отказаться отъ этихъ вопросовъ; мы сочувствуемъ нѣкоторымъ отвѣтамъ на послѣдніе: мы надѣемся, мы вѣримъ, но мы *не знаемъ*.“

Между вѣрою и знаніемъ, по ученію проф. Троицкаго, занимаетъ посредствующее мѣсто *метафизика*. Она „содѣйствуетъ сближенію вѣры и науки.“ Лучшіе образцы такого сближенія вѣры и науки, или знанія представляютъ, по автору, такъ называемыя доказательства *бытія Бога* и *безсмертія души*. „Съ научной точки зрѣнія, это не доказательства, и, отдѣленныя отъ науки и вѣры, они не способны дать ничего не только достовѣрнаго, но и вѣроятнаго; но разсматриваемыя какъ методы мыслимости сверхопытныхъ вещей, сближающіе знаніе и вѣру, эти „доказательства“ достойны человѣческаго генія, въ высокой степени удовлетворяютъ цѣлямъ метафизики какъ методики.“

Вышеприведенные взгляды на философское творчество, заключаютъ въ себѣ слѣдующее противорѣчіе. Если философія вообще, а въ особенности метафизика, не доводитъ ни до истинныхъ воззрѣній на міръ, ни даже до воззрѣній правдоподобныхъ, имѣющихъ, по крайней мѣрѣ, значеніе научныхъ гипотезъ; въ такомъ случаѣ подобнаго рода философское творчество лишено всякаго серіознаго смысла и не имѣетъ даже эстетическаго значенія, ибо и художественные идеалы, какъ мы видѣли (§ 14, 3 и 15, стр. 190), должны, по содержанію своему, быть *осуществимыми и правдоподобными*. Если же мы имѣемъ основаніе

§ 15, 2. довѣрять идеаламъ, вызваннымъ насущными потребностями нашего духа, и признавать, что въ нихъ наравнѣ съ другими нормальными произведеніями ума выражается доля истины, заслуживающая вниманія; тогда философскія воззрѣнія, ссылающіяся на эти идеалы, имѣютъ такое же значеніе, какъ и воззрѣнія другихъ наукъ, пользующихся въ своихъ изысканіяхъ такими же произведеніями субъективной организаціи ума. Кто, слѣдовательно, отрицаетъ познавательное значеніе идеаловъ ума, для кого эти идеалы не служатъ средствомъ хотя бы приблизительнаго познанія міра, тотъ не имѣетъ основанія предполагать, что „философское“ творчество способно чѣмъ либо удовлетворить дѣйствительнымъ потребностямъ ума, содѣйствовать его нормальному развитію. Напротивъ, такой скептицизмъ по отношенію къ идеаламъ ума долженъ послѣдовательно довести до осужденія всякаго вообще философскаго творчества, до убѣжденія, что оно явленіе смутное, неправильное, причиняющее только вредъ умственному развитію человѣчества.

Къ такому воззрѣнію на философское творчество и доходитъ А Риль, одинъ изъ выдающихся представителей новѣйшей „научной“ философіи въ Германіи (см. § 8, 2 *Лит.*). Въ своемъ сочиненіи *О философскомъ критицизмѣ* Риль видитъ въ философской спекуляціи только проявленія неяснаго смѣшенія поэзіи и науки, и поэтому отвергаетъ безпощадно „мечтательныя системы (Systemdichtungen)“ какъ греческихъ философовъ, такъ и схоластиковъ и нѣмецкихъ идеалистовъ послѣ Канта. По его взгляду, въ подобныхъ системахъ нѣтъ ни настоящей поэзіи, ни настоящей науки. Онѣ лишены всякаго положительнаго значенія и прямо вредны для умственнаго развитія человѣчества. Поэтому Риль и говоритъ съ этой точки зрѣнія: „Критика метафизическихъ системъ должна отнять у ихъ идей всякій блескъ, должна уничтожить то эстетическое впечатлѣніе, которое вызываютъ эти художественныя произведенія мысли своимъ единствомъ и замкнутостью; она должна указать на несостоятельность всякихъ мотивовъ построенія системъ, неимѣющихъ научнаго характера.“

Съ такой же точки зрѣнія смотритъ проф. Н. И. Карѣевъ на метафизическое творчество въ своихъ *Основныхъ вопросахъ философіи исторіи*. „Метафизика, говоритъ онъ, игнорируетъ общія основанія человѣческаго знанія.“ „Она стремится прорвать ту плотину, которая держитъ наше знаніе въ предѣлахъ феноменальнаго міра“ и „не особенно заботится объ огражденіи знанія отъ вторженія въ него лично-субъективныхъ элемен-

товъ.“ „Метафизики суть поэты, попавшіе не на свое мѣсто, вѣрнѣе нельзя придумать опредѣленія для метафизиковъ, и нужно только прибавить, что какъ поэты, это большею частью очень плохіе поэты“... „Настоящій метафизикъ хочетъ создать нѣчто, ни на что въ объективномъ мірѣ непохожее“... „Въ этой полинялой поэзіи, облекшейся въ формы науки, передъ умственнымъ взоромъ возникаетъ странный міръ, населенный незаконнорожденными дѣтьми фантазіи и абстракціи, міръ логическихъ образовъ и поэтическихъ формулъ, міръ объективированныхъ идей и наукообразныхъ романовъ.“ § 15, 2.

Можно спорить о томъ, на сколько такой скептическій взглядъ на метафизическія системы справедливъ; но нельзя не признать, что онъ по крайней мѣрѣ послѣдователенъ. Ложь Риль и Карѣевъ называютъ ложью и не ожидаютъ отъ нея ничего добраго для человѣчества.

Литература Главное сочиненіе Фаингингера было уже приведено въ предшествующемъ примѣчаніи Тамъ же упомянуто о сочиненіяхъ Гартманна, Барцеллотти и Лааса по поводу ново-кантіанизма въ Германіи.

W. Forster, *Wahrheit und Wahrscheinlichkeit.* 1875. Извѣстный берлинскій астрономъ высказывается здѣсь въ духѣ Дю-Буа-Реймона (см. выше стр. 135), въ пользу невозможности пониманія начала движенія. Страстному желанію уразумѣть это начало, какъ и вообще начала всего существующаго, удовлетворяетъ, по его мнѣнію, только *поэзія.*

Th. Ribot, см. § 10, 1 *Лит.*

E. Boutroux въ *введеніи* къ I-му тому сочиненія: *La philosophie des Grecs considérée dans son développement historique par Ed. Zeller.* 1877. Въ этомъ же духѣ говоритъ H. Girard о трансцендентной, или метафизической философіи въ отличіе отъ научной; см. его соч. § 12, 2 *Лит.*

J. Rulf, *Wissenschaft des Weltgedankens und der Gedankenwelt.* 1888.

Н. Я. Гротъ, *Философія какъ опытъ искусства.* Журналъ *Русская Мысль.* Августъ, 1880. Его же *Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству.* 1883. См. тоже *Введеніе* къ его сочиненію: *Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ.* 1882. Свои новѣйшія воззрѣнія на задачи философіи проф. Гротъ развилъ въ статьяхъ: *Объ истинныхъ задачахъ философіи.* Журналъ *Русская Мысль.* Ноябрь, 1886. *О направленіи и задачахъ моей философіи.* 1886. *Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка.* 1889. На стр. 27 послѣдняго труда Н Я. Гротъ высказываетъ слѣдующими словами свой взглядъ на философію: „Философія не есть только наука, а есть прежде всего внутренній процессъ субъективнаго роста человѣка, процессъ творчества, ирраціональное развитіе чувства и воли, — очищеніе ихъ отъ индивидуальныхъ и случайныхъ элементовъ,—а затѣмъ уже самосознаніе перелагаетъ результаты этой внутренней работы въ понятія и строитъ раціонально систему идеаловъ и принциповъ.“ См. тоже § 14, 2 *Лит,* стр. 178.

М. М. Троицкій, *Наука о духѣ.* 1882. См. §§ 81, 139 и др.

A. Riehl, *Der philosophische Kritizismus.* Т. II. Часть 2-ая. *Теорія науки и метафизика.* 1887. Глава 1-ая и 4-ая: *Философія какъ проблема. Метафизическое и научное построеніе системъ.* См. въ особенности стр. 87 и слѣд.

15, 2. Н. И. Карѣевъ, *Основные вопросы философіи исторіи* (§ 10, 2 *Лит*). Книга II, гл. 2-ая: *Метафизическое творчество*. Въ пополненіе приведенныхъ мѣстъ слѣдуетъ замѣтить, что по мнѣнію проф. Карѣева высказанному въ этой же статьѣ „философія можетъ быть идеалистичной, не будучи метафизикой и не противорѣча наукѣ“.. „Гдѣ идеалистическая философія выступила противъ другой крайности, противъ объективизма, граничащаго съ индифферентизмомъ, противъ привязанности къ конкретному, доводящей до фактопоклонства, противъ односторонняго анализа, не умѣющаго возвыситься надъ матеріалистическимъ взглядомъ на жизнь, тамъ она принесла вели-
15, 3. кую пользу.“

Примѣчаніе 3-ье. Положительное разрѣшеніе вопроса объ отношеніи творчества вообще и въ особенности идеаловъ человѣческаго ума къ философіи. Критическій разборъ идеаловъ человѣческаго ума и оцѣнка ихъ познавательнаго значенія; разрѣшеніе вопроса, насколько эти идеалы, какъ реальныя явленія, способны служить исходною точкою для уразумѣнія той или другой стороны дѣйствительнаго міра, объективнаго бытія, и этимъ содѣйствовать хотя бы приблизительному познанію истины—все это задачи *теоріи познанія*, какъ особой философской науки. Мы въ настоящее время не можемъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ ея изслѣдованій по этому предмету. Для насъ, при разборѣ вопроса объ отношеніи философіи къ творчеству и къ его произведеніямъ, т. е. къ идеаламъ ума, достаточны будутъ слѣдующія замѣчанія, дополняющія сказанное нами до сихъ поръ по этому поводу.

Выше, въ этомъ параграфѣ, показано было, что существенное различіе между наукою и творчествомъ, между философіею и поэзіею, сводится главнымъ образомъ къ двумъ моментамъ, а именно:

во 1-хъ, къ различной ихъ цѣли, влекущей за собою и различіе въ ихъ содержаніи, и

во 2-хъ, къ различнымъ умственнымъ процессамъ, производящимъ ихъ содержаніе и обнаруживающимся вмѣстѣ съ тѣмъ и разнымъ способомъ или методомъ его представленія, т. е. разною формою.

Это послѣднее различіе самое осязательное; оно одно достаточно для того, чтобы доказать всю несостоятельность смѣшенія философіи съ поэтическимъ творчествомъ. Философія есть *изслѣдованіе, разсужденіе, доказательство*. Она въ изложеніи своего содержанія пользуется *демонстративнымъ* методомъ, *аргументаціею*. Поэзія, напротивъ, есть результатъ *интуиціи*, непосредственнаго оживленія умственныхъ способностей и представляетъ свои произведенія въ формѣ, такъ сказать,

живыхъ картинъ, дѣйствующихъ преимущественно на чувствованіе и воображеніе, а не на разсудочную способность ума. § 15, 3.

Однако, не менѣе важный поводъ смѣшенія философіи съ поэтическимъ творчествомъ заключается въ неточномъ опредѣленіи различія ихъ цѣлей, ихъ содержанія и предмета. Въ этомъ отношеніи существуетъ, при всемъ различіи, въ самомъ дѣлѣ и извѣстное сходство между ними. Сходство это сближало очень часто философію съ поэтическимъ творчествомъ и создавало смѣшанныя произведенія, которыя, въ свою очередь, отождествлялись представителями упомянутой теоріи съ философіею вообще. Разъяснимъ это обстоятельство ближе.

Какъ наука, слѣдовательно и философія, такъ и творчество,—художество, поэзія,—имѣютъ своимъ предметомъ *дѣйствительность*. Но въ то время какъ научная дѣйствительность представляется уму по возможности въ видѣ объективномъ, *реальномъ*, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ свойствахъ, независимо отъ личныхъ соображеній, интересовъ, потребностей ученаго; поэтическая дѣйствительность принимаетъ характеръ субъективный, идеальный, потому что художникъ, поэтъ представляетъ только тѣ стороны дѣйствительности, которыя соотвѣтствуютъ его личному настроенію, и притомъ видоизмѣняетъ ихъ согласно этому настроенію.

Несмотря однако на это субъективное видоизмѣненіе реальной дѣйствительности, идеалъ, какъ мы видѣли, представляется уму тоже, какъ дѣйствительность;—если не какъ настоящая, непосредственно данная и осуществленная, то, по крайней мѣрѣ, какъ дѣйствительность ожидаемая и осуществимая въ будущемъ (§ 14, 2).

Выражая, такимъ образомъ, въ своихъ твореніяхъ осуществимость идеала, т. е. вѣру въ возможность создать новую, болѣе совершенную дѣйствительность, художество, поэзія тѣсно связаны со взглядомъ на данныя реальныя отношенія. Будущее есть слѣдствіе настоящаго; осуществимость идеала, т. е. субъективныхъ желаній, надеждъ можетъ быть представлена только на основаніи объективныхъ условій жизни, какъ результатъ дѣйствующихъ въ ней началъ. Гдѣ нѣтъ этой связи идеала съ дѣйствительностью, субъективныхъ требованій ума съ объективными условіями реальной жизни, тамъ идеалъ, какъ мы видѣли, становится *утопіею* и лишается своего настоящаго значенія для умственной жизни.

Въ этомъ и заключается точка соприкосновенія творчества съ наукою, художества и поэзіи съ философіею. Но худо-

§ 15, з. жникъ, поэтъ не доходитъ до своихъ взглядовъ на реальную, настоящую дѣйствительность, какъ на подкладку осуществленія идеаловъ, путемъ методичнаго, научнаго изслѣдованія объективности. Напротивъ, онъ смотритъ и на реальную дѣйствительность черезъ призму своихъ идеаловъ, съ субъективной точки зрѣнія. Чѣмъ сильнѣе онъ вѣритъ въ осуществимость идеаловъ, тѣмъ идеальнѣе представляется ему данная дѣйствительность. Онъ въ ней видитъ вездѣ зачатки идеала. Сквозь густой туманъ чувственной реальности, его глазъ усматриваетъ лучи небеснаго свѣтила; среди темныхъ тучъ жизни улыбается ему радуга надежды на лучшее будущее. Его субъективный, идеальный міръ становится для него душою реальнаго, чувственнаго міра. Требованія ума, желанія сердца, стремленія личной энергіи принимаютъ характеръ таинственныхъ началъ объективнаго бытія, руководящихъ имъ по направленію къ идеальному совершенству.

Настоящій поэтъ, художникъ, вѣритъ непосредственно, что возвышенное содержаніе его духа есть *истина*, и поэтому не допускаетъ, чтобы оно существовало только въ немъ самомъ и не имѣло реальнаго основанія въ объективномъ мірѣ. Но такъ какъ этотъ объективный міръ, т. е. данная реальная дѣйствительность, въ своихъ непосредственно видимыхъ и осязательныхъ проявленіяхъ не обнаруживаетъ желаемаго и ожидаемаго идеальнаго совершенства, то это послѣднее представляется художнику, поэту, какъ невидимое, но тѣмъ не менѣе реальное внутреннее начало всѣхъ проявленій внѣшняго міра.

Вотъ генезисъ всякаго *идеалистическаго* воззрѣнія на реальное бытіе, всякаго истинно поэтическаго настроенія. Поэтическое творчество и субъективизмъ лежатъ въ основѣ всякаго идеализма.

Изъ вышесказаннаго истекаетъ, что не вся философія, а только *идеалистическая*, признающая особое идеальное начало реальнаго бытія, по содержанію своему, очень близко подходитъ къ поэтическому творчеству. Философскій идеализмъ основывается, наравнѣ съ художествомъ и съ поэзіей, на субъективныхъ началахъ умственной жизни, и наравнѣ съ поэтическимъ творчествомъ, признаетъ за этими началами объективное значеніе, т. е. объективируетъ ихъ при своемъ взглядѣ на реальное бытіе.

Этимъ, однако, не исчерпывается окончательно отношеніе философіи къ творчеству и не оправдывается еще доктрина о ненаучности даже идеалистической философіи. Эта послѣд-

ння, напротивъ, имѣетъ полное право требовать признанія и ея научности въ двухъ случаяхъ, а именно: § 15, 3.

во 1-хъ, если бы на основаніи разбора реальнаго, объективнаго бытія представилась возможность доказать, что субъективные идеалы ума, содержаніемъ своимъ, соотвѣтствуютъ реальному міру и характеризуютъ соотношеніе и послѣдовательность его явленій, или же,

во 2-хъ, если бы критическій разборъ умственныхъ процессовъ, плодомъ которыхъ является наука вообще, привелъ къ результату, что человѣческое познаніе не способно вникнуть въ объективное бытіе, но по существу своему остается въ сферѣ субъективной и происходитъ отъ видоизмѣненія объективныхъ данныхъ, согласно съ требованіями умственной организаціи человѣка, т. е. ея своеобразнаго субъективнаго содержанія.

Въ первомъ случаѣ, философскій идеализмъ оправдалъ бы свои воззрѣнія при помощи самаго строгаго научнаго реализма, и вслѣдствіе этого самъ принялъ бы научный характеръ въ видѣ *объективнаго идеализма*. Во второмъ же случаѣ, научный реализмъ оказался бы вообще недостижимымъ идеаломъ ума, и долженъ былъ бы уступить мѣсто субъективному идеализму, какъ единственно возможной для человѣка формѣ научнаго познанія.

Не трудно доказать, что противники научности какъ философіи вообще, такъ и въ особенности идеалистической философіи, попадаютъ незамѣтно въ ту или другую изъ приведенныхъ формъ идеализма и этимъ или выдаютъ сами себѣ *testimonium paupertatis* въ научномъ отношеніи, или же должны и за философскимъ идеализмомъ признать научное значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ „научныхъ“ реалистовъ, позитивистовъ или новокантіанцевъ нашего времени можетъ въ своихъ „научныхъ“ воззрѣніяхъ вполнѣ освободиться отъ основныхъ идеаловъ человѣческаго ума, отъ идеаловъ истины, красоты и добра, основанныхъ на идеяхъ дѣйствительности, стройности и цѣлесообразности (§ 14, 3)? Наука сама, по методу своему, по своей формѣ, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ этими идеями и составляетъ ихъ осуществленіе на поприщѣ познавательныхъ стремленій ума. Наука есть стройное цѣлое, созданное цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ ума, направленнымъ къ уразумѣнію дѣйствительности. Чѣмъ съ бо́льшею цѣлесообразностью она разрѣшаетъ свои задачи, вникаетъ въ реальныя отношенія объективной дѣйствительности, и чѣмъ бо́льшая

§ 15, 3. стройность обнаруживается въ единствѣ и послѣдовательности, во взаимномъ пополненіи ея составныхъ положеній, тѣмъ она болѣе приближается къ осуществленію своего идеала. Поэтому и наука, во всемъ своемъ историческомъ развитіи, въ методологическомъ и формальномъ отношеніяхъ, не руководствовалась исключительно одними логическими соображеніями, одною идеею *дѣйствительности* и *истины*, но принимала равнымъ образомъ во вниманіе какъ эстетическія, такъ и практическія или нравственныя требованія ума; осуществляла въ своей сферѣ не только идеалъ истины, но и идеалы красоты и добра, основанные на идеяхъ стройности и цѣлесообразности. Въ этомъ смыслѣ мы могли выше (§ 15) сказать, что творчество принимаетъ участіе въ созданіи не только философіи, но и науки вообще; теперь же можемъ добавить, что наука, какъ стройное, цѣлесообразное цѣлое нашихъ взглядовъ на реальную дѣйствительность, есть одно изъ проявленій умственнаго идеализма, осуществляющаго въ сферѣ познанія вещей основныя требованія умственной организаціи. Отрицать научность этого идеализма, значитъ отрицать научность науки.

Не только въ методологическомъ и формальномъ отношеніяхъ, но и своимъ содержаніемъ представленные (§ 14, 3) основные идеалы ума входятъ въ составъ науки.

Дѣйствительность и ея познаніе составляетъ необходимый элементъ науки. Нѣтъ науки, слѣдовательно нѣтъ и философской системы, въ составъ которой не входила бы *идея дѣйствительности*. Послѣдовательный нигилизмъ не мыслимая вещь. Даже *нирвана* буддистовъ не обозначаетъ безусловнаго отрицанія бытія, дѣйствительности, не есть *ничто*, но указываетъ только на извѣстное состояніе бытія, а именно на освобожденіе его отъ всякихъ ограниченій и недуговъ даннаго чувственнаго бытія. Ежели тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ философскихъ системахъ понятія „небытіе," „ничто" играютъ извѣстную роль, то это въ сущности только произвольная игра словъ, ибо при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что это „ничто" есть не настоящее, истинное ничто, но тоже только извѣстное видоизмѣненіе бытія, дѣйствительности.

Созерцая непосредственно свое существованіе, свою дѣйствительность и проявляя свое реальное бытіе соотвѣтственною дѣятельностью, умъ не можетъ даже мыслить небытіе, „ничто." Все мыслимое находится для ума всегда, по необходимости, въ извѣстномъ отношеніи къ бытію, къ дѣйствительности.

Даже и тогда, когда мысль не обозначаетъ объективнаго, отъ ума независящаго бытія, она, уже какъ явленіе умственной дѣятельности, дѣйствительна и этимъ обнаруживаетъ безспорнымъ образомъ дѣйствительность вообще, реальное бытіе (§ 5, 2). Можно оспаривать возможность познанія этого бытія, можно указать на несостоятельность ума для его уразумѣнія, но при помощи умственной дѣятельности, т. е. мысли, нельзя оспаривать самого бытія, самой дѣйствительности. И крайній субъективизмъ пользуется идеею объ объективномъ бытіи, о дѣйствительности, и онъ стремится истолковать и уразумѣть ее съ точки зрѣнія реальныхъ, дѣйствительныхъ условій умственной дѣятельности. Идея дѣйствительности содержаніемъ своимъ входитъ, слѣдовательно, въ составъ всякаго вообще познанія, всякой науки. § 15, 3.

Тоже самое слѣдуетъ далѣе сказать объ *идеѣ стройности*. Наука, и въ особенности эмпирическое естествознаніе новѣйшаго времени, не только по формѣ своей, но и по своему содержанію тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ воззрѣніемъ на міръ, какъ на одно стройное цѣлое. Признаніе однообразія явленій бытія, законовъ, опредѣляющихъ это однообразіе, составляетъ основу всякаго познанія вещей. Если бы физическая и умственная дѣйствительность не была строинымъ цѣлымъ; если бы не существовало однообразныхъ отношеній между явленіями какъ природы, такъ и духа; если бы вообще не было законнаго порядка въ объективномъ бытіи, тогда о его познаніи и уразумѣніи не могло бы быть и рѣчи. Въ такомъ случаѣ, опредѣливъ даже въ данную минуту времени точнѣйшимъ образомъ всѣ явленія природы, мы должны бы допустить, что въ слѣдующую минуту все можетъ измѣниться существенно и принять новый характеръ, не имѣющій ничего общаго съ предшествовавшими явленіями. Наши вчерашнія познанія не могли бы уже служить фундаментомъ нашихъ сегодняшнихъ изслѣдованій. Каждый моментъ времени представлялъ бы свои особыя, своеобразныя явленія. Отсутствіе же законной связи между ними, однообразія въ ихъ послѣдовательности лишило бы насъ возможности связывать между собою наши понятія о явленіяхъ и доходить до какихъ либо постоянныхъ, строго-научныхъ заключеній.

Мы не станемъ здѣсь разсматривать ближе генезиса этой идеи стройности, входящей въ составъ науки. Это задача теоріи познанія. Только она на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій можетъ рѣшить вопросъ: почерпается ли нами эта идея

§ 15, 3. извнѣ, при помощи познанія явленій, извлеченнаго изъ опыта, или она присуща нашей умственной организаціи и примѣняется нами только къ матеріалу опыта, или же, наконецъ, слѣдуетъ въ ней видѣть результатъ совмѣстнаго дѣйствія обоихъ этихъ началъ: опыта и умственной организаціи. Для ближайшаго разъясненія отношенія науки и философіи къ творчеству, скажемъ здѣсь только, что выводъ идеи стройности, въ духѣ Канта, изъ субъективнаго источника умственной организаціи придаетъ послѣдовательно не только философіи, но и наукѣ вообще, даже эмпирической, характеръ умозрительный, интуитивный, слѣдовательно характеръ поэтическаго творчества. Если идея стройности не имѣетъ реальнаго основанія въ объективномъ мірѣ и не можетъ быть оправдана данными опыта, въ такомъ случаѣ вся наука является произведеніемъ субъективнымъ, созданнымъ умомъ изъ сырого матеріала опыта, подобно тому, какъ художникомъ создается прелестный храмъ изъ камня, песку, извести и глины. Настоящее же познаніе вещей, наука въ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ объективное познаніе вещей, въ отличіе отъ интуитивнаго творчества, начинается только съ того момента, когда стройность міра, его порядокъ и законность признаются объективными началами и оправдываются опытомъ.

Но этимъ, вопросъ о происхожденіи идеи стройности не рѣшается исключительно въ пользу опыта, эмпиризма. Исторія умственнаго развитія показываетъ, что интуитивная идея стройности есть исходная точка изслѣдованія міра; идея эта, какъ субъективное произведеніе ума, предшествуетъ оправданію ея содержанія посредствомъ опыта, внутренняго и внѣшняго. Уже древнѣйшіе греческіе мудрецы пользуются въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ идеею стройности міра. космоса; идея эта принимаетъ научный характеръ, оправдывается изученіемъ и разборомъ явленій міра только со временъ Аристотеля, а дѣлается основнымъ сознательнымъ постулятомъ науки вообще только въ новѣйшее время. И хотя доселѣ, несмотря на гигантскій прогрессъ естественныхъ наукъ, мы не можемъ гордиться всестороннимъ и полнымъ уразумѣніемъ стройности міра, хотя уразумѣніе это, по настоящее время, остается для науки *идеаломъ*, тѣмъ не менѣе содержаніе этой идеи признается уже наукою не только идеальнымъ и субъективнымъ, но и вполнѣ реальнымъ, объективнымъ, дѣйствительнымъ. Всѣ спеціальныя положенія науки, все ея частное содержаніе есть въ сущности только наглядная иллюстрація, бли-

жайшее объясненіе и уразумѣніе всеобщей стройности, законности и порядка міра, т. е. *эстетическаго идеала* ума (§ 14, 3). § 15, 3.

Несравненно труднѣе представляется оцѣнка научнаго характера *идеи цѣлесообразности*, а затѣмъ идеала *добра*, *блага*. Извѣстно, что господствующіе въ настоящее время взгляды ученыхъ, въ особенности естествоиспытателей, стремятся къ элиминаціи идеи цѣлесообразности изъ науки. Познаніе механическаго соотношенія между явленіями признается, какъ мы видѣли (§ 13, 1), многими вполнѣ достаточнымъ и во всякомъ случаѣ единственно возможнымъ началомъ науки. Цѣлесообразности, говорятъ, въ мірѣ или вовсе нѣтъ, или, если она и существуетъ, то не можетъ быть предметомъ научнаго познанія.

Взгляды эти истекаютъ естественнымъ образомъ изъ самаго содержанія понятія цѣлесообразности и изъ особаго отношенія его къ познавательнымъ процессамъ ума. Цѣль есть мысль, т. е. явленіе умственной дѣятельности. Только умъ способенъ предвидѣть будущее и направлять свое дѣйствіе къ осуществленію предусмотрѣннаго. Поэтому и вопросъ о цѣлесообразности въ мірѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о дѣйствіи въ мірѣ умственнаго начала, начала мысли, разума, духа. Мысль, однако, по существу своему, доступна непосредственно только сама для себя. Какъ содержаніе нашего сознанія, такъ и содержаніе каждой отдѣльной нашей мысли воспринимается непосредственно только нами самими. Въ мою сокровенную мысль, въ мои намѣренія и цѣли никто непосредственно вникнуть не можетъ. Но равнымъ образомъ и я не имѣю возможности вникать непосредственно въ чужую мысль.

Воспроизведеніе въ нашемъ умѣ чужой мысли зависитъ отъ двухъ основныхъ условій:

во 1-хъ, отъ сходства или аналогіи ея содержанія съ нашими мыслями, и

во 2-хъ, отъ выраженія ея содержанія посредствомъ удобопонятныхъ знаковъ.

Въ этомъ заключается сущность всякаго языка, какъ средства выраженія и сообщенія мыслей. Люди понимаютъ другъ друга только потому, что ихъ умственная жизнь представляетъ очень много сходныхъ явленій, и что явленія эти сочетаются съ опредѣленными чувственными знаками, при помощи которыхъ въ одномъ умѣ производятся явленія, сходныя съ явленіями другого ума, выражающимися ясно именно этими внѣшними, чувственными знаками. Поэтому и недоразумѣнія между людьми появляются всегда, когда разныя условія ихъ

§ 15, 3. развитія ограничиваютъ количество аналогическихъ явленій умственной жизни, или когда ихъ мысли выражаются неудобопонятными знаками.

Понятно теперь, какія непреодолимыя трудности встрѣчаетъ умъ человѣческій при уразумѣніи мысли вселенной, ея цѣлей. Между тѣмъ какъ дѣйствительность и стройность міра проявляютъ свое содержаніе вполнѣ во внѣшней, чувственной сторонѣ бытія и становятся вслѣдствіе этого предметомъ нашего познанія не только на основаніи внутренняго опыта, но и при помощи внѣшняго наблюденія; цѣлесообразность, по существу своему, составляетъ внутреннюю, невидимую, сверхчувственную сторону бытія, которая не можетъ быть непосредственно познаваема при помощи внѣшняго воззрѣнія на міръ.

Если бы мы даже, вслѣдствіе разбора данныхъ внѣшняго опыта, имѣли полное основаніе допускать, что міръ, какъ одно стройное цѣлое, похожъ вполнѣ на тѣло, оживленное духомъ, мыслью; что внутреннее разумное содержаніе міра выражается въ его явленіяхъ подобно тому, какъ наше душевное содержаніе обнаруживается въ движеніяхъ нашего тѣла, въ мимикѣ лица, во взглядѣ, голосѣ и тому подобныхъ внѣшнихъ выраженіяхъ душевныхъ состояній, то и тогда точное опредѣленіе цѣлей міра въ частности, т. е. опредѣленіе того идеальнаго $+ x$, на который указано было какъ на составной элементъ всякаго творчества (§ 14, 2). было бы задачею, превышающею средства человѣческаго познанія по двумъ причинамъ: во 1-хъ, по отсутствію точной аналогіи между нашими мыслями и цѣлями, и мыслями и цѣлями вселенной, и во 2-хъ, по невозможности точнаго сочетанія съ внѣшними явленіями міра опредѣленнаго мыслительнаго содержанія, выражаемаго ими.

Если примемъ во вниманіе приведенныя трудности, то намъ не покажется удивительнымъ, что очень часто ближайшее опредѣленіе цѣлей міра было предметомъ мыслительнаго творчества, создающаго самыя разнообразныя гипотезы, лишенныя научнаго значенія, и что многіе ученые, не желая замѣнить науки подобнаго рода произвольными гаданіями, отказались вообще отъ разсмотрѣнія цѣлесообразности міра, отъ всякаго примѣненія этой идеи къ своимъ изслѣдованіямъ.

Такое отрицательное отношеніе къ вопросу о цѣлесообразности міра не удовлетворяетъ однако ни естественной любознательности человѣка, ни настоящимъ требованіямъ науки, какъ познанія вещей. Самъ по себѣ вопросъ о цѣлесообразности

міра—не пустой вопросъ. Отъ его рѣшенія зависитъ весь характеръ нашего міровоззрѣнія; съ нимъ тѣсно связано рѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ самое важное значеніе, какъ въ теоретическомъ, научномъ, такъ и въ практическомъ, нравственномъ и житейскомъ отношеніяхъ. Если въ мірѣ нѣтъ разумнаго, цѣлесообразно дѣйствующаго начала, тогда и существованіе и жизнь человѣка лишены всякой цѣли, всякаго разумнаго значенія и назначенія. Самыя возвышенныя стремленія какъ единичнаго человѣка, такъ и всего человѣчества на поприщѣ науки, художества и общественности, являются тогда результатомъ субъективнаго настроенія, расходящагося существенно съ безцѣльными, неразумными началами объективной дѣйствительности. § 15, 3.

Сознаніе же этого противорѣчія между субъективными потребностями ума и объективными условіями ихъ удовлетворенія заставило бы мыслящаго человѣка отказаться разъ на всегда отъ подобнаго рода неосуществимыхъ идеаловъ, и признать, что они въ сущности являются только утопіями, иллюзіями, неспособными дать жизни человѣка настоящаго смысла и значенія. Умственное самоубійство, въ формѣ пессимистическаго отреченія отъ всего, что поддерживаетъ жизненную энергію человѣка, вотъ необходимый результатъ отрицанія цѣлесообразности міра.

Напротивъ, только признаніе разумности, слѣдовательно, и цѣлесообразности, въ смыслѣ объективныхъ началъ міра, способно сообщить мыслящему человѣку довѣріе къ всеобщему порядку вещей и къ самому себѣ и заставить его стремиться къ осуществленію вообще какихъ либо цѣлей въ жизни. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что даже отрицающіе теоретически цѣлесообразность стремятся въ жизни къ извѣстнымъ цѣлямъ и придаютъ своимъ стремленіямъ извѣстное значеніе только на основаніи болѣе или менѣе сознательнаго довѣрія къ цѣлесообразному соотношенію и взаимному дополненію субъективныхъ проявленій умственной жизни и объективныхъ условій ихъ осуществленія.

Это довѣріе въ большинствѣ случаевъ есть, въ сущности, результатъ инстинкта и, развивая сознательно свое содержаніе, оно основывается обыкновенно болѣе на интуитивномъ творчествѣ, чѣмъ на строго-научныхъ изслѣдованіяхъ. И это обстоятельство подало новый поводъ къ смѣшенію философіи съ творчествомъ. Но безпристрастное разсмотрѣніе дѣла показываетъ, что вопросъ о цѣлесообразности міра можетъ и дол-

§ 15, 3. женъ быть разбираемъ и съ научной точки зрѣнія, и что такой научный разборъ доводитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и до положительнаго результата.

Несмотря на указанныя трудности при уразумѣніи цѣлей міра, не слѣдуетъ однако забывать, что идея цѣлесообразности основывается на извѣстныхъ фактическихъ данныхъ, что она есть результатъ одного изъ несомнѣнныхъ явленій всеобщаго бытія, а именно,—явленія, тѣсно связаннаго съ сохраненіемъ и развитіемъ физической и умственной жизни органическихъ существъ.

Мы не станемъ здѣсь поднимать оспариваемаго многими вопроса относительно цѣлесообразности устройства организма, гармоническаго равновѣсія и дополненія его отправленій. (См. впрочемъ въ этомъ отношеніи взгляды естествоиспытателей Пфлюгера, Бунге и др., § 13, 1, стр. 139). Укажемъ только на факты, неподвергаемые никѣмъ сомнѣнію. Животныя и человѣкъ удовлетворяютъ своимъ жизненнымъ потребностямъ и содѣйствуютъ этимъ сохраненію и развитію своей жизни только вслѣдствіе цѣлесообразной дѣятельности. Только предвидя будущее и принимая въ настоящемъ соотвѣтственныя мѣры для того, чтобы это будущее удовлетворяло предусмотрѣннымъ потребностямъ, большинство живыхъ существъ обезпечиваетъ свое существованіе. Притомъ хорошо извѣстно, что чѣмъ развитѣе существо, тѣмъ болѣе зависитъ его благосостояніе отъ его цѣлесообразной самодѣятельности.

У человѣка эта цѣлесообразная самодѣятельность обнаруживается нагляднѣйшимъ образомъ во всемъ его историческомъ развитіи. Всѣ выдающіяся явленія культуры и цивилизаціи,—религія, наука, искусство, общественное благоустройство, экономическій строй,—тѣсно связаны съ цѣлесообразною самодѣятельностью человѣка. Кромѣ того, никто не станетъ оспаривать важнаго вліянія культуры и цивилизаціи какъ на природу самого человѣка, его физическую и умственную организацію, такъ и въ значительной степени на окружающую человѣка внѣшнюю природу земного шара.

Но такъ какъ вся культура и цивилизація въ сущности тоже только одно изъ явленій всеобщаго бытія, т. е. слѣдствіе дѣйствующихъ въ немъ силъ, то мы стоимъ здѣсь передъ фактомъ, обнаруживающимъ вліяніе всеобщаго бытія, природы на самое себя, т. е. ея видоизмѣненіе при посредствѣ цѣлесообразной дѣятельности отдѣльныхъ произведеній ея же, т. е. живыхъ существъ вообще, и въ особенности человѣка.

§ 15, 3.

Изъ приведеннаго факта мы не имѣемъ въ виду выводить здѣсь какихъ либо метафизическихъ заключеній, какихъ либо взглядовъ на характеръ и свойства всеобщихъ началъ бытія, обнаруживающихся въ этомъ фактѣ. Все это предметы особыхъ философскихъ изысканій. Для насъ въ настоящее время важенъ только указанный фактъ, какъ фактъ, безъ всякихъ ближайшихъ объясненій, ибо фактъ этотъ показываетъ, что вопроса о цѣлесообразности нельзя исключать изъ научнаго изслѣдованія объективностнаго міра; что воззрѣніе уже не только на основныя начала всеобщаго бытія, но и на непосредственно осязательныя явленія его, требуетъ разбора цѣлесообразной дѣятельности живыхъ существъ и опредѣленія ея отношенія къ такъ называемымъ законамъ природы. Какъ нельзя устранить изъ науки вопроса: можно ли выводить душевныя, психическія явленія изъ явленій физическихъ, матеріальныхъ, или же слѣдуетъ признать за ними своеобразный характеръ, не выводимый изъ дѣйствія постороннихъ началъ;—такъ точно вопросъ о томъ, свойственна ли явленіямъ міра разумная цѣлесообразность или нѣтъ, останется на всегда однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ науки, познанія вещей.

Научное изслѣдованіе и даже принципіальное рѣшеніе этого вопроса о цѣлесообразности міра не доводитъ еще до опредѣленія цѣлей міра въ частности. Здѣсь, слѣдовательно, гипотетическое творчество имѣетъ все еще передъ собою широкое поле для проявленія своихъ стремленій. Но изслѣдованіе тѣхъ міровыхъ процессовъ, которые производятъ цѣлесообразно дѣйствующую, физическую и умственную, организацію живыхъ существъ, служитъ, во всякомъ случаѣ, основаніемъ для взгляда на объективное значеніе цѣлесообразности, для рѣшенія вопроса: имѣемъ ли мы право признавать вообще разумную цѣлесообразную дѣятельность въ мірѣ и за предѣлами дѣятельности единичныхъ существъ? Такимъ образомъ, и относительно этого, самаго труднаго предмета познанія умъ человѣческій не вынужденъ руководиться одними только субъективными предположеніями, интуитивнымъ творчествомъ, но можетъ отыскать и богатый фактическій матеріалъ, дающій возможность разрѣшить этотъ важный вопросъ хотя бы въ принципѣ, съ объективной, строго научной точки зрѣнія. Философія, слѣдовательно, занимаясь вопросомъ о цѣлесообразности міра, вовсе не оставляетъ поприща науки и не переходитъ въ сферу мечтаній, какъ предполагаютъ приверженцы ученія о философскомъ творчествѣ.

§ 15, 3. **Литература.** На участіе творческаго воображенія не только въ философіи, но и въ самыхъ строгихъ научныхъ изслѣдованіяхъ указываютъ между прочими слѣдующіе авторы:

Знаменитый физіологъ Іоаннъ Мюллеръ († 1858), одинъ изъ первенствующихъ представителей своей науки, сказалъ: „Фантазія есть добро необходимое. При ея содѣйствіи образуются въ умѣ новыя комбинаціи мыслей, дающія поводъ къ важнымъ открытіямъ. Естествоиспытатель нуждается въ гармоническомъ сооотношеніи силы различенія (Kraft der Unterscheidung), свойственной анализирующему разсудку, и фантазіи, расширяющей взгляды и стремящейся въ общему. Нарушеніе равновѣсія между этими способностями приводитъ естествоиспытателя часто къ фантастическимъ мечтамъ; но талантливый изслѣдователь, одаренный соотвѣтственно сильнымъ разсудкомъ, дѣлаетъ при помощи фантазіи самыя важныя открытія.“ См. M. Carriere, *Die sittliche Weltordnung*, 1877, стр. 170.

J. Tyndall, *Scientific use of the imagination* Изд. 3-ье. 1872. Русскій переводъ: *Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ*, при переводѣ *Единства физическихъ силъ* А. Секки. Изд. 2-ое 1880. Тиндаль указываетъ здѣсь на значеніе воображенія при научныхъ изслѣдованіяхъ.

Извѣстный физіологъ T. Meinert говоритъ: „Общая картина міра не просто *воспринимается* мозгомъ, но прямо имъ *создается*. Этотъ взглядъ не принадлежитъ исключительно философамъ кантовской школы, но раздѣляется также знаменитѣйшими изъ современныхъ естествоиспытателей: такъ онъ выводится Гельмгольцемъ изъ анализа чувственнаго воспріятія, Рокитанскимъ изъ предѣловъ естественно-научнаго міровоззрѣнія.“ Т. Мейнертъ, *Механика душевной дѣятельности*, стр 9. См. А. И Холмскій, *Пессимизмъ*, 1884, стр. 41 и слѣд.

N. Michaut, *De l'imagination. Étude psychologique.* 1876. Въ X-ой главѣ этой интересной монографіи авторъ разсматриваетъ вопросъ о значеніи воображенія для науки, вообще для познанія истины и доходитъ до заключенія, что оно имѣетъ самое важное значеніе для индуктивныхъ наукъ (dans les sciences inductives, c'est limagination qui joue le premier rôle). Направленіе наведенія, созданіе вопросовъ, предлагаемыхъ, такъ сказать, природѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣйствія воображенія, т. е. отъ ожидаемыхъ и предполагаемыхъ рѣшеній, возникающихъ въ умѣ помощью воображенія.

Очень интересное ученіе о воображеніи, разсматривающее всесторонне его участіе какъ въ познавательныхъ процессахъ ума, такъ и въ процессахъ міровыхъ представилъ J. Frohschmammer въ соч.: *Die Phantasie als Grundprincip des Weltprocesses.* 1877. Въ трехъ книгахъ авторъ разсматриваетъ фантазію: какъ субъективную способность ума, какъ объективное начало процессовъ природы и какъ основу всесторонняго развитія сознательнаго духа. Можно не согласиться съ исключительнымъ примѣненіемъ этого принципа ко всѣмъ вопросамъ человѣческаго знанія, но нельзя не признать, что Фрошаммеръ указалъ здѣсь на одинъ изъ очень важныхъ моментовъ какъ умственной жизни человѣка, такъ и явленій бытія. См. тоже приведенное (§ 2, 2 *Лит.*) *Введеніе въ философію* Фрошаммера. Въ этомъ же духѣ написано соч. H. Schmidkunz'a, *Analytische u. synthetische Phantasie.* 1889.

Во имя справедливости слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что гораздо раньше Фрошаммера, именно еще въ 1850 году польскій философъ K. Libelt († 1875) въ своемъ соч. *System umnictwa czyli filozofii umysłowej* (новое изд. 1874), представилъ фантазію, или воображеніе (*um=obraźnia, wyobraźnia i przeobraźnia*),

какъ одно изъ основныхъ началъ мірового процесса. По его ученію абсолютный духъ обнимаетъ собою три соподчиненныхъ и равно существенныхъ силы: *разумъ*, *воображеніе* и *волю* (trzy współrówne i współistotne potęgi: rozum, obraźnia i wola). Система Гегеля развила, по Либельту, только начала *разума* міра. Либельтъ же имѣетъ въ виду представить *морфологическую* систему міра, истекающую изъ дѣйствія міровой фантазіи. Изложеніе системы міровой *воли* онъ предоставляетъ будущимъ мыслителямъ. Мы не предполагаемъ, чтобы Фрошаммеръ знакомъ былъ съ сочиненіями Либельта, но коль скоро принципъ фантазіи обнаруживаетъ все болѣе и болѣе свое значеніе въ философскихъ воззрѣніяхъ новѣйшаго времени, то слѣдуетъ указать на его настоящее историческое начало § 15, 3.

E. Guyau, *L'invention dans les arts, dans les sciences et dans la pratique de la vertu.* 1879. Авторъ отличаетъ *воображеніе* (imagination) отъ *фантазіи*. Въ послѣдней онъ видитъ способность произвольнаго сочетанія представленій; истинное же значеніе онъ признаетъ только за воображеніемъ. Оно есть способность правильнаго синтетическаго сопоставленія представленій и этимъ содѣйствуетъ истинному прогрессу на всѣхъ поприщахъ умственной жизни человѣка.

Спеціально изслѣдованіемъ участія *изображеній* и *сравненій*, какъ явленій творческаго воображенія, въ философскихъ изслѣдованіяхъ, занимается R. Eucken, *Ueber Bilder u. Gleichnisse in der Philosophie.* 1880.

M. Guyau († 1888), *Les problèmes de l'esthétique contemporaine.* 1884. Авторъ разсматриваетъ во II-ой кн., въ 4-ой и слѣд. главахъ, отношеніе воображенія (imagination) къ наукѣ. Гипотезу Гюо очень мѣтко называетъ поэмою ученаго (l'hypothèse c'est le poème de savant) и объясняетъ многочисленными примѣрами участіе поэтическаго творчества въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

F. Rosenberger, *Ueber die Genesis wissenschaftlicher Entdeckungen u. Erfindungen.* 1885. Авторъ различаетъ открытія *случая*, *труда* и *генія*. Послѣднія являются результатомъ *интуиціи*, т. е. творческаго воображенія.

См. тоже выше литературу, приведенную при разсмотрѣніи вопроса объ общихъ началахъ творчества и идеаловъ (§ 14, 1, 2, 3 *Лит*).

Спеціальное изученіе идей *дѣйствительности*, *стройности* и *цѣлесообразности* составляетъ предметъ *критики ума* (теоріи познанія, или логики) и *метафизики*. Данныя для этого изученія встрѣчаются какъ въ критическихъ сочиненіяхъ Канта и его послѣдователей (§ 9, 1 *Лит.*), такъ и въ *системахъ философіи* (§ 1, 3 *Лит.*) и въ сочиненіяхъ, касающихся отношенія философіи къ естественнымъ наукамъ (§ 13, 1, 2 *Лит.*)

---

3. Философія и жизнь.

§ 16.

Общій взглядъ на житейскія стремленія и ихъ отношеніе къ философіи.

Въ понятіи о *жизни* по отношенію къ человѣку, въ отличіе отъ его мыслительной и творческой дѣятельности, объединяются обыкновенно явленія человѣческихъ стрем- § 16.

§ 16. леній, обнаруживающіяся осязательно во внѣшнемъ мірѣ. Жизнь въ этомъ смыслѣ представляется совокупностью всѣхъ дѣйствій человѣка, видоизмѣняющихъ окружающую его среду, т. е. природу и человѣческія отношенія согласно съ разнообразными потребностями его.

Конечная цѣль всѣхъ стремленій человѣка въ практической жизни есть *благосостояніе* (§ 11). По отношенію человѣка къ природѣ, *благосостояніе* его принимаетъ характеръ *физическій, матеріальный*; отношеніе же человѣка къ другимъ людямъ приводитъ къ *общественному* благосостоянію; наконецъ, по своему отношенію къ Началу всего существующаго, къ высшему порядку вещей, человѣкъ имѣетъ въ виду *религіозное* благосостояніе (§ 11, з).

Существеннымъ началомъ *матеріальнаго* благосостоянія служитъ возможно высшее удовлетвореніе потребностей физической жизни человѣка; основаніе *общественнаго* благосостоянія заключается въ организаціи человѣческихъ отношеній, т. е. въ общественномъ порядкѣ; *религіозное* же благосостояніе имѣетъ своимъ началомъ чувство внутренняго согласія личности съ признаваемымъ ею высшимъ порядкомъ вещей, или такъ называемую чистую совѣсть, спокойствіе души.

Удовлетвореніе потребностей физической жизни, общественное благоустройство и, наконецъ, чистота совѣсти или спокойствіе души,—вотъ главныя цѣли практическихъ стремленій человѣка, обнаруживающіяся во внѣшнемъ мірѣ соотвѣтственными жизненными проявленіями: экономическимъ строемъ, общественнымъ порядкомъ и, наконецъ, религіею.

Изъ сказаннаго истекаетъ, что взаимное отношеніе философіи и жизни выражается соотношеніемъ философіи и приведенныхъ цѣлей практической дѣятельности человѣка. Соотношеніе это можетъ быть опредѣлено слѣдующими положеніями:

1) Философія, какъ высшее проявленіе умственной дѣятельности человѣка, возникаетъ и развивается надле-

жащимъ образомъ только на основаніи предварительнаго развитія существенныхъ началъ человѣческаго благосостоянія. Удовлетвореніе потребностей физической жизни, общественный порядокъ и внутреннее спокойствіе души— необходимыя жизненныя условія философствованія. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о точной постановкѣ философскихъ вопросовъ, ни о научномъ разрѣшеніи ихъ, ни о критическомъ разборѣ познанія, ни о стремленіи къ общему міровоззрѣнію (§ 9). § 16.

2) Философія не обусловливается только жизнью въ своемъ развитіи;—она, кромѣ того, находится подъ *вліяніемъ* жизни, изучаетъ потребности ея и можетъ настоящимъ образомъ разрѣшить свои задачи только пользуясь постоянно данными, почерпаемыми изъ жизни, вообще житейскимъ опытомъ. Оторванная отъ органической связи съ жизнью, философія похожа на растеніе, вырванное съ корнемъ изъ своей естественной почвы. Только пустивъ свои корни въ жизненную почву, философія можетъ возвыситься надъ жизнью и уразумѣть самостоятельно ея истинное значеніе.

3) Наконецъ, и жизнь нуждается въ философіи. Усовершенствованіе данныхъ условій человѣческаго благосостоянія возможно только при постоянномъ содѣйствіи познанія вещей, какъ науки вообще, такъ и въ особенности философіи. Только философія доводитъ, на основаніи своихъ критическихъ изслѣдованій, до ясной и точной оцѣнки приведенныхъ элементовъ благосостоянія и выводитъ изъ ихъ сравнительнаго изученія соотвѣтственныя заключенія касательно настоящихъ задачъ практической дѣятельности человѣка. Выработанныя въ этомъ отношеніи философіею воззрѣнія вліяютъ непосредственно на ходъ жизненныхъ стремленій и, смотря по своему содержанію, придаютъ имъ разнородный характеръ.

Такимъ образомъ оказывается, что философія и жизнь находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, пополняютъ другъ друга и только въ связи между собою каждая

§ 16. изъ нихъ можетъ надлежащимъ образомъ разрѣшить свои задачи.

§ 16, 1. **Примѣчаніе I-ое. Философія и матеріальное благосостояніе.** Съ перваго взгляда могло бы показаться, что философія и *матеріальное благосостояніе* не имѣютъ ничего общаго, что нѣтъ надобности разсматривать ближе ихъ соотношенія. Мало того, можно бы въ этомъ отношеніи прямо сослаться на фактъ, что философія и стремленіе къ матеріальному благосостоянію развиваются обыкновенно независимо другъ отъ друга, расходятся между собою и даже противодѣйствуютъ другъ другу.

Въ самомъ дѣлѣ, съ древнѣйшихъ временъ мыслители указывали на то, что настоящій философъ долженъ имѣть въ виду истину ради самой истины, безъ всякихъ посторонннихъ соображеній, а тѣмъ болѣе безъ вниманія къ матеріальному благосостоянію. Съ другой стороны, большинство такъ называемыхъ практическихъ людей осмѣиваетъ съ древнѣйшихъ временъ философовъ, которые, по ихъ взгляду, упускаютъ изъ виду удовлетвореніе житейскимъ, земнымъ потребностямъ, ради обманчивой игры мыслей и отвлеченнаго умозрѣнія.

Это противорѣчіе между философіею и практическими стремленіями высказывается наглядно въ жизни и ученіяхъ многихъ знаменитыхъ мыслителей. Такъ напр. о Θалесѣ, одномъ изъ семи мудрецовъ древнѣйшей Греціи, разсказываютъ, что онъ однажды, увлекшись созерцаніемъ неба на ходу упалъ въ колодезь, вслѣдствіе чего подвергся насмѣшкамъ простой ѳракійской женщины. „Ты хочешь быть мудрецомъ и толковать о небѣ,“ сказала она ему, „а не видишь того, что передъ тобою, на землѣ!“ Извѣстно, что подобнымъ насмѣшкамъ подвергся Сократъ со стороны Аристофана въ его комедіи *Облака* (Νεφέλαι). Сократъ, признавая конечною цѣлью философіи самопознаніе, пренебрегалъ дѣйствительно удобствами жизни, указывая на то, что они дѣлаютъ человѣка зависимымъ отъ внѣшняго міра и подкапываютъ его самостоятельность и свободу. По Сократу, человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ менѣе у него нуждъ. Это ученіе, доведенное до крайности, привело нѣкоторыхъ изъ послѣдователей Сократа напр. Антисѳена, Діогена Синопскаго и др. къ тому животному образу жизни, который подалъ поводъ къ философскому термину *цинизма* (отъ κύων=собака).

Подобное пренебреженіе къ внѣшнему, матеріальному благосостоянію представляютъ у древнихъ грековъ и римлянъ и при-

верженцы такъ называемой *стоической* школы. Непоколебимость мраморныхъ столбовъ, подверживавшихъ портикъ (στοά), въ которомъ училъ наставникъ ихъ Зенонъ, послужила для стоиковъ образцомъ внутренней непоколебимости истиннаго мудреца въ жизни. По ихъ мнѣнію, философъ долженъ съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣть на дары и удары судьбы, на счастіе и несчастіе, имѣя исключительно въ виду довольство самимъ собою, истекающее изъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. § 16, 1.

Такихъ примѣровъ пренебреженія матеріальнымъ благосостояніемъ, и даже самой жизнью, ради мудролюбія, мы встрѣчаемъ не мало и въ новое время. Джіордано Бруно погибъ 1600 г. на кострѣ, не желая отступить отъ своихъ философскихъ убѣжденій. — Спиноза, несмотря на крайнюю нищету, отклонилъ отъ себя самыя лестныя и выгодныя въ матеріальномъ отношеніи предложенія со стороны богатыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, дабы ничѣмъ не ограничивать независимости своего философствованія.—Посвящая себя исключительно своимъ научнымъ и философскимъ изслѣдованіямъ, Кантъ велъ аскетическую жизнь, отказывая себѣ часто въ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ потребностей.

Несмотря однако на все это, уже во имя критичности, основнаго принципа философіи (§ 9, 1), нельзя въ этомъ отношеніи руководиться только приведенными взглядами. Этого дѣлать нельзя тѣмъ болѣе, что упомянутымъ взглядамъ противопоставляются другіе, рѣшающіе данный вопросъ съ иной точки зрѣнія. Между послѣдователями Сократа находились и такіе, которые, ссылаясь на его ученіе о благѣ, какъ цѣли жизни, утверждали, по примѣру Аристиппа изъ Кирены (въ Африкѣ), что истинный философъ долженъ главнымъ образомъ стремиться къ *наслажденію*, какъ самому высшему *благу*, зависящему, естественно, во многихъ отношеніяхъ отъ матеріальнаго благосостоянія (*киренская* школа). Ученіе это, развитое впослѣдствіи Эпикуромъ, приняло общеизвѣстное названіе *эпикуреизма* Въ новое время, благодаря въ особенности англійскому мыслителю Бэнтаму († 1832), защитники матеріальнаго благосостоянія основываются на понятіи *пользы*, и поэтому именуются *утилитаристами*. По ихъ взгляду *польза*, обнимающая собою главнымъ образомъ матеріальное благосостояніе, какъ условіе нравственнаго развитія, должна быть конечною цѣлью всѣхъ стремленій человѣка, слѣдовательно и философа (см. тоже, что сказано было выше объ *утилитаризмѣ* § 11, 3, стр. 102).

§ 16, 1. Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніи философіи къ матеріальному благосостоянію не лишенъ какъ философскаго, такъ и жизненнаго интереса и заслуживаетъ во всякомъ случаѣ ближайшаго разсмотрѣнія.

Для простаго и, по возможности, яснаго разрѣшенія этого вопроса, нужно принять въ основаніе слѣдующія, очевидныя истины:

Во 1-хъ. Удовлетвореніе насущнымъ потребностямъ тѣла, составляющее минимумъ матеріальнаго благосостоянія человѣка, есть необходимое физическое условіе всякой умственной дѣятельности, слѣдовательно и философіи. Философія появляется въ развитіи человѣчества и возможна у единичнаго человѣка только при удовлетвореніи указанному минимуму матеріальнаго благосостоянія. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать старинное изрѣченіе: „Primum vivere, deinde philosophari.“ Къ этому и сводятся требованія разумнаго утилитаризма.

Во 2-хъ. Философія, какъ наука, не должна стремиться къ другимъ цѣлямъ, кромѣ познанія *истины*, уразумѣнія субъективныхъ и объективныхъ началъ человѣческаго знанія. Стремясь къ этой цѣли, она должна, естественно, принимать во вниманіе все, что только возбуждаетъ интересъ мыслящаго человѣка, слѣдовательно и разнообразныя, многосложныя условія матеріальнаго благосостоянія и значеніе его для человѣческой жизни вообще.

Этими положеніями разрѣшаются недоразумѣнія, возникшія по поводу разсматриваемаго нами вопроса. Прежде всего изъ сказаннаго истекаетъ, что матеріальное благосостояніе не можетъ быть *цѣлью* философіи. Имѣя въ виду исключительно познаніе истины, философія не можетъ вовсе предвидѣть значенія результатовъ своихъ изысканій для матеріальнаго благостоянія какъ людей вообще, такъ и въ особенности для даннаго философствующаго индивида. Если бы философъ сталъ обращать вниманіе на подобнаго рода постороннія соображенія, то онъ непремѣнно удалился бы отъ своей непосредственной задачи, отъ познанія истины въ ея возможно чистомъ, объективномъ видѣ, свободномъ отъ субъективныхъ интересовъ.

Философъ можетъ полагать, что познаніе истины раньше или позже увеличитъ матеріальное благосостояніе человѣчества; онъ можетъ даже, на основаніи своихъ изслѣдованій, придти къ научному убѣжденію о благодѣтельномъ вліяніи познанія истины на практическія отношенія вообще. Но въ изслѣдованіяхъ своихъ онъ имѣетъ въ виду только *истину*, а не

благо, и отдаетъ первой предпочтеніе даже и въ томъ случаѣ, когда она не соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ, ходячимъ воззрѣніямъ на благо. § 16, 1.

Далѣе, не слѣдуетъ забывать и того, что стремленіе къ матеріальному благосостоянію есть явленіе своеобразное, основывающееся на *дѣйствіи* человѣка во внѣшнемъ мірѣ. Между тѣмъ философія, по существу своему, не есть практическое внѣшнее дѣйствіе, но явленіе внутренней умственной дѣятельности, т. е. *познавательныхъ* процессовъ (см. § 11). Сіи послѣдніе не направлены къ видоизмѣненію внѣшняго міра, къ удовлетворенію при его помощи нашимъ матеріальнымъ потребностямъ, но вращаются въ сферѣ мыслей, идей, ихъ сравненія, сочетанія и оцѣнки. Жизненныя потребности могутъ быть въ самомъ дѣлѣ предметомъ мыслительнаго разбора; философія можетъ и должна заняться ихъ изученіемъ. Этимъ она и доводитъ до возможно вѣрной оцѣнки значенія матеріальнаго благосостоянія для нормальнаго развитія человѣка. Однако, при такомъ изученіи умъ не имѣетъ въ виду удовлетворенія этимъ потребностямъ, но стремится къ *познанію* истины относительно приведеннаго предмета.

Кромѣ того, такое изученіе началъ благосостоянія, ихъ *познаніе* и ихъ теоретическая оцѣнка не составляютъ ни исключительнаго, ни даже главнаго предмета знанія вообще и философіи въ особенности. Это только одинъ изъ многихъ предметовъ знанія; безъ сомнѣнія, очень важный, въ особенности съ точки зрѣнія человѣческой субъективности; но изученіе этого именно предмета требуетъ тѣмъ больше самостоятельности и критичности мышленія, чѣмъ оно ближе связано съ субъективностью мыслителя. Если философія, по существу своему, должна освободиться отъ всякихъ догматическихъ и предвзятыхъ взглядовъ; если она должна подвергнуть критическому разбору даже основныя начала своей собственной дѣятельности (§ 9, 1); то, естественно, она должна прежде всего освободиться, по возможности, отъ тѣхъ непосредственныхъ влеченій, которыя высказываются въ стремленіяхъ къ матеріальному благосостоянію, и подвергнуть ихъ критическому разбору.

Кто этого не дѣлаетъ, кто, напротивъ, въ своемъ мышленіи подчиняется непосредственно приведеннымъ влеченіямъ и направляетъ всю умственную дѣятельность только къ своему благосостоянію,—тотъ подъ вліяніемъ этихъ сильныхъ субъективныхъ стимуловъ можетъ сдѣлаться очень энергичнымъ практическимъ дѣятелемъ, но онъ никогда не будетъ философомъ,

§ 16, 1. самостоятельнымъ мыслителемъ. Онъ не будетъ философомъ по двумъ главнымъ причинамъ: во 1-хъ, потому, что непосредственное господство практическихъ стремленій надъ его умомъ лишаетъ его возможности относиться критически къ началамъ своихъ познавательныхъ процессовъ (отсутствіе первой характеристической черты философіи). и во 2-хъ, потому, что его узкій умственный кругозоръ, ограниченный личными интересами, является неспособнымъ обнять болѣе широкіе предѣлы объективнаго бытія, общаго міровоззрѣнія (отсутствіе второй характеристической черты философіи. См. § 9).

Каждый человѣкъ, какъ живое существо, одаренное чувствами, стремится къ извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія; и философъ не можетъ безусловно отказаться отъ этого стремленія. Но чѣмъ сильнѣе онъ преданъ цѣлямъ философствованія, чѣмъ болѣе онъ истинный философъ, т. е. любитель, другъ мудрости, тѣмъ энергичнѣе подчиняетъ онъ этимъ цѣлямъ всѣ свои остальныя стремленія. Матеріальное благосостояніе имѣетъ для него только значеніе *средства* для осуществленія главныхъ цѣлей его умственной жизни, т. е. философствованія, познанія и уразумѣнія истины.

Ближайшее разсмотрѣніе матеріальнаго благосостоянія, опредѣленіе его отношенія къ другимъ явленіямъ практической и умственной жизни, оцѣнка его значенія, какъ цѣли въ общей системѣ стремленій и цѣлей человѣческой дѣятельности,—все это составляетъ одинъ изъ предметовъ философской науки *этики*, и въ особенности той части ея, которая разсматриваетъ критически начала *утилитаризма*. Мы здѣсь не можемъ заняться окончательнымъ разборомъ всѣхъ этихъ вопросовъ: наша задача ограничивается въ настоящее время опредѣленіемъ общаго отношенія между философіею и стремленіемъ къ матеріальному благосостоянію, составляющимъ одинъ изъ моментовъ практической жизни вообще.

Литература. Приведенныя историческія данныя разсматриваются ближе въ *исторіяхъ философіи*, въ особенности же въ *исторіяхъ этики*. Характеристическій анекдотъ о Θалесѣ и ѳракійской женщинѣ разсказываетъ Діогенъ Лаэрцій (§ 8, 1 *Лит.*) I, 24 См. тоже *Θеэтетъ* Платона p 174.

Относительно житейскихъ воззрѣній и этическихъ ученій древнихъ грековъ см. главнымъ образомъ: Leopold Schmidt, *Die Ethik der alten Griechen.* 2 тома. 1883. Сюда относится и первый томъ соч. K. Köstlin'a *Geschichte der Ethik.* 1887.

Изъ сочиненій, изучающихъ новыя и новѣйшія воззрѣнія на мораль и задачи жизни, замѣчательны: Fr. Jodl, *Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie.* 1882. Alfred Fouillée, *Critique des systèmes de morale contempo-*

§ 16, 1.

rains. 2-ое изд. 1887. А. Смирновъ, *Англійскіе моралисты XVII вѣка.* 1880 Ник. Ланге, *Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка* 1888. См. тоже John St. Blackie, *Four phases of morals Socrates, Aristotle, Christianity, utilitarianism.* 1871 (Русскій переводъ: *Четыре фазиса нравственности.* 1878), и H. Sidgwick, *History of ethics.* 2-ое изд. 1888.

Начала утилитаризма изложены всесторонне въ сочиненіяхъ Jeremy Bentham'a: *Introduction to the principles of moral and legislation.* 1789. Русскій переводъ Пыпина и Невѣдомскаго. 1867. *Deonthology or the science of morality, ed.* John Browring, 2 тома. 1834. Ученіе утилитаризма Бэнтамъ сводитъ къ формулѣ, требующей „возможно большаго счастія для возможно большаго числа людей (the greatest hapiness of the greatest number)."

Критику *эмпирическаго утилитаризма* Бэнтама съ точки зрѣнія *утилитаризма раціональнаго,* „имѣющаго въ виду благосостояніе не непосредственно, но на основаніи приспособленія дѣйствій къ *принципамъ,* обусловливающимъ собою благосостояніе", представляетъ H. Spencer въ приведенныхъ выше (§ 1, 3 *Лит.*) *Основаніяхъ этики,* см. въ особенности § 60 и слѣд.

Знаменитѣйшимъ представителемъ утилитарнаго воззрѣнія на жизнь и ея задачи въ новѣйшее время былъ John St. Mill, въ соч. *On Utilitarianism.* 1863. 5-ое изд. 1873. Русскій переводъ А. Н. Невѣдомскаго, 2-ое изд. 1882. Основнымъ принципомъ Милля служитъ „общая польза," которую онъ отождествляетъ съ удовольствіемъ; притомъ Милль на основаніи психологическаго анализа стремится показать, какъ природныя влеченія человѣка постепенно „*моралгизуются.*"

Въ этомъ же направленіи замѣчательны еще: Al. Bain, *The emotions and the will,* новое изд. 1875, гл. XV. *о нравственномъ чувствѣ,* и его же *Mental and moral science,* 3-ье изд. 1872. Далѣе H. Sidgwick, *The methods of ethics,* 3-ье изд. 1884, въ особенности IV кн: *утилитаризмъ.* Въ этомъ послѣднемъ соч. авторъ стремится освободить утилитаризмъ отъ эгоистическихъ началъ.

Критическій разборъ основныхъ началъ этого направленія заключаютъ въ себѣ слѣдующіе труды:

J. Grote, *An examination of the utilitarian philosophy.* 1870. Здѣсь особенно замѣчательна критика „нео-утилитаріанизма" Милля.

L. Carrau, *La morale utilitaire* (Ouvrage couronné par l'Académie). Безъ года. Авторъ на основаніи критическаго разбора соотвѣтственныхъ данныхъ доходитъ до заключенія, что благосостояніе и счастіе не могутъ быть *цѣлью* нравственнаго развитія человѣка, но составляютъ только ея слѣдствіе.

Сюда относится и соч. P. Janet *Philosophie du bonheur,* 3-ье изд. 1878, въ которомъ развивается мысль, что добродѣтель не учитъ, какъ достигать счастія, но показываетъ, какъ слѣдуетъ сдѣлаться достойнымъ его. (La vertu n'est pas l'art de nous rendre heureux, mais l'art de non rendre dignes du bonheur).

А. Мальцевъ, *Нравственная философія утилитаризма.* 1879. Представивъ въ первой части постепенное усовершенствованіе утилитаризма, отъ грубаго эгоистическаго мотива у Аристиппа до теоріи Спенсера, по которой личное счастіе тѣсно связано съ осуществленіемъ альтруистическихъ и гуманныхъ стремленій, авторъ во второй, критической части показываетъ, что утилитаризмъ усвоилъ себѣ всѣ, сколько нибудь возвышенныя черты другихъ нравственныхъ системъ и въ томъ числѣ, конечно, христіанскаго нравоученія, хотя эти черты, по своей природѣ, совершенно чужды и не свойственны утилитаризму. Сочиненіе это въ обѣихъ своихъ частяхъ очень по-

§ 16, 1. учительно и можетъ служить самымъ удобнымъ пособіемъ для разъясненія вопроса объ истинномъ значеніи утилитаризма и его отношеніи къ задачамъ философіи.

§ 16, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Философія и общественная жизнь.** Для каждаго понятно, что связь философіи съ *общественнымъ благосостояніемъ* болѣе тѣсна, чѣмъ съ благосостояніемъ матеріальнымъ. Философія, наравнѣ съ наукою вообще, есть въ сущности явленіе *общественное.* Она возникаетъ и развивается совмѣстнымъ трудомъ, кооперацією многихъ мыслящихъ людей, цѣлыхъ поколѣній и народовъ и имѣетъ въ виду удовлетворить опредѣленнымъ потребностямъ всего человѣчества. И хотя непосредственнымъ субъектомъ философствованія, творцомъ новыхъ философскихъ воззрѣній является всегда частный человѣкъ, единичный умъ; тѣмъ не менѣе умственная жизнь отдѣльнаго человѣка, развитіе его наклонностей, направленіе его стремленій, образованіе и усовершенствованіе его способностей, однимъ словомъ — его подготовка къ самостоятельному философствованію является въ значительной части результатомъ общежитія съ другими людьми, вообще общественнаго устройства и господствующаго въ обществѣ духа, т. е. идей, воззрѣній и стремленій большинства другихъ людей, подъ вліяніемъ которыхъ единичный человѣкъ живетъ, развивается и созрѣваетъ.

Поэтому именно и появленіе того или другого философскаго воззрѣнія не есть исключительно выраженіе умственной жизни его творца, единичнаго мыслителя, но характеризуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстную сторону общественной жизни, духа времени и народа, къ которому принадлежитъ мыслитель.

Тѣсная связь философіи съ общественною жизнью указываетъ на второе жизненное условіе развитія философіи, на условіе, заключающееся въ такомъ устройствѣ человѣческаго общежитія, чтобы люди могли сообщать другъ другу свои мысли, содѣйствовать умственному развитію молодежи, передавать свои взгляды, свои житейскіе и научные опыты позднѣйшимъ поколѣніямъ, вообще въ такомъ общественномъ устройствѣ, чтобы единичный человѣкъ, какъ членъ общества, могъ удовлетворить основнымъ требованіямъ философскаго мышленія. Это условіе является естественно результатомъ долгаго развитія человѣчества, результатомъ культуры и цивилизаціи, представляющихъ собою опредѣленную ступень *общественнаго благосостоянія.* Это значитъ, что развитіе философіи обусло-

вливается развитіемъ *культурнаго гуманизма* (ср. § 11, 3, въ особенности стр. 102 и слѣд.). § 16, 2.

Общественное благосостояніе вліяетъ уже гораздо сильнѣе на содержаніе и характеръ философіи, чѣмъ это можно было сказать о благосостояніи матеріальномъ. Послѣднее составляетъ только общую физическую подкладку для развитія умственной жизни, слѣдовательно и философіи; между тѣмъ общественныя отношенія принимаютъ уже дѣятельное участіе въ появленіи и развитіи философіи. Мыслитель, какъ дитя своего времени и народа, получаетъ отъ общества въ наслѣдство извѣстныя идеи, чувствованія и стремленія, которыя съ одной стороны вызываютъ въ немъ недоумѣніе, разные, вопросы, требующіе философскаго разрѣшенія, а съ другой—обогащаютъ его матеріаломъ, облегчающимъ это разрѣшеніе.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что настоящій мыслитель, философъ, можетъ дойти до соотвѣтственнаго самопознанія, т. е. дать себѣ отчетъ въ разнородныхъ воззрѣніяхъ, которыя сложились въ его умѣ путемъ общественнаго развитія и служатъ исходною точкою его самостоятельныхъ изысканій, — только при помощи предварительнаго изученія умственнаго состоянія той общественной среды, къ которой онъ принадлежитъ, и тѣхъ историческихъ данныхъ, которымъ онъ обязанъ своею умственною культурою, которыя сдѣлали изъ него ученаго, мыслителя, философа.

Изученіе исторіи и литературы философіи составляетъ только одинъ изъ моментовъ общаго историческаго самопознанія мыслителя. Желая въ этомъ отношеніи дойти до соотвѣтственной основательности и полноты, онъ долженъ, кромѣ того, дать себѣ отчетъ въ началахъ умственнаго развитія человѣчества вообще, въ особенности образованныхъ народовъ, въ ихъ наукѣ и религіи, въ ихъ идеалахъ, высказывающихся въ поэзіи и художествѣ, въ ихъ обычаяхъ, общественномъ устройствѣ и жизненныхъ стремленіяхъ; однимъ словомъ — во всеобщей исторіи культуры и цивилизаціи, въ составъ которой входитъ исторія философіи только какъ одинъ изъ характеристическихъ моментовъ умственнаго развитія человѣчества.

Вниманіе ко всѣмъ этимъ историческимъ даннымъ, обнимающимъ собою основныя явленія человѣческой общественности составляетъ, съ другой стороны, и необходимое условіе воздѣйствія мыслителя на общество, на остальныхъ людей. Общество интересуется умственными произведеніями даже самыхъ даровитыхъ личностей только тогда, когда оно находитъ въ нихъ

§ 16, 2. удовлетвореніе своихъ разнообразныхъ потребностей. Поэтому и личность, ограничивающаяся въ своей умственной дѣятельности только своими индивидуальными интересами и имѣющая въ виду только свое личное благосостояніе, если она не будетъ при этомъ обращать вниманія на благосостояніе другихъ людей и потребности общественныя и общечеловѣческія,—такая личность не можетъ производить вліянія на умственную жизнь общества и тѣмъ болѣе не можетъ содѣйствовать прогрессу на поприщѣ уразумѣнія міра и жизни, т. е. на поприщѣ философіи.

Оцѣнка историческаго значенія каждаго отдѣльнаго мыслителя зависитъ главнымъ образомъ отъ чутья и отзывчивости его къ вопросамъ, безпокоящимъ вообще человѣческій умъ, и отъ участія его какъ въ ясной постановкѣ этихъ вопросовъ, такъ и въ ихъ разрѣшеніи. Одно и другое возможно только при условіи органической связи философствующей личности съ остальнымъ человѣчествомъ, при помощи, съ одной стороны, непосредственнаго общежитія съ людьми, а съ другой—при содѣйствіи приведенныхъ историческихъ данныхъ. Поэтому и полная уединность, разрывающая естественную связь мыслителя съ обществомъ, удаленіе отъ свѣта, въ духѣ мистическаго аскетизма Будды или болѣе философскаго, умозрительнаго аскетизма Платона, никого не можетъ довести до зрѣлаго воззрѣнія на жизнь и міръ.

Сказанное не исчерпываетъ еще взаимныхъ отношеній философіи и общественной жизни, философа и общества.

Несмотря на все вліяніе культурныхъ и цивилизаціонныхъ, вообще историческихъ началъ на умственное развитіе единичнаго мыслителя; несмотря на необходимость усвоенія имъ результатовъ умственнаго труда предшествовавшихъ и современнаго ему поколѣній, принципъ критичности требуетъ отъ философа, чтобы онъ и по отношенію къ приведеннымъ общественнымъ даннымъ стремился къ возможной самостоятельности и независимости; чтобы онъ и къ этимъ даннымъ относился критически и пользовался ими при своихъ изысканіяхъ, только подвергнувъ эти данныя предварительному, всестороннему разбору съ точки зрѣнія организаціонныхъ началъ познанія вообще (§ 9, 1). При всей, слѣдовательно, жизненной связи мыслителя съ обществомъ и съ его умственною культурою; при всемъ признаніи значенія послѣдней для развитія единичнаго ума, слѣдуетъ, однако, указать на то, что истинный философъ не подчиняется непосредственно господствующимъ въ

данное время и въ данной средѣ воззрѣніямъ, но, достигнувъ, при помощи соотвѣтственнаго образованія, полной философской зрѣлости. онъ во всѣхъ умственныхъ произведеніяхъ прошедшаго и настоящаго видитъ только пособіе для своихъ собственныхъ изслѣдованій, для критическаго разрѣшенія задачъ философіи. § 16, 2.

Это критическое отношеніе самостоятельнаго мыслителя къ общественнымъ даннымъ вліяетъ, естественно, и на его отношеніе къ обществу вообще. Для разрѣшенія своихъ критическихъ задачъ, для разсмотрѣнія какъ полученныхъ отъ общества въ наслѣдство, такъ и господствующихъ въ данное время идей, чувствованій и стремленій, философъ, несмотря на свои близкія отношенія къ обществу, долженъ однако занимать возможно независимое положеніе въ обществѣ. Онъ долженъ являться какъ бы судьею, оцѣнивающимъ мысли, желанія и дѣйствія, всю внутреннюю и внѣшнюю жизнь общества, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; онъ въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ можетъ дойти до результатовъ, расходящихся съ господствующими взглядами на самые важные вопросы человѣческаго знанія, т. е. не только съ тѣми или другими вѣрованіями, но и съ тѣмъ, что въ данное время признается безспорнымъ результатомъ науки; однимъ словомъ, онъ можетъ расходиться со всѣмъ догматизмомъ общества. Все это мыслимо только при условіи независимости философа отъ общества, ибо въ противномъ случаѣ философъ находился бы въ такомъ положеніи, какъ судья, призванный со всею строгостью исполнять свои обязанности и въ тоже время поставленный въ зависимость отъ подсудимаго.

Естественно, что эта независимость философа отъ общества не должна въ чемъ либо нарушать существенныхъ основъ общественнаго порядка и благосостоянія, которые, какъ мы видѣли, суть необходимыя условія самаго философствованія. Равнымъ образомъ, независимость эта не можетъ быть слѣдствіемъ особаго положенія философа въ обществѣ, какихъ либо льготъ, дѣлаемыхъ для него въ видѣ изъятія изъ обще обязательныхъ законовъ, дозволяющаго ему мыслить, говорить и высказывать то, что другимъ воспрещается. Подобное привиллегированное положеніе придворнаго философа общества нарушало бы, безъ сомнѣнія, его умственную независимость болѣе, чѣмъ подчиненіе его господствующему порядку наравнѣ со всѣми другими членами общества.

§ 16, 2. Настоящая независимость философа можетъ быть только результатомъ его личной *самостоятельности* и *самодѣятельности*. Онъ долженъ прежде всего своими собственными силами пріобрѣсти независимость и свободу, а особенно свободу внутреннюю для своего духа, и затѣмъ опредѣлить самодѣятельно, въ предѣлахъ даннаго порядка вещей, свое отношеніе къ обществу.

Необходимымъ условіемъ независимости и самодѣятельности служитъ личная энергія, которая въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ доведетъ истиннаго мыслителя самымъ простымъ путемъ къ общественному положенію, представляющему ему возможность самостоятельно философствовать. Для такого положенія нужно немного: для этого не нужно ни большаго состоянія, ни вліятельнаго мѣста; нужно только довольствоваться самыми необходимыми средствами матеріальнаго быта и отказаться отъ всѣхъ стремленій, вызываемыхъ тщеславіемъ, желаніемъ возвыситься въ обществѣ надъ другими, вообще посторонними мотивами, неимѣющими ничего общаго съ задачами настоящаго философа, съ познаніемъ истины ради истины.

Съ этой точки зрѣнія наглядно представляется тѣсная связь самаго отвлеченнаго даже философствованія съ нравственнымъ развитіемъ мыслителя, съ его *характеромъ*. Характеръ есть именно такое развитіе и усовершенствованіе личной энергіи, на основаніи котораго она руководитъ дѣйствіями человѣка неизмѣнно по одному направленію, осуществляющему разъ установившіеся въ сознаніи замыслы, предначертанія, цѣли несмотря на всѣ препятствія. Задача философа по существу своему столь многосложна и трудна, что она и приблизительно можетъ быть разрѣшена только характернымъ человѣкомъ. Въ особенности необходимъ характеръ по отношенію къ *критическимъ* задачамъ философіи, могущимъ служить поводомъ очень серіозныхъ коллизій мыслителя съ господствующими въ обществѣ взглядами, а вслѣдъ за симъ и со всѣмъ матеріальнымъ и общественнымъ благосостояніемъ мыслителя. Кто въ подобнаго рода коллизіяхъ не обладаетъ энергіей, необходимой для защиты, во что-бы то ни стало, своихъ честныхъ убѣжденій, признанныхъ истинными на основаніи ихъ предварительнаго добросовѣстнаго критическаго разбора, тотъ не будетъ никогда настоящимъ мыслителемъ, философомъ, потому что безъ этой энергіи неосуществимо основное требованіе философіи,—самостоятельность и критичность мышленія.

Наконецъ, при разсмотрѣніи отношенія философіи къ общественной жизни нельзя упускать изъ виду и значенія философіи для правильнаго развитія общественныхъ построеній, народовъ, государствъ и всего человѣчества. Ежели въ философіи проявляется стремленіе ума человѣческаго къ критическому уразумѣнію самого себя и къ образованію общаго міровоззрѣнія (§ 8 и 9), то ясно, что результаты этого стремленія не могутъ оставаться безъ очень важнаго вліянія на дальнѣйшій ходъ всѣхъ житейскихъ отношеній. § 16, 2.

Историческое движеніе сложныхъ формъ человѣческой общественности совершается при постоянномъ участіи а иногда и подъ непосредственнымъ руководствомъ выдающихся личностей, государственныхъ мужей, законодателей, ученыхъ, поэтовъ, художниковъ. Всѣ они однако доходятъ до сознательнаго опредѣленія цѣлей своихъ стремленій и до выбора средствъ для осуществленія этихъ цѣлей, главнымъ образомъ, при помощи извѣстныхъ воззрѣній на міръ и жизнь, выработанныхъ философіею. Изъ нея, непосредственно или посредственно, они почерпаютъ мыслительныя начала, входящія въ составъ тѣхъ руководящихъ идеаловъ, которые они вводятъ въ жизнь, которые они осуществляютъ своею дѣятельностью. Ясно, слѣдовательно, что господствующія въ данное время философскія воззрѣнія, проникая въ умы общественныхъ дѣятелей, являются самыми сильными мотивами жизненныхъ стремленій народовъ и вслѣдъ за симъ вліяютъ на характеръ и направленіе ихъ историческаго развитія вообще.

Исторія подтверждаетъ выше сказанное на каждомъ шагу и доводитъ всѣхъ серіозныхъ историковъ до убѣжденія о значеніи *идей* для жизни народовъ. Но значеніе это заключается не въ дѣйствіи той или другой частной идеи, взятой отдѣльно и отвлеченно, но главнымъ образомъ въ послѣдовательномъ сочетаніи многихъ идей въ одно общее *міровоззрѣніе*. Только цѣльныя, болѣе или менѣе законченныя міровоззрѣнія составляютъ настоящія идеальныя пружины, вызывающія какъ въ отдѣльныхъ народахъ, такъ и во всемъ человѣчествѣ стремленіе къ самосовершенствованію, къ улучшенію своихъ нравственныхъ и житейскихъ отношеній. Всякое же міровоззрѣніе, при культурномъ развитіи умственной жизни, есть произведеніе *философіи*. Поэтому именно, только истинная философія, какъ критическое изученіе всеобщихъ началъ бытія, образуетъ міровоззрѣнія, способныя служить свѣтильниками на сокровенномъ пути прогресса. Только философіи, какъ добросовѣстно-

§ 16, 2. му объясненію частныхъ явленій съ точки зрѣнія этихъ всеобщихъ началъ, свойственъ возможно ясный взглядъ на значеніе и задачи жизни, на причины несовершенства и недуговъ человѣческаго быта, равно какъ на средства ихъ постепеннаго устраненія. Только она приводитъ народы къ возможно полному самопознанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ уразумѣнію ихъ настоящей исторической миссіи. Народы не философствующіе лишаются возможности дойти до точныхъ понятій о самихъ себѣ и объ окружающемъ ихъ мірѣ, и являются вслѣдствіе того неспособными дѣйствовать послѣдовательно и принимать участіе въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ задачъ человѣчества. Такимъ образомъ, отъ участія философіи въ жизни даннаго народа, зависитъ его будущее, его историческое значеніе среди другихъ народовъ. Можно, слѣдовательно, смѣло сказать, что одно изъ необходимыхъ условій общественнаго благосостоянія и нормальнаго развитія народовъ заключается въ выработкѣ насколько возможно совершеннаго міровоззрѣнія, т. е. въ привитіи представителямъ умственной жизни истинно философскаго духа.

Разсмотрѣніе приведенныхъ отношеній философіи къ обществу приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Житейская связь съ обществомъ есть необходимое условіе умственнаго развитія мыслителя, его подготовки къ самостоятельному философствованію. Поэтому и надлежащее уразумѣніе общественныхъ данныхъ, результатовъ умственной культуры какъ даннаго народа, такъ и всего человѣчества, т. е. развившихся въ послѣднихъ воззрѣній и научныхъ теорій, идеаловъ и художественныхъ произведеній, обычаевъ, нравственныхъ требованій, религіи — составляетъ необходимое условіе всякаго философскаго самопознанія.

2) Это же уразумѣніе общественныхъ данныхъ, пополненное извлеченнымъ изъ житейскаго опыта знаніемъ настоящихъ потребностей и стремленій общества, есть необходимое условіе всякаго воздѣйствія мыслителя на другихъ людей, всякаго вліянія философскихъ міровоззрѣній на умственную жизнь общества.

3) Въ своей практической, житейской дѣятельности философъ долженъ подчиняться господствующему общественному порядку, потому что только такое подчиненіе дастъ ему возможность жить надлежащимъ образомъ въ обществѣ и пользоваться его устройствомъ для осуществленія своихъ философскихъ задачъ.

4) Житейское подчиненіе общественному порядку не должно однако влечь за собою непосредственно и умственнаго подчиненія философа, ибо тогда не могло бы быть рѣчи о критической оцѣнкѣ приведенныхъ общественныхъ данныхъ, о самостоятельномъ разсмотрѣніи господствующаго порядка вещей, популярныхъ взглядовъ, вѣрованій, стремленій, общепринятыхъ ученій, теорій и міровоззрѣній. § 16, 2.

5) Независимость мыслителя отъ общественныхъ данныхъ, какъ условіе его критичности и вообще самостоятельности мышленія, не есть исключительно результатъ его умственнаго образованія, но равнымъ образомъ—результатъ и его нравственнаго развитія, его характера. Обладая твердымъ характеромъ и имѣя въ виду свою главную цѣль, т. е. познаніе истины, философъ довольствуется въ жизни малымъ и этимъ освобождается отъ того внутренняго и внѣшняго безпокойства, которому подвергаются обыкновенно люди въ своихъ житейскихъ стремленіяхъ, лишаясь вслѣдствіе этого возможности самостоятельнаго, рефлексивнаго разсмотрѣнія какъ человѣческихъ отношеній, такъ и вообще міра.

6) Наконецъ, философія, какъ критическое самопознаніе ума и стремленіе къ общему міровоззрѣнію, является однимъ изъ необходимыхъ условій нормальнаго развитія народовъ и осуществленія ими ихъ общечеловѣческихъ задачъ.

Литература. О мистическомъ аскетизмѣ Будды см. ниже § 17, 1. Умозрительный же аскетизмъ Платона при опредѣленіи отношенія философа къ обществу высказывается нагляднѣйшимъ образомъ въ слѣдующихъ словахъ діалога *Θεαίτητ* (p 173 и слѣд.): „Истинный философъ, говорится здѣсь, не знаетъ дороги на рынокъ, ему неизвѣстно гдѣ судъ, гдѣ дума, гдѣ совершаются другія публичныя собранія. Онъ не видитъ и не слышитъ законовъ и народныхъ постановленій, ни писанныхъ, ни провозглашенныхъ. Соисканіе общественныхъ должностей и партіи, совѣщательныя сходки, пиршества съ флейтистками,—все это вещи, о которыхъ ему и не снится. Кто въ городѣ происходитъ отъ благородныхъ или простыхъ родителей, кому свойственно какое либо зло отъ предковъ, по отцѣ или матери, объ этомъ онъ, какъ говоритъ пословица, знаетъ не больше, чѣмъ о томъ, сколько капель въ морѣ. Онъ даже не знаетъ, что обо всемъ этомъ не знаетъ. Ибо онъ избѣгаетъ этого не изъ тщеславія, но въ сущности потому, что въ городѣ находится только тѣло его, душа же его презираетъ все это и, по словамъ Пиндара, носясь повсюду, измѣряетъ землю и ея глубины, распредѣляетъ звѣзды на небѣ и изслѣдуетъ сущность всего, что составляетъ вселенную, но не спускается къ близкимъ предметамъ.“ Въ слѣдъ за симъ Платонъ приводитъ упомянутый выше (§ 16, 1) анекдотъ о Θалесѣ и ѳракійской женщинѣ и развиваетъ подробно начала своего умозрительнаго аскетизма. Согласно съ этимъ взглядомъ Платонъ не вступилъ въ бракъ и не принималъ никакого

§ 16, 2. участія въ политической жизни родного города. Несомнѣнно, что упомянутый аскетизмъ былъ главною причиною односторонняго идеологическаго воззрѣнія Платона на общество и государство. Въ своей *Республикѣ* (V, 18, p. 473) Платонъ высказываетъ убѣжденіе, что государства и вообще человѣчество только тогда достигнутъ возможнаго совершенства, когда философы будутъ королями, или когда короли и правители государствъ станутъ истинно и основательно философствовать —Этотъ взглядъ является слѣдствіемъ смѣшенія теоріи съ практикою, познанія съ дѣйствіемъ, науки о государствѣ съ искусствомъ управлять имъ Наука, философія безъ сомнѣнія нужны, но онѣ составляютъ только *одно* изъ условій разумнаго руководства общественными дѣлами. Непрактичность Платона обнаружилась тоже въ его попыткахъ осуществить свои политическіе идеалы въ Сиракузахъ. См. Karl Steinhart, *Platon's Leben.* 1873. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Платонъ подъ конецъ своей жизни въ *Законахъ* доходитъ до болѣе естественныхъ и раціональныхъ воззрѣній на общественную жизнь.

Объ общественныхъ обязанностяхъ самаго критическаго и даже скептическаго мыслителя высказался очень благоразумно уже Декартъ въ своемъ разсужденіи *О методѣ.* Для возведенія новаго дома, говоритъ онъ, не достаточно сломать старый, а надо еще озаботиться временнымъ помѣщеніемъ, гдѣ можно было бы прожить во время работъ. Равнымъ образомъ и во время критической дѣятельности ума, подвергающей все сомнѣнію (§ 9, 1 *Int.*), необходимы нѣкоторыя предварительныя правила нравственности, которыми философъ могъ бы руководствоваться въ своей практической дѣятельности. Эти правила по Декарту слѣдующія. 1) *Повиноваться законамъ и обычаямъ страны, сохранять свою религію и во всемъ остальномъ слѣдовать мнѣніямъ наиболѣе умѣренныхъ, удаленныхъ отъ всякихъ крайностей и общепринятымъ наиболѣе благоразумными людьми.* Это необходимо потому что, подвергая разбору всѣ вообще воззрѣнія, и не дошедши еще до собственныхъ принциповъ практической дѣятельности, мы не имѣемъ права оспаривать господствующаго порядка вещей, а напротивъ, должны принять его въ основаніе нашего отношенія къ обществу. 2) *Быть твердымъ и рѣшительнымъ въ дѣйствіяхъ и, принявъ какое либо мнѣніе, хотя бы сомнительное, слѣдовать ему, какъ если бы оно было вполнѣ истинное* Путешественникъ, говоритъ Декартъ, заблудившійся въ лѣсу, не долженъ блуждать изъ стороны въ сторону, но выбравъ путь, какой кажется вѣроятнѣйшимъ, слѣдовать неуклонно ему, не сходя съ него безъ поводовъ, развѣ особенной важности. Если онъ и не придетъ къ своей цѣли, то все таки выйдетъ куда нибудь, гдѣ ему, вѣроятно, лучше будетъ, чѣмъ среди лѣса. 3) *Стремиться всегда скорѣе побѣждать себя, чѣмъ судьбу, измѣняя свои желанія, а не порядокъ міра* Въ нашей власти состоятъ вполнѣ только наши мысли; когда мы ихъ подчиняемъ независящему отъ насъ порядку міра, то мы освобождаемся отъ напрасныхъ неосуществимыхъ желаній и довольствуемся нашимъ положеніемъ. „Въ этомъ, добавляетъ Декартъ, состоялъ главнымъ образомъ секретъ философовъ, которые нѣкогда умѣли поставить себя внѣ владычества страстей и несмотря на страданія и бѣдность спорить въ блаженствѣ съ богами.“ 4) *Не пренебрегая занятіями другихъ людей, философъ долженъ употребить всю свою жизнь на возвышеніе своего разума и по своимъ силамъ подвигаться въ познаніи истины.* То и другое наполняетъ, по Декарту, душу наслажденіемъ, слаще и чище котораго нельзя получить въ этой жизни. Открывая истины важныя, умъ проникается такимъ чувствомъ удовлетворенія, что все остальное для

него какъ бы не существуетъ. См. DESCARTES, *Discours de la méthode pour bien conduire sa raison et chercher la vérité dans les sciences* 1637. Гл. III-ья *quelques règles de la morale. Oeuvres ed.* L. AIMÉ-MARTIN. 1838 См. тоже Н. А. Любимовъ, *Философія Декарта. Переводъ разсужденія о методѣ, съ поясненіями. Изложеніе ученія Декарта о мірѣ и человѣкѣ* 1886. Стр. 89 и слѣд. Мы воспользовались выше приведеннымъ переводомъ. § 16, 2.

Обширную монографію, разсматривающую всесторонне отношенія философіи „къ жизни цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка," написалъ польскій философъ Іосифъ Голуховскій († 1858) на нѣмецкомъ языкѣ *Die Philosophie in ihrer Verhältniss zum Leben ganzer Völker u. einzelner Menschen.* 1822. Монографію эту перевелъ на русскій языкъ академикъ Д. Велланскій. 1834. Это, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, изучающихъ отношеніе философіи къ жизни и, несмотря на шеллингову точку зрѣнія автора (см § 8, 2, стр 70), оно сохранило свое значеніе по настоящее время. Представимъ содержаніе его по переводу Велланскаго. „Сочиненіе это, говоритъ авторъ въ предисловіи, не есть философія, а имѣетъ только цѣлью показать достоинство философіи." Въ введеніи же мы встрѣчаемъ слѣдующія характеристическія слова: „Мы не обязаны, говоритъ авторъ, излагать здѣсь всю исповѣдь нашей философіи, и не будемъ говорить ничего опредѣлительнаго о философскихъ системахъ; поелику вступающимъ въ преддверіе философіи, не надобно вперять пристрастіе къ одной и ненависть къ другой сектѣ; а нужно только показать имъ *идею* философіи, въ ея чистотѣ и живости; дабы они восхитительнымъ ея видомъ одушевлялись и возбуждались къ любомудрію." Слѣдуетъ признать, что эту цѣль авторъ достигаетъ вполнѣ какъ содержаніемъ, такъ и увлекательною формою своего сочиненія. При изученіи значенія философіи для жизни *народовъ* авторъ разсматриваетъ отдѣльно отношеніе философіи къ *наукамъ*, къ *религіи* и къ *государству*. Спеціальныя *науки* не способны вполнѣ удовлетворить человѣка. „Въ духѣ человѣческомъ, говоритъ авторъ, насаждены сѣмена всего міра и онъ, заключая въ себѣ полноту вселенной, не можетъ быть удовлетворимъ и успокоенъ, какъ только яснымъ воззрѣніемъ на вѣчное и безпредѣльное существо, усматриваемое имъ во всѣхъ вещахъ. Таковое воззрѣніе есть неизсякаемый источникъ постоянной радости, укрепляющей и ободряющей духъ зрителя." *Религія* нуждается въ философскомъ пополненіи „Люди, считающіе философію поводомъ ко грѣху и безбожію, стараются истребить оную въ самомъ основаніи." Но вслѣдствіе того они сами теряютъ религію и не обрѣтаютъ философіи. „Изгнанная ими философія оставляетъ ихъ навсегда; и они, не озаряясь ея свѣтомъ, блуждаютъ во тьмѣ невѣдѣнія, при смятеніи ихъ духа!" Что же касается значенія философіи для *государства*, то, по словамъ автора, „философія необходима въ государствѣ потому, что она показываетъ высочайшія *идеи* націи, которая черезъ то болѣе облагораживается и производитъ важнѣйшіе плоды своихъ дѣяній"... „Господствующій нравъ и преимущественные поступки народа зависятъ отъ большаго или меньшаго вліянія философіи на образованіе людей"... „Не механическій оплотъ и не горделивые намѣты составляютъ твердыню государства; но дѣятельность *идей*, возбужденныхъ и распростертыхъ въ народѣ, охраняетъ оное отъ внѣшнихъ покушеній и внутреннихъ нарушеній. Великіе народы суть только тѣ, въ коихъ сіяетъ небесный лучъ мудрости, произведенный идеями."—Развивъ всѣ эти мысли подробно, авторъ во второй части своего сочиненія переходитъ къ разбору отношенія философіи къ

§ 16, 2. *частной жизни людей.* Здѣсь онъ въ глубоко прочувствованныхъ картинахъ представляетъ всю „тщету и бѣдность," „неосновательность и зыбкость" обыкновенной жизни, всѣ ея „страданія" и показываетъ наглядно, какое значеніе имѣетъ философія при избавленіи человѣка отъ пессимистическаго настроенія, проникающаго каждаго болѣе глубокаго мыслителя, въ виду суеты жизни. „Странная судьба людей!"—восклицаетъ авторъ. „Одни издаютъ жалобные стоны и орошаютъ слѣды свои слезами; другіе роскошествуютъ безъ мѣры и заглушаютъ свои чувства, какъ только могутъ, а нѣкоторые, находясь подъ игомъ нужды, носятъ, подобно рабочимъ животнымъ, возложенную на нихъ тяжесть, безъ дальнѣйшаго о томъ размышленія. Вся сцена въ происшествіяхъ печали, пустой радости и безчувствія"... „Природа осудила человѣка на всегдашнюю борьбу... Наполнивши всю жизнь человѣка горестію, роетъ она сама для него могилу и пожираетъ собственное свое чадо! Человѣческая жизнь есть цѣпь однихъ трагическихъ приключеній, и вся исторія человѣка состоитъ въ непрерывной *трагедіи*"... „Сія жизнь, не будучи утѣшаема религіею, услаждаема искусствами и науками и возвышаема философіею, не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго и занимательнаго. По краткости ея времени и малому объему въ пространствѣ, составляетъ она самое скудное и мелочное явленіе. Но дабы содѣлать оную значительнѣйшею, нужно сообщить ей все содержаніе временныхъ происшествій, показанныхъ въ исторіи, и мѣстныхъ образованій, производимыхъ во всей природѣ. Сообразуясь *идеѣ* вѣчности и безпредѣльности, земная жизнь получаетъ качество небесной, представляющей неизмѣняемую сущность, а не переходящую форму оной." Въ этомъ именно и заключается истинное значеніе философіи въ жизни. „Философія можетъ поставить человѣка выше всѣхъ обстоятельствъ жизни и возвести его на такую точку зрѣнія, откуда ему видно ничтожество тѣхъ предметовъ, за которыми люди гонятся съ толикимъ рвеніемъ, и величіе того, что́ совершенно сокрыто отъ ихъ взора. На таковой высотѣ человѣкъ сбрасываетъ съ себя оковы закоренѣлыхъ и общихъ предразсудковъ, обозрѣваетъ ясно міръ, въ которомъ онъ не погруженъ и предъ которымъ не сгибается рабски, но и не смотритъ на него съ гордостію. Тщета жизни для него не плѣнительна; онъ не упиваетсѧ ея забавами, и не ослѣпляется блескомъ наружной пышности, но зная качества оной, цѣнитъ ее по достоинству."

Въ сжатомъ видѣ излагаетъ подобныя воззрѣнія J. Braniss, *Ueber die Würde der Philosophie u. ihr Recht im Leben der Zeit.* 1854. Ср. тоже Edm. Pfleiderer, *Die Philosophie u. das Leben.* 1878.

О значеніи знанія вообще и въ особенности философіи для жизни высказываются тоже очень мѣтко проф. Козловъ и П. Милославскій въ упомянутыхъ выше сочиненіяхъ (см. § 2, 2, стр. 14). Послѣдній говоритъ слѣдующее на стр. 48 своихъ *Основаній философіи.* „Знаніе, исканіе истины и обладаніе ею нужно человѣку для его существованія и благополучія, для увеличенія и развитія чувствованій пріятнаго, прекраснаго, для достиженія большей и даже высшей мѣры добра и счастія. Философія не составляетъ отсюда исключенія. И дѣйствительно, исторія представляетъ несомнѣнныя свидѣтельства, которыхъ перетолковать нельзя, что развитіе философіи, такъ же какъ и развитіе другихъ наукъ, всегда вліяло не только на складъ умственной жизни, но и на весь строй чувствованій и дѣйствій, испытываемыхъ и производимыхъ въ жизни всего общества и отдѣльныхъ лицъ. Во всѣ времена преимущественно отъ философовъ общественное

§ 16, 2.

мнѣніе требуетъ согласія между теоріей и практикой, между философіей и жизнью. Въ цѣломъ рядѣ философскихъ школъ исключительно разрабатывался вопросъ о томъ, какія знанія и какія дѣйствія обусловливаютъ лучшую человѣческую жизнь, ведутъ къ счастію. Философскія воззрѣнія буддистовъ, софистовъ, цинниковъ, стоиковъ, эпикурейцевъ и т. д., до современныхъ утилитаристовъ, соціалистовъ и пессимистовъ, прямо идутъ въ жизнь и оказываютъ на нее многостороннее и могущественное вліяніе. Даже чисто теоретическія, созерцательныя философскія построенія вырастаютъ на той же практической, жизненной почвѣ человѣческаго знанія и такъ или иначе вліяютъ на жизнь."

Наконецъ замѣтимъ, что Контъ и его послѣдователи, равно какъ Гербертъ Спенсеръ въ своихъ соціологическихъ сочиненіяхъ и Евгеній Дюрингъ въ своемъ *Курсѣ философіи* (см. выше стр. 6 и 7) обращаютъ особенное вниманіе на отношеніе философіи къ развитію общественной жизни. О соотвѣтственныхъ взглядахъ Конта будетъ рѣчь въ слѣдующемъ примѣчаніи. Въ русской литературѣ Е. de Роберти разсматриваетъ въ духѣ позитивизма „законы развитія философской мысли" съ соціологической точки зрѣнія, въ приведенномъ выше соч. *Прошедшее философіи*. Сущность его воззрѣній сводится къ видоизмѣненію ученія Конта о трехъ фазисахъ умственнаго развитія (см. выше стр. 15 и слѣд. и 108 и слѣд). Важное значеніе всѣхъ этихъ соціологическихъ изысканій заключается въ указаніи на тѣсную связь развитія общественныхъ отношеній съ развитіемъ какъ знанія вообще, такъ и въ особенности философіи.

§ 16, 3.

Примѣчаніе 3-ье. Философія и религія. Каковы бы ни были наши *религіозныя* воззрѣнія, нашъ взглядъ на своеобразное, общечеловѣческое явленіе умственной жизни, называемое *религіею*, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что мыслящій человѣкъ признаетъ и чувствуетъ свою зависимость отъ извѣстнаго высшаго порядка вещей, съ которымъ онъ такъ или иначе долженъ сводить свои счеты. Это признаніе высшаго порядка и чувство зависимости отъ него составляетъ основное начало *религіи*, а стремленіе человѣка устроить свое отношеніе къ этому высшему порядку мы назвали стремленіемъ къ *религіозному благосостоянію* (§ 11, 3 и 16).

Религіозное благосостояніе выражается чувствомъ *согласія* индивидуальной жизни съ упомянутымъ высшимъ порядкомъ вещей. Плодомъ этого чувства является внутреннее *спокойствіе* духа, называемое *чистою совѣстью* (см. выше стр. 184). Напротивъ, внутренній разладъ между человѣкомъ и признаннымъ имъ же самимъ высшимъ порядкомъ обнаруживается въ чувствѣ безпокойства духа, унынія, отчаянія, стремящемся къ своему успокоенію при помощи самыхъ разнообразныхъ средствъ, въ особенности же при помощи опредѣленныхъ обрядовъ богослуженія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія религіи.

§ 16, 3. На основаніи приведенныхъ объясненій слѣдуетъ признать, что и *атеистъ*, отрицающій въ теоріи, въ отвлеченномъ мышленіи, существованіе Бога, подвергается однако въ жизненномъ развитіи своего ума религіознымъ чувствованіямъ и не можетъ отказаться отъ стремленія къ религіозному благосостоянію. Правда, онъ имѣетъ въ виду достичь внутренняго душевнаго спокойствія при помощи того взгляда, что высшій порядокъ вещей, которому онъ подчиненъ, не имѣетъ нравственнаго характера, но сводится вполнѣ къ физическому устройству природы, передъ которымъ онъ, естественно, не можетъ быть отвѣтственъ ни за стремленія своей внутренней жизни, ни за свои дѣйствія во внѣшнемъ мірѣ. Что же касается общественнаго порядка, то онъ подчиняется ему тоже только какъ внѣшнему началу, не имѣющему за предѣлами господствующихъ обычаевъ и законовъ высшаго нравственнаго значенія.

Въ этомъ отрицаніи нравственныхъ основъ всеобщаго порядка вещей, въ связи съ отрицаніемъ самостоятельности душевной жизни и ея будущаго независимо отъ чувственнаго бытія, атеистъ ищетъ спокойствія духа, религіознаго благосостоянія и отвергаетъ всякую мысль о какихъ либо обязанностяхъ по отношенію къ высшему порядку вещей, и о какихъ либо нравственныхъ задачахъ, стоящихъ выше его чувственной жизни и общественныхъ отношеній.

Не задаваясь здѣсь критическимъ разборомъ приведенныхъ предположеній атеизма, замѣтимъ только, что воззрѣнія эти расходятся съ нравственнымъ чувствомъ большинства людей и, кромѣ того, лишаютъ жизнь человѣка и его умственныя и нравственныя стремленія всякаго разумнаго смысла. Ибо, если всеобщій порядокъ вещей сводится исключительно къ дѣйствію физическихъ силъ, если духовная жизнь человѣка исчерпывается вполнѣ его физическою жизнью, тогда всѣ стремленія къ благосостоянію, вся жажда удовлетворенія разнообразныхъ потребностей человѣческой жизни — въ особенности же ея умственныхъ и нравственныхъ потребностей,—въ сущности безцѣльная игра, не представляющая никакой возможности реальнаго осуществленія. Самые возвышенные помыслы какъ единичнаго человѣка, такъ и всего человѣчества, подчинены были бы въ такомъ случаѣ безсмысленному дѣйствію физическихъ силъ и сдѣлались бы въ концѣ концовъ жертвою смерти. Умственная жизнь каждаго отдѣльнаго индивида уничтожается тогда вмѣстѣ съ разложеніемъ организма;—все же человѣчество

состоитъ только изъ такихъ индивидовъ. Въ такомъ случаѣ, въ устройствѣ міра нѣтъ начала, соотвѣтствующаго по существу своему стремленіямъ умственной жизни, и представляющаго ручательство возможности ихъ осуществленія. Все, что цѣнится человѣкомъ и человѣчествомъ, какъ явленіе духа, поглащается раньше или позже неразумными силами вещественной природы. § 16, 3.

Ясное сознаніе и послѣдовательное примѣненіе этихъ выводовъ атеизма, отрицанія высшаго разумнаго и нравственнаго порядка вещей, можетъ имѣть въ жизни человѣка послѣдствіемъ только унынie, отчаяніе, апатію, полное разочарованіе во всей умственной жизни, во всѣхъ мнимыхъ и неосуществимыхъ цѣляхъ ея стремленій, во всѣхъ иллюзіяхъ о прогрессѣ и развитіи человѣчества. Предвидя во всѣхъ этихъ отношеніяхъ однѣ только неудачи, т. е. окончательное господство силъ, не имѣющихъ ничего общаго съ его умственными и нравственными стремленіями, разумный, мыслящій человѣкъ не можетъ иначе поступать, какъ отказаться отъ нихъ разъ на всегда.

Къ такому выводу и приходитъ такъ называемый *пессимизмъ*, какъ послѣдовательное развитіе атеистическихъ взглядовъ и примѣненіе ихъ къ оцѣнкѣ житейскихъ стремленій человѣка.

Если однако, атеисты и пессимисты не отказываются въ практической дѣятельности отъ приведенныхъ иллюзій, но стремятся сами къ осуществленію разнообразныхъ цѣлей человѣческой жизни, къ разнымъ формамъ *благосостоянія*, и создаютъ даже свою особую религію, въ видѣ, напр., *религіи человѣчества* Конта: то явленія подобнаго рода должны быть признаны результатомъ непосредственныхъ жизненныхъ влеченій, которымъ подчиняются эти мыслители независимо отъ своихъ теоретическихъ взглядовъ, расходящихся существенно съ этими влеченіями. Оказывается, слѣдовательно, что атеисты и пессимисты, вопреки своимъ отрицательнымъ ученіямъ, подчиняются въ жизни тѣмъ же самымъ положительнымъ началамъ, которыя поддерживаютъ практическую энергію вообще всѣхъ людей, и которыя истекаютъ въ сущности изъ непосредственнаго довѣрія къ разумному порядку вещей, къ порядку, оправдывающему стремленія человѣческаго ума къ разумнымъ цѣлямъ и дающему ручательство ихъ осуществимости.

Такимъ образомъ, практическая жизнь какъ единичнаго человѣка, такъ и всего человѣчества и его стремленіе къ благосостоянію основываются на предположеніи о существованіи высшаго порядка вещей, соотвѣтствующаго умственнымъ по-

§ 16, з. требностямъ человѣка и обнимающаго собою, естественно, и потребности его нравственнаго чувства. Въ своихъ житейскихъ стремленіяхъ разумная личность признаетъ себя членомъ не только физической природы и общественнаго устройства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ высшаго разумнаго цѣлаго, высшаго нравственнаго порядка, входящаго въ составъ физическаго и общественнаго порядка и придающаго жизни человѣка соотвѣтственный смыслъ, значеніе и назначеніе.

Несмотря на тѣ или другія, положительныя или отрицательныя религіозныя и нравственныя теоріи,—этого житейскаго факта оспаривать нельзя. Онъ обнаруживается совершенно ясно въ томъ обстоятельствѣ, что каждый мыслящій человѣкъ въ своей житейской дѣятельности принимаетъ во вниманіе не только свое матеріальное и общественное благосостояніе, но и требованія своего нравственнаго чувства, которое онъ уважаетъ какъ выраженіе обязательнаго для него нравственнаго закона, тѣсно связаннаго съ всеобщимъ порядкомъ вещей и служащаго вмѣстѣ съ тѣмъ основаніемъ для оцѣнки внутренняго достоинства личности. Отъ такой внутренней нравственной оцѣнки, отъ взгляда на свое личное достоинство никто вполнѣ освободиться не можетъ. Но въ самомъ фактѣ внутренней нравственной оцѣнки заключается непосредственно признаніе высшаго нравственнаго закона, какъ объективнаго начала, обнимающаго собою единичную личность, какъ свою частицу, и заставляющаго насъ уважать его содержаніе. Постепенное же развитіе и облагороживаніе уваженія къ объективированному нравственному закону, составляетъ главное начало развитія и усовершенствованія *религіи* и ея вліянія на самыя насущныя стремленія практической жизни.

Сказанное доводитъ насъ до заключенія, что религія и нравственность вытекаютъ въ сущности изъ одного источника. Нравственность безъ религіи, безъ признанія высшаго нравственнаго начала во всеобщемъ порядкѣ вещей лишается своей обязательной силы для личности. По внутреннему своему характеру она въ такомъ случаѣ была бы совершенно зависимою отъ ничѣмъ неограниченнаго личнаго произвола; въ своей же внѣшней дѣятельности она приспособлялась бы къ требованіямъ физическаго и общественнаго порядка только по необходимости или по согласію этихъ требованій съ личными влеченіями. О какомъ либо уваженіи къ природному и общественному порядку, о признаніи личностью внутренней нравственной зависимости

отъ этого порядка — равно какъ вообще о какомъ-либо уваженіи нравственнаго закона — безъ религіи рѣчи быть не можетъ. Законъ не можетъ существовать и требовать повиновенія безъ законодателя. § 16, з.

Ближайшее разъясненіе этихъ замѣчаній принадлежитъ *этикѣ* и *философіи религіи*. Для насъ важно только то, что религіозное и нравственное чувства совпадаютъ по существу своему въ одно, и что нѣтъ надобности разсматривать отдѣльно отношеніе философіи къ религіи и къ основнымъ началамъ нравственности. Опредѣляя это отношеніе, мы имѣемъ въ виду явленія единаго *религіозно-нравственнаго* чувства человѣка.

Это взаимнее отношеніе философіи и приведенныхъ началъ религіозно-нравственной жизни опредѣляется какъ характеристическими чертами первой (§ 9), такъ и значеніемъ житейскихъ стремленій вообще для философіи. На этомъ основаніи оно можетъ быть сведѣно къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Какъ жизнь вообще, такъ и въ особенности религіозно-нравственная жизнь составляетъ одно изъ естественныхъ исходныхъ началъ философствованія. Только на основаніи непосредственнаго сердечнаго признанія высшаго разумнаго и нравственнаго порядка вещей человѣкъ стремится вникнуть въ этотъ порядокъ, познать и уразумѣть его. Поэтому и въ умственномъ развитіи какъ всего человѣчества, такъ и единичнаго мыслителя религіозныя вѣрованія и воззрѣнія предшествуютъ критическому философствованію. Это послѣднее почерпаетъ предметъ своихъ изслѣдованій въ значительной степени изъ религіозныхъ вѣрованій. Идея основного начала бытія, все обнимающаго, все проникающаго, создана первоначально религіозно-нравственнымъ чувствомъ и только вслѣдъ за симъ разсматривается критически какъ наукою вообще, такъ и въ особенности философіею. Поэтому и не удивительно, что въ историческомъ развитіи умственной жизни человѣка религія и религіозныя міровоззрѣнія предшествуютъ философскимъ.

2) Любовь къ истинѣ безъ постороннихъ соображеній, въ особенности же независимо отъ непосредственныхъ житейскихъ тенденцій того или другого индивида, общества или времени, имѣетъ своимъ источникомъ религіозно-нравственное чувство, т. е. уваженіе къ извѣстному высшему порядку вещей, выходящему изъ узкой сферы чувствъ и обыденныхъ стремленій къ чувственному благосостоянію. Преданность истинѣ ради самой истины, составляющая необходимое условіе всякой науки, слѣдовательно и философіи, представляется въ сущности тоже

§ 16, 3. родомъ религіознаго культа и во всякомъ случаѣ развивается фактически въ человѣкѣ подъ вліяніемъ религіи. Кто не проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ высшему разумному и нравственному порядку вещей и не чувствуетъ своей зависимости отъ него; кто, напротивъ, по недостатку надлежащаго развитія религіозно-нравственнаго чувства отрицаетъ этотъ высшій порядокъ и все въ мірѣ приводитъ только къ дѣйствію вещественныхъ началъ, могущественныхъ своею физическою силою, но по сущности своей низшихъ въ сравненіи съ умственною и нравственною жизнью человѣка,—тотъ не имѣетъ повода уважать истину самоё по себѣ и не питаетъ вѣры въ окончательное торжество ея надъ ложью; тотъ, вслѣдствіе этого, и не подчиняется истинѣ безусловно и не ищетъ въ ней душевнаго удовлетворенія и спокойствія,—и потому лишается внутренней опоры въ своихъ стремленіяхъ къ познанію истины, въ своихъ научныхъ и философскихъ изысканіяхъ. Въ случаѣ коллизіи между истиною и чувственнымъ благосостояніемъ, человѣкъ, отрицающій высшій порядокъ вещей, не имѣетъ никакого повода отдавать первенство истинѣ и приносить ей въ жертву свое благосостояніе, какъ—чувственнаго существа. Между тѣмъ всякаго рода жертвоприношеніе, не истекающее изъ личнаго расчета, имѣетъ своимъ началомъ религіозно-нравственное чувство, т. е. чувство уваженія къ высшему порядку вещей. Поэтому понятно, что и философія, требующая жертвъ ради истины, тѣсно связана въ этомъ отношеніи съ религіозно-нравственнымъ чувствомъ человѣка.

3) Эта тѣсная связь философіи съ религіозно-нравственнымъ чувствомъ даетъ первой возможность вліять на послѣднее и содѣйствовать удовлетворенію его внутреннимъ потребностямъ, т. е. достиженію религіознаго благосостоянія. Истекая изъ непосредственныхъ, субъективныхъ влеченій, религія сама по себѣ не доводитъ до яснаго взгляда на свою сущность и вслѣдствіе того удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, какъ бы ощупью, т. е. тоже только при участіи непосредственныхъ, часто очень темныхъ чувствованій. Это подтверждается на каждомъ шагу исторіей религіи, которая показываетъ, что человѣкъ успокаиваетъ свое религіозно-нравственное чувство, свое сознаніе зависимости отъ высшаго порядка вещей самыми разнообразными, часто неразумными, или даже прямо превратными средствами. При этомъ, средства эти въ большинствѣ случаевъ не приводятъ къ цѣли, т. е. не одаряютъ человѣка религіознымъ благосостояніемъ, состоящимъ, какъ мы видѣли,

въ спокойствіи души, въ чувствѣ согласія человѣка съ господствующимъ надъ нимъ высшимъ порядкомъ вещей. § 16, з.

Философія, напротивъ, разсматривая религію и ея потребности съ объективной точки зрѣнія, при помощи яснаго, мыслительнаго разбора какъ религіозно-нравственнаго чувства, такъ и фактическихъ данныхъ, касательно высшаго порядка вещей, можетъ легче, чѣмъ непосредственное чувство, указать на путь, ведущій къ достиженію религіознаго благосостоянія. Какъ результатъ спокойной объективной мысли, философія уясняетъ человѣку настоящій характеръ его религіозно-нравственнаго чувства, подвергаетъ критической оцѣнкѣ его проявленія, облагороживаетъ его познаніемъ истины, т. е. познаніемъ дѣйствительнаго отношенія человѣка къ высшему порядку вещей. Вся исторія умственнаго развитія человѣчества свидѣтельствуетъ о томъ, что такое вліяніе на религіозно-нравственное чувство въ самомъ дѣлѣ производится всегда мыслительною работою ума, слѣдовательно и философіею, и что благодаря этому вліянію явленія религіозно-нравственнаго чувства совершенствуются и все болѣе и болѣе сочетаются съ яснымъ уразумѣніемъ основныхъ началъ бытія.

4) Несмотря на житейскую связь философіи съ религіозно-нравственнымъ чувствомъ, философія, естественно, и по отношенію къ религіи должна стремиться къ самостоятельному развитію своихъ основныхъ началъ. Согласно съ своими характеристическими чертами (§ 9), философія, съ одной стороны, подвергаетъ религіозныя вѣрованія всестороннему критическому разбору, а съ другой, пополняетъ исключительность религіозно-нравственнаго чувства своимъ стремленіемъ къ общему міровоззрѣнію. Религія имѣетъ по существу своему характеръ догматическій, т. е. основывается на непосредственныхъ вѣрованіяхъ, удовлетворяющихъ внутреннее чувство. Философія разсматриваетъ критически эти вѣрованія съ точки зрѣнія основныхъ, субъективныхъ и объективныхъ началъ познанія и признаетъ ихъ истинными только по мѣрѣ ихъ согласія съ этими началами.

Этимъ философія ограничиваетъ распространеніе непосредственныхъ религіозныхъ воззрѣній какъ на поприщѣ науки, такъ и вообще на поприщѣ познавательныхъ процессовъ ума. Религія принимаетъ характеръ вѣры; философія же есть критическое изслѣдованіе и этимъ она существенно отличается отъ всякихъ религіозныхъ воззрѣній даже тогда, когда послѣднія относятся къ одному и тому же предмету, или даже когда они

§ 16, 3. по своему содержанію совпадаютъ съ философскими воззрѣніями. Такимъ образомъ, критицизмъ отличаетъ существенно философію отъ религіи.

Кромѣ того, философское міровоззрѣніе всегда болѣе полно чѣмъ религіозное, ибо оно принимаетъ во вниманіе не только требованія религіозно-нравственнаго чувства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и требованія остальной умственной жизни человѣка. Поэтому и философія, несмотря на результаты своихъ критическихъ изслѣдованій, по отношенію къ религіи сама по себѣ не имѣетъ религіознаго характера. Стремленіе со стороны умовъ религіозно-настроенныхъ привить философіи такой характеръ противорѣчитъ сущности философіи и обращаетъ ее въ богословіе, т. е. въ спеціальную науку, принимающую въ основаніе извѣстныя догматическія предположенія безъ ихъ предварительнаго разбора (см. § 10, 1). Отъ такого богословскаго характера защищалась всегда самостоятельная критическая философія.

5) Изъ вышесказаннаго нельзя однако вывести заключенія, что философія, какъ философія, способна замѣнить религію. Напротивъ, религія со всѣми религіозно-нравственными стремленіями человѣческаго духа представляетъ собою явленіе до того своеобразное, что она ничѣмъ замѣнена быть не можетъ. Безпристрастный, критическій философъ, не основывающій своихъ воззрѣній на какихъ либо предвзятыхъ догматическихъ предположеніяхъ, на той или другой доктринѣ, но принимающій во вниманіе фактическія данныя религіозно-нравственнаго чувства и его вліяніе на все развитіе умственной жизни, долженъ сознаться въ томъ, что какъ личное достоинство человѣка, такъ и вообще настоящій смыслъ его существованія и цѣнность его стремленій зависятъ отъ признанія основныхъ началъ религіозно-нравственнаго чувства, и отъ житейской дѣятельности согласно этимъ началамъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что такое довѣріе къ религіозно-нравственному чувству не представляетъ собою ничего страннаго, мистическаго, но тѣсно связано съ критическимъ развитіемъ умственной дѣятельности вообще, съ отыскиваніемъ извѣстныхъ твердыхъ началъ и неоспоримыхъ нормъ для оцѣнки частныхъ явленій этой дѣятельности. Если мы, при разсмотрѣніи теоретическихъ, научныхъ вопросовъ въ концѣ концовъ принимаемъ въ основаніе *логическія* требованія нашей умственной организаціи и признаемъ ихъ непреложными основаніями логической оцѣнки всякаго рода умственныхъ произведеній,—то нѣтъ разумнаго повода оспаривать

достовѣрность тѣхъ *нравственныхъ* требованій, которыя присущи той же умственной организаціи и представляютъ собою необходимое условіе ея нормальнаго развитія на поприщѣ практической дѣятельности. Послѣдовательность требуетъ отъ насъ во всякомъ случаѣ, чтобы мы, оспаривая нравственныя начала умственной жизни, не ссылались на ея логическія начала, — и обратно, чтобы мы, признавая непреложность логическихъ требованій ума, не отрицали его нравственныхъ требованій, вытекающихъ изъ одного и того же источника. Кто признаетъ необходимыя условія, опредѣляющія достиженіе человѣкомъ *истины*, а оспариваетъ необходимыя условія, опредѣляющія достиженіе человѣкомъ *добра* и *блага*, тотъ разрываетъ безъ всякаго основанія умственную жизнь на двѣ противоположныя части и совершенно произвольно придаетъ одной изъ нихъ первенство передъ другою. § 16, 3.

Подробное оправданіе этого воззрѣнія возможно только въ объемѣ *теоріи познанія*, принимающей надлежащимъ образомъ во вниманіе критику разума Канта и ученія его послѣдователей (§ 9, 1).

Литература. Уже Мальбраншъ, въ приведенномъ выше (стр. 67) сочиненіи, признавалъ познавательное значеніе за религіозно-нравственнымъ чувствомъ. Ридъ же, ссылаясь на *здравый смыслъ*, какъ на источникъ познаній, имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду и его нравственныя истины (см. выше стр. 68). Обширное историко-критическое разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи вѣры къ разуму, религіи къ философіи мы находимъ въ началѣ соч. Лейбница, *Essais de Theodicée, sur la bonté de Dieu, la liberté de l'homme et l'origine du mal*, 1710, въ статьѣ: *Discours de la conformité de la foi avec la raison*. См. приведенныя выше (стр. 67) *Oeuvres* его, Т. II, стр. 32—98. Но только Кантъ впервые подвергъ этотъ вопросъ всестороннему разбору съ точки зрѣнія критики ума и указалъ на внутреннюю связь нравственнаго чувства человѣка съ извѣстными теоретическими предположеніями. Здѣсь заслуживаетъ вниманія особенно его *Критика практическаго разума* и его соч. *О религіи въ предѣлахъ разума* (см. § 9, 1 *Лит.*) Нравственность, какъ проявленіе свободной воли разумнаго существа, основывающееся на различіи добра и зла и на чувствѣ *обязанности*, свидѣтельствуетъ, по Канту, о принадлежности этого существа къ высшему, умозрительному порядку вещей (intelligible Ordnung der Dinge); къ порядку, который своими *динамическими* законами превышаетъ данныя чувственнаго міра. Такимъ образомъ, нравственность и ея законы доводятъ до понятія о сверхчувственной природѣ (übersinnliche Natur). Она заключается въ автономіи чистаго практическаго разума, въ признаніи самостоятельной свободной *личности*, проникнутой уваженіемъ возвышенности своей природы (die Erhabenheit ihrer Natur) и стремящейся къ осуществленію истинной цѣли своего бытія, т. е. къ нравственному совершенству и къ высшему благу (höchstes Gut). Но такъ какъ полное нравственное совершенство является задачею безконечною, а дости-

§ 16, 3. женіе высшаго блага зависитъ отъ существованія всемогущаго разумнаго существа, какъ причины природы и ея законовъ, то Кантъ доходитъ до заключенія, что *безсмертіе души* и *существованіе Бога*, вмѣстѣ съ упомянутою уже *свободою воли*, суть необходимые постулаты (предположенія) чистаго практическаго разума, которые мы должны признать во имя непреложности нравственнаго закона, совсѣмъ независимо отъ результатовъ теоретическаго, или научнаго изслѣдованія этихъ предположеній. Это значитъ, что теоретическій разумъ можетъ убѣдиться въ невозможности доказать истину *свободы*, *безсмертія* и *Бога*; тѣмъ не менѣе практическій разумъ признаетъ, по Канту, эти идеи необходимымъ условіемъ осуществленія нравственныхъ требованій въ видѣ разумной вѣры (Fürwahrhalten in moralischer Absicht, reiner praktischer Vernunftglaube).

Объ этомъ отношеніи общаго міровоззрѣнія къ нравственному чувству высказывается Кантъ прекрасно въ концѣ своей *Критики практическаго разума* слѣдующимъ образомъ: „Двѣ вещи, говоритъ онъ, наполняютъ душу постоянно новымъ, возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ и тѣмъ больше, чѣмъ чаще и внимательнѣе занимается ими размышленіе: *звѣздное небо надо мной и нравственный законъ во мнѣ*. Того и другого мнѣ не нужно искать или только предполагать, какъ нѣчто покрытое мракомъ или бездною, находящееся внѣ моего горизонта: я вижу ихъ предъ собой и непосредственно связываю ихъ съ сознаніемъ моего существованія. Первое—начинается съ того мѣста, которое занимаю я во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ, и расширяетъ въ неизмѣримую величину ту связь, въ которой нахожусь я съ мірами міровъ и съ системами системъ, и сверхъ того расширяетъ эту связь въ безпредѣльныя времена ихъ періодическаго движенія, его начала и продолженія. Второе—начинается съ моего невидимаго Я, съ моей личности и изображаетъ меня въ мірѣ, который имѣетъ истинную безконечность и постигается только разсудкомъ и съ которымъ (а чрезъ него и со всѣми приведенными видимыми мірами) я сознаю себя нетолько въ случайной, какъ тамъ, но во всеобщей и необходимой связи. Видъ безчисленнаго множества міровъ какъ бы уничтожаетъ мое значеніе, какъ животнаго творенія, которое, пробывъ короткое время одареннымъ (неизвѣстно какъ) жизненною силою, должно возвратить планетѣ (одному пункту во вселенной) матерію, изъ которой оно возникло. Напротивъ, нравственный законъ во мнѣ, возвышаетъ непрестанно мое достоинство, какъ разумнаго существа, посредствомъ моей личности, въ которой нравственный законъ открываетъ передо мною жизнь, независимую отъ животности и даже отъ всего чувственнаго міра, насколько это можно усмотрѣть по крайней мѣрѣ изъ цѣлесообразнаго назначенія моего бытія, опредѣленнаго этимъ закономъ,—изъ назначенія, не ограниченнаго условіями и предѣлами этой жизни, но простирающагося въ безконечность.“—Мы пользовались здѣсь упомянутымъ выше (стр. 75) переводомъ Н. Смирнова, стр. 190; но вынуждены были сдѣлать нѣкоторыя существенныя измѣненія по неточности и даже невѣрности перевода. Такъ напр., во второмъ періодѣ переводчикъ говоритъ: „То и другое... я не долженъ изслѣдовать, а *только* предполагать (Beide darf ich nicht... suchen und bloss vermuthen; ich sehe sie...).“ Слово *Bestimmung* переводчикъ передаетъ словомъ *опредѣленіе*, хотя оно въ данномъ случаѣ значитъ *назначеніе* и т. п.

Сюда относится идея *нравственнаго порядка міра* Фихте (moralische Weltordnung). Идея эта заключается въ предположеніи, что каждая личность входитъ въ составъ высшаго цѣлаго, какъ частица его, и осуществляя въ

этомъ цѣломъ нравственною дѣятельностью свои задачи, достигаетъ въ немъ своего истиннаго назначенія и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчнаго блаженства (Glückseligkeit). Этотъ нравственный порядокъ міра Фихте признаетъ самою неоспоримою истиною, тѣсно связанною съ нравственнымъ чувствомъ человѣка и со всѣми житейскими стремленіями его Послѣднія имѣютъ разумный смыслъ только при существованіи нравственнаго порядка міра. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что этотъ нравственный порядокъ міра Фихте отождествляетъ съ Богомъ Богъ, по его ученію, есть именно этотъ живой, дѣйствующій въ мірѣ нравственный порядокъ (Die lebendige u. wirkende moralische Ordnung ist selbst Gott). См въ особенности J. G. Fichte, *Ueber den Grund unseres Glaubens an eine gottliche Weltregierung.* 1798, и *Die Bestimmung des Menschen.* 1800. *Werke,* 1845, 2-ое отдѣл., III-ій т. и 1-ое отдѣл , II-ой т.— См. тоже M Carriere, *Die sittliche Weltordnung.* 1877.

О связи нравственнаго чувства съ религіознымъ, т. е. съ вѣрою въ Бога, говоритъ очень ясно, между прочимъ, Ульрици († 1884) въ своемъ соч. *Gott u die Natur*, 3-ье изд. 1875, стр. 744 и слѣд См переводъ: *Богъ и природа.* Т. II-ой 1868, стр. 307 и слѣд. Нравственные законы, говоритъ онъ, могутъ быть признаны нормами нашей воли и поступковъ только на основаніи предварительной, хотя бы и темной идеи о нравственномъ *законодателѣ* Всѣ доказательства существованія Бога основываются въ сущности на первоначальномъ нравственномъ предчувствіи (Ahnung) его существованія, какъ нравственнаго законодателя.

На основное значеніе нравственнаго чувства для философскаго міровоззрѣнія указываютъ, между прочимъ, въ новѣйшее время Лотце († 1881) и Вундтъ. Первый говоритъ, что этика есть исходная точка метафизики, и что то, что̀ *должно быть*, служитъ основаніемъ того, *что̀ есть*. См Lotze приведенную выше (стр. 6) *Систему философіи*, Т. II, стр. 604; ср. его же *Metaphysik*, 1841, стр. 329. Вундтъ же учитъ, что этика представляетъ самые важные фундаменты общаго міровоззрѣнія, и что опредѣленіе цѣнности мірового порядка съ точки зрѣнія нравственныхъ идеаловъ вліяетъ непосредственно на характеръ и содержаніе нашихъ метафизическихъ воззрѣній. См. въ особенности Wundt'a *Ethik.* 1886. Предисловіе.

Въ этомъ духѣ высказываются и упомянутые выше (стр. 71) французскіе ново-кантіанцы. Renouvier, Liar, Caro, равно какъ Ollé-Laprune, *De la certitude morale* (couronné par l'Académie française), 1882, и Gayté, *Essai sur la croyance.* 1883. Въ двухъ послѣднихъ соч. разсматривается кромѣ того всесторонне вопросъ о *нравственной достовѣрности.* Объ этихъ сочиненіяхъ см. болѣе подробно *Учебникъ логики* М. Троицкаго, I кн., стр. 39 и слѣд. Свой собственный взглядъ по этому предмету проф. Троицкій высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ (стр. 44): „Моральная достовѣрность есть вѣроятность аналогіи, т. е. заключенія отъ произведеній ума къ произведеніямъ чувствъ и воли. Умъ—т. е. внѣшнія чувства, сознаніе себя и способность умозаключеній,—можетъ давать человѣку истину, въ виду этого полагаютъ, что при нѣкоторыхъ условіяхъ, то же самое могутъ дѣлать и остальныя способности духа, т. е сердце и воля. Что же касается увѣренности, возбуждаемой истинами нравственнаго порядка, то по своей твердости она можетъ превосходить вѣру въ свидѣтельства и равняться въ этомъ отношеніи убѣжденіямъ, сопровождающимъ достовѣрное знаніе.“

Кто, по какимъ бы то ни было поводамъ, отрицаетъ высшій нравственный порядокъ міра,—тотъ подкапываетъ фундаменты своихъ собственныхъ

§ 16, 3. стремленій, какъ разумнаго существа, и при послѣдовательномъ развитіи мышленія долженъ прійти не только къ теоретическому, но и къ практическому пессимизму, т. е. онъ долженъ не только съ Шопенгауеромъ, Эдуардомъ Гартманномъ и ихъ послѣдователями отрицать въ теоріи разумное начало міра, значеніе и цѣнность жизни, но кромѣ того долженъ отказаться разъ навсегда отъ всякихъ стремленій къ осуществленію въ жизни какихъ бы то ни было разумныхъ цѣлей, потому что онѣ расходятся съ признаннымъ имъ же реальнымъ порядкомъ вещей, какъ лишеннымъ разума. Этого однако разумный человѣкъ, *именно*, какъ *разумное* существо, сдѣлать не въ силахъ Поэтому и крайній пессимизмъ, несмотря на свою отрицательную теорію, создаетъ однако свою мораль для практической жизни и указываетъ на извѣстныя цѣли ея. Но естественно, что цѣли эти, вызванныя нравственнымъ чувствомъ только насильственно, въ противорѣчіи съ отрицаніемъ разума міра, принимаютъ въ своей теоретической формулировкѣ тоже только разрушительный неразумный характеръ. Полное разстройство бытія, возвращеніе къ *небытію*—вотъ послѣдняя цѣль, высшее благо для каждаго живого существа и вообще для міра по теоріи пессимизма. Если бы подобное воззрѣніе, какъ свидѣтельство полнаго внутренняго разстройства духа, не было столь печальнымъ, то своимъ противорѣчіемъ съ величественною, никѣмъ непреодолимою силою дѣйствительности, оно могло бы казаться смѣшнымъ. Лишившись уваженія къ разумнымъ началамъ человѣческой натуры и къ разуму вселенной, пессимизмъ воображаетъ, что произведеніями произвольной фантазіи онъ разрушитъ твердыя основанія самаго бытія.—См. въ особенности послѣднія главы соч. Ed. von Hartmann'a, *Die Philosophie des Unbewussten*. 1869. 10 изд. 1890. Болѣе подробное разсмотрѣніе ученія Гартманна съ приведенной точки зрѣнія см. въ статьѣ Г. Струве, *Новѣйшее произведеніе философскаго пессимизма въ Германіи*, Русскій Вѣстникъ, Январь 1873

Отрицая равнымъ образомъ въ теоріи сверхчувственныя начала міра, слѣдовательно и разумный, нравственный порядокъ его, Огюстъ Контъ стремился замѣнить естественныя и историческія проявленія собственно религіи новою, созданною имъ же самимъ философскою *религіею человѣчества*. Предметомъ этой религіи служитъ не Богъ, какъ разумное Начало всего существующаго, но человѣчество, какъ великое собирательное существо (le Grand Être collectif), какъ безподобная богиня (incomparable Déesse), мысль о которой поддерживаетъ наше чувство личнаго достоинства и служитъ стимуломъ, вызывающимъ всякія истинно нравственныя и возвышенныя стремленія единичнаго человѣка. *Культъ знаменитыхъ людей*, похожій во многихъ отношеніяхъ на обряды католической церкви, съ тою только разницею, что святые замѣнены историческими личностями, содѣйствовавшими цивилизаціонному развитію человѣчества, составляетъ внѣшнюю форму этой религіи человѣчества. См. Auguste Comte, *Système de politique positive ou traité de sociologie instituant la religion de l'humanité*. 4 тома. 1851—54, въ особенности т. IV-ый; его же *Catechisme positiviste ou sommaire exposition de la religion universelle*. 1852, изд. 2-ое 1872, и *Calendrier positiviste*. 9-ое изд. 1860. См. тоже приведенный выше *Словарь позитивной философіи* Бурденъ (§ 1, 4 *Лит.*). Съ этою религіею человѣчества Конта симпатизируетъ и John St. Mill въ своихъ *Three essays on religion*, 1873; замѣчателенъ въ этомъ отношеніи въ особенности этюдъ: *The utility of religion*. Не трудно однако понять, что такой суррогатъ настоящей религіи свидѣтельствуетъ только о стремленіи даже отрицательныхъ умовъ къ удовлетворенію требованіямъ рели-

гіозно-нравственнаго чувства, но онъ не способенъ вполнѣ удовлетворить ни этихъ требованій, ни послѣдовательнаго мышленія. Все обожаніе человѣчества, всѣ усилія въ пользу его благосостоянія со стороны единичнаго человѣка являются безцѣльными, слѣдовательно и безмысленными, если рядомъ съ физическимъ порядкомъ міра не существуетъ высшій *нравственный* порядокъ, придающій разумный смыслъ бытію человѣчества вообще и ручающійся за осуществимость нравственныхъ идеаловъ. Поэтому очень вѣрно замѣтилъ С. Смоликовскій въ своемъ сочиненіи: *Ученіе Огюста Конта объ обществѣ*, 1881, стр. 66, что „позитивная религія сохраняетъ всю обрядовую сторону религіи за исключеніемъ ея духа, даетъ обряды, но не представляетъ ихъ высшей цѣли.“ Гексли же въ упомянутыхъ выше (стр. 115) *Lay Sermons* сказалъ мѣтко, что религія Конта есть *католицизмъ безъ христіанства* (catholicism minus christianity). Всестороннюю критику религіи Конта даетъ Ed. Caird, *The socialphilosophy and religion of Comte*, 1885, въ особенности гл. 3-ья. Авторъ говоритъ: „Исторія контова мышленія оканчивается устраненіемъ негаціи, отъ которой оно началось. Однимъ шагомъ дальше, и Контъ возвратилъ бы богословію и философіи то мѣсто, изъ котораго онъ ихъ изгналъ.“ См. тоже приведенное выше сочин. Мальцева (§ 16, 1 *Лит.*).

Вопросъ объ отношеніи религіи къ философіи и вообще къ наукѣ разсматриваютъ спеціально слѣдующіе авторы:

H. Spencer ставитъ во главѣ своихъ *Началъ философіи* (§ 1, 3 *Лит.*) статью *религія и наука*, и изучая ближе ихъ существенное содержаніе, доходитъ до заключенія, что онѣ согласны въ признаніи „непознаваемой, вездѣсущей силы.“ Въ религіи это признаніе выражается непосредственнымъ чувствомъ, въ наукѣ же—доказательствомъ ограниченности человѣческаго знанія. Примиреніе религіи и науки состоитъ въ томъ, что бы онѣ не образовали понятій объ этомъ непознаваемомъ началѣ всего существующаго, но довольствовались однимъ признаніемъ его существованія.

J. W Draper, *The history of the conflict between religion and science.* 1873. Русскій переводъ.—Сочиненіе поучительное въ историческомъ и критическомъ отношеніяхъ, какъ защита самостоятельнаго научнаго изслѣдованія отъ притязаній религіознаго догматизма (см. выше стр. 86).

J. Tyndall, *Religion and science.* 1874. При всей защитѣ самостоятельности и независимости науки Тиндаль указываетъ на то, что религіозное чувство имѣетъ „непоколебимое“ основаніе въ человѣческой природѣ и служитъ источникомъ самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ стремленій въ жизни.

Jürgen Bona Meyer, *Philosophische Zeitfragen.* 1874. Гл. II-ая. *Религія и философія нашего времени.* Авторъ разсматриваетъ начала естественной религіи, указываетъ далѣе на то, что религія своимъ содержаніемъ можетъ превышать требованія разума, но не можетъ находиться съ ними въ противорѣчіи, и, наконецъ, объясняетъ вліяніе философіи на развитіе и усовершенствованіе религіозныхъ ученій.

Nathusius, *Das Wesen der Wissenschaft u. ihre Anwendung auf die Religion.* 1885 Богословская точка зрѣнія.

J. Barthélemy St.-Hilaire въ приведенномъ выше (стр. 124) сочиненіи: *Объ отношеніи философіи къ наукѣ и религіи*, на стр. 113 по 266, подвергаетъ сравнительному разбору начала философіи и религіи, и принимая во вниманіе тотъ фактъ, что человѣкъ есть не только интеллектуальное, позна-

§ 16, 3. вательное, но и нравственное существо, стремится доказать возможность согласованія требованій критическаго ума съ требованіями религіозно-нравственнаго чувства.

Въ русской литературѣ заслуживаютъ вниманія главнымъ образомъ слѣдующія сочиненія:

Б. Чичеринъ, *Наука и религія*. 1879. Сочиненіе весьма поучительное и основательное; см. въ особенности кн. II, гл. 1 и 2. Взгляды автора высказываются преимущественно въ слѣдующихъ положеніяхъ: „Религія, какъ общее явленіе человѣческаго духа, есть стремленіе къ живому общенію съ абсолютнымъ. Она относится къ философіи, какъ молитва относится къ силлогизму.“ Въ свою очередь, „философія относится къ религіи, какъ чистая мысль къ живому единенію, т. е. какъ отвлеченно-общее начало къ конкретному единству.“ Поэтому „философія не можетъ быть поставлена выше религіи.“ Съ другой стороны однако, для философіи „религія составляетъ предметъ изслѣдованія, а не источникъ познанія.“ „Разумъ самъ составляетъ необходимый элементъ религіи, а потому онъ обязанъ доказать свое присутствіе въ ней.“ Притомъ, „истинная вѣра отличается отъ суевѣрія именно тѣмъ, что она способна вынести испытаніе.“ „Философія и религія расходятся въ частныхъ своихъ проявленіяхъ, ибо онѣ не развиваются параллельно; но въ цѣломъ онѣ совпадаютъ, ибо, въ своей совокупности онѣ представляютъ развитіе одного и того же содержанія. Сознаніе абсолютнаго, которое въ философіи развивается въ формѣ отвлеченнаго познанія, въ религіи развивается въ формѣ живаго отношенія къ Божеству, охватывающаго всю человѣческую жизнь.“

П. Бакунинъ, *Основы вѣры и знанія*. 1886. Взглядъ автора на вѣру и знаніе характеризуется слѣдующими словами (стр. 52): „Вѣра и знаніе суть родныя сестры по духу своему; но вѣра, какъ евангельская Марія, избрала и имѣетъ въ виду одну благую часть, которую и находитъ въ себѣ самой, не нуждаясь въ другомъ; а знаніе, какъ евангельская Марѳа, печется и заботится о многомъ, которое и находитъ внѣ себя, во всемъ другомъ, и въ своихъ работахъ и попеченіяхъ о многомъ, нерѣдко забываетъ, что необходимо одно.“ Съ этой точки зрѣнія авторъ въ своемъ глубокомысленномъ изслѣдованіи стремится разъяснить и устранить основныя противорѣчія умственной жизни человѣка.

Л. Лопатинъ посвящаетъ вопросу о вѣрѣ и разумѣ 3-ью главу упомянутаго уже (стр. 15) сочиненія *Положительныя задачи философіи*. На стр. 282, авторъ говоритъ: „Разумъ и вѣра должны развиваться рядомъ, въ полной независимости другъ отъ друга, потому что ихъ двигатели различны. Ихъ окончательная цѣль, послѣдняя задача, поставленная самымъ ихъ существомъ, въ ихъ гармоническомъ примиреніи. Но это примиреніе прежде всего должно быть свободнымъ, съ полнымъ сохраненіемъ независимости каждой сферы.“

А. Козловъ касается этого вопроса въ *приложеніи* къ упомянутымъ выше (стр. 148) *Очеркамъ изъ исторіи философіи*, стр. 76 и слѣд. „Религія, говоритъ онъ, *можетъ* еще до извѣстной степени замѣнять философію, *но не обратно*... Во всякой религіи есть философскій элементъ, но въ философіи нѣтъ многихъ необходимыхъ для религіи элементовъ. Но однако, религія далеко не вполнѣ можетъ замѣнять философію, ибо между религіозной метафизикой и философской есть важныя и существенныя различія. Философская метафизика допускаетъ совершенно свободное отношеніе къ ней мысли, а потому во всякое время она доступна сомнѣнію и критикѣ... Но, разъ устано-

вившаяся религіозная метафизика есть догматъ, не подлежащій сомнѣнію, измѣненію, замѣнѣ или уничтоженію; въ противномъ случаѣ разрушается самый фундаментъ религіи. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда у нѣкоторыхъ людей почему либо разрушены, на болѣе или менѣе долгое время, основанія и возможность для религіознаго сознанія, философская метафизика *имѣетъ тенденцію* стать центромъ религіознаго сознанія и при благопріятныхъ условіяхъ постепенно превратиться въ религію. Примѣровъ тому было въ исторіи не мало." § 16, 3.

Сюда относятся сочиненія В. С. Соловьева, очеркъ П. Е. Астафьева *Чувство, какъ нравственное начало*, и рѣчь Н. Я. Грота *Значеніе чувства* (см. выше стр. 13, 97 и 178).

§ 17.

Философія и житейская мудрость.

§ 17. Несмотря на существенное различіе между философіею и практической жизнью, многіе мыслители съ древнѣйшихъ временъ указывали на то, что философія не есть исключительно наука, теоретическое познаніе вещей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и практическая, житейская мудрость. Нѣкоторые отождествляли даже вполнѣ философію съ благоразумною жизнью и требовали, чтобы философія, принимая во вниманіе такой свой характеръ, ограничивала до крайности свои стремленія къ познанію вещей и признавала познаніе вообще только средствомъ для осуществленія своихъ житейскихъ задачъ. Съ этой точки зрѣнія конечная цѣль философіи не заключается ни въ критическомъ разборѣ познанія, ни въ образованіи общаго міровоззрѣнія, но въ нравственномъ усовершенствованіи человѣка и въ возможно полномъ осуществленіи его благосостоянія.

Ближайшее разсмотрѣніе этого взгляда очень важно для окончательнаго разъясненія существенныхъ началъ философіи и ея отношенія къ другимъ проявленіямъ умственной жизни.

Уже неоднократно было указываемо на жизненную связь, объединяющую всѣ отправленія ума (§ 11, 2). Вслѣдствіе этой связи мы можемъ только въ отвлеченной мысли выдѣлять одно отправленіе ума изъ среды остальныхъ; но въ дѣйствительности всѣ они связаны между собою и по-

§ 17. полняютъ другъ друга. Вслѣдствіе такой связи, понятно, что между философіею и практическою мудростью должны существовать очень близкія соотношенія въ жизни. Укажемъ на эти соотношенія и предложимъ себѣ вслѣдъ за симъ вопросъ: въ чемъ же именно, не смотря на эту связь, обнаруживается существенное различіе между философіей и житейскою мудростью?

Житейская мудрость сочетается съ философіей главнымъ образомъ въ *трехъ* отношеніяхъ:

во 1-хъ, она содѣйствуетъ развитію житейскихъ условій философствованія;

во 2-хъ, служитъ исходною точкою для самой философіи, и, наконецъ,

въ 3-хъ, осуществляетъ въ жизни теоретическія требованія и идеалы философіи.

Относительно перваго пункта замѣтимъ, что уже выше (§ 16 съ примѣчаніями) указано было на цѣлый рядъ житейскихъ началъ, обусловливающихъ собою возникновеніе и развитіе философіи. Эти условія сводятся, какъ мы видѣли, къ осуществленію главныхъ основъ матеріальнаго, общественнаго и религіознаго благосостоянія. Не подлежитъ сомнѣнію, что это осуществленіе основъ человѣческаго благосостоянія зависитъ въ значительной степени отъ общихъ, объективныхъ и субъективныхъ условій умственнаго развитія даннаго народа, времени и т. д. Тѣмъ не менѣе, житейскій опытъ каждаго отдѣльнаго человѣка, равно какъ и разумное пониманіе человѣческихъ отношеній содѣйствуютъ осуществленію благосостоянія на всѣхъ поприщахъ жизни, и этимъ же самымъ создаются условія возникновенія и развитія философіи въ данной средѣ. Поэтому можно прямо сказать, что безъ предварительной житейской мудрости не мыслимо соотвѣтственное осуществленіе тѣхъ отношеній въ жизни, которыми, какъ мы видѣли, обусловливается философствованіе вообще.

Второй пунктъ основывается на указанномъ выше (§ 16) фактѣ, что философія вырастаетъ на поприщѣ жизни

и составляетъ одно изъ жизненныхъ явленій умственнаго развитія человѣка. Первые зачатки этого самостоятельнаго умственнаго развитія выражаются именно въ житейской мудрости. Разсмотрѣніе непосредственныхъ фактическихъ отношеній жизни, на основаніи ежедневныхъ опытовъ, уразумѣніе ея ближайшихъ задачъ, умѣніе воспользоваться данными условіями для благоразумнаго разрѣшенія этихъ задачъ и вообще для осуществленія цѣлей практической дѣятельности—вотъ главная суть житейской мудрости. Соотвѣтственное развитіе ея вызываетъ въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ потребность, во 1-хъ, критическаго разбора мыслительной дѣятельности, подвергающейся въ жизни разнороднымъ противорѣчіямъ, обманамъ, заблужденіямъ, ложнымъ взглядамъ, и во 2-хъ, потребность расширенія умственнаго кругозора изученіемъ не только практической жизни, ея потребностей и средствъ, удовлетворяющихъ этимъ потребностямъ, но и міра вообще, какъ того цѣлаго, къ которому человѣкъ со всѣми своими житейскими стремленіями принадлежитъ какъ одно частное проявленіе этого цѣлаго. Такимъ образомъ изъ житейской мудрости возникаютъ совершенно естественно двѣ основныя характеристическія черты философіи: критика умственной дѣятельности вообще и стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія (§ 9). Житейская мудрость служитъ, слѣдовательно, въ самомъ дѣлѣ исходною точкою для настоящей философіи. § 17.

Наконецъ, что касается третьяго изъ приведенныхъ пунктовъ, то никто не станетъ оспаривать того, что требованія и идеалы философіи осуществляются только при помощи житейской мудрости. Такъ какъ философія, имѣя въ виду общее міровоззрѣніе, обнимаетъ собою естественно и взгляды на практическую дѣятельность человѣка, на его задачи и назначеніе, то взгляды эти или оставались бы въ сферѣ отвлеченнаго мышленія, или осуществлялись бы въ жизни только случайно и притомъ безъ должнаго вниманія къ даннымъ отношеніямъ, еслибы житейская мудрость не пополняла философіи и не осуществляла ея требованій

§ 17. и идеаловъ, принимая во вниманіе фактическія условія и пользуясь ими въ указанномъ философіею направленіи. Только житейская мудрость способна придать философіи должное значеніе въ жизни людей и видоизмѣнить данныя отношенія согласно съ требованіями философіи. И здѣсь, слѣдовательно, обнаруживается тѣсная связь между этими явленіями умственной жизни.

Несмотря на все это, оба эти явленія: житейская мудрость и философія, существенно различны. Первая связана вполнѣ съ матеріальными, общественными и религіозно-нравственными условіями человѣческаго благосостоянія и находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ практическихъ стремленій къ этому благосостоянію. Между тѣмъ философія, какъ своеобразное явленіе умственной жизни, имѣетъ по существу своему характеръ теоретическій, научный даже и тогда, когда изучаетъ практическую жизнь человѣка и даетъ себѣ отчетъ въ условіяхъ его благосостоянія. Кромѣ того, житейская мудрость относится всегда къ частнымъ, конкретнымъ отношеніямъ жизни и обнаруживается въ ясномъ пониманіи фактическихъ отношеній и въ благоразумномъ дѣйствіи согласно съ такимъ пониманіемъ. Философія, напротивъ, разсматривая даже практическую жизнь, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду свести конкретныя данныя къ общимъ началамъ, къ извѣстнымъ законамъ, принципамъ, обнимающимъ собою множество частныхъ случаевъ. Житейская мудрость, наконецъ, выражается дѣйствіемъ, образомъ жизни человѣка и ея устройствомъ; философія же есть явленіе мыслительной дѣятельности, имѣющей въ виду прежде всего познаніе истины, уразумѣніе міра (см. выше § 11, классификацію явленій умственной жизни).

Указаніемъ на это различіе между философіею и житейскою мудростью, вовсе не оспаривается значенія послѣдней для самыхъ даже законченныхъ проявленій философской мысли. Напротивъ, желательно, чтобы философія на всѣхъ ступеняхъ своего развитія всегда сочеталась и по-

полнялась житейскою мудростью. Слѣдуетъ даже признать, § 17.
что въ такой связи обнаруживается одна изъ характеристическихъ сторонъ *идеала философа*, не какъ ученаго, но какъ человѣка. Полное, всестороннее оправданіе ученій философа касательно человѣка и жизни возможно только осуществленіемъ этихъ ученій въ жизни. Такимъ образомъ теоретическій мыслитель удовлетворяетъ вполнѣ самаго себя и другихъ только тогда, когда онъ становится вмѣстѣ съ тѣми и житейскимъ мудрецомъ.

Примѣчаніе I-ое. Ученія древнѣйшихъ представителей житейской мудрости, восточныхъ и греческихъ, какъ исходная точка настоящей философіи. Первые зародыши философіи въ непосредственной связи съ жизнью вообще и въ особенности съ житейскою мудростью, т. е. съ рефлексивнымъ воспріятіемъ практическихъ отношеній жизни, представляются намъ наглядн ѣйшимъ образомъ уже въ ученіяхъ знаменитыхъ мудрецовъ отдаленнаго востока: китайцевъ, индусовъ, египтянъ, персовъ, евреевъ и въ изреченіяхъ такъ называемыхъ семи мудрецовъ Греціи. Въ видахъ историческаго объясненія представленнаго соотношенія между философіею и житейскою мудростью, укажемъ здѣсь въ общихъ чертахъ на эти ученія и взгляды древнѣйшихъ мудрецовъ человѣчества. Они, съ одной стороны, содѣйствовали развитію общихъ условій философствованія (§ 16), а съ другой, послужили исходною точкою возникновенія и развитія философіи въ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ своеобразнаго явленія умственной жизни,—поэтому ознакомленіе съ ихъ ученіями составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ *введенія въ философію*. § 17, 1.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ здѣсь упомянуть о баснословномъ основателѣ *китайской* культуры Фо-хи, жившемъ по преданію за 3000 лѣтъ до Р. Хр. Ему приписывается древнѣйшій памятникъ китайской литературы *Книга о видоизмѣненіяхъ* (И - кингъ; *кингъ* значитъ *книга*), въ которой проповѣдуется родъ дуалистическаго натурализма, основаннаго на противопоставленіи *неба* и *земли*, началъ совершенства и несовершенства, добра и зла. Характеристическая черта этого древнѣйшаго мудреца заключается въ преданіи, что онъ, „овладѣвъ своимъ собственнымъ сердцемъ и своими страстями,“ началъ учить другихъ житейской мудрости.

§ 17, 1. Съ такою же нравоучительною тенденціею,—Ки-тзе (докторъ Ки [1]), написалъ по преданію около 2200 г. до Р. Хр. исторію древнѣйшаго Китая.

Изъ китайскихъ мудрецовъ историческаго времени замѣчательны главнымъ образомъ: Лао-тзе и Конфуцій (Кунгъ-тзе).

Лао-тзе, жившій въ VI вѣкѣ до Р. Хр., былъ основателемъ особой религіозной секты и авторомъ знаменитаго сочиненія *Путь къ добродѣтели* (Тао-те-кингъ). Признавая въ мірѣ дѣятельность высшаго разума, Лао-тзе требуетъ отъ истиннаго мудреца господства надъ самимъ собою и сердечной любви къ другимъ людямъ. Вотъ что онъ между прочимъ говоритъ объ истинномъ мудрецѣ: „Совершенный мудрецъ похожъ на воду. Вода и мудрецъ полезны всѣмъ людямъ и избѣгаютъ по возможности всякаго сопротивленія, но тѣмъ не менѣе не цѣнятся надлежащимъ образомъ обыкновенными людьми“. „Мудрецъ всегда откровененъ, правдивъ и честенъ. Когда онъ повелѣваетъ другимъ, повелѣнія его всегда справедливы, согласны съ закономъ. Раздоровъ и брани онъ не любитъ и никому не навязываетъ своихъ воззрѣній“. „Кто побѣждаетъ другихъ—герой; кто-же торжествуетъ надъ самимъ собою—великъ“. „Сердце мудреца предано всему человѣчеству. Я люблю добраго и благороднаго, говоритъ мудрецъ, какъ же мнѣ не любить слабаго и падающаго?“—„Кто самъ для себя хорошъ и благороденъ, тотъ имѣетъ въ виду добродѣтель только одного человѣка; но кто прививаетъ благородныя стремленія къ другимъ, къ членамъ своего семейства, общины, провинціи, государства — тотъ достигаетъ высшей степени совершенства“.

Конфуцій, младшій современникъ Лао-тзе (род. 551 г. ум. 479), издалъ и комментировалъ приведенныя выше книги древнѣйшихъ китайскихъ мудрецовъ и этимъ сдѣлался законодателемъ нравственности для своего народа. Его собственныя ученія, содержащія въ себѣ исключительно совѣты житейской мудрости, собраны его учениками въ трехъ сочиненіяхъ: *Возвышенная наука* (Та-хіо), *Незыблемое основаніе души* (Тшонгъ-юнгъ) и *Философскія бесѣды* (Люнъ-и).

Взгляды на житейскую мудрость Конфуція высказываются уже въ томъ, что онъ говоритъ о своемъ собственномъ нравственномъ развитіи. На 15-мъ году жизни онъ началъ учиться;

---

[1]) Прибавленіе *тзе* къ китайскимъ именамъ указываетъ на званіе *ученаго, доктора.*

на 30-мъ усвоилъ себѣ основныя начала мудрости; на 40-мъ преодолѣлъ всякія сомнѣнія; на 50-мъ уразумѣлъ небесный законъ; на 60-мъ дошелъ до познанія причинъ вещей, на 70-мъ, наконецъ, могъ уже предаваться вполнѣ своимъ страстямъ, безъ опасенія нарушить этимъ требованія закона и благоразумія. § 17, 1.

Приведенныя три книги Конфуція, вмѣстѣ съ политическимъ сочиненіемъ позднѣйшаго мудреца Менгъ-тзе, жившаго въ IV вѣкѣ до Р. Хр., составляютъ такъ называемыя *четыре классическія* сочиненія китайцевъ (Зе-шу). Они образуютъ родъ нравственнаго и политическаго кодекса, который по настоящее время заставляютъ изучать наизусть учениковъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Китаѣ.

Древнѣйшіе памятники умственной жизни *индусовъ* заключаются въ гимнахъ *Веды* (*веда*=значило первоначально *знаніе, вѣдать*=знать; впослѣдствіи слово это получило значеніе *откровенія*). Древнѣйшія изъ пѣсенъ такъ называемой *Ригъ-веды* восходятъ, какъ полагаютъ, къ XII вѣку до Р. Хр. Ихъ содержаніе относится главнымъ образомъ къ первоначальному народному культу природы, изъ котораго развились религіозныя вѣрованія индусовъ, извѣстныя подъ названіемъ *браманизма* (отъ *брама* — первоначально *молитва*, впослѣдствіи обозначеніе Бога творца, который съ Вишною и Сивою составляетъ тріединое божество индусовъ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ пѣсни *Веды* заключаютъ въ себѣ и первые зачатки житейской мудрости индусовъ. Это выражается характеристическимъ образомъ въ убѣжденіи, что человѣкъ своими жертвами и молитвами, вообще своею дѣятельностью, можетъ и долженъ содѣйствовать усовершенствованію не только самого себя и человѣчества, но и вселенной, рождающагося и живущаго въ ней божества. Это непосредственное религіозное сознаніе внутренней связи единичнаго ума съ всеобщимъ началомъ бытія, составляетъ исходную точку всѣхъ позднѣйшихъ теорій *пантеизма*, отождествляющаго міръ и его явленія съ самимъ Богомъ (отъ πᾶν=все, θεός=Богъ; все есть Богъ).

Цѣлый рядъ древне-индійскихъ мудрецовъ развиваетъ рефлексивно эти зачатки непосредственнаго религіознаго чувства.

Первое опредѣленное выраженіе древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованій индусовъ приписывается баснословной личности Джаимини, который въ своемъ ученіи развилъ начала естественной религіи, въ связи съ ученіемъ о переселеніи душъ.

Начала дуализма вводитъ въ эти религіозно-нравственные взгляды мудрецъ Капила, причисляемый, по преданію, къ

§ 17, 1. лику двѣнадцати индійскихъ святыхъ, жившій во всякомъ случаѣ раньше VI вѣка до Р. Хр. По его ученію, слѣдуетъ въ мірѣ различать слѣпую, но дѣятельную *природу* отъ сознательной, но пассивной *души*. Оба эти начала образуютъ въ дѣйствительности одно цѣлое, одинъ міръ; но этотъ міръ — вовсе не образецъ совершенства; напротивъ, Капила сравниваетъ его со слѣпымъ (природа), который носитъ хромаго (душа). Въ этой связи душа подвергается постояннымъ страданіямъ и видоизмѣненіямъ, обнаруживающимся въ переселеніи и странствованіи душъ по разнымъ тѣламъ. Только знаніе и благочестивая жизнь спасаютъ душу отъ этого состоянія и доводятъ до истиннаго блаженства.

Это ученіе Капилы развилъ Патанджали, съ той только разницею, что онъ второе начало бытія не называетъ душою, но Богомъ, и представляетъ разныя степени связи человѣка съ Богомъ, т. е. религіи, въ зависимости отъ степени созерцанія и экстаза.

Болѣе теоретическій характеръ имѣютъ взгляды баснословнаго мудреца Канады, жившаго, какъ кажется, около VI вѣка до Р. Хр. Его ученіе признаетъ множественность различныхъ началъ міра. Онъ насчитываетъ девять, каковы: земля, вода, свѣтъ, воздухъ, эѳиръ, время, пространство, душа и внутреннее чувство. Но подробное развитіе этого ученія связано также тѣснѣйшимъ образомъ съ господствовавшими въ это время религіозно-нравственными воззрѣніями индусовъ.

Послѣдніе мудрецы отступали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ первоначальныхъ ученій *Ведъ*. Защиту этихъ ученій предпринялъ Вьяса. Цѣлью его было вновь оживить религіозное чувство и поддержать сознаніе единства и тождества человѣка и всѣхъ вещей съ божествомъ, уступившее мѣсто, со временъ Капилы, менѣе пантеистическимъ спекуляціямъ.

Если упомянутый выше Капила ставилъ въ зависимость будущее блаженство человѣка отъ *знанія*, то другой мудрецъ Готама, причисленный тоже къ святымъ, имѣлъ въ виду опредѣлить ближе условія знанія. Въ книгѣ своей *Ніяя* (отъ *ні*= провожать. улица, дорога, методъ, разсужденіе, логика), составленной, по всей вѣроятности, не раньше IV вѣка до Р. Хр., онъ разсматриваетъ начало *достовѣрности*, значеніе человѣческихъ и божественнаго *авторитетовъ*, разные *предметы* знанія, далѣе причины *сомнѣнія*, способы его устраненія, условія *изложенія* знаній, ихъ *защиты* отъ возраженій и т. п. Въ виду такого содержанія его ученія, нѣкоторые ученые сравниваютъ со-

чиненіе Готамы съ *Органономъ* Аристотеля, составляющимъ, какъ извѣстно, въ литературѣ Запада первый сборникъ разсужденій по логикѣ, какъ теоріи познанія. Но тѣмъ не менѣе разница между этими обоими сочиненіями существенная. Основная тенденція Готамы не научная, не философская, какъ у Аристотеля; напротивъ, онъ руководится еще вполнѣ религіозными и практическими мотивами. Достиженіе счастія, блаженства— главная цѣль его изслѣдованія познавательныхъ процессовъ. Вездѣ обнаруживается у него непосредственная зависимость теоретическихъ ученій отъ религіи и требованій житейской мудрости. Онъ не имѣетъ въ виду истины ради самой истины, но видитъ въ ней только средство для достиженія постороннихъ цѣлей благосостоянія. § 17, 1.

Извѣстнѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ глубокимъ и авторитетнымъ мудрецомъ древней Индіи былъ Сакъя - Муни или Будда (это значитъ: *мудрецъ*), реформаторъ браманизма, жившій, по всей вѣроятности, въ VI вѣкѣ до Р. Хр. Характеристическая черта его ученія — это мистическій аскетизмъ, отвращеніе отъ міра, признаваемаго имъ лишь соблазнительнымъ призракомъ, углубленіе въ самого себя до потери сознанія, до полнаго самозабвенія. Это послѣднее средство признается имъ единственно дѣйствительнымъ, чтобы освободиться отъ страданій жизни и возвратиться къ первичной блаженной неопредѣленности бытія, къ такъ называемой *нирванѣ*. Къ этому аскетизму сводится вся житейская мудрость Будды; въ немъ онъ видитъ основаніе постепеннаго совершенствованія человѣка и достиженія имъ своего назначенія при помощи милостыни, добродѣтели, знанія, энергіи, терпѣнія и сочувствія къ другимъ существамъ. „Міръ — говоритъ Будда—водяной пузырь, облако, пущенное на вѣтеръ. Кто его такъ понимаетъ, тотъ царя смерти не увидитъ“. „Кто никаго не обижаетъ и господствуетъ надъ самимъ собою, тотъ участвуетъ въ неизмѣняемомъ бытіи, исключающемъ всякія страданія. Съ него спадаютъ страданія, какъ капли воды съ листьевъ“.—„Кто не чувствуетъ ни любви, ни ненависти, тотъ свободенъ отъ всякихъ оковъ“.—„Самое высшее богослуженіе—спокойствіе души и терпѣніе“.—„Истинный мудрецъ углубляется въ нирвану, въ вѣчное спокойствіе и блаженство; большинство-же людей безсмысленно бѣгаетъ только по ея берегу“.

Интереснымъ пополненіемъ ученій Будды являются эдикты индійскаго царя Асоки - Пійядаси Великаго (III-й вѣкъ до Р. Хр.), въ которыхъ высказывается житейская мудрость въ

§ 17, 1. духѣ буддизма. Вотъ нѣкоторыя характеристическія выдержки изъ этихъ эдиктовъ (по переводу В. Лесевича). „Царь, любимый богами, желаетъ водворить безопасность для всѣхъ людей, пощаду жизни, миръ и кротость. И въ этихъ благахъ онъ видитъ побѣду религіи. Въ этихъ побѣдахъ религіи онъ находитъ радость и въ предѣлахъ своего царства и на всѣхъ его границахъ".—„Всякаго человѣка я считаю сыномъ моимъ; какъ я желаю дѣтямъ моимъ счастія и благоденствія на семъ и на томъ свѣтѣ, такъ и всѣмъ людямъ желаю того-же".—„Въ прежнее время цари отправлялись на такъ называемыя увеселительныя поѣздки. Охота и другія забавы этого рода были ихъ земными удовольствіями. Я предпринялъ странствованіе въ видахъ достиженія истинной премудрости. Поэтому и земныя мои поѣздки стали религіозными странствованіями, а именно, посѣщеніе и раздача милостыни браманамъ и сраманамъ, посѣщеніе старцевъ, раздача денегъ, посѣщеніе народовъ царства, его религіозное воспитаніе, совѣщаніе о предметахъ религіозныхъ". —„Всѣ добрые поступки всякаго рода, которые я совершаю, служатъ примѣромъ для всеобщаго руководства. По этой причинѣ среди людей возрастали и возрастаютъ еще болѣе — повиновеніе родителямъ, наставникамъ, угожденіе по отношенію къ старѣйшимъ по возрасту, почтительное отношеніе къ браманамъ, сраманамъ, бѣднымъ, обездоленнымъ и даже къ рабамъ и слугамъ".—„Всѣ мои усилія стремятся къ единственной цѣли: исполнить долгъ мой по отношенію къ людямъ, сдѣлать ихъ сколь возможно счастливыми на этомъ свѣтѣ; да заслужатъ они небесную жизнь на томъ".—„Религія прекрасна. Но, скажутъ, что такое религія? Религія заключается въ томъ, что-бы сколько возможно избѣгать зла, совершать много добра, руководиться состраданіемъ, милосердіемъ, правдивостью, а также и чистотою жизни".—„Управленіе, законъ, преуспѣваніе и безопасность должны быть основаны на религіи".—„Религіозное преуспѣваніе въ средѣ людей достигается двумя способами: положительными правилами и чувствами, которыя имъ внушаются. Изъ этихъ двухъ способовъ положительныя правила имѣютъ менѣе важную цѣнность; одно только внутреннее настроеніе придаетъ имъ все ихъ значеніе ... Религіозное преуспѣваніе обозначается въ одномъ только измѣненіи личныхъ чувствъ, въ общемъ уваженіи къ жизни, въ стараніи не лишать жизни никакое существо".—„Нѣтъ истиннаго религіознаго благочестія безъ добродѣтели".—„Царь Пійядаси, любимый богами, желаетъ, чтобы всѣ секты жили свободно повсемѣстно. Всѣ

онѣ, въ самомъ дѣлѣ, одинаково ставятъ себѣ цѣлью преодолѣніе чувственности и душевную чистоту".—„Царь оказываетъ почетъ послѣдователямъ всѣхъ сектъ, монашествующимъ и свѣтскимъ; онъ оказываетъ имъ почетъ подояніями милостыни и всякаго рода честованіями. Но царь придаетъ этой милостыни и этимъ почестямъ менѣе значенія, чѣмъ желанію видѣть господство въ ихъ средѣ нравственныхъ достоинствъ, что всего существеннѣе. Это господство (нравственныхъ) основъ (общихъ) всѣмъ сектамъ не исключаетъ, правда, большаго ихъ разнообразія. Но у всѣхъ есть одинъ общій источникъ, заключающійся въ сдержанности рѣчи: это значитъ, что никому не слѣдуетъ превозносить свою секту, осуждая остальныя, что не слѣдуетъ унижать ихъ, не имѣя (законнаго) на то основанія, что, напротивъ того, надо воздавать другимъ сектамъ ту честь, которую онѣ заслуживаютъ..... По этой причинѣ только согласіе достойно похвалы, въ томъ смыслѣ, что всѣ слушаютъ и любятъ слушать повѣствованіе о вѣрованіяхъ каждаго". § 17, 1.

Съ проявленіями китайской и индійской житейской мудрости соперничаютъ какъ по своей древности, такъ и по своему внутреннему достоинству, религіозно-нравственныя ученія древне *египетскихъ* мудрецовъ. Въ ихъ главѣ стоитъ Птах-Готепъ, князь V-ой эгипетской королевской династіи (раньше XX-аго вѣка до Р. Хр.), который нѣкоторыми учеными признается авторомъ древнѣйшаго письменнаго памятника человѣчества, сохранившагося въ папирусѣ Прейса парижской національной библіотеки. Одна часть этого папируса заключаетъ въ себѣ поучительныя наставленія, данныя приведеннымъ княземъ, стодесятилѣтнимъ старцемъ, своему сыну. Наставленія эти, выраженныя въ афористической формѣ, касаются исключительно частныхъ житейскихъ отношеній, имѣя своимъ предметомъ обязанности дѣтей къ родителямъ, подчиненныхъ къ начальству, уваженіе чужой собственности, значеніе воспитанія и знанія, супружескую любовь, обязанности къ родственникамъ и т. п. Поученія эти свидѣтельствуютъ, однако, интереснѣйшимъ образомъ, о благородномъ гуманизмѣ автора и о его практической опытности. Вотъ нѣсколько примѣровъ глубокомысленныхъ наставленій этого древнѣйшаго эгипетскаго мудреца: „Уважай,—говоритъ онъ,—мудрость и добродѣтель выше, чѣмъ дрогоцѣнные камни, которые встрѣчаются и на рукахъ невольницы".—„Доказательствомъ твоей мудрости служитъ дѣйствіе, котораго не жалѣешь".—„Не преувеличивай своихъ знаній, но ищи совѣта ученыхъ и неученыхъ, ибо знаніе не имѣ-

§ 17, 1. етъ предѣловъ, а совершеннаго мудреца вовсе нѣтъ“.—„Будь умнѣйшимъ изъ людей, но не думай, что память о тебѣ перейдетъ къ будущимъ поколѣніямъ. Крокодилъ поднимается,— и вдругъ поверхность воды снова спокойна“.—„Одно благоразумное слово имѣетъ больше значенія, чѣмъ длинное краснорѣчіе“.—„Уважай личную заслугу больше, чѣмъ богатства, которыя получаетъ въ наслѣдство одинъ отъ другаго“.—„Прекраснѣйшая вещь въ жизни повиновеніе, но добровольное“—и т. п.

Свидѣтельствомъ подобной практической тенденціи древне-египетской мудрости можетъ тоже служить папирусъ Эберса, принадлежащій, по мнѣнію этого ученаго, къ XVII-му вѣку до Р. Хр. Содержаніе его составляютъ медицинскія познанія древнихъ египтянъ, изложенныя въ связи съ религіозными вѣрованіями и обрядами.

Главный представитель древне *персидской* мудрости Зороастръ или Заратустръ (*золотая звѣзда*,—по новоперсидски Зердуштъ), основатель или собственно реформаторъ древне персидской религіи, жившій, какъ полагаютъ, въ VI вѣкѣ до Р. Хр. Ученіе его излагается въ священныхъ книгахъ персовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Зендъ-Авеста* (*слова жизни*). Суть ученія Зороастра — дуализмъ, т. е. борьба между двумя началами бытія: богомъ свѣта и добра (Ормуздомъ) и духомъ темноты и зла (Ариманомъ). Человѣкъ долженъ принимать участіе въ этой борьбѣ и содѣствовать строгимъ исполненіемъ своихъ нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей окончательному торжеству Ормузда надъ Ариманомъ.

Взгляды древне-*еврейскихъ* мудрецовъ, Моисея, Соломона и другихъ, общеизвѣстны. Въ нихъ высказываются основныя начала *монотеизма* (отъ μόνος = единый и θός = Богъ), ученія о единомъ Богѣ, вошедшаго въ составъ христіанской религіи.

Моисей, жившій по преданію за 2000 лѣтъ до Р. Хр., установилъ религіозный культъ древнихъ евреевъ, имѣвшій главнымъ образомъ цѣлью поддержать въ сознаніи народа монотеизмъ, въ отличіе отъ всякихъ языческихъ ученій. Царь же Соломонъ, жившій за 1000 лѣтъ до Р. Хр. (онъ умеръ, по всей вѣроятности въ 975 г.) и признанный мудрѣйшимъ изъ людей, примѣнилъ этотъ монотеизмъ къ своимъ рефлексивнымъ воззрѣніямъ на жизнь и назначеніе человѣка. Его практическая мудрость излагается главнымъ образомъ въ книгѣ, извѣстной подъ названіемъ *Притчей соломоновыхъ*. Религіозно-нравственное

основаніе этой соломоновой мудрости сводится къ положенію: „Страхъ Божій есть основаніе мудрости". § 17, 1.

Книга, извѣстная подъ названіемъ *Экклезіаста* (когелетъ), приписываемая Соломону, и начинающаяся общеизвѣстными словами: „суета надъ суетами, все суета", написана по всѣй вѣроятности не раньше IV вѣка до Р. Хр. Своимъ пессимистическимъ характеромъ, высказывающимся уже въ приведенныхъ словахъ, она существенно противорѣчитъ подлиннымъ ученіямъ Соломона.

Какъ восточные народы, такъ и *греки* прославились цѣлымъ рядомъ знаменитыхъ представителей житейской мудрости, стоящихъ во главѣ позднѣйшаго развитія теоретическаго познанія вещей, собственно философіи. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ такъ называемые семь мудрецовъ Греціи. Платонъ, въ діалогѣ *Протагоръ* (p. 343), причисляетъ къ нимъ: Ѳалеса, Питака, Біаса, Солона, Клеобула, Мизона и Хилона. Другіе писатели придерживаются другого порядка, или замѣняютъ даже нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мудрецовъ другими. Въ особенности вмѣсто Мизона и Хилона исчисляютъ часто Періандра, Эпименида, Ферекида, или еще другихъ.

Всѣ приведенные мудрецы жили около VI-го вѣка до Р. Хр. и прославились благоразумною дѣятельностью какъ на общественномъ, политическомъ, такъ отчасти и законодательномъ поприщахъ. Ѳалесъ изъ Милета содѣйствовалъ, по свидѣтельству Геродота, основанію союза іонійскихъ колоній, и кромѣ того, вмѣстѣ съ Біасомъ изъ Пріэне въ Каріи, былъ совѣтникомъ лидійскаго царя Креза и въ качествѣ такового дѣйствовалъ всегда въ пользу своихъ согражданъ. Питакъ изъ Митилена, на островѣ Лесбосѣ, Солонъ изъ Аѳинъ, Клеобулъ изъ Линдоса, на островѣ Родосѣ и Періандръ изъ Коринѳа были или законодателями, или полководцами и правителями своихъ родныхъ городовъ. Хилонъ былъ извѣстенъ какъ спартанскій эфоръ. Эпименидъ съ острова Крита прославился какъ благочестивый жрецъ. Мизонъ изъ Хеноса былъ простымъ селяниномъ, котораго оракулъ Аполлона призналъ однимъ изъ мудрѣйшихъ грековъ. Наконецъ, Ферекидъ съ острова Сироса признается первымъ авторомъ прозаическаго сочиненія на греческомъ языкѣ. Сочиненіе это, недошедшее до насъ, имѣло своимъ предметомъ *теогонію*, т. е. ученіе о происхожденіи боговъ, связанное, какъ кажется, еще довольно тѣсно съ миѳическими вѣрованіями.

Изъ перечисленныхъ древне-греческихъ мудрецовъ только Ѳалесъ занимался теоретическими изслѣдованіями и стремился

§ 17, 1. къ образованію общаго міровоззрѣнія, поэтому его и ставятъ обыкновенно во главѣ исторіи философіи въ собственномъ смыслѣ, т. е. философіи, какъ стремленія къ самостоятельному уразумѣнію міра и его явленій (см. § 8), въ отличіе отъ практической, житейской мудрости, о которой мы говоримъ въ настоящее время.

Каждому изъ приведенныхъ древне-греческихъ мудрецовъ приписываютъ рядъ изреченій, характеризующихъ ихъ взгляды на жизнь. Приведемъ самыя важныя. Θалесъ сказалъ: „Когда хочешь господствовать надъ другими, господствуй прежде всего надъ самимъ собою". „Не будь лѣнтяемъ, хотя бы ты и былъ богачемъ". Ему приписывается тоже общеизвѣстное изреченіе: „Познай самаго себя (γνῶθι σαυτόν)," которое золотыми буквами помѣщено было на дельфійскомъ святилищѣ. Въ пополненіе этого положенія онъ сказалъ: „Познать самаго себя трудно, дать совѣты другимъ легко".—Питакъ говаривалъ: „Ищи побѣды, но безъ кровопролитія". „Все въ свое время". „Трудно быть великодушнымъ".—Біасъ: „Люди по большей части злы". „Хорошъ и могущъ тотъ, кто можетъ дѣлать зло, но не хочетъ; золъ и слабъ тотъ, кто хочетъ, но не можетъ". „Совершивъ хорошій поступокъ, благодари за то боговъ". Когда его упрекали, что онъ оставляетъ свои богатства безъ надзора, онъ отвѣтилъ: „Все мое я ношу съ собою".— Общеизвѣстенъ разсказъ Геродота о разговорѣ Солона съ царемъ Крезомъ. Смыслъ этаго разговора тотъ, что никто не можетъ быть названъ счастливымъ до своей смерти. Кромѣ того Солону приписываютъ изреченія: „Въ великихъ дѣлахъ нельзя всѣмъ удовлетворить". „Твоимъ путеводителемъ пусть будетъ благоразуміе". „Добродѣтель не измѣнна; богатства переходятъ отъ однаго къ другому". Будучи уже старцемъ, онъ говаривалъ: „Я старѣюсь, но все учусь". — Клеобулъ избралъ себѣ девизомъ слова: „Все въ мѣру." Ему приписываютъ тоже изреченія: „Не употребляй языка во зло." „Насиліемъ ничего не дѣлай." „Какъ пробный камень повѣряетъ золото, такъ золото повѣряетъ человѣка."—Хилонъ сказалъ: „Будь скупцомъ въ употребленіи времени." „Будь господиномъ языка." „Сочувствуй болѣе несчастію, чѣмъ счастію друга." „Всякое ручательство приноситъ вредъ.—"Періандръ: „Удовольствіе преходяще, добродѣтель вѣчна." „Ищи дружбы благоразумныхъ людей." „Если ты попалъ въ погрѣшности, не жалѣй ихъ исправить."

Всѣхъ упомянутыхъ выше мудрецовъ, восточныхъ и греческихъ, чтили глубоко какъ современники, такъ и позднѣйшія

поколѣнія не столько за ихъ теоретическія изслѣдованія и об- § 17, 1.
ширныя знанія, сколько за ихъ практическую мудрость и благочестивую жизнь, осуществляющую въ самыхъ разнообразныхъ человѣческихъ отношеніяхъ идеалы добродѣтели и общественнаго блага. И хотя ихъ ученія сочетались съ разными метафизическими воззрѣніями и отчасти основывались на нихъ, тѣмъ не менѣе они имѣли, главнымъ образомъ, религіозно-нравственный и житейскій характеръ. Ученія эти, истекая изъ разнородныхъ народныхъ вѣрованій, пополняли и видоизмѣняли ихъ не съ точки зрѣнія самостоятельнаго изслѣдованія началъ міра и вообще истиннаго познанія вещей, но съ точки зрѣнія практическихъ задачъ жизни и житейской опытности. Такимъ образомъ у всѣхъ этихъ мудрецовъ стремленіе къ познанію и уразумѣнію міра подчинялось еще совершенно то господствующимъ догматически міровоззрѣніямъ, то потребностямъ жизни. Настоящихъ философскихъ изысканій, имѣющихъ въ виду критическое познаніе истины ради самой истины, мы у нихъ еще не встрѣчаемъ.

Тѣмъ неменѣе ихъ практическая мудрость, высказывающаяся въ столь разумномъ пониманіи жизни и человѣческихъ отношеній, ихъ стремленіе уразумѣть значеніе и назначеніе человѣческой жизни, составляютъ исходную точку для всего дальнѣйшаго развитія теоретическихъ изслѣдованій философіи въ собственномъ смыслѣ.

И по настоящее время, только благоразумное пониманіе жизни и ея назначенія подготовляетъ умственную почву для серіознаго философствованія, для критическаго разбора основъ міровоззрѣнія. Настоящая философія не есть только результатъ научнаго образованія и знаній человѣка; она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ развитіемъ всей умственной жизни человѣка, слѣдовательно и съ развитіемъ его житейской опытности, съ его взглядами на цѣли и задачи практической дѣятельности, однимъ словомъ, съ его житейскою мудростью. И въ наше время истинный философъ не начинаетъ размышлять о мірѣ вслѣдствіе однихъ только отвлеченныхъ познавательныхъ мотивовъ, но изъ внутренней потребности всего духа, вызванной его житейскими отношеніями, его непосредственною связью съ природою, съ людьми и съ основнымъ началомъ всего существующаго.

Литература. 1) *Древне-китайскіе мудрецы.* Относительно Фо-хи и Ки-тзе и ихъ книгъ, см. главнымъ образомъ G. Pauthier, *Les livres sacrés de l'Orient.* 1842.

§ 17, 1. Лао-тзе.—Stan. Julien, *Le livre de la voie et de la vertu, traduit en français.* 1842.—R. v. Plänckner, *Lao-tse. Tao-te-king. Der Weg zur Tugend. Aus dem Chinesischen übersetzt u. erklärt.* 1870.

Конфуцій. — Plänckner, *Confucius. Ta-hio, die erhabene Wissenschaft, übersetzt u. erklärt.* 1875. Его же *Confucius. Tschong-yong, der unwandelbare Seelengrund, übersetzt u. erklärt* 1878 Pauthier, *Confucius et Mencius ou les quatres livres de la philosophie morale et politique de la Chine, traduit.* 1841. Новое изд. 1874.

G. Pauthier, *Esquisse d'une histoire de la philosophie chinoise.* 1844. Новое изд. 1864. Соч. это заключаетъ въ себѣ переводъ многихъ характеристическихъ изреченій китайскихъ мудрецовъ. Равнымъ образомъ очень поучительны по этому предмету статьи упомянутаго ученаго въ философскомъ лексиконѣ Франка (§ 1, 4 *Лит.*).

J. Legge, *The Chinese clasics with a translation, critical notes, prolegomena and copius indexes.* 3 тома. 1876

Среди русскихъ сочиненій особенно замѣчательны. обработка китайской литературы В. П. Васильева во *Всеобщей исторіи литературы*, изданной подъ редакціею В. Ѳ. Корша, 1880 и слѣд Т. I, и А. А. Козлова *Очерки изъ исторіи философіи.* 1887. Стр. 31 по 42· *Китаиская философія.*

2) *Древне-индійская мудрость.* Относительно индійской философіи вообще см главнымъ образомъ соотвѣтственныя статьи Barthélemy St.-Hilaire'a въ лексиконѣ Франка; далѣе P. Regnaud, *Matériaux pour servir à l'histoire de la philosophie de l'Inde.* 1876. Его же: *Etudes de philosophie indienne*, въ *Revue philosophique* Рибо 1876—1879. Monier Williams, *Indian Wisdoms or examples of the religions, philosophical and ethical doctrines of the Hindus.* 3-ье изд. 1876.—Jacobi, *Die Gottesidee in der indischen Philosophie*, въ *Philosophische Monatshefte.* 1877. S. Schröder, *Indiens Literatur u. Cultur* 1887 Въ русской литературѣ: соотвѣтственныя части *Всеобщей исторіи литературы* изд. Корша. Куликовскій, *Зачатки философскаго сознанія въ древней Индіи*, въ *Русскомъ богатствѣ*, 1884. Козлова приведенные *Очерки*, стр. 43 и слѣд

Спеціально по отдѣльнымъ ученіямъ замѣчательны слѣдующія сочиненія. *Веды* Максъ Мюллеръ, издатель оригинала *Ведъ* (въ 6-ти томахъ отъ 1849 по 1874 г.) перевелъ оныя тоже на англійскій языкъ, 1869. — Французскій переводъ *Ригъ-веды* издалъ Langlois въ 4-хъ томахъ, 1848 по 1852, нѣмецкій Grassmann въ 2-хъ томахъ. 1877.—Восемъ гимновъ *Ригъ-веды* перевелъ на русскій языкъ Н. Крушевскій, 1879. См. тоже Ludwig, *Die philosophischen u. religiösen Anschauungen der Vedas.* 1875. — A. Kagi, *Der Rig-Veda.* 1881.

Ученіе Джаймини извѣстно подъ названіемъ *Миманса* и изложено въ 2652 афоризмахъ, опредѣляющихъ подробно обязанности человѣка вѣрующаго въ откровеніе *Ведъ*. *Миманса* до сихъ поръ не переведена на европейскіе языки.

Капила есть основатель ученія, извѣстнаго подъ названіемъ *Санкія* (число, разсужденіе, разумъ). Оно изложено въ 499 афоризмахъ, сопоставленныхъ въ такъ называемой *Санкія правачала* (введеніе въ санкію), и въ 72 дистихахъ (*Санкія-карика*, санкія въ стихахъ), высказывающихъ то же самое содержаніе въ сокращенномъ видѣ. Это сокращеніе составлено однако очень поздно, въ IX вѣкѣ нашей эры. Оно переведено было на англійскій языкъ Colbrooke'омъ, 1823; на нѣмецкій Windischmann'омъ, 1827; на латинскій Lassen'омъ, 1832; на французскій Pauthier, 1839 и Barthélemy St.-

§ 17, 1.

Hilaire'омъ, 1852. Афоризмы же Капилы перевелъ на англійскій языкъ J. R. Ballantyne, 1865 — Berthélemy St.-Hilaire называетъ *Санкхю* le plus indépendant et le plus complet des systèmes de la philosophie sanscrite.

Ученіе Патанджали изложено въ книгѣ *Іога* (jugum, jungere = ярмо, сочетать). Названіе это указываетъ на требованіе связи человѣка съ Богомъ.—Книга эта переведена только въ послѣднее время на англійскій языкъ: *The Yoga. Aphorisms of Patanjali. Translation by* Rajendralala Mitra. 1883.

Канада, авторъ системы *Вайсешика* (отъ *visesha* = различіе; указаніе на его ученіе о множественности началъ міра). — E Roer, *Die Lehrspruche der Vaiseshika-Philosophie von Kanada, ubersetzt u erlautert.* 1866.

Віаса признается авторомъ такъ называемой *Веданты* (конецъ или цѣль *Веды*). P. Deussen, *Das System des Vedanta.* 1883.

Нияя Готамы состоитъ изъ 525 аксіомъ, раздѣленныхъ на пять частей. Первая изъ нихъ, обнимающая 60 аксіомъ, имѣетъ предметомъ положительное изложеніе ученія; остальныя—заключаютъ въ себѣ полемику противъ другихъ ученій. На европейскіе языки переведена только первая часть. J. Barthélemy St.-Hilaire, *Mémoire sur la philosophie sanscrite. La Nyaya*, въ *Mémoire de l'Académie des sciences morales*, 1841, T. III, стр. 147—250. Здѣсь находится и переводъ первой части.—J. R. Ballatyne, *The aphorisms of the Nyaya.* 1854.

Баснословныя преданія о жизни Будды сопоставлены вмѣстѣ съ его ученіемъ въ книгѣ *Лалита-Вистара*, изданной въ 1848 году ученымъ Foucaux на тибетанскомъ и французскомъ языкахъ. Нѣмецкій переводъ издалъ Lehmann 1874. — См тоже J Barthélemy St. Hilaire, *Bouddha et sa religion.* 3-ье изд. 1866. T -W. Rhys Davids, *Buddhism being a sketsch of the life and teachings of Budda* 1878. H. Oldenberg, *Buddha, sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde*, 1881. Русскій переводъ 1884.—В. П. Васильевъ, *Буддизмъ.* 1857. И. П. Минаевъ, *Буддизмъ.* 1887.

Эдикты царя Асоки вырѣзаны были на каменныхъ столбахъ, въ сѣверной Индіи. Ихъ содержаніе сдѣлалось доступнымъ только недавно, благодаря изслѣдованіямъ John Princep'a. Ихъ французскій переводъ издалъ Senart, *Les inscriptions de Piyadasi.*—На основаніи этого перевода В. В. Лесевичъ перевелъ ихъ на русскій языкъ въ статьѣ: *Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго*, въ I-ой кн. журнала Грота *Вопросы философіи.* 1889.

3) *Древне-египетская мудрость.* Наставленія князя Пта-Готепъ занимаютъ третью часть папируса Prisse'a. Наставленія эти знаменитый ученый H. Chabas издалъ и перевелъ на французскій языкъ въ 1847 г. Латинскій и нѣмецкій переводъ съ коментаріемъ издалъ Lauth. 1870.

G. Ebers, *Papyrus Ebers. Ein hieratisches Handbuch altägyptischer Arzeneikunde.* 1875.

См. тоже M. Uhlemann, *Toth oder Wissenschaft der alten Aegypter.* 1855. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient.* 1876.

4) Зороастръ. *Зенд-Авеста* состояла первоначально изъ 21 книги, но большинство изъ нихъ вслѣдствіе преслѣдованій магометанъ уничтожено. Въ цѣлости сохранилась только двадцатая книга подъ названіемъ *Вендидата.* Fr. Spiegel, *Avesta, die heiligen Schriften der Parsen.* Переводъ въ 3-хъ томахъ, 1852—1864. Къ нему принадлежатъ два тома коментаріевъ, 1864—1868. C. de Harlez, *Avesta, livre sacré des sectateurs de Zoroastre.* 3 тома. 1875. — 1877. — Каэтанъ Коссовичъ перевелъ значительную часть на латинскій языкъ, 1867 — 1871. См. его же. *Четыре статьи изъ Зендъ-Авесты.* 1861.

§ 17, 1. Основательное историческое изслѣдованіе зороастрова ученія представляетъ J. Darmesteter, *Ormuzd et Ahriman.* 1877

5) Соломонъ. Критическія изслѣдованія показали, что *Притчи* только въ части составлены самимъ Соломономъ. Кажется, что ему принадлежатъ только главы I по IX-ую. Глава X-ая по XVII заключаютъ въ себѣ много народныхъ пословицъ. Остальныя же главы составляютъ фрагменты изъ сочиненій другихъ позднѣйшихъ авторовъ. См. De Wette, *Historisch-kritische Einleitung in die kanonischen u. apokryphischen Bücher des Alten Testaments.* 8-ое изд. 1869.

6) *Семь древне-греческіе мудрецы* (οἱ ἑπτὰ σοφοί). Біографическія свѣденія о нихъ мы находимъ главнымъ образомъ въ I-ой кн. *Жизнеописаній философовъ* Діогена Лаэрція (см. выше § 8, 1 *Лит.*). Bohren, *De septem sapientibus,* 1867; стр. 5 и слѣд. показываетъ изъ какихъ источниковъ черпалъ въ свою очередь Діогенъ Лаэрцій. Много изреченій этихъ мудрецовъ сохранилось въ сборникѣ нравственныхъ сентенцій, составленномъ въ V-омъ вѣкѣ нашей эры Іоанномъ изъ Стоби въ Македоніи для его сына Септимія. См. Stobaei *Anthologium, ed. C. Wachsmuth.* 1884. См. тоже соотвѣтственныя мѣста въ исторіяхъ греческой философіи, въ особенности Целлера, далѣе статьи въ лексиконѣ Франка и Kostlin, *Geschichte der Ethik.* Т. I, 1887, стр. 153 и слѣд.

§ 17, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Теоретическій характеръ ученій о практическихъ началахъ философіи.** Отъ приведенныхъ выше самыхъ замѣчательныхъ представителей практической мудрости въ древности слѣдуетъ отличать позднѣйшихъ мыслителей теоретиковъ, которые на основаніи разбора философіи доходили до положенія, что она есть не только знаніе, но и житейская мудрость, что цѣль ея не только познаніе истины, но и осуществленіе человѣческаго благосостоянія. Практическіе мудрецы, какъ мы видѣли, принимали во вниманіе главнымъ образомъ частныя отношенія жизни и выражали по ихъ поводу свои положенія, извлеченныя изъ житейскаго опыта; но они не занимались еще методическимъ изслѣдованіемъ жизни. Ихъ обобщенія имѣютъ характеръ непосредственный, болѣе или менѣе интуитивный; они заключаютъ въ себѣ весьма поучительныя и благоразумныя правила практической дѣятельности, но о приведеніи этихъ, болѣе или менѣе случайныхъ, афористическихъ обобщеній къ извѣстнымъ принципамъ, къ началамъ, обнимающимъ собою всю житейскую дѣятельность человѣка и послѣдовательно развиваемымъ, у нихъ не могло быть и рѣчи. Они не различали ясно теоріи отъ практики, философскаго воззрѣнія на міръ и жизнь отъ практической дѣятельности, науки отъ нравственности. Это различіе развилось только впослѣдствіи въ сознаніи настоящихъ философовъ, мыслителей. И хотя и между ними были такіе, которые по принципу соединяли философію съ житейскою мудростью и видѣли въ этой послѣдней главную цѣль философіи,

тѣмъ не менѣе эти философы стремились уже оправдать приведенное общее воззрѣніе на философію, обосновываютъ оное на разборѣ умственной дѣятельности человѣка и такимъ образомъ придавали своему ученію характеръ *теоретическій*. § 17, 2.

Теоретическій характеръ философіи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, обнаруживается совершенно ясно какъ у упомянутаго выше Θалеса, такъ и у такихъ древне-греческихъ мыслителей какъ: Пиѳагоръ, Парменидъ и Сократъ, которыхъ ученія составляютъ самое важное соединительное звено между житейскою мудростью и настоящею философіею. Каждый изъ этихъ мыслителей, по своей практической дѣятельности и характеру, можетъ служить по новѣйшее время образцомъ истиннаго мудреца въ вышеприведенномъ житейскомъ смыслѣ этого слова; каждый изъ нихъ въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, имѣлъ въ виду общественное и религіозно-нравственное благосостояніе. Тѣмъ не менѣе они не довольствовались формулировкой своихъ житейскихъ опытовъ по разнымъ частнымъ вопросамъ, но сводили свои взгляды на задачи и познаніе человѣка къ извѣстнымъ основнымъ началамъ, принципамъ, находящимся притомъ въ логической связи съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ.

Пиѳагоръ взгляды свои на благоустройство общественной жизни, которое составляло главную цѣль практической дѣятельности его приверженцевъ, образующихъ такъ называемый пиѳагорейскій союзъ, сочеталъ тѣснѣйшимъ образомъ со своимъ воззрѣніемъ на благоустройство всего міра, космоса, на его математическую законность и гармонію. Парменидъ выводилъ свое ученіе о обманчивости и суетности чувственной жизни изъ идеи о единомъ неизмѣнномъ началѣ бытія. Сократъ же указывалъ постоянно на зависимость добродѣтели, нравственнаго развитія человѣка отъ знанія, въ особенности же отъ самопознанія, отъ уразумѣнія умственной жизни человѣка, ея потребностей, задачъ и назначенія.

Вслѣдъ за приведенными мыслителями появились какъ въ древней Греціи, такъ и въ Римѣ философскія школы, которыя прямо отождествляли философію съ житейскою мудростью, и во всякомъ случаѣ знаніе, философію признавали только средствомъ для осуществленія постороннихъ цѣлей жизненнаго благосостоянія. Объ этихъ школахъ мы упомянули уже вкратцѣ выше (стр. 62); къ нимъ принадлежали какъ *цинническая* (Антисѳенъ изъ Аѳинъ, Діогенъ изъ Синопа, Кратесъ изъ Ѳивъ и другіе) и *киренская* (Аристипъ изъ Кирены, его внукъ млад-

§ 17, 2. шій Аристипъ, Ѳеодоръ атеистъ и др.), такъ *стоическая* (Зенонъ изъ Китіона, Клеантъ, Хризиппъ, далѣе: Сенека, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій и др.) и *эпикурейская* (Эпикуръ, Метродоръ, Гермархъ, Зенонъ изъ Сидона, далѣе Лукрецій и др.). Школы эти смотрѣли на жизнь съ разныхъ точекъ зрѣнія; но, всѣ они признавали житейскія задачи философіи самыми существенными. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю свою практическую тенденцію, представители этихъ школъ не ограничивали своихъ изслѣдованій только жизнью, но доходили до извѣстныхъ *теорій* о цѣли и задачахъ жизни и обосновывали эти теоріи на разборѣ умственныхъ и предметныхъ, субъективныхъ и объективныхъ началъ человѣческаго знанія, т. е. придавали своимъ воззрѣніямъ характеръ *философскій*, и этимъ самымъ невольно доказали, что философія не есть только практическая дѣятельность, но главнымъ образомъ *познаніе* и *уразумѣніе* жизни и міра.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о всѣхъ стремленіяхъ новой философіи къ непосредственному сочетанію проявленій практической, нравственной жизни съ настоящею философіею. Спиноза наименовалъ свое главное сочиненіе *Этикою*, чтобы этимъ указать на *добродѣтель* и *благо*, какъ на конечныя цѣли философіи. Но этическія ученія его въ сущности только выводы изъ его основныхъ воззрѣній на Бога, міръ и человѣка. Томасъ Ридъ ссылался, какъ мы уже видѣли (стр. 68), на *здравый смыслъ* и, признавъ въ немъ начало всей философіи, имѣлъ тоже въ виду родъ житейской мудрости, основывающейся на цѣломъ рядѣ непосредственно ясныхъ и очевидныхъ истинъ Однако и эта философія здраваго смысла имѣетъ философскій характеръ не по поводу своихъ житейскихъ тенденцій, но исключительно на столько. на сколько она связана тѣснѣйшимъ образомъ съ разборомъ ума вообще и въ особенности началъ познанія, слѣдовательно, насколько она имѣетъ характеръ *теоретическій*.

Кантъ, наконецъ, разорвалъ дуалистически начала теоретической и практической дѣятельности человѣка; къ первымъ онъ относился скептически, послѣднимъ довѣрялъ безусловно. Поэтому и положительные результаты его философствованія основываются главнымъ образомъ на требованіяхъ нравственнаго чувства, практическаго разума, ради которыхъ онъ признаетъ истинными идеи, подвергаемыя имъ сомнѣнію съ теоретической точки зрѣнія (см. § 14, 1). Но всѣ эти воззрѣнія не измѣняютъ у Канта существеннаго характера философіи, какъ теоретическаго и критическаго изслѣдованія началъ познанія вообще.

§ 17, 2.

Вышесказанное относится, естественно, и къ многочисленнымъ послѣдователямъ какъ Рида, такъ и Канта по настоящее время. Несмотря на то, что въ своемъ развитіи философія тѣсно соприкасается съ житейскою мудростью (§ 17, 1); несмотря и на то, что требованія нравственнаго чувства входятъ въ составъ всякаго философскаго міровоззрѣнія,—философія, по существу своему, не есть практическая дѣятельность, но теоретическое познаніе, наука.

Можно, конечно, говорить о практическомъ примѣненіи философскихъ взглядовъ къ задачамъ жизни; можно требовать, во имя нравственности, чтобы поступки и вся дѣятельность философа согласовались съ его ученіями; но все это въ сферѣ философіи имѣетъ только *теоретическое* значеніе, разсматривается въ ней только съ точки зрѣнія *истины*. Самая же дѣятельность философа, направленная къ осуществленію этихъ требованій, стремленіе его не къ *познанію* началъ и условій человѣческаго *благосостоянія*, но къ *осуществленію* этого благосостоянія въ жизни, лежитъ уже за предѣлами философіи, какъ философіи, и касается только ея примѣненія къ практикѣ жизни, касается не ученій, но нравственной энергіи философа, его характера Поэтому и значеніе всѣхъ упомянутыхъ выше мыслителей не оцѣнивается въ исторіи философіи съ точки зрѣнія ихъ практической дѣятельности, ихъ личнаго характера, но главнымъ образомъ съ точки зрѣнія содержанія ихъ ученій и ихъ вліянія на развитіе и усовершенствованіе двухъ основныхъ чертъ настоящей философіи: критичности мышленія и стремленія къ образованію общаго міровоззрѣнія (§ 9).

Литература. Данныя, на которыя мы здѣсь ссылаемся, относятся къ *исторіи философіи* вообще, древней и новой, и въ особенности къ *исторіи этики*. Относительно сей послѣдней см. главнымъ образомъ сочиненія по исторіи нравственныхъ теорій, приведенныя въ § 16, 1 *Лит.*

§ 17, 3.

Примѣчаніе 3-ье. Доктринерство и житейскія задачи философа. Сократъ, какъ идеалъ философа въ жизни. Указаніе на существенное различіе между теоріею и практикою, философіею и житейскою мудростью, не исключаетъ, естественно, признанія необходимости ихъ органической связи и взаимнаго пополненія для правильнаго развитія умственной жизни. Напротивъ, связь эта, какъ сказано въ настоящемъ параграфѣ, входитъ непосредственно въ составъ идеала истиннаго философа, какъ человѣка, и составляетъ необходимое условіе какъ его

§ 17, 3. собственнаго блага, такъ и разумной дѣятельности его во внѣшней жизни.

Назначеніе человѣка, идеалъ гуманности, не исчерпывается одною теоретическою дѣятельностью ума, познаніемъ, наукою. Не только нужды и потребности внѣшней жизни, но равнымъ образомъ и умственная и физическая организація заставляютъ человѣка *дѣйствовать*, проявлять свое внутреннее содержаніе внѣшнимъ образомъ, измѣнять внѣшній міръ по требованіямъ ума. Поэтому и самый глубокій мыслитель, слѣдовательно и ученый, философъ, не можетъ и не долженъ оставаться чуждымъ практической дѣятельности.

Всякое ограниченіе умственной жизни одною познавательною функціею, одною теоріею, безъ вниманія къ даннымъ отношеніямъ жизни, влечетъ всегда за собою односторонность, пріостанавливающую нормальное развитіе ума вообще. Раздѣленіе труда, т. е. въ данномъ случаѣ преобладаніе мыслительныхъ и познавательныхъ отправленій ума надъ остальными не должно быть доведено до крайности, ибо тогда человѣкъ перестаетъ быть въ сущности человѣкомъ и становится чѣмъ то въ родѣ мыслительной машины, вырабатывающей разнообразныя, болѣе или менѣе научныя теоріи и гипотезы, но лишенной всякаго общечеловѣческаго значенія. Ученые, философы представляются тогда какъ бы одержимыми мономаніею теоретизировать безъ цѣли и конца. Они забываютъ тогда совершенно, что познаніе, уразумѣніе вещей составляетъ только одно изъ отправленій ума, которое единственно въ органической связи съ остальными исполняетъ свое настоящее назначеніе; они воображаютъ, что все въ мірѣ сводится къ этой одной функціи научнаго изслѣдованія и мышленія и требуютъ, чтобы все подчинялось ей безусловно. Fiat justitia, pereat mundus—это девизъ такихъ односторонніхъ умовъ.

Въ жизни умы такого рода извѣстны подъ названіемъ *доктринеровъ*. Это люди, которые своимъ излюбленнымъ доктринамъ, своимъ, очень часто вполнѣ субъективнымъ ученіямъ, даже утопіямъ, готовы пожертвовать, иногда съ безчеловѣчнымъ хладнокровіемъ, какъ своимъ собственнымъ, такъ и общечеловѣческимъ благосостояніемъ, матеріальнымъ, общественнымъ и религіозно-нравственнымъ. Исторія представляетъ, къ сожалѣнію, многочисленные примѣры такого доктринерства не только на поприщѣ общественныхъ и политическихъ стремленій, но и на поприщѣ научномъ, равно какъ и на поприщѣ эстетическаго творчества.

§ 17, 3.

Въ сферѣ науки, т. е. познавательныхъ стремленій доктринерство принимаетъ преимущественно характеръ односторонняго *формализма*. Не обращая надлежащаго вниманія на жизненныя отношенія и потребности, мышленіе становится въ такомъ случаѣ все болѣе и болѣе безсодержательнымъ и сводится въ концѣ концовъ къ пережевыванію скудныхъ данныхъ отвлеченной умственной дѣятельности по извѣстнымъ, однообразно повторяющимся типическимъ формамъ.

Характеристическимъ образцомъ такого формалистическаго доктринерства, такого разрыва теоретической дѣятельности ума и насущныхъ потребностей жизни могутъ служить богословіе и философія среднихъ вѣковъ, вообще такъ называемая *схоластическая* ученость. Но и новое время до послѣдней поры не свободно вполнѣ отъ подобнаго формалистическаго доктринерства. Оно обнаруживается не только въ области „метафизическаго“ умозрѣнія, какъ думаютъ многіе, но ему подвергаются часто и спеціальныя науки, напр. языковѣдѣніе, археологія, исторія, соціологія, даже естествознаніе, въ которомъ въ новѣйшее время принципы эволюціи, развитія, борьба за существованіе, равно какъ и разныя матеріалистическія предположенія примѣняются очень часто въ духѣ формалистическомъ, ради отвлеченныхъ теоретическихъ соображеній, безъ надлежащаго вниманія къ потребностямъ и фактамъ жизни, не подчиняющей богатства и разнообразія своихъ явленій предвзятымъ доктринамъ.

Доктринеры составляютъ прямую противоположность съ приведенными выше (прим. 1) практическими мудрецами. Если сіи послѣдніе пользуются житейскимъ опытомъ и въ своихъ совѣтахъ выражаютъ благоразумный взглядъ на задачи человѣка среди данныхъ жизненныхъ отношеній; то доктринеры, напротивъ, не знаютъ жизни, пренебрегаютъ фактическими условіями ея развитія, упускаютъ изъ виду ея насущныя, ближайшія потребности и, довѣряя исключительно своимъ теоретическимъ взглядамъ, требуютъ, чтобы жизнь принимала непосредственно видъ, соотвѣтствующій ихъ предвзятымъ теоріямъ. Правда, что упомянутые практическіе мудрецы, погруженные вполнѣ въ частности жизни, какъ мы видѣли, не доходили еще до философскихъ обобщеній, до уразумѣнія началъ, принциповъ житейской дѣятельности вообще; но за то доктринерство есть, такъ сказать, явленіе *сверхъ-философское*, ограничивающееся исключительно одними общими, принципіальными вопросами, съ полнымъ пренебреженіемъ къ частнымъ реальнымъ условіямъ

§ 17, 3. жизни, къ ея своеобразному значенію въ общемъ развитіи человѣческихъ отношеній. Поэтому и дѣятельность доктринеровъ представляетъ обыкновенно очень важныя опасности какъ для матеріальнаго, такъ и для общественнаго благосостоянія человѣчества.

Истинный философъ, несмотря на преобладаніе теоретическихъ, познавательныхъ стремленій въ его умственной жизни, не подвергается однако доктринерству, благодаря соотвѣтственному развитію началъ самой философіи (§ 9).

Итакъ, во 1-хъ, вслѣдствіе критическаго отношенія не только къ чужимъ, но и къ своимъ собственнымъ воззрѣніямъ, истинный философъ не довѣряетъ безусловно своимъ отвлеченнымъ, теоретическимъ соображеніямъ, своей идеологіи; онъ, напротивъ, знаетъ, что жизненныхъ вопросовъ, даже въ теоріи, нельзя рѣшать безъ добросовѣстнаго изученія жизни, что сія послѣдняя должна служить основаніемъ и критическимъ мѣриломъ для оцѣнки теоретическихъ воззрѣній на человѣка, его назначеніе и благосостояніе. Такимъ образомъ, критичность дѣлаетъ философа осторожнымъ въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ и избавляетъ его отъ доктринерскаго упорства, истекающаго главнымъ образомъ изъ догматическаго настроенія ума.

Во 2-хъ, имѣя въ виду общее міровоззрѣніе, стремясь уразумѣть совокупность, соотношеніе и взаимодѣйствіе явленій міра, истинный философъ понимаетъ, что насильственный разрывъ между познавательными отправленіями ума и жизнью, разрывъ между мышленіемъ и дѣйствіемъ, теоріею и практикою, истиною и благомъ, — что вообще всякая односторонность и крайность—нарушаютъ нормальный ходъ умственнаго развитія и подкапываютъ какъ внутреннее душевное спокойствіе человѣка, такъ и внѣшнее благосостояніе его. Вслѣдствіе этого становится очевиднымъ, что универсализмъ и многосторонность, свойственныя философіи, по существу, охраняютъ философа въ жизни отъ той умственной узкости и ограниченности, которая составляетъ одинъ изъ источниковъ доктринерства.

Но истинный философъ не только избѣгаетъ односторонностей доктринерства; онъ доходитъ кромѣ того до *положительнаго* взгляда на свои практическія задачи и до благоразумнаго *исполненія* ихъ въ жизни. Разсмотрѣніе этихъ положительныхъ моментовъ необходимо для надлежащаго рѣшенія вопроса объ отношеніи философіи къ жизни.

Критическое изученіе основныхъ началъ знанія и стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія заставляютъ на-

стоящаго философа дать себѣ ясный отчетъ въ своей естественной и нравственной связи съ окружающею его средою, въ ея значеніи для его собственной индивидуальной жизни, равно какъ въ своихъ обязанностяхъ и задачахъ по отношенію къ этой средѣ. Онъ доходитъ очень скоро до убѣжденія, что онъ, какъ частица болѣе обширнаго цѣлаго (природы, человѣческаго общества и всеобщаго бытія) можетъ усвоить себѣ лично матеріальное, общественное и религіозно-нравственное благосостояніе только при условіи благосостоянія того цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ. Притомъ онъ понимаетъ, что это благосостояніе окружающей его среды, обусловливающее его собственное благосостояніе, осуществляется при его участіи, при помощи дѣятельности, имѣющей въ виду не только частныя потребности его личности, но стремящейся вмѣстѣ съ тѣмъ и къ удовлетворенію всѣхъ тѣхъ потребностей, отъ которыхъ зависитъ благоустройство общаго цѣлаго, какъ совокупности множества отдѣльныхъ частныхъ началъ. § 17, 3.

Приходя такимъ образомъ къ сознанію, что онъ только членъ благоустроеннаго органическаго цѣлаго, исполняющій въ этомъ послѣднемъ извѣстную функцію, мыслитель, философъ развиваетъ и совершенствуетъ въ себѣ естественное чувство своей физической и нравственной зависимости отъ цѣлаго и, подвергая это чувство всестороннему анализу, опредѣляетъ ближе его содержаніе, указываетъ на практическія задачи, истекающія изъ нормальнаго развитія этого чувства и вообще изъ соотношенія личности, какъ части, и міра, какъ цѣлаго.

Чѣмъ всестороннѣе и яснѣе міровоззрѣніе философа, тѣмъ шире и глубже понимаетъ онъ свои практическія, жизненныя задачи, тѣмъ тѣснѣе представляется ему связь между *правами* его личности, высказывающимися въ требованіи, чтобы среда удовлетворяла его индивидуальнымъ потребностямъ, и его *обязанностями*, указывающими на необходимость удовлетворенія требованіямъ окружающей его среды. Разъясненіе соотношенія между этими двумя самыми существенными началами практической дѣятельности, тѣсно связанными съ развитіемъ основныхъ началъ философіи, доводитъ послѣдовательно и до яснаго взгляда на практическія задачи человѣка и до ихъ точнаго опредѣленія.

Философія, слѣдовательно, по существу своему, заключаетъ въ себѣ разъясненіе и опредѣленіе практическихъ задачъ жизни, и поэтому она не ограничивается только негативною

§ 17, 3. критикою жизни, какъ это дѣлаетъ доктринерство, но кромѣ того, принимая во вниманіе реальныя жизненныя отношенія, она стремится и къ положительному опредѣленію многосложныхъ жизненныхъ *задачъ* человѣка, какъ члена природы, общества и міра вообще.

Наконецъ замѣтимъ, что и благоразумное исполненіе въ жизни практическихъ задачъ, уразумѣваемыхъ философомъ теоретически, истекаетъ послѣдовательно изъ нормальнаго развитія основныхъ началъ философіи.

Благодаря философской критичности, настоящій мыслитель признаетъ необходимость провѣрки, такъ называемой *верификаціи* своихъ теоретическихъ воззрѣній. На поприщѣ практическихъ вопросовъ, одно изъ самыхъ важныхъ началъ верификаціи состоитъ въ практическомъ осуществленіи соотвѣтственныхъ взглядовъ на жизнь и ея задачи. Философъ, неосуществляющій въ жизни своихъ собственныхъ взглядовъ на жизнь, расходится не только съ требованіями нравственности, обнаруживая разладъ между теоріею и практикою, мышленіемъ и дѣйствіемъ, идеалами жизни и самою жизнью, но кромѣ того подкапываетъ и въ другихъ довѣріе къ истинѣ своихъ теоретическихъ воззрѣній на жизнь. Въ такомъ случаѣ, онъ вызываетъ и съ чисто теоретической точки зрѣнія упрекъ, что его взгляды на жизнь имѣютъ характеръ до того отвлеченный, расходящійся съ реальными условіями практической дѣятельности, что и самъ онъ не въ состояніи осуществлять ихъ на дѣлѣ, что они въ его собственномъ сознаніи играютъ только роль произвольныхъ произведеній мысли, непримѣнимыхъ къ дѣйствительнымъ отношеніямъ жизни, лишенныхъ возможности оправдать свое содержаніе фактами.

Такимъ образомъ, философъ, мыслитель, независимо отъ развитія своего нравственнаго чувства, поддерживающаго въ немъ органическую связь между идеалами истины и добра, уже какъ философъ, какъ мыслитель не можетъ оставаться равнодушнымъ къ практическому осуществленію своихъ теоретическихъ ученій о жизни и ея задачахъ. Желая, чтобы эти теоретическія ученія были признаны истинными, чтобы они повліяли на другихъ, онъ долженъ непремѣнно собственнымъ своимъ примѣромъ доказать: во 1-хъ, что они вообще осуществимы въ жизни, и во 2-хъ, что ихъ осуществленіе доводитъ дѣйствительно до того благосостоянія, которое они обѣщаютъ въ теоріи. Безъ пополненія теоретическихъ доказательствъ

этою житейскою верификаціею, философскіе взгляды на жизнь и ея задачи не могутъ надлежащимъ образомъ оправдать своего содержанія. § 17, 3.

Понятно, что приведенное практическое подтвержденіе теоретическихъ ученій дѣятельностью самого философа въ жизни не можетъ обнять собою всего разнообразія человѣческихъ отношеній, составляющихъ предметъ теоретическихъ ученій мыслителя. Многое въ нашихъ воззрѣніяхъ на жизнь можетъ быть оправдано только жизненнымъ развитіемъ не отдѣльной личности, но цѣлыхъ обществъ, народовъ и всего человѣчества, осуществленіемъ ихъ практическихъ стремленій и послѣдствіями, вызванными этимъ осуществленіемъ. Но въ этомъ общемъ оправданіи теоретическихъ взглядовъ на жизнь, практическая дѣятельность самого философа, въ его собственныхъ, болѣе или менѣе широкихъ, жизненныхъ отношеніяхъ, имѣетъ очень важное значеніе, и малѣйшее отступленіе его въ жизни отъ собственныхъ ученій указываетъ какъ на отсутствіе внутренней послѣдовательности въ его умственномъ развитіи, такъ и на противорѣчіе его взглядовъ съ непосредственными влеченіями и потребностями практической жизни. Какъ же довѣрять теоретическимъ взглядамъ философа на права и обязанности индивида по отношенію къ природѣ, обществу и міру вообще, т. е. на задачи человѣка, какъ физическаго организма, какъ члена семейства, общества, народа, государства, человѣчества, какъ частицы всеобщаго бытія, если онъ же самъ, философъ, остается равнодушнымъ къ этимъ задачамъ и не исполняетъ ихъ, согласно съ своими собственными указаніями, въ сферѣ своихъ жизненныхъ отношеній? Такимъ обличеніемъ самого себя въ лжи онъ не только вызываетъ противъ себя негодованіе нравственнаго чувства, но становится вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ презрѣнія и съ научной, философской точки зрѣнія, такъ какъ онъ этимъ обнаруживаетъ наглядно слабыя стороны и даже несостоятельность предлагаемыхъ имъ же самимъ ученій. Противорѣчіе съ самимъ собою — самый большой грѣхъ мыслителя, философа — становится въ данномъ случаѣ неоспоримымъ житейскимъ фактомъ и лишаетъ такую личность значенія, на которое она претендуетъ, въ дѣлѣ уразумѣнія жизни и ея задачъ.

Къ добросовѣстному исполненію задачъ практической жизни приводитъ философа равнымъ образомъ и послѣдовательное развитіе второго существеннаго начала философіи, т. е. стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія.

§ 17, 3. Каково бы ни было въ частности содержаніе нашего міровоззрѣнія, оно по существу своему включаетъ человѣка въ общее устройство бытія, смотритъ на него, какъ на одно изъ звеньевъ въ цѣпи міровыхъ явленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее міровоззрѣніе показываетъ, что мыслительное воспроизведеніе дѣйствительности, вообще отвлеченная, идеальная, внутренняя дѣятельность ума, составляетъ только одну сторону общаго бытія человѣка, связанную тѣснѣйшимъ образомъ съ его внѣшнею, реальною, конкретною дѣятельностью въ объективномъ мірѣ. Такимъ образомъ, въ общемъ міровоззрѣніи значеніе человѣка не зависитъ только отъ того, что̀ онъ мыслитъ, но и отъ того, что̀ онъ дѣлаетъ, какъ его мысли осуществляются на практикѣ, вообще, какое участіе человѣкъ принимаетъ въ развитіи міровыхъ событій. Съ этой точки зрѣнія, мысль и самыя возвышенныя и истинныя ученія имѣютъ міровое значеніе только тогда, когда выражаются дѣйствіемъ, когда становятся видимыми и осязательными явленіями реальнаго бытія. Поэтому и естественная энергія мысли стремится сама по себѣ къ практическому осуществленію своего содержанія.

Настоящій философъ, доходящій до своихъ воззрѣній не путемъ искусственнаго насилія въ развитіи мысли, но благодаря жизненной потребности ума уразумѣть міръ и его явленія, не довольствуется однимъ теоретическимъ взглядомъ на жизнь, но поддерживаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и естественное стремленіе къ дальнѣйшему энергическому проявленію своей мысли, слѣдовательно и къ практическому осуществленію ея содержанія. Дѣйствіе, практика есть для него естественное продолженіе ученій, теоріи, необходимое средство для ихъ полнаго, всесторонняго развитія. Отвлеченныя построенія мысли, научныя теоріи касательно жизни служатъ для его личной энергіи только исходною точкою и руководящимъ началомъ при осуществленіи ясно сознанныхъ міровыхъ задачъ.

Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что непосредственное стремленіе къ удовлетворенію индивидуальныхъ, субъективныхъ и эгоистическихъ потребностей философа находитъ соотвѣтственное ограниченіе въ уразумѣніи его отношенія къ окружающей его средѣ и зависимости отъ нея. Сознаніе законнаго соотношенія частныхъ элементовъ міра и ихъ связи между собою въ цѣломъ, истекающее изъ всякаго вообще міровоззрѣнія, заставляетъ настоящаго философа благоразумно исполнять свои практическія задачи, т. е. такъ, чтобы ихъ осуществленіе, и самое энергическое и характерное, не

нарушало, однако, даннаго порядка вещей, а измѣняло бы послѣдній соотвѣтственно идеальнымъ требованіямъ ума только на основаніи законной дѣятельности, органической постепенности, ручающейся за то, что общій порядокъ и общая законность, т. е. стройное сочетаніе частей въ цѣломъ не будутъ устранены ради субъективныхъ соображеній, или даже произвольныхъ иллюзій и утопій единичнаго ума. Отказавшись отъ такого благоразумнаго осуществленія своихъ жизненныхъ задачъ, философъ разорвалъ бы естественную связь между самимъ собою и остальнымъ міромъ и впалъ бы въ новое противорѣчіе съ самимъ собою и съ основами всякаго истинно-философскаго міровоззрѣнія. § 17, 3.

Приведенныя замѣчанія убѣждаютъ насъ, что настоящій философъ, принимая во вниманіе основныя начала философіи и развивая эти начала въ своей умственной жизни, не можетъ упускать изъ виду своихъ практическихъ задачъ, но, напротивъ, доходитъ до ихъ ближайшаго опредѣленія, а вслѣдъ за симъ и до благоразумнаго ихъ исполненія въ жизни. Онъ не будетъ ни одностороннимъ доктринеромъ, довѣряющимъ безусловно отвлеченнымъ принципамъ, ни одностороннимъ практическимъ мудрецомъ, принимающимъ во вниманіе только частныя обстоятельства житейской дѣятельности;—онъ, напротивъ, всею своею практическою дѣятельностью, всею жизнью своею будетъ стремиться къ самодѣятельному, методическому осуществленію естественной связи между мыслью и дѣйствіемъ, между теоріею и практикою, между ученіемъ о жизни и самою жизнью, между истиною и добромъ, между познаніемъ и благосостояніемъ.

Правда, что самое осуществленіе этого *идеала* на дѣлѣ зависитъ отъ многихъ другихъ индивидуальныхъ и всеобщихъ условій, разъясненіе которыхъ составляетъ одну изъ задачъ *этики*. Для насъ же, при опредѣленіи отношенія философіи къ жизни, важно главнымъ образомъ то, что само по себѣ стремленіе къ упомянутому идеалу характеризуетъ истиннаго философа и составляетъ нормальное жизненное проявленіе его умственнаго развитія, въ особенности же развитія основныхъ началъ самой философіи. Благодаря этому стремленію, философъ перестаетъ быть только ученымъ мыслителемъ и становится *человѣкомъ*, принимающимъ живое участіе не только мыслью, но и дѣйствіемъ во всемъ, что касается человѣчества, въ его счастіи и несчастіи, въ его страданіяхъ и надеждахъ, а главнымъ образомъ въ его трудѣ, клонящемся къ удовлетворенію мно-

§ 17, 3. гостороннихъ потребностей его физическаго и умственнаго бытія. Въ этомъ смыслѣ истинный философъ осуществляетъ въ своихъ теоретическихъ и практическихъ стремленіяхъ основное требованіе *гуманизма*, высказанное въ прекрасныхъ словахъ Теренція: *Homo sum, humani nihil a me alienum puto.*

Вышесказанное (§ 16 и 17) заключаетъ въ себѣ всѣ моменты, изъ которыхъ слагается *идеалъ истиннаго философа въ жизни.* Вмѣсто того, однако, чтобы развить этотъ идеалъ въ однихъ только отвлеченныхъ чертахъ, мы окончимъ настоящее разсмотрѣніе отношенія философіи къ жизни представленіемъ историческаго воплощенія этого идеала въ лицѣ Сократа.

Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ знающихъ исторію философіи не станетъ оспаривать того что Сократъ, въ томъ видѣ, въ какомъ Ксенофонтъ и Платонъ рисуютъ его личность, останется навсегда самымъ совершеннымъ образцомъ истиннаго философа въ жизни; образцомъ добросовѣстнаго изслѣдователя ума человѣческаго и міра, стремящагося къ познанію истины ради самой истины, возобладавшаго вполнѣ самимъ собою и внѣшними условіями жизни, согласующаго всегда свои поступки со своими убѣжденіями, свободнаго отъ тчеславія, независимаго отъ господствующихъ мнѣній и партій, но притомъ отъ души преданнаго общественному благу, нравственному и умственному усовершенствованію самого себя и своего народа.

Вотъ главныя черты характера Сократа, какъ философа, по свидѣтельству упомянутыхъ учениковъ его.

Начиная самостоятельно размышлять о предметахъ, Сократъ ознакомился съ сочиненіями выдающихся писателей Эллады, равно какъ съ ученіями философовъ до его времени. Кромѣ того онъ усвоилъ себѣ знанія и по другимъ наукамъ, въ особенности по математикѣ и астрономіи, притомъ не пренебрегалъ изученіемъ и поэзіи, и музыки. Чтобы ознакомиться ближе съ грамматикою и краснорѣчіемъ онъ посѣщалъ лекціи софиста Продика, обнаруживавшаго въ своихъ рѣчахъ строго нравственныя тенденціи. Знаменитая рѣчь послѣдняго, заключающая въ себѣ общеизвѣстный разсказъ о юномъ Гераклѣ, вынужденномъ на распутіи жизни выбирать между добродѣтелью и порокомъ, произвела на молодаго Сократа глубокое впечатлѣніе и онъ впослѣдствіи часто упоминаетъ о ней, какъ объ образцѣ нравственнаго увѣщанія молодымъ людямъ.

Несмотря на свою наклонность къ философствованію; несмотря на то, что уразумѣніе самого себя и своихъ отношеній къ другимъ и къ міру онъ признавалъ главною задачею своей

жизни; несмотря, наконецъ, и на то, что къ разрѣшенію этой задачи онъ стремился со всею добросовѣстностью и энергіею, Сократъ не предавался одностороннему, аскетическому умозрѣнію. Напротивъ, онъ любилъ общество людей, бесѣдовалъ охотно съ друзями и отличался въ ихъ средѣ всегда веселымъ нравомъ и юморомъ. Равнымъ образомъ, онъ не упускалъ изъ виду своихъ общественныхъ обязанностей. Какъ гражданинъ онъ во время пелопоннезской войны, имѣя уже сорокъ лѣтъ отъ роду, участвовалъ въ осадѣ Потидеи и спасъ жизнь раненному Алкивіаду. Восемь лѣтъ спустя, онъ присутствовалъ въ битвѣ при Делiонѣ, въ которой Алкивіадъ въ свою очередь защитилъ своего учителя отъ непріятельскихъ ударовъ. Кромѣ того Сократъ находился и въ сраженіи при Амфиполисѣ, и во всѣхъ этихъ походахъ отличался необыкновеннымъ мужествомъ и доблестью. Старый воинъ и полководецъ Лахесъ, который видѣлъ Сократа при Делiонѣ, сказалъ о немъ своему другу: „Я увѣряю тебя, что если бы всѣ были такими, какъ онъ, отечество было бы счастливо и мы не претерпѣли бы столь жестокихъ пораженій.“ § 17, 3.

Въ политическихъ дѣлахъ Сократъ не принималъ прямаго участія, не желая отвлекать себя отъ главной задачи своей жизни; но онъ совѣтовалъ своимъ ученикамъ и собесѣдникамъ имѣть добросовѣстное попеченіе о законномъ устройствѣ государства, о разнообразныхъ учрежденіяхъ его и самъ, безъ вниманія къ личнымъ интересамъ, и безъ всякихъ опасеній, выступалъ противъ господствующихъ политическихъ партій, какъ демократовъ, такъ и олигарховъ, если это оказывалось необходимымъ для истиннаго блага согражданъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его энергическая рѣчь, въ качествѣ члена аѳинскаго совѣта пятисотъ, въ защиту десятиполководцевъ, руководившихъ морскимъ сраженіемъ при Аргинузахъ, отъ взволнованнаго демагогами народа, равно какъ и рѣчи его, произнесенныя передъ судомъ во время уголовнаго процесса, возбужденнаго противъ него врагами. Изъ уваженія къ закону онъ и подчинился несправедливому смертному приговору и отвергъ безусловно всякія предложенія друзей спасти свою жизнь бѣгствомъ. Но за то, въ сознаніи своего личнаго достоинства, онъ отказался просить у судей милости и, рѣшившись выпить чашу съ ядомъ, счелъ своею обязанностью высказать народу еще разъ передъ смертью всю горькую правду, дабы указать ему единственный путь къ благополучію въ будущемъ. Защищаясь отъ несправедливыхъ обвиненій, Сократъ между прочимъ сказалъ: „Всю

§ 17, 3. свою жизнь я посвятилъ размышленіямъ объ истинѣ и добродѣтели, о благѣ и справедливости; я дѣлалъ добро и избѣгалъ зла, и въ этомъ состоитъ вся моя защита.“ „Я не дѣлалъ, аѳиняне, ничего иного, но убѣждалъ только молодыхъ и старыхъ среди васъ не заботиться столь усердно ни о тѣлѣ, ни о богатствахъ, но имѣть какъ можно больше попеченіе о душѣ и ея усовершенствованіи. Я училъ васъ, что добродѣтель не вытекаетъ изъ богатствъ, но, что, напротивъ, богатство и всѣ прочія блага какъ частной, такъ и общественной жизни вытекаютъ изъ добродѣтели“... „И если бы вы мнѣ сказали: „Сократъ, мы уволимъ тебя, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты отказался отъ своихъ изслѣдованій и впредь уже не философствовалъ, въ противномъ случаѣ, ты умрешь,“ то я отвѣтилъ бы вамъ: „Мужи, я васъ уважаю и люблю, но я буду послушнымъ Богу, а не вамъ, и не перестану предаваться мудрости и поощрять васъ къ ней, пока я живу, пока у меня для этого хватитъ силъ...“ „Поэтому, освободите ли вы меня, или нѣтъ, я не стану поступать иначе, даже если бы мнѣ и пришлось умереть много разъ...“ „Я не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказалъ, что о смерти я вовсе не забочусь, но меня единственно и прежде всего озабочиваетъ то, чтобы я не совершилъ никакого несправедливаго или безнравственнаго поступка“... „Я вѣрю, аѳиняне, въ Бога болѣе, чѣмъ кто либо изъ моихъ обвинителей, и поэтому я предоставляю Богу и вамъ судить меня такъ, какъ это будетъ наилучше для меня и для васъ.“

Послѣ смертнаго же приговора Сократъ обратился къ народу съ слѣдующими словами: „Если вы думаете, аѳиняне, что лишая людей жизни, вы удержите кого либо отъ поношенія васъ въ томъ, что вы не живете какъ слѣдуетъ, то вы ошибаетесь. Такая защита не возможна, притомъ не благородна; напротивъ, самая честная и легкая защита заключается въ томъ, что бы не угнетать другихъ, а работою надъ самимъ собою быть какъ можно лучшимъ“... „Впрочемъ, я только объ одномъ молю васъ, мужи,—когда мои сыновья возмужаютъ, отомстите имъ за то, что я вамъ дѣлалъ; мучьте ихъ такъ, какъ я васъ мучилъ; если вы увидите, что они заботятся о богатствѣ или о чемъ либо другомъ болѣе, чѣмъ о добродѣтели, и если они подумаютъ высоко о себѣ, не будучи однако ничѣмъ, укоряйте ихъ за то, какъ я васъ укорялъ, и покажите имъ, что они не заботятся о томъ, о чемъ должны заботиться, что считаютъ себя за нѣчто, хотя въ сущности не имѣютъ ничего достойнаго. Отомстивъ такимъ образомъ моимъ сыновьямъ, вы учините провосудіе и мнѣ,

и имъ. — Но теперь пора разойтись; я ухожу, чтобы умереть, вы — чтобы жить. Но кто изъ насъ отправляется на лучшее дѣло, вы или я, это неизвѣстно никому, кромѣ одного Бога." § 17, 3.

Когда одинъ изъ друзей высказалъ Сократу сожалѣніе по поводу его невинной смерти, онъ сказалъ: „развѣ ты былъ бы болѣе довольнымъ, если бы я умеръ виновнымъ."

Мы не имѣемъ повода излагать здѣсь философскія ученія Сократа и представлять подробно его педагогическую дѣятельность среди аѳинскаго народа. Но для его характеристики, какъ философа, укажемъ здѣсь только еще на слѣдующіе моменты.

Къ важному дѣлу обученія другихъ Сократъ приступилъ только въ зрѣломъ, возмужаломъ возрастѣ, дошедши уже до совершенно яснаго, всесторонне развитого и законченнаго міровоззрѣнія. Притомъ, несмотря на всѣ свои знанія и житейскую опытность, онъ отличался простосердечною скромностью и сознавалъ какъ нельзя лучше всю ограниченность и даже ничтожность человѣческихъ познаній вообще и своихъ собственныхъ въ особенности. Свою главную заслугу онъ видѣлъ именно въ томъ, что онъ сознавалъ свое незнаніе, между тѣмъ какъ многіе другіе, знавшіе вовсе не больше его, гордились своими мнимыми знаніями. Одно только было для него несомнѣннымъ и послужило исходною точкою всѣхъ его воззрѣній на міръ и жизнь—это именно то, что мыслящій человѣкъ долженъ стремиться прежде всего къ уразумѣнію самого себя и къ возможному удовлетворенію умственныхъ и нравственныхъ потребностей своего духа. „Самое позорное невѣжество, сказалъ онъ, есть думать, что знаешь то, чего не знаешь"... „Но я знаю навѣрное, что дурно и постыдно быть несправедливымъ и отказываться отъ повиновенія тому, кто наилучше, будь онъ Богъ или человѣкъ." Въ этомъ духѣ онъ и утверждалъ, что наибольшее благо для человѣка въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы ежедневно бесѣдовать о добродѣтели и изслѣдовать самаго себя и другихъ. Безъ этого, по мнѣнію Сократа, не стоило бы и жить.

Въ этой внутренней потребности развивать свои взгляды на задачи и значеніе жизни въ живой бесѣдѣ совмѣстно съ другими обнаруживается и настоящее начало педагогической дѣятельности Сократа, тѣсно связанной съ его философскимъ характеромъ. Каждая изъ его бесѣдъ служитъ наглядным доказательствомъ, съ одной стороны, его остроумія и глубокомыслія, его умѣнія вникать въ сущность изучаемыхъ предметовъ и рѣшать самые трудные вопросы помощью самыхъ простыхъ

§ 17, 3. средствъ, а съ другой стороны, свидѣтельствуетъ о его сердечномъ религіозно-нравственномъ чувствѣ, имѣющемъ всегда и вездѣ въ виду истинное благо какъ единичныхъ людей, друзей и противниковъ, такъ и благо общества.

Сократъ бесѣдовалъ обо всемъ, что только могло возбудить интересъ мыслящаго человѣка, но стремился разъяснить каждый предметъ въ предѣлахъ, доступныхъ для ума человѣческаго, и при томъ всѣ его взгляды сводились всегда къ одному общему знаменателю — къ признанію дѣйствія какъ въ мірѣ, такъ и въ умѣ болѣе совершеннаго, въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ начала и къ упомянутому выше повиновенію этому началу. Что же касается собѣсѣдниковъ, то Сократъ проникнутъ былъ по отношенію къ каждому изъ нихъ искреннимъ человѣколюбіемъ и не дѣлалъ между ними никакаго другого различія, кромѣ того, которое истекало изъ оцѣнки ихъ внутренняго достоинства. Онъ разсуждалъ съ нищимъ совершенно также какъ съ богачемъ, съ простолюдиномъ также какъ съ знаменитѣйшими гражданами Аѳинъ. Въ каждомъ изъ нихъ онъ уважалъ человѣка и преслѣдовалъ равномѣрно тѣхъ и другихъ своею непреодолимою логикою, равно какъ и своимъ жгучимъ сарказмомъ, безпощадно предавая ихъ публичной насмѣшкѣ и презрѣнію только тогда. когда они сознательно отступали отъ непосредственныхъ требованій логическаго и нравственнаго чувства, отъ чувства правды и добра. Поэтому онъ могъ справедливо сказать аѳинянамъ, что онъ какъ бы родной отецъ или старшій братъ, согласно своимъ знаніямъ и умѣнію, содѣйствовалъ въ познаніи истины и въ усвоеніи добродѣтели каждому, кто только обращался къ нему за совѣтомъ. И все это онъ не дѣлалъ по какому либо расчету или изъ честолюбія, но исключительно изъ преданности дѣлу, изъ чистой любви къ истинѣ, изъ сердечнаго уваженія къ божественнымъ началамъ человѣческаго духа.

Въ Сократѣ соединились гармонически глубокомысленный изслѣдователь и благоразумный общественный дѣятель и поэтому не удивительно, что онъ снискалъ себѣ искреннѣйшую любовь и уваженіе не только такого умозрительнаго мыслителя, какъ Платонъ, но и такого практическаго мужа, полководца и историка, какъ Ксенофонтъ. Послѣдній слѣдующими словами оканчиваетъ характеристику великаго мудреца, написанную нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти. „Всѣ знающіе Сократа, говоритъ онъ, каковъ онъ былъ, всѣ любящіе добродѣтель и теперь еще безпрестанно сожалѣютъ о немъ. Что же касается

меня, то я совершенно увѣренъ, что онъ былъ таковъ, какъ я его описалъ, т. е. до того благочестивъ, что ничего безъ совѣта боговъ не дѣлалъ, до того справедливъ, что никому ни въ чемъ зла не причинялъ, напротивъ, всѣмъ, кому только могъ, помогалъ; далѣе до того былъ воздержанъ, что никогда ничего пріятнаго не предпочиталъ честному, до того благоразуменъ, что въ распознаваніи добра и зла никогда не ошибался. Кромѣ того, Сократъ болѣе всѣхъ другихъ былъ способенъ изъяснить всѣмъ эти добродѣтели, равно какъ испытать людей, впавшихъ въ погрѣшности и указать имъ истинный путь добродѣтели и честности. Поэтому, я долженъ сказать, что Сократъ былъ добродѣтельнѣйшій и полезнѣйшій изъ людей въ мірѣ. А если кто либо не согласенъ въ томъ со мною, тотъ пусть сравнитъ его нравы съ нравами, жизнью и смертью другихъ, и тогда уже перестанетъ сомнѣваться въ томъ, что я говорю правду.“ § 17, 3.

Сократъ, въ самомъ дѣлѣ, не былъ образцомъ теоретическаго ученаго, преданнаго исключительно своимъ отвлеченнымъ, сверхъ-житейскимъ изслѣдованіямъ; но когда идетъ рѣчь о томъ, какъ согласовать *въ жизни* поступки съ убѣжденіями, какъ *практическою дѣятельностью* удовлетворить влеченіямъ критическаго ума въ связи съ требованіями нравственнаго чувства, какъ исполнять совмѣстно обязанности независимаго мыслителя и хорошаго гражданина,—однимъ словомъ, когда идетъ рѣчь о характерѣ истиннаго философа,—тогда личность Сократа выступаетъ всегда на первый планъ, какъ идеалъ достойный подражанія по настоящее время.

Литература. Съ личностью Сократа знакомятъ насъ главнымъ образомъ Ксенофонта *Memorabilia* (ἀπομνημονεύματα Σωκράτους) и *Convivium* (συμπόσιον φιλοσόφων), равно какъ и Платона *Apologia*. *Memorabilia* Ксенофонта передаютъ какъ нельзя вѣрнѣе „ежедневные разговоры“ Сократа. Въ ксенофонтовомъ *Симпозіонѣ* Сократъ въ веселомъ обществѣ друзей бесѣдуетъ о красотѣ и любви. Приписываемая Ксенофонту *Апологія*, имѣющая предметомъ разъясненіе вопроса, почему Сократъ не хотѣлъ просить милости у своихъ судей, признается критиками почти единогласно неподлинною. Платонова же *Апологія*, по мнѣнію такихъ критиковъ, какъ Schleiermacher, Ueberweg, Grote и др. есть не поэтическое произведеніе, характеризующее отношеніе Сократа къ аѳинянамъ только подъ видомъ рѣчей, произнесенныхъ Сократомъ передъ судомъ, — какъ многіе утверждаютъ, — но кажется воспроизводитъ по возможности вѣрно подлинныя слова Сократа и поэтому можетъ служить лучшимъ пособіемъ для его характеристики.— Въ діалогахъ Платона, въ самомъ дѣлѣ, философія Сократа не представляется намъ въ своемъ настоящемъ историческомъ видѣ, потому, что Платонъ высказывалъ по большей части словами Сократа свои собственныя ученія. Но есть діалоги Платона, изъ которыхъ можно почерпать несомнѣнныя исто-

§ 17, 3. рическія данныя касательно Сократа, какъ напр. *Критонъ*, заключающій въ себѣ разсказъ о томъ, какъ Сократъ отвергалъ предложенія друзей спастись бѣгствомъ, или *Федонъ*, въ которомъ приводится разговоръ Сократа о безсмертіи души непосредственно передъ его смертью и др. Кромѣ того свидѣтельство Ксенофонта и Аристотеля представляетъ намъ возможность довольно точно отличить въ діалогахъ Платона настоящія ученія Сократа отъ добавленій Платона. См. *Xenophontis opera* ed. G. Sauppe 1865.—*Platonis opera* ed G Stallbaum 1833.—Въ новѣйшее время *Memorabilia* Ксенофонта переведъ на русскій языкъ К. Гальберштадтъ, 1886; *Апологію* же Платона К. Данильченко. 1884.

Въ пополненіе выше представленной характеристики Сократа, равно какъ ученій житейской мудрости древнѣйшихъ мыслителей человѣчества (въ 1-омъ примѣчаніи) укажемъ здѣсь на нѣкоторыя классическія сочиненія, имѣющія предметомъ какъ отношеніе философа къ жизни вообще, такъ и въ особенности его личный характеръ.

L. Annaus Seneca, воспитатель и совѣтникъ, а въ концѣ жертва Нерона (ум. 65 г по Р. Хр.), *De constantia sapientis*, *De providentia*, *De brevitate vitae*, *De animi tranquillitate*, *De otio et secessu sapientis*, и въ особенности его *Epistolae moralis ad Lucilium*.—*Opera* ed Haase. 1852. 3 тома.—Русскій переводъ *Писемъ* Сенеки изданъ ред. журнала *Вѣра и Разумъ*. 1884. Сенека имѣетъ главнымъ образомъ въ виду представить въ своихъ сочиненіяхъ *идеалъ* истиннаго мудреца въ духѣ стоическаго ученія (см. выше стр. 62 и 223). Добродѣтель есть для философа высшее и единственное благо. Она дѣлаетъ его независимымъ какъ отъ своихъ собственныхъ страстей, такъ и отъ измѣнчивыхъ случайностей судьбы. Добродѣтель поддерживаетъ уваженіе философа къ самому себѣ, его сознаніе личнаго достоинства и этимъ становится неизсякаемымъ источникомъ самаго высшаго, внутренняго счастія. Мудрецъ въ этомъ отношеніи превышаетъ даже самого Бога, потому, что Богъ мудръ по природѣ своей, человѣкъ же пріобрѣтаетъ себѣ мудрость самодѣятельною, свободною энергіею (est aliquid quo sapiens antecedat Deum; ille naturae beneficio, non suo sapiens est).

Epictetus Hieropolitanus (Ἐπίκτητος), родился во Фригіи, въ Малой Азіи и былъ долгое время въ Римѣ невольникомъ жестокаго Эпафродита, освобожденнаго невольника, занимавшаго высокую должность при дворѣ Нерона. Освобожденный отъ невольничества Эпиктетъ, вмѣстѣ съ многими другими философами, былъ изгнанъ изъ Рима, и въ 94 г. по Р. Хр., переселившись въ Никополь, въ Эпирѣ основалъ здѣсь философскую школу. Сократъ былъ его образцомъ какъ въ жизни, такъ и въ педагогической дѣятельности. Подобно Сократу, онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ сочиненій. Но ученикъ его Арріонъ, котораго можно назвать Ксенофонтомъ Эпиктета, сопоставилъ вѣрно его ученіе въ сочиненіяхъ: Διατριβαί, и Ἐγχειρίδιον Ἐπικτήτου (*Dissertationes* и *Manuale Epicteti*). Изъ восьми книгъ перваго соч. дошло до насъ только четыре. Второе же сочиненіе какъ уже показываетъ заглавіе, есть краткое руководство, представляющее въ сжатомъ видѣ, въ видѣ афористическихъ изреченій содержаніе перваго сочиненія. Изд. J. Schweighäuser. 1800. Эпиктетъ придерживается тоже стоической этики; но онъ пополняетъ идеалъ философа нѣсколькими очень важными чертами. По его взгляду истинный философъ долженъ: 1) ознакомиться съ ученіями предшествующихъ ему философовъ, 2) разобрать эти ученія, чтобы убѣдиться на сколько они вѣрны, и наконецъ, 3) жить согласно требованіямъ вѣрныхъ ученій. Послѣднее са-

§ 17, 3.

мая важная и самая трудная задача философа. Она разрѣшима только на основаніи внутренней свободы философа, его независимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни. Этой свободы, въ свою очередь, мы достигаемъ только тогда, когда ясно сознаемъ, что однѣ вещи находятся въ нашей власти, а другія не находятся въ нашей власти (τῶν ὄντων τὰ μέν ἐστιν ἐφ' ἡμῖν, τὰ δὲ οὐκ ἐφ' ἡμῖν). Нашей власти подлежатъ только наши мысли и стремленія. Истинный философъ господствуетъ надъ ними и руководитъ ими при помощи своего разума; все же остальное, независящее отъ его самодѣятельности — тѣло, богатства, почести и т. п. онъ презираетъ и въ этомъ состоитъ его свобода Онъ свободенъ и въ оковахъ, между тѣмъ настоящимъ рабомъ является тотъ, кто не господствуетъ надъ самимъ собою, хотя бы онъ и владѣлъ всѣмъ міромъ. Поэтому, добродѣтелью Эпиктетъ называетъ дѣйствіе, соотвѣтствующее истинной природѣ человѣческаго духа. Терпѣливость же и воздержаніе—самыя высшія добродѣтели; философъ постоянно долженъ повторять себѣ: *переноси и воздерживайся* (ἀνέχου καὶ ἀπέχου). Притомъ, Эпиктетъ проникнутъ глубоко религіознымъ чувствомъ, напоминающимъ иногда ученія христіанства. Богъ проникаетъ все (ὁ θεὸς ἔνδον ἐστὶ). Онъ живетъ въ каждомъ человѣкѣ. Онъ есть отецъ всѣхъ людей Міръ составляетъ одно большое семейство; каждый человѣкъ членъ этого семейства. Истинный философъ въ сущности посланникъ Бога, содѣйствующій людямъ уразумѣть и развивать божественное начало ихъ духа. Но этого онъ достигаетъ не однимъ теоретическимъ ученіемъ, но дѣйствіемъ на ихъ нравственное чувство, на исправленіе ихъ жизни.

Marcus Aurelius Antoninus, римскій императоръ, философъ на престолѣ (ум. въ 180 г. по Р Хр.) написалъ подъ конецъ своей жизни на греческомъ языкѣ *Разговоры съ самимъ собою*—Τὰ εἰς ἑαυτόν, *Meditationes*, ed. J. Stich, 1882. Русскій переводъ: *Размышленія о томъ, что важно для самого себя.* 1888. Идеалъ философа у Марка Аврелія отступаетъ уже отъ первоначальной стоической строгости и сочетается съ сердечнымъ человѣколюбіемъ и снисхожденіемъ къ недугамъ людей. Злые суть злы только по незнанію: на нихъ нечего сердиться, ихъ слѣдуетъ просвѣщать. Задача философа — убѣдить каждаго поученіемъ и жизнью, что добродѣтель сама по себѣ есть благо и счастіе. Глазъ не требуетъ вознагражденія за то, что онъ смотритъ, ни нога за то, что ходитъ, говоритъ Маркъ Аврелій. равнымъ образомъ и философъ, безъ всякихъ посторонннхъ соображеніи, находитъ полное удовлетвореніе въ одномъ исполненіи своихъ обязанностей, въ одной добродѣтели. Въ немъ дѣйствуетъ и проявляется божественный разумъ, и въ этомъ заключается причина его постояннаго внутренняго удовольствія. Смерть не пугаетъ его; онъ видитъ въ ней только одно изъ явленій всеобщей жизни, — переходъ къ высшему совершенству и счастію.

Anicius Manlius Severinus Boethius, приближенный готскаго короля Теодориха, казненный въ 525 г. по Р. Хр., написалъ въ тюрьмѣ, въ Павіи, соч. *De consolatione philosophiae* (изд. R. Peiper. 1871). Боэцій былъ новоплатоникомъ, однимъ изъ послѣднихъ представителей древней философіи. Его *Утѣшеніе философіей* основывается на доказательствѣ, что судьбами людей руководитъ божественное провидѣніе. Несчастія, которыя постигаютъ человѣка, имѣютъ цѣлью его усовершенствованіе. Сознавая это, истинный философъ не можетъ никогда чувствовать себя несчастнымъ. Напротивъ, онъ во всемъ видитъ дѣйствіе самого Бога и, подчиняясь ему, становится все болѣе и болѣе совершеннымъ и богоподобнымъ. Поэтому и усвоеніе себѣ

§ 17, з. божественности (adeptio divinitatis) Боэція признаетъ послѣднею цѣлью и высшимъ благомъ истиннаго мудреца.

Съ распространеніемъ христіанства въ житейской морали идеалъ философа уступалъ все болѣе и болѣе мѣсто идеалу христіанина.

Здѣсь слѣдуетъ вспомнить о новѣйшемъ соч. R. Eucken'a *Die Lebensanschauungen der grossen Denker*, 1890. Это обозрѣніе взглядовъ великихъ мыслителей на жизнь есть въ сущности очень интересная и поучительная исторія житейскихъ идеаловъ человѣчества отъ временъ Платона до нашего времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МЕТОДЪ И ПОСОБІЯ ФИЛОСОФІИ.

1. О философскомъ методѣ вообще.

§ 18.

Необходимость вопроса о методѣ философіи и его значеніе.

§ 18. Разъяснивъ предметъ и характеристическія черты философіи (гл. I-ая) и ея отношеніе къ наукѣ, къ творчеству и къ жизни (гл. II-ая), мы дошли до уразумѣнія основныхъ задачъ философіи, какъ науки, изслѣдующей всеобщія начала знанія, умственныя и предметныя, съ цѣлью объяснить частныя явленія бытія съ точки зрѣнія этихъ всеобщихъ началъ (§ 8). Теперь слѣдуетъ подвергнуть общему разбору тѣ способы научныхъ изслѣдованій, которыми философія пользуется, и разсмотрѣть тѣ вспомогательныя средства, которыя оказываются необходимыми для разрѣшенія ея задачъ.

Способы изслѣдованія даннаго предмета называются *методомъ* (отъ μέθοδος=дорога); всѣ же вспомогательныя средства для его изученія объединяются въ понятіи *пособій*. Вслѣдствіе этого наша настоящая задача сводится къ опредѣленію *метода и пособій философіи*.

Примѣчаніе I-ое. Значеніе вопроса о методѣ въ философіи. Всякое научное изслѣдованіе развивается по извѣстному направленію и разрѣшаетъ свои задачи при помощи извѣстныхъ средствъ, т. е. всякое научное изслѣдованіе пользуется извѣстнымъ методомъ и пособіями. Но въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ области спеціальныхъ наукъ, изслѣдователь приступаетъ непосредственно къ изученію своего предмета, безъ предварительнаго разбора вопроса о методѣ и о пособіяхъ. Вопросъ этотъ разрѣшается обыкновенно, такъ сказать, самъ по себѣ научною традиціею и научнымъ образованіемъ изслѣдователя (§ 3, 1). Только при изученіи особенно трудныхъ вопросовъ, не разрѣшимыхъ при помощи обыкновенныхъ средствъ и пособій, изслѣдователь, по необходимости, стремится отыскать новые способы изученія своего предмета, съ цѣлью устранить или преодолѣть встрѣчаемыя трудности. Но такъ какъ сознаніе подобныхъ трудностей рождается только вслѣдствіе предварительныхъ безуспѣшныхъ попытокъ, т. е. путемъ опыта и влечетъ за собою обыкновенно изобрѣтеніе новыхъ методовъ изслѣдованія, передаваемыхъ, въ свою очередь, молодому поколѣнію изслѣдователей при помощи научной традиціи и образованія, то въ области спеціальныхъ наукъ вопросъ о методѣ разрѣшается обыкновенно догматически, и вообще, въ виду непосредственной практики изслѣдователя, играетъ роль второстепенную. § 18, 1.

Въ совершенно иномъ видѣ представляется вопросъ о методѣ на поприщѣ *философіи*. Принципъ критичности не позволяетъ философіи приступать къ изученію ея предмета безъ предварительнаго разбора основныхъ началъ этого изученія, т. е. безъ разбора вопроса о методѣ и пособіяхъ философскаго изслѣдованія вообще (§ 9, 1). Догматическое разрѣшеніе этого важнаго вопроса въ томъ или другомъ духѣ придаетъ всему дальнѣйшему ходу философской мысли опредѣленное направленіе и вліяетъ такимъ образомъ непосредственно на характеръ и содержаніе будущихъ результатовъ философскихъ изслѣдованій. Желая, слѣдовательно, избѣгнуть всякихъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, предрѣшеній будущаго изслѣдованія, истинный философъ, какъ критическій мыслитель, давъ себѣ отчетъ въ предметѣ философіи и ея отношеніи къ другимъ явленіямъ умственной жизни, долженъ прежде дальнѣйшаго изученія своего предмета заняться разборомъ метода и пособій этого изученія. Безъ разрѣшенія этого вопроса пришлось бы изслѣдователю подчиниться случайнымъ вліяніямъ, руководствоваться

§ 18, 1 тѣми или другими традиціонными воззрѣніями, безъ самостоятельнаго уразумѣнія ихъ настоящаго значенія и въ противорѣчіи съ основными требованіями философской критики. И въ самомъ дѣлѣ, философія, не разсматривающая въ основной подготовительной наукѣ вопроса о своемъ методѣ изслѣдованія и о своихъ пособіяхъ, отрекается съ самаго начала отъ своего критическаго характера и развиваетъ затѣмъ свое содержаніе ощупью, подъ вліяніемъ постороннихъ началъ, безъ яснаго понятія о цѣли своихъ изслѣдованій и о путяхъ, ведущихъ къ ней.

Литература. Вопросъ о *методѣ философіи* разсматривается въ общихъ чертахъ въ большинствѣ приведенныхъ выше сочиненій по *введенію въ философію* и по *энциклопедіи философскихъ наукъ* (см. § 1, 3, 1, 2, 2, 3 *Лит.*).

Какъ спеціальное изслѣдованіе по этому предмету, первенствующее мѣсто занимаетъ разсужденіе Декарта *О методѣ*. Мы упомянули о немъ уже нѣсколько разъ и главнымъ образомъ на стр. 76, говоря о *сомнѣніи*, какъ исходной точкѣ философской критики, и на стр. 236, разсматривая нравственныя начала философствованія. Въ настоящее время представимъ здѣсь методологическія правила Декарта, къ которымъ онъ стремился свести существенное содержаніе логики. Эти правила, изложенныя во второй книгѣ его разсужденія, слѣдующія. 1) Принимать за истинное лишь то, что̀ съ очевидностью познается умомъ таковымъ, т. е. избѣгать поспѣшности и предубѣжденія и принимать къ сужденію лишь то, что̀ представляется такъ ясно и раздѣльно уму, что никакимъ образомъ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. 2) Дробить каждую изъ трудностей, какія умъ разбираетъ, на столько частей, сколько только можно, дабы ихъ лучше разрѣшить. 3) Всякія мысли по порядку начинать съ предметовъ простѣйшихъ и легчайшихъ и восходить мало по малу, какъ по ступенямъ, до познанія болѣе сложныхъ, допуская, что есть порядокъ даже между такими, которые естественно не предшествуютъ одни другимъ. 4) Дѣлать всюду перечни столь полные и обзоры столь общіе, чтобы быть увѣреннымъ, что ничего не опущено. См. приведенный выше переводъ Н. А. Любимова, стр. 46 и слѣд.

Novum organum Бэкона (см. выше стр. 4) излагаетъ главнымъ образомъ начала наведенія, или индукціи въ познаніи вещей, и въ этомъ заключается преимущественно его методологическое значеніе, относящееся болѣе къ спеціальнымъ опытнымъ изслѣдованіямъ, чѣмъ къ философіи вообще, какъ критическому изученію основныхъ началъ человѣческаго знанія. Тѣмъ не менѣе и съ этой критической точки зрѣнія заслуживаетъ особаго вниманія ученіе Бэкона о человѣческихъ заблужденіяхъ, называемыхъ имъ *идолами* (idolae), изложенное въ I-ой книгѣ *Органона*. Бэконъ исчисляетъ четыре вида идоловъ, а именно. *идолы рода*, *пещеры*, *рынка и театра* (idola tribus, specus, fori et theatri). Къ первымъ принадлежатъ заблужденія, истекающія изъ самой натуры человѣческаго рода. Они основываются на ложномъ мнѣніи, что человѣкъ мѣра всѣхъ вещей (положеніе, высказанное софистомъ Протагоромъ); между тѣмъ, по Бэкону, умъ человѣческій похожъ на зеркало съ неровною поверхностью, смѣшивающее свою природу съ природою отражающихся въ немъ предметовъ. Идолы *пещеры*—это индивидуальныя заблужденія, когда человѣкъ, по мѣткому выраженію Гераклита, ищетъ науку

§ 18, 1.

не въ великомъ, всеобщемъ мірѣ, но въ маломъ мірѣ своихъ личныхъ вкусовъ и односторонних мнѣній, образующихъ родъ пещеры, въ которую свѣтъ истины не проникаетъ. Заблужденія *рынка* истекаютъ изъ злоупотребленія *словами*, обращающимися на рынкѣ жизни. Замѣняя предметы словами, многіе довольствуются господствующими темными опредѣленіями словъ, вмѣсто того, чтобы изучать самые предметы. Наконецъ, идолы *театра*—это заблужденія, происходящія отъ ложныхъ школьныхъ ученій и теорій, дѣлающихъ изъ міра арену для представленія своихъ произвольныхъ вымысловъ. Итакъ, одни философы, — софисты и раціоналисты, — объясняютъ все на основаніи предвзятыхъ отвлеченныхъ принциповъ; другіе,—эмпирики,—еще болѣе вредны, потому что отъ небольшого числа наблюденій и опытовъ переходятъ, безъ основанія, къ самымъ высшимъ принципамъ вещей; третьи, наконецъ, — фантазеры, — основываются на суевѣріяхъ, равно какъ на смѣшеніи философіи съ богословіемъ, человѣческаго съ божественнымъ, и доходятъ вслѣдствіе этого не только до фантастической философіи, но и до еретической религіи. Всѣ эти виды заблужденій Бэконъ объясняетъ указаніемъ на факты, почерпаемые изъ исторіи философіи и этимъ придаетъ своимъ критическимъ замѣчаніямъ еще больше значенія. Переходъ къ его положительнымъ методологическимъ ученіямъ составляетъ требованіе, чтобы въ познаніи вещей сочетались *опытъ* и *разумъ*. *Эмпирики*, говоритъ Бэконъ, по примѣру муравьевъ собираютъ только внѣшній матеріалъ знанія; *раціоналисты* похожи на пауковъ, которые выводятъ свою сѣть изъ самихъ себя; истинная же *философія* слѣдуетъ примѣру пчелъ, которыя высасываютъ сокъ изъ цвѣтовъ, а потомъ разрабатываютъ его самодѣятельно, собственными силами, она не основывается исключительно на разумѣ; она равнымъ образомъ не довольствуется однимъ воспринятіемъ памятью матеріала опыта, но перерабатываетъ его въ умѣ. Поэтому и въ сочетаніи обоихъ этихъ началъ заключается, по Бэкону, вся надежда истиннаго прогресса философіи (см. въ особенности кн. I, афор. 39, 41—44, 62, 64 и 95).

Въ этомъ же духѣ составлены Ньютономъ *правила философствованія* (regulae philosophandi), къ которымъ онъ причисляетъ четыре слѣдующихъ: 1) не допускать при объясненіи явленій природы другихъ причинъ, кромѣ дѣйствительныхъ и достаточныхъ для объясненія явленій; 2) для объясненія однородныхъ явленій допускать только однѣ и тѣ же причины; 3) принимать за всеобщія качества тѣлъ такія качества, которыя находятся во всѣхъ тѣлахъ, доступныхъ опыту; 4) признавать за индуктивными выводами относительно явленій полную или приблизительную истину, несмотря на противорѣчащія гипотезы, если только нѣтъ другихъ явленій, требующихъ болѣе точнаго изученія, или допускающихъ исключенія въ выводахъ. См. III-ью кн. упомянутыхъ выше (стр. 141) *Принциповъ* Ньютона.

Мальбраншъ посвящаетъ шестую кн. своего соч. *Объ изслѣдованіи истины* (см. выше стр. 67) вопросу о *методѣ*. Онъ представляетъ шесть основныхъ методологическихъ правилъ, развивающихъ упомянутыя правила Декарта. Принципомъ всѣхъ этихъ правилъ онъ признаетъ требованіе сохранять всегда *очевидность* въ разсужденіяхъ (conserver toujours l'évidence dans ses raisonnements), и вслѣдствіе того начинать изслѣдованіе отъ самыхъ простыхъ и легкихъ предметовъ и только послѣ надлежащаго ихъ разъясненія переходить къ болѣе сложнымъ и труднымъ.

Приведенныя уже выше сочиненія Локка, Лейбница, Юма и въ особенности критическіе труды Канта и кантовой школы содѣйствовали разъясне-

§ 18, 1. нію вопроса о методѣ философіи съ разныхъ точекъ врѣнія (см. выше § 8, 2 и 9, 1 *Лит*).

Въ первой половинѣ нашего вѣка развиваются всесторонне и систематически два противоположныхъ философскихъ метода, о которыхъ говорилъ уже Бэконъ, а именно *раціональный*, или *спекулятивный*, и *эмпирическій*, или *позитивный*. Представителями ихъ являются главнымъ образомъ Гегель и Контъ. О ихъ методологическихъ пріемахъ будетъ рѣчь ниже.

Въ дополненіе этого краткаго историческаго обзора скажемъ еще, что опредѣленіе пріемовъ гармонической кооперації *опыта* и *разума*, согласно указанію Бэкона на работу пчелъ, составляетъ самую важную задачу новѣйшаго времени въ дѣлѣ философской методологіи. Надъ разрѣшеніемъ этой задачи трудятся всѣ мыслители, имѣющіе въ виду согласовать основныя начала *критической философіи* и *эмпирическаго естествознанія*. О нихъ мы говорили уже выше; см. § 13, съ примѣчаніями.

Въ новѣйшее время по вопросу о методѣ философіи особенно замѣчательны слѣдующіе спеціальные труды

J. M. C. Duhamel, *Des méthodes dans les sciences de raisonnement.* 5 частей. 1865. 3-ье изд. 1885. Переводъ П. А. Хлѣвникова. 1867. См. главнымъ образомъ пятую часть: *Essai d'une application des méthodes à la science de l'homme moral.* Въ этой части авторъ имѣетъ въ виду изслѣдованіе не истины вообще, но изслѣдованіе истины касательно *чувствованій* и *дѣйствій* человѣка (l'objet special de notre étude, n'est pas la recherche de la vérité en général, mais de la vérité en ce qui concerne les sentiments et les actes des hommes). Съ этой цѣлью авторъ указываетъ на начала изслѣдованія, какъ единичнаго человѣка, такъ и общественной жизни и идеи о Богѣ.

G. H. Lewes разсматриваетъ *правила философствованія* во II-ой части своего *введенія* къ упомянутому уже соч. *Вопросы о жизни и духѣ* (см. выше стр. 52). Онъ представляетъ пятнадцать правилъ, которыя развиваютъ въ частности правила Ньютона и Декарта. См. тоже, что сказано было выше (стр. 34 и слѣд.) о приложеніи Льюисомъ „научнаго метода“ къ метафизикѣ.

Hermann Wolff, *Speculation u Philosophie.* T. I: *Der speculative Rationalismus.* T. II. *Der empirische Realismus.* 1878. 2-ое изд. 1883. Авторъ подвергаетъ критикѣ спекулятивный методъ, равно какъ и критицизмъ Канта, и признаетъ единственно возможнымъ методомъ философіи психологическій эмпиризмъ англійскихъ мыслителей.

Paul Dubuc, *Essai sur la méthode en métaphisique.* 1887. Авторъ разсматриваетъ подробно примѣненіе къ метафизическимъ вопросамъ методовъ: *объективнаго* (экспериментальнаго и математическаго), *субъективнаго* (психологическаго) и *спекулятивнаго* (догматическаго и критическаго) и указываетъ на необходимость сочетать основныя начала этихъ методовъ въ философскихъ изслѣдованіяхъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ основательномъ изслѣдованіи Alfr. Fouillée, касающемся примѣненія эмпирическаго метода къ метафизикѣ: *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience.* 1889.

Въ русской литературѣ особенно замѣчательно соч. Ф. А. Зеленогорскаго, *О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства.* 1877. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ очень поучительныя историко-критическія указанія, касающіяся упомянутыхъ методовъ и ихъ примѣненія къ философіи.

Примѣчаніе 2-ое. Отношеніе вопроса о методѣ философіи къ логикѣ. Спеціальное изслѣдованіе вопроса о методѣ познанія составляетъ одинъ изъ предметовъ особой философской науки, а именно *логики* или *теоріи познанія*. Наша настоящая задача не заключается, слѣдовательно, въ спеціальномъ разборѣ этого вопроса, но сводится только къ разсмотрѣнію тѣхъ основныхъ руководящихъ началъ философскихъ изслѣдованій, которыя, истекая изъ сущности философіи, примѣняются къ изученію всякаго вообще философскаго вопроса. Основаніемъ этого изученія метода философіи служитъ, съ одной стороны, знаніе элементарныхъ началъ логики, тѣсно связанное съ научнымъ образованіемъ вообще, а съ другой всѣ тѣ замѣчанія, которыя выше въ настоящемъ сочиненіи представлены были касательно философіи и ея отношенія къ другимъ явленіямъ умственной жизни. Мы, слѣдовательно, не имѣемъ повода излагать здѣсь начала логическаго мышленія вообще и не станемъ объяснять тѣхъ пріемовъ научныхъ методовъ, которыми философія пользуется наравнѣ со всѣми другими науками. Равнымъ образомъ и спеціальное примѣненіе началъ познанія къ рѣшенію частныхъ задачъ философіи, т. е. всестороннее изученіе частныхъ методологическихъ пріемовъ философіи, не входитъ въ объемъ нашей настоящей задачи, но составляетъ одинъ изъ предметовъ научной методологіи, какъ спеціальной части логики, т. е. предметъ такъ называемой *логики наукъ*. § 18, 2.

Мы имѣемъ въ виду въ настоящее время только *подготовительный* разборъ метода и пособій философіи, опредѣленіе основнаго направленія философскихъ изслѣдованій и ихъ главныхъ средствъ, т. е. предметомъ нашего настоящаго изученія является только общій вопросъ: какой путь ведетъ къ разрѣшенію основныхъ задачъ философіи и какими пособіями мы должны пользоваться при рѣшеніи этихъ задачъ?

Литература Уже Христіанъ Вольфъ пополнилъ въ упомянутой выше (стр. 40) *Логикѣ* теоретическую часть ея *практическою*, имѣющею предметомъ приложеніе общихъ началъ логики къ частнымъ задачамъ знанія. Потому въ этой части говорится о критеріи истины, о наукѣ и вѣрѣ, о мнѣніяхъ, гипотезахъ и заблужденіяхъ, равно какъ о сочиненіи и обсужденіи книгъ и т. п. Со временъ же *Логики* Джона Стюарта Милля, изданной первымъ изданіемъ 1843 г., эта практическая часть логики приняла характеръ методологіи отдѣльныхъ научныхъ изслѣдованій, т. е. *логики наукъ*. Въ большинствѣ, однако, сочиненій новѣйшаго времени, разрабатывающихъ эту логику наукъ, принимаются во вниманіе только *спеціальныя* науки, къ которымъ причисляютъ обыкновенно науку о духѣ, т. н. психологію и науку объ обществѣ, т. е. соціологію (Милль, Бэнъ, Джевонсъ, Ліяръ, Сигвартъ, Троицкій

§ 18, 2. и др). Одинъ только Вундтъ разсматриваетъ во II-мъ томѣ своей *Логики* спеціально *методы философіи*, а именно *эмпирическій* и *діалектическій*, но дѣлаетъ это тоже только въ самыхъ общихъ чертахъ. См. W. Wundt, *Logik*. II-ой т. *Methodenlehre*, 1883, стр. 612—620. Впрочемъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть о томъ, что уже Милль въ кн. IV, гл 4 и 6 своей *Логики* представилъ цѣлый рядъ важныхъ замѣчаній относительно „философскаго языка," т. е. опредѣленія философскихъ терминовъ.

§ 19.

Составные моменты метода философіи: анализъ и синтезъ.

§ 19. Согласно съ характеристическими чертами философіи, каковы: критичность познанія и стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія (§ 9), настоящій методъ философіи обнимаетъ собою два основныхъ момента: одинъ *критическій*, другой *синтетическій*; задача перваго—разборъ, или *анализъ* (отъ ἀναλύω=раздѣляю) разнообразныхъ началъ познанія; цѣль второго—сложеніе и сопоставленіе этихъ началъ въ одно стройное цѣлое (отъ συντίθημι=сопоставлять).

Такимъ образомъ, ходъ философскихъ изслѣдованій опредѣляется, съ одной стороны, анализомъ умственныхъ процессовъ и произведеній, имѣющихъ философское значеніе, т. е. касающихся познанія и уразумѣнія основныхъ началъ всеобщаго бытія, а съ другой стороны—образованіемъ изъ разрозненныхъ началъ умственной дѣятельности сложныхъ формъ знанія: понятій, воззрѣній, теорій, гипотезъ, соотвѣтствующихъ, по возможности, точно и ясно какъ началамъ міра, такъ и ихъ реальному объединенію.

Соотвѣтственное развитіе обоихъ этихъ моментовъ и ихъ послѣдовательное примѣненіе къ изученію философскихъ вопросовъ составляетъ сущность настоящаго метода философскихъ изслѣдованій. Истинный прогрессъ философіи, какъ критическаго познанія и уразумѣнія всеобщихъ началъ міра, есть слѣдствіе взаимнаго пополненія анализа и синтеза, какъ основныхъ началъ человѣческаго знанія. Чѣмъ глубже анализъ проникаетъ въ начала знанія, тѣмъ основательнѣе философія разрѣшаетъ свою критическую задачу; съ другой же стороны, чѣмъ бо́льшій кругъ част-

ныхъ знаній обнимаетъ собою синтетическая дѣятельность ума, тѣмъ болѣе философія приближается къ осуществленію своего стремленія къ общему міровоззрѣнію. § 19.

Вся методологія философіи сводится, такимъ образомъ, къ ближайшему опредѣленію приведенныхъ моментовъ и ихъ соотношенія въ философскихъ изслѣдованіяхъ.

Примѣчаніе 1-ое. Анализъ и синтезъ, какъ методологическіе пріемы науки вообще. Анализъ и синтезъ суть методологическіе пріемы, свойственные каждому вообще научному изслѣдованію. § 19, 1.

Что касается *анализа*, то слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что каждый предметъ знанія представляется намъ непосредственно: во 1-хъ, какъ нѣчто связанное съ другими предметами, и во 2-хъ, какъ нѣчто сложное по отношенію къ своему собственному содержанію.

Такая сложность предметовъ знанія обнаруживается или въ ихъ вещественномъ, матеріальномъ составѣ, представляющемся въ ихъ *пространственныхъ* отношеніяхъ, или въ ихъ отношеніяхъ во *времени*, вслѣдствіе сочетанія множества отдѣльныхъ, другъ за другомъ слѣдующихъ, моментовъ. Примѣромъ первой формы сложности можетъ служить каждый вещественный предметъ знанія, каждое неорганическое и органическое тѣло, каждое физическое явленіе. Сложность во *времени* заключаетъ въ себѣ каждое историческое событіе, каждое умственное явленіе. Эта сложность во *времени* сочетается равнымъ образомъ и со всѣми вещественными предметами знанія, когда мы обращаемъ наше вниманіе на ихъ происхожденіе и развитіе.

Тѣ и другіе предметы знанія, вещественные и умственные, внѣшніе и внутренніе, соединяются кромѣ того между собою и находятся въ постоянныхъ соотношеніяхъ, усложняющихъ еще болѣе ихъ изученіе.

Такимъ образомъ, познаніе вещей во всѣхъ наукахъ начинается двумя основными моментами:

во 1-хъ, выдѣленіемъ предмета знанія изъ непосредственной связи съ другими предметами, и

во 2-хъ, разложеніемъ предмета знанія на составныя начала.

Оба эти момента являются результатомъ *аналитической* дѣятельности ума. Философъ Германъ Ульрици († 1884) назы-

§ 19, 1. ваетъ эту дѣятельность очень мѣтко *различительною* (unterscheidende Thätigkeit) и видитъ въ ней существенную функцію логическаго мышленія и познанія вещей.

Чтобы выдѣлить одинъ предметъ изъ ряда другихъ, нужно разобрать, анализировать неопредѣленную съ перваго взгляда масу предметовъ, остановиться на одномъ изъ нихъ и отличить его отъ другихъ, съ нимъ связанныхъ. Только при условіи такого выдѣленія предмета знанія, какъ своеобразнаго цѣлаго, изъ среды другихъ предметовъ мы можемъ ближе вникнуть въ его содержаніе и познать оное. Но въ свою очередь это познаніе возможно тоже только при помощи дальнѣйшаго анализа составныхъ началъ предмета знанія, т. е. при помощи постояннаго различенія этихъ началъ.

Анализомъ не оканчивается однако процессъ познанія. Раздробленіе предмета знанія на его составныя начала есть несомнѣнно исходная точка, основаніе и необходимое условіе познанія предмета,—но оно не есть еще полное познаніе его. Для этого нужна и обратная дѣятельность ума, возвращающаяся отъ разрозненныхъ началъ предмета знанія къ его первоначальному естественному состоянію, т. е. нужно далѣе,

въ 3-ьихъ, уразумѣть связь между началами даннаго предмета и понять, какимъ образомъ изъ нихъ образуется цѣлое, и

въ 4-хъ, уразумѣть связь этого цѣлаго съ остальными предметами знанія.

Такимъ образомъ для настоящаго познанія предмета необходимы умственные процессы, возстановляющіе мысленно какъ его первоначальное единство, такъ и связь его съ другими предметами знанія, т. е. съ остальнымъ міромъ.

Въ послѣднихъ процессахъ ума и заключается сущность *синтеза*, который, слѣдовательно, обнимаетъ собою два слѣдующихъ момента:

во 1-хъ, сопоставленіе или сложеніе цѣлаго изъ его раздробленныхъ началъ, и

во 2-хъ, опредѣленіе соотношенія этого цѣлаго съ остальными предметами человѣческаго знанія.

Такъ понимаемый синтезъ дополняетъ приведенный выше анализъ во всякомъ вообще познаніи вещей. *Различительная дѣятельность* не есть единственная познавательная функція ума, какъ предполагалъ Ульрици; эта функція сочетается и дополняется постоянно равно существенною *синтетическою* дѣятельностью, т. е. сопоставленіемъ и объединеніемъ разрозненныхъ элементовъ знанія. На эту дѣятельность указалъ совер-

шенно ясно уже Кантъ, предлагая себѣ вопросъ о *возможности синтетическихъ сужденій*, какъ средствъ расширенія нашего знанія. § 19, 1.

При сравненіи приведенныхъ отправленій ума, — *анализа* и *синтеза*,—съ началами общеизвѣстныхъ методовъ *дедуктивнаго* и *индуктивнаго* (*Логика* §§ 17 и 36) оказывается, что послѣдніе суть не что иное, какъ только видоизмѣненія въ сочетаніи основныхъ пріемовъ анализа и синтеза. *Дедукція* основывается на общемъ, цѣломъ и, разлагая его содержаніе, стремится уразумѣть его составные элементы. *Индукція*, напротивъ, принимаетъ въ основаніе раздробленные уже частные элементы знанія и посредствомъ ихъ сравнительнаго изученія стремится дойти до общихъ, объединяющихъ заключеній. Такимъ образомъ, дедукція исходитъ изъ синтеза и видитъ цѣль свою въ анализѣ; обратно, исходной точкой индукціи служитъ анализъ, а цѣль ея заключается въ синтезѣ. Но такъ какъ общее становится предметомъ дедуктивнаго изученія только на основаніи предварительнаго аналитическаго выдѣленія его изъ множества другихъ предметовъ знанія, а индукція не создаетъ цѣлаго при помощи сочетанія разрозненныхъ моментовъ, но основывается уже на цѣломъ, обнимающемъ синтетически свои отдѣльные моменты,—то дедукція и индукція входятъ въ составъ каждаго вообще научнаго изслѣдованія и дополняютъ другъ друга, подобно анализу и синтезу. Въ научной практикѣ можно говорить только о преобладаніи того или другого методологическаго пріема, но о ихъ безусловномъ противопоставленіи не можетъ быть рѣчи.

Приведенные методологическіе пріемы, истекая изъ самыхъ простыхъ процессовъ познанія, необходимы при каждомъ вообще научномъ изслѣдованіи и поэтому они свойственны каждой наукѣ, слѣдовательно, и философіи, наравнѣ со всѣми другими науками. А такъ какъ этими пріемами исчерпываются начала всякаго вообще метода познанія вещей, то нѣтъ никакого основанія говорить о какомъ либо особомъ философскомъ методѣ, свойственномъ существенно и исключительно философіи, въ отличіе отъ другихъ наукъ.

Анализъ и синтезъ, дедукція и индукція подлежатъ дѣйствительно разнымъ видоизмѣненіямъ; ихъ примѣненіе разнообразно въ различныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, смотря по разному ихъ предмету. Въ однѣхъ наукахъ преобладаетъ начало аналитическое, въ другихъ—синтетическое; въ однѣхъ изслѣдованіе имѣетъ преимущественно характеръ дедуктив-

§ 19, 1. ный, въ другихъ индуктивный. И въ сферѣ философіи, согласно съ ея своеобразнымъ предметомъ, приведенные методологическіе пріемы получаютъ особый характеръ, на что указано будетъ ниже. Тѣмъ не менѣе, каждая наука, какъ наука, нуждается въ томъ и другомъ пріемѣ и, безъ ихъ взаимнаго дополненія, не можетъ достичь истиннаго познанія и уразумѣнія своего предмета. Философія, равно какъ и каждая вообще наука, можетъ пользоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ только общимъ научнымъ методомъ, методомъ аналитическо-синтетическимъ, индуктивно-дедуктивнымъ, который, начиная съ анализа даннаго предмета знанія, т. е. съ разложенія его на частные элементы, входящіе въ его составъ, стремится далѣе къ синтетическому возстановленію этихъ разрозненныхъ частныхъ элементовъ, т. е. къ уразумѣнію ихъ естественнаго единства въ общемъ, въ цѣломъ, и ихъ связи со всѣми другими предметами знанія.

Литература. Основныя начала анализа и синтеза, дедукціи и индукціи разсматриваются во всѣхъ сочиненіяхъ по *логикѣ*. Въ нихъ излагаются и разные оттѣнки въ опредѣленіи и развитіи мыслителями этихъ методологическихъ пріемовъ всякой вообще науки. Историческій взглядъ на анализъ и синтезъ представляетъ Ф. А. Зеленогорскій, въ приведенномъ выше (стр. 294) соч., стр. 28 и слѣд. и 164 и слѣд.

Объ отношеніи анализа и синтеза къ дедукціи и индукціи высказывается особенно ясно Н. Я. Гротъ въ своемъ соч. *Къ вопросу о реформѣ логики*, 1882, стр. 215 и слѣд. „Давно уже, говоритъ онъ, была отмѣчена наиболѣе проницательными изъ логическихъ писателей *аналогія* между понятіями анализа и дедукціи, синтеза и индукціи. Аналогія эта состоитъ въ томъ, что два первыя термина одинаково обозначаютъ такія дѣйствія ума, помощью которыхъ сложное расчленяется на болѣе простые элементы, въ него входящіе,—между тѣмъ какъ два послѣднія обозначаютъ такія дѣйствія ума, которыя, обратно, простое или частное совокупляютъ въ сложное и общее.“ Различіе между анализомъ и синтезомъ, съ одной стороны, и дедукціею и индукціею, съ другой, заключается только въ томъ, что два первыя понятія выражаютъ „общія направленія мышленія, внѣ вопроса о томъ, методично ли оно или неметодично, т. е. слѣдуетъ ли оно сознательно начертанному плану или нѣтъ,“ между тѣмъ какъ понятія дедукціи и индукціи выражаютъ такія же общія направленія мышленія „въ спеціальной сферѣ методической дѣятельности ума.“ Изъ этого истекаетъ что дедукція есть, въ сущности, методическій анализъ, индукція же — методическій синтезъ. Кромѣ того проф. Гротъ указываетъ на то, что „понятія *анализа* и *дедукціи* вполнѣ соотвѣтствуютъ по содержанію своему понятію *дифференціаціи*, ибо и они обозначаютъ, подобно этому послѣднему, такія дѣйствія ума, которыя расчленяютъ высшія сложныя единства, являющіяся продуктами нашей познавательной дѣятельности, на единства менѣе сложныя или меньшаго объема.“ Точно также понятія *синтеза* и *индукціи* „вполнѣ соотвѣтствуютъ понятію *интеграціи*, ибо и они выражаютъ дѣйствія ума, при помощи которыхъ элементарные продукты нашего опыта совокупляются въ различныя сложныя единства.“

§ 19, 1.

Изложенныя выше (§ 18, 1 *Лит.*) методологическія правила Декарта сводятся въ сущности тоже къ анализу и синтезу. Два первыхъ правила имѣютъ характеръ *аналитическій*; два послѣднихъ же—*синтетическій*.

H. Ulrici принимаетъ двѣ основныхъ функціи ума. одну *творческую* (producirende Thatigkeit) и другую *различительную* (unterscheidende) Первая есть непосредственная дѣятельность, совершающаяся въ видѣ естественнаго процесса, безъ самостоятельнаго участія ума. Различительная же функція ума есть результатъ его сознательной самодѣятельности, и поэтому, по Ульрици, логическое развитіе мышленія основывается исключительно на этой *различительной* функціи. О сознательномъ и логическомъ востановленіи цѣлаго изъ разрозненныхъ моментовъ здѣсь рѣчи нѣтъ. См. H. Ulrici, *System der Logik*, 1852, стр. 58 и слѣд. и его же *Compendium der Logik*, 2-ое изд. 1872, часть I-ая: *логическіе законы и нормы, какъ законы и нормы различительной дѣятельности.*

Кантъ перенесъ вопросъ о синтетическихъ пріемахъ познанія истины на трансцендентальное поприще, т. е. на поприще чистаго разума, въ противоположность опыту (см. выше стр. 26, 33 и слѣд и 68 и слѣд). Во всѣхъ сужденіяхъ, говоритъ Кантъ, отношеніе подлежащаго къ сказуемому возможно двухъ родовъ. „Или сказуемое *B* относится къ подлежащему *A*, какъ нѣчто заключающееся въ этомъ понятіи *A* (скрытымъ образомъ); или *B* находится внѣ понятія *A*, хотя и состоитъ съ нимъ въ связи. Въ первомъ случаѣ сужденіе называется *аналитическимъ*, во второмъ—*синтетическимъ*“... „Первыя можно было бы назвать *изъяснительными*; вторыя—*разширяющими* сужденіями; ибо первыя ничего не прибавляютъ—къ понятію подлежащаго, но, посредствомъ анализа, расчленяютъ его на составныя понятія, уже заключавшіяся въ немъ (смутно), напротивъ, въ послѣднихъ къ понятію подлежащаго присоединяется сказуемое, которое прежде въ немъ не мыслилось и не могло быть выведено изъ него никакимъ анализомъ“... „Сужденія опыта — всѣ вообще суть синтетическія.“ Указанія опыта расширяютъ наши знанія; они присоединяютъ новое содержаніе къ данному содержанію знанія. Но спрашивается далѣе, возможны ли синтетическія сужденія *a priori*, т. е. сужденія, расширяющія наши знанія безъ вспомогательнаго средства опыта? Въ ясной постановкѣ этого вопроса и въ стремленіи представить возможно точный отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается существенное значеніе критики чистаго разума Канта, въ особенности же ея значеніе методологическое. Отвѣтъ Канта высказывается въ положеніи: „Синтетическія сужденія *a priori* содержатся во всѣхъ теоретическихъ наукахъ разума въ качествѣ принциповъ.“ И такъ, во 1-хъ, *математическія* сужденія суть синтетическія сужденія *a priori*. Положеніе: 7+5=12, не есть аналитическое сужденіе, какъ обыкновенно думаютъ, но синтетическое, ибо въ понятіи суммы 7+5 мы мыслимъ только о томъ, что 7 и 5 должны быть сложены, но не утверждаемъ, что она равняется числу 12. „Слѣдовательно, ариѳметическое сужденіе всегда бываетъ синтетическимъ.“ „И въ чистой геометріи тоже нѣтъ аналитическихъ положеній. Прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками, — это сужденіе синтетическое. Понятіе *прямого* собственно говоритъ о качествѣ, а не о количествѣ. Слѣдовательно, понятіе кратчайшаго пути берется со стороны и никакимъ анализомъ не можетъ быть выведено изъ понятія прямой линіи. Опять нужно обратиться къ наглядному представленію, при которомъ единственно возможенъ синтезъ.“ Во 2-хъ, *естественныя науки* заключаютъ въ себѣ тоже синтетическія сужденія a priori въ качествѣ принциповъ. Напр., положеніе:

§ 19, 1. „при всѣхъ измѣненіяхъ вещественнаго міра количество матеріи остается неизмѣннымъ," есть сужденіе, въ которомъ очевидна его необходимость, слѣдовательно очевидно и его происхожденіе *a priori*. Оно кромѣ того—синтетическое сужденіе, ибо въ понятіи матеріи не заключается признака неизмѣнности, но мыслится только ея существованіе въ пространствѣ, наполняемомъ ею. Слѣдовательно, мы переступаемъ понятіе матеріи и мысленно присоединяемъ къ нему a priori нѣчто такое, чего мы въ немъ прежде не мыслили. Наконецъ, въ 3-хъ, и въ „*метафизикѣ*, въ этой до сихъ поръ неудавшейся наукѣ, хотя и необходимой по самой природѣ человѣческаго разума,—должны быть синтетическія сужденія a priori." Ея задача—расширеніе познаній a priori, для чего она должна пользоваться такими сужденіями, которыя къ данному понятію присоединяютъ нѣчто, прежде въ немъ не заключавшееся. — Хотя Кантъ имѣетъ здѣсь въ виду главнымъ образомъ разъяснить апріорный синтезъ познавательной дѣятельности ума, тѣмъ не менѣе онъ вовсе не пренебрегалъ синтезомъ на поприщѣ опыта, напротивъ, признавалъ его существенное значеніе въ познаніи вещей. См. *Критику чистаго разума* Канта въ переводѣ М. И. Владиславлева, стр. 8 и слѣд.

Н. Taine оканчиваетъ свое критическое соч. *Les philosophes classiques du XIX siècle en France*, 1857, 5-ое изд. 1880, главою *О методѣ*, въ которой онъ разсматриваетъ пріемы *анализа* и *синтеза*. Первый сводится, по его взгляду, къ объясненію значенія словъ и къ обозначенію фактовъ соотвѣтствующихъ словамъ. *Синтезъ* же заключается въ опредѣленіи тѣхъ основныхъ фактовъ и отношеній, которыя являются типическими причинами ряда другихъ частныхъ фактовъ.

Въ новѣйшее время Barbé du Bocage издалъ обширное сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ подъ заглавіемъ *Analyse et synthèse*. 1888. Несмотря на приведенное заглавіе, сочиненіе это вовсе не имѣетъ методологическаго характера; напротивъ, оно заключаетъ въ себѣ вполнѣ догматическое изложеніе взглядовъ автора на Бога, жизнь, человѣка и его историческое развитіе.

§ 19, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Вопросъ объ особомъ философскомъ методѣ. Критика ученія Гегеля о діалектическомъ методѣ философіи.** Вопреки указанному (въ примѣчаніи 1-омъ) характеру всякаго вообще научнаго изслѣдованія; вопреки тождественности основныхъ методологическихъ пріемовъ во всѣхъ наукахъ, — многіе мыслители высказываютъ часто мнѣніе, что философія руководится особымъ, ей только свойственнымъ методомъ, отличающимся рѣзко отъ метода другихъ наукъ. При этомъ замѣчательно, что мнѣніе это высказывалось въ исторіи философіи какъ ея защитниками, такъ и ея противниками. Въ этомъ мнѣніи сходятся Гегель и Контъ; первый — представитель преувеличеннаго воззрѣнія на философію, какъ на единственную науку, заслуживающую этого названія, науку безусловную, абсолютную, всеобнимающую, и второй—представитель совершенно противоположнаго воззрѣнія, признающаго за философіею только второстепенное значеніе среди другихъ наукъ, значеніе

формальное, заключающееся въ одномъ энциклопедическомъ объединеніи результатовъ другихъ наукъ (см. выше стр. 5 и слѣд. и 108 и слѣд.). Остановимся прежде всего на взглядѣ Гегеля. § 19, 2.

Отождествляя мышленіе и бытіе, субъектъ и объектъ знанія и утверждая, что „все разумное дѣйствительно и все дѣйствительное разумно," Гегель учитъ, что философія, какъ произведеніе чистаго мышленія, должна развивать свое содержаніе путемъ отвлеченнаго мышленія, при помощи внутренняго, логическаго вывода изъ самой себя всего своего воззрѣнія на бытіе и его явленія.

Раньше Гегеля стремился примѣнить подобный методъ къ философіи Спиноза, ссылаясь въ этомъ отношеніи на примѣръ математики. Какъ математика изъ нѣкоторыхъ основныхъ опредѣленій выводитъ путемъ логическаго мышленія всѣ свои частныя положенія, точно такъ и философія, по взгляду Спинозы, должна изъ основныхъ опредѣленій бытія, субстанціи и ея свойствъ выводить все свое міровоззрѣніе. Этотъ методъ Спиноза называетъ *геометрическимъ*, Гегель же — *діалектическимъ* (отъ διαλέγω = разсуждать). Этотъ діалектическій методъ имѣетъ въ сущности характеръ *дедуктивный* и *аналитическій*, въ приведенномъ выше опредѣленіи этихъ терминовъ (примѣчаніе 1-ое). Характеристическая черта его заключается только въ томъ, что онъ примѣняетъ пріемы дедукціи и анализа къ готовымъ общимъ понятіямъ и опредѣленіямъ и, разсматривая ихъ содержаніе, выводитъ изъ нихъ подчиненныя частныя понятія и опредѣленія. Дедукція и анализъ остаются здѣсь въ сферѣ отвлеченной мысли и не имѣютъ предметомъ конкретныхъ явленій міра.

По ученію Гегеля развитіе діалектическаго метода, какъ и вообще прогрессъ философской мысли, основывается на переходѣ отъ утвержденія къ отрицанію, отъ тезы къ антитезѣ, — далѣе на уравновѣшиваніи возникшихъ такимъ образомъ противорѣчій въ новыхъ синтетическихъ положеніяхъ, которыя въ свою очередь принимаютъ характеръ утвержденій, тезъ, вызывающихъ новыя отрицанія, антитезы, уравновѣшивающіяся снова въ синтетическихъ положеніяхъ,—и такъ далѣе, пока философская мысль, при помощи этой отвлеченной діалектики, не исчерпаетъ всего своего содержанія, начиная съ самыхъ общихъ идей и понятій о мысли, о бытіи и ихъ свойствахъ, и оканчивая самыми конкретными, частными ихъ проявленіями.

§ 19, 2. Такъ, напр., Гегель утверждаетъ, что саморазвитіе всеобщаго разума представляется, во 1-хъ, въ отвлеченномъ началѣ *чистой мысли*,—изученіе которой составляетъ предметъ логики, — затѣмъ, во 2-хъ, переходитъ въ *ино-бытіе* (Anders-sein), т. е. становится природою, — составляющей предметъ натурфилософіи,—и наконецъ, въ 3-хъ, сочетаетъ синтетически оба эти начала, какъ *духъ*, изучаемый философіею духа. Такимъ же образомъ раздробляетъ Гегель въ свою очередь чистую мысль на *бытіе*, *сущность* и *понятіе*; бытіе на: *качество*, *количество* и *мѣру*; качество на: *чистое бытіе*, *ничто* и *происхожденіе*; сущность же на: *начало*, *явленіе* и *дѣйствительность*; послѣднюю снова на: *субстанцію*, *причину* и *взаимодѣйствіе*, и такъ далѣе до безконечности.

Несостоятельность этого діалектическаго метода вообще и въ особенности мнѣнія о его исключительномъ научномъ и философскомъ характерѣ доказана уже давно и признана въ настоящее время почти всѣми самостоятельными мыслителями. Гегель разрываетъ въ своемъ методѣ прежде всего два основныхъ, органическихъ начала знанія вообще, каковы: субъективное начало логичности и объективное начало фактичности, разумъ и опытъ, и стремится обосновать философію исключительно на первомъ, пренебрегая притомъ совершенно послѣднимъ. Но въ реальныхъ процессахъ знанія логичность не мыслима безъ фактичности, субъективность безъ объективности (см § 4, 1).

Умственная дѣятельность и въ особенности мышленіе, какъ научное, такъ и философское, не проявляется никогда само по себѣ, въ отвлеченномъ видѣ, въ видѣ изолированномъ, оторванномъ отъ непосредственной органической связи съ предметными началами знанія съ опытомъ. Умственныя способности человѣка, слѣдовательно и разумъ, развиваются и совершенствуются только при участіи и подъ постояннымъ вліяніемъ чувственныхъ впечатлѣній, опыта и наведенія, воспринимающихъ объективное содержаніе. Поэтому, мысль человѣка, самая даже отвлеченная, не можетъ вовсе вполнѣ и безусловно оторваться отъ воспринятыхъ извнѣ предметныхъ началъ, выведенныхъ изъ опыта.

Защитники умозрѣнія, какъ характеристическаго начала философіи, ссылаются, правда, иногда на то, что философія не изучаетъ частныхъ явленій, но основывается уже на общихъ выводахъ другихъ наукъ, слѣдовательно остается, по существу своему, въ сферѣ общихъ понятій и принциповъ и имѣетъ единственною задачею уразумѣть логическую связь между этими

общими началами знанія. Но этотъ взглядъ расходится съ основными стремленіями философіи какъ на поприщѣ критики ума, такъ и на поприщѣ общаго міровоззрѣнія (§ 9). Въ томъ и другомъ отношеніяхъ философія не можетъ разрѣшить своихъ задачъ на основаніи однихъ отвлеченныхъ умозрѣній и логическихъ операцій съ общими понятіями; она должна по необходимости обращаться къ частному матеріалу опыта. Это дѣлаютъ на практикѣ и представители умозрительной философіи въ противорѣчіи со своею теоріею. § 19, 2.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ на каждомъ шагу самъ Гегель. Онъ воспринимаетъ постоянно, при помощи опыта, предметныя начала знанія и, выводя ихъ будто бы изъ самой мысли путемъ діалектики, подвергается съ одной стороны самообману, а съ другой—произвольному, не критическому смѣшенію субъективныхъ вымысловъ съ настоящимъ объективнымъ знаніемъ.

Далѣе, совсѣмъ не понятно, почему вообще мы должны стремиться съ Гегелемъ къ отвлеченному развитію самого мышленія. Логичность, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ очень важное познавательное значеніе; но сама по себѣ, безъ предметныхъ началъ, почерпаемыхъ изъ опыта, она является однимъ отвлеченнымъ безсодержательнымъ формализмомъ, лишеннымъ положительныхъ данныхъ для истиннаго познанія вещей.

Если философія имѣетъ въ виду общее міровоззрѣніе—съ чѣмъ соглашается и Гегель — то ясно, что умъ человѣческій самъ по себѣ не можетъ знать ничего о мірѣ безъ его изученія, безъ воспріятія его объективнаго содержанія при помощи опыта и наведенія. Діалектика Гегеля отрѣшается произвольно отъ этого естественнаго источника знанія, обогащающаго умъ человѣческій новымъ содержаніемъ, необходимымъ для всякаго познанія и уразумѣнія міра. Поэтому и міровоззрѣніе Гегеля имѣетъ во многихъ отношеніяхъ характеръ произвольной фантастичности, которая уступаетъ мѣсто болѣе разумнымъ и положительнымъ воззрѣніямъ только тогда, когда этотъ мыслитель, вопреки своему принципу отвлеченной діалектики, принимаетъ во вниманіе данныя, почерпаемыя имъ изъ опыта, и пользуется ими надлежащимъ образомъ.

Наконецъ, и принципъ логичности примѣняется Гегелемъ произвольно, даже, прямо говоря, нелогично. Одно изъ основныхъ требованій логичности, истекающее изъ самой организаціи ума и его нормальнаго развитія, направлено къ устраненію всякихъ *противорѣчій* въ нашемъ мышленіи. Всякое противорѣчіе въ мысляхъ исключаетъ возможность познанія истины (Ло-

§ 19, 2. гика § 7). Руководясь этимъ принципомъ, философъ Гербартъ утверждалъ, что вся задача философіи сводится къ исключенію противорѣчій при разработкѣ понятій и въ нашемъ воззрѣніи на міръ (см выше § 8, 2, стр. 70). И хотя это требованіе само по себѣ имѣетъ въ сущности только негативное, чисто формальное значеніе и не приводитъ еще къ удовлетворительнымъ положительнымъ результатамъ, касающимся содержанія нашихъ знаній; но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать, что оно указываетъ на одно изъ необходимыхъ условій всякаго истиннаго познанія вещей. Между тѣмъ Гегель, какъ мы видѣли, основываетъ свой діалектическій методъ на постоянныхъ противорѣчіяхъ мышленія.

Слѣдуетъ признать, что, ограничивая отвлеченное мышленіе самимъ собою, Гегель не могъ отыскать въ немъ другихъ началъ его развитія, кромѣ формальныхъ, обнаруживающихся въ мыслительныхъ функціяхъ *утвержденія* и *отрицанія*. Функціи эти въ самомъ дѣлѣ истекаютъ непосредственно изъ самостоятельной природы ума и его дѣятельности. Умъ, ограниченный самимъ собою, способенъ только утверждать и отрицать, и этими функціями умъ выражаетъ на поприщѣ мышленія свое субъективное отношеніе ко всякому предметному, объективному содержанію, дѣйствующему на него. Поэтому и Гегель свелъ всю свою діалектику къ этимъ основнымъ актамъ утвержденія и отрицанія.

Но на поприщѣ знанія, эти субъективныя функціи должны освободиться, насколько возможно, отъ субъективнаго произвола, подчиняясь, съ одной стороны, организаціоннымъ т. е. логическимъ, требованіямъ ума, а съ другой,—безспорнымъ даннымъ объективности. Это значитъ, что, имѣя въ виду знаніе и познаніе вещей, мы не можемъ произвольно утверждать и отрицать, но должны признать, что истинное познаніе исключаетъ всякія противорѣчія между утвержденіемъ и отрицаніемъ, и что для утвержденія или отрицанія мы должны имѣть соотвѣтственныя данныя, почерпаемыя изъ реальныхъ явленій бытія. Только въ послѣднемъ случаѣ приведенныя функціи ума служатъ средствомъ къ познанію вещей. Между тѣмъ Гегель руководился этими функціями, не обращая вниманія на приведенныя условія, и призналъ даже противорѣчіе между утвержденіемъ и отрицаніемъ основнымъ началомъ своего метода.

Изъ сказаннаго обнаруживается, что несостоятельность діалектическаго метода въ философіи истекаетъ изъ трехъ моментовъ:

§ 19, 2.

во 1-хъ, изъ невозможности оторвать логичность отъ предметной фактичности знанія,

во 2-хъ, изъ невозможности познать и уразумѣть міръ безъ помощи предметныхъ данныхъ, почерпаемыхъ изъ опыта, и наконецъ,

въ 3-хъ, изъ нелогичности противорѣчій, служащихъ главнымъ основаніемъ развитія и мыслительнаго хода этого метода.

Литература. Основы своего діалектическаго метода, какъ метода, свойственнаго философіи въ отличіе отъ другихъ наукъ, Гегель развилъ главнымъ образомъ въ соч. *Phanomenologie des Geistes*, 1806, и *Wissenschaft der Logik*, 1812 (*Werke*, Т. II и III). Русскій переводъ *Логики* Гегеля издалъ Чижовъ 1881. Упомянутую же формулировку своего принципа о тождествѣ мысли и бытія онъ высказываетъ въ словахъ: was vernünftig ist, das ist wirklich, und was wirklich ist, das ist vernünftig, въ предисловіи къ своей *Философіи права* и въ введеніи къ *Энциклопедіи философскихъ наукъ* (*Werke*, Т. VI, стр. 10 и Т. VIII, стр. 17). Положеніе это есть въ сущности только парафраза седьмаго положенія II-ой части *Этики* Спинозы ordo et connexio idearum idem est, ac ordo et connexio rerum.

Кромѣ нѣкоторыхъ современныхъ приверженцевъ гегелевой философіи (напр. K. L. Michelet, см. выше § 1, з *Лит.*, Kuno Fischer, M. Schasler и др.), главнымъ защитникомъ діалектическаго метода философіи является въ новѣйшее время Gustav Engel. Въ своихъ разсужденіяхъ *Die dialektische Methode und die mathematische Naturanschauung*, 1865, и *Sein und Denken*, 1889, онъ стремится доказать, что только на основаніи діалектики мышленія могутъ быть окончательно устранены фактическія противорѣчія, представляющіяся въ данныхъ опыта.

Подобное примѣненіе діалектики къ философскимъ изслѣдованіямъ защищаютъ въ русской литературѣ Н. Дебольскій и Б. Чичеринъ. Первый въ трудѣ *О діалектическомъ методѣ*, и особенно въ главѣ *о философскомъ методѣ* своей *Философіи будущаго* (см. выше стр. 13) усматриваетъ существенное противорѣчіе между опытомъ и формальною логикою, которое философія должна разрѣшить. Формальная логика основывается на законѣ *тождества*, $A=A$. Опытъ же доводитъ до синтетическихъ сужденій, сообщающихъ намъ *новый* признакъ понятія; его формула не $A=A$, но $A=A+a$, слѣдовательно, онъ утверждаетъ, что A есть то, что не есть A, и впадаетъ въ противорѣчіе съ логикою. Философія разрѣшаетъ это противорѣчіе. „Полагай A, какъ *не-А*, но съ тѣмъ, чтобы потомъ связать A и *не-А* во едино, въ нѣкоторомъ общемъ тождествѣ. Вотъ *правило* философскаго метода.“ Для уясненія этого правила авторъ утверждаетъ, что „философія мыслитъ посредствомъ *безконечныхъ понятій* или *идей*, т. е. такихъ понятій, содержаніе которыхъ способно къ безконечно-большому ряду безконечно-малыхъ варіацій и переходовъ“... „Для логики A и *не-А* суть двѣ рѣзко ограниченныя области, философія *снимаетъ* это ограниченіе и мыслитъ A и *не-А*, какъ два полюса, связанные непрерывными переходами.“ Здѣсь обнаруживается, по автору, дѣйствіе того же самаго начала *безконечно малыхъ приращеній*, которое входитъ въ составъ высшаго математическаго анализа. Но авторъ упускаетъ совершенно изъ виду то обстоятельство, что философскія понятія различаются между собою по своему *содержанію* и *качеству*, и поэтому никакъ не подчиняются методамъ количественнаго счисленія.

§ 19, 2. Б. Чичеринъ посвящаетъ *діалектикѣ* особую главу въ упомянутомъ выше (стр. 252) соч. *Наука и религія*. Онъ ясно понимаетъ различіе между количественными данными математики и качествомъ философскихъ понятій. „Количественныя опредѣленія, говоритъ онъ, стоятъ рядомъ, не отрицая другъ друга. Поэтому и развитіе математики идетъ путемъ количественнаго прибавленія высшее знаніе только присоединяется къ предъидущему. Въ области качества, напротивъ, являются различія, противоположности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицаніе.“ Поэтому діалектика, по Чичерину, имѣетъ дѣло съ дѣйствительными противорѣчіями; они рождаются „въ силу чистаго процесса мысли,“ вслѣдствіе „внутренняго противорѣчія“ ея началъ. Этимъ Чичеринъ возвращается вполнѣ къ гегелевой діалектикѣ. Въ отличіе отъ Гегеля онъ требуетъ только, чтобы умозрительное опредѣленіе законовъ діалектическаго движенія мысли оправдано было изслѣдованіемъ фактическихъ проявленій умственнаго развитія человѣчества. „Если чистая діалектика даетъ намъ умозрительный выводъ всей системы логическихъ опредѣленій, то исторія философіи даетъ намъ тотъ же выводъ въ пресмественности историческаго движенія Исторія философіи служитъ самымъ блистательнымъ фактическимъ оправданіемъ діалектики.“ Но въ концѣ концовъ, авторъ признаетъ, что діалектика вмѣстѣ съ логикою и математикою „даютъ намъ только формальное знаніе.“ Онѣ „ничего не говорятъ намъ относительно самихъ вещей.“ Слѣдовательно, для *познанія* міра нужно воспользоваться данными опыта и дополнить ими умозрительное знаніе. Законы мысли и бытія тождественны, хотя ихъ форма различна. Но только соотвѣтствіе мысли бытію доводитъ до истиннаго уразумѣнія міра. Поэтому и „раціонализмъ и реализмъ должны соединяться въ универсализмѣ.“ Послѣдними возэрѣніями Чичеринъ присоединяется уже къ тѣмъ мыслителямъ новѣйшаго времени, которые признаютъ необходимымъ основывать философское міровоззрѣніе на научномъ матеріалѣ естествознанія (см. выше стр 130 и слѣд.).

Первый и до настоящаго времени самый основательный критическій разборъ гегелевой діалектики представилъ Ad. Trendelenburg въ соч. *Logische Untersuchungen* 2 тома. 1840. Изд. 3-ье 1870. Русскій переводъ Корша. 1868. Трендленбургъ убѣдительно доказываетъ логическую несостоятельность метода Гегеля и вообще невозможность познать истину и уразумѣть міръ безъ помощи данныхъ опыта.

Весьма строгую критику всей философіи Гегеля, слѣдовательно, и его діалектики заключаетъ въ себѣ соч. R. Haym'a *Hegel und seine Zeit*. 1857. Русскій переводъ. 1861.

Сюда относится соч. Ed v. Hartmann'a *Ueber die dialektische Methode*. 1868. Хотя Гартманнъ въ общихъ началахъ своего міровоззрѣнія и особенно въ своемъ ученіи о феноменологическомъ развитіи „абсолютнаго,“ „безсознательнаго“ очень близко примыкаетъ къ Гегелю, тѣмъ не менѣе онъ не одобряетъ его діалектическаго метода, а подвергаетъ его всесторонней критикѣ. Замѣчательно тоже въ этомъ трудѣ историко-критическое изложеніе началъ діалектики со временъ Платона и Аристотеля до Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Ф. А. Зелеиогорскій разсматриваетъ діалектическій методъ подъ названіемъ *метафизическаго* и *интуитивнаго* и вмѣстѣ съ Дж. Ст. Миллемъ видитъ въ немъ неумѣстное примѣненіе пріемовъ математики къ философіи. См. приведенное (стр. 294) соч. его, стр. 45 и слѣд.

§ 19, 3.

Примѣчаніе 3-ье. Разборъ взгляда Конта на особый метафизическій методъ. Контъ разсматриваетъ вопросъ о методѣ философіи съ другой точки зрѣнія чѣмъ Гегель. Онъ отождествляетъ прежде всего всю философію, за исключеніемъ только своего позитивизма, съ метафизикою и, согласно съ этимъ, утверждаетъ, что философія до его времени руководилась особымъ, ей только свойственнымъ, *метафизическимъ* методомъ. Сущность этого метафизическаго метода заключается, по Конту, въ однихъ только отвлеченныхъ операціяхъ ума, въ отождествленіи и смѣшеніи реальныхъ явленій міра съ общими понятіями. Вся философія до Конта, по этому взгляду, не занималась изученіемъ самого міра и его явленій, но ограничивалась образованіемъ общихъ метафизическихъ понятій и ихъ болѣе или менѣе произвольною комбинаціею.

Это мнѣніе до такой степени распространилось среди приверженцевъ Конта, что большинство позитивистовъ по настоящее время, отождествляя философію съ метафизикою, воображаетъ, что философія по существу своему не имѣетъ дѣла съ реальнымъ познаніемъ вещей, но довольствуется пустою игрою отвлеченными понятіями.

Не трудно доказать, что подобное воззрѣніе на философію и ея методъ, въ отличіе отъ позитивизма, приписывающаго исключительно самому себѣ характеръ „научности,“—есть результатъ предубѣжденій, лишенныхъ критическаго значенія, и основывается главнымъ образомъ на смѣшеніи философіи вообще, всего ея историческаго развитія, съ однимъ только одностороннимъ направленіемъ ея, достигшимъ въ ученіи Гегеля своего зенита. Отождествляя философію съ метафизикою и утверждая, что философія по существу своему пользуется метафизическимъ, отвлеченнымъ методомъ, позитивизмъ безъ всякаго основанія смѣшиваетъ ученіе Гегеля съ философіею вообще. Еслибы Контъ и позитивисты относили свои критическія замѣчанія къ одной только діалектикѣ абстрактнаго идеализма въ духѣ Гегеля, его предшественниковъ и послѣдователей, тогда они были бы совершенно правы. Но, распространяя эти замѣчанія на всю философію до Конта, они обнаруживаютъ этимъ только свое незнаніе исторіи философіи и свою зависимость отъ цѣлаго ряда неосновательныхъ предубѣжденій. Разсмотримъ это ближе.

Прежде всего слѣдуетъ признать, что философія въ самомъ дѣлѣ всегда имѣла дѣло съ извѣстными общими и метафизическими понятіями. О понятіяхъ подобнаго рода говорилъ

§ 19, 3. не только Платонъ, но и Аристотель, не только Декартъ, Спиноза и Лейбницъ, но и Бэконъ, Юмъ и Локкъ, не только Кантъ и Гегель, но и Кондиллякъ и даже Контъ. Развѣ Контъ не говоритъ, по примѣру всѣхъ другихъ философовъ, о мірѣ и его явленіяхъ, о пространствѣ и времени, о причинности, о законахъ, о духѣ и матеріи, о человѣчествѣ и его историческомъ развитіи и т. д., и т. д.? Развѣ все это не *общія* понятія? Развѣ каждая наука не пользуется постоянно общими понятіями? Развѣ самыя частныя изслѣдованія единичныхъ явленій не находятся у каждаго изслѣдователя подъ вліяніемъ *общихъ* понятій?

Каждое научное изслѣдованіе, съ одной стороны, основывается на общихъ понятіяхъ, а съ другой,—стремится къ образованію общихъ понятій. Принимая непосредственно въ основаніе общія понятія, наука должна подвергать ихъ анализу, разбору, съ цѣлью разъясненія ихъ истиннаго содержанія и значенія. Послѣдній же итогъ научныхъ изслѣдованій обнаруживается опять таки въ общихъ понятіяхъ, выражающихъ синтетически предшествовавшія изслѣдованія.

Правда, эти общія понятія объединяютъ собою въ томъ и другомъ случаѣ цѣлые ряды частныхъ впечатлѣній и явленій (§ 14, 1). Но это имѣетъ мѣсто не только въ спеціальныхъ наукахъ, но и въ философіи, и поэтому нельзя утверждать, что философія, въ отличіе отъ другихъ наукъ, одна только вращается въ кругу общихъ понятій. Мало того, слѣдуетъ, напротивъ, признать, что философія съ древнѣйшихъ временъ имѣла въ виду разборъ общихъ понятій, которыми она пользуется и которыя входятъ въ составъ человѣческихъ знаній вообще. Объясненіе значенія этихъ общихъ понятій при помощи разложенія ихъ на составныя, субъективныя и объективныя, умственныя и предметныя начала, т. е. на тѣ частныя впечатлѣнія и явленія, изъ которыхъ они образуются, составляло всегда одну изъ существенныхъ задачъ философіи. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что спеціальныя науки пользуются цѣлыми рядами общихъ понятій въ готовомъ, законченномъ видѣ, опредѣляя ихъ содержаніе непосредственно, догматически, безъ ихъ предварительнаго анализа. Это доказано было уже при разсмотрѣніи догматическаго характера спеціальныхъ наукъ (см. § 10, 1).

Разница между позитивизмомъ Конта и критическою философіею заключается въ этомъ отношеніи только въ томъ, что Контъ основываетъ свои взгляды на догматизмѣ спеціальныхъ

наукъ и въ ихъ духѣ пользуется огромнымъ количествомъ общихъ понятій, безъ изъ предварительнаго разбора, довольствуясь или ихъ обыденнымъ значеніемъ, или значеніемъ, придаваемымъ имъ научною традиціею; между тѣмъ философія, какъ наука, подвергаетъ эти понятія критическому разбору и основываетъ ихъ употребленіе на такомъ предварительномъ разборѣ. § 19, 3.

Позитивизмъ Конта лишенъ вслѣдствіе этого философскаго критицизма или, прямо говоря, вообще философскаго характера (см. § 12, 1). Упрекъ же его, что философія занимается только общими понятіями, свидѣтельствуетъ нагляднѣйшимъ образомъ объ отсутствіи въ позитивизмѣ всякой критики умственной дѣятельности; ибо критика эта касается по существу своему общихъ понятій, создаваемыхъ умомъ для уразумѣнія и объясненія безконечнаго, хаотическаго множества частныхъ впечатлѣній и явленій.

Принимая во вниманіе вышесказанное, нельзя признавать страннымъ то, что философія занимается болѣе общими понятіями, чѣмъ спеціальныя науки. Въ этомъ заключается ея критическое преимущество передъ другими науками, которыя пользуются тоже общими понятіями, но не занимаются ихъ всесторонним критическим анализомъ.

Далѣе Контъ совершенно неправъ, утверждая, что философія, какъ метафизика, отождествляетъ общія понятія съ реальнымъ объективнымъ бытіемъ, съ сущностями, и что она вовсе не изучаетъ частныхъ явленій. Упрекъ этотъ примѣнимъ отчасти къ воззрѣніямъ такихъ философовъ, какъ Платонъ, Спиноза, Гегель и др., но вовсе не относится къ философіи вообще, къ ея существеннымъ началамъ. Критика общихъ понятій, ихъ анализъ, составляющій, какъ мы видѣли (§ 9, 1), основную задачу философіи, не мыслимы безъ постояннаго вниманія къ частнымъ явленіямъ, объединеннымъ въ этихъ общихъ понятіяхъ. Притомъ, благодаря именно философскому критицизму, достигшему въ лицѣ Канта самаго высшаго развитія, упрочивается все болѣе и болѣе среди серіозныхъ мыслителей сознаніе существеннаго различія между умственными образованіями, слѣдовательно, и понятіями о предметахъ, и самими предметами; между субъективною и объективною сторонами знанія (§ 4, 1).

Это важное различіе, составляющее начало всякаго философскаго критицизма, не принимается вовсе во вниманіе позитивизмомъ Конта. Не истинная, критическая философія, а напротивъ, Контъ и его приверженцы отождествляютъ и смѣшиваютъ субъективныя и объективныя, умственныя и предметныя

§ 19, 3. начала знанія. Позитивизмъ говоритъ о реальномъ, объективномъ мірѣ и его явленіяхъ, не спрашивая вовсе о томъ, насколько получаемыя умомъ впечатлѣнія оправдываютъ подобное *общее* понятіе о мірѣ и объективной, внѣшней реальности его явленій. Разрѣшая этотъ вопросъ непосредственно, безъ всякой предварительной критики ума, въ смыслѣ обыденнаго догматизма, Контъ лишается всякаго права дѣлать критической философіи какія либо замѣчанія относительно отождествленія и смѣшенія понятій съ реальными предметами. Догматизмъ его и его послѣдователей находится вполнѣ подъ вліяніемъ смѣшенія, приписываемаго философіи. Только полное незнаніе исторіи философіи, въ особенности же развитія ея критическихъ началъ, со временъ Бэкона и Декарта, Локка и Лейбница, Юма и Канта до настоящаго времени,—могло привести Конта и новѣйшій позитивизмъ къ мнѣнію, что философія занимается только общими понятіями и отождествляетъ ихъ съ реальными предметами, и что въ операціяхъ съ этими общими понятіями заключается весь методъ философіи за предѣлами позитивизма.

Доказательствомъ несостоятельности взглядовъ Конта на метафизическій методъ философіи устраняется вмѣстѣ съ тѣмъ и его ученіе о *позитивномъ* методѣ. Ученіе это есть въ сущности вполнѣ неясное смѣшеніе пріемовъ математическаго метода съ догматическимъ довѣріемъ къ свидѣтельству чувствъ и опыта. Это слѣдуетъ изъ всего, что уже выше сказано было о позитивизмѣ Конта и объ отношеніи философіи къ естественнымъ наукамъ. Неоспоримое значеніе въ методологическомъ отношеніи имѣетъ только требованіе Конта, чтобы философія принимала во вниманіе изслѣдованіе спеціальныхъ наукъ. Но односторонность, съ какою Контъ высказываетъ это требованіе, равно какъ и недостатокъ критики въ оцѣнкѣ познавательныхъ основъ самихъ спеціальныхъ наукъ, ослабляетъ во многихъ отношеніяхъ философское значеніе этого пріема Конта. И объ этомъ была уже рѣчь выше (см. § 12 и 13)

Разсмотрѣніе воззрѣній Конта на особенности философскаго или метафизическаго метода въ отличіе отъ метода позитивнаго, научнаго, доводитъ до слѣдующихъ заключеній:

Во 1-хъ. Философія дѣйствительно занимается болѣе, чѣмъ спеціальныя науки, общими понятіями, но только потому, что критическій разборъ общихъ понятій человѣческаго знанія составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ задачъ философіи.

Во 2-хъ. Занимаясь общими понятіями, философія, по существу своему, вовсе не пренебрегаетъ частными явленіями,—

напротивъ, критическій анализъ содержанія и значенія общихъ понятій, составляющій одинъ изъ предметовъ философіи, возможенъ только при условіи постояннаго изученія частныхъ впечатлѣній и явленій, объединенныхъ въ разбираемыхъ общихъ понятіяхъ. § 19, 3.

Въ 3 хъ. Философія, по существу своему, вовсе не отождествляетъ и не смѣшиваетъ общихъ понятій съ реальными предметами;—напротивъ, только критическій разборъ умственныхъ процессовъ со стороны философіи доводитъ до возможно точнаго и яснаго различенія субъективныхъ и объективныхъ, умственныхъ и предметныхъ началъ человѣческаго знанія.

Сопоставляя результаты нашего разсмотрѣнія воззрѣній, какъ Гегеля такъ и Конта (прим. 2-ое и 3-ье) на методъ философіи, мы видимъ, что о какомъ-либо особомъ философскомъ методѣ, существенно различномъ отъ метода другихъ наукъ, не можетъ быть рѣчи, что философскія науки, наравнѣ со всѣми другими, пользуются, съ одной стороны, общими понятіями, а съ другой,—изучаютъ частныя явленія съ цѣлью разъясненія содержанія этихъ общихъ понятій. Характеристическая черта философіи заключается въ этомъ отношеніи только въ томъ, что она занимается критическимъ разборомъ всѣхъ основныхъ общихъ понятій человѣческаго знанія, между тѣмъ какъ спеціальныя науки пользуются цѣлыми рядами общихъ понятій въ обыденномъ значеніи, безъ ихъ предварительнаго разбора. Остальныя же общія понятія, относящіяся къ предмету изученія спеціальныхъ наукъ, эти послѣднія объясняютъ при помощи своихъ частныхъ изслѣдованій, но точно также на основаніи цѣлаго ряда догматическихъ предположеній, критическій разборъ которыхъ составляетъ задачу философіи (§ 10, 1).

Литература. Взглядъ Конта на метафизическій методъ философіи тѣсно связанъ съ его ученіемъ о трехъ фазисахъ умственнаго развитія человѣка, изложеннымъ выше (стр. 108 и слѣд.). Литература, приведенная въ § 12, 1, касается слѣдовательно и этого предмета. Сюда относятся въ значительной части и сочиненія, разсматривающія отношеніе философіи къ спеціальнымъ наукамъ вообще и въ особенности къ математикѣ и естествознанію; см. *Лит.* къ § 12, 2, 3, 13, 1, 2. Равнымъ образомъ и большинство спеціальныхъ методологическихъ трудовъ, приведенныхъ выше въ этой главѣ (§ 18, 1, 2, 19, 1, 2 Лит.), трактуетъ и о значеніи для философіи позитивнаго метода Конта.

2. Анализъ, какъ методологическій пріемъ философіи.

§ 20.

Предметъ и главные моменты философскаго анализа.

§ 20. Указавъ на методологическіе пріемы анализа и синтеза, свойственные какъ наукѣ вообще, такъ и въ особенности философіи (§ 19), слѣдуетъ далѣе разсмотрѣть въ частности примѣненіе этихъ пріемовъ къ философскимъ изслѣдованіямъ. Съ этою цѣлью мы остановимся прежде всего на разсмотрѣніи *анализа*, какъ методологическаго пріема философіи.

Характеръ и частное развитіе анализа зависятъ всегда отъ предмета научнаго изслѣдованія. Такъ какъ философія имѣетъ своимъ предметомъ основныя начала человѣческаго знанія, съ цѣлью образованія общаго міровоззрѣнія (§ 8 и 9), то анализъ касается въ сферѣ философіи главнымъ образомъ этихъ началъ и пользуется всѣми средствами, при помощи которыхъ возможно ихъ всестороннее изученіе.

Изъ этого ясно, что анализъ въ философіи имѣетъ прежде всего *психологическій* характеръ, т. е. онъ прежде всего имѣетъ въ виду подвергнуть разбору умственную дѣятельность человѣка, чтобы разъяснить основныя начала и законы этой дѣятельности. Здѣсь методъ философіи совпадаетъ во многихъ отношеніяхъ съ методомъ частныхъ психологическихъ изслѣдованій. Разница между общимъ философскимъ анализомъ умственной дѣятельности и спеціальнымъ психологическимъ заключается только въ томъ, что философія, имѣя въ виду свои особыя задачи, пользуется уже, по возможности, результатами спеціальнаго психологическаго анализа и подвергаетъ ихъ провѣркѣ и дальнѣйшему разбору, съ цѣлью опредѣленія всѣхъ тѣхъ началъ умственной дѣятельности, которыя входятъ въ составъ общаго воззрѣнія на міръ.

§ 20. Къ этимъ началамъ принадлежатъ, съ одной стороны, познавательная логическая дѣятельность ума, какъ средство уразумѣнія міра, съ другой же стороны, разныя умственныя стремленія и образованія, эстетическія и нравственныя, принимающія участіе въ созданіи міровоззрѣнія. Анализъ всѣхъ этихъ умственныхъ данныхъ, входящихъ въ составъ всякаго вообще воззрѣнія на міръ, составляетъ въ сущности *критику ума*, разъясняющую основныя начала его дѣятельности. Разсматривая эти начала, философія пользуется соотвѣтственными пособіями психологическаго метода, о которыхъ будетъ рѣчь при разсмотрѣніи психологіи, какъ философской науки.

Но этимъ разборомъ основныхъ началъ критическаго міровоззрѣнія не оканчивается еще примѣненіе пріема анализа къ философскимъ изслѣдованіямъ. Психологическій анализъ дополняется по необходимости двумя дальнѣйшими моментами: анализомъ данныхъ, почерпаемыхъ изъ разныхъ *спеціальныхъ наукъ*, съ цѣлью образованія философскаго воззрѣнія на все богатство частныхъ явленій міра, равно какъ анализомъ *историческихъ данныхъ*, касающихся развитія философіи и ея основныхъ началъ.

Философское,—критическое и общее—міровоззрѣніе должно, естественно, основываться на знакомствѣ съ частными явленіями міра. Но такъ какъ, согласно принципу раздѣленія труда, изученіе этихъ частныхъ явленій міра составляетъ предметъ спеціальныхъ наукъ (§ 5), то философія не изслѣдуетъ уже этихъ частныхъ явленій міра, но пользуется изслѣдованіемъ ихъ со стороны спеціальныхъ наукъ, насколько это оказывается необходимымъ для образованія философскаго міровоззрѣнія (§ 12, 1).

Аналитическая задача философіи въ этомъ отношеніи заключается:

во 1-хъ, въ провѣркѣ какъ догматическихъ предположеній, такъ и результатовъ спеціальныхъ наукъ на основаніи критической теоріи познанія; далѣе—

§ 20. во 2-хъ, въ сравненіи между собою этихъ предположеній и результатовъ, и наконецъ,

въ 3-хъ, въ опредѣленіи тѣхъ неоспоримыхъ данныхъ, которыя должны входить въ составъ философскаго міровоззрѣнія.

Всѣ эти моменты вмѣстѣ взятые мы можемъ соединить въ общемъ понятіи *философской критики спеціальныхъ наукъ*.

Такимъ образомъ, философія, обнимая собою предположенія и результаты спеціальныхъ наукъ, составляетъ соединительное звено между ними и самыми высшими объединеніями человѣческаго ума и пополняетъ своимъ собственнымъ содержаніемъ содержаніе спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій съ точки зрѣнія единой, всеобъемлющей критической науки.

Методъ философіи при этомъ анализѣ совпадаетъ, естественно, съ одной стороны, съ методологическими пріемами соотвѣтственныхъ спеціальныхъ наукъ, а съ другой— съ психологическимъ анализомъ умственной дѣятельности вообще.

Послѣдній моментъ анализа въ сферѣ философіи касается ея *исторіи*.

Философія имѣетъ свое прошедшее. Стремленіе къ образованію общаго міровоззрѣнія дѣйствуетъ въ человѣчествѣ съ древнѣйшихъ временъ и обнаруживается въ огромномъ множествѣ и разнообразіи частныхъ міровоззрѣній Философія должна, конечно, разсмотрѣть всѣ эти міровоззрѣнія, — оцѣнить ихъ значеніе, и въ особенности опредѣлить, насколько они имѣютъ истинно философскій характеръ, т. е. насколько въ нихъ обнаруживаются характеристическія черты философіи: критичность и всеобщность, или же насколько они, вслѣдствіе своей догматичности и ограниченной спеціальности, лежатъ за предѣлами философіи въ собственномъ смыслѣ. Далѣе, она должна подвергнуть критическому анализу какъ общія нача-

ла, принципы философскихъ міровоззрѣній, такъ и частные моменты ихъ съ исторической точки зрѣнія, разъяснить главныя ихъ истины, оцѣнить ихъ относительное значеніе при разборѣ умственной дѣятельности человѣка и ея основныхъ образованій, вообще при разрѣшеніи настоящихъ задачъ философіи. § 20.

Такой анализъ прошедшаго философіи составляетъ необходимое условіе послѣдовательнаго прогресса въ развитіи философіи, какъ науки. Безъ подобнаго анализа, мыслитель не можетъ дойти до яснаго уразумѣнія самой философіи, не можетъ воспользоваться опытомъ и результатами изслѣдованій предшествовавшихъ поколѣній, и вслѣдствіе этого, не можетъ достичь ни критическаго, ни полнаго и всесторонняго міровоззрѣнія.

Приведенный пріемъ философскаго анализа имѣетъ характеръ *историко-критическій*, и мы можемъ обнять его въ понятіи *исторической критики философіи.*

Пользуясь данными, почерпаемыми изъ спеціальныхъ историческихъ и филологическихъ изслѣдованій на этомъ поприщѣ, философія даетъ себѣ здѣсь отчетъ въ генетическомъ развитіи своихъ собственныхъ началъ, и критическимъ воззрѣніемъ на свое прошедшее оправдываетъ и пополняетъ свои настоящія ученія.

Выше изложенное показываетъ, что методологическій пріемъ анализа обнимаетъ собою на поприщѣ философіи три слѣдующихъ момента:

во 1-хъ, психологическій анализъ познавательной дѣятельности ума и его воззрѣній на міръ, или *критику ума*;

во 2-хъ, сравнительный анализъ предположеній и результатовъ спеціальныхъ наукъ, насколько они важны для философскаго міровоззрѣнія, или *философскую критику спеціальныхъ наукъ*, и наконецъ,

въ 3-хъ, критическій анализъ прошедшаго философіи, или *историческую критику самой философіи.*

Эти три момента философскаго анализа пополняютъ постоянно другъ друга и не могутъ быть примѣняемы одинъ

§ 20. безъ другого, не обнаруживая въ противномъ случаѣ односторонности въ философскихъ изслѣдованіяхъ. Психологическій анализъ основныхъ началъ знанія вообще и въ особенности міровоззрѣнія сочетается въ истинномъ аналитическомъ методѣ философіи съ анализомъ соотвѣтственныхъ данныхъ, почерпаемыхъ то изъ спеціальныхъ наукъ, то изъ исторіи философіи. Только въ органической связи всѣхъ этихъ моментовъ анализъ становится вспомогательнымъ средствомъ разрѣшенія трудныхъ задачъ философіи.

§ 20, 1. **Примѣчаніе I-ое. Критическій анализъ ума.** Анализъ умственной дѣятельности и ея произведеній составляетъ самое важное и необходимое основаніе философскаго *критицизма.* Критика вообще и въ особенности философская критика, направленная къ основнымъ началамъ человѣческаго знанія, возможна только при условіи предварительнаго изученія ума, какъ органа, субъекта всякой критики, всякаго знанія.

Первая задача этого анализа ума заключается въ точномъ различеніи субъективныхъ и объективныхъ, умственныхъ и предметныхъ началъ знанія вообще.

Кантъ, какъ мы видѣли (§ 4, 1 *Лит.*), опредѣлилъ это различіе терминами *a priori* и *a posteriori.* Содержаніемъ *a priori* ума признается все то, что свойственно уму самому по себѣ, какъ организаціонному началу всякой дѣятельности его, слѣдовательно и какъ началу всякаго воспріятія какого бы то ни было внѣшняго содержанія. Напротивъ, содержаніе *a posteriori* ума обнимаетъ собою все то, что умъ, на основаніи своей дѣятельности, воспринимаетъ изъ внутренняго и внѣшняго міра, изъ независимой отъ него фактичности.

Опредѣленіе тѣхъ и другихъ началъ ума, началъ *a priori* и *a posteriori*, составляетъ исходную точку всякаго дальнѣйшаго анализа умственной дѣятельности и ея образованій.

Мы, естественно, въ настоящее время не можемъ заняться этимъ анализомъ; это—одна изъ задачъ теоріи познанія или логики. Но уже здѣсь слѣдуетъ указать на то, что приведенное различіе сводится, въ сущности, къ различію между основными, организаціонными *законами* умственной дѣятельности и ея *предметомъ*, или *матеріаломъ*, почерпаемымъ при помощи *опыта*, какъ единственнаго средства воспріятія умомъ объективна-

го содержанія. Различіе это самымъ простымъ и наглядным образомъ можетъ быть опредѣлено какъ различіе между *прирожденнымъ*, *раціональнымъ*, или *умозрительнымъ*, и *пріобрѣтеннымъ*, *воспринятымъ*, или *эмпирическимъ*, содержаніемъ ума. § 20, 1.

Законы ума, т. е. его чисто раціональное содержаніе, дано вмѣстѣ съ существованіемъ и организаціею ума, и поэтому должно быть признано прирожденнымъ, апріорнымъ, подобно тому, какъ и законы тѣлеснаго организма составляютъ прирожденное начало его отправленій. Воспріятіе умомъ извнѣ законовъ его дѣятельности немыслимо — потому, что это воспріятіе само собою предполагаетъ уже существованіе ума и дѣятельность его по опредѣленнымъ законамъ. Такимъ образомъ, раціональное, апріорное содержаніе ума предшествуетъ, по жизненной необходимости, содержанію эмпирическому, или апостеріорному.

Всѣ противоположныя воззрѣнія, оспаривающія апріорное содержаніе ума и выводящія безусловно всѣ его начала, даже начала его дѣятельности, только изъ опыта, т. е. изъ воспріятія умомъ объективнаго содержанія, основываются или на недоразумѣніяхъ, или на недостаткѣ надлежащей критики ума.

Самымъ важнымъ методологическимъ пособіемъ для различенія раціональныхъ и эмпирическихъ элементовъ знанія и для опредѣленія тѣхъ и другихъ служитъ разсмотрѣніе умственной дѣятельности по отношенію къ разнообразнымъ предметамъ знанія. Содержаніе, свойственное уму самому по себѣ, его апріорное содержаніе обнаруживается въ тѣхъ общихъ началахъ и процессахъ умственной дѣятельности, которые проявляются однообразнымъ способомъ, независимо отъ разныхъ частныхъ предметовъ знанія, т. е. отъ того содержанія, которое вызывается въ умѣ разнообразнымъ матеріаломъ опыта. Эти общія начала умственной дѣятельности имѣютъ характеръ раціональный и даютъ понятіе о *логичности* умственной дѣятельности, въ отличіе отъ эмпирической дѣятельности ума, касающейся самой фактичности, т. е. содержанія, независимаго отъ ума.

На основаніи такого различія такъ называемая *формальная логика*, разсматривая, напр., умственный процессъ, называемый *сужденіемъ*, по отношенію къ самымъ разнообразнымъ частнымъ предметамъ, доходитъ до опредѣленія основныхъ логическихъ началъ сужденія вообще, свойственныхъ каждому безъ исключенія сужденію, независимо отъ частнаго предмета его. Этимъ же путемъ всесторонній критическій анализъ умственной дѣя-

§ 20, 1. тельности долженъ опредѣлить, по возможности точно и ясно, и всѣ другія априорныя начала ума и этимъ положить прочное основаніе для дальнѣйшей критики человѣческаго знанія.

Эта дальнѣйшая критика касается уже не только всеобщихъ началъ познавательной дѣятельности, но и основныхъ образованій ея, т. е. всѣхъ тѣхъ представленій, понятій, идей, при помощи которыхъ умъ образуетъ свои воззрѣнія какъ на самого себя, такъ и на окружающую его дѣйствительность, на свой внутренній и внѣшній міръ.

Сюда принадлежитъ: во 1-хъ понятіе о самомъ себѣ, о собственномъ субъективномъ бытіи и его непосредственныхъ данныхъ, о логическихъ, эстетическихъ и нравственныхъ началахъ его дѣятельности и т. д.; во 2-хъ, частныя представленія о предметахъ, и общее понятіе о внѣшнемъ, объективномъ бытіи, равно какъ объ условіяхъ признанія его реальности; въ 3-хъ, цѣлый рядъ умственныхъ образованій, опредѣляющихъ ближе свойства и начала внутренняго и внѣшняго бытія, духа и матеріи, какъ напр., пространство и время, сущность и явленіе, причинность и цѣлесообразность, соотношеніе явленій и ихъ законы, ихъ объединеніе въ идеяхъ вселенной, міра, природы, идея Бога, какъ разумнаго начала вселенной и т. д.

Относительно всѣхъ этихъ и многихъ другихъ существенныхъ предметовъ знанія образовались и образуются въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ извѣстныя понятія, взгляды, которые, принимая болѣе или менѣе общій характеръ, свойственный то всему человѣчеству, то разнымъ народамъ, смотря по степени ихъ умственнаго развитія и по его внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ, — представляютъ богатый матеріалъ для разъясненія основныхъ образованій умственной дѣятельности и критическаго опредѣленія какъ ихъ общепознавательнаго, такъ и въ особенности ихъ философскаго значенія.

Содержаніе приведенныхъ образованій показываетъ, что здѣсь критика ума обнимаетъ собою уже предметные матеріалы знанія, ибо всѣ эти образованія ума возникаютъ только при постоянномъ участіи данныхъ опыта, подъ постояннымъ вліяніемъ объективныхъ началъ, предметовъ, явленій, обогащающихъ умъ своимъ содержаніемъ и вызывающихъ въ немъ самыя разнообразныя воззрѣнія на объективное бытіе. Поэтому именно и ясно, что вся эта критика ума не можетъ вращаться въ одной отвлеченной сферѣ раціональныхъ, умозрительныхъ дѣйствій; не можетъ даже ограничиваться однимъ только психологическимъ анализомъ умственной дѣятельности, но по необ-

ходимости должна принимать во вниманіе данныя, почерпаемыя § 20, 1.
какъ изъ соотвѣтственныхъ спеціальныхъ наукъ, такъ и изъ исторіи умственнаго развитія человѣчества вообще и въ особенности изъ исторіи философіи.

Главный недостатокъ критицизма Канта, не смотря на громадное значеніе его на этомъ поприщѣ (см. § 9, 1), заключается въ томъ, что онъ въ своей критикѣ ума ограничился почти исключительно раціональнымъ и психологическимъ анализомъ умственныхъ произведеній, не обращая притомъ надлежащаго вниманія на богатые матеріалы спеціальныхъ наукъ и исторіи философіи, при наличности которыхъ часто бываетъ возможно простыми средствами разъяснить самые трудные вопросы критики ума.

Принятіемъ такого эмпирическаго матеріала, философскій анализъ умственной дѣятельности вовсе не отрѣшается отъ своего основного принципа критичности — какъ предполагалъ Кантъ—напротивъ, при помощи этого матеріала, подвергаемаго, естественно, тоже соотвѣтственной критикѣ, анализъ ума расширяетъ свои предѣлы и вникаетъ все глубже и глубже въ первоначальные элементы и въ постепенное генетическое развитіе умственныхъ образованій, имѣющихъ философское значеніе.

Литература. Изъ сказаннаго о философскомъ критицизмѣ вообще (§ 9, 1), и о критикѣ ума въ особенности — ясно, что критическія сочиненія Канта и кантіанцевъ (см. стр. 75) имѣютъ самое важное, фундаментальное значеніе по нашему предмету. Но для возможно полнаго разрѣшенія задачъ критическаго разбора умственной дѣятельности нужно непремѣнно принять во вниманіе новѣйшія спеціальныя изслѣдованія какъ физіологической психологіи, такъ и собственно психологіи, равно какъ вообще научныя изслѣдованія, касающіяся умственной жизни человѣка и ея развитія. Соотвѣтственная литература можетъ быть разсматриваема только при обозрѣніи частныхъ философскихъ наукъ, особенно тѣхъ, которыя имѣютъ предметомъ человѣка и его дѣятельность.

Примѣчаніе 2-ое. Критическій анализъ предположеній и результатовъ спеціальныхъ наукъ. § 20, 2.
Анализъ предположеній и результатовъ *спеціальныхъ наукъ* служитъ не только дополненіемъ критическаго анализа ума—на что указано было выше (примѣч. 1-ое), но, кромѣ того, анализъ этотъ составляетъ самостоятельный пріемъ для образованія философскаго міровоззрѣнія, имѣющаго въ виду удовлетворить требованіямъ научности (см. § 12, 2). Философія, не основывающаяся на изслѣдованіяхъ спеціальныхъ наукъ, руководящаяся одними только раціональными началами ума, однимъ только умозрѣніемъ, принимаетъ по необходимости

§ 20, 2. характеръ фантастической произвольности, такъ какъ она вынуждена толковать о мірѣ и его явленіяхъ безъ необходимыхъ для этого научныхъ данныхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ міровоззрѣнія односторонняго раціонализма и идеализма, начиная съ Платона и кончая Гегелемъ и его школою. Но философія не можетъ надлежащимъ образомъ пользоваться спеціальными науками, безъ критическаго разбора данныхъ, ими представляемыхъ.

Гегель пренебрегалъ изслѣдованіями спеціальныхъ наукъ вслѣдствіе ложнаго взгляда на методъ философіи (§ 19, 1). По его взгляду, выводъ всего содержанія философіи изъ раціональныхъ началъ ума составляетъ единственное ручательство въ томъ, что философія не принимаетъ никакихъ предположеній, что она, по выраженію Гегеля, voraussetzungslos. Всякое принятіе эмпирическихъ данныхъ, почерпаемыхъ изъ спеціальныхъ наукъ, нарушаетъ, по его взгляду, этотъ методологическій характеръ философіи и вводитъ въ ея сферу догматическія предположенія спеціальныхъ наукъ.

Этотъ взглядъ Гегеля и его приверженцевъ истекаетъ изъ неточнаго пониманія сущности философской критики. Философія, какъ мы видѣли, отличается, въ самомъ дѣлѣ, отъ другихъ наукъ стремленіемъ къ освобожденію человѣческаго знанія отъ всякихъ догматическихъ предположеній (§ 10). Это стремленіе, однако, осуществляется на практикѣ не тѣмъ, что философія отрывается отъ всякаго эмпирическаго знанія и не дѣлаетъ безусловно никакихъ предположеній, но тѣмъ, что она въ извѣстномъ порядкѣ подвергаетъ критическому разбору всѣ предположенія человѣческаго знанія. Разсматривая, слѣдовательно, и предположенія спеціальныхъ наукъ, она можетъ воспользоваться, по мѣрѣ надобности, ихъ изслѣдованіями безъ малѣйшаго нарушенія своего принципа критичности. Она не принимаетъ *результатовъ* спеціальныхъ наукъ непосредственно, на основаніи догматической вѣры въ ихъ непогрѣшимость, но, разсматривая прежде всего основныя *предположенія* спеціальныхъ наукъ, она оцѣниваетъ значеніе результатовъ ихъ изслѣдованія съ точки зрѣнія критическихъ началъ познанія вообще. Она, слѣдовательно, пользуется этими результатами только послѣ ихъ предварительной оцѣнки.

На это значеніе спеціальныхъ наукъ для философіи указалъ съ надлежащею ясностью Огюстъ Контъ, и въ этомъ заключается его заслуга передъ философіею и вообще значеніе позитивизма (см. выше стр. 112). Со временъ Конта разорвать

внутреннюю органическую связь между философіею и спеціальными науками — уже немыслимо. Контъ убѣдительно доказалъ, что философія безъ помощи спеціальныхъ наукъ не можетъ разрѣшить своихъ задачъ, что наука въ сущности одна, и что ея истинный прогрессъ основывается на взаимномъ пополненіи спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій. § 20, 2.

Недостатокъ позитивизма Конта въ этомъ отношеніи заключается только въ томъ, что онъ принимаетъ *непосредственно* результаты спеціальныхъ наукъ, не подвергая предварительно ихъ предположеній критическому анализу, не признавая вообще основного значенія за критикою ума и его образованій для всякаго истинно научнаго міровоззрѣнія. Вслѣдствіе такого пренебреженія къ философскому критицизму, Контъ подчинялся безусловно догматизму спеціальныхъ наукъ и дошелъ до самаго поверхностнаго воззрѣнія на философію, какъ на энциклопедическое объединеніе спеціальныхъ наукъ.

Между тѣмъ, не смотря на все значеніе спеціальныхъ наукъ для философіи, не смотря на то, что философія на каждомъ шагу должна пользоваться ихъ результатами и признавать въ нихъ необходимое пособіе для своихъ изслѣдованій,—она, тѣмъ не менѣе, для разрѣшенія своихъ задачъ, должна подвергнуть критическому анализу основныя предположенія, умственныя и предметныя, спеціальныхъ наукъ и провѣрить ихъ результаты съ точки зрѣнія критическихъ началъ знанія вообще.

Методологическіе пріемы для такой критики предположеній и результатовъ спеціальныхъ наукъ опредѣляются общими началами научнаго анализа, примѣняемыми къ данному частному предмету.

Прежде всего нужно имѣть въ виду точное *опредѣленіе предположеній* спеціальныхъ наукъ,—предположеній, какъ тѣхъ, которыя свойственны всѣмъ наукамъ, такъ и тѣхъ, которыя связаны съ частнымъ предметомъ каждой изъ нихъ. На нѣкоторыя изъ этихъ предположеній мы указали уже при разсмотрѣніи догматическаго характера спеціальныхъ наукъ (§ 10). Методическое изслѣдованіе этого предмета требуетъ подробнаго разбора основного содержанія каждой науки, съ цѣлью раскрытія тѣхъ началъ ея, которыя дѣйствуютъ, часто совершенно незамѣтно, во всѣхъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и входятъ въ составъ научныхъ аксіомъ, законовъ, теорій, гипотезъ. Спеціальныя науки сами не опредѣляютъ своихъ предположеній; онѣ или прямо приступаютъ къ своимъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ на основаніи готовыхъ общихъ воззрѣній на свой пред-

§ 20, 2. метъ и способы его изученія, или же, если и предпосылаютъ своимъ изслѣдованіямъ извѣстныя общія положенія, какъ это напр. дѣлаетъ математика. то положенія эти не высказываютъ еще истинныхъ предположеній, но являются только результатомъ ихъ примѣненія къ данному предмету изслѣдованія Поэтому именно опредѣленіе предположеній спеціальныхъ наукъ есть задача *философіи*, тѣсно связанная съ ея критицизмомъ. Общая критика ума находитъ здѣсь свой конкретный матеріалъ, который, съ одной стороны, разъясняетъ спеціально основныя начала умственной дѣятельности вообще, а съ другой,—указываетъ на развитіе этихъ началъ при практическомъ осуществленіи познанія вещей. Такимъ образомъ, анализъ предположеній спеціальныхъ наукъ есть, въ сущности, продолженіе критики ума; но продолженіе, имѣющее не только логическую цѣль уразумѣть умственную организацію и ея отправленія, а стремящееся кромѣ того къ критическому опредѣленію тѣхъ положительныхъ данныхъ знанія, которыя должны служить основаніемъ философскаго міровоззрѣнія.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о критическомъ анализѣ *результатовъ* спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій, съ тѣмъ однако дополненіемъ, что результаты эти разсматриваются уже не только на основаніи предшествующей критики ума, но и при содѣйствіи раскрытыхъ анализомъ предположеній данной науки. Результаты и выводы частныхъ научныхъ изслѣдованій имѣютъ обязательную силу только тогда, когда они согласуются съ тѣми началами науки, которыя опредѣляются какъ критикою ума вообще, такъ и критикою необходимыхъ предположеній каждой отдѣльной науки. Вслѣдствіе этого именно и философія, оставаясь въ своихъ предѣлахъ, можетъ, однако, заняться критическою оцѣнкою общенаучнаго значенія результатовъ спеціальныхъ изслѣдованій и воспользоваться ихъ матеріаломъ для своихъ цѣлей.

Дальнѣйшая задача философскаго анализа по отношенію къ спеціальнымъ наукамъ состоитъ въ сравненіи между собою ихъ главныхъ предположеній и результатовъ. Вслѣдствіе шаткой связи между спеціальными науками ихъ предположенія и результаты представляются часто вполнѣ противорѣчивыми, или, по крайней мѣрѣ, очень разногласными. Каждая изъ нихъ, со всѣми своими изслѣдованіями, остается въ кругу своего частнаго предмета и обращаетъ вниманіе на предположенія и результаты другихъ наукъ только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ непосредственное значеніе для ея спеціальности.

Такъ напр предположенія и результаты физики, химіи существенно различны отъ предположеній и результатовъ исторіи, языковѣдѣнія, соціологіи, правовѣдѣнія, а тѣмъ болѣе богословія. Существуютъ часто въ этомъ отношеніи даже поразительныя противорѣчія, такъ что одна наука иногда не способна уразумѣть содержанія другихъ наукъ, если оно не допускаетъ безусловнаго примѣненія ея собственныхъ предположеній. Но такъ какъ философія для разрѣшенія своихъ задачъ по необходимости должна воспользоваться всѣми этими спеціальными науками, то, естественно, она должна сравнить ихъ начала между собою, т. е. подвергнуть ихъ сравнительной оцѣнкѣ и опредѣлить ихъ соотвѣтственное значеніе для уразумѣнія міра и его явленій. Общіе выводы изъ такого сравнительнаго разсмотрѣнія предположеній и результатовъ частныхъ наукъ даютъ философіи возможность опредѣлить, наконецъ, точно тѣ основные элементы человѣческихъ знаній, которые должны входить въ составъ общаго міровоззрѣнія, удовлетворяющаго требованіямъ научности. § 20, 2.

Болѣе подробное развитіе этихъ замѣчаній можетъ составлять только предметъ спеціальной методологіи философіи и практическаго осуществленія ея указаній.

Литература. Образцомъ философской критики спеціальныхъ наукъ можетъ служить разборъ основныхъ началъ математики, естествовѣдѣнія, наукъ, основанныхъ на нравственныхъ идеяхъ, равно какъ богословія, представленный Кантомъ въ его сочиненіяхъ: *Критика чистаго разума*, *Метафизическія начала естественныхъ наукъ*, *Критика практическаго разума* и *Религія въ предѣлахъ разума* (см § 9, 1 и 13, 1 *Лит.*).

Кромѣ того, основное значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ *Курсъ позитивной философіи* Конта и сочиненія его послѣдователей и критиковъ (см. § 12, 1 *Лит.*).

Наконецъ, сюда относятся сочиненія *философіи разныхъ спеціальныхъ наукъ*, которыя отчасти были приведены въ *Лит.* къ § 12, 2, и 13, 1, равно какъ сочиненія имѣющія предметомъ разборъ методологическихъ пріемовъ частныхъ наукъ, т. е. сочиненія, заключающія въ себѣ такъ называемую *логику наукъ*, о которыхъ мы упомянули въ § 18, 1 *Лит.*

Примѣчаніе 3-ье. Критическій анализъ данныхъ исторіи философіи. Приведенные выше моменты философскаго анализа касаются по существу своему современнаго состоянія человѣческаго знанія. Всѣ предметы и вопросы, весь вообще научный матеріалъ, принимаемый во вниманіе при критикѣ ума и при разборѣ предположеній и результатовъ спеціальныхъ наукъ, представляется мыслителю прежде всего въ своемъ современномъ видѣ, въ законченной разработкѣ настоящаго. Этою разра- § 20, 3.

§ 20, 3. боткою, однако, не можетъ и не долженъ довольствоваться истинный критическій мыслитель. Каждый вѣкъ, каждый отдѣльный моментъ развитія, какъ философіи и другихъ наукъ, такъ и вообще умственной жизни человѣчества, находится подъ вліяніемъ особыхъ господствующихъ потребностей и стремленій, подъ вліяніемъ извѣстныхъ руководящихъ идей, представляющихъ собою обыкновенно только одну часть, одну сторону всеобщихъ задачъ науки и въ особенности философіи. Притомъ современная наука и философія не заключаютъ въ себѣ достаточно данныхъ для уразумѣнія ихъ истинныхъ стремленій, для критической оцѣнки ихъ значенія въ умственномъ развитіи, вообще для всесторонняго воззрѣнія на ихъ участіе въ разрѣшеніи основныхъ задачъ философіи. Воззрѣнія, самыя научныя, настоящаго, являются только выраженіемъ частныхъ условій и отношеній, среди которыхъ образуются эти воззрѣнія. Но они не даютъ надлежащаго понятія о причинахъ, вызвавшихъ эти условія и опредѣляющихъ характеръ и направленія умственной жизни настоящаго.

Все это указываетъ на необходимость пополнить данныя, касающіяся настоящаго состоянія наукъ и философіи, изученіемъ ихъ прошедшаго, разсмотрѣніемъ генетическаго развитія современныхъ научныхъ данныхъ изъ болѣе простыхъ, первичныхъ зачатковъ умственной жизни.

Исторія есть наставница настоящаго. Значеніе ея при рѣшеніи философскихъ задачъ сводится, согласно вышесказанному, къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Исторія составляетъ для философа необходимое средство научнаго самопознанія. Полное пониманіе нашихъ собственныхъ взглядовъ возможно только при помощи изученія ихъ историческаго развитія. Кто не даетъ себѣ яснаго отчета въ тѣхъ элементахъ прошедшаго, которые вошли въ составъ его воззрѣній и которымъ они послѣднія обязаны своимъ существованіемъ, тотъ, въ сущности, не понимаетъ самого себя и подвергается очень легко самообольщенію. Воззрѣнія, выработанныя его предшественниками и составляющія подкладку его собственныхъ ученій, появляются въ его умѣ, какъ *deus ex machina*. Они представляются ему результатомъ его собственныхъ изслѣдованій, соотвѣтствующимъ новѣйшимъ научнымъ даннымъ; между тѣмъ это часто только результатъ исторической традиціи, вообще неизвѣстнаго ему прошедшаго, примѣняемый въ данномъ случаѣ къ научнымъ матеріаламъ настоящаго. Отъ такого неяснаго смѣшенія научной самостоятельности съ тра-

диціонными началами можетъ насъ избавить только тщательное изученіе исторіи, какъ философіи вообще, такъ и каждаго ея вопроса, рѣшеніемъ котораго мы заняты. § 20, 3.

2) Исторія необходимое условіе всякой философской критики. Критика возможна только на основаніи сравненія нашихъ воззрѣній съ воззрѣніями другихъ мыслителей. Кто въ своемъ философствованіи ограничивается исключительно выработкою своихъ воззрѣній и притомъ не изучаетъ чужихъ взглядовъ на данный предметъ, тотъ очень легко доходитъ до убѣжденія, что его воззрѣніе единственно возможное, безусловно истинное, но онъ лишенъ всякихъ средствъ доказать, что это такъ, и вообще, по недостатку сравнительнаго мѣрила, лишенъ возможности относиться критически къ своимъ воззрѣніямъ и оцѣнить ихъ истинное значеніе.

Правда, что и современники расходятся между собою въ своихъ воззрѣніяхъ и что вслѣдствіе того каждый мыслитель можетъ сравнивать свои взгляды со взглядами другихъ современныхъ мыслителей. Но этого недостаточно для выработки настоящаго философскаго критицизма, во первыхъ, потому что и эти взгляды современниковъ становятся понятными только при уразумѣніи историческаго ихъ генезиса, и, во вторыхъ, потому что самыя разнообразныя воззрѣнія даннаго времени находятся подъ вліяніемъ общаго духа этого времени и вслѣдствіе того представляютъ извѣстное однообразіе въ своихъ существенныхъ началахъ, которое ограничиваетъ до узкихъ предѣловъ примѣненіе пріема сравненія. Только знакомство съ воззрѣніями мыслителей, принадлежащихъ къ совершенно другому времени, доводитъ насъ до сравнительной оцѣнки научныхъ стремленій нашего времени и до критическаго взгляда на господствующія начала философской мысли, проникающія всѣ разнообразныя современныя направленія.

Исторія показываетъ, что недостатки въ умственномъ развитіи даннаго времени устранялись и уступали мѣсто новымъ, болѣе соотвѣтственнымъ стремленіямъ, главнымъ образомъ, при помощи критики этихъ недостатковъ, вызванной историческими изслѣдованіями, т. е. основательнымъ изученіемъ взглядовъ и стремленій выдающихся личностей прошедшаго. Благодаря этому пріему, изученіе древне-классическаго міра вызвало критическое отношеніе умовъ къ средневѣковому схоластическому формализму и послужило исходною точкою для выдающихся философскихъ и вообще научныхъ стремленій новѣйшихъ временъ. Равнымъ образомъ, въ наше время, многіе

§ 20, з. мыслители, желая противодѣйствовать эмпирическому догматизму съ его безусловнымъ довѣріемъ къ свидѣтельству чувствъ, указываютъ на необходимость возвратиться къ Канту, возобновить и развить далѣе его критическую работу, направленную къ разбору ума, съ цѣлью оцѣнки его познавательныхъ процессовъ.

Наконецъ, въ 3-хъ, знакомство съ исторіей философіи составляетъ необходимое условіе полноты и объективности изученія современныхъ философскихъ вопросовъ.

Знаніе исторіи философіи даетъ намъ, съ одной стороны, возможность избѣгать промаховъ нашихъ предшественниковъ, а съ другой.—пополняетъ наши односторонніе или слишкомъ узкіе взгляды новыми, своеобразными точками зрѣнія, представляющими предметъ съ такихъ сторонъ, на которыя мы не обращали надлежащаго вниманія, находясь подъ вліяніемъ однѣхъ только идей современной науки. Такимъ образомъ, благодаря исторіи философіи, мы пользуемся результатами умственнаго труда предшествующихъ поколѣній, указаніями остроумнѣйшихъ мыслителей прошедшаго и можемъ, основываясь на критическомъ разборѣ этихъ результатовъ, придать нашимъ собственнымъ изслѣдованіямъ характеръ общечеловѣческой полноты и всесторонности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, добросовѣстное изученіе прошедшаго философіи освобождаетъ наши собственныя воззрѣнія, по возможности, отъ случайнаго вліянія субъективныхъ началъ, отъ настроеній ума, вызванныхъ исключительно стремленіями и тенденціями нашего времени, отъ послѣдствій болѣе или менѣе односторонняго образованія, подчиняющагося непосредственно этимъ стремленіямъ. Благодаря исторіи, мы при изученіи философскихъ вопросовъ становимся на объективную точку зрѣнія, на точку зрѣнія ума человѣческаго вообще, различную существенно отъ чисто индивидуальнаго способа мышленія отдѣльной личности и ея среды.

Чѣмъ шире наши знанія по исторіи философіи, чѣмъ основательнѣе наши историко-критическія изслѣдованія, тѣмъ болѣе мы въ нашемъ философствованіи приближаемся къ тому спокойному, объективному разсмотрѣнію предметовъ, которое не руководится узкими и односторонними соображеніями той или другой личности, партіи, школы, того или другого общества, времени и т. п., но, имѣя въ виду общечеловѣческую потребность познанія вещей, стремится къ полному всестороннему уразумѣнію міра, насколько это вообще возможно для ума

человѣческаго. Такимъ образомъ, при содѣйствіи историко-критическихъ студій, философія перестаетъ быть произведеніемъ единичнаго, частнаго ума, а является результатомъ коллективной кооперації всѣхъ выдающихся умовъ человѣчества, и этимъ даетъ большее ручательство въ истинѣ, чѣмъ всѣ попытки мыслителей разрѣшить задачи знанія исключительно собственными индивидуальными средствами, безъ вниманія къ неутомимымъ трудамъ на этомъ же поприщѣ многочисленныхъ предшественниковъ. § 20, 3.

Изъ всего сказаннаго ясно, что критическій анализъ историческихъ данныхъ долженъ быть признанъ необходимымъ методологическимъ пріемомъ при изученіи каждаго философскаго вопроса. Безъ этого пріема мы не можемъ достичь ни возможной всесторонности и полноты, ни критической точности и объективности въ нашихъ воззрѣніяхъ на міръ.

Изложеніе методологическихъ пріемовъ при критическомъ анализѣ историческихъ данныхъ составляетъ задачу особой логики исторіи. Спеціальная же цѣль исторической критики на поприщѣ философіи влечетъ за собою и рядъ спеціальныхъ пріемовъ, на которые здѣсь можетъ быть указано только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Мѣриломъ для оцѣнки относительнаго достоинства и значенія отдѣльныхъ явленій исторіи философіи долженъ служить точный взглядъ на основныя начала и задачи философіи (§ 8, 9 и 10). Безъ этого условія, критика лишена была бы твердаго основанія и смѣшивала бы явленія, не имѣющія философскаго характера, съ истинно философскими.

Далѣе, историческая критика на поприщѣ философіи должна имѣть въ виду прежде всего основныя начала или принципы философскихъ воззрѣній (§ 5, 2). Всѣ частныя ученія мыслителей имѣютъ истинно философскій характеръ только въ связи съ ихъ принципами, потому что частное есть для философа или основаніе для вывода принципа, или же само выводится изъ принципа. Въ томъ и другомъ случаѣ существенное содержаніе воззрѣнія и значеніе его для прогресса философіи заключается въ его основномъ началѣ, обнимающемъ собою всѣ частности. Такимъ образомъ, историческій анализъ доводитъ философію до яснаго взгляда на развившіеся въ прошедшемъ основные принципы критическаго уразумѣнія міра и его явленій. Разные типы философскихъ воззрѣній и ихъ постепенное развитіе разъясняются надлежащимъ образомъ только съ точки зрѣнія этихъ философскихъ принциповъ, ихъ соотношенія и исто-

§ 20, 3 рическаго видоизмѣненія. Они составляютъ и основаніе для сравнительной оцѣнки философскихъ школъ и направленій (§ 7, 3) и для разсмотрѣнія вопроса, насколько каждая изъ нихъ содѣйствовала въ своемъ объемѣ разрѣшенію общихъ задачъ философіи.

Наконецъ, критическій анализъ данныхъ исторіи философіи долженъ имѣть и положительную тенденцію: опредѣлить тѣ элементы истины, которые представляются въ ученіяхъ знаменитѣйшихъ мыслителей человѣчества, въ разныхъ философскихъ школахъ и направленіяхъ прошедшаго. Эти положительные выводы историческаго анализа даютъ современному мыслителю прочное основаніе для его собственныхъ изслѣдованій въ дѣлѣ разрѣшенія задачъ философіи.

Литература. Авторы, указывающіе на значеніе исторіи философіи для самой философіи, приведены были уже въ началѣ этого сочиненія при разсмотрѣніи взгляда на исторію философіи, какъ *введенія въ философію*; см. § 2, 4.—Сюда относятся и *введенія* къ большинству болѣе обширныхъ *исторій философіи*, равно какъ монографіи по отдѣльнымъ философскимъ вопросамъ, школамъ и направленіямъ (см. § 7, 2, 3 *Лит*.).

3. Синтезъ, какъ методологическій пріемъ философіи.

§ 21.

Задачи и главные моменты философскаго синтеза.

§ 21. Анализъ, по существу своему, доводитъ до раздробленія нашихъ знаній. При его помощи мы разъясняемъ основные элементы и начала, входящіе въ составъ нашихъ воззрѣній на міръ и его явленія. Но этимъ, какъ мы видѣли (§ 19, 1), не исчерпывается задача философскаго уразумѣнія вещей. Предметы знанія, явленія міра, суть результатъ связи, соотношенія своихъ основныхъ началъ, и, кромѣ того, каждый отдѣльный предметъ, каждое частное явленіе сочетается со множествомъ другихъ, образующихъ сложныя произведенія бытія въ видѣ новыхъ цѣлыхъ, въ сочетаніи которыхъ представляется намъ, наконецъ, стройное цѣлое всеобщаго бытія, міра, вселенной. Синтезъ, какъ методо-

логическій пріемъ философіи, имѣетъ цѣлью вникнуть въ § 21.
тѣ умственныя образованія, при помощи которыхъ мы доходимъ до постепеннаго объединенія началъ и явленій бытія, какъ предмета знанія, оцѣнить ихъ значеніе въ общемъ міровоззрѣніи и указать на способъ ихъ правильнаго методическаго развитія.

Это синтетическое начало метода философіи обнимаетъ собою слѣдующіе основные моменты:

Во 1-хъ. Приступая къ самостоятельному критическому философствованію, мы встрѣчаемъ въ умѣ нашемъ цѣлый рядъ готовыхъ синтетическихъ образованій, развившихся путемъ естественной умственной дѣятельности. Эти образованія входятъ въ составъ нашего обыденнаго воззрѣнія на міръ, независимо отъ всякихъ философскихъ изысканій (см. напр. § 9, 2). Они свойственны каждому мыслящему уму и могутъ быть объединены, удобнѣйшимъ образомъ, въ понятіи *естественнаго міровоззрѣнія здраваго смысла или разсудка.*

Не задаваясь ни классификаціею, ни ближайшимъ опредѣленіемъ синтетическихъ началъ этого естественнаго міровоззрѣнія,—это задача особыхъ философскихъ изысканій,—мы скажемъ здѣсь только, что приведенныя начала касаются какъ дѣйствительности нашего собственнаго бытія, такъ и бытія вообще, какъ его непосредственно осязательныхъ свойствъ, такъ и стройности въ сочетаніи элементовъ міра и цѣлесообразности въ общемъ ходѣ его явленій (см. § 14, 3). Это значитъ, что естественное міровоззрѣніе обнимаетъ собою какъ логическіе, такъ и эстетическіе и этическіе элементы. Принимая въ основаніе реальное существованіе, съ одной стороны, мыслящей личности и вообще духа, а съ другой, внѣшняго бытія, здравый смыслъ смотритъ на міръ, какъ на одно цѣлое, наполняющее пространство и представляющееся въ стройномъ и цѣлесообразномъ соотношеніи своихъ составныхъ элементовъ (началъ, силъ, существъ и т д.). Вслѣдъ за симъ здравый смыслъ признаетъ за міромъ вообще и за его

§ 21. разнообразными существами извѣстное назначеніе, обнаруживающееся въ постепенномъ преемствѣ его явленій во времени, отъ началъ прошедшаго до отдаленнаго будущаго.

Эта общая схема естественнаго міровоззрѣнія, представляющаяся по своему частному содержанію въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, составляетъ необходимую исходную точку всякаго философствованія. Критическій анализъ ума, о которомъ была рѣчь выше (§ 20, 1), разлагаетъ это естественное міровоззрѣніе на составные элементы; философскій же синтезъ изъ этихъ раздробленныхъ и критически разъясненныхъ элементовъ возстановливаетъ цѣльное воззрѣніе на умъ и его дѣятельность, и этимъ пополняетъ шагъ за шагомъ естественное міровоззрѣніе здраваго смысла. При помощи этого пріема философія опредѣляетъ содержаніе и значеніе синтетическихъ образованій здраваго смысла и замѣняетъ, въ случаѣ возможности и надобности, его непосредственные, часто очень темные, несвязанные и неопредѣленные, или даже ошибочные взгляды на предметы новыми взглядами, болѣе ясными, послѣдовательными, опредѣленными и, по возможности, вѣрными.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что первый моментъ философскаго синтеза заключается въ методической разработкѣ естественнаго синтеза, обнаруживающагося въ обыденномъ міровоззрѣніи здраваго смысла, съ цѣлью придать этому міровоззрѣнію характеръ внутренней послѣдовательности, точности, ясности и вѣрности. Этотъ пріемъ мы называемъ *синтетическимъ дополненіемъ и видоизмѣненіемъ естественнаго міровоззрѣнія здраваго смысла.*

Во 2-хъ. Міровоззрѣніе здраваго смысла, по существу своему, касается вопросовъ, лежащихъ, такъ сказать, только на поверхности бытія. О болѣе трудныхъ вопросахъ знанія здравый смыслъ, самъ по себѣ, не имѣетъ надлежащаго понятія. Поэтому онъ нуждается въ дополненіи со стороны особыхъ научныхъ изслѣдованій, выходящихъ далеко за предѣлы обыденнаго кругозора здраваго смысла.

§ 21. Всякое научное изслѣдованіе есть явленіе умственной дѣятельности, превышающее, съ точки зрѣнія познанія вещей, непосредственныя данныя здраваго смысла. Послѣдній руководится преимущественно практическими, житейскими соображеніями и поэтому довольствуется господствующими взглядами и притомъ удобопримѣнимыми къ жизни, не обращая надлежащаго вниманія на общія начала, служащія основаніемъ его частныхъ положеній. Между тѣмъ *наука*, имѣя въ виду *истину* ради самой истины, изучаетъ предметы независимо отъ обыденныхъ потребностей жизни и стремится уразумѣть, главнымъ образомъ, *общія* начала частныхъ явленій міра, т. е. ихъ *законы*. Вслѣдствіе этого, и философія не можетъ довольствоваться однимъ разъясненіемъ синтетическихъ произведеній естественнаго міровоззрѣнія, болѣе точнымъ опредѣленіемъ и критическою оцѣнкою ихъ содержанія, но должна вникнуть въ тѣ общія объединительныя основанія бытія, которыя въ научной терминологіи обозначаются названіемъ его *началъ*, *сущности*, *причинъ* и окончательно высказываются въ такъ называемыхъ *законахъ* (см. § 5, 2). Объединеніе *законовъ* міра представляетъ собою самый высшій синтезъ человѣческаго знанія въ уразумѣніи объективнаго бытія. Въ немъ и заключается одна изъ самыхъ важныхъ задачъ философіи, какъ общаго міровоззрѣнія.

Въ стремленіи къ уразумѣнію упомянутыхъ синтетическихъ началъ всеобщаго бытія, т. е. его законовъ, философія находитъ богатый подготовительный матеріалъ въ изслѣдованіяхъ спеціальныхъ наукъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ въ виду опредѣленіе законовъ той группы явленій, которая составляетъ предметъ ея спеціальныхъ изслѣдованій. Философскій анализъ предположеній и результатовъ этихъ изслѣдованій (§ 20, 2) указываетъ на тѣ неоспоримыя данныя, которыя, согласуясь съ критическою теоріею познанія, должны быть приняты въ основаніе при образованіи общаго міровоззрѣнія. Задача же философскаго синтеза въ этомъ направленіи состоитъ въ соотвѣтственномъ

§ 21. сопоставленіи и пополненіи неоспоримыхъ данныхъ спеціальныхъ наукъ, въ особенности же ихъ законовъ, и въ выводѣ изъ нихъ заключеній касательно самыхъ высшихъ руководящихъ началъ всеобщаго бытія, вселенной.

Такое опредѣленіе всеобщихъ законовъ бытія на основаніи объединенія законовъ спеціальныхъ группъ явленій, насколько это оказывается возможнымъ при современномъ состояніи нашихъ знаній, есть второй моментъ философскаго синтеза. Мы называемъ его *синтезомъ критически оправданныхъ законовъ спеціальныхъ наукъ.*

Наконецъ, въ 3-хъ, слѣдуетъ замѣтить, что исторія умственнаго развитія человѣчества, въ особенности же исторія философіи обнимаетъ собою самыя разнообразныя попытки образовать полное, по возможности законченное міровоззрѣніе, объясняющее всѣ частныя явленія бытія съ точки зрѣнія его основныхъ началъ (§ 8). Критическій анализъ этихъ попытокъ (§ 20, з) выставляетъ на видъ всѣ тѣ данныя исторіи, которыя содѣйствуютъ окончательному разрѣшенію задачъ философіи и должны входить въ составъ новыхъ усилій по этому направленію. Сопоставленіе же и объединеніе этихъ данныхъ при образованіи самостоятельнаго законченнаго міровоззрѣнія,—составляетъ послѣдній моментъ философскаго синтеза, который мы можемъ назвать *историческимъ синтезомъ философскаго міровоззрѣнія.*

На основаніи этого пріема мыслитель представляетъ свое міровоззрѣніе не какъ синтетическое образованіе своего единичнаго ума, но какъ законный итогъ умственнаго развитія всего человѣчества, какъ результатъ историческаго прогресса философіи, и этимъ онъ оправдываетъ свои воззрѣнія, какъ передъ самимъ собою и современными мыслителями, такъ и передъ человѣческимъ умомъ вообще.

Разсматривая ближе приведенные моменты философскаго синтеза, мы видимъ, что они составляютъ дополненіе къ основнымъ моментамъ анализа, какъ методологическаго пріема философіи. Въ истинномъ методѣ философіи съ

критикою ума, т. е. съ анализомъ психическихъ элементовъ естественнаго воззрѣнія на міръ, сочетается синтетическое дополненіе и видоизмѣненіе этихъ элементовъ; далѣе, съ анализомъ данныхъ, почерпаемыхъ изъ спеціальныхъ наукъ, т. е. съ критикою ихъ предположеній и результатовъ сочетается синтетическое объединеніе неоспоримаго содержанія этихъ результатовъ, т. е. законовъ частныхъ группъ явленій міра; и наконецъ, съ анализомъ прошедшаго философіи, или съ историческою критикою ея содержанія сочетается историческій синтезъ всѣхъ началъ истины, добытыхъ изслѣдованіями предшествующихъ поколѣній. § 21.

Только всестороннее и добросовѣстное примѣненіе приведенныхъ методологическихъ пріемовъ можетъ дать мыслителю ручательство возможно точнаго и полнаго уразумѣнія міра и его явленій.

Примѣчаніе I-ое. Синтетическое дополненіе и видоизмѣненіе естественнаго міровоззрѣнія здраваго смысла. Самый критическій и отрицательный мыслитель не можетъ оторваться отъ обыденнаго воззрѣнія на міръ, навязывающагося ему съ непосредственною наглядностью, какъ естественный результатъ его умственнаго развитія. Мы можемъ разнообразно истолковывать, объяснять и пополнять наше естественное воззрѣніе на міръ, но мы не способны измѣнить его, такъ какъ оно представляется намъ, какъ фактъ, не подлежащій нашей самодѣятельности, но истекающій изъ причинъ и условій, отъ насъ не зависящихъ. § 21, 1.

Критика ума, какъ мы видѣли (§ 20, 1), имѣетъ задачею подвергнуть всестороннему анализу естественное воззрѣніе ума на міръ, разложить его содержаніе и опредѣлить, по возможности точно, его составные элементы или начала. На основаніи этого анализа и критическаго уразумѣнія началъ, входящихъ въ составъ естественнаго міровоззрѣнія, послѣднее принимаетъ для нашего сознанія совершенно иной характеръ. Первоначально всѣ данныя естественнаго міровоззрѣнія, на основаніи догматическаго довѣрія, отождествляются нашимъ умомъ непосредственно съ реальною дѣйствительностью и поэтому представляются намъ неоспоримо истинными. Вслѣдствіе же

§ 21, 1. анализа умственной дѣятельности и, въ особенности, вслѣдствіе различенія ея субъективныхъ и объективныхъ началъ, мы можемъ сомнѣваться въ объективности и истинности самыхъ наглядныхъ, съ перваго взгляда неоспоримыхъ, данныхъ естественнаго міровоззрѣнія. Оно и послѣ того признается нами вполнѣ, какъ фактъ нашего сознанія, какъ умственное явленіе; мы и теперь не оспариваемъ его важнаго значенія для нашихъ теоретическихъ и практическихъ стремленій. Но все это не рѣшаетъ еще вопроса объ объективной истинности данныхъ естественнаго міровоззрѣнія. Напротивъ, смотря по результатамъ критики ума, мы можемъ то или другое начало естественнаго міровоззрѣнія признать субъективнымъ и вслѣдъ за симъ лишить его мѣста въ истинномъ, объективномъ міровоззрѣніи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что философское міровоззрѣніе, основанное на синтезѣ исключительно тѣхъ элементовъ, которые критика ума признаетъ неоспоримо объективными, можетъ существенно расходиться съ естественнымъ міровоззрѣніемъ. Во всякомъ случаѣ, оказывается, что въ философствующемъ умѣ встрѣчаются два разныхъ міровоззрѣнія, одно—первоначальное, естественное, общее всѣмъ людямъ, отъ котораго никто оторваться не можетъ, и другое—пріобрѣтенное, искусственное, собственно философское, истолковывающее и дополняющее данныя естественнаго міровоззрѣнія.

Въ виду этого различія возникаетъ вопросъ о взаимномъ отношеніи обоихъ этихъ міровоззрѣній, — естественнаго и философскаго.

Мы встрѣчаемъ здѣсь прежде всего взглядъ, безусловно довѣряющій даннымъ естественнаго міровоззрѣнія. По этому взгляду, естественное міровоззрѣніе есть единственно возможное, потому что оно образовалось подъ вліяніемъ нормальнаго развитія умственной дѣятельности и даетъ непосредственное ручательство истины. Представители этого взгляда, во главѣ которыхъ стоитъ шотландскій мыслитель Томасъ Ридъ († 1796), требуютъ, чтобы философія ни въ чемъ не отступала отъ естественнаго воззрѣнія на міръ, напротивъ, чтобы она придерживалась его строго и видѣла всю свою задачу исключительно въ ближайшемъ объясненіи и обоснованіи его началъ. Такъ какъ эти начала объединяются обыкновенно въ понятіи *здраваго смысла* или *разсудка*, то приведенный взглядъ извѣстенъ подъ названіемъ философіи здраваго смысла или разсудка. По этой философіи, методологическими началами философствованія слѣдуетъ признать основныя истины или аксіомы общечеловѣче-

скаго смысла (common sense) и подчинять имъ, какъ руководящимъ принципамъ, всякаго рода научныя и философскія изслѣдованія, стремящіяся расширить наше познаніе вещей за предѣлы непосредственнаго свидѣтельства здраваго смысла. § 21, 1.

Въ приведенномъ взглядѣ высказываются слѣдующія неоспоримыя истины, на которыя отчасти указано было уже, какъ въ началѣ этого примѣчанія, такъ и при разсмотрѣніи вопроса о критикѣ ума (§ 20, 1), а именно:

во 1-хъ, что естественное міровоззрѣніе здраваго или общечеловѣческаго смысла должно служить исходною точкою всякаго философствованія;

во 2-хъ, что, несмотря на критическую оцѣнку началъ естественнаго міровоззрѣнія, мы не можемъ отъ нихъ оторваться вполнѣ и должны, по умственной и житейской необходимости, руководствоваться ими въ нашихъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру и другимъ людямъ, и наконецъ,

въ 3-хъ, что въ основныхъ началахъ естественнаго воззрѣнія на міръ обнаруживается общечеловѣческая организація ума, составляющая необходимое основаніе, какъ умственной дѣятельности вообще, такъ и въ особенности философскаго уразумѣнія міра.

Но вмѣстѣ съ этими истинами философія здраваго смысла, съ точки зрѣнія метода философіи, заключаетъ въ себѣ и слѣдующіе недостатки:

во 1-хъ, она не принимаетъ во вниманіе надлежащимъ образомъ принципа критики и признаетъ познавательное значеніе за началами естественнаго міровоззрѣнія на основаніи одного догматическаго довѣрія къ ихъ содержанію, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что многія положенія такъ называемаго здраваго смысла неточны, неясны и даже невѣрны;

во 2-хъ, она упускаетъ изъ виду трудности въ точномъ опредѣленіи началъ общечеловѣческаго смысла и признаетъ его синтетическія образованія истинными безъ ихъ предварительнаго анализа, въ особенности же безъ строгаго различія въ нихъ элементовъ случайныхъ, истекающихъ изъ самостоятельной, болѣе или менѣе произвольной дѣятельности отдѣльныхъ личностей, отъ элементовъ необходимыхъ и всеобщихъ, свойственныхъ каждому мыслящему уму,—и, наконецъ,

въ 3-хъ, она ограничиваетъ умственный кругозоръ мыслителя, оспаривая по принципу всякіе взгляды, расходящіеся съ цѣлымъ рядомъ предвзятыхъ положеній, вмѣсто того, чтобъ

§ 21, 1. расширить воззрѣніе на міръ до возможныхъ для ума человѣческаго предѣловъ при помощи разбора и такихъ взглядовъ, которые, не смотря на свое разногласіе съ господствующими понятіями, могутъ, однако, быть болѣе близкими къ истинѣ, чѣмъ пресловутыя аксіомы здроваго смысла.

Такимъ образомъ, ясно, что естественное міровоззрѣніе здраваго смысла необходимо нуждается въ философскомъ дополненіи. Это дополненіе составляетъ первое и самое существенное проявленіе синтеза въ философіи. Оно обнимаетъ собою слѣдующіе моменты:

Во 1-хъ. Философскій синтезъ пользуется при образованіи міровоззрѣнія только тѣми началами умственной дѣятельности, которыя подвергнуты были предварительному критическому разбору. Всякій синтезъ другихъ началъ, не подвергнутыхъ предварительной критикѣ, не имѣетъ философскаго характера.

Во 2-хъ. Необходимыя и всеобщія синтетическія образованія человѣческаго ума (напр. представленія и понятія собственнаго бытія и духа вообще, бытія внѣшняго міра или матеріи, пространства, времени, причинности, цѣлесообразности, явленія, сущности, закона и т. п.) подъ вліяніемъ философскаго синтеза принимаютъ ясно опредѣленный, сознательный характеръ. Сопоставляя критически разнообразныя начала этихъ образованій, философія, при ихъ возстановленіи, основывается на возможно точномъ уразумѣніи ихъ содержанія и значенія и этимъ дополняетъ обыденное употребленіе и пониманіе этихъ образованій ума.

Въ 3-хъ. Частное содержаніе понятій, сужденій, умозаключеній, вообще взглядовъ естественнаго міровоззрѣнія, сочетающееся непосредственно съ приведенными синтетическими образованіями и наполняющее всеобщія формы умственной дѣятельности, видоизмѣняется подъ вліяніемъ философскаго синтеза, или даже, по мѣрѣ надобности, замѣняется новымъ содержаніемъ. Это новое содержаніе есть слѣдствіе точнаго, на внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ, вообще на научномъ изслѣдованіи основаннаго знанія частныхъ явленій, входящихъ въ составъ синтетическихъ объединеній началъ міра.

Такимъ образомъ, философскій синтезъ преобразовываетъ методически обыденное міровоззрѣніе здраваго смысла и, возстановляя при помощи сознательныхъ умственныхъ процессовъ, только всеобщее и необходимое содержаніе естественнаго воззрѣнія на міръ, дополняетъ въ частности это содержаніе но-

выми понятіями, сужденіями, взглядами, истолковывающими основныя синтетическія образованія человѣческаго ума съ философской точки зрѣнія. § 21, 1.

Сравнивая между собою основныя начала приведенныхъ міровоззрѣній—здраваго смысла и философскаго, мы видимъ, что міровоззрѣніе здраваго смысла принимаетъ въ основаніе неоспоримое существованіе внѣшняго чувственнаго міра и представляется намъ, съ точки зрѣнія познанія вещей, какъ *естественный догматическій реализмъ*; между тѣмъ философія, по существу своему, основывается на непосредственныхъ данныхъ сознанія (см. § 12, 2) и принимаетъ вслѣдствіе этого характеръ *искусственнаго критическаго идеализма*. Синтезъ этихъ, съ перваго взгляда вполнѣ противоположныхъ принциповъ доводитъ послѣдовательно до уравновѣшиванія непосредственнаго свидѣтельства *жизни* съ теоретическими изслѣдованіями *науки*, и этимъ расширяетъ умственный кругозоръ обыденнаго воззрѣнія на міръ; наукѣ же и философіи придаетъ житейское значеніе.

Мы не можемъ въ настоящее время разсматривать въ частности методологическихъ пріемовъ, которыми философія пользуется при разрѣшеніи приведенной основной синтетической задачи. Скажемъ только, что синтезъ, о которомъ мы говоримъ, является слѣдствіемъ, съ одной стороны, критическаго объясненія воззрѣній естественнаго реализма на основаніи общей организаціи ума, т. е. на основаніи его идеалистическихъ началъ;—а съ другой стороны—слѣдствіемъ оправданія мыслительнаго идеализма, входящаго непосредственно въ составъ всякой научной теоріи, на основаніи фактовъ и явленій реальнаго бытія. Только при помощи этихъ пріемовъ можетъ быть доказано существенное согласіе между воззрѣніями здраваго смысла и философіи; только при помощи этихъ пріемовъ можно отыскать точку соприкосновенія между двумя противоположными областями, лежащими въ основаніи этихъ воззрѣній, т. е. между реальнымъ міромъ чувствъ и идеальнымъ міромъ ума. Мыслители, не обращающіе надлежащаго вниманія на эту синтетическую задачу философіи и на пріемы ея разрѣшенія, попадаютъ всегда въ крайности, далеко расходящіяся съ дѣйствительностью и истиною. Они переходятъ или на точку зрѣнія обыденнаго реализма, — и становятся догматическими объективистами, неспособными даже понять критическихъ задачъ философіи, или же, пренебрегая здравымъ смысломъ, вращаются въ однѣхъ субъективныхъ отвлеченностяхъ, лишенныхъ истин-

§ 21, 1. наго значенія, какъ для уразумѣнія реальнаго міра, такъ и для жизни.

Литература. На основное сочиненіе Рида указано было уже выше см. стр. 68. Сюда относится и его соч. *On the intellectual powers of man*, 1785,; гдѣ развиваются подробно приведенныя начала философіи *здраваго смысла* и исчисляются аксіомы послѣдняго. Къ нимъ принадлежатъ по Риду между прочимъ слѣдующіе аксіомы: все, засвидѣтельствованное нашимъ сознаніемъ и внутреннимъ чувствомъ, существуетъ реально; прдеметы, воспринимаемые нашими чувствами, существуютъ реально въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ представляются, естественныя способности ума, при помощи которыхъ мы различаемъ истину отъ лжи, не обманчивы, порядокъ природы даетъ намъ право предполагать, что, при однообразныхъ условіяхъ, будущее будетъ похоже на прошедшее; есть извѣстныя истины, съ которыми согласны всѣ люди, одаренные здравымъ смысломъ и т. д.

Въ нашемъ вѣкѣ знаменитѣйшимъ представителемъ философіи здраваго смысла былъ W. Hamilton, который, однако, во многихъ отношеніяхъ пополнилъ взгляды Рида ученіемъ Канта (см. выше стр. 71). Здѣсь слѣдуетъ упомянуть снова о Кантѣ. Его критицизмъ обнаруживаетъ въ сущности тенденцію дополнить и мыслительно преобразовать естественное міровоззрѣніе. Но между тѣмъ какъ его *Критика чистаго разума* имѣетъ преимущественно аналитическій характеръ и поэтому доводитъ до отрицательныхъ результатовъ, его *Критика практическаго разума*, главнымъ, образомъ синтетична и стремится объединить въ одно цѣлое тѣ послѣднія, неразложимыя начала умственной жизни, которыя противостояли его критическому анализу. Многочисленные современные послѣдователи Канта расходятся между собою именно по поводу разнаго примѣненія *синтетическаго* пріема къ критикѣ ума. Одни видятъ въ этомъ пріемѣ только проявленіе субъективнаго мыслительнаго творчества; другіе, напротивъ, стремятся пополнить критику теоретическаго разума соотвѣтственнымъ синтезомъ его основныхъ началъ и этимъ дойти до положительнаго міропониманія не только съ практической, но и съ теоретической точки зрѣнія. Объ этомъ мы говорили обстоятельно выше въ §§ 14 и 15. См. *Лит.* къ этимъ параграфамъ.

§ 21, 2. **Примѣчаніе 2-ое. Синтезъ критически оправданныхъ законовъ спеціальныхъ наукъ.** Каждая изъ спеціальныхъ наукъ доходитъ до объединенія результатовъ своихъ частныхъ изслѣдованій, т. е. доходитъ до извѣстныхъ синтетическихъ выводовъ, которые окончательно высказываются въ *законахъ* данной группы явленій. Объединеніе самыхъ же этихъ законовъ не составляетъ уже задачи спеціальныхъ наукъ; напротивъ, разногласіе ихъ основныхъ предположеній, о которомъ мы упоминали выше (§ 20, 2), затрудняетъ до того приведеніе ихъ законовъ къ одному общему знаменателю, что оно оказывается обыкновенно, съ перваго взгляда, почти невозможнымъ. Впрочемъ, спеціальныя науки, занятыя своими частными изслѣдованіями, не нуждаются вовсе въ подобномъ согласованіи законовъ

разныхъ сферъ человѣческаго знанія. Философія, однако, стремясь по существу своему къ общему міровоззрѣнію и пользуясь для этой цѣли результатами изслѣдованій спеціальныхъ наукъ, должна непремѣнно заботиться объ ихъ соотвѣтственномъ объединеніи, о сведеніи ихъ къ извѣстнымъ всеобщимъ началамъ, способнымъ разъяснить дѣйствіе разнородныхъ законовъ въ одномъ и томъ же мірѣ. § 21, 2.

Изъ этого отношенія философіи къ другимъ наукамъ истекаетъ методологическое требованіе—основывать философское міровоззрѣніе на синтезѣ только тѣхъ выводовъ или законовъ спеціальныхъ наукъ, которые оказались неоспоримыми при критическомъ разборѣ ихъ содержанія (см. § 20, 2).

Все разнообразіе законовъ спеціальныхъ наукъ сводится къ двумъ основнымъ типамъ, каковы: *физическіе* и *біологическіе* законы въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Представимъ здѣсь общее содержаніе и характеристическія черты каждаго изъ приведенныхъ типовъ, чтобы этимъ ближе разъяснить методологическій пріемъ ихъ синтеза въ философскомъ міровоззрѣніи.

Первый типъ, называемый нами *физическими* законами, обнимаетъ собою самыя высшія обобщенія естествознанія въ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. науки о внѣшней, чувственной природѣ. Сюда принадлежатъ главнымъ образомъ законы, составляющіе предметъ *динамики*, *физики* и *химіи* (см. выше стр. 45), какъ наукъ, разсматривающихъ тѣ всеобщія начала природы, которыя входятъ въ составъ каждаго явленія ея. Теоретическимъ предположеніемъ этихъ законовъ служитъ опредѣленіе физической природы, какъ совокупности явленій, осязаемыхъ чувствами и внѣшнимъ опытомъ и обнаруживающихся среди однообразныхъ условій однообразными движеніями своихъ составныхъ элементовъ. Вслѣдствіе этого предположенія, физическіе законы имѣютъ въ концѣ концовъ характеръ *механическій*, заключающійся въ томъ, что каждый новый моментъ движенія зависитъ безусловно отъ предшествующихъ ему и является ихъ прямымъ слѣдствіемъ.

Мы видѣли выше, при разсмотрѣніи отношенія философіи къ естественнымъ наукамъ (§ 13, 1), что основная тенденція новѣйшаго естествознанія состоитъ въ томъ, чтобы всѣ явленія природы свести, по возможности, къ дѣйствію законовъ *механики*. Въ этихъ законахъ естествоиспытатель признаетъ самый высшій объяснительный принципъ своей науки, отъ котораго онъ отступаетъ только въ случаѣ крайней необходимости, когда

§ 21, 2. въ природѣ встрѣчаетъ факты, не допускающіе безусловнаго и послѣдовательнаго примѣненія этого принципа. Такіе факты, однако, представляются изслѣдователю въ явленіяхъ жизни, на что тоже указано было выше. Въ области явленій жизни уже оканчивается простое, естественное примѣненіе механическихъ законовъ. Знаменитѣйшіе естествоиспытатели сознаются въ этомъ совершенно откровенно, а тѣ изъ нихъ, которые, несмотря на существенное различіе механическихъ законовъ и явленій жизни, стремятся послѣднюю объяснить при помощи первыхъ, попадаютъ въ произвольныя и натянутыя теоріи, лишенныя научнаго характера. Поэтому именно и самое строгое естествознаніе не можетъ отрицать существованія и дѣйствія въ мірѣ такихъ законовъ, которые лежатъ уже за предѣлами механическихъ принциповъ, господствующихъ въ физической природѣ.

Эти законы, стоящіе надъ началами механики, составляютъ именно второй типъ, называемый нами *біологическими* законами. Законы эти обнимаютъ собою явленія *жизни*, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ смыслѣ *жизнь* обнимаетъ собою слѣдующіе ряды явленій:

во 1-хъ, происхожденіе и развитіе земли и другихъ небесныхъ тѣлъ, какъ космическаго цѣлаго,

во 2-хъ, происхожденіе и развитіе органической жизни,

въ 3-хъ, физіологическія отправленія всѣхъ организмовъ, отъ самыхъ простыхъ до человѣка,

въ 4-хъ, происхожденіе и развитіе душевной жизни,

въ 5-хъ, душевныя явленія, обнаруживающіяся въ органическихъ существахъ, и, наконецъ,

въ 6-хъ, исторію, какъ явленія совокупнаго развитія отдѣльныхъ народовъ и человѣчества.

Все это частныя явленія одного всеобщаго факта *жизни*, проникающей вселенную и составляющей, такъ сказать, душу всѣхъ механическихъ движеній ея.

Что касается спеціальныхъ наукъ, изучающихъ эти явленія жизни и имѣющихъ вслѣдствіе того своимъ предметомъ опредѣленіе ея законовъ, однѣ изъ нихъ, какъ извѣстно, причисляются цѣликомъ къ *естествознанію*,—сюда относятся именно науки, которыя изучаютъ явленія, обнимаемыя 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ пунктами; другія же, по своимъ главнымъ предметамъ, принадлежатъ къ *гуманитарнымъ* наукамъ (см. стр. 47).

Относительно первыхъ изъ упомянутыхъ наукъ, т. е. тѣхъ естественныхъ наукъ, которыя изучаютъ явленія жизни, слѣ-

дуетъ сказать, что онѣ находятся въ настоящее время въ неопредѣленномъ, переходномъ состояніи и поэтому не доводятъ до какихъ либо окончательныхъ выводовъ, могущихъ служить основаніемъ для опредѣленія законовъ жизни. Большинство ученыхъ руководится до сихъ поръ въ области этихъ біологическихъ наукъ приведенными выше предположеніями механическаго естествознанія. Но такъ какъ эти предположенія, согласно фактическимъ доказательствамъ, представленнымъ другими спеціалистами, оказываются слишкомъ узкими и недостаточными для научнаго объясненія даже физіологическихъ отправленій организма (см. стр. 135 и слѣд.), то слѣдуетъ сказать, что естествознаніе не доводитъ еще до сихъ поръ до окончательнаго разъясненія законовъ даже самыхъ простыхъ явленій органической жизни. § 21, 2.

Еще болѣе затрудненій при опредѣленіи законовъ жизни встрѣчаютъ тѣ гуманитарныя науки, которыя занимаются изученіемъ самыхъ высшихъ явленій жизни, т. е. умственныхъ явленій человѣка и ихъ развитія въ исторіи человѣчества. Ученые на этомъ поприщѣ руководствуются въ своихъ изслѣдованіяхъ до того расходящимися принципами, что объединеніе этихъ принциповъ не совершилось до сихъ поръ въ предѣлахъ этихъ спеціальныхъ наукъ. Вслѣдствіе того обстоятельства, что въ современной наукѣ, по указаннымъ выше причинамъ (см. стр. 128 и слѣд.), господствуютъ предположенія естествознанія, одни изъ представителей гуманитарныхъ наукъ руководствуются исключительно этими предположеніями и стремятся не къ опредѣленію особыхъ законовъ, соотвѣтствующихъ вполнѣ явленіямъ душевной жизни и ея развитію, но имѣютъ въ виду объясненіе этихъ явленій во что бы то ни стало съ точки зрѣнія естествознанія, т. е. на основаніи физическихъ законовъ внѣшней природы. Другіе же спеціалисты по этимъ наукамъ, хотя и признаютъ своеобразность явленій душевной жизни, ограничиваютъ, однако, по большей части свои изслѣдованія тѣснымъ кругомъ фактовъ своей спеціальности и вслѣдствіе того доходятъ до выводовъ, называемыхъ ими законами тѣхъ или другихъ частныхъ явленіи душевной жизни и ея развитія (напр. законы индивидуальной психологіи, психофизики, языковѣденія, соціологіи, исторіи и т. п.); но законы эти не опредѣлились до сихъ поръ въ наукѣ соотвѣтственнымъ образомъ и не признаны всѣми спеціалистами. Кромѣ того эти законы не указываютъ еще на тѣ всеобщія начала, которыя дѣйствуютъ въ явленіяхъ умственной жизни человѣка, и не объясняютъ

§ 21, 2. окончательно отличительныхъ чертъ этихъ явленій въ сравненіи съ другими явленіями міра.

Такимъ образомъ оказывается, что изученіе явленій жизни не созрѣло еще до того въ предѣлахъ спеціальныхъ наукъ, чтобы философія, при образованіи общаго міровоззрѣнія, могла непосредственно воспользоваться рядомъ точно опредѣленныхъ біологическихъ законовъ, имѣющихъ въ этой сферѣ бытія такое же неоспоримое и всеобщее значеніе, какъ физическіе законы по отношенію къ явленіямъ чувственной природы. Напротивъ, критическое разсмотрѣніе результатовъ всѣхъ наукъ, изучающихъ явленія жизни, и по возможности точное объединеніе ихъ неоспоримыхъ выводовъ составляетъ все еще одну изъ очень важныхъ синтетическихъ задачъ философіи по отношенію къ этимъ наукамъ.

Несмотря на такое состояніе современной науки при изученіи явленій жизни, послѣднія обнаруживаютъ фактически извѣстныя черты, которыя отличаютъ ихъ существенно отъ явленій физическихъ. Ученые біологи указываютъ на цѣлый рядъ такихъ чертъ. Одни останавливаются прежде всего на устройствѣ организма, какъ носителя жизни, и разсматриваютъ свойства, которыми онъ отличается отъ неорганическихъ тѣлъ. Другіе видятъ въ способности пріостановлять процессы разложенія тѣла самое существенное начало жизни. Третьи признаютъ главнымъ признакомъ жизни ея внутреннее самодвиженіе, обнаруживающееся въ отправленіяхъ ассимиляціи, питанія, роста, развитія. Наконецъ, иные указываютъ на приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ, какъ на выдающуюся черту явленій жизни. Кромѣ того біологія изучаетъ и много другихъ характеристическихъ чертъ, доказывающихъ фактически своеобразность явленій жизни и ихъ существенное различіе отъ остальныхъ явленій міра.

Не задаваясь здѣсь подробнымъ объясненіемъ и разборомъ приведенныхъ свойствъ явленій жизни, въ видахъ общей характеристики біологическихъ законовъ, замѣтимъ только, что всѣ они тѣснѣйшимъ образомъ сочетаются съ идеею *цѣлесообразности* и имѣютъ вслѣдствіе того *телеологическій* характеръ, противопоставляющійся механическому характеру физическихъ законовъ. Это оправдывается слѣдующими замѣчаніями:

Во 1-хъ. Органическое устройство живого существа представляетъ всѣ характеристическія черты *цѣлесообразности*, въ смыслѣ даннаго выше объясненія этого понятія (см. стр. 182 и слѣд., ср. тоже стр. 167 и слѣдующ. и 139 и слѣд.). Организмъ

есть такое объединеніе множества частныхъ моментовъ (химическихъ элементовъ, физическихъ процессовъ, органическихъ клѣточекъ, органовъ и ихъ функцій), въ которомъ всѣ эти моменты направлены къ сохраненію и развитію цѣлаго, а это послѣднее въ свою очередь содѣйствуетъ сохраненію и развитію каждой отдѣльной своей составной части. Наука можетъ съ разныхъ точекъ зрѣнія объяснять это соотношеніе началъ организма, но самаго факта *цѣлесообразности*, обнаруживающагося въ немъ, устранить не можетъ.

Во 2-хъ. Самодѣятельность живого существа направлена къ осуществленію извѣстныхъ *цѣлей*, истекающихъ изъ его природы. Цѣли эти обнаруживаются, какъ во внутреннихъ, психическихъ пружинахъ или мотивахъ его стремленій, такъ и во внѣшнихъ движеніяхъ или дѣйствіяхъ его, направленныхъ къ осуществленію цѣлей. Вслѣдствіе того, живыя существа образуютъ *живыя системы цѣлей*, видоизмѣняющія своимъ дѣйствіемъ окружающую ихъ среду, согласно этимъ цѣлямъ. Изъ этого оказывается, что внутренняя и внѣшняя жизнь каждаго живого существа, вся его дѣятельность есть явленіе дѣйствующей въ немъ цѣлесообразности; поэтому и законы, опредѣляющіе общія начала этой дѣятельности, по существу своему имѣютъ характеръ *телеологическій*. Это доказываютъ на каждомъ шагу въ особенности тѣ науки, которыя имѣютъ предметомъ изученіе законовъ самыхъ высшихъ явленій дѣятельности живыхъ существъ, т. е. законовъ *мышленія*, *чувствованія* и *воли* человѣка. Эти науки: *логика*, *эстетика* и *этика*. Онѣ разъясняютъ стремленія человѣка къ самымъ высшимъ цѣлямъ его умственной жизни, каковы: *истина*, *красота* и *добро* (см. § 14, 3).

Въ 3-хъ. Фактъ общаго развитія органической жизни въ природѣ, равно какъ и фактъ историческаго развитія народовъ и всего человѣчества свидѣтельствуютъ о дѣйствіи *телеологическихъ* началъ не только въ устройствѣ и дѣятельности отдѣльныхъ живыхъ существъ, но и въ образованіи сложныхъ формъ ихъ общежитія и въ развитіи этихъ формъ. Различіе половъ, расположеніе, приспособленіе, наслѣдственность, образованіе семействъ, видовъ, племенъ, народовъ, исторія послѣднихъ, представляющая осуществленіе извѣстныхъ руководящихъ идеаловъ, наконецъ, постепенное объединеніе народовъ и всего человѣчества, благодаря развитію культуры, нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ—все это факты, которые могутъ быть безъ натяжки объяснены только съ точки зрѣнія *цѣлесообразности*, какъ одного изъ всеобщихъ законовъ міра. Факты

§ 21, 2 эти показываютъ наглядно, что устройство отдѣльныхъ живыхъ существъ и ихъ самодѣятельность составляютъ въ сущности только *средства* при осуществленіи *цѣлей* всеобщей жизни міра.

Ближайшее опредѣленіе этихъ цѣлей, ихъ объясненіе съ точки зрѣнія какъ общаго хозяйства природы, такъ и въ особенности историческаго движенія народовъ и всего человѣчества принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ труднымъ задачамъ *философіи природы* и *философіи исторіи*. На трудности эти указано было болѣе подробно выше (стр. 213 и слѣд.). Тѣмъ не менѣе, упомянутые факты неоспоримы и не выводимы изъ механическихъ законовъ мертвой природы.

Въ новѣйшее время, въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ приверженцевъ теоріи развитія, или такъ называемаго эволюціонизма Дарвина, стремились воспользоваться этою теоріею для вывода цѣлесообразныхъ явленій природы изъ первичныхъ механическихъ началъ. Попытки, однако, эти основываются на поразительной *petitio principii*, ибо, при ближайшемъ разборѣ, оказывается, что цѣлесообразность не выводима изъ *развитія* и его механическихъ пособій, такъ какъ развитіе само есть телеологическая идея, а весь механизмъ развитія имѣетъ въ теоріи эволюціи характеръ самыхъ простыхъ, т. е. *цѣлесообразнѣйшихъ* средствъ для осуществленія *цѣлей* жизни и развитія. Поэтому одинъизъ остроумнѣйшихъ критиковъ дарвинизма Отто Либманнъ, могъ совершенно справедливо сказать, что Чарльсъ Дарвинъ есть одинъ изъ величайшихъ телеологовъ нашего времени.

Вышесказанное показываетъ, что всѣ законы міра обнимаютъ собою два противоположныхъ принципа, объясняющихъ фактическій матеріалъ нашего знанія, т. е. принципъ *механизма* и принципъ цѣлесообразности или *телеологіи*. Эти принципы въ свою очередь могутъ быть сведены къ двумъ идеямъ, лежащимъ въ основѣ нашихъ воззрѣній на движенія, какъ міра вообще, такъ и его существъ, т. е. къ идеямъ *необходимости* и *свободы*. Механическіе законы природы тѣсно связаны съ идеею о *необходимости*, ибо, благодаря ихъ дѣйствію, каждый новый моментъ въ процессахъ и движеніяхъ міра опредѣляется цѣликомъ предшествующими моментами и есть ихъ непосредственное слѣдствіе. Напротивъ, явленія жизни и цѣлесообразности имѣютъ характеръ *свободной самодѣятельности*, причина которой лежитъ не внѣ ея, но въ ней, зависитъ не отъ чужихъ началъ, но отъ началъ, присущихъ ей самой. Разница между

самими выдающимися явленіями мертваго механизма и живого организма заключается, главнымъ образомъ, въ необходимыхъ движеніяхъ перваго и свободныхъ движеніяхъ послѣдняго.

Съ этимъ различіемъ сочетается, наконецъ, и различіе между тѣмъ, что̀ *есть* фактически въ данный моментъ времени и въ данномъ мѣстѣ, и тѣмъ, что̀ *должно* быть съ точки зрѣнія всеобщихъ началъ бытія, между *реальною* и *идеальною* дѣйствительностью. Физическіе законы и механическая необходимость объясняетъ соотношеніе и равновѣсіе элементовъ и силъ природы, какъ законченнаго явленія настоящаго; но прошедшее и будущее міра, смыслъ его движеній и развитія, логическія, эстетическія и нравственныя начала, обнаруживающіяся въ немъ, — все это становится для насъ понятнымъ только при помощи основныхъ законовъ всеобщей жизни, законовъ *телеологическихъ*, опредѣляющихъ самодѣятельную, разумную цѣлесообразность міровыхъ процессовъ, исторіи міра.

Синтетическая задача философіи по отношенію къ приведеннымъ выше спеціальнымъ наукамъ состоитъ въ согласованіи физическихъ и біологическихъ законовъ, изучаемыхъ этими науками, т. е. въ объясненіи совмѣстнаго дѣйствія въ мірѣ началъ механической необходимости и цѣлесообразной свободы, фактической реальности и идеальныхъ пружинъ ея жизненныхъ движеній.

На методъ разрѣшенія этой задачи, равно какъ и на попытки по этому направленію указано было въ общихъ чертахъ выше при обзорѣ *мета-механическихъ* изслѣдованій новѣйшаго времени (см. стр. 137 и слѣд. и 145 и слѣд.). Здѣсь добавимъ только еще, что во имя единства всеобщаго бытія нельзя допустить истиннаго противорѣчія между этими началами. Если они представляются намъ противорѣчивыми, то это можетъ быть только слѣдствіемъ неточнаго ихъ пониманія и опредѣленія, но никакъ не вытекаетъ изъ реальнаго противорѣчія самихъ этихъ началъ, такъ какъ они обнаруживаются неоспоримыми фактами и притомъ сочетаются тѣснѣйшимъ образомъ въ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ міра. Фактическій синтезъ физическихъ и біологическихъ законовъ, неорганической и органической природы, механизма и цѣлесообразности, необходимости и свободы,—долженъ высказываться и въ синтезѣ нашихъ воззрѣній на эти два ряда явленій, т. е. въ такомъ опредѣленіи ихъ, чтобы мы, по возможности, приближались къ уразумѣнію ихъ взаимнаго пополненія и гармоническаго соединенія въ дѣйствительномъ мірѣ.

§ 21, 2. Этимъ указаніемъ на общее направленіе философскихъ изслѣдованій по затронутымъ выше вопросамъ,—мы исполнили нашу настоящую задачу съ методологической точки зрѣнія. Болѣе подробное изученіе этихъ вопросовъ и ихъ возможно точное разрѣшеніе составляетъ уже предметъ дальнѣйшихъ частныхъ изысканій на этомъ поприщѣ

Литература. Кантъ разсматриваетъ всесторонне вопросъ о механизмѣ и цѣлесообразности, какъ методологическихъ пріемахъ въ своей *Критикѣ способности сужденія*, часть II-ая *критика телеологической способности сужденія* (см. выше стр 75). Цѣлесообразность Кантъ признаетъ руководящимъ *(регулятивнымъ)* принципомъ ума при уразумѣніи міра; ему противопоставляется принципъ механизма, объясняющій явленія съ точки зрѣнія ихъ чувственныхъ и вещественныхъ началъ. Связи этихъ двухъ принциповъ въ мірѣ разумъ нашъ, по Канту, понять не способенъ; но Кантъ полагаетъ, что въ недоступномъ для насъ внутреннемъ началѣ природы оба эти принципа могутъ совпадать и образовать одинъ принципъ, который, однако, можетъ быть уразумѣваемъ единственно *интуитивнымъ разсудкомъ* (intuitiver Verstand), превышающимъ наши умственныя способности Такимъ образомъ, Кантъ и здѣсь остается въ сущности дуалистомъ, не видящимъ исхода изъ *антиномій* (противорѣчій) человѣческаго разума

Тѣмъ не менѣе, всѣ *системы* философіи послѣ Канта по новѣйшее время, слѣдовательно и тѣ, о которыхъ мы упомянули въ § 1, 3, представляютъ попытки синтетическаго объединенія, какъ началъ нашего знанія вообще, такъ и въ особенности приведенныхъ основныхъ началъ или законовъ спеціальныхъ наукъ. Чѣмъ основательнѣе и полнѣе система философіи, тѣмъ она доводитъ до болѣе глубокаго и всесторонняго уразумѣнія разнообразныхъ законовъ міра, безъ произвольнаго и натянутаго истолкованія ихъ характеристическаго содержанія. Очень легко дойти до послѣдовательнаго міровоззрѣнія, принимая произвольно въ основаніе одинъ изъ приведенныхъ типовъ законовъ міра и отрицая другой, вопреки неоспоримымъ фактамъ. Такихъ односторонніхъ системъ много. О нихъ даетъ приблизительное понятіе обзоръ предметныхъ опредѣленій философіи, представленный въ § 8, 2. Но философія, свободная отъ школьнаго доктринерства, основывающаяся на неоспоримыхъ данныхъ спеціальныхъ наукъ, имѣетъ въ виду не развитіе предвзятыхъ принциповъ, но разъясненіе фактическаго разнообразія міра при помощи началъ, обнаруживающихся въ немъ самомъ. Это, несомнѣнно, задача трудная, но стремленіе къ ея приблизительному разрѣшенію способно единственно придать философіи серіозное научное значеніе и ограничить возникновеніе произвольныхъ системъ мыслей, не имѣющихъ ничего общаго съ положительнымъ знаніемъ міра. Съ такой именно точки зрѣнія и смотритъ на задачи философіи большинство современныхъ мыслителей, упомянутыхъ нами при разборѣ отношенія философіи къ естественнымъ наукамъ; см. § 13, въ особенности стр. 130 и слѣд.

Въ этомъ духѣ представляется тоже попытка синтетическаго объединенія законовъ разныхъ спеціальныхъ наукъ и, въ особенности, началъ необходимости и свободы, механизма и цѣлесообразности, съ устраненіемъ ихъ кажущагося противорѣчія, въ разсужденіяхъ H. Struve: *Psychologisch-metaphysische Analyse des Begriffs der Nothwendigkeit*, и *Psychologisch-metaphysische Ana-*

lyse des Begriffs der Freiheit, въ *Philosophische Monatshefte*, 1 и 2, 8 и 9 кн. 1874. § 21, 2.

Приведенное выше мнѣніе о Дарвинѣ высказываетъ O. Liebmann въ соч. *Gedanken u Thatsachen*. 1882, стр. 113. Einer der grössten Teleologen der Gegenwart ist Charles Darwin. См. тоже гл. *Платонизмъ и дарвинизмъ* въ его соч. *Analysis der Wirklichkeit* 2-ое изд. 1880. Сюда относится основательное изслѣдованіе по этому предмету Н. Я. Данилевскаго о *Дарвинизмѣ*, 1885—1889.

Примѣчаніе 3-ье. Историческій синтезъ философскаго міровоззрѣнія. § 21, 3. Критическій анализъ данныхъ исторіи философіи обнаруживаетъ тѣ начала истины, которыя добыты были мыслителями прошедшихъ поколѣній, нашими предшественниками (см. § 20, 3). Но одно раскрытіе этихъ началъ истины не исчерпываетъ собою всѣхъ пріемовъ историческаго метода философіи. Анализъ историческихъ данныхъ составляетъ только одно изъ средствъ для разрѣшенія основныхъ задачъ философіи, для достиженія главной цѣли ея, заключающейся въ образованіи общаго міровоззрѣнія. Полное осуществленіе этой цѣли обусловливается не только представленіемъ раздѣльныхъ элементовъ исторической истины, но, равнымъ образомъ, и сочетаніемъ этихъ элементовъ въ одно, возможно полное и стройное цѣлое, т. е. ихъ синтезомъ. Даже самый самостоятельный мыслитель долженъ въ своемъ стремленіи создать новое, болѣе удовлетворительное міровоззрѣніе, воспользоваться истинами, раскрытыми его предшественниками. Но это возможно только на основаніи дополненія историческаго анализа прошедшаго синтезомъ заключающихся въ немъ неоспоримыхъ данныхъ.

Первая задача историческаго синтеза на поприщѣ философіи состоитъ въ группировкѣ философскихъ началъ прошедшаго, въ ихъ соотвѣтственной классификаціи. Начала эти представляются намъ въ такъ называемыхъ философскихъ *направленіяхъ* или *школахъ*. Подробный разборъ этихъ направленій, ихъ классификація и критическая оцѣнка составляетъ, какъ мы видѣли, предметъ особой части той основной науки философіи, изложеніемъ которой мы заняты въ настоящее время (см. § 7, 3). Здѣсь, при разсмотрѣніи метода философіи, обратимъ наше вниманіе по этому поводу только на слѣдующіе моменты.

Каждое изъ типическихъ направленій философской мысли заключаетъ въ себѣ извѣстную долю истины. Это истекаетъ изъ самой сущности философскаго направленія. Какъ серіозныя попытки ума человѣческаго уразумѣть міръ, философскія направленія разсматриваютъ міръ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Эти

§ 21, 3. разныя точки зрѣнія суть, однако, въ свою очередь, естественный результатъ, какъ субъективной организаціи ума, такъ и объективнаго матеріала опыта, и, наконецъ, взаимнаго отношенія этихъ основныхъ началъ человѣческаго знанія (см. § 4, 1). Различіе философскихъ направленій есть главнымъ образомъ слѣдствіе преобладанія въ воззрѣніяхъ мыслителей то субъективныхъ, умственныхъ, то объективныхъ, предметныхъ началъ знанія. Но такъ какъ оба эти начала даны въ самомъ процессѣ знанія и тѣсно связаны со всякимъ вообще міровоззрѣніемъ, то разсмотрѣніе міра съ этихъ разныхъ точекъ зрѣнія является не только возможнымъ, но даже необходимымъ для его всесторонняго и полнаго уразумѣнія. Противорѣчія между философскими направленіями вытекаютъ непосредственно не изъ различія ихъ точекъ зрѣнія, а изъ другихъ причинъ.

По существу своему разныя философскія направленія должны дополнять другъ друга, подобно тому, какъ дополняютъ другъ друга изображенія предметовъ на сѣтчатыхъ оболочкахъ двухъ глазъ, или изображенія двухъ сторонъ одного и того же предмета. Противорѣчія между философскими направленіями суть всегда только слѣдствіе односторонности и исключительности, съ которыми каждое изъ нихъ признаетъ свою точку зрѣнія единственно возможною и исключительно истинною. Въ силу этой односторонности и исключительности философскія направленія доводятъ обыкновенно свои, въ сущности вполнѣ вѣрные, начала и принципы до крайности и опровергаютъ безусловно не только крайности, но даже и вѣрныя начала и принципы противоположныхъ направленій. Поэтому уже Лейбницъ совершенно справедливо сказалъ, что философскія системы вѣрны въ томъ, что̀ утверждаютъ положительно, а ложны только въ томъ, что̀ отрицаютъ (les systemes sont vrais dans ce qu'ils affirment, faux seulement dans ce qu'ils nient).

Объединеніе тѣхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ разныхъ точекъ зрѣнія при уразумѣніи міра, — вотъ самый существенный пріемъ историческаго синтеза на поприщѣ философіи.

Согласно указаннымъ началамъ человѣческаго знанія, все богатство и разнообразіе философскихъ направленій можетъ быть сведено къ двумъ кореннымъ, принимающимъ въ основаніе міропониманія или субъектъ или объектъ познанія, мыслительную дѣятельность или внѣшній опытъ, умъ или чувства.

Съ точки зрѣнія *субъекта* и его умственныхъ процессовъ всѣ предметы знанія, слѣдовательно, и весь объективный міръ, разлагаются въ концѣ концовъ на первичныя умственныя нача-

ла, принимающія участіе въ субъективномъ воспріятіи всякаго вообще предмета и придающія ему форму, соотвѣтствующую природѣ и организаціи ума. Вслѣдствіе синтеза этихъ умственныхъ началъ міропониманія и, воображая притомъ, что эти начала обнимаютъ собою весь міръ, все существующее, мыслители, стоящіе на этой точкѣ зрѣнія, доходятъ послѣдовательно до заключенія, что міръ есть одно умственное цѣлое, согласное по своему существу во всѣхъ отношеніяхъ съ содержаніемъ ума. Нужно только дать себѣ отчетъ въ этомъ содержаніи ума, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ дойти до возможно точнаго и полнаго міропониманія. § 21, 3

Эта точка зрѣнія высказывается въ направленіи, называемомъ по своему общему характеру *идеализмомъ*, потому что идельное содержаніе ума составляетъ основное начало міропониманія съ этой точки зрѣнія. По методу познанія вещей это направленіе принимаетъ характеръ *раціонализма*, потому что видитъ въ умственной способности *разума* (*ratio*) главное орудіе и даже источникъ познанія міра. Что же касается метафизическихъ воззрѣній, т. е. тѣхъ воззрѣній, которыми опредѣляются начала объективнаго бытія, то приведенная точка зрѣнія доводитъ послѣдовательно до такъ называемаго *спиритуализма*, признающаго *духъ* (spiritus) сущностью всеобщаго бытія.

Въ противоположномъ видѣ представляется намъ міръ, когда мыслью переносимся на точку зрѣнія *объективнаго* начала познанія. Такъ какъ объектъ, предметъ знанія, противопоставляется естественному сознанію, какъ нѣчто внѣшнее, отличное отъ субъекта, то эта внѣшность объекта знанія и его различіе отъ субъекта принимаетъ для ума характеръ бытія, лишеннаго субъективныхъ началъ, не заключающаго въ себѣ никакого идеальнаго содержанія. Въ этомъ смыслѣ объективное направленіе мысли, по своему общему характеру, противопоставляется идеализму подъ названіемъ *реализма*. Такъ какъ, далѣе, съ этой объективной точки зрѣнія главными источниками и пособіями познанія міра признаются не мыслительная дѣятельность разума, но внѣшнія чувства и опытъ, то по своимъ методологическимъ принципамъ эта точка зрѣнія доводитъ до направленій, извѣстныхъ подъ названіемъ *сенсуализма* (отъ *sensus*) и *эмпиризма* (ἐμπειρία=опытъ). Наконецъ, имѣя въ виду свести все существующее къ началу, противопоставляющемуся по своимъ качествамъ мыслящему субъекту, т. е. къ началу, лишенному мысли и называемому *матеріею*, односторонняя объективная точка зрѣнія на міръ приводитъ къ метафизическому ученію

§ 21, 3. *матеріализма*, выводящему даже умственную дѣятельность субъекта знанія и все идеальное содержаніе его изъ неразумныхъ, безсмысленныхъ началъ вещественнаго бытія.

Выводъ различія приведенныхъ направленій изъ умственныхъ началъ знанія, противорѣчій же, обнаруживающихся между этими направленіями, изъ исключительнаго развитія одного изъ началъ знанія въ ущербъ другому,—указываетъ непосредственно на ту долю истины, которая заключается въ каждомъ изъ этихъ направленій, и которая должна войти въ составъ историческаго синтеза, какъ методологическаго пріема философіи.

Теоріи *идеализма* и *реализма* и разнообразныя ихъ видоизмѣненія и вѣтви представляютъ собою на поприщѣ исторіи философіи разработку тѣхъ противоположностей, которыя каждый мыслитель, по существу дѣла, встрѣчаетъ при образованіи общаго міровоззрѣнія. Въ этихъ теоріяхъ высказывается въ формѣ философскихъ ученій приведенная выше противоположность между искусственнымъ критицизмомъ всякой вообще науки и естественнымъ догматизмомъ здраваго смысла, равно какъ и противоположность между телеологическими законами жизни, въ особенности умственной, и механическими законами внѣшней природы (примѣчанія 1-ое и 2-ое). Идеализмъ основывается на первомъ моментѣ; реализмъ—на второмъ. Поэтому и синтезъ этихъ послѣднихъ противоположностей служитъ основаніемъ для историческаго синтеза, объединяющаго основныя начала философскихъ направленій. Особенность этого историческаго синтеза, въ сравненіи съ другими синтетическими пріемами философіи, заключается только въ томъ, что при помощи данныхъ исторіи философіи мы можемъ глубже вникнуть въ общечеловѣческія начала всѣхъ тѣхъ противоположностей и кажущихся противорѣчій, которыя затрудняютъ образованіе цѣльнаго міровоззрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснить фактически ихъ настоящій умственный источникъ. Историческое развитіе философскихъ направленій, въ особенности же развитіе основныхъ принциповъ идеализма и реализма, ихъ соотношеній и взаимной критики представляетъ самымъ нагляднымъ образомъ работу ума человѣческаго въ уразумѣніи міра и доводитъ до убѣжденія, что разныя направленія философской мысли суть только разные, возможные для ума, способы міропониманія, которые единственно черезъ свое взаимное дополненіе даютъ точное понятіе о міровоззрѣніи, соотвѣтствующемъ вполнѣ природѣ и организаціи человѣческаго ума.

Въ этомъ и заключается методологическое значеніе историче- § 21, з.
скаго синтеза для философіи.

Первый шагъ на пути къ осуществленію этого синтеза состоитъ въ признаніи *относительности* разныхъ точекъ зрѣнія, служащихъ исходомъ для самыхъ даже противорѣчивыхъ направленій. Признаніе это есть не результатъ какой-либо слабодушной уступчивости по отношенію къ прошедшему философіи, но, напротивъ, оно тѣснѣйшимъ образомъ связано съ основными началами философіи вообще, а именно, какъ съ ея критицизмомъ, такъ и съ ея стремленіемъ къ общему міровоззрѣнію (§ 9). Это доказать не трудно.

Философія по существу своему, какъ мы видѣли, не дѣлаетъ никакихъ догматическихъ предположеній, но относится критически ко всѣмъ возможнымъ предположеніямъ человѣческаго ума; вслѣдствіе того она, естественно, и до изученія разныхъ философскихъ направленій, не можетъ стать на какую либо исключительную точку зрѣнія и признать за нею безусловное значеніе. Единственнымъ основаніемъ разбора своего собственнаго прошедшаго служатъ для философіи тѣ начала знанія, которыми обусловливается всякое вообще философствованіе, которыми опредѣляется сущность самой философіи. А къ этимъ началамъ принадлежитъ прежде всего умъ и его дѣятельность въ уразумѣніи самого себя и міра. Исторія философіи и въ особенности исторія философскихъ направленій ознакомляетъ насъ съ фактическими проявленіями этой дѣятельности ума и вслѣдъ за симъ съ его реальною организаціею, обнаруживающеюся въ этихъ проявленіяхъ. Безпристрастный мыслитель видитъ, вслѣдствіе того, въ каждомъ частномъ произведеніи философіи, въ каждомъ философскомъ ученіи и направленіи, одну изъ естественныхъ функцій общечеловѣческаго ума, и поэтому признаетъ за каждою изъ нихъ извѣстное значеніе въ разрѣшеніи задачъ философіи. Истинный мыслитель, слѣдовательно, не руководствуется въ своихъ изслѣдованіяхъ субъективнымъ пристрастіемъ къ тому или другому философскому направленію, но, сознавая *относительность* каждаго изъ нихъ, видитъ въ нихъ фактически данныя и логически возможныя для ума точки зрѣнія, которыя равномѣрно должны быть принимаемы во вниманіе при критическомъ изученіи ума и міра.

Съ другой стороны, послѣдовательное осуществленіе стремленія философіи къ общему міровоззрѣнію противится всякой односторонности и исключительности въ развитіи философской мысли, въ направленіи ея изслѣдованій. Такъ какъ,

§ 21, 3. согласно вышесказанному, философскія направленія и школы вытекаютъ естественнымъ образомъ изъ разныхъ началъ знанія и представляютъ собою только разные способы міропониманія со стороны одного общечеловѣческаго ума,—то только всѣ они, вмѣстѣ взятыя, доводятъ до мірозоззрѣнія, соотвѣтствующаго требованіямъ истинной всеобщности. Поэтому философія, по существу своему, признаетъ разныя направленія и школы составными моментами своего всесторонняго развитія и пользуется ими при образованіи возможно полнаго и законченнаго міровоззрѣнія.

Сознаніе относительности разныхъ философскихъ точекъ зрѣнія на міръ влечетъ за собою стремленіе къ уразумѣнію тѣхъ высшихъ, самыхъ общихъ началъ, изъ которыхъ, вслѣдствіе процесса дифференціаціи, возникли разныя философскія направленія, и въ которыхъ, слѣдовательно, объединяются всѣ философскія направленія безъ всякихъ противорѣчій, фактическихъ или логическихъ. Опредѣленіе этихъ началъ съ точки зрѣнія развитія философскихъ ученій составляетъ послѣднюю задачу историческаго синтеза, какъ методологическаго пріема философіи.

Ясно, что соотвѣтственное разрѣшеніе указанныхъ задачъ историческаго синтеза возможно только на основаніи особыхъ изысканій, принимающихъ во вниманіе главнымъ образомъ данныя исторіи философіи. Скажемъ здѣсь только, что согласно составнымъ моментамъ процесса познанія, упомянутыя начала, объединяющія разныя, даже самыя противоположныя философскія направленія, слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ организаціи ума и въ его дѣятельности, а съ другой—въ нашихъ понятіяхъ о дѣйствительномъ, реальномъ бытіи, какъ общемъ предметѣ знанія.

Съ точки зрѣнія организаціи ума и его дѣятельности, синтезъ идеалистическихъ и реалистическихъ направленій философіи состоитъ прежде всего въ разъясненіи процессовъ сознанія и самосознанія, какъ основного начала всякой познавательной дѣятельности ума. Постепенное развитіе сознанія въ умственной жизни, какъ единичнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ и всего человѣчества доводитъ непосредственно, по существу своему, къ противоположности между субъективнымъ и объективнымъ, идеальнымъ и реальнымъ содержаніемъ ума. Всякія противорѣчія относительно этихъ двухъ видовъ умственнаго содержанія устраняются съ того момента, когда мы вникаемъ въ существенныя начала сознательной жизни ума и убѣждаемся въ томъ, что приведенная дифференціація есть необходимый

результатъ естественнаго развитія сознанія, слѣдовательно и всякаго познанія какого бы то ни было предмета. § 21, 3.

Что же касается синтеза ученій идеализма съ точки зрѣнія нашихъ понятій о дѣйствительномъ бытіи, т. е. съ метафизической точки зрѣнія, уже сведеніе этихъ противоположностей къ субъективнымъ явленіямъ сознанія показываетъ, что объективное бытіе само въ себѣ, по своему истинному содержанію не можетъ быть опредѣляемо ни исключительно въ духѣ идеализма, ни исключительно въ духѣ реализма. Напротивъ, слѣдуетъ признать, что при настоящемъ, объективномъ уразумѣніи его сущности, бытіе обнаруживаетъ такія свойства, которыя вызываютъ въ умѣ какъ идеалистическое, такъ и реалистическое понятіе о немъ, т. е. свойства, служащія общею причиною какъ субъективныхъ, такъ и объективныхъ явленій міра, какъ явленій сознательной, цѣлесообразно дѣйствующей мысли, такъ и явленій внѣшней природы, принимающихъ характеръ механическаго соотношенія ея элементовъ. Эти два ряда явленій существуютъ фактически и неоспоримо, и поэтому понятіе наше о реальномъ бытіи должно быть такого рода, чтобы оно безъ натяжки и противорѣчій могло служить объясненіемъ этихъ рядовъ явленій, ихъ постояннаго соотношенія и даже ихъ органической связи въ реальной дѣйствительности.

Новѣйшее развитіе философіи представляетъ многочисленныя попытки разрѣшить приведенныя задачи историческаго синтеза и этимъ приблизиться къ разрѣшенію основной задачи философіи вообще. Къ этимъ попыткамъ принадлежатъ главнымъ образомъ: въ Германіи ученіе представителей такъ называемаго *идеальнаго реализма*, развитаго такими мыслителями послѣдняго времени, какъ: младшій Фихте, Ульрици, Тренделенбургъ, Лотце, Ибервегъ, Фехнеръ, Фрошаммеръ, Каріеръ, Вундтъ и др.; во Франціи относятся сюда ученія такъ называемыхъ *эклектиковъ*, къ которымъ принадлежатъ: Викторъ Кузенъ и его послѣдователи: Равэссонъ, Эмиль Сессэ, Жюль Симонъ, Поль Жанэ, Бертелеми Сенъ-Гилеръ и др; въ Англіи изъ болѣе извѣстныхъ мыслителей приближаются къ синтетическому направленію Гамильтонъ, Дж. Ст. Милль, Льюисъ, Гербертъ Спенсеръ, Бэнъ и др. У нихъ, въ самомъ дѣлѣ, преобладаетъ вообще традиція реализма, но они ограничиваютъ крайнее развитіе этого направленія, въ пользу идеалистическихъ воззрѣній, признаніемъ двухъ началъ, отвергаемыхъ одностороннимъ реализмомъ, а именно они, во 1-хъ, дополняютъ внѣшній чувственный опытъ методологическимъ пріемомъ внутренняго, умствен-

§ 21, 3. наго опыта, и во 2-хъ, они признаютъ существованіе сверхъчувственныхъ началъ міра, которыхъ мы, по ихъ мнѣнію, научно познать не можемъ, но которыя открываютъ широкое поле для идеалистическихъ вѣрованій, не противящихся научнымъ даннымъ. Среди русскихъ мыслителей съ полнымъ сознаніемъ присоединяются къ приведеннымъ синтетическимъ стремленіямъ главнымъ образомъ В. Соловьевъ и Б. Чичеринъ. Первый обнимаетъ въ своемъ синтезѣ даже нефилософскія, мистическія начала богословія; послѣдній же въ ученіи, называемомъ *универсализмомъ*, стремится доказать, что „развитіе человѣчества идетъ отъ первоначальнаго единства, черезъ раздвоеніе, къ единству конечному.“ Иные мыслители обнаруживаютъ равнымъ образомъ синтетическія тенденціи согласованія такъ или иначе началъ идеализма и реализма, и поэтому не развиваютъ ни того, ни другого изъ этихъ односторонніхъ ученій, но тѣмъ не менѣе не придаютъ синтезу, въ указанномъ нами смыслѣ, принципіальнаго значенія; напр. М. Троицкій, Н. Гротъ, А. Козловъ, Л. Лопатинъ, П. Бакунинъ и др.

Разборъ всѣхъ этихъ попытокъ синтетическаго міровоззрѣнія и оцѣнка ихъ значенія въ общемъ развитіи философіи составляетъ задачу критической исторіи философіи. Въ видахъ, однако, болѣе точной характеристики приведенныхъ стремленій, выскажемъ здѣсь еще слѣдующія замѣчанія.

Эклектизмъ, какъ названіемъ своимъ (отъ ἐκλέγειν=выбирать), такъ и содержаніемъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ указаннымъ методологическимъ требованіямъ историческаго синтеза на поприщѣ философіи. Кузень († 1867) и большинство его послѣдователей, въ самомъ дѣлѣ, *выбирали* обыкновенно по болѣе или менѣе случайнымъ соображеніямъ изъ исторіи философіи разныя ученія и соединяли ихъ въ одно цѣлое по большей части механически, безъ точнаго опредѣленія тѣхъ синтетическихъ началъ, которыя способны были бы устранить всякія противорѣчія при усвоеніи неоспоримыхъ истинъ прошедшаго. У нихъ историческій синтезъ не основывался на критическомъ анализѣ, какъ ума вообще, такъ и основныхъ его проявленій на поприщѣ науки и философіи, но признанъ былъ непосредственно методологическимъ пріемомъ философствованія въ духѣ философіи здраваго смысла (см. § 21, 1). Притомъ осуществленіе этого пріема на практикѣ имѣло у нихъ болѣе риторическій, чѣмъ истинно-научный и критическій характеръ. Поэтому и не удивительно, что такой эклектизмъ, не смотря на свою хорошую и благоразумную тенденцію, не содѣйство-

валъ надлежащимъ образомъ разрѣшенію трудныхъ задачъ философскаго синтеза. Только въ новѣйшее время нѣкоторые изъ представителей этого направленія, ознакомившись основательно съ критицизмомъ Канта, занимаются болѣе серіозно разъясненіемъ началъ синтетическаго міровоззрѣнія. § 21, 3.

Иной характеръ свойственъ *идеальному реализму* Названіемъ своимъ онъ указываетъ на два основныхъ начала, входящія въ составъ всякаго познанія, слѣдовательно и всякаго міровоззрѣнія, именно на начало умственное *идеи* и на начало предметное *реальнаго бытія* (см. § 4, 1). При точномъ, критическомъ разсмотрѣніи умственной дѣятельности оказывается, что чисто идеальное познаніе вещей равно невозможно, какъ и чисто реальное, ибо процессъ познанія по существу своему есть процессъ идеально-реальный. Поэтому мы и не способны уразумѣть міра ни съ точки зрѣнія отвлеченной идеи, ни на основаніи понятія о реальности, лишенной всякаго идеальнаго содержанія. Идеалистъ всегда имѣетъ дѣло съ реальнымъ міромъ; реалистъ же, даже самый крайній, доходитъ до пониманія міра единственно при помощи его идеальныхъ началъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ принципъ математической законности міра, входящій въ составъ всякаго научнаго реализма, какъ то содержаніе міра, котораго аналогія съ логическою организаціею нашего ума составляетъ необходимое условіе міропониманія (см. стр. 213 и слѣд.). Такимъ образомъ, названіе *идеальнаго реализма* опредѣляетъ совершенно точно фактическій синтезъ началъ, дѣйствующихъ какъ въ наукѣ и философіи, такъ и въ самомъ бытіи, на сколько оно для насъ доступно.

И своими методологическими пріемами идеальный реализмъ отличается отъ эклектизма. Принимая въ основаніе критицизмъ Канта, дополняемый новѣйшими изслѣдованіями физіологіи чувствъ и вообще естествовѣдѣнія, идеальный реализмъ вникаетъ безъ сравненія глубже въ истинныя задачи философіи и разрѣшаетъ оныя съ большею точностью. Представители этого направленія не видятъ въ пріемѣ историческаго синтеза исходной точки философіи, но напротивъ, они доходятъ до этого пріема на основаніи предварительнаго критическаго разбора умственной дѣятельности и историческаго развитія наукъ и философіи. Они, слѣдовательно, не придаютъ этому пріему принципіальнаго значенія и не сопоставляютъ механически разныхъ философскихъ ученій, но всесторонность ихъ самостоятельныхъ изысканій наводитъ ихъ на существенное согласіе и взаимное дополненіе философскихъ точекъ зрѣнія, несмо-

§ 21, 3. тря на ихъ кажущееся разногласіе. Историческій синтезъ является здѣсь завершеніемъ зданія философіи, а не фундаментомъ его.

Литература. Мы не имѣемъ возможности перечислить и охарактеризовать всѣхъ сочиненій приведенныхъ выше мыслителей, содѣйствовавшихъ опредѣленію и развитію пріема историческаго синтеза въ философіи. Это могло бы быть только задачею монографіи, посвященной критическому разбору философскихъ стремленій нашего времени. Впрочемъ, въ настоящемъ трудѣ представлялся неоднократно случай упомянуть о главныхъ сочиненіяхъ большинства этихъ мыслителей. См. въ особенности *Литературу* къ §§ 1, 3, 2, 2, 8, 2, 12, 1, 14, 2, 3, 15, 2, 16, 3, 18, 1 и др. Укажемъ здѣсь только еще на нѣкоторые труды, занимающіеся спеціально разсмотрѣніемъ основъ приведенныхъ синтетическихъ стремленій.

Ad. Trendelenburg († 1872) посвящаетъ свои упомянутыя выше (стр. 308) *Логическія изслѣдованія* критическому разбору прошедшаго философіи и въ особенности идеализма и реализма, и доказываетъ, что чистый идеализмъ доводитъ до полнаго субъективизма, лишеннаго научнаго значенія; послѣдовательный же реализмъ становится матеріализмомъ, расходящимся съ неоспоримыми фактами умственной жизни. Истинное міровоззрѣніе имѣетъ характеръ *органическій* и стремится отыскать и опредѣлить то начало, которое объединяетъ собою мыслительныя и вещественныя явленія міра. По Трендѣленбургу, это начало заключается въ міровомъ *движеніи*, сочетающемся, по существу своему, съ цѣлесообразною мыслью, т. е. въ движеніи, проникнутомъ непосредственно разумною цѣлью.

Fr. Ueberweg († 1871), *Ueber Idealismus, Realismus u. Ideal-Realismus*, 1859, перепечатано въ соч. *Die Welt- u Lebensanschauung Fr. Ueberwegs von M. Brasch*, 1889, стр. 68 и слѣд. На основаніи точнаго опредѣленія идеализма и реализма съ логической, метафизической и этической точекъ зрѣнія, Ивервегъ показываетъ, что на всѣхъ этихъ поприщахъ только *идеальный реализмъ* способенъ довести до воззрѣній, согласныхъ вполнѣ съ данными внутренняго и внѣшняго опыта. Методологическія основы этихъ воззрѣній онъ развиваетъ подробно въ своей *Логикѣ*. 1857. 5-ое изд. 1882.

W. Wundt указываетъ на *идеальный реализмъ*, какъ на послѣдній итогъ развитія философіи уже въ своей рѣчи *Ueber die Aufgabe der Philosphie in der Gegenwart*. 1874. Ближе онъ характеризуетъ это направленіе въ своей *Системѣ философіи*, 1889, см. въ особенности стр. 212 и слѣд., ср. тоже стр. 442 и слѣд. Вундтъ опредѣляетъ здѣсь свою философію какъ *трансцендентальный монизмъ*, истекающій изъ объединенія сверхъопытныхъ началъ природы и духа Объ этомъ соч. Вундта и о нѣкоторыхъ выдающихся взглядахъ его мы упомянули выше, стр. 6, 71 и 163.

Кромѣ того, по идеальному реализму заслуживаютъ еще особеннаго вниманія: O. Liebmann въ приведенномъ выше (стр. 349) *Анализѣ дѣйствительности*, глава: *Idealismus und Realismus*; далѣе, R. Eucken, *Die Einheit des Geisteslebens in Bewusstsein und That der Menschheit*, 1888, и, наконецъ R. Falckenberg, *Ueber die gegenwärtige Lage der Philosophie*, 1890. Въ послѣдней рѣчи авторъ говоритъ о *средней партіи* современныхъ философовъ въ Германіи (Mittelpartiei), занимающихъ мѣсто между представителями крайняго идеализма (K. L. Michelet, M Schasler и др.; см. выше стр. 6) и позитиви-

зма (E Laas, A Riehl и др.; см. выше стр. 70, 199, 205). На правомъ крылѣ этой средней партіи онъ ставитъ Эд. Гартмана, на лѣвомъ — В. Вундта. Кромѣ того причисляетъ къ ней Г. Лотце, О. Либманна, І. Фолькельта, Р. Эйкена и др (см. выше стр. 6, 70, 124 и др.) § 21, 3

Объ *эклектизмѣ* V. Cousin'a даетъ приблизительное понятіе то, что сказано было о немъ выше на стр. 185

Всесторонній анализъ *эклектизма* мы находимъ въ упомянутомъ выше (стр. 53) соч Ch. Renouvier о *классификаціи философскихъ* ученій, Т. II, стр 143 и слѣд Сравни тоже стр 368 и слѣд, гдѣ авторъ свидѣтельствуетъ о томъ, что исходною точкою его философствованія былъ эклектизмъ, отъ котораго онъ впослѣдствіи, ознакомившись съ сочиненіями Канта, перешелъ къ критицизму.

Синтетическія стремленія Милля, Льюиса и Спенсера обнаруживаются ясно въ томъ, что сказано было объ этихъ мыслителяхъ, на стр. 34 и слѣд. 60 и слѣд. 71, 113, 251 и др.

О В Соловьевѣ см. стр. 13 и слѣд. Б. Чичеринъ развиваетъ начала своего *универсализма* въ послѣдней главѣ своего соч *Наука и религія* (см. выше стр. 252 и 308) *Законы развитія человѣчества.*

Здѣсь замѣтимъ, наконецъ, что попытку синтетическаго міровоззрѣнія на основаніи разбора идеальныхъ и реальныхъ началъ умственной дѣятельности и объективнаго бытія заключаетъ въ себѣ тоже философскій эскизъ H. Struve, *Synteza dwóch światów* (*Синтезъ двухъ міровъ*). 1876.

4. Пособія философіи.

§ 22.

Опредѣленіе и характеристика пособій философіи.

§ 22. Пособіями философіи, въ обширномъ смыслѣ слова *пособія*, мы называемъ вспомогательныя средства, необходимыя или полезныя для самостоятельнаго философствованія. Философствовать же—значитъ разсматривать и рѣшать философскіе вопросы, согласно основнымъ началамъ философіи, какъ науки (§§ 8 и 9).

Такимъ образомъ понимаемое философствованіе есть дѣятельность, совершающаяся только при извѣстномъ развитіи ума, и обусловливается опредѣленнымъ умственнымъ образованіемъ. Вслѣдствіе этого, пособія философіи обнимаютъ собою въ сущности всѣ средства, которыя являются необходимыми или полезными для такого развитія и образованія ума, чтобы онъ могъ самостоятельно разсматривать и рѣшать философскіе вопросы. Такое разви-

§ 22. тіе и образованіе ума имѣетъ значеніе *подготовленія* къ философствованію. О немъ мы и говоримъ въ настоящее время.

Получивъ соотвѣтственное подготовительное образованіе, философствующій умъ не нуждается уже въ дальнѣйшихъ указаніяхъ со стороны другихъ, потому что онъ при этомъ условіи способенъ самостоятельно пріискивать себѣ нужныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пособія и пользоваться ими по мѣрѣ надобности. Между тѣмъ, самыя богатыя пособія философіи остаются безполезными для ума, неподготовленнаго надлежащимъ образомъ къ самостоятельному философствованію, т. е. лишеннаго соотвѣтственнаго подготовительнаго образованія.

Обнимая мыслью всевозможныя вспомогательныя средства философіи вообще и въ особенности упомянутаго подготовительнаго развитія и образованія ума къ самостоятельному философствованію, мы можемъ ихъ раздѣлить на три главныя категоріи: *прирожденныя*, *практическія* и *теоретическія*, или *психическія*, *житейскія* и *научныя*.

Къ *прирожденнымъ* или *психическимъ* пособіямъ принадлежатъ умственныя способности вообще (см. § 11) и въ особенности такой естественный складъ ихъ, который содѣйствуетъ развитію философскихъ наклонностей въ данной личности. Всестороннее разъясненіе этихъ психическихъ началъ философствованія можетъ быть только предметомъ особаго монографическаго изслѣдованія психологіи философствующаго ума. Мы ограничимся здѣсь по этому предмету только нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями.

Наклонность къ философствованію является главнымъ образомъ слѣдствіемъ счастливаго сочетанія критическаго склада мышленія со способностью обнимать частные моменты знанія съ общихъ точекъ зрѣнія. Живѣйшій интересъ, чувствуемый въ разложеніи каждаго предмета знанія на его составные элементы, дополняется въ истинномъ философѣ построительнымъ инстинктомъ на поприщѣ мысли, находящимъ внутреннее удовлетвореніе въ система-

тическомъ объединеніи знанія, въ широкомъ воззрѣніи на міръ и его явленія. § 22.

Приведенныя черты отличаютъ ясно дарованія философскаго ума отъ свойствъ, преобладающихъ въ умѣ ученаго спеціалиста. Въ умственной дѣятельности послѣдняго обнаруживается господство частнаго представленія надъ общимъ понятіемъ. Спеціалистъ живетъ преимущественно въ сферѣ мыслительной дѣятельности, оперирующей надъ матеріаломъ чувствъ и чувственнаго воображенія; его занимаетъ прежде всего конкретное явленіе, какъ явленіе, фактъ, какъ фактъ. Аналитическая функція ума преобладаетъ у него надъ остальными. Правда, и философъ не пренебрегаетъ частнымъ явленіемъ, фактомъ,— онъ видитъ въ нихъ тоже элементы знанія и сводитъ къ нимъ всѣ свои сложныя умственныя образованія. И онъ аналитикъ на своемъ поприщѣ. Но онъ не довольствуется частнымъ, какъ частнымъ, а видитъ въ частномъ знакъ извѣстнаго общаго содержанія, проявляющагося въ немъ; онъ стремится объяснить, уразумѣть, понять частное при помощи общихъ началъ и принциповъ, проникающихъ и дѣйствующихъ въ явленіяхъ и фактахъ. Въ немъ слѣдовательно, кромѣ аналитической дѣятельности ума, развивается особенно энергично синтетическая дѣятельность, пользующаяся анализомъ, какъ средствомъ для образованія общихъ воззрѣній на міръ. Чѣмъ болѣе спеціальная наука усвояетъ себѣ синтетическое начало, тѣмъ болѣе она приближается къ философіи и содѣйствуетъ ея объединительнымъ задачамъ на поприщѣ знанія вообще.

Равномѣрное развитіе обоихъ этихъ началъ умственной дѣятельности, аналитическаго и синтетическаго, есть характеристическая черта истинно философскаго ума. Благодаря этой чертѣ, философъ не теряется ни въ однѣхъ частностяхъ, ни въ однѣхъ отвлеченностяхъ и, равнымъ образомъ, не довольствуется однимъ отрицательнымъ критицизмомъ, какъ и не впадаетъ въ положительный догматизмъ, но постоянно имѣетъ въ виду связать фактически

§ 22. и логически частное съ общимъ, критическій анализъ съ положительнымъ синтезомъ. Такіе именно умы создали философію, какъ науку, и обнаружили въ ней всѣ тѣ свойства и характеристическія черты, на которыя указано было при разборѣ ея основныхъ началъ (см въ особенности §§ 8, 9 и 19).

Практическія или *житейскія* пособія философіи суть такія вспомогательныя средства развитія и образованія философскаго ума, которыя даются жизнью, въ особенности же житейскимъ опытомъ. Все, что здѣсь можно сказать о значеніи жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ средства для подготовительнаго образованія ума къ самостоятельному философствованію, исчерпывается тѣмъ, что̀ уже выше сказано было о взаимномъ отношеніи философіи и жизни (§ 16, 17).

Согласно съ этимъ, значеніе жизни, какъ пособія философіи, сводится главнымъ образомъ къ двумъ моментамъ: во 1-хъ, жизнь пробуждаетъ критическій смыслъ философскаго ума и заставляетъ его подвергнуть основательному разбору мыслительную дѣятельность, обнаруживающую въ своихъ фактическихъ проявленіяхъ разнородныя противорѣчія, обманы, заблужденія, ложные взгляды и т п., и во 2-хъ, жизнь расширяетъ умственный кругозоръ мыслителя и вызываетъ въ немъ потребность объединенія частныхъ элементовъ знанія въ одно цѣльное міровоззрѣніе (см. стр. 255). Кромѣ того, мы видѣли (стр. 232), что подъ вліяніемъ жизни созрѣваетъ и характеръ истиннаго философа, какъ одно изъ необходимыхъ условій осуществленія на практикѣ критическихъ требованій философіи.

Ссылаясь относительно болѣе подробнаго разъясненія этого предмета на сказанное въ § 16-мъ и 17-мъ, мы останавливаемся здѣсь главнымъ образомъ на разсмотрѣніи третьей группы пособій философіи, т. е. пособій *теоретическихъ* или *научныхъ*.

Теоретическія или *научныя* пособія философіи заключаются въ подготовительномъ къ философствованію обра-

зованіи ума, совершающемся при посредствѣ научныхъ данныхъ. § 22.

Сюда относятся:

во 1-хъ, *общее образованіе*, подготовляющее къ научнымъ студіямъ вообще,

во 2-хъ, *спеціальное научное образованіе*, какъ пособіе философіи и, наконецъ,

въ 3-хъ, *философское образованіе*, подготовляющее къ самостоятельному философствованію, при помощи данныхъ самой философіи.

Во 1-хъ. *Общее образованіе*, какъ нормальная подготовка къ научнымъ студіямъ вообще, обнимаетъ собою, естественно, и данныя, подготовляющія къ философскимъ студіямъ.

Основная задача *общаго образованія* заключается въ томъ, чтобы довести молодого человѣка до *зрѣлаго самосознанія*, какъ человѣка, какъ члена народа и человѣчества, призваннаго принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи культурныхъ и цивилизаціонныхъ задачъ человѣческаго рода. Изъ этого истекаетъ, что *общее образованіе*, по существу своему, должно имѣть характеръ *гуманитарный* (см. выше стр. 102 и слѣд.). Ознакомленіе развивающагося ума съ самыми важными произведеніями умственной дѣятельности человѣка (языки, литература, общія данныя науки, мораль, религія) и съ историческимъ развитіемъ какъ всего человѣчества, такъ и даннаго народа (всеобщая и отечественная исторія) составляетъ самое важное средство общаго образованія. При помощи этого средства молодой человѣкъ доходитъ, именно, до сознанія своей принадлежности къ высшему цѣлому, съ судьбами котораго сочетается тѣснѣйшимъ образомъ его личная судьба. Это сознаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первая подготовительная ступень къ тому философскому самопознанію, на которое указано было выше, какъ на необходимое условіе философіи вообще (стр. 229).

§ 22. Во 2-хъ. *Спеціальное научное образованіе*, т. е. образованіе, основанное на усвоеніи умомъ данныхъ опредѣленной спеціальной науки, есть дальнѣйшее средство для нормальной подготовки къ самостоятельному философствованію.

Философъ вникаетъ надлежащимъ образомъ въ основныя начала научныхъ изслѣдованій вообще и знакомится съ необходимымъ для общаго мировоззрѣнія научнымъ матеріаломъ только при помощи спеціальныхъ наукъ, о чемъ была рѣчь выше при разсмотрѣніи отношенія философіи къ другимъ наукамъ (§ 12). Поэтому, въ сущности, слѣдовало бы требовать отъ философа, чтобы онъ на основаніи соотвѣтственнаго спеціальнаго образованія усвоилъ себѣ данныя всѣхъ частныхъ наукъ. Но такъ какъ такой научный универсализмъ и энциклопедизмъ превышаетъ умственныя способности единичнаго человѣка и притомъ неосуществимъ по краткости человѣческой жизни, — то приходится поневолѣ отъ него отказаться и ограничиться указаніемъ на то, что спеціальное научное образованіе въ области по крайней мѣрѣ *одной* изъ главнѣйшихъ группъ наукъ и энциклопедическое ознакомленіе съ данными остальныхъ наукъ составляетъ необходимое условіе для надлежащаго разрѣшенія задачъ философіи, т. е. для такого ихъ разрѣшенія, которое соотвѣтствовало бы основнымъ требованіямъ научности вообще.

Вслѣдствіе предварительной неопредѣленности предмета и метода философскихъ изслѣдованій; вслѣдствіе того обстоятельства, что эти изслѣдованія не основываются на готовыхъ предположеніяхъ, но дѣлаютъ зависимыми признаніе ихъ истинности отъ критическаго разбора (§§ 3, 1 и 9, 1), философія не представляетъ собою типа законченной положительной науки. Послѣдняя, несмотря на всю критичность своихъ частныхъ изслѣдованій, имѣетъ всегда характеръ *догматическій*, какъ по своимъ научнымъ началамъ, такъ и по своимъ окончательнымъ выводамъ. По-

этому типы положительныхъ наукъ, въ смыслѣ систематической *группировки фактическихъ* знаній, мы встрѣчаемъ не среди философскихъ, но только среди спеціальныхъ наукъ (§ 10). Примѣняя принципъ критики ко всѣмъ вообще человѣческимъ знаніямъ, философія способна подорвать довѣріе къ самымъ положительнымъ съ перваго взгляда положеніямъ (см. напр. § 13, 1, или § 9, 2), и поэтому не можетъ служить *исходною точкою* научнаго образованія, которое должно прежде всего основываться на положительныхъ, фактическихъ знаніяхъ. Философія можетъ составлять единственно послѣднюю, самую высшую ступень научнаго образованія, его окончаніе. § 22.

Вышесказанное въ сущности ясно само по себѣ и слѣдуетъ непосредственно изъ основныхъ началъ философіи (§ 9). Прежде чѣмъ критиковать, нужно имѣть предметъ критики и ознакомиться съ нимъ. Фактическія знанія суть необходимое условіе логическихъ операцій надъ ними, уразумѣнія ихъ содержанія. Безъ спеціальныхъ научныхъ знаній, философскій умъ не имѣлъ бы соотвѣтственнаго предмета для философскаго разбора. И объединительная работа философіи, высказывающаяся въ общемъ міровоззрѣніи, возможна только на основаніи усвоенія умомъ соотвѣтственнаго фактическаго матеріала знанія. Безъ него не извѣстно было бы, что̀ объединять, изъ какихъ элементовъ образовать воззрѣнія на міръ? Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что спеціальное научное образованіе въ указанныхъ выше предѣлахъ, доступныхъ для единичнаго ума, должно быть признано необходимою подготовкою для самостоятельнаго изученія и разрѣшенія философскихъ вопросовъ.

Въ 3-хъ. Наконецъ, въ видахъ самостоятельнаго философствованія, общее и спеціальное научное образованіе должны быть дополнены *философскимъ образованіемъ*. Оно обнимаетъ собою тѣ необходимыя и полезныя вспомогательныя средства философіи, которыя заключаются въ ея собственной исторіи и литературѣ.

§ 22. Если мы требуемъ отъ философа знакомства съ общими началами и съ данными спеціальныхъ наукъ, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ требовать, чтобы онъ основательно ознакомился съ философскими изслѣдованіями прошедшаго и настоящаго и усвоилъ себѣ изъ нихъ тѣ данныя, которыя могутъ способствовать болѣе точному рѣшенію задачъ философіи и этимъ содѣйствовать ея прогрессу въ будущемъ.

Главными средствами такого философскаго образованія служатъ: во 1-хъ, изученіе основныхъ началъ философіи при помощи студій по энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій; во 2-хъ, изученіе исторіи философіи, не только по спеціальнымъ руководствамъ, но и по главнѣйшимъ источникамъ, въ связи съ чтеніемъ подлинныхъ сочиненій первенствующихъ мыслителей міра, въ особенности предводителей разныхъ философскихъ школъ и направленій; и, наконецъ, въ 3-хъ, ознакомленіе съ отдѣльными философскими науками и съ ихъ систематическимъ изложеніемъ въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ мыслителей новѣйшаго времени.

Философское образованіе составляетъ послѣдній моментъ нормальной подготовки къ самостоятельному философствованію. Оно ознакомляетъ созрѣвающій философскій умъ не только съ самыми важными пособіями основательнаго изученія философскихъ вопросовъ, но прививаетъ къ нему вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ философскій духъ, которымъ долженъ быть проникнутъ самостоятельный мыслитель при критическомъ созданіи общаго міровоззрѣнія.

Приведенные три момента подготовительнаго къ философствованію образованія: общее, спеціальное научное и философское образованіе представляютъ на поприщѣ индивидуальнаго развитія философскаго ума аналогію съ историческимъ развитіемъ философіи вообще и въ особенности съ постепеннымъ опредѣленіемъ ея существенныхъ началъ.

Мы видѣли (§ 8), что философія первоначально обнимала собою всю науку. Эта ступень ея общаго развитія

выражается на поприщѣ индивидуальнаго развитія мыслителя его *общимъ образованіемъ*. Вслѣдъ за симъ въ объемѣ науки обнаружилось дѣйствіе принципа раздѣленія труда: единая наука и первоначальная философія распалась на множество спеціальныхъ наукъ. *Спеціальное научное образованіе* философскаго ума соотвѣтствуетъ этому фазису дифференціаціи знанія. Наконецъ, философія опредѣлила все болѣе и болѣе точно свою задачу въ общей системѣ наукъ, какъ критическое изученіе всеобщихъ, умственныхъ и предметныхъ, началъ знанія и объясненіе частныхъ предметовъ его съ точки зрѣнія этихъ всеобщихъ началъ. Аналогію такого самопознанія философіи составляетъ *философское образованіе*, доводящее философскій умъ до яснаго уразумѣнія своихъ индивидуальныхъ задачъ въ дѣлѣ дальнѣйшаго прогресса философіи. § 22.

Такимъ образомъ, взглядъ на пособія философіи разъясняетъ ближе тѣ средства историческаго прогресса, которыми она пользуется при возможно полномъ развитіи своихъ существенныхъ началъ.

Примѣчаніе I-ое. Общее образованіе, какъ пособіе философіи. § 22, 1. Педагогическій вопросъ о характерѣ общаго образованія, а именно о томъ, какая группа наукъ должна быть признана главнымъ общеобразовательнымъ пособіемъ, имѣетъ очень важное значеніе и съ философской точки зрѣнія. Практическое рѣшеніе этого вопроса придаетъ опредѣленное направленіе философскимъ студіямъ созрѣвающаго поколѣнія и этимъ вліяетъ и на развитіе философіи вообще

Извѣстно, что въ новѣйшее время возникъ особенно сильный споръ между защитниками *классическаго* и представителями *реальнаго* образованія Классики признаютъ *древніе языки*, греческій и латинскій, самыми существенными пособіями общаго образованія, между тѣмъ какъ педагоги-реалисты полагаютъ, что главнымъ основаніемъ общаго образованія должны служить *естественныя науки* и *новые языки*. Всесторонній разборъ этого спора составляетъ задачу педагогики. Указавъ, однако, выше (§ 22) на *гуманитарное* начало общаго образованія, тѣсно связанное съ задачею привести молодого человѣка къ зрѣлому самосознанію, мы разсмотримъ приведенный споръ единственно

§ 22, 1. съ цѣлью ближайшаго опредѣленія общаго образованія, какъ подготовительнаго пособія къ самостоятельному философствованію.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи значеніе общаго образованія заключается не столько въ обогащеніи ума фактическими знаніями (это составляетъ самую главную задачу спеціальнаго научнаго образованія), сколько въ томъ, что оно содѣйствуетъ нормальному развитію умственной жизни, благодаря которому молодой человѣкъ становится способнымъ пользоваться своими индивидуальными дарованіями и направлять самостоятельно свои мысли и дѣйствія въ духѣ истиннаго гуманизма (см. стр. 102 и слѣд.). Споръ, слѣдовательно, по поводу классическаго и реальнаго образованія сводится въ сущности къ вопросу: которая изъ упомянутыхъ группъ наукъ можетъ служить удобнѣйшимъ средствомъ для достиженія указанной цѣли?

Что касается прежде всего *естественныхъ наукъ*, то ихъ педагогическое значеніе состоитъ главнымъ образомъ въ обогащеніи молодого ума очень важными и полезными фактическими знаніями относительно внѣшней природы. Значеніе же естествознанія, какъ педагогическаго пособія *умственнаго развитія*, пробуждающаго самодѣятельность ума и руководящаго ею по указанному направленію, очень ограничено.

Естественныя науки вызываютъ дѣйствительно живой интересъ къ частнымъ фактамъ и явленіямъ природы, и содѣйствуютъ развитію способности наблюденія, чѣмъ, конечно, пренебрегать нельзя. Но, съ другой стороны, нужно сказать, что при своемъ педагогическомъ примѣненіи естественныя науки не способны связать въ умѣ ученика факты естествознанія между собою и придать наблюденіямъ ученика серіозное значеніе. Это объясняется слѣдующими замѣчаніями.

Объединительнымъ началомъ для частнаго матеріала естественныхъ наукъ служатъ теоріи, объясняющія дѣйствіе явленій природы. Изложеніе этихъ теорій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ представляетъ большія трудности вслѣдствіе умственной незрѣлости учениковъ, которые и при тщательномъ изученіи данныхъ естествознанія, даже въ высшихъ классахъ, являются неспособными усвоить себѣ надлежащимъ образомъ научныя теоріи физики, химіи, геологіи, біологіи и другихъ естественныхъ наукъ. Для этого необходимо спеціальное научное образованіе, доступное только для зрѣлыхъ уже умовъ. Только зрѣлые умы способны уразумѣть начала механической теоріи физики, теоріи атомистики и динамики, теоріи развитія

и т. п. Вообще слѣдуетъ сказать, что *уразумѣніе* явленій внѣш- § 22, 1.
ней природы, по отсутствію непосредственной аналогіи между ними и явленіями умственной жизни, требуетъ большаго отвлеченія мысли отъ конкретныхъ фактовъ, чѣмъ уразумѣніе явленій, связанныхъ съ мыслительною и практическою дѣятельностью человѣка. Послѣднія явленія могутъ быть ученику объяснены при помощи данныхъ его собственнаго опыта, въ связи съ естественнымъ развитіемъ его мыслей, чувствованій и влеченій. Между тѣмъ какъ объясненіе самаго простого явленія внѣшней природы опирается, по необходимости, на начала, совершенно чуждыя естественному содержанію ума и поэтому доступныя только для отвлеченной мысли. Современные реалисты съ такимъ презрѣніемъ говорятъ о „метафизическихъ“ отвлеченностяхъ, но они забываютъ, что всякое „научное“ объясненіе какого бы то ни было явленія природы обнимаетъ собою такія „метафизическія“ отвлеченности. Поэтому, именно, строго научныя основы естествознанія остаются непонятными для большинства учениковъ. Что же касается фактическаго изложенія этихъ основъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то оно сводится, по необходимости, къ извѣстному ряду догматическихъ положеній, которыя ученикъ долженъ принять непосредственно, безъ возможности вникнуть въ ихъ содержаніе. Задача ученика ограничивается такимъ образомъ страдательнымъ воспріятіемъ чувствами и памятью предложеннаго матеріала; объ умственной же самодѣятельности по отношенію къ этому матеріалу со стороны ученика и рѣчи быть не можетъ.

Защитники педагогическаго значенія естественныхъ наукъ скажутъ, что наглядное изложеніе ихъ содержанія, побуждая ученика къ наблюденіямъ, открываетъ передъ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и широкое поле для умственной дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, никто не станетъ оспаривать того, что и при простомъ *наблюденіи* фактовъ и явленій умъ можетъ обнаружить геніальную самодѣятельность, даже творчество мысли (см. стр. 218 и слѣд.). Но вопросъ въ томъ: могутъ ли имѣть такой характеръ наблюденія незрѣлаго ума, не получившаго еще спеціальнаго научнаго образованія?

Наблюденіе, равно какъ и всѣ другіе методологическіе пріемы естествознанія, опытъ, экспериментъ и т. п. имѣютъ серіозное значеніе и вызываютъ умственную самодѣятельность только тогда, когда они совершаются съ опредѣленною научною цѣлью, т. е. когда они служатъ средствами для разрѣшенія извѣстныхъ научныхъ задачъ. Между тѣмъ ясно, что наблю-

§ 22, 1. деній такого рода не могутъ дѣлать ученики, неспособные уразумѣть надлежащимъ образомъ теоретическихъ основъ естествознанія. У нихъ наблюденія имѣютъ характеръ вполнѣ случайный, относятся только къ грубымъ признакамъ явленій и притомъ разсѣиваютъ умъ, останавливая его вниманіе на разныхъ внѣшнихъ качествахъ явленій, часто не имѣющихъ между собою никакой связи. Во всякомъ случаѣ, ученическія наблюденія не находятся подъ вліяніемъ какихъ либо руководящихъ научныхъ идей. Они могутъ служить удобнымъ средствомъ для совершенствованія внѣшнихъ чувствъ, для развитія вниманія, въ особенности при классификаціи предметовъ, и, пожалуй, поучительнымъ умственнымъ развлеченіемъ, но не способны пробудить мыслительной самодѣятельности ученика и дать толчекъ къ самостоятельному уразумѣнію и къ умственной разработкѣ занимающаго его предмета. Все сводится здѣсь тоже къ страдательному воспріятію довольно сырого матеріала и къ сохраненію этого матеріала въ памяти, съ той только разницею, что этотъ матеріалъ представляется въ данномъ случаѣ не въ видѣ догматическихъ положеній учебника, но въ видѣ представленій, вызванныхъ предметомъ наблюденія.

Притомъ нельзя не обратить вниманія и на то важное обстоятельство, что въ видахъ педагогическихъ слѣдуетъ даже ограничивать, по возможности, всякую мыслительную самодѣятельность ученика по отношенію къ предлагаемому учебному матеріалу естествознанія, равно какъ и по отношенію къ матеріалу собственныхъ наблюденій ученика. Мыслительная самодѣятельность ученика по этому направленію могла бы имѣть слѣдствіемъ только вполнѣ поверхностное теоретизированіе и высказываться въ болѣе или менѣе произвольныхъ попыткахъ объяснить явленія природы съ точки зрѣнія ученика, т. е. съ точки зрѣнія, лишенной тѣхъ теоретическихъ данныхъ, которыя оказываются необходимыми для всякой вообще серіозной попытки объяснять явленія природы. Во избѣжаніе такой поверхностной и произвольной мыслительной самодѣятельности ученика, учителю часто приходится съ бо́льшимъ догматизмомъ, чѣмъ этого требуетъ интересъ науки, отстаивать безусловность предлагаемыхъ учебникомъ объясненій и требовать, чтобы ученикъ ни въ чемъ отъ нихъ не отступалъ.

Такимъ образомъ, не увлекаясь какими либо предвзятыми доктринами, слѣдуетъ признать, что естественныя науки не могутъ служить удобнымъ средствомъ для достиженія указанной цѣли общаго образованія и что именно значеніе послѣдняго,

какъ пособія философіи, заключающееся въ пробужденіи умственной самодѣятельности ученика и въ руководствѣ ею, вовсе не увеличится даже самымъ широкимъ введеніемъ естественныхъ наукъ въ среднія учебныя заведенія. Молодежь, дѣйствительно, должна быть ознакомляема съ самыми важными фактическими данными естествознанія; безъ нихъ не мыслимо, общее образованіе въ опредѣленномъ выше смыслѣ. Требованія, слѣдовательно, педагоговъ реалистовъ, чтобы и въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ отведено было больше времени на естественную исторію, физику и даже химію, совершенно справедливы. Но тѣмъ не менѣе естественныя науки, по приведеннымъ поводамъ, не могутъ занять первенствующаго мѣста въ ряду обще-образовательныхъ наукъ. § 22, 1.

Въ совершенно иномъ видѣ представляется педагогическое значеніе *языковъ*, *литературы* и *исторіи*.

Усвоеніе какъ отечественнаго, такъ и чужихъ языковъ совершается не только при помощи чувственнаго представленія и памяти, но и при постоянномъ участіи мыслительной самодѣятельности. Уже простое сочетаніе опредѣленныхъ представленій и понятій со словами есть умственная работа, которая не ограничивается чувственнымъ воспріятіемъ звуковъ, но требуетъ воспроизведенія въ умѣ представленій и понятій, обозначаемыхъ этими звуками. При новыхъ же словахъ, съ незнакомымъ доселѣ значеніемъ, умъ кромѣ того вынужденъ видоизмѣнять содержаніе своихъ уже готовыхъ представленій и понятій и приспособлять оное къ этимъ новымъ словамъ, т. е. образовать изъ прежнихъ новыя представленія и понятія, соотвѣтствующія новымъ словамъ. Правда, слѣдуетъ признать, что наглядное объясненіе значенія словъ при помощи данныхъ естествознанія содѣйствуетъ образованію точныхъ и раздѣльныхъ представленій, какъ необходимыхъ элементовъ нормальной умственной дѣятельности. Но съ другой стороны, большинство представленій и понятій, вызываемыхъ естественнымъ развитіемъ ума ученика и его житейскими отношеніями, интересующими его непосредственно, не имѣетъ естествоиспытательнаго характера, поэтому и слова, обозначающія эти представленія и понятія нуждаются въ объясненіяхъ особаго рода, несводимыхъ къ терминамъ естествознанія. Сюда относится главнымъ образомъ вся внутренняя душевная жизнь ученика и его нравственныя отношенія къ окружающей его средѣ. Если не будетъ обращено надлежащаго вниманія на разъясненіе словъ, обозначающихъ это содержаніе, самое важное для умственнаго

§ 22, 1. развитія ученика, тогда представленія и понятія его на этомъ поприщѣ останутся на всегда смутными, и онъ не привыкнетъ ни къ ясному уразумѣнію этихъ отношеній, ни къ точному выраженію своихъ мыслей.

Между тѣмъ какъ содержаніе явленія внѣшней природы исчерпывается для ученика чувственнымъ представленіемъ, образующимся страдательно подъ вліяніемъ этого явленія; содержаніе слова, какъ умственнаго явленія, напротивъ, вызываетъ въ немъ не только соотвѣтственное чувственное представленіе, но заставляетъ его кромѣ того образовывать новыя, добавочныя представленія и понятія, опредѣляющія смыслъ слова и вызывающія рефлексивную, мыслительную дѣятельность ума, направленную къ уразумѣнію значенія слова. Мы этимъ вовсе не оспариваемъ того факта, что и явленія природы побуждаютъ мыслящаго человѣка къ образованію подобныхъ добавочныхъ понятій, а именно понятій, имѣющихъ въ виду объяснить причины явленій и свести ихъ къ извѣстнымъ законамъ; но эти добавочныя понятія, объясняющія „смыслъ“ и „значеніе“ явленій природы не имѣютъ той опредѣленности, которая свойственна смыслу и значенію словъ, и притомъ они, какъ мы видѣли, неудобопонятны для ума, незнакомаго со строго научными началами естествознанія.

Еще нагляднѣе обнаруживается мыслительная работа ума при усвоеніи сложныхъ формъ языка и при чтеніи литературныхъ произведеній. Для того, чтобы овладѣть языкомъ, необходимо упражняться въ самостоятельномъ выраженіи мыслей при помощи этого языка. Упражненія же эти имѣютъ не одинъ только грамматическій характеръ, ибо они принуждаютъ умъ къ точной формулировкѣ своихъ мыслей, къ ихъ ясному и удобопонятному выраженію. Это однако возможно лишь при энергической самодѣятельности и даже извѣстномъ творчествѣ ума, необходимомъ для созданія новыхъ сочетаній словъ, для приспособленія мыслительнаго содержанія къ даннымъ грамматическимъ формамъ и къ духу языка. Поэтому слѣдуетъ сказать, что раціональное изученіе языка, не ограничивающееся однимъ грамматическимъ формализмомъ, но видящее въ языкѣ главнымъ образомъ средство для воспріятія и выраженія мыслей, служитъ для ума упражненіемъ въ выработкѣ ясныхъ мыслей и въ ихъ точномъ опредѣленіи. Что же касается чтенія литературныхъ произведеній, то оно принуждаетъ умъ къ самодѣятельному воспроизведенію мыслей автора и къ ближайшему уразумѣнію ихъ содержанія. Для надлежащаго пониманія читаннаго ум

совершаетъ мыслительные процессы, аналогичные съ тѣми, которые прошелъ авторъ при сочиненіи своего труда. Такимъ образомъ, смотря по содержанію чтенія, можно подѣйствовать на умственную жизнь ученика, привить ему соотвѣтственное содержаніе и этимъ вліять на его развитіе по опредѣленному направленію, при помощи его собственной мыслительной дѣятельности. § 22, 1.

Мы не имѣемъ повода заняться подробнымъ разборомъ вопроса о томъ, какіе языки, кромѣ отечественнаго, должны входить въ систему преподаванія, имѣющаго въ виду общее образованіе. Равнымъ образомъ, не станемъ подвергать обстоятельно сравнительной оцѣнкѣ педагогическаго значенія древнихъ и новыхъ языковъ. Мы ограничимся въ этомъ отношеніи только слѣдующими бѣглыми замѣчаніями, истекающими изъ взгляда на общее образованіе, какъ на подготовку къ послѣдующимъ философскимъ студіямъ.

Критика, имѣющая, какъ мы видѣли (§ 9, 1), столь существенное значеніе для науки вообще и въ особенности для философіи, возможна только на основаніи *сравненія* разныхъ предметовъ знанія между собою. Кто знакомъ исключительно съ тѣмъ уголкомъ земли, въ которомъ онъ живетъ, и не видѣлъ другихъ селеній, городовъ, странъ, тотъ не имѣетъ достаточныхъ данныхъ для критической оцѣнки даже своей собственной, ему хорошо знакомой жизни. Ограниченный кругозоръ ученаго спеціалиста, не имѣющаго понятія о другихъ наукахъ, кромѣ своей, лишаетъ его возможности относиться критически къ своимъ собственнымъ научнымъ знаніямъ. То же самое слѣдуетъ сказать объ образованномъ человѣкѣ, находящемся подъ исключительнымъ вліяніемъ господствующихъ идей своего времени и незнакомомъ съ прошедшимъ какъ своего народа, такъ другихъ цивилизованныхъ народовъ и всего человѣчества Настоящее представится ему единственно возможнымъ и самымъ совершеннымъ состояніемъ; онъ не чувствуетъ даже потребности подвергнуть господствующія воззрѣнія критической оцѣнкѣ при помощи ихъ сравненія съ господствующими воззрѣніями другихъ временъ.

Принимая во вниманіе это основное начало всякой критической дѣятельности ума, мы доходимъ до убѣжденія о необходимости ознакомить созрѣвающее молодое поколѣніе, ищущее общаго образованія, съ культурою и цивилизаціею выдающихся народовъ древности, грековъ и римлянъ. Они были нашими наставниками; ихъ трудамъ на поприщѣ науки, искусства

§ 22, 1. и общественности европейскіе народы обязаны главнымъ образомъ ускореннымъ прогрессомъ по пути къ осуществленію своихъ идеаловъ гуманности;—и уже поэтому знакомство съ ихъ внутреннею и внѣшнею жизнью есть для насъ необходимое условіе критическаго самопознанія, слѣдовательно и настоящей научности. Только при сравнительномъ сопоставленіи древнеклассическаго міра съ руководящими идеями новыхъ временъ мы можемъ дойти до зрѣлой оцѣнки нашего собственнаго общественнаго и умственнаго развитія; тотъ же, кто не знакомъ съ культурою и цивилизаціею классическихъ народовъ, обыкновенно догматически придерживается воззрѣній, господствующихъ случайно въ той средѣ, въ которой онъ живетъ и развивается, и въ самомъ лучшемъ случаѣ становится безусловнымъ поклонникомъ „современности.“ Онъ лишенъ необходимыхъ данныхъ для того, чтобы освободиться хоть на минуту отъ узкаго кругозора „современныхъ“ идей и оцѣнить ихъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, и поэтому его нельзя признать человѣкомъ истинно образованнымъ.

Если, такимъ образомъ, общее образованіе, и въ особенности подготовка къ студіямъ въ объемѣ критической науки не мыслимы для европейскихъ народовъ безъ знакомства съ древнеклассическимъ міромъ, то возникаетъ дальнѣйшій педагогическій вопросъ, нужно ли для этого учить молодежь греческому и латинскому языкамъ, или она можетъ усвоить себѣ упомянутыя знанія вполнѣ удовлетворительно на отечественномъ языкѣ и въ случаѣ надобности при помощи переводовъ, какъ полагаютъ Ал Бэнъ, Фр. Паульсенъ и др ученые?

Оставаясь въ предѣлахъ нашей ближайшей задачи, мы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ скажемъ только слѣдующее.

Безъ знанія древнихъ языковъ, безъ возможности читать подлинныя сочиненія знаменитѣйшихъ греческихъ и римскихъ историковъ, поэтовъ, мыслителей, и рѣчи быть не можетъ о точномъ воспроизведеніи и ясномъ пониманіи классическаго міра. Отъ этого условія зависитъ упомянутое выше благотворное вліяніе знакомства съ культурой и цивилизаціей грековъ и римлянъ на умственное развитіе современнаго поколѣнія, на его историческое самосознаніе и критическую оцѣнку своихъ собственныхъ идей и стремленій.

Изученіе же классическаго міра на основаніи однихъ переводовъ влечетъ за собою, по необходимости, поверхностное модернизированіе и произвольную передѣлку его цивилизаціонныхъ началъ на ладъ современныхъ идей. Во всякомъ случаѣ,

незнаніе древнихъ языковъ лишаетъ молодежь возможности самостоятельно знакомиться съ произведеніями умственной жизни классическихъ народовъ, наслаждаться ими и пользоваться ими при выработкѣ воззрѣній на современную дѣйствительность. § 22, 1.

Подробное оправданіе этихъ положеній мы предоставляемъ уже педагогамъ, защищающимъ классическое образованіе. Въ виду, однако, его важнаго значенія для философскихъ студій, присовокупимъ здѣсь еще замѣчаніе, что требуемое нами для общаго образованія знаніе древнихъ языковъ не достигается грамматическимъ схоластицизмомъ, признающимъ грамматику и вообще языкъ не средствомъ, а цѣлью образованія. Обремененіе памяти ученика неудобопонятными грамматическими формулами можетъ только вызвать отвращеніе къ классическому міру вообще. Общее образованіе существенно различно и по цѣли и по средствамъ отъ образованія спеціалистовъ филологовъ. Самое простое, практическое ознакомленіе ученика съ древними языками, по возможности въ связи съ чтеніемъ литературныхъ произведеній, приспособленныхъ къ соотвѣтственной степени умственнаго развитія, есть удобнѣйшее средство введенія молодежи въ классическій міръ и возбужденія въ ней живого интереса къ отдѣльнымъ, оригинальнымъ и характернымъ личностямъ среди грековъ и римлянъ, и вообще ко всей культурѣ и цивилизаціи этихъ первенствующихъ народовъ древности. Слѣдовательно, облегчить по возможности ученику усвоеніе формальныхъ знаній по классическимъ предметамъ и останавливаться главнымъ образомъ на богатомъ учебномъ матеріалѣ, способномъ содержаніемъ своимъ занять ученика и вліять на его умственное развитіе—вотъ тайна хорошаго педагога по этимъ предметамъ. Въ этомъ духѣ защищаютъ классическіе предметы въ общемъ образованіи такіе знаменитые представители современной науки, какъ Джонъ Стюартъ Милль, Дю-Буа Реймонъ и др. Но къ сожалѣнію хорошіе филологи не всегда — хорошіе педагоги, и въ этомъ заключается вся трудность и бѣда современнаго классическаго образованія.

Въ наши планы не входитъ ближайшее разсмотрѣніе общеобразовательнаго значенія *исторіи*, всеобщей и отечественной, потому что сказанное нами выше (§ 20, 3) о значеніи исторіи философіи въ методологическомъ отношеніи, равно какъ и замѣчанія касательно знакомства съ классическимъ міромъ относятся и къ исторіи вообще, которая соединяетъ древній и новый міръ въ одно научное цѣлое, объясняя настоящее на осно-

§ 22, 1. ваніи прошедшаго. Въ дополненіе къ этому укажемъ здѣсь только еще на одно очень важное преимущество историческихъ наукъ вообще передъ естественными въ педагогическомъ отношеніи. Преимущество это, тѣсно связанное и съ подготовкою къ философскимъ студіямъ, заключается въ томъ, что историческія науки, имѣя предметомъ человѣка, вліяютъ гораздо непосредственнѣе на развитіе ума и характера молодежи, чѣмъ естественныя науки. Послѣднія придаютъ умственной жизни направленіе *центробѣжное.* Занимая мысль внѣшнимъ явленіемъ, чуждымъ по своему содержанію умственной жизни человѣка, онѣ отводятъ умъ отъ самого себя и погружаютъ его во внѣшній чувственный міръ. Историческія же науки, напротивъ, поддерживаютъ *центростремительную* дѣятельность ума. Аналогія ихъ предмета съ умственною жизнью единичнаго человѣка, съ его мыслями, чувствованіями и стремленіями, вызываетъ рефлексію, заставляетъ ученика вглядываться ближе въ человѣческія дѣла, вникать въ пружины человѣческихъ дѣйствій и давать себѣ отчетъ въ связи внѣшней судьбы народовъ и отдѣльныхъ личностей съ ихъ внутреннею жизнью. Естественныя науки необходимы для развитія въ человѣкѣ *міросознанія*; историческія же науки доводятъ человѣка до яснаго *самосознанія.* А такъ какъ въ сущности спора о томъ быть не можетъ, что самосознаніе есть условіе міросознанія и что главная задача общаго образованія заключается именно въ томъ, чтобы развить въ молодежи истинно человѣческое самосознаніе,—то ясно, что въ педагогическомъ отношеніи слѣдуетъ признать первенство за историческими науками въ сравненіи съ естественными.

Разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ на практикѣ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ уравновѣсить эти двѣ группы наукъ лежитъ за предѣлами нашей задачи. Намъ кажется однако, что на раціональный путь къ достиженію этой цѣли указали уже ясно упомянутые ученые, равно какъ и вообще педагоги, имѣющіе въ виду реформу классическаго образованія по указаннымъ выше принципамъ и при помощи введенія въ общеобразовательныя учебныя заведенія соотвѣтственнаго преподаванія реальныхъ предметовъ.

Намъ остается, наконецъ, обратить здѣсь вниманіе еще на одинъ важный педагогическій вопросъ, касающійся общаго образованія, какъ пособія философіи, а именно на вопросъ о преподаваніи такъ называемой *философской пропедевтики* въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 22, 1.

Уже въ началѣ нашего труда (§ 2, 3) мы говорили о философской пропедевтикѣ и отличили два вида ея: какъ науку подготовительную къ философіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, совпадающей съ энциклопедіею философскихъ наукъ и направленій, и какъ изложеніе элементарныхъ началъ *логики* и *психологіи* отдѣльно, или *логики* и *психологіи* вмѣстѣ, или, наконецъ, *логики, психологіи, этики* и другихъ философскихъ наукъ съ общеобразовательною цѣлью. Въ настоящее время мы говоримъ о философской пропедевтикѣ только въ послѣднемъ значеніи.

Какъ теоретическій взглядъ педагоговъ на общеобразовательное значеніе философской пропедевтики, такъ и педагогическая практика въ этомъ отношеніи очень различны. Во *Франціи*, напримѣръ, въ высшихъ классахъ коллегій и лицеевъ преподается элементарный курсъ всѣхъ почти философскихъ наукъ (психологія, логика, этика, метафизика, теодицея, исторія философіи) и читаются соотвѣтственныя сочиненія знаменитѣйшихъ греческихъ, римскихъ и французскихъ мыслителей. Согласно съ этимъ, молодые люди, окончившіе общеобразовательныя среднія учебныя заведенія, удостоиваются факультетами степени *бакалавра литературы* (bachelier ès lettres), выдержавъ испытаніе, въ программу котораго входятъ приведенные философскіе предметы. Кромѣ того, для испытанія даже на степень *бакалавра наукъ* (bachelier ès sciences), заканчивающаго спеціальное среднее образованіе, требуются отъ кандидата удовлетворительныя знанія по логикѣ и этикѣ. Въ *Пруссіи* и въ большинствѣ другихъ германскихъ государствъ преподаваніе *логики* и *психологіи*, какъ философской пропедевтики, предоставляется вполнѣ усмотрѣнію директоровъ гимназій и зависитъ отъ того, находятъ ли они среди учителей лицо, соотвѣтственно подготовленное къ преподаванію этого предмета. Въ *Австріи* обязательно въ высшихъ классахъ гимназій преподаваніе *введенія въ философію, психологіи* и *логики*. Среднія учебныя заведенія въ *Англіи* представляютъ въ этомъ отношеніи удивительное разнообразіе, ибо общеобразовательные институты въ ней являются чаще дѣломъ частной инициативы, чѣмъ правительственной регламентаціи. Въ *Россіи*, какъ извѣстно, по послѣднему учебному плану классическихъ гимназій, философская пропедевтика сводится къ преподаванію элементарныхъ началъ *логики*, съ краткимъ психологическимъ введеніемъ.

Имѣя въ виду указанную выше основную задачу общаго образованія, нельзя сомнѣваться въ томъ, что для ея разрѣше-

§ 22, 1. нія необходимо ознакомить созрѣвающаго молодого человѣка съ общими началами философіи, какъ основы критическаго познанія вещей и научнаго міровоззрѣнія. Мы не полагаемъ, чтобы изложеніе всѣхъ главнѣйшихъ философскихъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было возможно. Такъ, напримѣръ, опытъ Франціи показываетъ, что преподаваніе метафизики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не достигаетъ своей цѣли. Вмѣсто критическаго разбора основныхъ представленій и понятій ума, относящихся къ объективному бытію, метафизика сдѣлалась въ школьномъ изложеніи вполнѣ догматическимъ ученіемъ объ основныхъ началахъ міра вообще, лишеннымъ истинно философскаго характера. Ученикъ даже послѣдняго класса гимназіи незнакомъ еще настолько съ необходимымъ спеціальнымъ научнымъ матеріаломъ, чтобы онъ могъ точно и ясно уразумѣть самыя высшія обобщенія метафизики. Не будучи въ состояніи подвергнуть критическому разбору ихъ истиннаго значенія, онъ видитъ въ нихъ только неудобопонятныя отвлеченности и воспринимаетъ памятью предлагагаемыя опредѣленія, не давая себѣ надлежащаго отчета въ ихъ истинномъ смыслѣ. Вслѣдствіе того, преподаваніе метафизики не приноситъ никакой пользы ни для общаго, ни для философскаго образованія молодежи; напротивъ, оно распространяетъ только ложныя понятія о характерѣ и задачахъ философіи.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что философскую пропедевтику, какъ предметъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, слѣдуетъ свести къ изложенію общихъ началъ только тѣхъ философскихъ наукъ, которыя могутъ быть объясняемы и иллюстрированы доступнымъ для ученика научнымъ матеріаломъ и которыя могутъ объединить именно этотъ матеріалъ въ удобопонятной формѣ. Къ такимъ философскимъ наукамъ, по нашему убѣжденію, принадлежатъ только *логика*, *психологія* и *этика*. И въ самомъ дѣлѣ, изложеніе основныхъ началъ именно этихъ философскихъ наукъ необходимо для завершенія общаго образованія и осуществленія его истинной цѣли.

Итакъ, общія начала *логики*, въ особенности ея формальныя начала, доводятъ созрѣвающій умъ до яснаго сознанія существенныхъ условій истиннаго познанія вещей. Безъ знакомства съ этими условіями, нельзя достичь яснаго понятія о наукѣ вообще, о средствахъ и пособіяхъ ея изслѣдованій и т. п. Притомъ эти начала логики могутъ быть удобнѣйшимъ образомъ доказываемы и объясняемы при помощи тѣхъ научныхъ данныхъ, которыя усвоилъ себѣ каждый ученикъ высшихъ клас-

совъ гимназіи. *Психологія*, въ свою очередь, служитъ объединеніемъ фактовъ внутренней и внѣшней жизни человѣка, съ которыми ученикъ ознакомился какъ при изученіи исторіи, такъ и при чтеніи разныхъ литературныхъ произведеній. Кромѣ того, изложеніе началъ психологіи есть удобнѣйшее средство побужденія ученика къ рефлексивному разсмотрѣнію явленій своей собственной внутренней жизни и этимъ содѣйствуетъ развитію его самосознанія. Что, наконецъ, касается *этики*, то ея ученія тѣсно связаны не только со всею жизнью ученика, но равнымъ образомъ и съ его историческими знаніями и являются научнымъ основаніемъ какъ оцѣнки самого себя, такъ и вообще нравственнаго взгляда на жизнь и ея задачи. Притомъ, соотвѣтственное уразумѣніе началъ этики поддерживаетъ, въ случаѣ надобности, охлаждающееся религіозное чувство (см. § 16, 3) и связываетъ требованія религіи съ житейскими отношеніями и практическою дѣятельностью молодого человѣка. Всѣми этими средствами добросовѣстный педагогъ, конечно, пренебрегать не можетъ, особенно въ наше время, когда ослабленное религіозное чувство не можетъ быть иначе оживляемо, какъ только при содѣйствіи этическихъ началъ. § 22, 1.

Съ этимъ общеобразовательнымъ значеніемъ философской пропедевтики сочетается непосредственно и ея значеніе, какъ подготовки къ послѣдующимъ философскимъ студіямъ. Ознакомляя ученика съ основами всякой научной критики, элементарная *логика* подготовляетъ его къ изслѣдованіямъ критической теоріи познанія въ строгомъ смыслѣ этого слова. *Психологія* же и *этика* дополняютъ знанія ученика по другимъ учебнымъ предметамъ и ставятъ созрѣвающій умъ на ту общечеловѣческую точку зрѣнія, которая составляетъ необходимое начало всякаго философскаго взгляда на міръ и жизнь. Такимъ образомъ, философскою пропедевтикою какъ бы бросаются въ душу молодого человѣка плодотворныя сѣмена умственной жизни, которыя при дальнѣйшемъ ростѣ вызываютъ въ немъ потребность къ самостоятельному философствованію по двумъ основнымъ направленіямъ, по направленію критическому и синтетическому (см. § 19). Бо́льшаго отъ общаго образованія по отношенію къ философіи и требовать нельзя.

Литература. Среди многочисленныхъ сочиненій, появившихся въ послѣднее время по вопросу о реформѣ средняго образованія, вспомнимъ здѣсь только о самыхъ важныхъ, разсматривающихъ этотъ вопросъ съ общей гуманитарной точки зрѣнія.

§ 22, 1. Th. Ferneuil, *La réforme de l'enseignement public.* 2-ое изд. 1881. См. въ особенности кн. II-ая, стр. 169 и слѣд., гдѣ приводятся и мнѣнія по этому предмету J. Simon'a, Mill'a, Du-Bois-Reymond и др. Джонъ Стюартъ Милль, не смотря на свое реалистическое направленіе въ философіи, высказалъ однако мнѣніе, что споръ между классическимъ и реальнымъ образованіемъ похожъ на споръ, долженъ ли живописецъ принимать во вниманіе преимущественно рисунокъ или окраску картины. „Почему не одно и другое?“ спрашиваетъ Милль и полагаетъ, что знаніе греческаго и латинскаго языковъ, какъ средствъ усвоенія себѣ умственной культуры классическаго міра, необходимо для общаго образованія; но онъ энергически требуетъ примѣненія практическихъ пріемовъ при преподаваніи этихъ языковъ, вслѣдствіе чего окажется возможнымъ пополнить классическое образованіе и соотвѣтственными знаніями по естественнымъ наукамъ. Такія же воззрѣнія на этотъ предметъ высказываетъ и Дю-Буа-Реймонъ. На стр. 226 и слѣд. Фернэйль предлагаетъ начала реформы классическаго образованія въ указанномъ выше направленіи.

Al. Bain совѣтуетъ ознакомлять юношество съ классическимъ міромъ при помощи однихъ переводовъ въ своемъ педагогическомъ сочиненіи: *Education as a science* 1879. См. главнымъ образомъ X и XI главы.

Fr Paulsen касается этого вопроса въ концѣ своей обширной, упомянутой уже (стр. 2) *Исторіи ученаго обученія.* См. стр. 755 и слѣд. Онъ сознаетъ вполнѣ невозможность основать общее образованіе на математикѣ и естествознаніи, по поводу ихъ спеціальнаго характера, и, защищая гуманитарное начало среднихъ учебныхъ заведеній, требуетъ, чтобы въ нихъ на первомъ планѣ принималось во вниманіе литературное и историческое, философское и религіозное обученіе. Равнымъ образомъ онъ указываетъ на необходимость пониманія латинскаго языка для каждаго научно образованнаго человѣка и по этому признаетъ нужнымъ преподаваніе латыни въ реальныхъ гимназіяхъ. Самое же важное значеніе въ общемъ образовании имѣетъ, по его взгляду, отечественный языкъ съ литературою и философія. Съ греческою литературою слѣдуетъ ознакомлять молодежь при помощи хорошихъ переводовъ. Относительно философіи онъ совѣтуетъ преподаваніе *логики, психологіи* и *этики*, равно какъ чтеніе соотвѣтственно выбранныхъ статьей изъ сочиненій Декарта, Шефстбэри, Юма, Канта, Шопенгауера, Лотце. Въ этомъ духѣ развиваетъ Паульсенъ болѣе подробно свои педагогическія воззрѣнія въ своемъ новѣйшемъ трудѣ: *Das Realgymnasium u. die humanistische Bildung.* 1889.

Самую основательную защиту классическаго образованія въ новѣйшее время представляетъ O. Jager въ соч *Das humanistische Gymnasium.* 1889. Въ русской литературѣ особенно замѣчателенъ трудъ Н. Скворцова *Объ организмѣ гимназіи.* 1881.

Новокантіанецъ H. Vaihinger, о которомъ мы говорили выше (стр. 199), въ рѣчи *Naturforschung und Schule*, 1889, защищаетъ очень умѣло гуманитарное образованіе отъ упрековъ нѣкоторыхъ естествоиспытателей, въ особенности Прейера, съ ихъ собственной точки зрѣнія. Принимая въ основаніе біогенетическій принципъ эволюціонизма, по которому индивидъ проходитъ въ своемъ развитіи тѣ же самыя ступени, какъ и родъ, къ которому индивидъ принадлежитъ, Файгингеръ доказываетъ, что образованіе единичнаго человѣка должно у европейскихъ народовъ обнять собою всѣ тѣ моменты, которые обнаруживаются въ постепенномъ развитіи умственной

жизни этихъ народовъ. А такъ какъ это развитіе обусливается тремя началами: *греческою и римскою культурою, христіанствомъ* и, наконецъ, *естественными науками* и *литературою* новѣйшаго времени—то школа должна ознакомить юношество по очереди съ этими началами и довести оное до ихъ точнаго уразумѣнія и усвоенія Въ этомъ и заключается, по Файгингеру, истинно гуманитарное образованіе. § 22, 1.

О значеніи *философской пропедевтики*, какъ учебнаго предмета гимназій, равно какъ о дидактикѣ этого предмета трактуютъ въ послѣднее время по поводу предполагаемой реформы въ преподовании этого предмета въ австрійскихъ гимназіяхъ, слѣдующія сочиненія. K. Jarz, *Ueber die philosophische Propadeutik als geeignetste Disciplin fur die Concentration des gymnasialen Unterrichts* 1882. A. Hofler, *Zur Propadeutik-Frage.* 1884. A. Meinong, *Ueber philosophische Wissenschaft und ihre Propädeutik.* 1885.

Fr. Paulsen развиваетъ свои приведенные выше взгляды по этому предмету въ особой, очень поучительной статьѣ. *Ueber Vergangenheit und Zukunft der Philosophie im gelehrten Unterricht,* въ *Central-Organ fur die Interessen des Realschulwesens.* T. XIV, 1887, стр. 4 и слѣд.

Главнѣйшія сочиненія *философской пропедевтики* приведены въ началѣ настоящаго труда § 1, 3 и 2, 3 *Лит.* Особенно замѣчательны руководства, составленныя по программѣ преподаванія философіи въ лицеяхъ Франціи. Удобопонятнымъ изложеніемъ отличаются прежде всего соч. J. A. Clamadieu и E. Boirac (см. выше стр. 8) По программѣ испытанія на степень *бакалавра наукъ* составили P. F. Thomas et G. Reynier *Résumé de philosophie* (a l'usage au baccalauréat ès sciences), 3-ье изд. 1890.

Изъ нѣмецкихъ краткихъ учебниковъ по философской пропедевтикѣ можно рекомендовать главнымъ образомъ сочиненіе Jos. Веск'а (см. выше стр. 7 и 18).

Примѣчаніе 2-ое. Спеціальное научное образованіе, какъ пособіе философіи. Самостоятельное философствованіе зависитъ отъ такого множества умственныхъ и жизненныхъ условій и возможно только при столь разнообразныхъ знаніяхъ и столь высокомъ развитіи ума, что молодой человѣкъ, получившій даже самое тщательное общее образованіе, только въ рѣдкихъ случаяхъ поступаетъ въ высшее учебное заведеніе съ цѣлью посвятить себя *философскимъ студіямъ.* Онъ выбираетъ себѣ для студій спеціальность богослова, филолога, историка, юриста, математика, естествоиспытателя, медика, но не готовится къ дѣятельности *философа.* Поэтому именно и исторія философіи показываетъ, что большинство философовъ начало свои высшія научныя студіи одною изъ помянутыхъ спеціальностей и только впослѣдствіи перешло къ самостоятельнымъ философскимъ студіямъ. Вслѣдствіе того мы можемъ по настоящее время различать философовъ по спеціальностямъ, которыя служили исходною точкою ихъ высшихъ научныхъ студій и которыя обыкновенно, такъ или иначе, повліяли и на ихъ философскія воззрѣнія. Мы можемъ говорить о филосо- § 22, 2.

§ 22, 2. фахъ изъ богослововъ, изъ филологовъ, изъ историковъ, изъ юристовъ, изъ математиковъ, изъ естествоиспытателей (см. напр. выше стр. 118 и слѣд.). Чистаго философа въ этомъ отношеніи, т е. такого, который приступилъ бы непосредственно къ самостоятельному философствованію, безъ какихъ либо предварительныхъ студій по той или другой спеціальной наукѣ, мы встрѣчаемъ столь же рѣдко, какъ и такихъ, которые философствовали безъ всякой вообще научной подготовки,—т. е. тѣхъ и другихъ мы встрѣчаемъ очень рѣдко. Но примѣръ глубокомысленнаго башмачника-философа, Якова Беме († 1624), показываетъ, что такіе необразованные философы заслуживаютъ чаще названія истинныхъ философовъ, чѣмъ полуобразованные, усвоившіе себѣ диллетантски извѣстныя научныя знанія, но не получившіе спеціальнаго образованія ни по одной изъ помянутыхъ наукъ.

Приведенное фактическое отношеніе самостоятельнаго философствованія къ спеціальному научному образованію объясняется ближе всѣмъ тѣмъ, что съ теоретической точки зрѣнія сказано было нами объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ (§§ 12 и 13). Ссылаясь притомъ на сказанное выше (§ 22) о необходимости спеціальнаго научнаго образованія для всякихъ философскихъ изслѣдованій, мы остановимся здѣсь на сравнительной оцѣнкѣ разныхъ спеціальныхъ научныхъ студій, какъ пособій философіи.

Университеты суть именно тѣ высшія учебныя заведенія, которыя даютъ молодежи по преимуществу спеціальное научное образованіе, подобно тому, какъ классическія гимназіи преимущественно передъ другими средними учебными заведеніями имѣютъ въ виду общее образованіе. Три главныя группы наукъ: *естественныя*, *гуманитарныя* и *богословскія* (см. стр. 47) составляютъ въ большинствѣ университетовъ предметъ четырехъ факультетовъ: медицинскаго, философскаго, юридическаго и богословскаго. Въ Россіи, какъ извѣстно, философскій факультетъ замѣненъ историко-филологическимъ и математическимъ; для богословскихъ же наукъ имѣются особыя высшія учебныя заведенія—духовныя академіи. Принимая во вниманіе такое распредѣленіе спеціальнаго научнаго образованія, разсмотримъ ближе каждую изъ этихъ спеціальныхъ группъ знанія, какъ пособій философіи.

Хотя, по нашему убѣжденію, будущій философъ долженъ усвоить себѣ основательныя знанія въ объемѣ, по крайней мѣрѣ, одной изъ спеціальныхъ наукъ и ознакомиться энциклопе-

дически съ данными остальныхъ наукъ (стр. 364), тѣмъ не менѣе, мы не можемъ указать на опредѣленные факультетскіе предметы, за которыми слѣдовало бы признать безусловное преимущество передъ другими въ дѣлѣ научной подготовки къ самостоятельнымъ философскимъ изслѣдованіямъ. Напротивъ, каждая изъ группъ спеціальныхъ наукъ имѣетъ въ этомъ отношеніи извѣстныя преимущества передъ другою, и извѣстныя неудобства, когда ея спеціальный характеръ становится исключительно господствующимъ въ философствующемъ умѣ. Поэтому, именно, мы настаиваемъ на дополненіи знаній по одной спеціальной наукѣ свѣдѣніями изъ остальныхъ наукъ, ибо иначе философъ останется обыкновенно въ узкихъ предѣлахъ предметныхъ и методологическихъ предположеній этой одной спеціальности и не возвысится до той критической и общечеловѣческой точки зрѣнія, которая составляетъ условіе всякой истинной философіи (§ 9). § 22, 2.

Философское значеніе спеціальныхъ студій по *математическимъ* и *естественнымъ* наукамъ можетъ быть обстоятельно разъяснено только въ особой философіи этихъ наукъ (см. § 13, 1, въ особенности стр. 147 и слѣд.). Укажемъ здѣсь только на слѣдующіе, самые важные моменты.

Прежде всего упомянутыя науки заключаютъ въ себѣ необходимыя данныя, объясняющія наше фактическое воззрѣніе на природу, какъ непосредственное предположеніе всякаго философскаго изученія внѣшняго міра. Философскій разборъ представленій и понятій пространства и времени, силы и матеріи, причинности, соотношенія между явленіями и ихъ законовъ, вообще разборъ идеи о внѣшнемъ мірѣ, какъ стройномъ цѣломъ, не мыслимъ безъ основательныхъ студій по этимъ наукамъ. Кромѣ того, этимъ наукамъ свойственны методологическія начала, имѣющія очень важное значеніе для надлежащаго развитія философскаго ума.

Математика служитъ самымъ наглядньмъ примѣромъ строгой аргументаціи и этимъ составляетъ самое лучшее практическое упражненіе для развитія формальной правильности мышленія. Математическую дедукцію, выводящую съ неоспоримою очевидностью частныя положенія изъ общихъ, нѣкоторые философы (напр. Спиноза) признавали даже совершеннѣйшимъ образцомъ развитія нашихъ знаній вообще и поэтому стремились, какъ мы видѣли (§ 19, 2), приложить этотъ методъ и къ философіи. Если же приложеніе это въ концѣ концовъ довело только до умозрительнаго формализма, то этому винов-

§ 22, 2. на не математика, а односторонность философовъ, не обращающихъ надлежащаго вниманія на различіе предметовъ философіи и математики и упускающихъ притомъ изъ виду другіе, очень важные пріемы математики, дополняющіе приведенный выводъ частныхъ положеній. Ибо математика, кромѣ того, разлагаетъ свой предметъ знанія на самые простые и точно опредѣленные элементы (аксіомы, положенія), при помощи которыхъ она именно и разрѣшаетъ съ такою строгостью самыя трудныя и сложныя задачи. Вслѣдствіе этого подъ вліяніемъ математическихъ студій, умъ привыкаетъ не только къ строго-формальной правильности мышленія, но и къ разложенію своихъ знаній на такіе элементы, которые способны были бы вполнѣ и цѣликомъ объяснить сложныя образованія умственной дѣятельности. Важное значеніе такого развитія аналитическаго мышленія для философіи истекаетъ непосредственно изъ того, что сказано было выше объ анализѣ, какъ методологическомъ пріемѣ философіи (§ 20).

Развитіе ума подъ вліяніемъ приведенныхъ началъ математическаго знанія есть главная причина господства механическихъ теорій въ современномъ естествознаніи Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ болѣе простого и нагляднаго способа объяснить явленія природы, какъ при помощи ихъ сведенія къ элементамъ, не представляющимъ никакого качественнаго различія, а подчиненнымъ исключительно законамъ механики. Поэтому и естественныя науки доводятъ до самыхъ точныхъ теоріи въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ на основаніи приведеннаго пріема способны удовлетворительно разъяснить причинную связь и соотношеніе явленій. Въ теоріяхъ этого рода заключается и самое важное значеніе естествознанія для философіи, ибо въ нихъ представляются намъ удобопонятнѣйшіе образцы научнаго объединенія фактическихъ знаній о природѣ. Вопросъ о томъ, какъ философъ долженъ пользоваться данными естествознанія для своихъ цѣлей, разсмотрѣнъ былъ уже выше (§ 12, 2). Здѣсь опредѣлимъ только еще ближе тѣ необходимыя вспомогательныя знанія въ этой области, которыя долженъ усвоить себѣ философъ, имѣющій въ виду рѣшить всесторонне задачи своей науки.

Итакъ, отъ философа слѣдуетъ требовать прежде всего знакомства съ основными началами математики; далѣе, знакомства съ теоретическими началами физики, химіи, космологіи, геологіи, біологіи и физіологіи (см. выше стр. 45 и слѣд.). Если будущій философъ не усвоилъ себѣ этихъ знаній на основаніи спеціальныхъ факультетскихъ студій, то онъ долженъ допол-

нить этотъ недостатокъ не только при помощи диллетантскаго самообученія, но долженъ, если это только возможно, посѣщать общіе курсы по помянутымъ предметамъ и ознакомиться съ ними при содѣйствіи спеціалистовъ настолько, чтобы онъ былъ въ состояніи вполнѣ уразумѣть теоріи естествознанія и даже, въ случаѣ надобности, оцѣнить ихъ научное значеніе. Только при такомъ условіи, философъ можетъ съ надеждою на успѣхъ приступить къ критическому разбору человѣческихъ знаній вообще и къ образованію общаго міровоззрѣнія (§ 9). § 22, 2.

Съ другой стороны, мы не можемъ упустить изъ виду и того, что подъ исключительнымъ вліяніемъ математическихъ и естественныхъ наукъ умъ привыкаетъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ къ объясненію явленій на основаніи однихъ только количественныхъ и механическихъ началъ. Еслибы въ реальномъ мірѣ не существовало другихъ явленій, кромѣ сводимыхъ къ количественнымъ даннымъ, въ такомъ случаѣ слѣдовало бы, дѣйствительно, пріемы математики и механическаго естествознанія признать единственными научными пріемами вообще и стремиться примѣнить эти пріемы ко всѣмъ остальнымъ наукамъ. Математика и естествовѣдѣніе были бы тогда вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственнымъ* основаніемъ всякой философіи. Но показано было выше (§ 13, 1), что изслѣдованія самыхъ естественныхъ наукъ доводятъ до убѣжденія въ томъ, что въ явленіяхъ вещественной природы обнаруживаются и качественныя различія, не выводимыя изъ однихъ количественныхъ данныхъ. Явленія этого рода могутъ быть объясняемы научно, безъ натяжки, только съ особой точки зрѣнія, принимающей во вниманіе именно эту качественную сторону явленій міра. Это и служитъ причиною существованія другихъ самостоятельныхъ наукъ рядомъ съ математическими и естественными. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ изъ этого для будущаго философа необходимость ознакомиться и съ другими науками и дополнить ими свои математическія и естественнонаучныя знанія.

Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ *гуманитарными науками*, которыя составляютъ не менѣе важныя пособія философіи, какъ и математическія и естественныя науки. Характеристическую черту явленій, изучаемыхъ этими науками въ отличіе отъ явленій вещественной природы, можно съ Прейеромъ свести къ свойству *неповторяемости* (см. выше стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ, явленія умственной жизни до того тѣсно связаны съ индивидуальнымъ бытіемъ даннаго единичнаго существа, съ оригинальными, ему исключительно свойственными,

§ 22, 2. качествами, что не могутъ быть повторены ни внутренніе процессы его мышленія, чувствованія и стремленій, ни дѣйствія его во внѣшнемъ мірѣ. Въ этомъ и обнаруживается существенная черта всякой вообще *исторіи*, которая, благодаря единственно участію индивидуальной самодѣятельности, есть не вереница явленій, повторяющихся неизмѣнно въ однообразномъ порядкѣ, но рядъ оригинальныхъ, неповторяемыхъ *фактовъ*, изъ которыхъ каждый въ сравненіи съ предшествующими представляетъ нѣчто новое, что можетъ быть прогрессомъ и регрессомъ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ осуществляются извѣстныя руководящія идеи, вліяющія на самодѣятельность индивидовъ.

Одна изъ самыхъ важныхъ задачъ *философіи исторіи* заключается въ объясненіи той связи историческихъ фактовъ, на основаніи которой они составляютъ не механическій конгломератъ, но одно цѣлое, подчиненное извѣстнымъ законамъ развитія. Мы упомянули здѣсь объ этомъ основномъ началѣ всякой исторіи только потому, что всѣ гуманитарныя науки, по существу своему, имѣютъ характеръ историческій, т. е. онѣ или прямо изучаютъ постепенное развитіе разнообразныхъ явленій человѣческой самодѣятельности, или же въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ представляютъ опредѣленный моментъ этого развитія.

Сказанное выше (§ 22, 1) о значеніи исторіи и знакомства съ классическимъ міромъ для общаго образованія относится, естественно, и къ спеціальнымъ научнымъ студіямъ, какъ пособіямъ философіи. Съ точки зрѣнія этихъ спеціальныхъ студій, добавимъ здѣсь только еще нѣсколько замѣчаній, объясняющихъ существенное значеніе для будущаго философа языковѣдѣнія вообще и въ особенности греческаго и латинскаго языковъ.

Начала языковѣдѣнія тѣсно связаны съ уразумѣніемъ логическихъ формъ мышленія и основныхъ руководящихъ понятій ума, и хотя грамматическія формы не совпадаютъ цѣликомъ съ логическими, и этимологическое объясненіе значенія словъ не есть еще опредѣленіе ихъ мысленнаго содержанія,—тѣмъ не менѣе въ томъ и другомъ отношеніи философъ нуждается въ данныхъ языковѣдѣнія и часто можетъ надлежащимъ образомъ разрѣшать свои задачи только при помощи положительныхъ знаній въ этой области наукъ. Философъ, будучи хорошимъ лингвистомъ и филологомъ, обладаетъ научнымъ матеріаломъ, расширяющимъ, такъ сказать, не только количественно сумму

его знаній, но дающимъ ему кромѣ того возможность болѣе точно и основательно рѣшать свои собственныя задачи, благодаря фактическимъ указаніямъ на такіе элементы понятій, въ ихъ развитіи, которые ускользаютъ при собственно философскомъ разборѣ въ ихъ готовомъ законченномъ видѣ. Можно даже въ этомъ отношеніи безъ преувеличенія сказать, что, если математика доводитъ до самаго точнаго уразумѣнія количественныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ нашихъ воззрѣній на міръ, — то научное языковѣдѣніе представляетъ намъ нагляднымъ образомъ тѣ конкретныя качественныя начала, которыя сочетаются непосредственно даже съ самыми отвлеченными понятіями нашего ума. Это вытекаетъ совершенно ясно изъ органической связи мышленія и слова, вслѣдствіе которой слова суть въ сущности самое естественное выраженіе умственныхъ произведеній, ихъ тѣло, воплощающее въ себѣ внутреннюю работу ума въ образованіи и опредѣленіи своихъ мыслей. Вслѣдствіе того исторія даннаго слова и вообще исторія языка есть внѣшнее проявленіе того первичнаго внутренняго развитія умственной жизни, которое предшествуетъ всякому разбору содержанія словъ и мыслей съ отвлеченной, научной точки зрѣнія. Понятно, слѣдовательно, что философъ, лишенный знаній по этому предмету, не способенъ съ надлежащею основательностью вникнуть въ процессы умственной дѣятельности, слѣдовательно, и не способенъ подвергнуть ихъ съ надлежащею точностью требуемой философіею критикѣ (§ 9). § 22, 2

О необходимости спеціальнаго знанія *греческаго и латинскаго языковъ* для философа нѣтъ надобности говорить, потому что каждый хорошо понимаетъ, что нельзя признать научно образованнымъ философомъ того, кто неспособенъ читать въ подлинникѣ сочиненій такихъ мыслителей, какъ Платонъ, Аристотель, Бэконъ, Декартъ, Спиноза и др. Отношеніе современнаго философа къ сочиненіямъ этихъ мыслителей не можетъ быть сравниваемо съ отношеніемъ спеціалиста по математикѣ, естествознанію, медицинѣ къ классическимъ сочиненіямъ по этимъ наукамъ Евклида, Аристотеля, Гипократа, Галлена и др. Эти послѣдніе авторы имѣютъ для современной науки единственно историческое значеніе и вслѣдствіе того служатъ несомнѣнно важнымъ пособіемъ для научнаго уразумѣнія генезиса современныхъ взглядовъ и теорій, но они не вліяютъ уже на расширеніе положительныхъ знаній и усовершенствованіе объяснительныхъ теорій въ области указанныхъ наукъ. Между тѣмъ философскія сочиненія упомянутыхъ мыслителей важны для со-

§ 22, 2. временнаго философа не только съ исторической точки зрѣнія, но и содержаніемъ своимъ они способны по настоящее время содѣйствовать болѣе точному опредѣленію задачъ философіи и болѣе основательному ихъ разрѣшенію. Громадная умственная работа, подъятая геніальными мыслителями, которая обнаруживается въ ихъ попыткахъ уразумѣть міръ при помощи доступныхъ для нихъ данныхъ, не теряетъ своего существеннаго значенія и при самомъ поразительномъ прогрессѣ на поприщѣ положительныхъ знаній. Поэтому и самостоятельнѣйшій философъ нашего времени находитъ для себя въ сочиненіяхъ упомянутыхъ мыслителей очень важныя указанія; мало того, можно прямо сказать, что, безъ изученія этихъ сочиненій, современный философъ не способенъ съ надлежащею точностью, всесторонностью и основательностью разработывать философскіе вопросы. Слѣдовательно, безъ знанія греческаго и латинскаго языковъ, этого необходимаго условія точнаго пониманія упомянутыхъ мыслителей, онъ вообще не можетъ быть *научнымъ* философомъ.

По этимъ же причинамъ будущій философъ долженъ себѣ усвоить по возможности и главнѣйшіе изъ *новыхъ языковъ*, нѣмецкій, французскій и англійскій; особенно важенъ для болѣе основательныхъ студій нѣмецкій языкъ, по богатству нѣмецкой философской литературы и, главнымъ образомъ, по существенному значенію точнаго пониманія критическихъ сочиненій Канта для каждаго философа.

Общечеловѣческій характеръ философіи и тѣсная связь ея со всѣмъ развитіемъ умственной жизни (см. стр. 229) требуетъ отъ будущаго философа соотвѣтственныхъ положительныхъ знаній и по другимъ гуманитарнымъ наукамъ, въ особенности же по *исторіи всеобщей культуры и цивилизаціи*, по *исторіи наукъ, искусствъ, религіи*, равно какъ и по *общественнымъ наукамъ*.

Что, наконецъ, касается *богословскихъ* наукъ, то, естественно, нельзя требовать отъ будущаго философа, чтобы онъ ознакомился со всѣмъ ихъ объемомъ на основаніи спеціальныхъ студій. Тѣмъ не менѣе и на эту группу наукъ онъ не долженъ смотрѣть свысока, но, напротивъ, онъ долженъ усвоить себѣ и изъ нихъ столько знаній, сколько оказывается необходимымъ для точнаго уразумѣнія предположеній, характера и основного содержанія этихъ наукъ. Иначе, онъ въ своихъ сужденіяхъ по этому важному предмету будетъ руководствоваться не требованіями научной самостоятельности, но посторонними, пред-

взятыми мнѣніями, почерпаемыми случайно изъ часто мутныхъ источниковъ. Догматизму богословія онъ противопоставитъ не истинную философскую критику, но догматизмъ той или другой спеціальной науки, или даже догматическія предположенія тѣхъ или другихъ популярныхъ воззрѣній. Кромѣ того, и близкое отношеніе философіи къ религіи (§ 16, 3) указываетъ на необходимость ознакомиться, по возможности основательно, съ научною обработкою разнообразныхъ религіозныхъ ученій, составляющихъ предметъ богословія. Въ особенности исторія теоретическаго богословія является въ этомъ отношеніи самымъ удобнымъ пособіемъ. § 22, 2.

Литература. J. G Fichte представилъ идеалъ ученаго въ своихъ лекціяхъ *Ueber die Bestimmung des Gelehrten.* 1794. Ученаго онъ называетъ воспитателемъ человѣческаго рода (Erzieher des Menschengeschlechts) и указываетъ на тѣ условія его умственнаго и нравственнаго развитія, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе его истиннаго назначенія. Сочиненіе это замѣчательно особенно своимъ возвышеннымъ этическимъ духомъ, при разсматриваніи задачъ ученаго.

Fr. W. Schelling издалъ въ 1803 г. свои лекціи *О методѣ академическихъ студій* (*Vorlesungen uber die Methode des akademischen Studiums.* 3-ье изд. 1830), въ которыхъ онъ, съ философской точки зрѣнія, разсматриваетъ внутреннюю связь и соотношеніе всѣхъ спеціальныхъ научныхъ студій, въ особенности богословія, естествознанія и исторіи Лекціи эти поучительны по настоящее время, содѣйствуя болѣе глубокому уразумѣнію характера и общенаучнаго значенія упомянутыхъ спеціальныхъ студій.

Въ этомъ духѣ заслуживаютъ вниманія тоже: Joh. Ed. Erdmann, *Vorlesungen uber akademisches Leben und Studium*, 1858, и Kuno Fischer, *Ueber das akademische Studium und seine Aufgabe*, 1868.

Новѣйшее сочиненіе этого рода—Fr. Harms'a († 1880) *Methode des akademischen Studiums, herausgegeb. von* H. Wiese. 1885. Соч. это состоитъ изъ трехъ частей: 1) объ ученомъ, 2) объ университетѣ, 3) о факультетскихъ студіяхъ. Каждая изъ этихъ частей содержитъ поучительныя указанія касательно задачъ, цѣлей и средствъ научнаго образованія. Въ послѣдней части авторъ характеризуетъ каждую группу факультетскихъ студій отдѣльно, опредѣляетъ ихъ значеніе и указываетъ на путь, ведущій къ разрѣшенію ихъ задачъ

Поучительное обозрѣніе спеціальныхъ наукъ съ разъясненіемъ ихъ взаимнаго отношенія и современнаго состоянія и съ представленіемъ главнѣйшихъ литературныхъ пособій для ихъ изученія заключаетъ въ себѣ упомянутая уже *Конкретная Логика* проф. Масарика (см. выше стр. 4 и 43 и слѣдующая).

Вопросъ о вліяніи спеціальныхъ *математическихъ* студій на умственный складъ ученаго подвергнутъ былъ критическому разбору В. Гамильтономъ, особенно въ его упомянутыхъ уже (стр. 71) *Лекціяхъ метафизики и логики.* Онъ хочетъ показать, что изученіе математики вовсе не представляетъ полезной умственной дисциплины, развѣ въ одномъ, сравнительно скромномъ, частномъ случаѣ, какъ привычка къ постоянному вниманію.

§ 22, 2. „Въ этомъ, по Гамильтону, единственная польза, на которую изученіе математики можетъ справедливо притязать въ обработкѣ ума." Гамильтонъ ссылается въ этомъ отношеніи между прочимъ на свидѣтельство такого знаменитаго математика, какъ Декартъ, которому, по словамъ его біографа Байлье (Baillet, *La vie de Mr. des Cartes*, 1691), ничто не казалось болѣе пустымъ, какъ заниматься простыми числами и воображаемыми фигурами и который считалъ аксіомою, что такія занятія отучаютъ насъ отъ употребленія разума и подвергаютъ опасности потерять тропинку, которую онъ начертываетъ — Въ своемъ *Обзорѣ философіи Гамильтона* (глава 17-ая), упомянутомъ тоже уже выше (стр. 71), Дж. Ст. Милль разсматриваетъ этотъ вопросъ всесторонне и защищаетъ математику отъ приведенныхъ упрековъ. Выводы Милля очень поучительны. Онъ признаетъ, что чистая математика отвлекаетъ умъ отъ реальной дѣйствительности и, примѣненная къ философіи, послужила поводомъ къ неумѣстному развитію односторонняго дедуктивнаго метода въ разныхъ философскихъ системахъ. Поэтому Милль придаетъ особенное значеніе прикладной математикѣ, въ которой отвлеченныя математическія формулы дополняются конкретнымъ содержаніемъ опытнаго знанія. Съ другой стороны Милль съ полною ясностью выставилъ на видъ значеніе и необходимость математическихъ студій Онъ въ этомъ отношеніи говоритъ, между прочимъ, слѣдующее· „Кромѣ того, что математическія занятія пріучаютъ занимающагося искать полнаго доказательства и знать, когда онъ не достигнулъ его, они оказываютъ огромную пользу для его воспитанія, пріучая его къ *точности*. Это одно изъ особыхъ превосходствъ математической дисциплины, что математикъ никогда не удовлетворяется какимъ-нибудь *à peu près*. Онъ требуетъ точной истины. Едва ли какая нибудь изъ нематематическихъ наукъ, кромѣ химіи, имѣетъ это преимущество. Одинъ изъ обычайнѣйшихъ видовъ распущенной мысли и источниковъ заблужденій какъ въ мнѣніи, такъ и въ практикѣ, это—неимѣніе въ виду важности количествъ. Математики и химики научаются всѣмъ ходомъ ихъ занятій, что большая часть фундаментальныхъ качественныхъ разностей зависитъ отъ нѣкоторой, весьма незначительной разницы въ пропорціональномъ количествѣ и что одностороннее вниманіе къ однимъ только качествамъ вліяющихъ элементовъ, безъ заботливаго вниманія къ ихъ количествамъ, остается постоянной причиной образованія ложныхъ ожиданій относительно настоящей природы и существеннаго характера произведеннаго результата." (Мы пользовались здѣсь приведеннымъ переводомъ П. Хмѣлевскаго, стр. 491 и слѣд.). Главнѣйшія пособія къ философскому уразумѣнію началъ математики представлены въ § 13, 1 *Лит.*, особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи *Философія математическихъ наукъ* Шмицъ-Дюмонъ (стр. 144).

Значеніе спеціальныхъ студій по естественнымъ наукамъ для философа истекаетъ непосредственно изъ всего того, что сказано было нами при разборѣ ихъ отношенія къ философіи, равно какъ при разсмотрѣніи философскаго анализа и синтеза данныхъ естествознанія (см. § 13, 1, 2, 20, 2 и 21 2). Въ обзорѣ соотвѣтственной литературы указано было тоже на главнѣйшія пособія къ руководству этими студіями, съ философской точки зрѣнія; здѣсь обращаемъ особенное вниманіе на поучительное значеніе въ этомъ отношеніи упомянутыхъ сочиненій: Шульце, *Философія естественныхъ наукъ* и Кромания, *Наше естествознаніе* (см. стр. 147)

Ясное понятіе о предметѣ всеобщей *исторіи культуры* даетъ F. Jodl, *Die Kulturgeschichtsschreibung, ihre Entwickelung u. ihr Problem.* 1878. Общее

§ 22, 2.

обозрѣніе предмета и методовъ *историческихъ наукъ* представляютъ: J. G. Droysen, *Grundriss der Historik.* 3-ье изд. 1882. E. A Freemann, *The methods of historical study.* 1886 Для всесторонняго ознакомленія съ основными началами исторіи, какъ науки, съ ея предметомъ и отношеніемъ къ другимъ наукамъ, съ ея методологіею и способомъ уразумѣнія историческихъ фактовъ особенно поучительно сочиненіе E. Bernheim'a, *Lehrbuch der historischen Methode.* 1889.

Съ основами *языковѣдѣнія* и *филологіи* ознакомляютъ удобнѣйшимъ образомъ слѣдующія пособія: Max Müller, *Lectures on the science of language.* Новое изд. 1880. B. Delbrück, *Einleitung in das Sprachstudium.* 1880. A. Boeckh († 1867), *Encyklopadie und Methodologie der philosophischen Wissenschaften.* Новое изд. 1886 Въ дополненіе этой энциклопедіи Бека заслуживаютъ вниманія сочиненія по энциклопедіи новой филологіи, въ особенности *романской* G. Korting'a, 1884, и *англійской* K. Elze, 2-ое изд. 1889. Съ философской точки зрѣнія замѣчателенъ упомянутый уже (стр. 7) *Очеркъ философскихъ наукъ* Г. Глогау, основанный главнымъ образомъ на данныхъ языковѣдѣнія. См. въ этомъ отношеніи тоже Max Muller, *Das Denken in Lichte der Sprache* (переводъ съ англійскаго), 1888 и Herm. Wolff, *Logik u. Sprachphilosophie* 2-ое изд 1883.

Къ лучшимъ пособіямъ для ознакомленія съ началами *общественныхъ и юридическихъ наукъ* принадлежатъ: A. Schäffle, *Das gesellschaftliche System.* 3-ье изд. 1873. R. v. Mohl, *Encyklopedie der Staatswissenschaft.* 3-ье изд. 1881. Fr. v. Holzendorff, *Encyklopadie der Rechtswissenschaft.* Первая систематическая часть. 4-ое изд. 1882. Вторая часть составляетъ юридическій лексиконъ. 3-ье изд. 1881 Три тома. Th. E. Holland, *The elements of Jurisprudence,* 3-ье изд. 1886. разборъ какъ права вообще, такъ въ особенности частнаго, публичнаго и международнаго права. Въ болѣе сжатомъ видѣ излагаютъ этотъ предметъ A. Merkel, *Juristische Encyklopadie.* 1885. C. Gareis, *Encyklopadie und Methodologie der Rechtswissenschaft.* 1887.

Взглядъ на научныя задачи и существенное содержаніе *богословскихъ наукъ* представляетъ главнымъ образомъ: K. R. Hagenbach, *Encyklopädie und Methodologie der theologischen Wissenschaften.* 12-ое изд. 1889. Рядъ спеціальныхъ сочиненій по разнымъ богословскимъ наукамъ съ соотвѣтственнымъ введеніемъ обнимаетъ *Handbuch der theologischen Wissenschaften in encyklopädischer Darstellung, herausgegeben von O. Zöckler.* 3-ье изд. 1887 и слѣд.

Сюда относятся тоже сочиненія по *всеобщей энциклопедіи наукъ* и по *классификаціи наукъ*, упомянутыя уже въ началѣ настоящаго труда (см. § 1, 2 и 6, 1 *Лит*.).

§ 22, 3.

Примѣчаніе 3-ье. Философское образованіе. Послѣдній моментъ научной подготовки къ самостоятельному философствованію заключается въ *философскомъ образованіи.* Первыя начала его соединяются еще непосредственно съ общимъ и спеціальнымъ научнымъ образованіемъ; но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи оно принимаетъ самостоятельный характеръ и имѣетъ въ виду ознакомить будущаго философа со всѣми тѣми необходимыми и полезными пособіями, которыя, для разрѣшенія задачъ философіи, представляетъ ея собственная исторія и литература.

§ 22, 3. *Философская пропедевтика*, какъ предметъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, знакомитъ молодого человѣка впервые съ извѣстными философскими понятіями. Самое элементарное изложеніе логики должно дать ученику понятіе о наукѣ вообще и о главныхъ вѣтвяхъ ея, слѣдовательно и о философіи (Логика § 35). Болѣе подробное же развитіе началъ логики, психологіи и этики (см. выше стр. 377) доводитъ ученика до сознанія о существованіи въ каждомъ мыслящемъ умѣ извѣстныхъ основъ, при помощи которыхъ онъ разбираетъ и оцѣниваетъ значеніе своихъ воззрѣній на самого себя и міръ, на истину и добро. Все это, смотря по способностямъ и настроенію ученика, даетъ толчекъ къ самостоятельнымъ попыткамъ размышлять о себѣ и мірѣ. Это элементарное изложеніе приведенныхъ философскихъ наукъ должно вмѣстѣ съ тѣмъ и руководить этими самостоятельными попытками и довести молодого человѣка до убѣжденія въ необходимости основывать свои разсужденія на положительныхъ началахъ знанія. Этимъ развиваются въ немъ первые зачатки философской критики и стремленіе къ достиженію при ея помощи извѣстныхъ общихъ взглядовъ на жизнь и міръ.

Отношеніе спеціальнаго научнаго образованія, въ особенности естественнонаучнаго, къ философіи въ большинствѣ европейскихъ университетовъ представляется въ новѣйшее время очень неудовлетворительнымъ. Во Франціи занятіе философскими предметами оканчивается для спеціалиста обыкновенно экзаменомъ изъ логики и этики, требуемомъ, какъ мы видѣли (стр. 377), для полученія степени *бакалавра наукъ*. Въ Пруссіи и въ большинствѣ другихъ германскихъ государствъ до 1861 года, студенты, изучающіе математику, естествознаніе, медицину, должны были выдержать особое испытаніе по вспомогательнымъ предметамъ, называемое *philosophicum*, къ которому, кромѣ вспомогательныхъ предметовъ по другимъ спеціальностямъ, причислялись и нѣкоторые философскіе предметы, въ особенности логика, психологія, исторія философіи. Въ упомянутомъ же году обязательные предметы этого *philosophicum* сведены были въ Пруссіи къ однимъ только спеціальнымъ вспомогательнымъ предметамъ; такимъ образомъ вышло то, что это *philosophicum* обнимало собою самые разнообразные предметы, за исключеніемъ именно предметовъ собственно философскихъ,—и получилось *philosophicum* безъ философіи! При такой „философской“ послѣдовательности германскіе университеты удостоиваютъ въ наше время очень часто званія даже *доктора*

философіи такихъ спеціалистовъ по математикѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, ботаникѣ, зоологіи, которые о философіи въ собственномъ смыслѣ не имѣютъ рѣшительно никакого понятія. Упомянутыя науки причисляются къ философскому факультету; факультетъ же отъ спеціалистовъ по этимъ наукамъ не требуетъ никакихъ философскихъ знаній и признаетъ ихъ *учеными* по философіи, хотя имъ часто вовсе неизвѣстно, что такое философія? § 22, 3.

Въ русскихъ университетахъ введена бо́льшая логичность въ этомъ отношеніи. Въ нихъ степени магистра и доктора философіи удостоиваются только лица, ознакомленныя основательно съ этою наукою. Но, по существу дѣла, и въ русскихъ университетахъ спеціальное научное образованіе не имѣетъ обыкновенно ничего общаго съ философіею. И въ нихъ, напримѣръ, отъ математика не требуется ни малѣйшаго знанія логики, хотя, кажется, только эта философская наука разъясняетъ съ болѣе широкой точки зрѣнія истинное значеніе методологическихъ пріемовъ математики. Химикъ и физикъ въ предѣлахъ оффиціальныхъ требованій знакомится исключительно съ фактическимъ матеріаломъ и съ новѣйшими теоріями своей науки, но о настоящихъ основахъ этихъ теорій, о ихъ связи съ общими попытками ума человѣческаго объяснить явленія міра при помощи самыхъ простыхъ философскихъ понятій, объ историческомъ развитіи такихъ понятій, какъ сила и матерія, о метафизическихъ началахъ теоріи атомистики и т. п.,—они остаются обыкновенно въ невѣдѣніи. Ботаникъ, зоологъ, физіологъ изучаютъ во всѣхъ подробностяхъ разнообразныя явленія жизни и ея развитія; но подготовка этихъ спеціалистовъ не знакомитъ ихъ надлежащимъ образомъ съ основными началами всякаго объясненія и уразумѣнія этихъ явленій. Пока господствующія теоріи не возбуждаютъ въ молодомъ спеціалистѣ сомнѣній, до тѣхъ поръ все идетъ благополучно во имя традиціоннаго догматизма. Но съ того момента, когда возникаютъ серіозныя возраженія противъ данной теоріи, когда знаменитые представители науки расходятся между собою принципіально по тому или другому вопросу—какъ это, напримѣръ, въ настоящее время имѣетъ мѣсто по поводу выступленія проф. Бунге противъ механическаго объясненія жизни (см. стр. 140)—тогда молодой спеціалистъ лишенъ всякой опоры для самостоятельнаго критическаго разсмотрѣнія дѣла. Не имѣя самыхъ элементарныхъ знаній по философіи и ея исторіи, онъ неспособенъ даже обыкновенно уразумѣть точно новаго принципа объясненія явленій,

§ 22, 3. а тѣмъ болѣе неспособенъ оцѣнить истиннаго значенія этого принципа въ сравненіи съ господствующими взглядами.

Неудивительно, что при такомъ отсутствіи всякихъ философскихъ элементовъ въ спеціальномъ научномъ образованіи, распространился особенно среди естествоиспытателей тотъ эмпирическій догматизмъ, который довелъ до самаго поверхностнаго натурализма и подкопалъ начала строгой критики при объясненіи явленій даже самихъ спеціалныхъ наукъ (см. въ этомъ отношеніи § 12, 3 *Лит.*. въ особенности замѣчательно то, что говоритъ Целльнеръ о недостаточномъ философскомъ образованіи естествоиспытателей).

Впрочемъ, мы говоримъ здѣсь объ этомъ недостаткѣ спеціальнаго научнаго образованія не для того, чтобы указать на необходимость повышенія его общаго уровня введеніемъ философіи; — объ этомъ должны позаботиться главнымъ образомъ сами спеціалисты. Для насъ важенъ упомянутый недостатокъ съ точки зрѣнія *философскаго образованія.* Требуя. чтобы будущій философъ получилъ спеціальное научное образованіе, мы не можемъ смотрѣть равнодушно на тотъ фактъ, что спеціальное образованіе не только не соединяется органически съ философскимъ, но что оно, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ вслѣдствіе недостатка общенаучныхъ и критическихъ началъ ограничиваетъ развитіе истинно философскаго духа среди адептовъ спеціальныхъ наукъ. Въ виду этого философствующіе умы, изучающіе спеціально естественныя науки, должны непремѣнно стараться дополнить указанную односторонность своего образованія и рядомъ со спеціальными студіями заняться по крайней мѣрѣ изученіемъ исторіи философіи, какъ необходимаго пособія для критическаго уразумѣнія теоретическихъ основъ самаго естествознанія.

Спеціальное научное образованіе филологовъ, историковъ и богослововъ связано обыкновенно болѣе органически съ философскими науками, поэтому и естественно, что большинство философовъ происходитъ изъ среды этихъ спеціалистовъ. Поразителенъ даже тотъ фактъ, что рядомъ съ пренебреженіемъ къ философіи, развившемся въ новѣйшемъ естествознаніи, благодаря эмпирическому догматизму, богословы во всѣхъ почти странахъ Европы обратили въ послѣднее время болѣе тщательное вниманіе на значеніе философскихъ студій и признали, что высшее богословское образованіе должно основываться на довольно обширномъ знаніи философіи. Это относится не только къ образованію богослововъ въ германскихъ и французскихъ

университетахъ, но и къ ихъ образованію въ духовныхъ академіяхъ въ Россіи. И если въ будущемъ естествоиспытатели, руководящіе образованіемъ молодыхъ ученыхъ, не убѣдятся въ необходимости пополнить ихъ спеціальныя занятія извѣстною долею критическихъ студій при помощи философіи и этимъ содѣйствовать образованію самостоятельныхъ, научныхъ философовъ изъ естествоиспытателей, въ такомъ случаѣ и впредь филологи, историки и въ особенности богословы окажутся вообще лучше подготовленными къ философскимъ студіямъ, чѣмъ естествоиспытатели, а вслѣдствіе того и въ общемъ развитіи философіи философы изъ естествоиспытателей не будутъ имѣть значенія, отвѣчающаго важности естествознанія при разрѣшеніи философскихъ задачъ. Слѣдуетъ, однако, надѣяться, что примѣръ самыхъ выдающихся естествоиспытателей нашего времени, занимающихся серіозно философскими вопросами, повліяетъ отчасти и на будущее направленіе естествоисторическихъ студій, на болѣе органическую ихъ связь съ философіею, въ особенности же со студіями по исторіи философіи, обнимающей собою необходимыя данныя для каждаго научно-образованнаго спеціалиста. § 22, 3.

Философское образованіе въ собственномъ смыслѣ, какъ спеціальное образованіе по философіи, вслѣдствіе изложенныхъ выше причинъ (стр. 381) имѣетъ мѣсто обыкновенно только послѣ того, какъ молодой человѣкъ окончилъ уже свои студіи по опредѣленной спеціальности. Согласно съ тѣмъ, что сказано выше (стр. 366), это философское образованіе обнимаетъ собою студіи по тремъ главнымъ моментамъ, по *основнымъ началамъ философіи*, по *исторіи философіи* вмѣстѣ съ чтеніемъ философскихъ классиковъ и по *отдѣльнымъ философскимъ наукамъ*.

Что касается преемства этихъ трехъ моментовъ въ ходѣ философскихъ студій, то нельзя схоластическою регламентаціею ограничивать внутреннія потребности и влеченія созрѣвающаго философа. Самодѣятельное развитіе ума составляетъ необходимое условіе всякаго истинно философскаго образованія и поэтому, руководя этимъ развитіемъ, нужно прежде всего уважать умственную свободу данной личности и вліять на ходъ ея студій не догматическими указаніями и требованіями, но, сколько возможно, при участіи мотивовъ и побужденій, дѣйствующихъ въ глубинѣ ея собственнаго духа. Одинъ молодой ученый начинаетъ философствовать вслѣдствіе интереса, возбуждаемаго въ немъ какимъ либо спеціальнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго является для него задушевною потребностью.

§ 22, 3. Другого занимаетъ преимущественно одна изъ отдѣльныхъ философскихъ наукъ, съ общими началами которой онъ ознакомился прежде. напримѣръ, логика, или психологія, или этика, и онъ желаетъ начать свои философскія студіи болѣе основательнымъ изученіемъ именно этой науки. Иной пораженъ остроуміемъ и глубокомысліемъ того или другого изъ знаменитыхъ мыслителей, и надѣется, что разъяснитъ свои недоумѣнія кратчайшимъ путемъ, когда ознакомится основательно съ подлинными сочиненіями этого мыслителя. Нѣтъ никакого повода требовать, чтобы будущій философъ начиналъ свое образованіе не приведенными, но какими либо другими, ему извнѣ навязанными студіями. Тѣмъ не менѣе, всестороннее и полное философское образованіе должно обнимать собою всѣ вышеуказанные моменты и притомъ свобода въ студіяхъ молодого мыслителя не должна имѣть слѣдствіемъ хаосъ въ занятіяхъ и произвольный переходъ отъ одного предмета къ другому. Напротивъ, руководящимъ началомъ его студій долженъ служить ясный взглядъ на общую цѣль философскаго образованія и на кратчайшій путь, ведущій къ достиженію этой цѣли. Въ этомъ именно смыслѣ мы имѣемъ въ виду представить здѣсь въ общихъ чертахъ раціональный ходъ философскаго образованія на основаніи указанныхъ трехъ главныхъ моментовъ его.

Первое, самое простое и естественное требованіе философскихъ студій состоитъ въ изученіи основныхъ началъ философіи, ея задачъ, ея отношенія къ другимъ явленіямъ умственной жизни, ея метода изслѣдованія и т. п. Въ виду существенной неопредѣленности философіи въ этомъ отношеніи и разногласія по этому поводу знаменитѣйшихъ мыслителей и въ виду того обстоятельства, что точное опредѣленіе философіи можетъ быть только результатомъ самостоятельнаго изслѣдованія ея общихъ основъ (§ 3), начинающій философъ долженъ прежде всего стремиться къ разъясненію своихъ понятій по указанному предмету, имѣющему самое важное значеніе для всѣхъ дальнѣйшихъ студій его. Успѣшному ходу философскаго образованія ничто такъ не мѣшаетъ, какъ неясность и неопредѣленность во взглядахъ на основныя начала философіи. На какой успѣхъ можетъ надѣяться молодой ученый отъ своихъ философскихъ студій, если онъ не знаетъ положительно, что такое въ сущности философія, какое значеніе ея въ умственномъ развитіи единичнаго человѣка и всего человѣчества, какими средствами она разрѣшаетъ свои задачи и т. д.? Впрочемъ,

кажется, что каждый философствующій умъ самъ по себѣ, обративъ разъ вниманіе на эти существенные вопросы философствованія, почувствуетъ потребность заняться прежде всего ихъ надлежащимъ разъясненіемъ. § 22, 3.

Успѣшнѣйшимъ образомъ цѣль эта можетъ быть достигнута изученіемъ основной философской науки, т. е. *введенія въ философію и энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.* Такъ какъ настоящее сочиненіе посвящено изложенію этой науки, то и въ соотвѣтственныхъ частяхъ его представлены главнѣйшія литературныя пособія для студій, имѣющихъ въ виду разъясненіе основныхъ началъ философіи.

Съ этими студіями соединяется естественнѣйшимъ образомъ изученіе *исторіи философіи* по источникамъ и чтеніе сочиненій знаменитѣйшихъ мыслителей. И здѣсь нельзя требовать безусловной систематичности и послѣдовательности въ занятіяхъ молодого философа, но слѣдуетъ принимать во вниманіе его настроеніе и разнообразныя индивидуальныя условія его умственнаго развитія. Даже отступленія въ историческихъ студіяхъ отъ хронологическаго преемства мыслителей и системъ должны быть допущены, если это оправдывается достаточными поводами. Одни по своему спеціальному научному образованію, или по другимъ обстоятельствамъ, чувствуютъ потребность начать свои историческія студіи съ мыслителей новаго времени,—что имѣетъ мѣсто обыкновенно у философовъ изъ естествоиспытателей; другіе, напротивъ, интересуются живо древнимъ міромъ и съ удовольствіемъ ознакомляются прежде всего съ философскими сочиненіями древнихъ мыслителей. Важна въ этомъ отношеніи не хронологія, а полнота и основательность историческихъ студій. Согласно замѣчаніямъ, высказаннымъ нами о значеніи исторіи вообще и въ особенности исторіи древняго міра (прим. 1-ое), слѣдуетъ только требовать отъ молодого философа, чтобы онъ во всякомъ случаѣ свои студіи распространялъ и на древнихъ, особенно греческихъ мыслителей, ибо иначе онъ никогда не дойдетъ до яснаго историко-критическаго уразумѣнія философскихъ теорій новаго времени.

Относительно объема и пособій этихъ историческихъ студій ограничимся здѣсь слѣдующими замѣчаніями.

Самое удобное пособіе для ознакомленія со всѣмъ богатствомъ литературнаго матеріала какъ по исторіи философіи вообще, такъ и по отдѣльнымъ ея эпохамъ, равно какъ и для изученія отдѣльныхъ мыслителей,—есть *исторія философіи* Ивервега.

§ 22, 3. Это необходимая настольная книга для всякихъ историческихъ студій по философіи. Въ качествѣ информаторовъ по французской и англійской литературамъ нужно воспользоваться лексикопами Франка и Краута. Очень полезнымъ дополненіемъ этихъ пособій служитъ сочиненіе *Классики философіи* М. Браша, заключающее въ себѣ многочисленные, мѣстами очень обширные, переводы и выписки изъ подлинныхъ сочиненій философовъ.

Ученія *восточныхъ* мудрецовъ имѣютъ въ сущности болѣе культурное, чѣмъ строго философское значеніе. Мы упомянули о нихъ выше (§ 17, 1), какъ о житейской подготовкѣ къ философіи, и указали вмѣстѣ съ тѣмъ на главнѣйшія пособія при ихъ болѣе основательномъ изученіи.

Для *греческой философіи* самымъ важнымъ пособіемъ слѣдуетъ признать капитальное сочиненіе Целлера *Философія грековъ*. При самостоятельныхъ историческихъ студіяхъ нужно ознакомиться и съ сочиненіемъ Діогена Лаэрція *О жизни, мнѣніяхъ и изреченіяхъ знаменитыхъ философовъ*. При чтеніи подлинныхъ сочиненій греческихъ философовъ слѣдуетъ естественно, имѣть главнымъ образомъ въ виду Платона и Аристотеля. Основательное уразумѣніе сочиненій Платона: *Протагоръ*, *Горгіасъ*, *Θеэтетъ*, *Парменидъ*, *Софистъ*, *Федръ*, *Пиръ*, *Федонъ*, *Филебъ*, *Республика*, *Тимей* и *Законы*; сочиненій же Аристотеля: *Органонъ*, *Метафизика*, *О душѣ*, *Этика* и *Политика*, составляетъ необходимое условіе истиннаго философскаго образованія. Въ дополненіе къ этимъ сочиненіямъ слѣдуетъ обратить надлежащее вниманіе и на дошедшіе до насъ фрагменты изъ сочиненій другихъ греческихъ философовъ, собранные Муллахомъ, равно какъ на *Энеады* новоплатоника Плотина.

Среди римскихъ философскихъ писателей особенно важны въ историческомъ отношеніи Цицеронъ и Лукрецій. Сочиненія перваго изъ нихъ какъ: *Paradoxa stoicorum*, *De finibus bonorum et malorum*, *Tusculanae disputationes*, *De natura deorum*, *De officiis* содѣйствуютъ точному уразумѣнію какъ ученій греческихъ философовъ, такъ и ихъ видоизмѣненій у Римлянъ. Поэма же Лукреція *De natura rerum* очень важна, какъ типическій образецъ натурализма.

Наконецъ, молодой философъ найдетъ очень важный и поучительный матеріалъ для своего умственнаго развитія и своихъ жизненныхъ стремленій въ упомянутыхъ нами выше сочиненіяхъ такихъ древнихъ писателей, какъ Сенека, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій, Боэцій и др. (см. § 17, 3 *Лит.*)

Классическое пособіе для изученія *новой философіи* пред- § 22, з.
ставляется въ *Исторіи новой философіи* Куно Фишера, дополненіемъ которой служитъ его сочиненіе. *Бэконъ и его послѣдователи.*

Къ подлиннымъ же сочиненіямъ мыслителей новаго времени, съ которыми раньше или позже долженъ ознакомиться философъ, приступающій къ самостоятельному разрѣшенію задачъ философіи, принадлежатъ главнымъ образомъ: *Organon* и *De dignitate et augmentis scientiarum* Бэкона, *Discours de la méthode, Meditationes philosophiae* и *Principia philosophiae* Декарта, *Ethica* Спинозы, *Essay concerning human understandig* Локка, критика этого сочиненія въ *Nouveaux essais* Лейбница и его же *Monadologie* и *Théodicée*; *Principles of human knowlege* Берклейя, *Enquiry concerning human understandig* Юма, *Inquiry in to the human mind* Рида, *Traité des sensations* Кондилльяка, *Système de la nature* Гольбаха, основныя критическія сочиненія Канта, *Grundlage der gesammten Wissenschaftslehre* Фихте, *System des transscendentalen Idealismus* Шеллинга, *Phanomenologie des Geistes* Гегеля, *Allgemeine Metaphysik* Гербарта, *Die Welt als Wille und Vorstellung* Шопенгауера, *Cours de philosophie positive* Конта и, наконецъ, выдающіяся сочиненія мыслителей новѣйшаго времени.

Въ виду обширности этого списка, который, въ сущности, слѣдовало бы еще пополнить, нельзя, естественно, требовать, чтобы молодой философъ не занимался самостоятельнымъ изученіемъ того или другого философскаго вопроса, не ознакомившись предварительно со всѣми приведенными сочиненіями. Но онъ долженъ въ своихъ студіяхъ во всякомъ случаѣ имѣть въ виду приблизительную полноту своихъ дѣйствительныхъ знаній по исторіи философіи, ибо отъ нея зависитъ въ значительной части полнота его самостоятельныхъ воззрѣній на міръ и жизнь.

По *средневѣковой* философіи, со включеніемъ философіи отцовъ церкви, окажется въ большинствѣ случаевъ достаточнымъ изученіе спеціальныхъ пособій по этому предмету Губера, Штекля и Горэо. Для того, чтобы дойти до болѣе самостоятельнаго взгляда на значеніе философіи этихъ временъ, стоитъ, при удобномъ случаѣ, прочитать *Апологію* Юстина Мученика, или *Строматы* Климента Александрійскаго, или *Soliloquia* и *De civitate Dei* Августина, или, наконецъ, главныя части *Суммы* Ѳомы Аквината.

Студіи по исторіи философіи обнимаютъ собою непосредственно и изученіе исторіи *отдѣльныхъ философскихъ наукъ.*

§ 22, 3 Эти историческія студіи, однако, должны быть непремѣнно пополнены изученіемъ новѣйшихъ систематическихъ обработокъ какъ всей философіи, такъ и отдѣльныхъ философскихъ наукъ. Цѣль этого момента философскаго образованія есть не только ознакомленіе молодого философа съ новѣйшимъ состояніемъ этихъ наукъ, но и пробужденіе и развитіе его способности синтетическаго объединенія частныхъ знаній и воззрѣній въ одно стройное цѣлое, представится ли оно въ видѣ изложенія отдѣльной философской науки, или же въ видѣ цѣльной системы философіи, обнимающей собою всѣ начала критическаго міровоззрѣнія.

Обозрѣніе отдѣльныхъ философскихъ наукъ составляетъ, какъ мы видѣли (§ 7, 2), задачу второй части настоящей основной науки философіи. Не задаваясь, слѣдовательно, уже здѣсь систематизаціею философскихъ наукъ и направленій, скажемъ только, что однимъ изъ необходимыхъ условій философскаго образованія слѣдуетъ признать не только знакомство съ общею энциклопедіею философскихъ наукъ и направленій, — о чемъ была рѣчь выше, но и съ остальными главными науками философіи, слѣдовательно, *съ логикою* и *критикою метафизическихъ понятій*, *съ психологіею*, *эстетикою* и *этикою*.

Естественно, что, смотря по индивидуальнымъ наклонностямъ, студіи молодого философа сосредоточатся, главнымъ образомъ, на одной или другой изъ этихъ наукъ. Мы вовсе не имѣемъ въ виду пренебрегать или ограничивать подобное сосредоточеніе философскихъ студій. Но, принимая во вниманіе характеристическія черты философіи въ отличіе отъ спеціальныхъ наукъ, ея критичность и стремленіе къ общему міровоззрѣнію (§ 9), мы не можемъ упустить изъ виду того, что философъ, какъ философъ, долженъ основывать свои изслѣдованія по отдѣльнымъ философскимъ наукамъ на началахъ критическаго міровоззрѣнія вообще. Для полнаго и основательнаго уразумѣнія этихъ началъ не достаточно изучить ту или другую философскую науку отдѣльно, но нужно ознакомиться, хоть въ основныхъ чертахъ, съ содержаніемъ *всѣхъ* главныхъ наукъ, входящихъ въ составъ философіи. Поэтому слѣдуетъ необходимо требовать, чтобы молодой философъ, кромѣ спеціальныхъ студій по одной изъ отдѣльныхъ философскихъ наукъ, ознакомился и съ остальными частями философіи, если не на основаніи монографическихъ изслѣдованій, то по крайней мѣрѣ при помощи того или другого изъ знаменитѣйшихъ новѣйшихъ сочиненій, излагающихъ данную науку, какъ систематическое цѣлое.

Кто имѣетъ въ виду основательное философское образованіе, тотъ несомнѣнно самъ почувствуетъ потребность ознакомиться съ тѣмъ или другимъ изъ сочиненій по *логикѣ* Милля, Бэна, Джевонса, Дельбефа, Ибервега, Сигварта, Лотце, Вундта и др., съ однимъ изъ новѣйшихъ сочиненій по критикѣ *метафизическихъ* понятій Ренувіэ, Вашеро, Ліяра, Менсела, Лотце, Геринга, Риля, Либмана и др., съ выдающимися сочиненіями по *психологіи* Фехнера, Ульрици, Фолькманна, Вундта, Тэна, Рибо, Дельбефа, Спенсера, Бэна, Мондсле; далѣе съ *эстетическими* сочиненіями Фишера, Циммермана, Шасслера, Фехнера, Каріэра, Кестлина, Тэна, Вэрона, Гюо, Рескина и др., съ сочиненіями по *этикѣ* Баумана, Вундта, Гартманна, Жанэ, Симона, Фуллье, Гюо, Спенсера, Бэна, Сичвека и др. Чѣмъ болѣе обширны эти студіи молодого философа, чѣмъ они обнимаютъ собою большій кругъ вопросовъ, изучаемыхъ отдѣльными философскими науками, тѣмъ онъ, безъ сомнѣнія, является лучше подготовленнымъ къ принятію самостоятельнаго участія въ разрѣшеніи задачъ философіи, къ критическому разбору основныхъ началъ знанія и къ образованію возможно полнаго и основательнаго міровоззрѣнія. § 22, 3.

Наконецъ замѣтимъ, что очень важными пособіями философскаго образованія во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ служатъ спеціальные *философскіе журналы*, за которыми долженъ слѣдить молодой философъ, чтобы знакомиться съ современнымъ движеніемъ философской мысли и его выдающимися явленіями.

Можетъ быть, что высказанныя нами требованія касательно спеціальнаго научнаго и философскаго образованія, какъ подготовки къ самостоятельному философствованію, покажутся многимъ преувеличенными. Мы вполнѣ сознаемъ трудности, представляющіяся при надлежащемъ осуществленіи на практикѣ всѣхъ этихъ требованій. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что мы вовсе не имѣли въ виду представлять здѣсь программы знаній, необходимыхъ для соисканія ученой степени магистра или доктора философіи; для насъ важно было только при помощи наглядныхъ доказательствъ убѣдить философствующіе умы въ той истинѣ, что *право* самостоятельно разсуждать о мірѣ и жизни сопряжено тѣснѣйшимъ образомъ съ извѣстными *обязанностями*, отъ добросовѣстнаго исполненія которыхъ зависитъ не только внѣшній успѣхъ нашихъ стремленій на поприщѣ философіи, но и ихъ внутреннее достоинство.

§ 22, 3. **Литература.** На мнѣнія знаменитыхъ естествоиспытателей и другихъ ученыхъ о необходимости пополнить спеціальныя научныя студіи философіею мы указали уже выше при разсмотрѣніи отношенія философіи къ спеціальнымъ наукамъ; см. въ особенности § 12, 3 *Лит.* Здѣсь вспомнимъ только еще о небольшой, но практической брошюрѣ M. Brasch'a *Wie studirt man Philosophie? Ein Wegweiser fur Studirende aller Facultaten.* 1888. Ссылаясь на мнѣнія знаменитыхъ мыслителей, авторъ разъясняетъ значеніе философскихъ студій для студентовъ богословія, филологіи, правовѣдѣнія и медицины.

Пособія для студіи, имѣющихъ предметомъ *основныя начала философіи*, представлены главнымъ образомъ въ §§ 1, 3 и 2, 2 *Лит.* Особенно важны и поучительны въ этомъ отношеніи *Основныя начала* Спенсера, *Курсъ философіи* Дюринга и *Система философіи* Вундта, изъ русскихъ сочиненій — *Положительныя задачи философіи* Л. Лопатина.

Студіи по *исторіи философіи.* О соч. Ибервега и словаряхъ Франка и Краута см. выше стр. 9, 10 и 65.

M. Brasch, *Die Klassiker der Philosophie* (безъ года, предисловіе съ 1884 г.). Три тома, отъ первыхъ греческихъ мыслителей до Шопенгауера. Очень полезнымъ пополненіемъ этого сочиненія служитъ Браша *Die Philosophie der Gegenwart. Ihre Richtungen u. ihre Hauptvertreter.* 1888. Сочиненіе это даетъ всестороннее понятіе о современномъ состояніи философіи, особенно въ Германіи.

Ed. Zeller, *Die Philosophie der Griechen.* Пять томовъ. 4-ое изд. 1876—1882. Сокращеніе этого обширнаго сочиненія издалъ Целлеръ въ своемъ *Grundriss der Geschichte der griechischen Philosophie.* 1883.

О соч. Діогена Лаэрція см. стр. 60.

F. W. A. Mullach, *Fragmenta philosophorum Graecorum.* 1 т. 1860 (до Сократа), II т. 1867 (Пивагорейцы, Софисты и др. до Платона), III т. 1881 (Платоники и Перипатетики).

Joh. Huber, *Die Philosophie der Kirchenväter* 1859. Alb. Stockl, *Geschichte der Philosophie des Mittelalters* Три тома. 1864—1866. Barth. Haureau, *Histoire de la philosophie scolastique.* I-ая часть, 1872. II-ая часть, въ двухъ томахъ, 1880.

Сочиненія *классиковъ* философіи приведены были отчасти при обозрѣніи опредѣленія философіи въ § 8, 2 *Лит.* Новѣйшія изданія приводятся въ соотвѣтственныхъ частяхъ исторіи философіи Ибервега. О знаменитѣйшихъ мыслителяхъ новѣйшаго времени см. выше стр. 130 и слѣд., 335 и слѣд., 358 и слѣд. Среди философскихъ сочиненій новѣйшихъ временъ слѣдуетъ непремѣнно читать слѣд.: *Логическія изслѣдованія* Трендленбурга, *Богъ и природа* Ульрици, *Микрокосмъ* Лотце, *Исторія матеріализма* Ланге, *Философія безсознательнаго* Гартманна, *Система философіи* Вундта, *Начала всеобщей критики* Ренувіэ, *Объ умѣ* Тэна, *Конечныя причины* Жанэ, *Исторія индуктивныхъ наукъ* Уэвэля, *Обзоръ философіи Гамильтона* Милля, *Основныя начала* Спенсера, *О чувствахъ и умѣ* Бэна, *Проблемы* Льюиса и др.

Сочиненія новѣйшихъ мыслителей, имѣющія предметомъ систематическое изложеніе *отдѣльныхъ философскихъ наукъ*, будутъ приведены при энциклопедическомъ обозрѣніи этихъ наукъ.

Самые важные современные *философскіе журналы* слѣдующіе:

Zeitschrift fur Philosophie u. philosophische Kritik. Журналъ, основанный въ 1847 и издаваемый долгое время младшимъ Fichte и Ulrici; выходитъ по настоящее время подъ ред проф. R. Falckenberg'a и заключаетъ въ себѣ

много самостоятельныхъ философскихъ изслѣдованій, по большей части въ духѣ спекулятивномъ.

Zeitschrift fur exacte Philosophie. Выходилъ съ 1861 по 1875. Возобновленный въ 1883 г. издается въ настоящее время O. Flügel'емъ. Органъ школы Гербарта.

Philosophische Monatshefte. Выходитъ съ 1868 г., теперь подъ ред. проф. Natorp'а. Кромѣ философскихъ разсужденій по разнымъ направленіямъ, журналъ заключаетъ въ себѣ много критическихъ рефератовъ и особенно важенъ точными библіографическими указаніями относительно философской литературы всѣхъ странъ Европы.

Vierteljahrschrift fur wissenschaftliche Philosophie. Основанный въ 1876 г. и издаваемый до сихъ поръ проф. R. Avenarius'омъ. Органъ представителей такъ называемой „научной" философіи, въ отличіе отъ спекулятивной. Объ этомъ направленіи журнала мы упомянаемъ выше, стр. 122 и слѣд.

Philosophische Studien, издаваемыя съ 1881 г. W. Wundt'омъ, заключаютъ въ себѣ только отдѣльныя изслѣдованія, главнымъ образомъ по экспериментальной психологіи.

Archiv fur Geschichte der Philosophie, издаваемый съ 1887 года проф. L. Stein'омъ и посвященный изслѣдованію исторіи философіи. Труды печатаются не только на нѣмецкомъ, но и на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ.

Новосхоластическое направленіе, въ духѣ Ѳомы Аквината, высказывается въ Германіи въ *Jahrbuch fur Philosophie und speculative Theologie*, издаваемомъ съ 1887 г. E. Commer'омъ.

La critique philosophique, издаваемый съ 1872 г. Ch. Renouvier. Органъ французскихъ новокантіанцевъ.

Revue philosophique, издаваемый съ 1876 г. T. Ribot, имѣетъ общеевропейскій характеръ и рядомъ съ самостоятельными изслѣдованіями даетъ рецензіи на новѣйшія произведенія философской литературы, особенно французской, англійской, нѣмецкой и итальянской.

Mind, a quaterly review of psychology and philosophy, издаваемый съ 1876 г. G. C. Robertson'омъ. Необходимое пособіе для ознакомленія съ современнымъ философскимъ движеніемъ въ Англіи.

Въ Америкѣ публикуются: *The journal of speculative philosophy*, издаваемый съ 1867 г. въ духѣ гегелевской философіи W. T. Harris'омъ, и *The American Journal of Psychology*, издаваемый съ 1887 г. G. St. Hall'емъ и содержащій въ себѣ особенно психо-физическія изслѣдованія.

Filosofia delle scuole italiane. Журналъ, издаваемый въ идеалистическомъ направленіи съ 1870 г. знаменитымъ итальянскимъ мыслителемъ Тер. Мамиани. Послѣ смерти его въ 1885 г. L. Ferri издаетъ этотъ журналъ подъ названіемъ *Rivista italiana di filosofia*, въ этомъ же направленіи.

Въ противоположномъ позитивистическомъ направленіи издается въ Италіи съ 1881 *Rivista di filosofia scientifica*, ред. E. Morselli.

Содержаніе всѣхъ этихъ философскихъ журналовъ приводится съ библіографическою точностью въ *Philosophische Monatshefte.*

Первый *русскій* философскій журналъ издаваемъ былъ въ 1886 г. въ Кіевѣ профессоромъ А. А. Козловымъ, подъ заглавіемъ *Философскій Трехмѣсячникъ*. Послѣ недолговременнаго существованія этого изданія, выходитъ въ настоящее время, съ конца 1889 г., на болѣе прочныхъ основаніяхъ, при участіи *Московскаго Психологическаго Общества*, подъ редакціею проф. Н. Я.

§ 22, 3. Грота новый журналъ: *Вопросы философіи и психологіи.* Задача этого журнала, по словамъ редактора, вызвать „коллективную работу достаточно дисциплинированныхъ умовъ“ съ цѣлью „пріобрѣсти новыя точки опоры для правильнаго ученія о мірѣ и жизни.“ Притомъ въ журналѣ имѣется въ виду критическое истолкованіе современнаго движенія философіи на западѣ, вслѣдствіе чего это изданіе сдѣлается несомнѣнно важнымъ пособіемъ къ ознакомленію читателя съ необходимыми данными для самостоятельныхъ философскихъ студій.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Предисловіе v

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ

въ энциклопедію философскихъ наукъ и направленій.

I. Опредѣленіе и значеніе энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

§ 1. **Предметъ энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій** 1

1. Названіе энциклопедіи 2
2. Общая энциклопедія человѣческаго знанія . 2
3. Энциклопедія философскихъ наукъ 5
4. Способы составленія энциклопедическихъ сочиненій 8

§ 2. **Энциклопедія философскихъ наукъ и направленій, какъ философія философіи** 10

1. Философія философіи 11
2. Введеніе въ философію, какъ основная наука философіи 12
3. Философская пропедевтика 16
4. Исторія философіи, какъ введеніе въ философію 18

§ 3. **Необходимость основной вступительной науки къ философіи** 20

Основная наука философіи въ сравненіи съ введеніями въ другія науки 21

II. Отношеніе энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій къ общей энциклопедіи человѣческаго знанія.

§ 4. Философія, какъ часть человѣческаго знанія вообще . 24
1. Основныя начала знанія 24
2. Единство знанія, науки и раздѣленіе умственнаго труда 26
§ 5. Раздѣленіе наукъ на философскія и спеціальныя . . 27
1. Субъективное основаніе раздѣленія наукъ на философскія и спеціальныя 28
2. Объясненіе терминовъ: начало, явленіе причинность, общее, частное, законъ 29
§ 6. Необходимость взаимнаго пополненія философскихъ и спеціальныхъ наукъ 35
1. Классификація наукъ 36
2. Споръ о первенствѣ наукъ 48

III. Раздѣленіе энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

§ 7. Основныя задачи энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій 49
1. Предметъ введенія въ философію, какъ первой части энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій 50
2. Предметъ и задачи энциклопедіи философскихъ наукъ 51
3. Предметъ и задачи энциклопедіи философскихъ направленій 52

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ

какъ первая часть

Энциклопедіи философскихъ наукъ и направленій.

Разборъ основныхъ началъ философіи вообще.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ ЧЕРТЫ ФИЛОСОФІИ.

I. Опредѣленіе философіи.

§ 8. Названіе и предметъ философіи 57
1. Словесное опредѣленіе философіи 58
2. Обзоръ предметныхъ опредѣленій философіи 61

2. Характеристическія черты философіи.

§ 9. Критическая самостоятельность мышленія и стремленія къ общему міровоззрѣнію 72
1. Критицизмъ философіи 73
2. Философское міровоззрѣніе 77

3. Сравненіе характеристическихъ чертъ философіи со спеціальными науками.

§ 10. Догматизмъ нефилософскихъ наукъ и спеціализація знанія 81
1. Догматизмъ спеціальныхъ наукъ 82
2. Взгляды Канта на догматизмъ спеціальныхъ наукъ 87

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТНОШЕНІЕ ФИЛОСОФІИ КЪ ДРУГИМЪ ЯВЛЕНІЯМЪ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

1. Общій взглядъ на явленія умственной жизни

§ 11. Характеристика типическихъ явленій умственной жизни 89
1. Психологическое основаніе классификаціи явленій умственной жизни 93
2. Единство умственной жизни 94
3. Подробная классификація явленій умственной жизни 97

2. Философія и наука.

§ 12. Философія, какъ наука, въ связи съ другими науками 106
1. Критика взгляда Конта на философію . . . 108
2. Научность философіи 116
3. Значеніе философіи для спеціальныхъ наукъ . 124
§ 13. Философія и естественныя науки 128
1. Положительность математическихъ и естественныхъ наукъ 131
2. Значеніе законовъ естествознанія и историческій взглядъ на отношеніе философіи къ опытнымъ наукамъ 148

3. Философія и творчество.

§ 14. Общая характеристика творчества 151
1. Ученіе объ идеяхъ, какъ основаніе ученія объ идеалахъ 153
2. Идеалъ и утопія. Творчество и художество . 164
3. Основные идеалы человѣческаго ума. Ихъ объективныя и субъективныя начала . . . 178
§ 15. Отношеніе наукъ вообще и философіи въ особенности къ творчеству 185
1. Критика взглядовъ Ф. А. Ланге на метафизическое творчество 192
2. Современные представители ученія о метафизическомъ творчествѣ 199

3. Положительное разрѣшеніе вопроса объ отношеніи творчества вообще и въ особенности идеаловъ человѣческаго ума къ философіи . 206

4. Философія и жизнь.

§ 16. Общій взглядъ на житейскія стремленія и ихъ отношеніе къ философіи 219
1. Философія и матеріяльное благосостояніе . . 222
2. Философія и общественная жизнь 228
3. Философія и религія 239
§ 17. Философія и житейская мудрость 253
1. Ученія древнѣйшихъ, восточныхъ и греческихъ, представителей житейской мудрости, какъ исходная точка настоящей философіи . 257
2. Теоретическій характеръ ученій о практическихъ началахъ философіи 270
3. Доктринерство и житейскія задачи философіи. Сократъ, какъ идеалъ философа въ жизни 273

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МЕТОДЪ И ПОСОБІЯ ФИЛОСОФІИ

I. О философскомъ методѣ вообще.

§ 18. Необходимость вопроса о методѣ философіи и его значеніе 290
1. Значеніе вопроса о методѣ въ философіи . . 291
2. Отношеніе вопроса о методѣ философіи къ логикѣ 295
§ 19. Составные моменты метода философіи: анализъ и синтезъ 296
1. Анализъ и синтезъ, какъ методологическіе пріемы науки вообще 297
2. Вопросъ объ особомъ философскомъ методѣ. Критика ученія Гегеля о діалектическомъ методѣ философіи 302
3. Разборъ взгляда Конта на особый метафизическій методъ 309

2. Анализъ, какъ методологическій пріемъ философіи.

§ 20. Предметъ и главные моменты философскаго анализа 314
1. Критическій анализъ ума 318
2. Критическій анализъ предположеній и результатовъ спеціальныхъ наукъ 321
3. Критическій анализъ данныхъ исторіи философіи 325

3. Синтезъ, какъ методологическій пріемъ философіи.

§ 21. Задачи и главные моменты философскаго синтеза . 330
1. Синтетическое дополненіе и видоизмѣненіе естественнаго міровоззрѣнія здраваго смысла 335
2. Синтезъ критически оправданныхъ законовъ спеціальныхъ наукъ 340
3. Историческій синтезъ философскаго міровоззрѣнія 349

4. Пособія философіи.

§ 22. Опредѣленіе и характеристика пособій философіи . 359
1. Общее образованіе, какъ пособіе философіи . 367
2. Спеціальное научное образованіе, какъ пособіе философіи 381
3. Философское образованіе 391

